

БЕЛОРУССКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ НАУКИ

**82-я НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
СТУДЕНТОВ И АСПИРАНТОВ
БЕЛОРУССКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

Материалы конференции

Минск, 12–24 мая 2025 г.

Часть 2

Научное электронное издание

Минск, БГУ, 2025

ISBN 978-985-881-906-4 (ч. 2)
ISBN 978-985-881-814-2

© БГУ, 2025

УДК 082(06)
ББК 9я431

Редакционная коллегия:

доктор химических наук, профессор *А. В. Блохин* (гл. ред.);
кандидат физико-математических наук *О. Н. Янковский* (зам. гл. ред.);
кандидат биологических наук, доцент *Д. Г. Жоров* (зам. гл. ред.);
кандидат исторических наук, доцент *А. А. Кухаренко* (отв. секретарь)

Рецензенты:

кандидат исторических наук, доцент *И. М. Авласенко*;
кандидат философских наук, доцент *Л. В. Филинская*

82-я научная конференция студентов и аспирантов Белорусского государственного университета : материалы конф., Минск, 12–24 мая 2025 г. В 3 ч. Ч. 2 / Белорус. гос. ун-т ; редкол.: А. В. Блохин (гл. ред.) [и др.]. – Минск : БГУ, 2025. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM). – Текст : электронный. – ISBN 978-985-881-906-4.

Представлены доклады студентов и аспирантов факультетов журналистики, социокультурных коммуникаций, философии и социальных наук, международных отношений, юридического факультета, кафедры педагогики и проблем развития образования.

Минимальные системные требования:

PC, Pentium 4 или выше; RAM 1 Гб; Windows XP/7/10;
Adobe Acrobat.

Оригинал макет подготовлен в программе Microsoft Word

В авторской редакции

Ответственный за выпуск *Г. В. Козловская*

Подписано к использованию 24.12.2025. Объем 10,8 МБ

Белорусский государственный университет.
Управление редакционно-издательской работы.
Пр. Независимости, 4, 220030, Минск.
Телефон: (017) 259-72-40
e-mail: urir@bsu.by
<http://elib.bsu.by>

СОДЕРЖАНИЕ

ФАКУЛЬТЕТ ЖУРНАЛИСТИКИ

<i>Ксёнда А. А.</i> Языковые и стилистические особенности телерепортажа	11
<i>Парфенович К. Н.</i> Саморегулирование прессы в современной международной журналистике	15
<i>Протасеня И. А.</i> Язык и стиль блогов: сравнительный аспект	18
<i>Скворцова Д. Д.</i> Роль международных СМИ в освещении глобальных экологических проблем	21
<i>Скрипко В. В.</i> Рекламная интернет-коммуникация: особенности и тренды.....	24
<i>Сыроковаш А. В.</i> Популяризация путешествий и межкультурной коммуникации на советском телевидении	29
<i>Чжан Нянь</i> К вопросу о сложностях перевода медиатекста с русского языка на китайский	32

КАФЕДРА ПЕДАГОГИКИ И ПРОБЛЕМ РАЗВИТИЯ ОБРАЗОВАНИЯ

<i>Богомазов А. П.</i> Особенности системы профориентации в странах- поставщиках иностранных студентов в Белорусский государственный университет	36
<i>Борщевская С. В.</i> Геймификация в образовательном процессе на примере обучения английскому языку в начальной школе	41
<i>Буракевич Е. А.</i> Тематика и способы реализации проектной технологии в обучении китайскому языку	45
<i>Ван Цзин</i> Игровые методы как средство активизации учебно-познавательной деятельности старшеклассников в Беларуси и Китае.....	49
<i>Ван Шуан</i> Персонализация изучения китайского языка как иностранного на основе больших данных	53
<i>Гавриленко С. С.</i> Типы семейного воспитания: опыт рефлексии студентов ФСК БГУ	57
<i>Гао Хансин</i> Традиционные и современные ценности в китайской семье: мнения молодых китайцев	61
<i>Гордейчук М. И.</i> Развитие универсальных компетенций учащихся средних специальных учреждений образования.....	65
<i>Гринкевич В. В.</i> Профессиональное выгорание педагогов: профилактика и преодоление	69
<i>Давыдик А. С.</i> Организационно-педагогические предпосылки формирования речевых компетенций будущих работников радио и телевидения	73
<i>Дорох Т. В.</i> Диагностика уровней владения педагогами методическим инструментарием по формированию функциональной грамотности в урочной и внеурочной деятельности по учебным предметам «русский язык» и «русская литература»	77
<i>Елисеева О. А.</i> Специфика применения проектной технологии в преподавании английского языка студентам ИТ специальностей	81

<i>Ерошевич П. А.</i> Учебная мотивация в 10–11 классе средней школы, опыт рефлексии студентов ФСК БГУ	85
<i>Журко Е. А.</i> Система работы на занятиях по РКИ с использованием кейс-метода при освоении профессиональной лексики	89
<i>Климович И. Д.</i> формирование метапредметных компетенций учащихся на факультативных занятиях по биологии	93
<i>Ли Икэ</i> Домашняя работа как форма организации учебной деятельности старшеклассников Беларуси и Китая	97
<i>Лю Синью</i> Тематическое оснащение технологии обучения в сотрудничестве для преподавания русского языка как иностранного в вузе	101
<i>Ляо Сююань</i> Критерии сравнительной характеристики инклюзивного образования в Республике Беларусь и Китайской Народной Республике	105
<i>Лятчэня В. М.</i> Праблема матывацыі школьнікаў да вывучэння беларускай мовы і шляхі яе вырашэння	109
<i>Недзьведзь М. А.</i> Соцсети как фактор адаптации студентов к университетской жизни	113
<i>Редько М. П.</i> Преемственность коммуникативных учебных дисциплин на первой и второй ступени высшего образования	117
<i>Рыженков П. И.</i> Преимущества и недостатки онлайн-образования	121
<i>Силюянов Е. А.</i> История сотрудничества ГУО «Средняя школа № 5 г. Жодино» и школы Жана Мулена (Венисьё, Франция)	125
<i>Соколова Е. В.</i> Формирование культуры физической активности у взрослых в условиях дополнительного образования	127
<i>Терентьев Е. В.</i> Моделирование процесса подготовки педагогов к работе в системе инклюзивного образования	131
<i>Толстик Е. Е.</i> Организационно-педагогический потенциал образовательной среды университета	135
<i>У Пэйцзэ</i> Ценностно-целевые основы развития высшего педагогического образования в Китае	140
<i>Хао Сяоминь</i> Сравнительный анализ организации контрольно- оценочной деятельности в учреждениях высшего образования Китая и Беларуси	144
<i>Хилимончик Д. В.</i> Влияние эмоционального интеллекта на учебную успеваемость, на примере студентов 2 курса фсск специальности «Современные иностранные языки»	148
<i>Чжан Хаошэнь</i> Организационно-педагогические условия обучения китайскому языку как иностранному	152
<i>Чжан Чжиюань</i> Сравнительный анализ подготовки воспитателей детского сада в Китае и Республике Беларусь	156

ФАКУЛЬТЕТ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

<i>Акулич А. Д.</i> Вступление Вьетнама в Организацию Объединенных Наций	159
<i>Бекчанова М. Р.</i> Влияние Турции на страны Ближнего Востока	162

<i>Белаец П. Н.</i> Внедрение технологий искусственного интеллекта в современные виды вооружения: тенденции правового регулирования в международном гуманитарном праве	165
<i>Бирюков А. А.</i> Развитие цифровой торговли в контексте ЕАЭС: состояние и перспективы	170
<i>Борушко В. Н.</i> Организация государственного управления безопасностью туризма в Республике Беларусь	175
<i>Борушко В. Н., Тимошина С. В.</i> Кейс купальской программы в Беларуси: проблемы и перспективы устойчивого развития туристских дестинаций	179
<i>Василенко Ю. А.</i> Сравнительное исследование сотериологических концепций буддийской школы Цзинту и христианства	183
<i>Гущин А. Г.</i> Прямые иностранные инвестиции как ключевой фактор устойчивого развития мировой экономики.....	187
<i>Ерёма А. В.</i> Сравнение процессов циркулярности в экономике Италии и Республики Беларусь	191
<i>Казун А. В.</i> Сотрудничество государств-членов АСЕАН и Китая в рамках инициативы «Один пояс – один путь»	196
<i>Козырь В. В.</i> Роль партизан и подпольщиков в освобождении Минска 3 июля 1944 года.....	199
<i>Лаппо Е. К.</i> «Радио тысячи холмов» как фактор геноцида в Руанде	203
<i>Маглыш А. А.</i> Проблемы реализации превентивной дипломатии ООН в XXI в. и возможные пути их решения.....	207
<i>Миронченко В. А.</i> Стратегическое сотрудничество Республики Беларусь и Российской Федерации в рамках концепции Союзного государства	211
<i>Митина В. Д., Панасюк П. А.</i> Роль программ Организации Объединенных Наций в развитии женского предпринимательства в Центральной Азии: анализ инициатив и вызовов.....	215
<i>Морозова К. В.</i> Перспективы внедрения и развития технологий искусственного интеллекта в логистической отрасли.....	219
<i>Поляков Р. В.</i> Политическое измерение двусторонних отношений Беларуси и Бразилии (1992–2023 гг.).....	223
<i>Ракицкий К. Е.</i> Бюджетный дефицит как фактор увеличения внешнего государственного долга	228
<i>Русый К. В.</i> Формирование и деятельность радикальных исламистских организаций в Египте в XX в.	232
<i>Сёма А. С.</i> Правоохранительная деятельность таможенных органов ЕАЭС: вызовы и перспективы в условиях глобализации	236
<i>Скоморох Д. Д.</i> Торговые обычаи и таможенные практики в период феодальной раздробленности.....	240
<i>Таран И. Д.</i> Историческая правда и художественный вымысел в поэме Бо Цзюйи «Песня о вечной печали».....	243
<i>Шепелевич Е. А.</i> Вызовы и достижения Евразийской экономической интеграции в контексте декларации «Евразийский экономический путь».....	247
<i>Шмакова К. А.</i> Особенности заключения брака в Объединённых Арабских Эмиратах и Республике Беларусь: теория и практика.....	250

<i>Ярошевич Е. В.</i> Способы защиты прав и интересов белорусских юридических лиц за границей.....	255
<i>Abramovich M. A., F. D. Mikhailenko</i> Social media as the new customer service reality: generations, strategies, and risks.....	259
<i>Abramovich S. L.</i> la contribución de los países latinoamericanos a las misiones de paz de naciones unidas en el siglo XXI	264
<i>Álpina X. A.</i> El papel de Cuba en el proceso de arreglo de la crisis del Caribe de 1962 ...	269
<i>Bebenina K. A.</i> Cybercrime: concealed side of the INTERNET.....	273
<i>Belkovich V. A.</i> Knights of the 21st century: Why Britain still needs chivalry?.....	278
<i>Wasiukiewicz W. M.</i> Wasiukiewicz esperanto i gród nad Niemnem.....	282
<i>Gushchin A. G.</i> Global decarbonization: the contribution of multinational enterprises and investors to clean energy	286
<i>Daniltschik K.A.</i> Die Rolle der Charterflüge für die Entwicklung des Tourismus in der Republik Belarus	290
<i>Dmitrieva D. V.</i> Challenges of cultural integration in mergers and acquisitions	294
Ren Xinyi International cooperation, global projects, peacekeeping in focus on the 80-th anniversary	299
<i>Ilyutsik K. I.</i> The Eurasian Economic Union in the information age	304
<i>Inbulayeva A. A.</i> The downside of modelling industry	307
<i>Korolenko R. A.</i> Automated translation of legal texts: prospects and limitations.....	311
<i>Kozyr A. R.</i> From pilot to globalization: the development path and future challenges of e-cny.....	317
<i>Kutsenko A. O.</i> Les poursuites contre Marine Le Pen: leur impact sur le paysage politique français	321
<i>Lushchik K. V.</i> Leadership in economic policy: the impact of tariff strategy and privatization on wealth concentration in the USA	325
<i>Malinovskaya V. V.</i> BRICS partner country status for Belarus: prospects and challenges	330
<i>Ostrovskaya A. A.</i> Individuals' data erasure rights: a comparative analysis of legislation in Belarus and the EU	335
<i>Ostrovskaya A. A.</i> L'Onu: une institution encore pertinente dans un monde décentralisé?..	339
<i>Petrenko A. D., Lanevsky I. D.</i> Inequality at work: glass ceiling and stereotypes	345
<i>Petrowich S.</i> Zwischen hinterland und untergrund – die geschichte meiner Familie	349
<i>Poliakov R. V.</i> Impacto das sanções nas relações comerciais entre o Brasil e a Belarus (2020–2023)	353
<i>Rusetskaya M. Y.</i> The impact of filter bubbles on cross-cultural communication	358
<i>Stolyarova V. M.</i> Cultural intelligence as a prerequisite for efficient advertising	362
<i>Taynik O.</i> Lucha contra la violencia de género a nivel nacional e internacional	367
<i>Tarkaila I. A.</i> Il ruolo dell'Italia nella realizzazione della politica culturale dell'Onu: il contributo alla tutela e popolarizzazione del patrimonio mondiale dell'Unesco	372
<i>Chechura I Y.</i> O Brasil e as nações unidas: uma parceria diplomática de oito décadas	376
<i>Schutsko D. P.</i> Der ökologische Fussabdruck der mode: Deutschland und Belarus im vergleich	380

ФАКУЛЬТЕТ ФИЛОСОФИИ И СОЦИАЛЬНЫХ НАУК

<i>Аверкова А. А., Голомако Д. И.</i> История консьюмеризма: от античности до посткапитализма.....	384
<i>Богданова А. А.</i> Влияние трудовой занятости на профессиональную идентичность и карьерные установки студентов ФФСН БГУ	389
<i>Вербицкая О. Н.</i> Четвертая волна зарубежных исследований психологической резилиентности.....	394
<i>Внушко А. Е.</i> Содержательная составляющая трудностей межличностного общения и переживания одиночества подростков.....	399
<i>Волков Н. П.</i> Когнитивная терапия на основе осознанности в работе с хронической болью взрослых	403
<i>Ворожбицкая Е. В.</i> Коммуникативные аспекты формирования виртуальной идентичности личности в интернет-пространстве.....	408
<i>Гайдукевич Е. О.</i> Невизуальные эффекты света: влияние на психическое здоровье и циркадные ритмы	412
<i>Герасимова К. В.</i> Взаимосвязь эмоциональной дисрегуляции и эмоционального выгорания у медицинских работников	417
<i>Зановская П. А.</i> Ценностные ориентации как предикторы агрессивного поведения у подростков.....	422
<i>Карпыза А. А.</i> Специфические черты и тенденции восприятия юмора в цифровом пространстве	427
<i>Кобяк Е. А., Степаненко Д. В.</i> Историко-культурное наследие в городской повседневности: концепция Э. Гуссерля и кейс г. Браслава.....	432
<i>Концевой Д. М.</i> Бренд как симулякр	437
<i>Лукомская Д. В.</i> Особенности эмоционального интеллекта и копинг-стратегий у мужчин и женщин в период перехода к ранней взрослости	441
<i>Лунская М. О.</i> Истоки кризиса проекта просвещения в философии П. Слотердайка	446
<i>Мысов Е. А.</i> Логико-семантические аспекты решения проблемы «Свой – Чужой» в теории культурного трансфера	450
<i>Печко А. С.</i> Социальные практики активного долголетия: университеты третьего возраста	455
<i>Падвіцкая К. Л.</i> Феномен театральнага мастацтва ў кантэксце старажытнагрэцкай філасофіі	460
<i>Полякова М. А.</i> Отношение к домашним животным у младших и старших подростков с нарушениями привязанности к родителям.....	465
<i>Потапенко А. А.</i> Искусственный интеллект и высшее образование: опыт применения и риски	470
<i>Старенкова Е. Ю.</i> Сравнительный анализ компонентов сигнальных систем, типов мышления и профессионального типа личности у студентов гуманитарного профиля.....	477
<i>Тимошко В. Ю.</i> Онтология виртуальной реальности в теории Ж. Бодрийяра	481
<i>Фадеев А. Н.</i> Защитные механизмы личности и показатели социально-психологической адаптации людей пожилого возраста.....	486

<i>Цыдик К. Г.</i> Профиль профессиональной востребованности педагогов с различной степенью эмоционального выгорания	490
<i>Чэнь Сыци</i> Повышение трудоустраиваемости студентов на основе планирования профессиональной карьеры	495
<i>Шарипова Д. Р.</i> Религиозность личности как копинговый механизм преодоления последствий психологической травмы	500
<i>Xu Jingyi; Minawa Saidongla</i> The dilemma of traditional cultural inheritance in the context of globalization	503

ФАКУЛЬТЕТ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ КОММУНИКАЦИЙ

<i>Ye Yumeng</i> The instrumental value of ai creation in cultural industry	508
<i>Архангельская В. С.</i> Архитектурное наследие Беларуси: историко- культурный контекст и проблемы сохранения	513
<i>Березовская В. В.</i> Значение маркетинга в индустрии моды	517
<i>Бобкова А. А.</i> Аромат как культурный феномен	520
<i>Бортник А. С.</i> Переосмысление человеческой идентичности в творчестве белорусского постмодерниста Руслана Вашкевича	524
<i>Borschevskaya S. V. B.</i> Etymological analysis of toponymy of the US states	528
<i>Варакса А. Ю.</i> Визуальные элементы в рекламе косметической продукции	532
<i>Варакса А. Ю.</i> Знаковые системы в рекламе косметической продукции	537
<i>Венцурь К. В.</i> Готические черты в романе Лоры Перселл «Безмолвные компаньоны»	542
<i>Веретенникова У. А.</i> Структура утопии. «Котлован» Андрея Платонова сквозь философию Владимира Паперного	547
<i>Гурарь Е. Д.</i> Теория конструктивизма в практике Вхутемаса	552
<i>Давыдулина В. Р.</i> Грамматическая категория Absentiv в немецком языке	557
<i>Данильчик У. А.</i> Обучение иностранным языкам через изобразительное искусство детям	562
<i>Журавлёва Е. Г.</i> Разрушение стереотипов, связанных с немецкой культурой: анализ мифов и реальности	567
<i>Загорская М. В.</i> Пространство одиночества Франсиско Гойи	571
<i>Казак А. С.</i> Генеративный искусственный интеллект: культурфилософский подход изучения	575
<i>Камко Т. С.</i> Лингвопрагматические особенности перевода религиозно-философской литературы (на материале произведения К. С. Льюиса «Просто христианство»)	579
<i>Кириончик А. В.</i> Особенности перевода поэзии с русского языка на английский (на материале поэмы С. Есенина «Черный человек»)	584
<i>Кривошеева Д. А.</i> Транслатологические особенности деловой корреспонденции на английском языке	590
<i>Крот М. А.</i> Особенности перевода профессиональной лексики сферы фотоискусства с английского на русский язык	595
<i>Лебедева Н. В., Крот М. А.</i> Особенности перевода деонимических глаголов с немецкого и английского языков на русский	599

<i>Макаренко В. С.</i> Инклюзивный подход организации городского пространства для детей.....	604
<i>Немкевич Д. С.</i> Научные и бытовые названия цветов в русском и английском языках	608
<i>Новикова Д. А.</i> Автоматическая генерация вопросов по учебным материалам с применением нейронных сетей.....	613
<i>Распопова К. А.</i> Быстрая мода как экологическая проблема	618
<i>Саврицкая Е. Ю.</i> Особенности использования экспрессивной конкретизации при переводе художественного текста (на материале перевода с английского языка на русский романа К. Маккалоу «Поющие в терновнике»).....	622
<i>Тереня А. Е.</i> Семиотический анализ итальянского дизайна: диалог ремесла и промышленного производства.....	627
<i>Федорович Я. А.</i> «Литература Памяти» и проблема теодицеи в творчестве Примо Леви.....	632
<i>Цыбулько А. П.</i> Ремедиация и адаптивность в визуальной идентичности на примере цифровой трансформации олимпийского брендинга.....	637

ЮРИДИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

<i>Адамич У. И.</i> Социальная ответственность субъектов гражданского общества	643
<i>Александрова А. И.</i> Упрощенное производство в цивилистическом процессе Республики Беларусь.....	647
<i>Алексиевич Е. С.</i> Договор строительного подряда: проформы FIDIC	651
<i>Балакирева Т. М.</i> Местное самоуправление в Туркменистане: конституционно-правовой аспект	655
<i>Белкова Д. Г.</i> Право и справедливость: биоэтический аспект	659
<i>Бобров Т. Н.</i> Правовые аспекты кибербезопасности в сфере криптовалют	663
<i>Бондарев А. О.</i> «Новые правые» в США и их концепции реформирования государственного и общественного строя	667
<i>Годун А. В.</i> Проблемы и перспективы развития цифрового белорусского рубля.....	671
<i>Гончарова С. В.</i> Медиафера как пространство для развития правовой культуры современного общества	675
<i>Грабинский В. Ю.</i> Новые формы арбитражного соглашения: проблемы и перспективы	679
<i>Давидович И. В.</i> «Мягкая сила» Турецкой республики	683
<i>Жогло К. В.</i> Запрещенные системы искусственного интеллекта: уголовно-правовой вызов	687
<i>Казак Н. А.</i> Объект и предмет киберпреступлений против собственности	691
<i>Канюков Д. Ю.</i> Актуальные проблемы расторжения трудового договора по инициативе нанимателя	695
<i>Клезович А. Ю.</i> Проблемные аспекты направления и рассмотрения электронных обращений в Республике Беларусь	699
<i>Кохович А. А.</i> Правовая природа чаевых: теоретические и практические проблемы.....	702

<i>Кравцова Е. С.</i> Финансовые мошенничества в цифровую эру: как искусственный интеллект выявляет схемы отмывания.....	705
<i>Куришук Д. А.</i> Антропоцентрический подход при определении авторства на объекты, созданные при помощи искусственного интеллекта.....	709
<i>Mordan K. D., Novik A. A.</i> Besonderheiten des richterberufs in der Republik Belarus und der Bundesrepublik Deutschland.....	713
<i>Наважэн К. Д.</i> Суб’ект злачынства па статутах Вялікага Княства Літоўскага	717
<i>Павлючук С. М.</i> Субъекты, обеспечивающие информационную безопасность в евразийском экономическом союзе	721
<i>Пириштук А. И.</i> Пересмотр судебных постановлений по статутам Великого Княжества Литовского.....	725
<i>Сергеенко А. И.</i> Сравнительный анализ правового статуса государственного гражданского служащего и помощника депутата палаты представителей национального собрания Республики Беларусь	729
<i>Терехова А. А.</i> Современные проблемы правового положения женщин в Исламском Эмирате Афганистан.....	733
<i>Циуньчык А. И.</i> Стимулирование использования электротранспорта в контексте «Зеленой» экономики: правовой аспект	737
<i>Цыганкова М. Д., Шецкая М. Д.</i> Шведская правовая система в контексте формирования шведской социальной модели: истоки, сущность и характерные черты.....	741
<i>Шамбер П. В.</i> Правовое регулирование копилефтных лицензий в Республике Беларусь: проблемы и перспективы	745
<i>Эйсмонт Е. А.</i> Влияние психических расстройств преступников-педофилов на вменяемость лица	749

ФАКУЛЬТЕТ ЖУРНАЛИСТИКИ

ЯЗЫКОВЫЕ И СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ТЕЛЕРЕПОРТАЖА

А. А. Ксёнда

*Белорусский государственный университет, ул. Кальварийская 9,
220004, г. Минск, Беларусь, anastasia.vril29@gmail.com*

Научный руководитель – Ю. В. Малицкий, кандидат филологических наук, доцент

Рассматриваются языковые и стилистические особенности телерепортажа как одного из ведущих жанров современной телевизионной журналистики. Анализируются текстовые приемы установления коммуникативного контакта журналиста со зрителем с целью обеспечения более глубокого и заинтересованного восприятия информации. Предметом изучения послужили материалы белорусского журналиста-репортера А. Бенедисюк (телеканал «Беларусь 1»).

Ключевые слова: репортаж; языковые особенности; стилистические особенности; аудитория.

Современные условия развития тележурналистики требуют новых способов привлечения и удержания внимания аудитории. Сегодняшнего зрителя привлекают актуальные сообщения, которые легко воспринимаются и соответствуют информационным запросам общества. В соответствии с такими вводными характеристиками формируются и журналистские тексты. Наиболее ярко прагматическая специфика авторского текста, сопровождающего телевизионную «картинку», проявляется в стилистико-языковом аспекте.

Использование в текстах телесюжетов тех или иных языковых форм и конструкций, как правило, продиктовано необходимостью структурирования информации. Выделить ключевые моменты сообщения и сделать материал более логичным и последовательным помогают текстовые компоненты лексико-грамматического плана.

Стилистические речевые приемы дают журналисту возможность сформировать ценностно-эмоциональное отношение зрителей к описываемым событиям.

Журналистика как вид деятельности обеспечивает информационное взаимодействие в обществе, предлагает анализ событий и их осмысление в контексте других событий. Это позволяет телезрителю адекватно реагировать на происходящие изменения и соответствующим образом выстраивать свою персональную и социальную активность. Именно поэто-

му главной задачей журналиста является максимально точно и доходчиво донести смысл и прагматическое содержание материала до адресата.

Эффективным комплексным средством реализации авторской идеи является организация информационного сообщения в соответствии с канонами определенного жанра. Согласно толковому словарю Д. В. Дмитриева, жанр – «это исторически сложившиеся типы произведения в различных сферах творчества» [3]. А. А. Тertyчный под понятием «жанр» понимает «устойчивые типы публикаций, объединенных сходными содержательно-формальными признаками» [1]. Г. В. Лазутина определяет жанр как «вид творчества, отмеченный устойчивыми особенностями не только на уровне продукта (текста), но и на уровне способа деятельности» [2]. Жанровые различия обуславливают разнообразие способов создания, подачи и распространения журналистских материалов. В основе жанрового деления лежит способ отражения реальной действительности, функциональные особенности передач, тематическая специфика, степень интерактивности, временной аспект и технические условия создания.

Один из наиболее распространенных жанров современной тележурналистики – репортаж. Его функция заключается в оперативном повествовании о каком-либо событии, процессе или явлении. На первом плане в репортаже – авторское восприятие факта. Базовой особенностью репортажа как жанра является максимальная приближенность к жизни. Тем не менее он требует основательной сценарной подготовки.

Языковая организация текста имеет принципиальное значение для понимания и адекватного восприятия информации. Для журналистского творчества это крайне важно, так как продукт массмедиа рассчитан на все слои общества. Языковые особенности текста телевизионного репортажа охватывают широкий круг явлений – от интонации и произношения звуков до выбора форм слов и их согласования, способов построения предложений. Стилистические особенности включают принципы подбора слов в соответствии с прагматическими задачами автора, задействование различных по цели высказывания синтаксических конструкций, придание речи необходимых эмоционально-смысловых оттенков (ирония, юмор и т.д.), использование различных литературно-художественных средств (например, метод синтаксического параллелизма помогает выделить главную идею, придать тексту ритм и усилить его выразительный потенциал). При помощи стилистических приемов создается неповторимый почерк автора, точно передаются эмоции, что дает возможность углубить и индивидуализировать смысл текста.

Эмпирической базой данного материала послужили журналистские материалы репортера Белтелерадиокомпании, автора рубрики «План Б»

на телеканале «Беларусь 1» Анастасии Бенедисюк. Репортажи А. Бенедисюк отличаются эмоциональностью, богаты эпитетами и сравнениями, примерами языковой игры. Черты индивидуального авторского стиля проявляются в построении предложений, в отсутствии длинных фраз. В репортажах журналистка часто использует различные виды непосредственного обращения к зрителю, что способствует более глубокому погружению в происходящие события.

Речи А. Бенедисюк свойственны приемы олицетворения, метонимии, метафоры, что делает звучащий текст более ярким, образным и богатым ассоциативными отсылками (*«Что до Александрии летом, она имнно такая цветущая, уютная, здесь возделываются поля, здесь аисты гнездятся»* («Новости», 06.07.2024); *«На кухне, как и в большой политике, вкус зависит от шефа»* («Главный эфир», 15.09.2024)). В текстах репортажей нередко можно встретить примеры интертекстуальности – расхожие пословицы, поговорки, крылатые выражения, фрагменты текстов песен. Эти и другие средства образности создают эмоциональную окраску, наполняют тексты чувствами, вызывают у зрителя больший интерес, живой отклик на информационное сообщение и, соответственно, сопереживание. Большой выразительной силой обладает такой литературно-художественный прием, как оксюморон. Предполагая совмещение несовместимых, часто антонимичных понятий, он эффективно воздействует на воображение зрителей; он также расширяет содержательную сторону высказывания. Например, *«Белорусские азербайджанцы встречают пловом»* («Главный эфир», 15.09.2024). В этом высказывании А. Бенедисюк совмещает два противоречащих друг другу понятия, так как человек по национальности может быть либо белорусом, либо азербайджанцем. Однако прилагательное «белорусские» и существительное «азербайджанцы» помогают выразить толерантное отношение к представителям всех народов, живущим в нашей стране.

По нашим наблюдениям, наиболее распространенным грамматическим средством создания образа события в телерепортажах А. Бенедисюк являются глагольные формы, и в первую очередь, форма активного залога. Такое языковое воплощение способа взаимодействия субъекта повествования с объектами окружающей действительности делает репортаж более динамичным и живым, вовлекая зрителя в происходящие события: *«Валерий не без причины говорит про небо. Мальчишкой мечтал летать»*; *«Александрия собирает друзей!»* («Главный эфир», 15.09.2024) и т.д. Еще одним эффективным средством установления контакта с аудиторией являются конструкции с местоимениями и глаголами первого лица множественного числа. Например, в высказывании *«Пересечение Теслы и проспекта Мира. Отсюда мы начинаем движение»* ме-

стоимение «мы» способствует созданию коммуникативной связи со зрителем с целью формирования более вдумчивого и заинтересованного отношения к материалу репортажа.

На синтаксическом уровне востребованными языковыми образными средствами в телерепортажах А. Бенедисюк являются метод параллелизма, использование рядов однородных членов предложения.

Библиографические ссылки

1. Жанры периодической печати // URL: <https://evartist.narod.ru/text2/03.htm> (дата обновления: 18.04.2025).

2. Лазутина Г. В., Распопова С. С. Жанры журналистского творчества: учеб. пособие для студентов вузов. М.: Аспект Пресс, 2011. 320 с.

3. Толковый словарь русского языка Дмитриева // URL: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/dictionary-dmitriev/index.htm> (дата обновления: 17.04.2025).

САМОРЕГУЛИРОВАНИЕ ПРЕССЫ В СОВРЕМЕННОЙ МЕЖДУНАРОДНОЙ ЖУРНАЛИСТИКЕ

К. Н. Парфенович

*Белорусский государственный университет, ул. Кальварийская, 9,
220004, г. Минск, Беларусь, ruskolyada72@mail.ru
Научный руководитель – Т. Н. Дасаева, доктор филологических наук, профессор*

В условиях непрерывного потока информации, когда каждый может стать носителем новостей, необходимость в этических нормативах и стандартах возрастает. Саморегулирование не только защищает интересы журналистов и медиа, но и гарантирует права потребителей информации, укрепляя основы демократии и свободы слова.

Ключевые слова: саморегулирование; журналистская этика; этические кодексы; профессиональные ассоциации; дезинформация; международная журналистика.

Определения термина «саморегулирование прессы» от белорусских и зарубежных исследователей могут варьироваться, однако их суть сосредоточена на механизмах, с помощью которых пресса регулирует свою деятельность без прямого вмешательства государственных структур. Например, Билл Ковач и Том Розенстил определяют саморегулирование как процесс, при котором журналисты и редакции принимают моральные и этические стандарты, которые направлены на защиту общественных интересов и поддержание доверия к СМИ, и подчеркивают, что саморегулирование помогает решить внутренние конфликты в журналистике и установить высокие профессиональные нормы. Джеймс Вейл называет саморегулирование комплексным процессом, в котором медиаорганизации и профессиональные ассоциации разрабатывают собственные правила и кодексы поведения, и акцентирует внимание на том, что такая система позволяет медиаорганизациям адаптироваться к быстрым изменениям в обществе и технологиях. А. П. Разумовский рассматривает саморегулирование прессы как механизм, позволяющий журналистам и редакциям самостоятельно принимать решения относительно норм и стандартов своей работы, что создает условия для более высокой степени независимости и профессионализма в журналистской среде.

Идея о саморегулировании журналистского сообщества появилась на рубеже XIX и XX вв. в Европе и США, ее возникновение связано с образованием крупных газетных монополий, которые получили в свои руки инструменты манипулирования читателем и стали ими пользоваться. Первые институты саморегулирования появились в начале XX в., но в систему саморегулирование СМИ стало оформляться после Второй мировой войны. Большую роль в развитии журналистского саморегулиро-

вания в мире сыграла так называемая Комиссия Хатчинса, работавшая в США в середине 1940-х гг., итоговый доклад которой был опубликован 26 марта 1947 г. и определил главные принципы ответственности прессы, которые легли в основу системы саморегулирования СМИ во всем мире [1].

Саморегулирование в журналистике может принимать различные формы в зависимости от национальных традиций и культурных контекстов, например: профессиональные ассоциации (например, Международная федерация журналистов, Ассоциация европейских журналистов и др.), этические кодексы (Кодекс этики журналистов Норвегии, Американский кодекс новичка-радиоведущего и др.), органы саморазрешения споров (комиссия по прессе в Великобритании, Австралийская комиссия по правам человека, гед предусмотрены механизмы жалоб на нарушения этики и качества новостей, и др.). Например, в Швеции существует Шведский совет по прессе, который позволяет гражданам подавать жалобы на журналистов, нарушивших этические нормы; подобная структура позволяет не только защищать права граждан, но и обеспечивать журналистов необходимыми рамками для достойной работы. В Канаде, независимо от того, к какому изданию принадлежат журналисты, они обязаны следовать Кодексу Канадской ассоциации журналистов, который включает обязательства по предоставлению точной информации и защите источников. В Беларуси саморегулирование в прессе представлено через Союз белорусских журналистов (СБЖ). Во Франции особенности саморегулирования включают Национальную федерацию прессы, Совет по журналистской этике. В Германии саморегулирование реализуется через Совет по журналистской этике и этические кодексы, разработанных различными профессиональными ассоциациями. В Китае это Общество журналистов Китая и кодексы честности, которые разрабатывают издания и агентства.

Существующие модели саморегулирования, включая профессиональные ассоциации и этические кодексы, обеспечивают необходимую основу для работы журналистов и способствуют высокой степени доверия к СМИ. В условиях постоянного вызова дезинформации и других рисков, таких как, например, коммерциализация, необходимость в саморегулировании становится все более очевидной. В такой системе существуют и некоторые недочеты, например: неоднородность моделей саморегулирования (в разных странах различные модели и подходы к саморегулированию, которые могут различаться по эффективности), отсутствие универсальных стандартов (этические кодексы и правила саморегулирования часто разрабатываются на национальном уровне и не учитывают глобальные стандарты, что может усложнить работу международных и

транснациональных медиа), недостаточная вовлеченность аудитории (обществу часто не хватает информации о механизмах саморегулирования, и у него нет эффективных способов вовлечения в процессы контроля за качеством журналистики), др.

Система саморегулирования в журналистике имеет свои недостатки, и успех ее функционирования зависит от сочетания прозрачности, универсальных стандартов, образовательных инициатив и активного участия общественности. Совершенствование этих аспектов может значительно улучшить качество журналистики и доверие со стороны общества к медиа. Важно, чтобы саморегулирование стало реальным инструментом защиты интересов как журналистов, так и потребителей информации, обеспечивающим высокие стандарты профессиональной этики.

Библиографические ссылки

1. *Мамонтова О. И.* Развитие основных институтов саморегулирования СМИ в мире // Вестник Московского ун-та. Сер. 10. Журналистика. 2010. № 5. С. 63–71.
URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-osnovnyh-institutov-samoregulirovaniya-smi-v-mire?ysclid=mb9bqlmhg1791239689> (дата обращения: 19.04.2025).

ЯЗЫК И СТИЛЬ БЛОГОВ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ

И. А. Протасеня

*Белорусский государственный университет, ул. Кальварийская, 9,
220004, г. Минск, Беларусь, i.protasenya@gymn37.by
Научный руководитель – О. А. Мясникова, кандидат филологических наук, доцент*

В данной статье приведены результаты сравнительного анализа блогов спортивной направленности на примере блогов белорусских спортсменов (Арины Соболенко, Виктории Азаренко, Динары Алимбековой, Алины Горносько, Марины Арзамасовой). Определены основные особенности языка и стиля этих блогов.

Ключевые слова: блоги; количество; анализ; блогер; белорусские спортсмены.

Одним из жанров интернет-коммуникации является блог, который предоставляет уникальную возможность делиться мыслями, опытом и знаниями с широкой аудиторией. По мнению М. Ю. Сидоровой, «блог – это веб-сайт (или раздел веб-сайта), содержащий датированные записи мультимедийного характера, расположенные в обратном хронологическом порядке, с возможностью оставления комментариев к записям и просмотра любой записи на отдельной веб-странице» [1, с. 93]. Блоги ведутся разными людьми, поэтому единых стандартов текстов, которые должны быть в блогах, не существует. Блогер сам выбирает стиль, жанр, тематику, оформление своих текстов.

Для анализа нами было выбрано 5 авторских блогов белорусских спортсменов в социальной сети Instagram: блоги теннисисток Арины Соболенко и Виктории Азаренко, биатлонистки Динары Алимбековой, гимнастки Алины Горносько и бегуни Марины Арзамасовой, количество подписчиков находится в диапазоне от 8 тыс. до 2,7 млн. Возраст спортсменок – от 23 до 37 лет. В блогах наблюдается смешение публицистического и разговорного стилей, отмечено употребление профессиональной лексики, что обусловлено деятельностью спортсменок. Тексты наполнены заимствованиями из английского языка, наблюдается большое количество эмодзи. Для анализа мы выбрали 50 постов.

Анализ использования эмоционально окрашенной лексики в блогах спортсменок показал следующие результаты. Арина Соболенко употребляет в речи такие выражения 5 раз, что свидетельствует о ее стремлении добавить эмоциональной насыщенности в свои публикации. Марина Арзамасова прибегает к данной лексике всего 3 раза, что может указывать на более сдержанный стиль общения с аудиторией. Алина Горносько выделяется на фоне других спортсменок, используя 7 лексических эмоционально окрашенных употреблений, что характеризует манеру ведения

блога как экспрессивную с точки зрения эмоционально окрашенной лексики. В свою очередь, Динара Алимбекова и Виктория Азаренко имеют 4 использования, они находят баланс между эмоциональной окраской и информативностью своих постов. Например: «*Какой замечательный праздничный день!*» (Д. Алимбекова); «*Спасибо Уимблдон за 2 невероятные недели!*» (А. Соболенко); «*Спасибо всем за вашу невероятную поддержку в Брисбене!*» (В. Азаренко); «*Отличный старт получился!*» (М. Арзамасова); «*Потрясающие каникулы дома.*» (А. Горносько). В данных примерах орфография и пунктуация авторов сохранены.

При подсчете количества аббревиатур в постах были получены следующие результаты: в блоге Арины Соболенко отмечено использование 7 аббревиатур (например, «*WTA*» – Всемирная теннисная ассоциация, «*АО*»), Динары Алимбековой – 2 («*IBU*» – Международный союз биатлонистов), Алины Горносько – 1 («*FIG*» – Международная федерация гимнастики), Виктории Азаренко – 5 (например, «*WTA*», «*ОФП*»), Марины Арзамасовой – 6 (например, «*ОФП*», «*СБУ*»).

Также посты были проанализированы на количество заимствованных слов. В результате наибольшее количество заимствований выявлено у Виктории Азаренко – 3 слова («чемпион», «матч», «спортсмен»), по 2 слова у Динары Алимбековой («энерджайзер», «виш лист»), Марины Арзамасовой («комьюнити», «спурт») и Алины Горносько («шопинг», «тренд»), у Арины Соболенко – всего 1 заимствованное слово («имидж»).

В ходе исследования было подсчитано и количество сленговых выражений в постах спортсменок. Были получены следующие результаты: в блоге Арины Соболенко зафиксировано 5 употреблений (например, «хайп», «хейтеры» и др.), в блоге Виктории Азаренко – 1 («камон»), в блоге Алины Горносько – 5 (например, «вайб», «хейт» и др.), у Марины Арзамасовой – 7 (например, «челлендж», «вайб», «прикол» и др.), а у Динары Алимбековой – 4 («движуха», «хейт» и др.). Более активной в использовании сленга оказалась Марина Арзамасова – 7 употреблений, а Виктория Азаренко, наоборот, использует сленг реже – всего 1 раз.

Далее были подсчитаны термины теории методологии физической культуры: наибольшее количество терминов у Динары Алимбековой – 8 (например, «эстафета», «спринт», «индивидуальная гонка» и др.); в постах Арины Соболенко таких употреблений 7 (например, «подача», «эйс», «матчбол», «гейм» и др.); на странице Виктории Азаренко было обнаружено 5 терминов (например, «матч», «сет»), у Марины Арзамасовой – 4 («физические упражнения», «физическая нагрузка», «быстрота», «выносливость»). Наименьшее количество терминов теории физической культуры – у Алины Горносько – 2 («гибкость», «шпагат»).

Таким образом, можно сделать вывод, что язык и стиль блогов спортсменов разнообразен. Спортсмены, как авторы, часто делятся своими мыслями и переживаниями, что создает ощущение их близости с аудиторией; часто используют элементы мотивации и вдохновения, делаясь собственным опытом преодоления трудностей и достижений, что делает их блоги не только информативными, но и мотивирующими, а это особенно ценится в спортивной среде.

Язык и стиль блогов спортсменов способствуют формированию личного бренда автора и укрепляют связь с поклонниками, делая контент более привлекательным и доступным.

Библиографические ссылки

1. Сидорова М. Ю. Интернет-лингвистика: русский язык. Межличностное общение. М., 2006. 190 с.

РОЛЬ МЕЖДУНАРОДНЫХ СМИ В ОСВЕЩЕНИИ ГЛОБАЛЬНЫХ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ

Д. Д. Скворцова

*Белорусский государственный университет, ул. Кальварийская, 9,
220004, г. Минск, Беларусь, skvartsova@bk.ru*

Научный руководитель – Т. Н. Дасаева, доктор филологических наук, профессор

Статья исследует роль международных СМИ в освещении глобальных экологических проблем, анализируя крупнейшие катастрофы, с которыми столкнулось человечество, и успешных природоохранных инициатив. Актуальность работы обусловлена возрастающим значением экологической журналистики в формировании общественного сознания и глобальной экоповестки.

Ключевые слова: экология; медиа; природа; журналистика; общество; климат.

Глобализация привела к усилению внимания общественности и властей к экологическим проблемам, многие из которых приобрели мировое значение.

Такие вопросы, как изменение климата, потеря биоразнообразия, загрязнение воды и воздуха, утрата лесов и увеличение количества отходов, требуют неотложного внимания и глобальных решений. Посредством публикаций, телепередач и материалов в социальных сетях СМИ не только освещают текущие события, но и объясняют сложные экологические процессы, а также показывают, как индивидуальные действия могут влиять на глобальные процессы.

Документальный фильм BBC «Climate Change: The Facts» с участием натуралиста Дэвида Аттенборо стал поворотным моментом в освещении экологических проблем мировыми СМИ.

Проект выделялся научной строгостью, в его создании участвовали ведущие климатологи мира, все представленные данные были тщательно проверены и основывались на докладах Межправительственной группы экспертов по изменению климата (IPCC). Убедительность фильму придало сочетание научных фактов с визуализацией: сравнительные спутниковые снимки таяния ледников, графики роста температуры и концентрации CO₂, кадры экстремальных погодных явлений со всего мира.

Фильм продемонстрировал сложные причинно-следственные связи между локальными действиями и глобальными последствиями. После этого фильма в британских СМИ произошел сдвиг в освещении климатической тематики – от абстрактных дискуссий о существовании глобального потепления к конкретным обсуждениям мер по его предотвра-

щению. Успех фильма доказал, что качественная научная журналистика, сочетающая авторитетные данные, наглядную визуализацию и эмоциональное воздействие, может стать мощным катализатором общественного сознания и политических изменений в сфере экологии.

Пожары в Австралии 2019-2020 годов стали одной из самых масштабных экологических катастроф современности, и их освещение в СМИ представляет собой образец качественной экологической журналистики. Издание «The Guardian» организовало комплексное мультимедийное освещение событий, направив в зону бедствия команду из репортеров, фотографов и видеооператоров [1].

Журналисты создали серию аналитических материалов, сочетающих оперативные сводки с места событий с научным анализом причин и последствий катастрофы. Был использован визуальный контент: спутниковые снимки NASA демонстрировали масштабы задымления; фотографии ярко-оранжевого неба над Сиднеем стали визуальным символом катастрофы; а кадры пострадавших животных вызывали эмоциональный отклик у миллионов читателей по всему миру.

В интерактивном спецпроекте «Australia's Deadly Fires: A Visual Explainer», с помощью передовых технологий визуализации данных, журналисты смогли наглядно показать глубину трагедии. Проект включал карты распространения огня, подробные схемы уничтоженных территорий, инфографику с оценками гибели животных и сравнительный анализ с предыдущими пожарными сезонами.

Журналисты публиковали эксклюзивные интервью с пожарными, репортажи из эвакуированных городов, истории фермеров, потерявших все имущество. Переведенные на 12 языков, эти публикации продемонстрировали, как качественная журналистика может не только отражать экологические катастрофы, но и влиять на их разрешение, формируя глобальную экологическую повестку.

Крупные экологические катастрофы всегда становились фокусом внимания международных СМИ. Чернобыльская авария 1986 года, ставшая крупнейшей радиационной катастрофой, получила освещение в мировых медиа.

Такие издания как «The New York Times» и «The Guardian» проделали огромную работу по реконструкции картины событий, публикуя материалы о героизме ликвидаторов, масштабах эвакуации, медицинских последствиях облучения и создании зоны отчуждения.

Особое значение имели документальные проекты (например, фильм BBC «Чернобыль: Хроника тяжелых недель»), которые через личные истории очевидцев и экспертный анализ показывали системные причины катастрофы и ее последствия [2]. Материалы не просто информировали –

они изменили отношение мирового сообщества к ядерной безопасности, став аргументом для ужесточения международных стандартов на атомных станциях.

Авария на АЭС «Фукусима-1» вновь продемонстрировала уязвимость ядерной энергетики перед стихийными бедствиями, но в новых медийных условиях. Благодаря развитию цифровых технологий, мировые СМИ, включая японскую «Asahi Shimbun», CNN и BBC, смогли организовать освещение событий в реальном времени.

Журналисты использовали спутниковые снимки, интерактивные карты распространения радиации, прямые включения с места событий, мгновенные экспертные комментарии. Особое внимание уделялось трем ключевым аспектам: техническим причинам катастрофы, экологическим последствиям и социально-психологическому воздействию на эвакуированное население.

Документальный проект Netflix «Фукусима: после катастрофы» показал, как менялась жизнь в пострадавших районах, какие трудности возникали при дезактивации территорий и как катастрофа повлияла на энергетическую политику разных стран. Эти две катастрофы, несмотря на временной промежуток в 25 лет, демонстрируют эволюцию подхода СМИ к освещению экологических катастроф – от стремления зафиксировать факты к комплексному анализу причин, последствий и уроков трагедий.

Международные СМИ играют важную роль в освещении глобальных экологических проблем. Сочетание критического освещения экологических проблем с рассказами о достигнутых успехах помогает создать баланс между осознанием сложности ситуации и мотивацией к действиям.

Библиографические ссылки

1. Экология в медиа: как рассказывать о катастрофах // TJ. URL: <https://tjournal.ru/ecology/512123-ekologiya-v-media-kak-rasskazyvat-o-katastrofah> (дата обращения: 20.04.2025).

2. Влияние средств массовой информации на понимание экологических проблем Русское географическое общество // URL: <https://www.rgo.ru/ru/article/vliyanie-sredstv-massovoy-informacii-na-ponimanie-ekologicheskikh-problem> (дата обращения: 20.04.2025).

РЕКЛАМНАЯ ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИЯ: ОСОБЕННОСТИ И ТРЕНДЫ

В. В. Скрипко

*Белорусский государственный университет, ул. Кальварийская, 9,
220004, г. Минск, Беларусь, jour@bsu.by
Научный руководитель – Е. В. Маевская, кандидат филологических наук, доцент*

В статье рассмотрены основные виды интернет-рекламы, проведен анализ их особенностей, выявлены сильные и слабые стороны. Определены тренды каждого вида продвижения в 2024 г. и сделан прогноз актуальных тенденций интернет-коммуникаций на 2025 г. Результаты исследования могут быть полезны для компаний, не определившихся, на какой вид продвижения сделать упор для эффективной рекламы своей продукции в ближайшие несколько лет.

Ключевые слова: интернет-реклама; контекстная реклама; баннерная реклама; маркетинг в социальных сетях; SEO-продвижение; рекламная коммуникация.

Рынок товаров не стоит на месте, а наличие разнообразного ассортимента подразумевает борьбу за каждого клиента. В условиях конкуренции возникает вопрос, как компании обеспечить себе приток потенциальных потребителей.

Недавно созданным организациям трудно заявить о себе и убедить аудиторию в своей компетентности, а зрелым необходимо прилагать усилия для закрепления своей конкурентоспособности на рынке. Чтобы аудитория узнала об организации и производимых ею товарах,

необходимо использовать продвижение для продуктов, которые предлагает рекламодатель.

Важнейшим инструментом достижения узнаваемости организации является рекламная коммуникация – закодированное в цвете, звуке и цвете сообщение, предназначенное для потенциального потребителя товара или услуги, а также некий ответ на него [1].

Начиная с XXI в., диверсификация носителей информации привела к «взрыву» интернет-рекламы.

Так произошел отказ от традиционных рекламных практик и переход к новым возможностям. Реклама стала осуществляться с помощью разнохарактерного воздействия на потенциального клиента, что позволяет достичь невероятного масштаба продвижения продуктов и товаров. Интернет-реклама – информация, распространяемая с помощью интернета, – обычно адресована неопределенному количеству людей и направлена на привлечение внимания к объекту рекламы для формирования или поддержания интереса к ней, ее продвижению на рынке.

Воздействие рекламы в сети на пользователя многогранно: если правильно определить целевую аудиторию и тщательно подготовить рекламу, опираясь на технологию рекламного воздействия, то можно во много раз увеличить конверсию сайта рекламодателя. Такой вид продвижения превосходит по эффективности традиционные виды рекламы. На это влияют некоторые факторы: постоянно изменяющиеся информационные технологии; разнообразный набор инструментов интернет-рекламы для продвижения любой продукции; возможность подстраивания рекламы под конкретные цели компании; четкое выделение своей целевой аудитории и настраивание показов рекламы только для нее; проведение анализа эффективности рекламной кампании.

Первый вид рекламы, с которой сталкивался каждый пользователь виртуальной сети, – контекстная. Контекстная реклама – это форма интернет-рекламы, которая отображается на веб-сайтах и в поисковых системах, связанных с содержанием страницы, поисковыми запросами или интересами пользователей. Показ контекстной рекламы для конкретного пользователя основывается на анализе ключевых слов, тематике страницы или запроса, чтобы подобрать наиболее релевантные рекламные объявления [2]. Такая реклама показывается в определенном контексте, когда пользователь ищет определенный товар. Самыми яркими представителями площадок для этого вида продвижения являются «Яндекс» и Google. У контекстной рекламы также есть особенность показываться пользователям уже после просмотра ими рекламных объявлений. Например, когда клиент посетил страницу магазина, но ничего там не купил, то его товары и услуги будут показываться потребителю на других веб-сайтах. Также если клиент поместил товар в корзину, то такая реклама является хорошим способом напомнить ему о покупке. Однако производителю необходимо еще и правильно написать рекламное объявление, чтобы оно было эффективным и нашло свою целевую аудиторию. Например, если пользователь вводит в поисковую строку слово «квартира», то это может означать «купить квартиру», «арендовать квартиру» или «продать квартиру». То есть можно сделать вывод, что запрос «квартира» будет подходить для широкого круга лиц. Объявление будет показано как целевой аудитории, так и тем, кому неинтересно конкретное предложение.

Популярным трендом в контекстной рекламе является съемка видеороликов. Сейчас популярность рилсов и коротких видео возрастает. Такой контент привлекает аудиторию больше, чем текст. В формате видео информация воспринимается легче и оказывает большее эмоциональное воздействие. У видеоролика, размещенного в интернете, шанс, что его увидит больше зрителей, сейчас выше, чем у телевизионного ро-

лика. Большинство людей в свободное время играют в мобильные игры. Там они встречаются с видеорекламой, за просмотр которой дается некое вознаграждение, связанное с приложением. В 2025 г. можно ожидать увеличения числа мобильных приложений, которые используют мобильную контекстную рекламу. Это связано с тем, что все больше компаний осознают ее эффективность и стараются интегрировать ее в свои мобильные приложения для увеличения доходов и привлечения новых клиентов.

Следующий вид интернет-рекламы – баннерный. Баннерная реклама – это рекламный блок в формате «изображение + текст», который содержит гиперссылку на ресурс рекламодателя. Основной задачей такого вида продвижения является вызов интереса пользователя и его мотивации к переходу по ссылке и совершению покупки. Используя различные элементы, рекламодатели могут создавать захватывающие и привлекательные баннеры с информативным содержанием. В зависимости от итогового результата различают следующие виды баннеров: информационные, брендовые и целевые. Брендовый баннер отвечает за рекламу фирмы. В данном виде продвижения главным является не количество кликов, а количество просмотров: сколько раз пользователь увидел рекламу с фирменным логотипом компании. Чем чаще посетитель сайта увидит торговую марку товара, тем выше вероятность дальнейшего сотрудничества. Информационный баннер – это реклама, предоставляющая информацию о конкретных товарах или услугах. Необходимо так предоставить сведения, чтобы подтолкнуть посетителя к совершению покупки. Целевой баннер работает исключительно на привлечение целевых потребителей, так как именно они больше всех заинтересованы в товарах и услугах компании. В этом случае осуществляется реклама всего сайта, а не определенного продукта. Баннерная реклама не всегда попадает в целевую аудиторию, поэтому ее минусом является навязчивость. Так, объявления показываются всем пользователям, которые начинают раздражаться из-за прокручивания неинтересного для них контента. В 2024 г. в дизайне баннеров определилось несколько трендов. Самым необычным является текстурированный 3D-дизайн. В таком баннере акцент делается на текст. Он получается ярким и выделяющимся на фоне конкурентов. Конечно, нужно понимать, для какой рекламы такой дизайн подходит, а для какой лучше выбрать другой вариант. Трендом в дизайне, который помогает «очеловечить» проект, являются нарисованные от руки баннеры. Если в коммуникационной стратегии бренда важно дружелюбное общение, то это хороший выбор оформления рекламы. Нарисованные элементы при их уместном использовании можно применять для разного бизнеса. В 2024 г. при создании баннеров рекламодатели отдавали предпочтение

изображению на них фотографий. Теперь использование инфографики и типографики считается несовременным. Фото в рекламе несет главную идею компании и передает атмосферу бренда. Если провести съемку – проблема для производителя, то фотографию можно сгенерировать с помощью искусственного интеллекта. В Беларуси данная технология уже находит практическое применение. Так, белорусский производитель напитков «Бобруйский Бровар» реализовал рекламную кампанию энергетика No Limit, визуальный контент которой был создан с помощью нейросети Midjourney. Это стало первым масштабным кейсом в стране, где изображения для наружной рекламы и digital-форматов были полностью сгенерированы ИИ. Кроме того, в Минске прошла выставка «НейроБеларусь», где были представлены более 90 работ, созданных нейросетью, включая изображения белорусской природы и культурных символов. Эти примеры демонстрируют, что ИИ способен не только заменить традиционные методы создания визуального контента, но и предложить креативные решения.

Стремительное увеличения спроса на использование соцсетей побудило рекламодателей направить все силы по продвижению своих продуктов именно в этом направлении. Из-за этого сейчас Social Media Marketing (SMM) занимает лидирующие позиции среди других видов рекламы. SMM – совокупность мероприятий, направленных на использование социальных медиа в качестве каналов продвижения и решения других бизнес-задач, к которым можно отнести увеличение узнаваемости бренда, повышение продаж, вовлечение целевой аудитории, брендинг, PR [3]. Большое разнообразие инструментов взаимодействия с пользователями позволяет компаниям подстраиваться под их ценности, желания, отслеживать, какой контент больше им нравится и при необходимости менять его.

Социальный медиамаркетинг, как и классический маркетинг, базируется на построении стратегии, следуя которой происходит постановка целей и задач, и, как следствие, начинается поиск целевой аудитории. Интернет-площадки позволяют найти четкий и конкретный сегмент на потребительском рынке, и это является наиболее трудоемким этапом маркетинга в социальных сетях. Он включает в себя исследование интересов целевой аудитории и ее поведения. Исходя из двух данных направлений строится грамотный контент, благодаря которому в дальнейшем расширяется целевая аудитория. При публикации контента следует помнить о соблюдении его разноплановости. Нужно чередовать продающий, информационный, личный, развлекательный типы контента, что будет способствовать всестороннему вовлечению аудитории и стимулировать повышение продаж. Важно систематически анализировать, какие типы

постов больше привлекают аудиторию, и определять свои слабые места и возможности для улучшения. Также не стоит недооценивать визуал в ленте, ведь это первое, с чем сталкивается аудитория при знакомстве с брендом. Именно визуальная картинка предоставляет нужные ассоциации для человека и передает весь объем информации. Когда происходит работа над лентой, то одного хорошего контента будет недостаточно, – необходимо грамотно компоновать снимки и удачно внедрять дизайн.

Главным трендом 2024 г. в SMM стало SEO-продвижение: когда потребители ищут информацию не через поисковые запросы, а через социальные сети. В TikTok и Instagram хорошо работает поиск по хештегам и ключевым словам. Если правильно оформить профиль в Instagram, то аккаунт бренда будет первым в запросах. Хештеги можно добавить к публикации. Они пишутся с помощью знака # и выглядят так: #рекомендации. В Instagram можно добавить до 30 хештегов к одной публикации, в TikTok – до 9. Чем выше заинтересованных пользователей переходят на аккаунт через запрос, тем выше в результатах поиска позиция бренда.

Интернет-реклама продолжает эволюционировать под влиянием новых технологий и изменений в поведении потребителей. В частности, рост популярности социальных сетей, мобильных устройств и видеоконтента создают новые возможности для взаимодействия с аудиторией.

Библиографические ссылки

1. Шесть этапов эффективности рекламных коммуникаций с точки зрения потребителя // Образовательный портал «Справочник». URL: https://spravochnick.ru/reklama_i_pr/reklama/shest_etapov_effektivnosti_reklamnyh_kommunikacij_s_tochki_zreniya_potrebitelya/ (дата обращения: 12.04.2025).

2. Дубцова А. Э. Контекстная реклама // Сибирский государственный аэрокосмический университет, Красноярск, 2010. С. 290–291.

3. Ольшевский Д. SMM-продвижение как эффективный инструмент интернет-маркетинга // Наука и инновации. Минск, 2017. С. 59–63.

ПОПУЛЯРИЗАЦИЯ ПУТЕШЕСТВИЙ И МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ НА СОВЕТСКОМ ТЕЛЕВИДЕНИИ

А. В. Сырокваш

*Белорусский государственный университет, ул. Кальварийская, 9,
220004, г. Минск, Беларусь, anatsyr@mail.ru*

Научный руководитель – Т. Н. Дасаева, доктор филологических наук, профессор

В статье рассматривается роль советского телевидения в популяризации путешествий и межкультурной коммуникации на примере телепрограммы «Клуб путешественников». Анализируется вклад программы в формирование представлений советских зрителей о зарубежных странах и народах, особое внимание уделяется эволюции формата программы.

Ключевые слова: «Клуб путешественников»; советское телевидение; межкультурная коммуникация; медиакультура; тележурналистика.

В эпоху глобализации и расширения международных связей изучение механизмов формирования представлений о других культурах и странах приобретает особую актуальность. Советское телевидение играло важную роль в формировании образа зарубежья у советского зрителя. Программа «Клуб путешественников», появившаяся в 1960 году, стала уникальным феноменом советского телеэфира, объединяя в себе элементы развлекательного и образовательного контента. Она не только популяризировала путешествия как вид досуга, но и формировала представления о различных странах и народах, способствуя развитию межкультурной коммуникации.

В 1960 году в эфир вышла передача под первым названием «Клуб кинопутешествий» с ведущим Владимиром Шнейдеровым, который управлял Центральной студией документальных фильмов и занимался лентами, снятыми в экспедициях. Материалы Шнейдерова и его коллег стали основой для многосерийного киноальманаха, который показывали в кинотеатрах перед фильмами. Каждая серия длилась около четырех минут: три минуты были посвящены жизни в СССР, одна – какой-нибудь зарубежной стране. Зрителям формат понравился, поэтому под влиянием положительных откликов альманах было решено переделать в отдельную телепрограмму – отсюда и приставка «кино» в названии «Клуб кинопутешествий». Под руководством Шнейдерова передача будет выходить 13 лет.

«Клуб путешественников» стал первой студийной журнальной телепрограммой в истории советского телевидения, посвященной путешествиям и популяризации межкультурной коммуникации. Программа от-

личалась высокой степенью достоверности, интеллигентностью и серьезностью изложения, наличием определенной композиционной драматургии, взаимосвязанностью серий между собой. «Темы выпусков “Клуба” были очень различны – ведущий мог рассказывать о центре подводного плавания в Иордании, о заповедных местах Донбасса, о Чукотке и о Шри-Ланке с Таиландом, встречаться с Хейердалом (во время его визита в СССР) и показывать фильм о плавании “Тигриса”» [1].

Первый выпуск программы вышел 18 марта 1960 года, последний – 5 октября 2003 года. Продолжительность каждой программы составляла 60-90 минут. С 1960 года программа выходила два раза в месяц на ЦТ, а после 1973 года стала появляться в эфире каждое воскресенье на «Первом» канале в вечернее время. По технологии телевидения тех лет первые выпуски шли в прямом эфире и сниматься на киноплёнку стали спустя несколько лет, записывались только подводки ведущих и титры (суммарное время предварительно записанного материала – 9-10 минут). Сами сюжеты транслировались в эфир отдельно. Структура программы состояла из трех частей, каждая длилась 10-12 минут. В первой части рассказывалось о городах и республиках СССР, во второй части речь шла о социалистических странах, в третьей разрешалось показывать и рассказывать про капиталистические страны. При этом передача должна была на две трети состоять из материалов, связанных с СССР и лишь на одну треть из очерков о зарубежье. Со временем формат программы менялся. В эфир стали выходить новые типы сюжетов, такие как «портрет путешественника».

Понятия документальности и достоверности взаимосвязаны. Сложность достоверного отображения заключается в том, что даже документальные факты проходят через авторское мировоззрение и подбираются определенным образом, поэтому так важно, чтобы место ведущего занимал достойный человек, подходящий программе по всем критериям. Зрители «Клуба Путешественников» очень уважали первого ведущего и основателя программы – Владимира Шнейдерова, он был специалистом в области кинематографа и путешествий. Внешний образ его также соответствовал требованиям советского гражданина – галстук, строгий костюм и вежливая уверенная речь. После на роль ведущего был приглашен известный ученый, профессор Андрей Георгиевич Банников. У Банникова был нестандартный для того времени внешний вид: он имел бороду и немного заикался. Следующим ведущим программы стал Юрий Александрович Сенкевич. Он обладал приятной внешностью, хорошей дикцией, умением держаться на камере и захватывающе рассказывать удивительные истории о путешествиях, тем самым притягивая к экранам аудиторию; по образованию был ученым-медиком-биологом, изучал по-

ведение человека в экстремальных ситуациях, что помогало в создании программы.

«Клуб путешественников» смотрели в России, на территории бывшего СССР и в других странах (Болгария, Румыния, Израиль, США, Канада и т.д.). В эфир вышло более 2000 программ. Съёмочные группы работали более чем в 150 странах мира. Только за один 2002-й год они провели в экспедициях около 350 дней. «Клуб путешественников» получил ряд премий – международных (Франция, Швейцария, Германия, Италия) и национальных («ТЭФИ», «Хрустальный глобус»). В 1985 году передача была занесена в «Книгу рекордов Гиннесса» как старейшая программа советского телевидения, а 18 марта 2003 года – как самая продолжительная на российском телевидении, просуществовавшая 43 года.

Программа «Клуб путешественников» была уникальным явлением на советском телевидении. Транслируя документальные кадры из дальних стран, программа не только популяризировала путешествия как вид досуга, но и закладывала основы межкультурной коммуникации, предлагая альтернативный взгляд на зарубежье, опосредованный государственной идеологией, но тем не менее пробуждающий интерес к другим культурам и народам. Высокая достоверность, интеллигентность изложения и формат «клуба» способствовали доверию аудитории и сделали программу одной из самых популярных и долгоживущих на советском, а затем и российском телевидении.

Библиографические ссылки

1. Глазами Сенкевича // Газета.Ru URL: https://www.gazeta.ru/culture/2017/04/08/a_10617113.shtml?updated (дата обращения: 20.04.2025).

К ВОПРОСУ О СЛОЖНОСТЯХ ПЕРЕВОДА МЕДИАТЕКСТА С РУССКОГО ЯЗЫКА НА КИТАЙСКИЙ

Чжан Нянь

*Белорусский государственный университет, ул. Кальварийская, 9,
220004, г. Минск, Беларусь, 1634821796@qq.com
Научный руководитель – А. О. Перзаишевич, преподаватель*

Данное исследование посвящено анализу трудностей, возникающих при переводе медиатекстов с русского языка на китайский, на материале статей журнала русского географического общества «Вокруг света» (март, 2025 г.). Внимание уделяется синтаксическим аспектам перевода, в частности особенностям передачи атрибутивных, объектных и обстоятельственных словосочетаний, порядку слов в предложении.

Ключевые слова: переход; медиатекст; сложности; межкультурная коммуникация; языковые проблемы; культурные аспекты; переводческие трудности.

Медиатексты, включая статьи научно-популярных изданий, выполняют не только информационную, но и культурно-просветительскую функцию, что делает качество их перевода особенно важным. Однако процесс перевода с русского языка на китайский сопряжен с рядом лингвистических и культурных сложностей, обусловленных существенными различиями в грамматической структуре, синтаксисе и лексике двух языков.

Синтаксис как наука изучает словосочетание и предложение, как отмечает Н. Н. Фаттахова: «Синтаксис – это раздел грамматики, в котором изучается строение и грамматическое значение словосочетаний и предложений. Предметом синтаксиса является учение о способах соединений слов и форм слов в словосочетании и предложении, структура и типы этих синтаксических единиц» [1, с. 5]. Синтаксис играет незначительную роль в процессе формирования переведенного текста. В связи с этим одной из наиболее распространенных проблем, появляющихся при переводе, является различие синтаксических систем в разных языках.

В системе русского языка в словосочетании синтаксические отношения между словами обычно считаются атрибутивными, объектными и обстоятельственными. Часто встречается атрибутивное словосочетание в медиатексте, оно состоит из определения и существительного, в русском языке определение, как правило, разделяется на 2 группы: согласованное и несогласованное. Согласованное определение в роде, числе и падеже согласуется с определяемым словом. Согласованное определение обычно представляет собой имя прилагательное и причастие. Несогласованное определение не подчиняется определяемым словом. Оно обычно выра-

жается с помощью имени существительного в косвенных падежах, инфинитивом, сравнительной степени имен прилагательных и т.д. В статье «Алхимия путешествий» (журнал «Вокруг света») используется много атрибутивных словосочетаний. В лиде этой статьи упоминаются словосочетания с согласованным определением, «средневековые исследователи» (кит. 中世纪的研究者), «ценные открытия» (кит. 有价值的发现) и «заветный камень» (кит. 珍贵的石头). Автор использует словосочетания с несогласованным определением: «ученые из института вулканологии и сейсмологии» (кит. 来自火山地震研究所的学者), «особенности жизни обитателей» (кит. 居民的生活特点). В системе китайского языка нет представления о согласованном и несогласованном определениях, все определения в словосочетании выражаются структурной частицей «的», соединяющей определение и определяемое слово. Определение в китайском языке не подчиняется определяемым словом, причем определение всегда находится перед ним. Поэтому при переводе атрибутивного словосочетания в медиатексте с русского языка на китайский язык необходимо обращать внимание на добавление структурной частицы, правильное формирование порядка определения и определяемого слова.

Объектные словосочетания являются одним из самых распространенных элементов в медиатексте.

Объектное словосочетание обычно состоит из глагола и объекта или отглагольного существительного и его объекта. В статье «Алхимия путешествий» содержится много словосочетаний, состоящих из глагола и объекта: «заниматься сбором этнографических данных» (кит. 收集民族志数据), «сдать собранные образцы» (кит. 提交采集样本); и в другой статье «Белые дороги и черные тюльпаны» также есть объектные словосочетания, например, «добиваться своих целей» (кит. 达到自己的目的), «построить семью» (кит. 组建家庭), «рассчитывать на этого человека» (кит. 指望这个人). В процессе перевода объектных словосочетаний на китайский язык можно сразу переводить по порядку русского оригинала, т.е. «动词+客体» (глагол + объект).

Наряду с состоящим из глагола и объекта объектным словосочетанием, объектное словосочетание с отглагольным существительным также часто появляются. В статье «Алхимия путешествий» упоминаются «сохранение традиций» (кит. 传统的保护), «изучение термальных источников» (кит. 温泉的研究), в статье «Познание в обход сознания» – «обработка информации» (кит. 信息的处理) и «усвоение новых знаний» (кит. 新知识的掌握). Если мы переводим объектное словосочетание с отглагольным существительным, нужно на основе русского оригинала изме-

нять положение отглагольного существительного и объекта и добавлять между ними структурную частицу «的», т.е. «客体+的+动名词» (объект + структурная частица + отглагольное существительное).

Обстоятельственное словосочетание обычно указывает время, место, причину действия и т.д. Такое словосочетание обычно выражается глаголом с наречием, глаголом с существительным с предлогом и другие. В статье «Белые дороги и черные тюльпаны» такие примеры: «изумленно воскликнуть» (*кит. 惊讶地呼喊*), «прекрасно справиться с задачей» (*кит. 完美地完成任务*), «танцевать под музыку» (*кит. 伴着音乐跳舞*), «трудиться у меня» (*кит. 在我这里工作*). Когда переводим конструкцию «глагол с наречием» с русского языка на китайский, как правило, ставим наречия перед глаголами и добавляем между ними структурную частицу «地» – «副词+结构助词+动词» (наречие + структурная частица + глагол). И конструкции «танцевать под музыку», «трудиться у меня» и т.д. могут переводиться по порядку русского оригинала и без добавления частицы.

Синтаксическая разница между русским и китайским языками отражается не только в словосочетании, но и в предложении. В языковой системе значение и важность предложения трудно переоценить. Как заявляет Н. М. Пипченко: «Предложение является основной единицей общения людей, оно образует основу связной речи» [2, с. 39]. Предложение часто разделяется на односоставное и двусоставное. В односоставном предложении содержится только сказуемое, а в двусоставном предложении имеются подлежащее и сказуемое. Подлежащее и сказуемое считаются главными членами предложения.

В русском языке изменение положений подлежащего и сказуемого не оказывает влияния на главное значение предложения. А в китайском языке наоборот: слова не имеют различных форм, и основное значение предложения зависит от порядка подлежащего и сказуемого в предложении. Поэтому, порядок подлежащего и сказуемого в предложении считается нередкой проблемой при переводе с русского языка на китайский. В статье «Белые дороги и черные тюльпаны» есть такие примеры: «За столом на ужин собиралась вся семья» переводится на китайский «全家人聚在餐桌上吃晚饭», в переведенном на китайский язык предложении подлежащее «全家人» (*рус. вся семья*) находится в начале предложения, и сказуемое «聚» (*рус. собралась*) следует за подлежащим. Еще пример: «Дома готовлю я» переводится на китайский таким образом: «我在家里做饭». В китайском переводе подлежащее «我» (*рус. я*) находится в начале предложения, и сказуемое «做饭» (*рус. готовлю*) находится в конце предложения. Таким образом, при переводе предложений с русского языка на китайский необходимо обратить особое внимание на порядок под-

лежащего и сказуемого.

При переводе лексики часто встречается безэквивалентная лексика. Ее перевод представляет собой сложность в процессе перевода. Безэквивалентная лексика – это слова или словосочетания, обозначающие предметы, процессы и явления, которые на данном этапе развития языка перевода не имеют в нем эквивалентов [3, с. 31]. Во время перевода статьи «Дух большой воды» столкнулись со словом «касика», это слово в китайском языке трудно найти соответствующий аналог. Это слово может переводиться на китайский таким образом «部落首领» (*рус. вождь племени*). Также есть слова, выражающие названия места или племени, например, «Игуасу» (*кит. 伊瓜苏*), «Гуарани» (*кит. 瓜拉尼*). Такие слова обычно переводятся на китайский с помощью приема транслитерации с добавлением комментариев. Такой метод делает текст более понятным для читателей.

Таким образом, успешный перевод медиатекстов с русского языка на китайский язык требует не только глубокого знания обоих языков, но и понимания их системных различий, а также владения специальными переводческими приемами.

Библиографические ссылки

1. *Фаттахова Н. Н.* Синтаксис современного русского языка: учебно-методическое пособие. Казань: Казанский университет, 2021. 308 с.
2. *Пипченко Н. М.* Современный русский язык: синтаксис словосочетания и простого предложения. Минск: Белорусский государственный университет, 2008. 196 с.
3. *Марзоева И. В., Гилязиева Г. З.* Теория и практика перевода: учебное пособие. Казань: Казанский государственный энергетический университет, 2019. 136 с.

КАФЕДРА ПЕДАГОГИКИ И ПРОБЛЕМ РАЗВИТИЯ ОБРАЗОВАНИЯ

ОСОБЕННОСТИ СИСТЕМЫ ПРОФОРИЕНТАЦИИ В СТРАНАХ- ПОСТАВЩИКАХ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ В БЕЛОРУССКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

А. П. Богомазов

*Белорусский государственный университет, ул. Кальварийская, 9,
220004, г. Минск, Беларусь, bahamazau@bsu.by
Научный руководитель – Г. В. Пальчик, доктор педагогических наук, профессор*

В статье рассматриваются особенности системы профориентации в основных странах-поставщиках иностранных обучающихся в Белорусский государственный университет – Китайская Народная Республика, Туркменистан. Приводятся статистические данные и промежуточные результаты социологического опроса иностранных студентов БГУ 2025 года

Ключевые слова: профориентация; система профориентационной работы; иностранные обучающиеся; экспорт образовательных услуг.

Современные государства все активнее вовлекаются в глобальную конкуренцию за иностранных студентов, рассматривая развитие академической мобильности как способ укрепления экспорта образовательных услуг и повышения международного статуса своих университетов. Республика Беларусь не является исключением, число иностранных студентов, обучающихся в Беларуси неуклонно растет – с 5 426 человек в 2007/08 уч. году до 18 838 в 2023/2024 уч. году [1].

Глобальная конкуренция за иностранных студентов и стратегический курс Беларуси на повышение экспорта образовательных услуг требуют углубленного понимания факторов, влияющих на выбор абитуриентами страны обучения. Одним из таких факторов может выступать система профориентации в странах-поставщиках иностранных студентов в Республику Беларусь. В данной статье рассматриваются особенности систем профориентационной работы в Китайской Народной Республике и Туркменистане, как основных странах-поставщиках иностранных обучающихся в Белорусский государственный университет за последние пять лет (таблица).

В Концепции развития профессиональной ориентации молодежи в Республике Беларусь профориентация рассматривается как научно обос-

нованная комплексная система социально-экономических, психолого-педагогических, медико-биологических и производственно-технических мер по оказанию молодежи личностно-ориентированной помощи в выявлении и развитии способностей и склонностей, профессиональных и познавательных интересов в выборе профессии либо смене вида трудовой деятельности [2].

Численность иностранных обучающихся Белорусского государственного университета по странам (по состоянию на 1 января, человек)

Страна	2021	2022	2023	2024	2025
Китай	2800	3081	3047	3833	3768
Туркменистан	813	707	674	876	1174
Россия	283	284	291	259	323
Казахстан	39	23	52	35	44

В Концепции развития профессиональной ориентации молодежи в Республике Беларусь профориентация рассматривается как научно обоснованная комплексная система социально-экономических, психолого-педагогических, медико-биологических и производственно-технических мер по оказанию молодежи личностно-ориентированной помощи в выявлении и развитии способностей и склонностей, профессиональных и познавательных интересов в выборе профессии либо смене вида трудовой деятельности [2].

В различных странах данная система складывалась по-разному, отражая в первую очередь национальные особенности развития образования и специфику рынка труда.

Цели профориентации в Китайской Народной Республике тесно связаны с государственной политикой занятости и развития человеческого капитала. Основные задачи – помочь студентам определить профессиональные цели, приобрести навыки трудоустройства и предпринимательства, а также содействовать успешному переходу от образования к работе. Для этого в школах и университетах существуют карьерные центры, в университетской программе введены специальные курсы по карьере и трудоустройству, тренинги по навыкам поиска работы, стимулируется участие студентов в стажировках и практиках, очень развит рынок услуг образовательных консультантов.

Особенностью китайского подхода является его системность и государственная стандартизация. В КНР разработаны профессиональные стандарты для специалистов по карьерному консультированию. С 1999 года введен

Национальный квалификационный стандарт профессии «консультант по карьерному развитию», который был пересмотрен в 2005 году [3]. Этот стандарт определяет требования к знаниям и умениям профориентаторов и выделяет несколько уровней квалификации – от практиканта до старшего консультанта. Таким образом, обеспечивается единый подход к подготовке кадров, ведущих профориентационную работу.

С 2007 года Министерство образования КНР поручило создать в вузах службы карьерного развития, включающие курсы по карьере и персональное консультирование. В крупных городах созданы карьерные центры, которые собирают и анализируют данные о трудоустройстве выпускников. Эти центры предоставляют консультации, организуют ярмарки вакансий, публикуют отчеты о первом месте работы выпускников, что позволяет корректировать профориентационные программы под реальные тенденции рынка труда.

Успешной практикой в Китае можно считать интеграцию профориентации в образовательный процесс и широкое применение ИКТ. Например, во многих китайских университетах создано электронное портфолио студента, в которое включаются результаты тестов профессиональных интересов, индивидуальный план карьерного развития и рекомендации консультантов.

Министерство образования КНР поощряет развитие онлайн-платформ занятости: существуют государственные интернет-порталы, где размещаются вакансии для выпускников и проводятся дистанционные карьерные консультации.

Кроме того, китайские университеты активно привлекают работодателей к профориентационной работе – проводятся Career Fairs (ярмарки вакансий), встречи с представителями компаний и предприятий, действует наставничество выпускников.

Таким образом, цель профориентации – максимизировать трудоустройство молодых специалистов по специальности – реализуется через комплекс задач: от формирования у студентов ключевых компетенций карьерного менеджмента до прямого содействия их трудоустройству.

В Туркменистане система профориентации имеет свои особенности, продиктованные как национальной образовательной политикой, так и ограниченными возможностями внутреннего рынка труда.

В школах профориентационная работа пока имеет достаточно ограниченный характер: упор делается на популяризацию востребованных для национальной экономики специальностей (в области нефтегазовой промышленности, инженерии, медицины и т.д.) и отбор талантливых выпускников для дальнейшего обучения в местных вузах или по стипендиям за границей. Однако из-за повышенного спроса среди молодежи на высшее

образование и недостаточного количества мест в туркменских вузах, часть семей ориентируют своих детей на получение образования в других странах СНГ (прежде всего в России и Беларуси), где обучение ведется на русском языке и полученный диплом признается на родине.

В последние годы правительство Туркменистана предпринимает шаги, влияющие на образовательные траектории молодежи, что тоже можно рассматривать как часть государственной профориентационной политики.

В 2019 году введены ограничения на выезд абитуриентов для обучения за границу: утвержден список зарубежных вузов и специальностей, дипломы которых признаются в Туркменистане (размещается на официальном сайте Министерства образования Туркменистана). С другой стороны, внутри страны предпринимаются шаги по увеличению возможностей получения образования: например, в 2019/2020 учебном году было значительно расширено количество бюджетных мест в туркменских вузах до 12 тысяч [4].

Среди успешных примеров сотрудничества с зарубежными учреждениями, направленных на профориентацию молодежи, можно отметить ежегодную выставку белорусских образовательных услуг «Ярмарка знаний», которая проводится в Ашхабаде, начиная с 2014 года.

Белорусский государственный университет регулярно принимает участие в данном мероприятии. Согласно опроса туркменских обучающихся БГУ 14,5% респондентов отметили, что узнали о возможности обучаться в университете на образовательной выставке у них на родине.

Таким образом, изучение особенностей системы профориентации в странах, поставляющих в Республику Беларусь иностранных обучающихся, отвечает приоритетам образовательной политики Беларуси, направленной на интернационализацию и повышение привлекательности Беларуси на мировом рынке образовательных услуг. Полученные знания помогут выявить, как именно школьники и абитуриенты в этих государствах выбирают свою образовательную траекторию, в том числе в пользу зарубежных вузов.

Это, в свою очередь, позволит белорусским УВО и профильным органам власти совершенствовать стратегии привлечения и поддержки иностранных студентов.

Библиографические ссылки

1. Образование в Республике Беларусь: Статистический буклет / Национальный статистический комитет Республики Беларусь, Минск, 2024, – 35 с.

2. Постановление Министерства труда и социальной защиты Республики Беларусь, Министерства экономики Республики Беларусь, Министерства образования Республики Беларусь от 29.03.2022 N 20/7/57 «О Концепции развития профессиональной ориентации молодежи в Республике Беларусь».

3. *Yoon, H. J., Hutchison, B., Maze, M., Pritchard, C., & Reiss, A. (Eds.). (2018). International practices of career services, credentials, and training. Broken Arrow, OK: National Career Development Association* // URL: https://www.ncda.org/aws/NCDA/asset_manager/get_file/259696 (дата обращения: 20.04.2025).

4. Официальный сайт Министерства образования Туркменистана URL: <https://education.gov.tm/rating-details> (дата обращения: 23.04.2025).

ГЕЙМИФИКАЦИЯ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ НА ПРИМЕРЕ ОБУЧЕНИЯ АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ В НАЧАЛЬНОЙ ШКОЛЕ

С. В. Борщевская

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, sofya666@gmail.com
Научный руководитель – М. П. Редько, старший преподаватель*

В статье исследуется потенциал геймификации в обучении английскому языку в начальной школе. Рассмотрено влияние геймификации на учебную мотивацию. Анализируются возможности и ограничения метода.

Ключевые слова: геймификация; обучение английскому языку; начальная школа; мотивация.

Геймификация образования – это стратегия повышения вовлеченности путем включения игровых элементов в образовательную среду. Цель её внедрения состоит в том, чтобы создать уровни вовлеченности, равные тому, что обычно могут дать игры [1]. Это не просто использование игр как таковых, а скорее применение таких элементов, как баллы, уровни, бейджи, системы поощрений, соревновательные элементы и повествовательные структуры для повышения мотивации, вовлеченности и общего интереса к учебному процессу. Успешная геймификация предполагает тщательный анализ целей обучения, потребностей целевой аудитории и выбор наиболее подходящих игровых механик для достижения желаемых результатов [2].

В контексте обучения английскому языку учащихся начальной школы, наиболее эффективным является комплексное использование взаимосвязанных элементов, таких как награды, баллы, значки, прогресс-бар и вызовы [3].

Награды представляют собой внешние стимулы, мотивирующие учеников к достижению определенных целей.

Например, за успешное завершение раздела учебника можно выдавать виртуальные «звезды» или жетоны, которые ученики могут обменять на небольшие реальные призы, такие как наклейки с английскими буквами или канцелярские принадлежности. Важно, чтобы награды были соразмерны приложенным усилиям и стимулировали дальнейшее обучение. Например, сложность достижения награды заучить 10 новых слов за неделю, должна быть ощутимой, но выполнимой.

Баллы служат для количественной оценки прогресса ученика. В рамках урока английского языка баллы можно начислять за правильные от-

веты, активное участие в играх и обсуждениях, выполнение домашних заданий и дополнительных проектов. Ученики могут видеть свой суммарный балл, что способствует формированию чувства достижения и мотивирует к дальнейшему улучшению. Таблица лидеров показывает достижения учеников, и создает дух здорового соревнования и стимулирует к новым знаниям.

Значки выступают в роли визуальных символов достижений. Например, ученик, продемонстрировавший отличное произношение, может получить значок “Lingua Ace”, а тот, кто успешно выполнил все задания по грамматике, – значок “Grammar Guru”. Значки можно отображать в профиле ученика, что позволит им демонстрировать свои успехи и достижения.

Прогресс-бар визуально отображает прогресс ученика в освоении определенного материала или достижении конкретной цели. Например, прогресс-бар может показывать, сколько слов из определенного списка уже выучено, или сколько уроков в юните пройдено. Наглядное отображение прогресса позволяет ученикам видеть свои успехи и мотивирует их к дальнейшему обучению.

Вызовы создают элемент соревновательности и стимулируют учеников к приложению дополнительных усилий. Вызовы могут быть представлены в форме небольших задач или мини-игр, требующих применения полученных знаний на практике. Например, ученикам может быть предложено составить короткий рассказ на заданную тему или принять участие в ролевой игре на английском языке. Вызовы должны быть достаточно сложными, чтобы представлять интерес для учеников, но при этом выполнимыми, чтобы не демотивировать их.

Комплексное применение этих элементов геймификации в обучении английскому языку в начальной школе позволяет создать увлекательную и мотивирующую образовательную среду, способствующую повышению успеваемости и формированию положительного отношения к изучению иностранного языка.

Согласно рассмотренным элементам геймификации, таким как баллы, прогресс-бар, значки, вызовы и награды, можно составить урок, который будет не только информативным, но и увлекательным для учеников начальной школы, изучающих английский язык. Важно добавить нарратив (историю, тему) в урок для повышения заинтересованности [4].

Рассмотрим урок, посвященный теме «Животные» и грамматической теме Present Simple (действие, которое животные делают регулярно). Учитель представляет занятие как «Собери свой зоопарк» (нарратив, элемент истории). В начале урока каждый ученик получает виртуальный билет на сафари и начинает «собирать животных». За каждое правильно названное животное на английском (с использованием карточек, картинок или звуков)

ученик получает баллы и приближается к заполнению прогресс-бара «Зоопарк заполнен» (визуализация прогресса). Особые достижения, например, безошибочное перечисление всех домашних животных, вознаграждаются значком “Animal Expert” (награда, признание). Для закрепления Present Simple, представлен вызов: ученикам предлагается составить предложения о том, что делают животные каждый день, используя глаголы, связанные с темой «Животные» (eats, sleeps, runs, swims). Например: “The lion eats meat”, “The monkey climbs trees”. За каждое правильно составленное предложение ученик получает дополнительные баллы. Еще один вызов представлен в виде викторины “Animal Sounds” – ученики угадывают животное по звуку, зарабатывая дополнительные баллы и возможность «покормить» своего виртуального питомца в зоопарке (анимированный элемент на экране) (награда, дополнительная мотивация). В конце урока, ученики с самым полным «зоопарком» (наибольшее количество баллов) и наилучшими знаниями Present Simple получают звание “Zoo Master” (награда, признание) и право выбрать, каких животных они хотели бы изучить на следующем уроке (награда, автономия/выбор).

В ходе практического занятия по учебной дисциплине «Педагогика» будущим лингвистам-преподавателям был продемонстрирован фрагмент геймифицированного урока «Собери свой зоопарк» с последующим опросом студентов. Большинство будущих педагогов специальности «Современные иностранные языки» ФСК БГУ (80%) оценили концепцию как «отлично соответствующую возрасту и целям», при этом 88% отметили значительный мотивационный потенциал игровых элементов (баллы, прогресс-бар) и оптимальное соотношение игровой и грамматической составляющих. Особого внимания заслуживает единодушное мнение (100%) о возрастной адекватности визуального сопровождения. Экспертный анализ выявил наиболее эффективные методические компоненты: систему мотивации (72%) и интерактивные задания (40%) выборов. Критические замечания (12%) касались возможного расширения грамматического блока. 80% респондентов выразили готовность применять подобный формат в своей профессиональной деятельности, а больше половины респондентов (56%) не выделили ни один элемент как требующий существенной доработки, что свидетельствует о методической целостности предложенной модели. Единичные предложения по модернизации (например, добавление упражнений) не носят системного характера.

Геймификация в образовании предлагает мощные возможности для повышения мотивации и вовлеченности учащихся, благодаря использованию игровых элементов, таких как баллы, значки, прогресс-бары и соревновательные вызовы. Однако, важно учитывать следующие ограничения: чрезмерная зависимость от внешних наград может подорвать внутреннюю

мотивацию, а неправильно спроектированные системы могут привести к нежелательному соревнованию и фрустрации [5]. Кроме того, эффективность геймификации зависит от тщательного подбора игровых механик, соответствующих целям обучения и возрасту учащихся, а также от добавления нарратива, повышающего заинтересованность учащихся.

Библиографические ссылки

1. Мурзагалина Г. М. Геймификация в образовании как фактор повышения интереса к усвоению учебного материала // Московский экономический журнал. 2022. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/geymifikatsiya-v-obrazovanii-kak-faktor-povysheniya-interesa-k-usvoeniyu-uchebnogo-materiala> (дата обращения: 15.05.2025).
2. Скрыбина Е. Ю. Геймификация на уроке иностранного языка // Проблемы романо-германской филологии, педагогики и методики преподавания иностранных языков. 2022. № 18. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/geymifikatsiya-na-uroke-inostrannogo-yazyka> (дата обращения: 15.05.2025).
3. Seaborn K., Fels D. I. Gamification in theory and action: A survey // International Journal of Human-Computer Studies. 2015. Vol. 74. P. 14–31.
4. Челнокова Е. А., Житникова Н. Е, Челноков А. С. Использование нарратива в обучении // Проблемы современного педагогического образования. 2019. № 65-3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ispolzovanie-narrativa-v-obuchenii> (дата обращения: 15.05.2025).
5. Deterding S., Dixon D., Khaled R., Nacke L. E. From game design elements to gamefulness: defining "gamification" // Proceedings of the 15th International Academic MindTrek Conference: Envisioning Future Media Environments. 2011. P. 9–15. URL: DOI: 10.1145/2181037.2181040 (дата обращения: 15.05.2025).

ТЕМАТИКА И СПОСОБЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРОЕКТНОЙ ТЕХНОЛОГИИ В ОБУЧЕНИИ КИТАЙСКОМУ ЯЗЫКУ

Е. А. Буракевич

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, lisaburakevich@gmail.com
Научный руководитель – И. И. Петрашевич, кандидат педагогических наук, доцент*

В статье рассматривается тематика и способы реализации проектной технологии в преподавании китайского языка как иностранного в учреждениях общего среднего образования. Представлены примеры проектных заданий по темам «Еда», «Спорт» и «Хобби», раскрываются этапы их выполнения и формируемые универсальные компетенции. Показаны преимущества проектной технологии для повышения мотивации учащихся, развития коммуникативных и межкультурных навыков, успешной социализации школьников в образовательном процессе.

Ключевые слова: проектная технология; китайский язык; учреждение общего среднего образования; тематика проектов; способы реализации проектов.

Современное образование в Республике Беларусь ориентировано на формирование универсальных компетенций, обеспечивающих всестороннее развитие личности учащихся и их успешную социализацию.

В соответствии с Государственным образовательным стандартом общего среднего образования, одним из приоритетных направлений становится внедрение активных методов обучения, среди которых особое место занимает проектная технология [1, с. 150]. Технология способствует формированию универсальных компетенций.

Применение проектной технологии в преподавании китайского языка становится особенно актуальным в условиях растущего интереса к его изучению, связанного с расширением международных связей и развитием сотрудничества Беларуси и Китая.

Тем не менее, несмотря на признанную эффективность данного подхода, вопросы методического и тематического оснащения проектной деятельности остаются недостаточно проработанными.

Цель настоящей статьи – представить актуальные проекты по китайскому языку, используемые в рамках факультатива и проанализировать способы их реализации.

В связи с ограниченностью объёма публикации, представим лишь наиболее показательные проекты, основанные на действующих учебных программах по китайскому языку для учреждений общего среднего образования, а также на материалах современных методических пособий [2, с. 3-5], [3, с. 88], [4, с. 65-67], [5, с. 43-46], [6, с. 79-83]. Тематика проектных

заданий определяется с учётом содержания учебной программы по китайскому языку и возрастным особенностям обучающихся [2, с. 3-6].

В работе на факультативных занятиях нами были выбраны следующие направления проектов:

- еда («Китайская и белорусская кухня»);
- спорт («Виды спорта в Китае и Беларуси»);
- хобби («Моё хобби»).

Выбор тем обусловлен их близостью к жизненному опыту учащихся, культурной значимостью, потенциалом для формирования межкультурной компетенции. Как отмечает Савенков А.И., успешная реализация проектной деятельности требует связи с личностно значимыми для учеников вопросами, что способствует росту мотивации и вовлечённости [7, с. 44-47].

Каждый проект ориентирован на достижение нескольких целей: расширение тематического словаря, формирование навыков устной и письменной речи, овладение элементами межкультурной коммуникации.

Проект «Китайская и белорусская кухня» – информационно-творческий проект, его цель заключается в сравнении традиционных блюд двух культур.

На подготовительном этапе учащиеся работали с иллюстрациями, видео, текстами о китайских и белорусских блюдах, составляли мини-словари с новой лексикой. Продуктом проекта стали постеры с иллюстрациями и описаниями блюд, устные презентации, представленные на китайском языке с опорой на визуальный контент.

В результате проекта получили развитие следующие компетенции:

- лингвистическая (расширение словарного запаса);
- коммуникативная (умение презентовать информацию устно);
- межкультурная (осознание культурных различий и сходств).

Можно отметить рост уверенности у учащихся при использовании китайского языка в устной речи, что подтверждается результатами анкетирования, проведённого после завершения проекта.

Проект «Виды спорта в Китае и Беларуси» имел сравнительный и исследовательский характер. Учащиеся анализировали информацию о популярных видах спорта в обеих странах, анализировали источники, готовили коллективную презентацию, создавали настенный плакат.

Этап презентации сопровождался инсценировкой спортивного интервью, где один ученик играл роль китайского спортсмена, другой - журналиста.

Формируемые компетенции:

- кооперативная (работа в команде, распределение ролей);
- коммуникативная (диалогическая и монологическая речь);

- мышления (анализ и сравнение информации).

Проект способствовал развитию критического мышления и навыков сопоставительного анализа, а использование интерактивных заданий поддерживало высокий уровень вовлечённости.

Проект «Моё хобби» – личностно-ориентированный проект. Его цель – рассказать об увлечениях на китайском языке. Каждый учащийся готовил индивидуальную презентацию с использованием картинок, рисунков, коллажа.

Презентации сопровождались короткими устными выступлениями с элементами демонстрации (например, музыкальных инструментов, поделок, спортивных достижений).

Компетенции, развиваемые в ходе проекта:

- личностное развитие (самовыражение, развитие интересов);
- эмоциональная регуляция (публичное выступление, преодоление волнения);
- коммуникативная (рассказывать о себе, отвечать на вопросы).

Учащиеся отметили, что участие в проекте помогло им почувствовать уверенность в использовании китайского языка, а атмосфера поддержки способствовала преодолению языкового барьера.

Проекты реализовывались по стандартной схеме: выбор темы, постановка целей, планирование, выполнение, презентация, рефлексия.

На всех этапах учитель выполнял роль фасилитатора: направлял работу, оказывал консультации, обеспечивал доступ к ресурсам, формировал критериальную базу для оценки.

Как подчёркивает Полат Е.С., роль педагога в проектной деятельности заключается не в контроле каждого шага, а в создании условий для самостоятельного поиска и творчества учащихся [8, с. 157-160].

По итогам проектной деятельности проводилась рефлексия, включавшая обсуждение трудностей, достижений, самооценку и взаимооценку, что способствовало формированию умения анализировать собственную деятельность, повышению мотивации и развитию ответственности за результаты.

Таким образом, проектная технология доказывает свою эффективность в преподавании китайского языка на факультативных занятиях. Реализация тематических проектов по направлениям «Еда», «Спорт», «Хобби» позволяет расширить лексический запас и коммуникативные навыки, способствует формированию межкультурной, кооперативной, коммуникативной компетенций.

Повышение интереса, вовлечённости и уверенности учащихся в использовании китайского языка в устной речи свидетельствует о потенциале проектной технологии как средства повышения качества образования.

Перспективным направлением видится внедрение проектов на основе применения цифровых ресурсов, мультимедийных технологий с учётом возрастных и индивидуальных особенностей учащихся.

Библиографические ссылки

1. Образовательные стандарты общего среднего образования: утв. постановлением Министерства образования Республики Беларусь от 29 марта 2023 г. № 69. Минск: Министерство образования Республики Беларусь, 2023. 34 с. (Система образовательных стандартов Республики Беларусь).

2. Учебная программа факультативного занятия «Китайский язык» для III–XI классов учреждений образования, реализующих образовательные программы общего среднего образования // Министерство образования Республики Беларусь. Минск, 2023. URL: https://adu.by/images/2023/in_yaz/fz-kitajsk-yaz-3-11kl.pdf (дата обращения: 29.04.2025).

3. *Пониматко А. П.* Китайский язык / Кітайская мова. 3 класс: учебник для учреждений общего среднего образования. Минск: Вышэйшая школа, 2015.

4. *Пониматко А. П.* Китайский язык / Кітайская мова. 4 класс: учебник для учреждений общего среднего образования. Минск: Адукацыя і выхаванне, 2024.

5. *Пониматко А. П.* Китайский язык / Кітайская мова. 7 класс: учебник для учреждений общего среднего образования / Минск: Вышэйшая школа, 2019.

6. *Полат Е. С., Бухаркина М. Ю.* Новая педагогика: обучение с использованием информационных технологий. М. : Академия, 2019. 240 с.

7. *Савенков А. И.* Проектная деятельность школьников: теория и практика. М. : Просвещение, 2021. 192 с.

8. *Полат Е. С.* Современные педагогические и информационные технологии в системе образования: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. 4-е изд., стер. М. Академия, 2014. 272 с.

ИГРОВЫЕ МЕТОДЫ КАК СРЕДСТВО АКТИВИЗАЦИИ УЧЕБНО-ПОЗНАВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СТАРШЕКЛАССНИКОВ В БЕЛАРУСИ И КИТАЕ

Ван Цзин

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, fanxi0109@gmail.com
Научный руководитель – Е. Н. Можар, кандидат педагогических наук*

В статье рассматриваются организационно-педагогические условия применения игровых методов в образовательной практике учреждений общего среднего образования Республики Беларусь и Китайской Народной Республики.

Выявлены сходства и различия в институциональных и педагогических подходах к использованию игр, обозначены ключевые барьеры и затруднения, возникающие при их реализации.

Ключевые слова: игровые методы; история; старшеклассники; учебно-познавательная деятельность; педагогические условия; Беларусь; Китай.

Игровые методы как средства активизации учебно-познавательной деятельности старшеклассников становятся всё более популярными в современных образовательных системах, включая Республику Беларусь и Китайскую Народную Республику.

Эти способы обучения направлены на создание позитивной и увлекательной атмосферы в классе, что, в свою очередь, способствует активному вовлечению учеников в учебный процесс.

В Беларуси игровые методы используют для формирования не только академических знаний, но и социальных навыков, что делает образование более комплексным и отвечающим современным требованиям. Разнообразные формы игр, такие как ролевые, деловые и игровые задания, помогают учащимся не только усваивать материал, но и развивать критическое мышление, креативность и командный дух.

Применение таких методов способствует созданию активной учебной атмосферы, где студенты могут свободно выражать свои мысли и идеи, а также учиться работать в команде.

В Китайской Народной Республике также наблюдается растущий интерес к игровым методам в образовании. Государственные образовательные реформы нацелены на модернизацию обучения и внедрение активных форм, таких как образовательные игры и симуляции.

Учителя в Китае используют эти методы для повышения мотивации и заинтересованности старшеклассников, стремясь сделать уроки более интерактивными и интересными.

Например, использование симуляций может помочь учащимся луч-

ше понять сложные концепции в предметах, таких как экономика или естественные науки, путем практического применения знаний в моделях реальной жизни.

Организационные условия применения игровых методов представляют собой совокупность внешних факторов, обеспечивающих реализацию игровой модели обучения в рамках учебной программы.

На современном этапе система образования Республики Беларусь и Китайской Народной Республики демонстрирует стремление к внедрению активных методов обучения, что отражается в нормативно-методических документах, стратегиях цифровизации и развития педагогических компетенций.

В Беларуси одним из благоприятных условий является относительная автономия образовательных учреждений в выборе форм и методов преподавания. Учитель имеет возможность варьировать структуру занятия в зависимости от целей и содержания темы.

На практике это позволяет использовать игровые формы как часть обобщающего, вводного или практико-ориентированного урока.

Например, в рамках темы «Великая Отечественная война» был успешно применён метод исторической реконструкции с распределением ролей и разработкой групповых презентаций.

В Китае организация учебного процесса более централизована. Стандартизированное содержание учебников и высокая нагрузка на итоговую аттестацию ограничивают использование нестандартных форм в урочной системе.

Вместе с тем в рамках внеклассной деятельности, кружков и модульных программ наблюдается активное развитие игровых практик.

Общие организационные условия, способствующие успешному применению игровых методов, включают: наличие административной поддержки инициатив педагогов; доступ к информационно-коммуникационным технологиям; достаточный временной ресурс для подготовки и проведения игровых занятий; наличие нормативной базы, допускающей вариативность методик; материально-техническая оснащённость (плакаты, игровые карточки, интерактивные платформы).

Педагогические условия – это внутренние, методические и психолого-педагогические аспекты, без которых применение игры в учебном процессе теряет эффективность.

Кроме того, важной педагогической задачей является формирование у школьников навыков самоанализа, рефлексии и оценки учебных действий в ходе игровой деятельности.

Анализ педагогической практики позволил выделить основные проблемы, сдерживающие внедрение игровых методов в практике обучения:

1) методическая недостаточность. Во многих школах отсутствуют утверждённые методические пособия и конструкторы игровых занятий по учебным предметам.

Учителям приходится самостоятельно разрабатывать сценарии, что увеличивает педагогическую нагрузку;

2) ограниченность времени. В условиях жёсткой привязки к учебным программам и итоговой аттестации учителя испытывают дефицит времени для проведения полноценной игры, особенно в старших классах;

3) низкий уровень ИКТ-компетентности. Для цифровых игр и онлайн-платформ требуется уверенное владение соответствующими инструментами, что пока не является нормой в педагогической среде;

4) стереотипы восприятия. Некоторые педагоги и родители воспринимают игру как развлечение, не соответствующее «серьёзности» изучения учебного предмета.

Это требует просветительской и информационной работы;

5) различия в образовательных системах. В КНР большая часть учебного времени уходит на подготовку к экзаменам, и это ограничивает возможности вариативности и творчества, в том числе в выборе игровых форм.

Для преодоления обозначенных барьеров представляется целесообразным: разработка и внедрение модульных программ по играм; проведение курсов повышения квалификации по игровым методам; стимулирование педагогических инициатив и обмена опытом; институциональная поддержка инновационных практик.

Несмотря на различия в структуре и приоритетах систем образования педагога и наличие ресурсной базы обеспечивают эффективность игрового подхода.

Библиографические ссылки

1. Вишневская С. Г. Игровые технологии в обучении: методические рекомендации. Минск Адукацыя і выхаванне, 2020.
2. Шамова Т. И. Педагогические технологии: учебное пособие. М. Академия, 2021.
3. Чжен Л. Инновационные подходы в китайском школьном образовании // Образование и наука. 2022. № 5. С. 45–51.
4. Юн С. В. Внедрение игровых методов в образовательный процесс в КНР: опыт и перспективы // Педагогика. 2021. № 9. С. 33–38.
5. Проектирование педагогических условий учебной деятельности / под ред. В. А. Сластёнина. М.: Изд-во Центр педагогического образования, 2019.
6. Лобок А. М. Педагогика воображения и игрового мышления. Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. пед. ун-та, 2020.

7. Лазебникова А. В. Игровые формы в преподавании истории в старших классах // История и обществознание в школе. 2023. № 2. С. 22–26.
8. Ильин Е. П. Психология мотивации и эмоций. СПб.: Питер, 2021.
9. Использование ИКТ и цифровых технологий в образовательном процессе: сборник статей / под ред. Н. И. Полякова. Минск : БГУ, 2022.
10. Министерство образования Республики Беларусь. Концепция развития цифровой образовательной среды: официальный документ. Минск, 2021.

ПЕРСОНАЛИЗАЦИЯ ИЗУЧЕНИЯ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО НА ОСНОВЕ БОЛЬШИХ ДАННЫХ

Ван Шуан

*Белорусский государственный университет, ул. Кальварийская, 9,
220004, г. Минск, Беларусь, wangshuang699123@gmail.com
Научный руководитель – Г. В. Пальчик, доктор педагогических наук, профессор.*

В статье рассмотрены такие методы анализа, как кластеризация, выявление учебных паттернов и построение профилей обучающихся, а также стратегии адаптации преподавания к индивидуальным потребностям для повышения эффективности усвоения китайского языка как иностранного.

Ключевые слова: преподавание китайского языка как иностранного; большие данные; анализ данных поведения; смешанное обучение; персонализированное обучение.

В последние годы с развитием инициативы «Один пояс, один путь» значительно вырос интерес к изучению китайского языка, при этом спрос стал более разнообразным, что создает новые вызовы в содержании, методах преподавания и оценке.

Традиционная модель, ориентированная на учебник и преподавателя, не учитывает индивидуальные траектории, темпы усвоения и когнитивные особенности обучающихся. Развитие информационных технологий ускорило цифровую трансформацию образования, особенно в рамках смешанного обучения. Оно расширяет возможности преподавания и способствует накоплению больших данных о поведении обучающихся через просмотр видео, выполнение заданий, участие в обсуждениях формируются учебные траектории, поддающиеся анализу и позволяющие персонализировать обучение. Использование больших данных для анализа поведения обучающихся, выявления их характеристик и оптимизации педагогических стратегий становится ключевой задачей.

Цель статьи – исследовать ценность и методы анализа учебного поведения для персонализации обучения китайскому языку как иностранному с учетом международного контекста и современных технологий.

Смешанное обучение, сочетающее онлайн-курсы и очные занятия, а также модели «перевернутого класса», обеспечивает гибкость и адаптацию образовательного процесса.

Преподавание китайского языка осложняется специфическими особенностями: иероглифическая письменность, тональная система и культурно обусловленные грамматические и коммуникативные трудности.

Данные цифровых платформ – частота входов, время выполнения заданий, активность в обсуждениях – позволяют выявлять стили обучения, когнитивные особенности и культурные различия, что способствует своевременному педагогическому вмешательству (например, коррекция порядка слов или стимулирование устной практики).

Интеллектуальный анализ поведенческих данных – междисциплинарный подход, объединяющий педагогические технологии, науку о данных и лингвистику. Он выявляет скрытые закономерности, особенности групп и поведенческие паттерны, поддерживая обоснованные педагогические решения и создание рекомендательных систем, соответствующих индивидуальным потребностям. Поведенческие данные включают информацию об учебном прогрессе, выполнении заданий, просмотре видео, фонетических упражнениях, обращении к словарю, времени на платформе и ошибках. Их анализ с помощью методов интеллектуального анализа данных служит основой для персонализации и оптимизации обучения.

Кластерный анализ сегментирует обучающихся по поведенческим характеристикам: частоте входа, продолжительности просмотра, уровню лексики и др. Например, выделяются активные и пассивные, а также «интенсивные», «постепенные», «скачкообразные» типы учебной активности. Это позволяет адаптировать содержание и темп обучения. Анализ последовательных паттернов выявляет порядок и структуру учебной активности: обычно обучающиеся проходят путь от лексики к грамматике, аудированию и говорению. Метод выявляет типичные учебные маршруты, помогает строить сценарии обучения и обнаруживать «узкие места» для своевременной поддержки. Профилирование обучающихся на основе многомерных данных формирует модели индивидуальных характеристик: учебные интересы (например, предпочтения видеоконтента), уровень знаний (объем словарного запаса, грамматическая точность), учебные привычки (частота выполнения заданий, активное время), стиль взаимодействия (участие в форумах, вопросы преподавателю). Эти профили лежат в основе рекомендательных систем и помогают преподавателям назначать персонализированные задания и рационально распределять ресурсы.

В смешанном обучении анализ поведенческих данных – не только инструмент оценки, но и основа персонализации, учитывающей когнитивные стили, способности, интересы и культурный фон обучающихся, а также особенности усвоения китайского языка.

Например, обучающимся с высоким лексическим уровнем подходят аутентичные тексты, а тем, кто испытывает трудности с фонетикой – специализированные модули. Платформа регулирует сложность и частоту заданий по темпу обучения.

Анализ учебных паттернов выявляет индивидуальные траектории: одни развивают устную речь перед письмом, другие изучают лексику и грамматику поэтапно. Гибкость последовательности модулей повышает мотивацию и эффективность. Персонализированное обучение требует точной и своевременной обратной связи, адаптированной к ошибкам: система может автоматически формировать пояснения или рекомендовать материалы с замедленной речью, что поддерживает саморегуляцию и результативность.

Преподаватель в новых условиях становится наставником, использующим данные для адаптации процесса – от подбора заданий до индивидуальных консультаций, что требует цифровых и аналитических компетенций. Персонализация способствует развитию автономности: визуализация прогресса, система достижений и напоминания повышают ответственность и мотивацию, особенно важные при изучении китайского как иностранного.

Несмотря на рост цифровых технологий, развитие платформ изучения китайского остается неравномерным. Многие ограничены базовым функционалом и не обеспечивают эффективный сбор и анализ данных, затрудняя персонализацию. Препятствием служит низкий уровень цифровой компетентности преподавателей и необходимость учитывать межкультурные различия при интерпретации данных.

Тем не менее, с развитием технологий анализ больших данных становится ключевым инструментом персонализации, учитывающим индивидуальные и культурные особенности Образованных. Смешанное обучение, интеллектуальные рекомендации и адаптивная аналитика обеспечивают гибкость и вовлечённость. Искусственный интеллект открывает новые возможности – автоматическая проверка письменных заданий и распознавание устной речи повышают качество обратной связи. Интеграция технологий и повышение цифровой грамотности создают основу для инновационного развития преподавания китайского языка как иностранного.

С развитием технологий больших данных и информационных систем преподавание китайского языка как иностранного переживает трансформацию: традиционные методы уже не отвечают индивидуальным потребностям учащихся.

Анализ учебных данных позволяет точно выявлять запросы обучающихся, адаптировать содержание и темп преподавания, повышать эффективность и обеспечивать образовательное равенство. В условиях смешанного обучения такие подходы способствуют персонализации и интеллектуализации процесса. Однако необходимо усиливать цифровую подготовку преподавателей и учитывать культурные различия. В будущем интеграция

технологий и педагогики будет способствовать глобальному развитию китайского языка и созданию персонализированных образовательных траекторий.

Библиографические ссылки

1. Тянь, Б. Исследование модели преподавания китайского языка как иностранного на фоне культурного контекста «Одного пояса - одного пути». Научный аспект. 2023. Т. 14, № 11. С. 1753-1760.

2. Чжуан, Б. Популяризация китайского языка: проблемы и перспективы преподавания китайского языка как иностранного / Китайская цивилизация в диалоге культур: Материалы IV Международной научно-практической конференции, Москва, 25 февраля 2021 года. Москва: Московский государственный областной университет, 2021. С. 227-231.

3. Сюй, Ф. Применение технологии «перевернутого класса» в обучении русскому языку как иностранному студентов в китайских вузах. Педагогическое образование. 2024. Т. 5, № 12. С. 139-144.

4. Токтарова, В. И. Предиктивная аналитика в цифровом образовании: анализ и оценка успешности обучения студентов / Сибирский педагогический журнал. 2022. № 1. С. 97-106.

5. Чэн, Ю. Возможности применения интеллектуальных платформ в рамках гибридного обучения китайскому языку / Общество: социология, психология, педагогика. 2024. № 9(125). С. 80-86.

ТИПЫ СЕМЕЙНОГО ВОСПИТАНИЯ: ОПЫТ РЕФЛЕКСИИ СТУДЕНТОВ ФСК БГУ

С. С. Гавриленко

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, sonyane@icloud.com
Научный руководитель – М. П. Редько, старший преподаватель*

В статье рассмотрены типы семейного воспитания по классификации Д. Баумринд. Описаны результаты исследования типов семейного воспитания студентов ФСК БГУ при помощи опросника «Родители оценивают дети». Выдвинута гипотеза о соотношении типов негармоничного воспитания с классификацией стилей семейного воспитания по Д. Баумринд.

Ключевые слова: типы семейного воспитания; опросник «Родители оценивают дети»; негармоничный тип воспитания.

Стиль воспитания – это совокупность эмоционального отношения и поведения родителей по отношению к ребенку, выраженная в использовании определенных методов педагогического воздействия.

Стиль семейного воспитания играет ключевую роль в формировании личности ребенка и его адаптации к социальной среде. Он определяет, как родители взаимодействуют с детьми, какие ценности и нормы передаются, а также как ребенок воспринимает себя и окружающий мир.

В 1991 г. американским исследователем Дианой Баумринд была предложена классификация стилей семейного воспитания.

По этой классификации существует три стиля семейного воспитания: авторитетный (демократический), авторитарный и либеральный (попустительский). Позже, благодаря работам Элеонора Маккоби и Дэвида Мартина, был добавлен четвертый стиль – пренебрегающий.

Классификация стилей воспитания по Д. Баумринд включает четыре типа [2].

1. Авторитарный стиль. Характеризуется высокими требованиями и низким уровнем эмоционального принятия. Родители устанавливают строгие правила и ожидают их безусловного соблюдения. В этом стиле общения отсутствует открытый диалог, что может привести к тому, что дети становятся послушными, но менее самостоятельными и уверенными в себе.

2. Авторитетный стиль. Сочетает высокие требования с высоким уровнем эмоционального принятия. Родители поддерживают своих детей, поощряют их самостоятельность и вовлекают в обсуждение правил и решений. Этот стиль считается оптимальным для развития уверенных и ответственных личностей.

3. Попустительский (либеральный) стиль. В этом стиле родители проявляют низкие требования и высокое эмоциональное принятие. Они позволяют детям действовать по своему усмотрению, часто потакая их желаниям. Это может привести к тому, что дети вырастают избалованными и не умеющими справляться с трудностями.

4. Пренебрегающий стиль. Этот стиль характеризуется низким уровнем как требований, так и эмоционального принятия. Родители в таких семьях часто игнорируют потребности и интересы детей, что может негативно сказаться на развитии и самооценке.

В ходе моего исследования были проанализированы типы семейного воспитания студентов ФСК БГУ. Использован опросник «Родителей оценивают дети» (РОД), который предназначен для изучения представлений детей о стиле семейного воспитания. Этот опросник был разработан И. А. Фурмановым, Н. В. Фурмановой и А. А. Аладыным и представляет собой модификацию опросника «Анализ семейного воспитания» [1].

Опросник включает 120 утверждений, которые позволяют получить информацию по 18 шкалам, отражающим различные аспекты детско-родительских отношений. При обнаружении нескольких особенностей (отклонений) воспитания, следует обратиться к таблице «Диагностика типов негармоничного (патологизирующего) семейного воспитания» для установления конкретного, присутствующего в воспитательном поведении данного родителя типа семейного воспитания.

В опроснике «РОД» выделены следующие типы негармоничного семейного воспитания:

Потворствующая гиперпротекция. Ребенок находится в центре внимания семьи, которая стремится к максимальному удовлетворению его потребностей.

Доминирующая гиперпротекция. Ребенок в центре внимания родителей, которые отдают ему много сил и времени. Однако в то же время лишают его самостоятельности, ставя многочисленные ограничения и запреты.

Повышенная моральная ответственность. Этот тип воспитания характеризуется сочетанием высоких требований к ребенку с пониженным вниманием к его потребностям.

Эмоциональное отвержение. В крайнем варианте это воспитание по типу «Золушки». В основе эмоционального отвержения лежит осознанное или, чаще, неосознанное отождествление родителями ребенка с какими-либо отрицательными моментами в собственной жизни. Ребенок в этой ситуации может ощущать себя помехой в жизни родителей, которые

устанавливают в отношениях с ним большую дистанцию. При жестоком обращении родителей с детьми на первый план выходит эмоциональное отвержение, проявляющееся наказаниями в форме избиений и истязаний, лишением удовольствий, неудовлетворением их потребностей.

Гипопротекция (гипоопека). Ребенок предоставлен самому себе, родители не интересуются им и не контролируют его. Соотношение классификации по Д. Баумринд к результатам опросника «РОД»:

- авторитарному стилю соответствует доминирующая гиперпротекция, жестокое обращение родителей с детьми, эмоциональное отвержение и повышенная моральная ответственность;
- либеральному стилю соответствует потворствующая гиперпротекция;
- пренебрегающему стилю соответствует гипопротекция и эмоциональное отвержение;
- авторитетному стилю нет соответствия.

В ходе исследования было опрошено 20 студентов ФСК, получено 20 таблиц с индивидуальными результатами. Если у студента было выявлено более 2 признаков негармоничного воспитания, то я засчитывала этот тип как присутствующий в его воспитании.

В результате обработки полученных материалов было установлено следующее:

- потворствующая гиперпротекция выявлена у 14 человек (70% опрошенных);
- гипопротекция (гипоопека) выявлена у 8 человек (40% опрошенных);
- жестокое обращение родителей с детьми выявлено у 3 человек (15% опрошенных);
- доминирующая гиперпротекция выявлена у 1 человек (5% опрошенных);
- повышенная моральная ответственность не выявлена;
- эмоциональное отвержение не выявлено.

Необходимо отметить, что признаки негармоничного воспитания редко встречаются в единственном числе, чаще всего это сочетание разных признаков. Связано это с тем, что в разных ситуациях родители могут вести себя по-разному. Кроме того, родители могут действовать и реагировать по-разному в одной и той же ситуации, т.е. реакция папы отличается от реакции мамы.

Было установлено, что самый распространенный тип негармоничного воспитания среди студентов ФСК – это потворствующая гиперпротекция

(70% опрошенных). Этот тип, по моему мнению, соответствует либеральному типу воспитания по классификации Д. Баумринд. Возможно, побочным результатом такого типа воспитания стал выбор абитуриентом гуманитарного факультета.

Второе место занимает гипопротекция (гипоопека) (40% опрошенных), соответствует пренебрегающему типу семейного воспитания.

Третьим по распространенности (15% опрошенных) является авторитарный стиль воспитания, которому соответствуют доминирующая гиперпротекция и жестокое обращение родителей с детьми.

Библиографические ссылки

1. *Фурманов И. А, Фурманова Н. В, Аладьин А. А.* Психологическая работа с детьми, лишенными родительской опеки. Мн. :Тесей, 1999.

2. Характеристика стилей родительского воспитания URL: https://www.defectologiya.pro/zhurnal/xarakteristika_stilej_roditelskogo_vospitaniya (дата обращения: 10.05.2025).

ТРАДИЦИОННЫЕ И СОВРЕМЕННЫЕ ЦЕННОСТИ В КИТАЙСКОЙ СЕМЬЕ: МНЕНИЯ МОЛОДЫХ КИТАЙЦЕВ

Гао Хансин

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, gaohangxing231@gmail.com*

Научный руководитель – И. И. Калачева, доктор исторических наук, профессор

Статья посвящена анализу традиционных и современных ценностей в китайской семье с точки зрения реализации данных ценностей в жизни современной китайской молодёжи. Рассматриваются приоритеты ценностей, нравственные ориентиры в восприятии роли родителей, отношения между поколениями и влияние информационных технологий на воспитание детей в условиях глобализации.

Ключевые слова: китайская семья; традиционные ценности; современные ценности; глобализация; молодёжь; информационные технологии.

Китайская семья традиционно считается основой общества, где ценности, передаваемые из поколения в поколение, формируют нравственные и социальные ориентиры. Однако в условиях глобализации, усиления западного влияния и развития информационных технологий молодое поколение китайцев сталкивается с новыми вызовами, которые трансформируют семейные ценности. Статья написана на основании изучения проблемы в рамках нашего диссертационного исследования, в ней представлено обобщенное мнение как российских, так и китайских авторов по теме. Цель данной работы – изучить, какие традиционные и современные ценности функционируют в китайской семье сегодня, а также выявить приоритеты молодёжи с точки зрения реализации данных ценностей в современной жизни. В целом, исследование данной темы направлено на комплексное изучение семейных ценностей в современном китайском обществе, в нём ставятся следующие задачи: определить ключевые ценности в китайской семье, дать анализ проблемы; изучить нравственные ориентиры молодёжи, связанные с родительской ролью и др. Для достижения поставленных целей в диссертации используется комплексная методология исследования, которая включает анализ научной литературы по вопросам семейной педагогики и психологии, социологии и культурологии.

В данной статье мы опираемся на анализ научной литературы, представленной в списке.

Китайская семья на протяжении веков оставалась основой общественной структуры, отражая глубокие культурные и философские традиции, укоренённые в конфуцианстве, даосизме и буддизме. Традиционные ценности, такие как сыновняя почтительность (сяо), уважение к старшим,

иерархия в семье и приоритет коллективных интересов над индивидуальными, продолжают играть важную роль в современном Китае [1, с.8]. Однако под влиянием глобализации, урбанизации, экономического роста и западной культуры молодое поколение китайцев переосмысливает эти ценности, формируя новые взгляды на семью, брак и межпоколенческие отношения. На основе анализа научной литературы и доступных онлайн-источников можно выделить основные тенденции и мнения молодых китайцев по этому вопросу.

Традиционно китайская семья строилась на конфуцианских принципах, где сыновняя почтительность считалась одной из центральных добродетелей. Это означало не только заботу о родителях, но и подчинение их воле, сохранение семейной гармонии и продолжение рода. В сельских районах и среди старшего поколения эти ценности всё ещё сохраняют значимость. Например, забота о родителях остаётся важнейшей обязанностью детей, хотя демографическая политика, проводившаяся в период 1979–2015 гг., усложнила традиционную систему ухода за пожилыми родственниками. Теперь уже одному ребенку в семье приходится заботиться о двух родителях и четырёх бабушках и дедушках.

Однако, молодые китайцы, особенно в городах, всё чаще отходят от строгого следования этим традициям [2, с. 23]. Согласно исследованиям, урбанизация, рост уровня образования и экономическое развитие способствуют ценностным конфликтам между поколениями. Молодёжь становится более самостоятельной и решения о браке, карьере или рождении детей всё чаще принимаются независимо от мнения родителей.

Гендерные роли в китайской семье также претерпевают изменения. Традиционно в общественном мнении предпочтение отдавалось мальчикам, которые считались продолжателями рода, тогда как девочки имели более низкий статус. Однако рост образовательных и карьерных возможностей для женщин, а также изменения в демографической политике способствовали переоценке гендерных ролей.

Молодые китайцы всё чаще выступают за равноправие в семье, где обязанности по воспитанию детей и ведению хозяйства делятся между супругами. Исследования учёных показывают, что женщины в Китае добиваются значительных успехов в учёбе и карьере, что снижает гендерный дисбаланс и меняет традиционные ожидания от брака [2, с. 1455]. Тем не менее, давление общества остаётся: молодые мужчины часто сталкиваются с необходимостью быть обеспеченным жильём для того, чтобы быть «привлекательными» кандидатами для брака, что подчёркивает сохраняющееся влияние традиций.

Современные молодые китайцы всё чаще осознают, что традиционные взгляды на семью, к примеру, предпочтение рождения мальчиков, чем девочек, больше не соответствуют реальным условиям жизни [3, с.169]. В прошлом считалось, что только сын может обеспечить будущее семьи, сохранить её наследие и поддержать «семейный огонь». Однако сейчас многие молодые люди отвергают эту концепцию, считая, что и сыновья, и дочери одинаково ценны для семьи [4, с.169].

В обществе наблюдается рост уважения к женщинам, а также повышение их роли в семье и социальной жизни. Молодёжь всё чаще делает выбор в пользу рождения девочек, так как они, по мнению родителей, более спокойные, заботливые и внимательные.

Кроме того, воспитание дочери зачастую обходится дешевле, чем сына, так как не требуется тратить деньги на покупку жилья или совершать другие крупные финансовые вложения.

С появлением современных ценностей молодые китайцы начали воспринимать семью как пространство равенства, где каждый член, независимо от пола, приносит свою уникальную пользу. Они всё реже, по сравнению со своими старшими родственниками, обращают внимание на стереотипы, не разделяя ценностное отношение к рождению сына.

Молодёжь считает, что необходимость рождения сына для защиты семьи от «чужаков» не является ведущим мотивом.

Стоит отметить, что наблюдается тенденция молодёжи к уходу от глубокого самоанализа и критики своего поведения в пользу более широкого взгляда на семейные отношения и общественные нормы [5, с.175-176].

В традиционной китайской культуре семья всегда занимала центральное место. Родители воспринимались как несомненные авторитеты, а их мнение считалось обязательным для исполнения.

Однако современное молодое поколение всё чаще осознаёт, что такие подходы не всегда способствуют гармонии в семье. В то же время, вместо того чтобы напрямую противостоять этим устаревшим нормам, многие предпочитают рассматривать семейные проблемы как часть более широкой картины социальных изменений [6].

Одной из ключевых проблем остаётся феномен «слепой почтительности» или «чрезмерного уважения» к старшим. Молодёжь часто сталкивается с давлением со стороны старших членов семьи, требующих следовать традициям, которые уже не всегда сочетаются с их индивидуальными потребностями и желаниями. Тем не менее, этот переходный период сопровождается внутренними противоречиями. С одной стороны, молодёжь стремится к новым горизонтам и свободе от устаревших традиций; с другой

стороны, они продолжают испытывать влияние семейных ожиданий и общественного давления. Это часто приводит к формированию нового типа семейных отношений, где традиционные и современные ценности сосуществуют, создавая уникальную динамику.

Библиографические ссылки

1. *Белая Е. Г.* Современная городская китайская семья (по данным полевого исследования 2005-2007 гг., Харбин) // Вестник ДВО РАН. 2008. №5. С. 8.
2. *Веселова Л. С.* Изменение статуса женщин в современном Китае: новые вызовы и возможности // Учён. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2018. №6. С. 1455-1465.
3. *Лю Пэн.* Воздействие средств массовой информации на формирование ценностных ориентаций молодежи Китая // Актуальные вопросы современной науки. 2010. №15. С.169.
4. *Челнокова-Щейка А. В.* Трансформация семейных ценностей в современном Китае // Знание. Понимание. Умение. 2013. № 4. С.169.
5. *Чжоу Хуэйшань* Особенности традиционной китайской семьи //Восточно-европейский научный журнал. 2015. Vol. 2, no. 3. С. 175-176.
6. *Чэ Тунбо* Принцип сыновней почтительности в родильной обрядности и погребальных церемониях и его особенности в Китае // Известия РГПУ имени А. И. Герцена. 2009. №117.

РАЗВИТИЕ УНИВЕРСАЛЬНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ УЧАЩИХСЯ СРЕДНИХ СПЕЦИАЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ ОБРАЗОВАНИЯ

М.И. Гордейчук

*Белорусский государственный университет, ул Кальварийская, 9,
220004, г. Минск, Беларусь, mgordejczuk9@gmail.com*

Научный руководитель – И. И. Петрашевич, кандидат педагогических наук, доцент

Универсальные компетенции являются отражением ожидания современного общества в части социально-личностного позиционирования в нем современного выпускника колледжа. Существующие подходы к классифицированию универсальных компетенций базируются на их метапредметности и практикоориентированности. Данная статья направлена на формулирование перечня универсальных компетенций выпускника современного колледжа.

Ключевые слова: универсальные компетенции, компетентностный подход, образование, средние специальные учреждения образования.

Успех современного специалиста складывается из глубоких знаний, трудового опыта и из способности устанавливать трудовые отношения, умений продуктивно работать в коллективе, воспринимать оппонирующую сторону, быстро и эффективно решать конфликтные ситуации, возникающие в процессе трудовой деятельности и др. [1].

Под универсальными компетенциями в действующих образовательных стандартах профессионально-технического и среднего специального образования понимают компетенции, формируемые и развиваемые у обучающихся в соответствии с требованиями к рабочему с профессионально-техническим или средним специальным образованием и отражающие его способность применять базовые общекультурные знания и умения, а также социально-личностные качества, соответствующие запросам государства и общества [2, с. 3].

Универсальные компетенции в разрезе процесса формирования и развития в учреждениях высшего образования как объект исследования выступают в трудах таких учёных, как Зеер Э. Ф. [3], Тарханова И. Ю. [4], Зимняя И. А. [5], Хуторской А. В. [6], Белкина В. В. [7], Казакова Е. И. [8]. При этом вопрос формирования и развития универсальных компетенций в учреждениях среднего специального образования остаётся недостаточно исследованным. Следует отметить, что единого подхода к определению понятия универсальные компетенции не сформулировано.

Зеер Э. Ф. трактовал универсальные компетенции как способность индивида справляться с социально-профессиональными задачами, что обеспечивает динамичную профессиональность: успешную адаптацию и

мобильность [3, с. 41]. На наш взгляд, данное определение является весьма обобщённым. По этой причине Зеер Э. Ф. исследовал состав универсальной компетенции с методологической позиции, что позволило провести её функциональный анализ. Универсальность в данном случае понимается как способность человека устанавливать связи между знанием и реальной ситуацией, осуществлять принятие верного решения, вырабатывать алгоритм действий для достижения результата в короткий срок с минимальными затратами, что делаем термин универсальные компетенции применимым в любой сфере образования. Для формулирования определения «универсальные компетенции» Зеер Э. Ф. провёл опытно-поисковое исследование, в результате которого выделил:

- инструментальные универсальные компетенции (способность к прогнозированию, пространственное воображение и комбинаторные способности, коммуникация, работа с технической документацией, инновация и рационализация, организация работы и контроль качества);
- социально-личностные (работоспособность, технический интеллект, готовность к экстренным действиям, организация собственной деятельности, ответственное отношение к труду, наблюдательность и способность оценивать, профессиональная дисциплина, готовность к обучению и самообучению, работа в команде, исполнительность, принятие решений, управление людьми [3, с. 41].

По мнению Тархановой И.Ю. универсальные компетенции предполагают не столько обладание знаниями, умениями и навыками, сколько способствуют формированию метапредметных результатов, выходящих за рамки учебной деятельности, обеспечивающих готовность эффективно действовать для решения разноплановых жизненных и профессиональных задач [4, с. 124].

Для формирования универсальных компетенций необходим деятельностный подход и обеспечение субъектной позиции обучающегося, условия для социально-коммуникативного взаимодействия, возможность обучения в ситуациях неопределённости; проведения самооценки и рефлексии; решение задач подготовки к самореализации не только в профессиональной, но и в социальной деятельности [4, с. 124]. Тарханова И.Ю. отождествляла универсальные компетенции, как способности успешной реализации индивидуального потенциала в любой сфере деятельности, и ключевые компетенции, сформулированные Зимней И.А. Универсальные компетенции разделены Тархановой И.Ю. на три группы, отражающие

способность к всевозможным формам сотрудничества и решению практико-ориентированных задач: межличностные, инструментальные, системные.

По мнению Белкиной В. В. универсальные компетенции отражают культурные и социальные запросы общества к личности выпускника, включают профессиональные характеристики, определяющие включение уровня образования в государственную систему образовательных стандартов [7, с. 121]. Формирование и развитие универсальных компетенций напрямую связано с универсализацией системы образования. Универсальные компетенции современного образования, по мнению Белкиной В. В., можно разделить на три ключевые группы:

- универсальные компетенции для трудового и мобильного поведения на рынке труда (системное и критическое мышление; разработка и реализация проектов; командная работа и лидерство; коммуникация; межкультурное взаимодействие);
- -универсальные компетенции для жизнеосуществления человека самоорганизация и саморазвитие (в т. ч. здоровьесбережение);
- универсальные компетенции для сохранения жизни на Земле – безопасность жизнедеятельности [7, с. 122].

По мнению Казаковой Е. И. универсальные компетенции имеют надпредметный характер, их формирование и развитие осуществляется в ходе организации разнообразных форм образовательного процесса вне зависимости от конкретного учебного предмета или учебной дисциплины, в ходе всего периода обучения.

Природа универсальных компетенций деятельностная, а не знаниевая, об этом свидетельствует превалирование в образовательном процессе учреждения образования не информирование обучающегося, а формирование и развитие умений практической направленности, в т.ч. разрешать проблемы, возникающие в ситуациях познания и объяснения явлений действительности, освоение современной техники и технологий, включение в ситуации профессионального и надпрофессионального взаимодействия [8, с.128].

Казакова Е. И. отмечает, что универсальные компетенции (способность внедрять новые практики и принимать технологические решения, умение планировать трудовую деятельность, системно и критически мыслить, умение взаимодействовать в команде, решать группой поставленные задачи) являются важнейшим средством подготовки современных кадров для реального сектора экономики [8, с. 133].

Исходя из вышеизложенного, предпримем попытку сформулировать перечень универсальных компетенций, формируемых и развиваемых у обучающихся колледжа. Современный выпускник должен:

- разделять государственную идеологию Республики Беларусь;
- на равных коммуницировать с окружающими;
- уметь совместно решать поставленные задачи;
- владеть основами правовой, информационной культуры;
- строить продуктивные отношения в социуме;
- придерживаться здорового образа жизни.

Универсальные компетенции формируют у человека готовность к независимой, автономной деятельности на благо общества и государства.

Библиографические ссылки

1. *Kasakova E., Kuznetsova I., Tarkhanova I.* University graduates' soft skills: the employers' opinion // *European journal of contemporary education*, 2018. Vol. 7 (4). P. 690-698.

2. Образовательный стандарт Республики Беларусь. Специальность 4-02-0732-04 «Отделочные строительные работы», утв. Пост. № 493 от 28.12.2022 г. Минск: РИПО, 2022. 8 с.

3. *Зеер Э. Ф., Заводчиков Э. Ф.* Идентификация универсальных компетенций выпускников работодателем // *Высшее образование в России*, 2007. № 11. С. 39–45.

4. *Тарханова И. Ю.* Формирование универсальных компетенций студентов вуза средствами учебной и производственной практики // *Социально-политические исследования*, 2019. № 1. С. 110-118.

5. *Зимняя И. А.* Ключевые компетенции – новая парадигма результата образования // *Эксперимент и инновации в школе*, 2009. № 2. С. 7-14.

6. *Хуторской А. В.* Модель компетентностного образования // *Высшее образование сегодня*. 2017. № 12. С. 9-16.

7. *Белкина В. В., Макеева Т. В.* Концепт универсальных компетенций высшего образования // *Ярославский педагогический вестник*, 2018. № 5. С. 117-126.

8. *Казакова Е. И., Тарханова И. Ю.* Об измерении сформированности универсальных компетенций студентов вузов // *Педагогика*, 2018. № 9. С. 79-83.

ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ВЫГОРАНИЕ ПЕДАГОГОВ: ПРОФИЛАКТИКА И ПРЕОДОЛЕНИЕ

В. В. Гринкевич

*Белорусский государственный университет, ул. К. Маркса, 31,
220030, г. Минск, Беларусь, vladagrink@gmail.com*

Научный руководитель – С. Н. Захарова, кандидат педагогических наук, доцент

В статье раскрывается сущность профессионального выгорания; рассматривается его специфика в педагогической деятельности; приводятся результаты анкетирования педагогов разного возраста и педагогического стажа, показывающие их самооценку степени профессионального выгорания; характеризуются способы борьбы с ним.

Ключевые слова: учитель; педагогическая деятельность; профессиональное выгорание.

Педагогическая деятельность всегда сопровождается эмоциональным напряжением, следствием которого могут стать ослабление устойчивости психических функций, частичная потеря работоспособности и даже соматические и нервно-психические болезни, что приводит к снижению психологической адаптивности, нарушению целостности личности преподавателя.

Одно из частых негативных последствий в деятельности учителей – синдром «эмоционального выгорания». Он возникает в ситуациях интенсивного профессионального общения под влиянием множества внешних и внутренних причин и проявляется как «приглушение эмоций», исчезновение остроты чувств и переживаний, увеличение числа конфликтов с партнерами по общению, равнодушие к переживаниям другого человека, потеря ощущения ценности жизни, утрата веры в собственные силы.

В отечественной психологии данная проблема исследовалась в контексте изучения ценностно-мотивационной сферы учителя и формирования жизненных смыслообразующих ценностей и значимых свойств личности.

Эмоциональное выгорание обуславливается индивидуально-личностными психологическими особенностями. К их числу относятся: низкий уровень эмоциональной устойчивости, повышенная тревожность, недостаточное развитие умений саморегуляции, эмоциональное напряжение, сдержанность, расслабленность, аналитический стиль мышления, ригидность (неспособность адаптироваться к новым условиям, идти на компромисс или менять свою систему взглядов и убеждений). Для диагностики выгорания необходимо учитывать наличие симптомов выгорания,

их очередность и временные взаимосвязи с жизненными изменениями, конфликтными ситуациями в семье и на работе, результаты тестирования.

Нами был проведен онлайн-опрос среди педагогов для оценки подверженности профессиональному выгоранию.

Были получены следующие результаты. Большинство участников опроса – представители женского пола (90 %) в возрасте до 30 лет (80 %).

По стажу педагогической деятельности выделены три группы: до 5 лет (68%), 5-10 лет (23%) и 11-20 лет (9%).

Среди участников опроса у большинства местом работы являются учреждения общего среднего образования (средняя школа (54%) и лицей (9%)); 18% респондентов работают в университете.

По пятибалльной шкале оценивания у большинства наблюдаются чувство усталости и морального истощения, раздражительность и вспыльчивость, ощущение бессмысленности своей работы, чувство некомпетентности и неуверенности в своих профессиональных навыках, ощущение, что работа отнимает слишком много сил и времени.

Кроме того, многие испытывают трудности с засыпанием, головные боли и отсутствие желания идти на работу.

Не наблюдаются негативное отношение и снижение интереса к общению с учениками и коллегами.

Опрошенные считают, что факторами, способствующими выгоранию, являются: высокая рабочая нагрузка, низкая оплата труда, отсутствие признания и благодарности за ваш труд, неадекватные требования со стороны руководства и нехватка времени на личные интересы и хобби. Меньшее количество опрошенных волнуют эмоциональное вовлечение в проблемы учеников, перфекционизм, сложность отделения работы от личной жизни, отсутствие возможностей для профессионального развития и конфликты с учениками или их родителями.

На вопрос об использовании каких-либо стратегий для преодоления и профилактики выгорания 60% ответили утвердительно.

Из предложенных в опросе стратегий выделились хобби (86%), общение с друзьями (60%), чтение книг/статей по психологии (60%), попытки установить границы между работой и личной жизнью (46%). Педагоги преимущественно оценивают эффективность своей профилактики на 3 балла по пятибалльной шкале (70%).

Как показывают исследования [2], если активно не вмешиваться в развитие профессионального выгорания, то самопроизвольного улучшения не происходит.

Для профилактики и преодоления выгорания широко используют различные методы психотерапии, методики здорового образа жизни, фармакотерапия.

В научной литературе [1, 2, 3] содержатся различные рекомендации по профилактике и преодолению профессионального выгорания.

Приведем самые частотные из них.

1. Принятие ответственности за свою жизнь и здоровье. Человек должен осознать, что его реакции на стрессовые ситуации зависят только от него самого, что можно обрести контроль над эмоциями и уменьшить их зависимость от стрессовых факторов.

2. В этом случае человек выходит из статуса жертвы обстоятельств, что является важным шагом на пути обретения стрессоустойчивости.

3. Нормализация психоэмоционального состояния и повышение уровня стрессоустойчивости, которая происходит за счет адекватного переживания эмоций, т.е. избавление от интенсивных негативных эмоций, эмоциональная разрядка.

4. Это достигается через обсуждение проблемы (с другом, специалистом), ведение дневника, релаксацию и дыхательную гимнастику.

Полезным бывает уединение, нахождение в течение 30-40 минут в полной тишине, переключение на хобби, книги, фильмы, общение с близкими людьми; нравственное совершенствование, тренинг уверенности в себе, укрепление самооценки, например, через методику «волшебный магазин» (представьте, что вы находитесь в волшебном магазине, в котором можно приобрести любую недостающую черту личности, примерить её на себя и взять её себе).

3. Оптимизация рабочей деятельности через акцент на те моменты в ней, которые доставляют удовольствие; поддержание здорового режима работы, который включает краткосрочное и долгосрочное планирование, установление очерёдности дел, частые короткие перерывы в работе (они более эффективны, чем редкие и длительные), профессиональное развитие; делегирование ответственности, выработку умения говорить «нет»; уход от ненужной конкуренции.

4. Здоровый образ жизни, предполагающий соблюдение режима труда и отдыха, рациональное питание, умеренную физическую нагрузку, адекватный сон, водные процедуры.

Профессиональное выгорание – серьезная проблема, которая негативно влияет на здоровье, самочувствие и эффективность работы педагогов. Профилактика и своевременное преодоление выгорания – необходимые условия для сохранения профессионального здоровья педагогов и обеспечения качественного образования.

Важно, чтобы сами педагоги, администрация образовательных учреждений и общество в целом уделяли достаточно внимания этой проблеме, создавая условия для поддержки и развития педагогов, обеспечивая им возможность для профессионального роста и самореализации.

Только в этом случае можно сохранить ценный кадровый потенциал и обеспечить будущее поколение квалифицированными и преданными своему делу педагогами.

Библиографические ссылки

1. *Протько Н.Н., Тюхлова И.Н., Мащенко И.В.* Синдром эмоционального выгорания: природа и профилактика. Минск: Белмапо, 2012.
2. *Овсянникова Т. Ю.* Психологические условия предупреждения синдрома эмоционального выгорания у преподавателей. Нижний Новгород: Литера, 2008.
3. *Чаплинская Я. И.* Профессиональное выгорание как современная форма отчуждения. Томск: Ветер, 2018.

ОРГАНИЗАЦИОННО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ФОРМИРОВАНИЯ РЕЧЕВЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ БУДУЩИХ РАБОТНИКОВ РАДИО И ТЕЛЕВИДЕНИЯ

А. С. Давыдик

*Белорусский государственный университет, ул. Кальварийская, 9,
220004, г. Минск, Беларусь, Davydzik@bsu.by,
Научный руководитель – Г.В. Пальчик, доктор педагогических наук, профессор*

В статье рассматриваются организационно-педагогические предпосылки эффективного обучения, методические приемы и образовательные технологии. Особое внимание уделено интерактивным подходам, практическому обучению, нейротехнологиям и проектной деятельности, способствующим формированию профессиональных навыков.

Ключевые слова: образование, учебный процесс, нейросеть, современные технологии, речевые компетенции, практика, журналистика, телевидение, радио, профессиональные компетенции.

В медиапедагогической парадигме речевые навыки включают как навыки устной и письменной речи [4, с. 121], в это же время, специалисты, специализирующие на подготовке студентов к публичной речи и публичным выступлениям, видят речевые компетенции журналистов в более конкретном воплощении умений и навыков: дикция, артикуляция, темпо-ритмическая организация, дыхание, активизация резонаторов и пр.

Учитывая многообразие обучающихся, необходимо реализовать персонализированный подход к процессу обучения: организации и проведения диагностики речевых компетенций; разработки индивидуализированных учебных траекторий; адаптации инновационных технологий в процесс обучения [3, с. 370].

Такой подход является наиболее актуальным в современных условиях рынка труда, в которых к работникам радио и телевидения предъявляются специализированные требования отрасли.

Работа в кадре менее требовательна к развитию тембра голоса, резонаторной системы и диафрагмально-брюшному дыханию, которое помогает формировать обертона, по причине визуальной составляющей телевидения: стандартный (обычный) голос компенсируется поведением ведущего и реакциями в коммуникативных ситуациях, в отличие от работы в эфире радио, в котором аудитория опирается лишь на аудиальное восприятие информации.

Для развития речевых компетенций важно создавать условия для связи теоретического обучения с практической деятельностью в целом,

например, практические симуляции интервьюирования или работы в радио и телевизионных студиях с микрофонами и суфлером помогают обучающимся отрабатывать речевые компетенции в рамках, которые приближены к реальным условиям. Помимо этого, такие занятия актуализируют для студентов важность речевых умений и навыков еще на начальной стадии обучения, демонстрируя им реальную ситуацию производства и их недостаточную компетентность в этой сфере, формируя изначальную мотивацию изучения специализированных дисциплин.

Моделирование условий работы корреспондента, которая является высокоактивной и энергозатратной, требует координации скоростных-двигательных навыков с дыхательной системой и артикуляторной моторикой, также позволяет акцентировать внимание студентов на развитии профессиональных речевых компетенциях журналиста, демонстрируя отличия доминирующих качеств и других аспектов в работе студийного ведущего от корреспондента: интенсивное речевое дыхание, высокая координация темпо-ритмической организации речи, в следствие этого повышенные требования к артикуляционно-дикционной пластичности речевого аппарата.

Помимо этого, важными предпосылками эффективного организационно-педагогического процесса являются поддержка обратной связи, а также адаптация систем оценивания компетенций к современным производственно-технологическим условиям, как например, проектирование портфолио студента по результатам практик, проведение аттестаций в проектных формах, формирование банка творческих заданий по дисциплинам, организация выездных занятий на базах филиалов и базовых организаций и т.д.

Результаты исследования, проведенного нами на кафедре телевидения и радиовещания БГУ, демонстрируют, что большинство обучающихся осознают трудности в развитии речевых навыков. Студенты отмечали, что проведение практических занятий и работа в теле и радиостудии существенно повышают уровень собственной уверенности, а также профессиональных компетенций, однако отсутствие координации при подготовке медиаконтента и прохождении производственных практик, существенно снижают мотивацию, компетентность и ориентацию в профессиональной среде [2, с. 68-69]. Исследование продемонстрировало, что развитие речевых навыков у будущих специалистов радиовещания и телевидения требует комплексного подхода, который включает не только теоретическую, но и практическую специальную подготовку, особенно речевых компетенций. Такой подход должен учитывать индивидуальные особенности и профессиональную траекторию студента: профилизация на радио или телевидении, наличие или отсутствие речевых дефектов, специфику

строения речевого аппарата, особенности дыхательной системы, специфику темпо-ритмических отклонений от профессиональной нормы и пр.

В этой связи особую роль начинают играть инновационные педагогические инструменты и технологии, такие как генеративный искусственный интеллект – нейросети, использование которых требует от педагогов специализированных цифровых и медиакомпетенций. Наше исследование, проведенное на кафедре телевидения и радиовещания, подтверждает эффективность внедрения таких технологий в образовательный процесс. В частности, в педагогическом эксперименте две группы студентов во время практических занятий по речи работали по-разному: одни использовали традиционные методики, вторые пользовались возможностями нейросетей для создания индивидуальных траекторий развития профессиональных речевых компетенций: подбирали упражнения под свои запросы, узнавали причину недостаточности, корректировали процесс в случае неудачи. Было установлено, что студенты, применяющие искусственный интеллект, достигают более высоких результатов в развитии дикции, артикуляции, интонации и звучании голоса. Помимо этого, у экспериментальной группы, в отличие от контрольной, сохраняется высокая мотивация на протяжении всего периода обучения, вероятнее всего, нейросети дополнительно выступают как инструмент игрового вида деятельности.

Дальнейшие исследования будут сфокусированы на подробном анализе влияния разных учебных технологий для формирования речевых компетенций обучающихся, изучении возможностей работодателей медиасферы и их потребностей, чтобы адаптировать образовательные программы к актуальным требованиям.

Представляется важным провести сопоставительный анализ эффективности не только традиционных, но и современных методов процесса обучения; рассмотреть долгосрочные результаты подготовки будущих специалистов, в том числе эффективную реализацию в условиях рынка труда на современном этапе.

Библиографические ссылки

1. *Гайсина С. В.* Учебное сетевое сообщество как технология и модель обучения педагогов в системе повышения квалификации // Академический вестник. Вестник Санкт-Петербургской академии постдипломного педагогического образования. 2021. № 1. С. 54–60.
2. *Давыдик А. С., Минцевич Д. А.* Профессиональные компетенции работников радио и телевидения: корреляция учебно-познавательной деятельности студентов с условиями и требованиями производства // Университетский педагогический журнал. 2024. № 1. С. 64–69.

3. *Литвинова Ю. В.* Педагогические условия развития коммуникативной компетенции руководителей СПО в условиях сетевого взаимодействия // Ученые записки Орловского гос. ун-та. 2018. № 4. С. 367–371.

4. *Щевелева Г. М., Ащеулов А. Ю.* Организация сетевых профессиональных коммуникаций педагогов и обучающихся // Межкультурное общение: лингвистические основы и стратегии обучения ; сб. науч. тр. / Воронежский гос. агр. ун-т им. Императора Петра I ; редкол.: Т.Н. Даньков (гл. ред.) [и др.]. Воронеж, 2022. С. 119–123.

ДИАГНОСТИКА УРОВНЕЙ ВЛАДЕНИЯ ПЕДАГОГАМИ МЕТОДИЧЕСКИМ ИНСТРУМЕНТАРИЕМ ПО ФОРМИРОВАНИЮ ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ ГРАМОТНОСТИ В УРОЧНОЙ И ВНЕУРОЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПО УЧЕБНЫМ ПРЕДМЕТАМ «РУССКИЙ ЯЗЫК» И «РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

Т. В. Дорох

*Белорусский государственный университет, ул. Кальварийская, 9,
220030, г. Минск, Беларусь, dortatyna80@mail.ru*

Научный руководитель – С. Н. Захарова, кандидат педагогических наук, доцент

В статье представлены результаты исследования уровня владения педагогами методическим инструментарием для формирования функциональной грамотности учащихся. Охарактеризованы три уровня владения методическим инструментарием (базовый, продвинутый, экспертный) и проанализированы их характеристики

Ключевые слова: функциональная грамотность; методический инструментарий; диагностика; учитель русского языка и литературы.

Функциональная грамотность (далее – ФГ) учащихся рассматривается сегодня как важнейший результат образования, достижение которого обеспечивается деятельностью каждого учителя в урочной и внеурочной работе. Для эффективного формирования ФГ учащихся педагог-предметник должен владеть необходимыми научно-теоретическими представлениями и соответствующим методическим инструментарием. В связи с этим в Государственном учреждении образования «Средняя школа № 42 г. Минска» в ноябре 2024 – апреле 2025 г. нами было проведено исследование уровня владения инструментарием по формированию ФГ среди учителей-филологов. Учебно-методическое объединение педагогов русского языка и литературы (15 человек) выбрано в качестве экспериментальной, а учебно-методическое объединение педагогов белорусского языка и литературы (15 человек) – в качестве контрольной группы. В контрольной группе не проводились мероприятия, направленные на совершенствование методического инструментария педагогов для формирования ФГ учащихся. В экспериментальной группе педагогов были реализованы специально разработанные нами мероприятия, отраженные в плане заседаний УМО учителей русского языка и литературы.

На констатирующем этапе эксперимента проведена диагностика владения педагогами методическим инструментарием для формирования ФГ учащихся. С помощью анкетирования выделены три уровня владения педагогами методическим инструментарием для формирования ФГ учащихся: базовый, продвинутый, экспертный. В качестве критериев для вы-

явления данных уровней выступали: 1) применение методического инструментария в урочной деятельности; 2) адаптация учебных материалов; 3) использование цифровых ресурсов; 4) организация внеурочной деятельности; 5) рефлексия и оценка эффективности собственной деятельности, профессиональное развитие.

Диагностика показала, что базовый уровень владения педагогами методическим инструментарием для формирования ФГ характеризуется тем, что педагог редко связывает задания с реальными жизненными ситуациями; опирается на готовый материал (типовые задания), размещенный в учебниках, не адаптируя его под интересы и потребности учащихся; использует 1-2 инструмента в урочной деятельности (традиционные опросы или работу с учебником), не включая интерактивные или проблемные методы; задания не дифференцирует по уровню подготовки учащихся; применяет только базовые цифровые инструменты; внеурочные мероприятия проводит нечасто; результаты работы оценивает стандартными тестами без учета динамики, вовлеченности или индивидуального прогресса учащихся. Квалификацию повышает без акцента на современные методики формирования ФГ учащихся.

Продвинутый уровень владения педагогами методическим инструментарием для формирования ФГ характеризуется тем, что педагог системно применяет разнообразные методики, умело комбинируя традиционные и современные подходы; часто применяет задания, связанные с практическими кейсами, помогая учащимся видеть связь между теорией и реальной жизнью; сочетает готовые и авторские разработки, адаптируя их под уровень, интересы и потребности учеников; гибко варьирует сложность заданий, обеспечивая дифференцированный подход к учащимся; использует задания на развитие критического мышления и творчества; активно внедряет цифровые инструменты интерактивные платформы и ресурсы для групповой работы. Часто организует внеурочные мероприятия, обогащая их практико-ориентированными форматами; использует разнообразные способы оценивания с учетом обратной связи; постоянно развивает профессиональные компетенции через участие в методических семинарах и вебинарах; изучает научно-педагогические публикации; экспериментирует с технологиями в обучении.

Экспертный уровень владения педагогом методическим инструментарием для формирования ФГ характеризуется тем, что педагог создает авторские задания междисциплинарного характера, моделируя реальные ситуации, вовлекает учащихся в разработку заданий; создает дифференцированные задания, в том числе для детей с особенностями развития; создает цифровые образовательные продукты, организует проектную деятельность, активно использует внеурочную деятельность для развития

компетенций, составляющих основу ФГ (коммуникация, кооперация, критическое мышление, креативность); на учебных занятиях внедряет формирующее оценивание и альтернативные формы оценки (портфолио, самооценивание); распространяет опыт через научно-методические публикации, авторские курсы и тренинги, проводит мастер-классы, выступает в качестве наставника для молодых педагогов.

На констатирующем этапе опытно-экспериментальной работы (см. таблицу) в экспериментальной группе на базовом уровне владения педагогами методическим инструментарием для формирования ФГ учащихся находится 8 (53%) учителей, на продвинутом – 6 (40%) человек, на экспертном – 1 (6%) педагог. В контрольной группе на базовом уровне находятся 9 (60%) педагогов, на продвинутом – 6 (40%) педагогов, на экспертном – 0 (0%) учителей.

Актуальный уровень владения педагогами методическим инструментарием для формирования ФГ учащихся (констатирующий этап эксперимента)

Уровень владения методическим инструментарием	Контрольная группа		Экспериментальная группа	
	Количество	%	Количество	%
Базовый	9	60%	8	53%
Продвинутый	6	40%	6	40%
Экспертный	0	0%	1	7%

Анализ полученных в результате анкетирования данных позволил определить основные трудности, с которыми сталкиваются педагоги с разным уровнем владения методическим инструментарием по формированию ФГ учащихся, и определить пути и способы их преодоления. Так, педагог с базовым уровнем владения методическим инструментарием испытывает трудности в системном применении методик развития ФГ и нуждается в поддержке: курсах, практикумах, направленных на освоение методических рекомендаций по адаптации заданий, использованию цифровых инструментов и реализации дифференцированного обучения. Учитель с продвинутым уровнем владения методическим инструментарием демонстрирует высокую степень вовлеченности в развитие ФГ учащихся. Для профессионального роста ему нужен доступ к инновационным ресурсам, участие в профессиональных сообществах и возможность транслировать свой опыт коллегам. Практика педагогов с экспертным уровнем владения методическим инструментарием для развития ФГ учащихся заслуживает тиражирования в профессиональном сообществе. Целесообразно привлекать их к наставничеству, руководству методическим объединением, участию в разработке образовательных программ, проведению мастер-классов и обучающих семинаров.

На формирующего этапа педагогического эксперимента в работу УМО учителей русского языка были внедрены обучающие методические мероприятия, направленные на совершенствование методического инструментария педагогов. В экспериментальной группе заседания УМО проводились по следующей тематике: «Цифровые инструменты для формирования функциональной грамотности учащихся», «Проектная деятельность как инструмент функциональной грамотности учащихся», «Критическое мышление и медиаграмотность», «Внеурочная деятельность для формирования функциональной грамотности учащихся», «Диагностика и оценка функциональной грамотности учащихся», «Игрофикация в образовании: от теории к практике», «Эмоциональный интеллект как компонент функциональной грамотности учащихся», а также были проведены заседания, рекомендованные в инструктивно-методическом письме [1]. В экспериментальной группе для совершенствования методического инструментария педагогов по формированию ФГ учащихся применялись методы дискуссии и обмена опытом (круглый стол, панельная дискуссия, мозговой штурм, открытый микрофон), аналитические и исследовательские методы (SWOT-анализ, разбор видеоуроков, метод «Шесть шляп мышления»), практико-ориентированные и деятельностные методы (мастер-класс, практикум работа в малых группах, разработка шаблонов/чек-листов, создание цифрового контента), игровые и интерактивные методы, методы оценки и рефлексии. Основным принцип организации заседаний УМО состоял в сочетании теории с практикой (отработка навыков, создание методических продуктов) и рефлексией (оценка эффективности).

Наблюдения показали, что такая организация проведения заседаний УМО обогащает методический инструментарий учителей для формирования ФГ, поскольку результатом становится создание авторского образовательного продукта и повышение мотивации к их применению в профессиональной деятельности.

Библиографические ссылки

1. Инструктивно-методическое письмо Министерства образования Республики Беларусь «Об организации в 2024/2025 учебном году образовательного процесса при изучении учебных предметов и проведении факультативных занятий при реализации образовательных программ общего среднего образования». Приложение 3. Особенности организации образовательного процесса при изучении учебных предметов «Русский язык» и «Русская литература» URL: <https://adu.by/images/2024/08/imp-2024-25-rus-yaz-lit-pril-3.docx> (дата обращения: 25.04.2025).

СПЕЦИФИКА ПРИМЕНЕНИЯ ПРОЕКТНОЙ ТЕХНОЛОГИИ В ПРЕПОДАВАНИИ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА СТУДЕНТАМ ИТ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ

О. А. Елисеева

*Белорусский государственный университет, ул. Кальварийская, 9,
220004, г. Минск, Беларусь, yeliseeva.aa@gmail.com*

Научный руководитель – И. И. Петрашевич, кандидат педагогических наук, доцент

В статье представлен анализ проектной технологии и её потенциала в преподавании английского языка студентам ИТ-специальностей. Выделена и обоснована специфика применения проектной технологии в работе со студентами, изучающими ИТ-специальности. Определена значимость использования цифровых технологий и развитие командных навыков для улучшения усвоения материала и формирования профессиональных компетенций.

Ключевые слова: проектная технология; английский язык; обучающиеся I ступени высшего образования; ИТ-специальности; профессионально-ориентированный подход; цифровые технологии; командные навыки; профессиональные компетенции.

Современное развитие информационных технологий и растущий спрос на квалифицированных специалистов в ИТ-сфере обусловили необходимость пересмотра подходов к организации образовательного процесса, в том числе в области преподавания иностранных языков.

Английский язык является основным инструментом профессиональной коммуникации в ИТ-среде, что требует от студентов не только высокого уровня владения им и применения в профессиональной сфере.

Учитывая особенности мышления, мотивации и учебных потребностей студентов технических специальностей, эффективным решением становится применение проектной технологии, обеспечивающей реализацию практикоориентированного и индивидуального подходов.

Проектная технология позволяет не только повысить мотивацию обучающихся, но и сформировать необходимые языковые и профессиональные компетенции, востребованные в современной ИТ-среде.

Студенты ИТ-направлений часто обладают аналитическим, логическим и системным мышлением, что способствует успешному освоению сложных технических дисциплин.

Глубокие знания в математике и физике формируют у них способность решать многокомпонентные задачи, ориентируясь на внимание к деталям и абстрактное мышление.

Эти качества помогают становиться высококвалифицированными специалистами в своей области. Вместе с тем для успешного обучения и дальнейшей профессиональной деятельности важным является развитие

коммуникативных и социальных навыков, которые помогают интегрировать технические знания в реальную рабочую среду [1, с. 4-5].

Студенты IT-специальностей, как правило, проявляют высокую мотивацию к изучению профессионально ориентированного английского языка, осознавая его значение для карьеры.

Эффективность обучения возрастает, если процесс построен с учётом специфики восприятия информации, когнитивных особенностей. Структурная стройность, логичность, привязка к практическим задачам являются важными элементами обучения.

В таких условиях проектная технология становится эффективной, т.к. объединяет профессиональные и языковые навыки, опираясь на сильные стороны, позволяет интегрировать английский язык в профессиональную сферу, способствует формированию профессионально-ориентированной коммуникативной компетенции, развитию творческих способностей, умению работать в команде и применять знания на практике [2, с. 172], [3, с. 62].

Анализ практики применения проектной технологии в обучении английскому языку студентов IT-специальностей позволил выделить три ключевых подхода в их реализации.

1. Профессионально-ориентированный подход – проекты строятся вокруг IT-тематики.

Подход способствует одновременному развитию языковых и профессиональных навыков.

Проекты не только помогают студентам освоить английский язык с учётом специфики будущей профессиональной деятельности, но и позволяют применять полученные знания в реальных ситуациях.

Это создаёт прочную основу для формирования языковых компетенций, востребованных на рынке труда, и способствует лучшему усвоению материала [1, с. 6], [4].

2. Системный подход учитывает особенности технического мышления студентов через чёткую структуризацию задач, методы декомпозиции и распределение ролей.

Этот подход позволяет студентам эффективнее решать проблемы, систематизировать информацию и работать с комплексными задачами. Преподаватель в этом случае выполняет координирующую функцию, обеспечивая правильную организацию работы, поддерживая студентов в процессе выполнения проектов, направляя их на решение реальных практических задач [1; 2].

3. Проектно-исследовательский подход сочетает работу с профессиональными материалами (анализ данных, использование видеоконтента и др.) и применением творческих методов.

Подход ориентирован на создание проектов, которые развивают языковые навыки, включают исследовательскую деятельность, работу с новыми технологическими инструментами, нацелены на решение актуальных задач в области ИТ.

С их помощью студенты получают возможность глубже погрузиться в будущую профессию, улучшая не только языковые навыки, но и профессиональную подготовку [5, с. 76-79].

При организации проектной деятельности для ИТ-студентов особое значение имеют следующие условия:

- использование цифровых технологий в проектной работе;
- интеграция языковых заданий с профессиональной ИТ-сферой;
- развитие навыков командного взаимодействия;
- эффективность проектной технологии во многом определяется ее адаптацией к профессиональным интересам и особенностям мышления студентов ИТ-направлений.

Подход позволяет не только улучшить языковые компетенции, но и способствует развитию практических навыков, которые будут востребованы в их будущей карьере.

Применение проектной технологии в обучении английскому языку студентам ИТ-специальностей имеет особенности, которые важно учитывать для повышения эффективности обучения.

Приведём наиболее значимые аспекты:

1) профессиональная направленность проектов способствует лучшему усвоению материала и подготовке студентов к реальной профессиональной жизни;

2) активное использование цифровых образовательных ресурсов и профессионально ориентированных платформ помогает студентам научиться эффективно работать с современными инструментами и технологиями;

3) адаптация методики к особенностям технического мышления через чёткую структуризацию задач, наглядное представление результатов и внимание к деталям способствует лучшему усвоению материала;

4) особая роль преподавателя как координатора, который сочетает языковую подготовку с учетом специфики профессиональной деятельности, помогает студентам успешно ориентироваться в реальных задачах и вносить вклад в командную работу.

Проектная технология не только повышает эффективность обучения английскому языку, но и способствует развитию важных профессиональных компетенций студентов, необходимых для их будущей карьеры в ИТ-сфере. Проектная технология помогает формировать у студентов не

только языковые, но и организационные, коммуникативные и аналитические навыки, что делает их подготовку более всесторонней и приближенной к реальным требованиям профессии.

Библиографические ссылки

1. *Руженцева Т. С., Барина Н. В.* Методические подходы к обучению английскому языку студентов ИТ-специальностей с использованием проектной методики: психолого-педагогический аспект // Статистика и экономика. 2015. № 2. С. 3–7.

2. *Руженцева Т. С.* Разработка комплекса электронных учебно-методических пособий по английскому языку для студентов информационно-технологических специальностей на основе проектной методики // Статистика и экономика. 2011. № 5. С. 168–173.

3. *Герасименко Т. Л., Ермолаева М. Е.* Психолингвистические особенности обучения студентов ИТ-направлений профессионально ориентированному иностранному (английскому) языку // Проблемы современного педагогического образования. 2022. № 74–3. С. 60–63.

4. *Сургутскова Г. А.* Применение метода проектов в рамках иноязычной подготовки бакалавров технических направлений // Мир науки. Педагогика и психология. 2017. № 6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/primenenie-metoda-proektov-v-ramkah-inoazychnoy-podgotovki-bakalavrov-tehnicheskikh-napravleniy> (дата обращения: 15.10.2024).

УЧЕБНАЯ МОТИВАЦИЯ В 10–11 КЛАССЕ СРЕДНЕЙ ШКОЛЫ, ОПЫТ РЕФЛЕКСИИ СТУДЕНТОВ ФСК БГУ

П. А. Ерошевич

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, polinaeroshevich2005@gmail.com
Научный руководитель – М. П. Редько, старший преподаватель*

В статье исследуется учебная мотивация в 10–11 классе средней школы. Рассмотрена структура мотивации, выделена внутренняя и внешняя мотивация учебной деятельности. Описываются результаты изучения учебной мотивации в старших классах на примере опыта рефлексии студентов ФСК БГУ.

Ключевые слова: мотивация; успеваемость; учебная деятельность; успешность обучения.

Учебная мотивация (мотивация учения) – проявляемая учащимися мотивированная активность при достижении целей обучения [1].

Учебная мотивация старшеклассников (10–11 классы) является ключевым фактором академической успеваемости и подготовки к будущей профессиональной деятельности.

В этот период наблюдается трансформация мотивационной сферы: если для десятиклассников более характерна мотивация общения, то одиннадцатиклассники в большей степени ориентированы на достижение конкретных целей, связанных с выбором профессии и поступлением в вуз [2].

Традиционно, мотивацию делят на внутреннюю и внешнюю. Внутренняя мотивация возникает у конкретной личности и связана с собственным интересом, удовольствием и удовлетворением от процесса выполнения задач.

Внешняя мотивация, зависит от таких внешних факторов как награды, признание и социальные ожидания. Внутренняя мотивация может способствовать более высокому уровню удовлетворенности и производительности. Внешняя мотивация может быть эффективной в краткосрочной перспективе, но не всегда приводит к долгосрочным результатам [3].

Многочисленно проведено исследование учебной мотивации в 10–11 классе и ее влияние на успеваемость школьников.

В опросе приняли участие 22 студента 1 и 2 курса факультета социокультурных коммуникаций. Обработав ответы студентов, можно конста-

тировать следующее: 11 человек (50%) имели оценки «Хорошо», что подтверждает наличие положительной учебной мотивации. 9 человек (40%) в 10–11 классе имели оценки «Отлично».

Это свидетельствует о высоком уровне учебной мотивации, а также о том, что ученики активно участвовали в учебном процессе и стремились к высоким результатам.

2 студена (9%) имели оценки «Удовлетворительно», что может свидетельствовать о недостаточной мотивации или трудностях в усвоении материала.

Исходя из результатов исследования, доминирующей основой учебной мотивации для 10–11 классов являлось стремление поступить в высшее учебное заведение и в дальнейшем стать высококлассным специалистом, этот пункт выбрали 14 человек (63%).

На втором месте было желание учиться возникавшее у самих школьников, обусловленное не внешним давлением со стороны родителей или образовательной системы, а возникавшее благодаря внутренней мотивации и желанию научиться чему-то новому, этот пункт выбрали 9 человек (40%).

8 человек (36%) указали, что учебная деятельность иногда являлась результатом внутренней мотивации.

Это подчеркивает важность создания поддерживающей образовательной среды, которая могла бы способствовать развитию интереса и увлечения учебным процессом.

Важно отметить, что наличие внешних факторов, таких как поддержка со стороны учителей и родителей, может играть значительную роль в формировании внутренней мотивации.

Для 5 человек (22%) основой учебной мотивации являлось желание родителей, которые стремились обеспечить своим детям лучшие возможности для будущего.

2 человека (9%) отметили, что учебная деятельность редко или никогда не являлась результатом внутренней мотивации. Это может указывать на наличие определенных проблем в образовательной среде или недостаток интереса к учебным предметам.

Для 1 человека (4%) основой учебной мотивации была самодисциплина, которая позволила ему организовывать свое время, ставить цели и работать над их достижением.

В ходе прохождения анкетирования студенты как правило выбирали несколько вариантов ответов, описывающих собственную учебную мотивацию.

В ответах на вопрос «Что вдохновляло (мотивировало) на учебу прежде всего?» вариант ответа «Личная заинтересованность в конкретном

предмете» или наличие «Любимого учителя» занимает первое место, 16 ответов (72%).

Это подчеркивает важность эмоциональной связи с преподавателем и личной заинтересованности учебным материалом, что способствует более глубокому пониманию и усвоению знаний.

На втором месте по значимости оказались собственная мотивация и похвала учителей, каждая из которых была выбран 12 раз (54%). Это свидетельствует о том, что внутренний стимул к обучению, а также признание и поддержка со стороны педагогов играют важную роль в поддержании учебной активности.

Похвала родителей является значимым фактором для учебной мотивации, с этим утверждением согласны 8 человек (36%), что подчеркивает важность семейной поддержки в образовательном процессе.

Успехи друзей и одноклассников вдохновляют лишь 4 учащихся (18%), что может свидетельствовать о том, что индивидуальные достижения и уникальные интересы играют более значимую роль в мотивации, чем сравнение с окружающими.

Один студент указал на отсутствие давления на него в период учебы, что может быть фактором, способствующим свободе выбора и появлению внутренней мотивации.

Один из участников отметил, что ничто не вдохновляло его на учебу.

Проанализировав полученные ответы, можно заметить разнообразие источников мотивации, которые могут значительно варьироваться от человека к человеку.

Учебная мотивация играет ключевую роль в достижении учебных целей, особенно в старших классах, когда ученики сталкиваются с необходимостью самостоятельно управлять своим временем и усилиями.

Личные интересы и увлечения стали основным источником учебной активности для 15 человек (68%). Это свидетельствует о том, что внутренний интерес к предмету и желание углубиться в изучение определенных тем способны значительно повысить эффективность учебного процесса.

Желание получить высокие оценки и награды являлось значимым для 12 человек (54%). Это указывает на то, что внешние стимулы, такие как оценки, влияют на формирование учебной мотивации, особенно в условиях конкурентной среды.

Ожидания и требования родителей играли важную роль для 6 человек (27%), что подчеркивает важность поддержки со стороны семьи.

Вариант ответа «Стремление быть на уровне с друзьями и одноклассниками» выбрали 5 человек (22%), что подчеркивает социальный аспект

мотивации, когда желание соответствовать ожиданиям окружающих людей может служить дополнительным стимулом для достижения учебных целей.

Требования и ожидания учителей как источник мотивации выбрали 3 человека (13%).

Таким образом, существенное влияние на мотивацию оказывают такие факторы, как интерес к предмету, ощущение собственной компетентности, понимание смысла обучения и его связи с будущим, а также поддержка со стороны учителей и родителей. Мотивация движет обучением. Без нее выполнение даже самых простых действий может оказаться сложным или даже невозможным. Поэтому крайне важно понимать, как приспособить и способствовать мотивации в классе. В образовании есть место как внутренней, так и внешней мотивации: обе формы могут дополнять друг друга. Методы внешней мотивации детей изначально необходимы для создания культуры достижений и успеха. Как только создана благоприятная среда обучения, необходимо создавать условия для появления внутренней мотивации обучения, чтобы еще больше вдохновить своих учеников учиться [4].

Библиографические ссылки

1. *Лазарева Е. Г.* Развитие мотивации учения у старших школьников // Научный лидер. 2021. № 12.
2. *Булатова В. О.* Особенности учебной мотивации старшеклассников. 2022. URL: <https://infourok.ru/osobennosti-uchebnoj-motivacii-starsheklassnikov-6219435.html> (дата обращения: 11.05.2025).
3. *Abdullah M. F., Pilus A., Razak M. R. A., Bakar A.* The Intrinsic and Extrinsic Motivation towards Physical Activity among Malaysian Technical University Students. 2021. URL: <https://www.semanticscholar.org/paper/The-Intrinsic-and-Extrinsic-Motivation-towards-Abdullah-Pilus/91470ba2ce5bb8550bd797baa1c460647b4fd896> (дата обращения: 13.05.2025).
4. *Hawthorne H.* Understanding the Importance of Motivation in Education. 2021. URL: <https://www.highspeedtraining.co.uk/hub/motivation-in-education/> (дата обращения: 11.05.2025).

СИСТЕМА РАБОТЫ НА ЗАНЯТИЯХ ПО РКИ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ КЕЙС-МЕТОДА ПРИ СВОЕНИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ЛЕКСИКИ

Е. А. Журко

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, belanovichelena@gmail.com
Научный руководитель – С. Н. Захарова, кандидат педагогических наук, доцент*

В статье рассмотрена система работы на занятиях по РКИ с использованием кейс-метода при освоении профессиональной лексики. Описаны кейсы, их содержание, методика их применения, а также результаты работы над освоением профессиональной лексики с их помощью.

Ключевые слова: русский язык как иностранный; кейс-метод; профессиональная лексика.

Современное образование требует от педагогов владения новыми формами и методами обучения, отвечающих требованиям деятельностного и компетентностного подходов.

К инновационным методам относятся активные методы обучения – это способы взаимодействия, при которых «учащиеся уже не являются пассивными слушателями, а активно и на равных правах общаются с учителем» [2].

Кейс-метод – один из активных методов обучения, предполагающий моделирование в образовательном процессе проблемных ситуаций, решение которых будет способствовать формированию у обучающихся социальных и профессиональных компетенций.

Исследователь Д. О. Лебедева обращается к работам С. М. Самариной и С. А. Калугина, предлагающим разделять кейсы на:

- кейсы для предприятия, в которых дается подробная характеристика предприятия, а студенту предлагается ответить на ряд конкретных вопросов, при этом решение проблемы не является обязательным условием. Кейс нацелен на анализ информации обучающимся, а также подтверждение глубины и осознанности его теоретических знаний;
- кейс-ситуация, в которой описывается сама ситуация, а задача обучающегося – выявить причины ее появления [4].

Знание классификации позволяет преподавателю выбрать оптимальный вид кейса для определенной темы.

В. В. Чечет и С. Н. Захарова описали технологию работы в рамках кейс-метода таким образом: 1) ознакомление с ситуацией; 2) выявление

проблемы; 3) определение способов ее разрешения (при групповой работе – с помощью «мозгового штурма»); 4) анализ последствий принятия решения; 5) решение кейса: предлагается вариант (или несколько альтернативных вариантов) для разрешения ситуации [5].

М. А. Корнеева отмечает, что в последние десятилетия возрастает интерес к кейс-методу в обучении иностранному языку, потому что в процессе решения кейса студенты совместно решают поставленные задачи, активно взаимодействуя друг с другом, а также активизируют полученные знания и языковые умения в контексте осуществления профессиональной деятельности [3]. В методике РКИ существует алгоритм аудиторной работы над кейсом, разработанный Т. С. Паниной и Л. Н. Вавиловой:

Введение в кейс, т.е. ознакомление обучающихся с информацией, содержащейся в кейсе. Это может происходить как в аудиторном, так и внеаудиторном режиме. В том случае, когда ознакомление с кейсом осуществляется во внеаудиторном режиме, преподаватель задает вопросы обучающимся, чтобы определить уровень понимания содержания кейса.

Анализ ситуации, который осуществляется индивидуально или в малых группах (в зависимости от дидактических целей кейса) для определения проблемы и способов ее решения, подготовки выступления.

Презентация – представление результатов анализа ситуации, поиска и формулировки проблем и вариантов их решения, ответы на заданные обучающимися или преподавателем вопросы.

Этап общей дискуссии, на котором обучающиеся выражают точки зрения и по результатам дискуссии делают выбор в пользу оптимальных путей решения рассмотренных проблем.

Этап подведения итогов – рефлексия, в ходе которой обучающиеся самостоятельно оценивают проделанную работу, получают информацию о том, какие решения приняты или еще возможны в реальной ситуации [3].

Этот же алгоритм можно использовать и при освоении профессиональной лексики на занятиях по РКИ, при этом следует учитывать уровень владения русским языком иностранными обучающимися, для чего следует провести его диагностику.

Исходя из ее результатов нужно подобрать кейс для студентов-иностранцев.

Рассмотрим методику работы на занятиях по РКИ с использованием кейс-метода при освоении профессиональной лексики на примере темы «Понятие валютных курсов» [1].

Вид кейса: кейсы для предприятия. Выполнение данного кейса способствует освоению профессиональной лексики на занятиях по РКИ в

рамках работы над темами, связанными с изучением иностранными обучающимися курсов валют.

На первом этапе обучающиеся знакомятся с ситуацией на валютном рынке в странах Восточной Европы [1].

На этапе анализа ситуаций иностранные обучающиеся получают задание представить себя в роли экспертов в макроэкономике, которых пригласили на телевидение, чтобы объяснить ситуацию выбора валютного курса в странах Восточной Европы.

Вопросы для обдумывания:

1. Какие цели стоят перед странами, проводящими преобразования в области валютной политики?
2. Каковы недостатки фиксированных валютных курсов? Каковы их преимущества?
3. Что такое плавающие валютные курсы? Каковы их плюсы и минусы?
4. Почему считается, что гибкие валютные курсы работают лучше?
5. Как можно провести макроэкономическую стабилизацию?
6. Каковы признаки слабости валюты?
7. Как изменилась ситуация на валютном рынке в странах Восточной Европы [1].

На данном этапе происходит групповой или индивидуальный поиск ответов на предложенные вопросы.

Выбор групповой или индивидуальной формы работы над кейсом зависит от уровня владения иностранными обучающимися русским языком.

На третьем этапе обучающиеся представляют себя участниками телевизионной программы и отвечают на вопросы ведущего, в роли которого выступает преподаватель. На этапе общей дискуссии предполагается обсуждение полученных ответов.

На завершающем этапе в виде рефлексии обучающиеся подводят итоги работы, заканчивая следующие высказывания, используя профессиональную лексику: «Сегодня на занятии я узнал, что в настоящее время ...»; «Сегодня на занятии мне стало известно, что ...»; «Сегодня на занятии мне стало понятно, что ...»; «Сегодня на занятии было интересно узнать, что ...».

В качестве домашнего задания можно дать иностранным обучающимся самостоятельно проанализировать ситуацию на валютном рынке в своей родной стране и таким же образом представить её на следующем учебном занятии. Нами была проведена опытно-экспериментальная работа по применению кейс-метода при освоении профессиональной лексики на занятиях.

На констатирующем этапе эксперимента было проведено тестирование с целью определения уровня владения профессиональной лексикой иностранными студентами в контрольной и экспериментальной группах (далее – КГ и ЭГ). В нашем случае мы определяли уровень владения профессиональной экономической лексикой в зависимости от результатов тестирования: низкий (<66%), средний (66%-85%), высокий (>85%).

Тестирование показало, что до внедрения в образовательный процесс кейс-метода в КГ один студент имел низкий уровень владения профессиональной экономической лексикой, два студента имели средний уровень, один студент – высокий уровень. В ЭГ два студента имели низкий уровень, один студент – средний уровень, один студент – высокий уровень владения профессиональной экономической лексикой.

После внедрения в образовательный процесс кейс-метода с целью выявления эффективности его применения тестирование было проведено повторно. В результате было выявлено, что в КГ, в которой освоение велось по традиционной методике уровень не изменился, а в ЭГ, в которой освоение велось с применением кейс-метода, уровень повысился: два студента – средний уровень, два студента – высокий уровень.

В результате экспериментальной работы сделан вывод об эффективности использования данного метода на занятиях по РКИ, т. к. показатель уровня владения профессиональной лексикой в процентах в экспериментальной группе после внедрения в образовательный процесс кейс-метода был выше, показателя уровня владения русскоязычной экономической лексикой до его внедрения.

Таким образом, применение кейс-метода на занятиях по РКИ способствует более качественному освоению профессиональной лексики и формированию не только языковых, но и профессиональных компетенций.

Библиографические ссылки

1. *Вариченко Г. В., Астапенко В. А., Проконина В. В.* Русский язык как иностранный. Экономическая лексика : учеб. пособие. Минск : РИВШ, 2019.
2. *Вербицкий А. А.* Теория и технологии контекстного образования. М. : МПГУ, 2017.
3. *Корнеева М. А.* Методика обучения студентов направления подготовки «Прикладная механика» профессиональному иноязычному дискурсу с использованием кейс-стади метода : дис. канд. ... пед. наук : 13.00.02. Нижний Новгород : Нижегород. гос. лингвист. ун-т им. Н. А. Добролюбова, 2018.
4. *Лебедева Д. О.* Кейс-технология в практике обучения РКИ. // Международный аспирантский вестник. Русский язык за рубежом. 2023. № 2. С. 7.
5. *Чечет В.В., Захарова С.Н.* Активные методы обучения в педагогическом образовании : учеб.-метод. пособие. Минск : БГУ, 2015.

ФОРМИРОВАНИЕ МЕТАПРЕДМЕТНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ УЧАЩИХСЯ НА ФАКУЛЬТАТИВНЫХ ЗАНЯТИЯХ ПО БИОЛОГИИ

И. Д. Климович

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, posket.klimovich@gmail.com
Научный руководитель – С. Н. Захарова, кандидат педагогических наук, доцент*

В статье рассматривается роль факультативных занятий в формировании исследовательской компетенции учащихся на примере программы факультатива «Основы исследовательской деятельности в области биологии». Анализируется структура исследовательской компетенции, ее ключевые компоненты: мотивационный, когнитивный, деятельностный и аксиологический.

Ключевые слова: общее среднее образование; метапредметные результаты образования; компетенции; исследовательская компетенция; факультативные занятия.

Образование является одним из стратегических направлений развития государства [1]. Однако отечественная и зарубежная образовательная парадигмы [2, 3], по выражению А.В. Хуторского, находятся в кризисной ситуации – на «изломе» [2, с. 59] между пониманием образования как процессом передачи субъективного знания и способа развития отдельно взятой личности. В современных условиях по-новому описывается результат образования – как сочетание предметных и метапредметных компетенций, которыми должны овладеть учащиеся при освоении отдельных учебных дисциплин. В достижении названного результата особую роль играют факультативные занятия.

Целью факультативных занятий является углубление, расширение, коррекция знаний учащихся по изучаемым предметам, активизация познавательной деятельности, развитие познавательного интереса [3-5], формирование метапредметных компетенций [1, 4].

Факультативные занятия менее жестко регламентированы по сравнению с уроком, поэтому дают педагогу свободу в выборе методов, позволяют учитывать личностные предпочтения и интересы учащихся, направляя процесс обучения на конкретную личность, совершенствуя знания учащихся [6]. По мнению ряда авторов [7], ключевыми метапредметными компетенциями (метапредметными результатами образования [8]) являются: организаторские (организация, структурирование плана работы, выявление области задач и целей); коммуникативные (навыки работы в команде для достижения общих целей); универсальные (компетенции, применяемые в различных видах деятельности: исследовательские,

информационные, самообразовательные). Особое место среди последних отводится исследовательской компетенции. В ее структуре выделяют мотивационный, когнитивный, деятельностный и аксиологический [9].

Мотивационный предполагает формирование представлений об исследовательской деятельности и мотивации к ней учащихся.

Когнитивный компонент состоит из знаний об исследовательской деятельности, ее методологии и принципах.

В деятельностном компоненте отражается умение учащегося проводить исследование.

Аксиологический компонент тесно связан с мотивационным и предполагает осознание, адекватное оценивание результата исследовательской деятельности, ценностное отношение к обучению. Формирование исследовательской компетенции осуществляется не только в урочной, но и во внеурочной учебной деятельности, например, на факультативных занятиях исследовательской направленности.

Метапредметные и предметные результаты освоения программы факультативных занятий «Основы исследовательской деятельности учащихся в области биологии»

Компонент	Метапредметные результаты	Предметные результаты
Мотивационный	Контроль, организация собственной работы; положительное отношение к исследовательской деятельности	Контроль, организация собственной работы, интерес к исследованиям в области биологии
Когнитивный	Представления о методике проведения научного исследования, интерпретации и обработки данных, связи биологических процессов с экспериментальными данными	Знания о методах и принципах постановки биологического эксперимента, его специфике, интерпретации данных относительного биологических процессов
Деятельностный	Умения ставить цели и задачи исследования; навыки работы с научной литературой, интерпретации и обработки данных; развитие критического мышления	Навыки постановки биологического эксперимента, умение интерпретировать получаемые данные относительного биологических процессов
Аксиологический	Ценностное отношение к результатам исследований, уважение к другим участникам исследования	Соблюдение принципов биоэтики

С 2020 года в учреждениях общего среднего образования реализуется программа факультативных занятий «Основы исследовательской деятельности учащихся в области биологии» [10].

Их целью декларируется «создание условий для формирования у учащихся умений и навыков ведения работ исследовательского характера, грамотного оформления и культуры подачи результатов исследовательской деятельности» [10].

Анализ программы «Основы исследовательской деятельности учащихся в области биологии» показывает, что освоение факультативного курса направлено на формирование у учащихся всех четырех компонентов исследовательской компетенции.

Мотивационный компонент отличается от остальных: он носит не предметный характер, а формирует общеучебную мотивацию учащегося [2; 4; 6; 9]. На формирование когнитивной компетенции отводится 17 часов занятий.

Помимо узко биологических знаний, учащимися осваиваются темы «Общие принципы построения и проведения работ исследовательского характера», «Работа с литературными источниками», что позволяет формировать исследовательскую компетенцию как метапредметную.

Деятельностный компонент исследовательской компетенции, ввиду специфики биологии как учебного предмета, начинает формироваться при выполнении лабораторных и практических работ на уроках биологии [11]. В рамках факультатива предусмотрено 18 часов практических занятий. Важным фактором формирования исследовательской компетенции на факультативных занятиях является соотношение теоретического и практических разделов курса как 1:1, при этом значительная часть учебного времени направлена на формирование метапредметных умений по сбору и обработке информации.

Аксиологический компонент реализуется через освоение общечеловеческих ценностей (уважительное отношение к другим членам группы при выполнении групповых проектов), положительное отношение к исследованиям и их результатам, соблюдение биоэтики (как главного морального регулятора исследований в биологии).

Таким образом, факультативные занятия исследовательской направленности представляют собой перспективную модель трансформации современного образования, отвечающую вызовам постиндустриальной эпохи.

Их значение выходит за рамки предметного обучения, формируя у учащихся критическое мышление, исследовательские навыки и ценностные ориентиры, необходимые для успешной адаптации в быстро меняющемся мире.

Реализация подобных программ свидетельствует о переходе от традиционной педагогической парадигмы к системе, ориентированной на развитие метапредметных компетенций.

Библиографические ссылки

1. Кодекс Республики Беларусь об образовании: в ред. Закона Респ. Беларусь от 14.01.2022 № 154-З.
2. Хуторской А. В. Ключевые компетенции как компонент личностно-ориентированной парадигмы образования // Народное образование. 2003. № 2. С. 65.
3. Epshtein D. A. The Differentiation of Secondary Education and Teacher Training for Elective Courses // Soviet Education. 1985. Vol. 27, №6–7. P. 26–36.
4. Ефременков К. Н., Ефременкова И. А., Биткин В. М. Педагогический эффект использования межпредметных связей в процессе олимпийского образования школьников // Ученые записки университета Лесгафта. 2013. № 2 (96). С. 93–101.
5. Мельник А. А. Из истории факультативного обучения // Актуальные вопросы современной науки. 2011. № 18. С. 64–70.
6. Спасюк Т. И., Тищенко Е. М. Факультативы как одна из форм самостоятельной работы студентов // Пути усовершенствования учебного процесса. Самостоятельная работа студентов как форма личностно ориентированного обучения и способ повышения творческой активности студентов. 2012. С. 294–297.
7. Князева Т. Г. Система подготовки учителя к реализации метапредметного подхода в условиях общеобразовательной организации // МНИЖ. 2017. № 8–1 (62). С. 112–118.
8. Кузнецов А. А. О школьных стандартах второго поколения // Инновационные проекты и программы в образовании. 2008. № 1. С. 3–6.
9. Борисенко Н. В. Сущность и структура исследовательской компетенции // Народная асвета. 2021. № 7. С. 23–29.
10. Постановление Министерства образования Республики Беларусь от 14.09.2020 № 239.
11. Ursavas N., Kesimal A. Determination of the Factors Affecting High School Students' Preferences of and Satisfaction with Choosing Biology as an Elective Course // Journal of Science Learning. 2020. Vol. 3, no. 2. P. 46–56.

ДОМАШНЯЯ РАБОТА КАК ФОРМА ОРГАНИЗАЦИИ УЧЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СТАРШЕКЛАССНИКОВ БЕЛАРУСИ И КИТАЯ

Ли Икэ

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, yikeli436@gmail.com
Научный руководитель – Е. Н. Можар, кандидат педагогических наук*

В статье рассматривается практика организации домашней учебной работы школьников Республики Беларусь и Китайской Народной Республики. Подчеркивается важность определения домашних заданий как ключевого элемента образовательного процесса, который выполняет функции мотивации, контроля и развития. Проведен сравнительный анализ результатов и эффективности домашних заданий, который открывает новые перспективы для улучшения образовательных практик в обеих странах.

Ключевые слова: качество образования; домашнее задание; старшеклассники; учебно-познавательная деятельность; педагогические условия; Беларусь; Китай.

В современных реалиях образовательные системы разных стран стремятся внедрять эффективные модели организации домашней учёбы с целью повышения качества знаний у учащихся. Республика Беларусь, обладая развитой системой образования, акцентирует внимание на многообразии подходов к организации домашней учебной работы.

В странах с богатой историей образовательных практик, таких как Беларусь, интенсивно развиваются разные модели домашних заданий, что обеспечивает гибкость и адаптивность образовательного процесса к потребностям учащихся [2].

В белорусских школах наблюдается стремление к интеграции традиционных методов и инновационных подходов.

Учителя часто используют задания, которые направлены не только на повторение учебного материала, но и на развитие анализа, синтеза и критического мышления. Одним из распространенных подходов является использование проектной деятельности в качестве формы задания. Проекты могут быть индивидуальными или групповыми, что способствует развитию навыков сотрудничества, ответственности и коммуникативности.

Учащиеся, работая над проектами, учатся более глубоко исследовать тематику, включать в свои работы различные источники информации и представлять результаты своей деятельности.

Кроме того, закладывается акцент на индивидуализацию домашних заданий. Учителя учитывают уровень подготовки и интересы обучающихся, что позволяет создать более персонализированный подход к каждому ученику. В практике встречаются задания, которые отличаются по

сложности и содержанию, что предоставляет возможность каждому учащемуся продвигаться в своём темпе. Это не только повышает успеваемость, но и формирует у детей внутреннюю мотивацию к учёбе.

Важной частью организации домашней работы является использование современных технологий. Множество белорусских школ внедряет цифровые платформы и приложения, которые позволяют учащимся взаимодействовать с материалом на практике. Такие средства помогают лучше организовать процесс выполнения домашних заданий, а также способствуют тому, что учащиеся могут получать обратную связь от учителей в режиме реального времени. Это, в свою очередь, уменьшает вероятность ошибок и помогает предотвращать возникновение пробелов в знаниях [1].

Кроме того, в белорусских образовательных учреждениях существует четкий регламент выполнения домашних заданий: учителям рекомендуется грамотно распределять объем заданий, чтобы не перегружать учащихся, а также разумно сочетать разные формы работы. Это может быть, например, чередование теоретических заданий с практическими и креативными проектами. Подобный подход позволяет учащимся разнообразить свой опыт, делает домашнюю работу менее рутинной и более интересной.

В целом, практика организации домашней учебной работы в Беларуси развивается в направлении, способствующем всестороннему развитию учащихся. Упор на индивидуализацию, применение технологий, использование проектной деятельности и адаптация под уровень ученика делают учебный процесс более гибким и эффективным. Это создает условия для того, чтобы каждый ученик не только усваивал академические знания, но и развивал необходимые компетенции, которые будут востребованы в будущем.

Организация домашнего задания в Китае представляет собой уникальное сочетание глубоких традиций и современных нововведений, что отражает динамику образовательной системы страны. Традиционно в Китае учебный процесс был сосредоточен на заучивании информации и подготовке к экзаменам, что находило своё яркое выражение в выполнении домашнего задания студентами. Учителя часто задавали объемные задания с акцентом на повторение школьного материала, что служило основой для закрепления знаний. Основная цель таких домашних заданий заключалась в том, чтобы помочь ученикам подготовиться к важным государственным экзаменам, которые являются ключевыми для дальнейшего образования и карьерного роста.

Система образования в Китае, особенно в начальных и средних школах, исторически направлена на развитие академической успеваемости и высокой конкуренции между учениками. Поэтому объем домашних заданий часто бывает довольно значительным. Ученикам задавались не только письменные упражнения и решению задач, но также практические задания,

которые требовали дополнительных исследований. Это создавало определенное давление на учеников, так как отсутствие успешных результатов в учёбе могло негативно сказаться на их будущем.

В последние годы, однако, наблюдается значительный сдвиг в подходах к домашнему заданию. В ответ на критику, касающуюся слишком большого объема учебной нагрузки и требований к ученикам, китайские образовательные власти начали вносить изменения в систему. В 2021 году был принят ряд реформ, целью которых стало сокращение объема домашних заданий для начальных и средних школ. Эти изменения направлены на то, чтобы уменьшить стресс учеников и дать им больше свободы для самовыражения, творчества и развития внеучебных навыков [3].

Современные подходы к организации домашнего задания в Китае стали более гибкими и разнообразными. Вместо того чтобы сосредотачиваться исключительно на академических заданиях, учителя начали внедрять проекты, творческие задания и групповые работы, что способствует развитию критического мышления и навыков сотрудничества.

Учащимся предлагается исследовать темы, которые их интересуют, что делает процесс обучения более увлекательным и значимым.

Кроме того, акцент на технологии и электронные образовательные платформы позволяет обеспечить доступ к различным образовательным ресурсам, что расширяет возможности для самостоятельного обучения.

Интересно отметить, что в последнее время в Китае также наблюдается растущее внимание к ментальному и эмоциональному благополучию учащихся. Школы начинают внедрять в учебный процесс навыки управления временем, обучения с учетом личных интересов, а также осознанного подхода к учёбе. Это также находит отражение в домашних заданиях, которые становятся более разнообразными и сбалансированными.

Вместо количества задач важно качество и смысл, вложенные в каждое задание. Учащимся предлагается заниматься не только учёбой, но и хобби, физической активностью и дополнительной культурной деятельностью, что создает более гармоничную образовательную среду [4].

Организация домашнего задания в китайских школах претерпевает значительные изменения, сочетая традиционные ценности с современными подходами. Это не только соответствует запросам общества, но и отвечает требованиям времени, создавая новую модель образования, которая ориентирована не только на академическую успеваемость, но и на всестороннее развитие личности учащихся.

Ключевым аспектом этого процесса становится умение находить баланс между учебной нагрузкой и возможностями для самовыражения и досуга, что, в конечном итоге, способствует формированию более здоровой и продуктивной образовательной среды.

Библиографические ссылки

1. *Иванова Е. В., Петров С. И.* Роль домашних заданий в формировании учебной активности школьников. Минск: Издательство "Адукацыя", 2020.
2. *Калинина Т. В.* Проблемы организации домашних заданий в общеобразовательных школах Беларуси. Минск: Издательство "Академия", 2020.
3. *Лин П.* Стратегии мотивации для учащихся в выполнении домашних заданий. Шанхай: Издательство "Образование", 2022.
4. *Савельева И. Г.* Формы и методы организации домашних заданий для старшеклассников в Беларуси. Минск: Издательство "Педагогика", 2023.

ТЕМАТИЧЕСКОЕ ОСНАЩЕНИЕ ТЕХНОЛОГИИ ОБУЧЕНИЯ В СОТРУДНИЧЕСТВЕ ДЛЯ ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО В ВУЗЕ

Лю Синью

*Белорусский государственный университет, ул. Кальварийская, 9,
220004, г. Минск, Беларусь, 2629272964@qq.com*

Научный руководитель – И. И. Петрашевич, кандидат педагогических наук, доцент

Статья посвящена рассмотрению тематического оснащения при применении технологии обучения в сотрудничестве для преподавания русского языка как иностранного (РКИ) в аудитории иностранных студентов в вузе. Автором описывается процедура подготовки тематического оснащения, а также приводится характеристика этапов работы по использованию технологии обучения в сотрудничестве на занятиях РКИ.

Ключевые слова: тематическое оснащение; педагогическая технология; обучение в сотрудничестве; РКИ.

Актуальным направлением внешней политики Республики Беларусь признается выстраивание и укрепление сотрудничества в сфере высшего образования. Практическая реализация направления выражается в увеличивающемся количестве иностранных студентов, обучающихся в белорусских вузах. Тенденция находит отражение в востребованности курсов по обучению русскому языку как иностранному (далее – РКИ).

Специфика предмета и особенности обучения русскому языку как иностранному в аудитории иностранных студентов определяют необходимость предоставления устной практики в достаточном объёме каждому обучающемуся, активизации интеллектуальной и учебно-познавательной деятельности учащихся, учёта принципов дифференциации и индивидуализации обучения, создания условий для социальной адаптации студентов в иноязычном для них обществе.

К способам активизации учебной деятельности иностранных студентов в процессе изучения РКИ, повышения их мотивации к изучению принадлежит технология обучения в сотрудничестве (англ. cooperative learning).

Идея учения в сотрудничестве разработана тремя группами американских педагогов под руководством Р. Славина, Р. Джонсона и Д. Джонсона, Дж. Аронсона [5; 6].

Технология обучения в сотрудничестве представляет особый тип учебной деятельности, который выстраивается на совместном обсуждении проблем и принятии решений, это «метод активизации учебно-познавательной деятельности учащихся в малых группах, реализующий на

практике принципы личностно-ориентированного обучения и основанный на зависимости друг от друга, зависимости от общей цели, взаимной ответственности за результаты совместной деятельности при условии взаимного обучения» [1].

Технология является трендом в современном преподавании языков, поскольку позволяет обогатить опыт и приобрести через учебный труд те навыки совместной деятельности, которые могут стать необходимыми в профессиональной и социальной деятельности в течение жизни.

Цель технологии состоит в формировании умений у субъектов образовательного процесса эффективно работать сообща во временных командах и группах, добиваться образовательных результатов [2].

Идея технологии заключается в создании условий для активной совместной учебной деятельности.

Задача преподавателя в моделировании реальной ситуации общения, требующей от участников проявления познавательной активности и диктует необходимость взаимодействия внутри коллектива для достижения цели общения [3].

Важным аспектом при реализации технологии учения в сотрудничестве выступает тематическое оснащение, т.е. перечень тем, подлежащих овладению иностранными студентами в процессе изучения РКИ, лексический минимум по каждой теме, а также коммуникативные задачи, которые студенты должны уметь решать в рамках каждой из них.

Кроме того, перед преподавателем РКИ встает актуальная задача отбора учебного материала, на основе которого будет организовано обучение с использованием технологии учения в сотрудничестве.

Приведём алгоритм отбора тематического оснащения для изучения темы «Белорусская национальная кухня» в рамках тематического модуля «Образ жизни человека, народа, общества; традиции, обычаи, национальные праздники» [4].

Для отбора текстов для обучения, использовались группы источников:

- 1) печатные издания: книги и путеводители;
- 2) интернет-ресурсы (<https://bestbelarus.by>, <https://visitbelarus.by>).

Из указанных источников отбирались тексты, посвящённые основным блюдам, десертам, напиткам белорусской национальной кухни, истории их появления. Критериями отбора выступили следующие:

- 1) принцип социокультурной аутентичности, обеспечивающий расширение лингвосоциокультурного кругозора иностранных студентов. В соответствии с этим критерием текстовый материал, отбираемый для включения в образовательный процесс по РКИ, должен быть не адаптированным, т.е. не созданным специально для учебных целей;

2) принцип учёта эмоционального и мотивационного фактора позволяет отобрать из большого количества аутентичного материала тексты с интересной и запоминающейся информацией;

3) принцип лингвосоциокультурной содержательности, суть которого заключается в отборе текстов, способных вызвать устойчивый интерес носителей «иной» культуры, переживание эстетических чувств;

4) принцип лингводидактической ценности и целесообразности для совершенствования речевой деятельности иностранных студентов. Реализация этого принципа достигается за счёт методического соответствия текстового материала тематике речевой деятельности на конкретном этапе обучения, изучаемой теме;

5) принцип соответствия содержания текстового материала интересам, запросам и уровню языковой подготовки учащихся;

6) принцип соответствия требованиям учебной программе по предмету.

Этот принцип означает, что в отобранном текстовом материале должны быть представлены языковые средства (необходимый и достаточный лексический, грамматический материал) в соответствии с темами и ситуациями общения, определёнными в программе;

7) принцип проблемности содержания, мотивирующая иностранных студентов к освоению разных способов межкультурного и межличностного общения (аудирование, чтение, говорение письмо).

На основе отобранных текстов был сформирован лексический минимум, подлежащий усвоению в ходе изучения рассматриваемой темы. Далее – коммуникативные задачи.

После того, как были осуществлены описанные этапы подготовки тематического оснащения, был разработан тематический план и планы-конспекты занятий в рамках циклоплана.

Концептуально-логическая схема организации учебно-воспитательной работы иностранных студентов на занятиях РКИ на основе технологии обучения в сотрудничестве включает ряд этапов.

На *этапе индукции* преподаватель презентует проблемную ситуацию на основе текстов, серии фотографий, схем и т.д., формулирует задание, которое требует размышления, подключения субъектного опыта, принятия решения.

Этап индивидуальной работы предполагает оценку ситуации студентами и индивидуальное выполнение задания по созданию учебного продукта в виде таблицы, гипотезы, идеи и т.д.

В работе в паре осуществляется сравнение индивидуально выполненного задания с результатом одноклассника. Продуктом деятельности выступает общий вариант выполнения задания.

Этап социализации предполагает групповое ознакомление с результатами индивидуальной и парной работы, обсуждение. Преподаватель может представить свой продукт (текст, схему и т.д.). Этап направлен на переосмысление образовательных продуктов, определение личной позиции по обсуждаемому вопросу. Студенты презентуют продукт (мнение, идея, проект и т.д.).

Самокоррекция как этап работы предполагает уточнение, доработку, изменение в разработанный образовательный продукт.

Этап рефлексии включает фиксирование способов деятельности, которые применили и освоили обучающиеся, обозначение нерешенных вопросов, принятие решения о дальнейшей деятельности.

Библиографические ссылки

1. *Бояринцева С. Л.* Обучение в малых группах сотрудничества в курсе иностранного языка на среднем этапе общеобразовательной школы (на материале английского языка) : дис... канд. педагог. наук : 13.00.02 : Московский педагогический государственный университет. М., 2007. 223 с.

2. *Макарова Е. А.* Экологическая компетентность студентов через сотрудничество // *Фундаментальные исследования*. 2011. № 12. С. 317–321.

3. *Полат Е. С.* Обучение в сотрудничестве // *Иностранные языки в школе*. 2000. № 1. С. 4–11.

4. Русский язык как иностранный: Типовая учебная программа по учебной дисциплине для иностранных слушателей подготовительных факультетов и отделений учреждений высшего образования / С. И. Лебединский [и др.] // *Электронная библиотека БГУ*. URL: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/248896> (дата обращения: 12.04.2025).

5. *Johnson D. W., Stanne M. B., Johnson R. T.* Cooperative Learning Methods: A Meta-Analysis // *Journal of Research in Education*. 2002. Vol. 12(1). P. 5–24.

6. *Slavin R.* Cooperative Learning // *Review of Educational Research*. 1980. No. 50. P. 315–342.

КРИТЕРИИ СРАВНИТЕЛЬНОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ ИНКЛЮЗИВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ И КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКЕ

Ляо Сяюань

*Белорусский государственный университет, ул. Кальварийская, 9,
220030, г. Минск, Беларусь, _793995206@qq.com*

Научный руководитель – М. В. Сидорова, кандидат психологических наук, доцент

Статья посвящена описанию критериев сравнительного анализа инклюзивного образования в Республике Беларусь и Китайской Народной Республике. Рассматриваются правовые основы, методологические подходы, подготовка педагогических кадров, инфраструктурные и технологические решения, обеспечивающие доступность и качество обучения для детей с особыми образовательными потребностями. Выявляются различия в национальных стратегиях и подчеркивается важность комплексного подхода к развитию инклюзии.

Ключевые слова: инклюзивное образование; педагогические стратегии; доступность; специальное образование.

Развитие инклюзивного образования в современной мировой практике является одним из центральных направлений государственной образовательной политики.

Республика Беларусь и Китайская Народная Республика – государства с различным историческим, политическим и социальным фоном – демонстрируют приверженность общим международным принципам равного доступа к образованию для всех детей, включая учащихся с ограниченными возможностями.

Несмотря на различие контекстов, оба государства стремятся выстроить эффективные и устойчивые модели инклюзивного образования. Сравнительный анализ национальных подходов позволяет выделить ключевые критерии, по которым можно оценить успешность, полноту и актуальность образовательных инициатив в этой сфере.

Нормативно-правовая база и государственная политика. Одним из первичных критериев служит наличие правовой базы, обеспечивающей реализацию принципов инклюзии. В Беларуси основой для развития инклюзивного образования служат международные конвенции (включая Конвенцию о правах ребенка и Конвенцию о правах инвалидов), а также национальное законодательство, в частности, Кодекс Республики Беларусь об образовании. Правовое регулирование в стране направлено на системную интеграцию инклюзии во все уровни образования, включая дошкольный, школьный и высший [1].

В Китае правовая база развивается более динамично. Основу составляет Закон КНР об обязательном образовании, а также стратегические документы, такие как «План содействия специальному образованию». Характерной чертой китайского подхода является ориентация на модель «обучения в обычных классах» (суй бан цзю ду – 随班就读), где дети с особенностями обучаются вместе с остальными учащимися при наличии адаптивной поддержки [2]. Таким образом, при общей цели – инклюзивности – Беларусь опирается на вертикально организованную модель с государственной координацией, тогда как Китай делает ставку на более гибкую практику интеграции в рамках общеобразовательных учреждений.

Методологическая база и педагогическая подготовка. Вторым значимым критерием является наличие разработанной методологической базы и уровень подготовки педагогов. Беларусь последовательно внедряет инклюзивную педагогику в программы педагогических учреждений высшего образования. Профессиональная подготовка сопровождается развитием исследовательских инициатив и пилотных программ, что позволяет адаптировать подходы с учётом специфики учащихся. Педагоги обучаются не только теоретическим аспектам, но и практическим навыкам сопровождения детей с разными типами нарушений развития.

В КНР подготовка педагогов организована в рамках многоуровневой модели, с привлечением специализированных центров, а также благодаря сотрудничеству с международными организациями. В стране создана система региональных ресурсных центров, предлагающих как консультативную, так и учебную поддержку. Китай делает акцент на практическом освоении технологий инклюзивного обучения, интегрируя их в программы переподготовки педагогов. Вместе с тем, важным направлением становится психолого-эмоциональная подготовка учителей, чему придается растущее значение в обеих странах.

Использование технологий и инноваций. Еще один важный критерий – степень интеграции технологических решений в практику инклюзивного образования. Китайская модель делает ставку на активное внедрение цифровых и искусственно-интеллектуальных инструментов: от программ распознавания речи до «умных классов» и цифровых платформ, персонализирующих образовательный маршрут. Государственные инициативы активно инвестируют в технологическую модернизацию инфраструктуры. Особенно выражена разница между городскими и сельскими регионами, где внедрение идёт неравномерно.

Беларусь также уделяет внимание использованию цифровых средств, однако в большей степени делает акцент на разработку адаптивных программ и материалов, применимых в очном обучении. Фокус на вариатив-

ность и индивидуализацию образовательных стратегий позволяет учитывать широкий спектр особенностей учащихся без полной зависимости от технологий.

Инфраструктура и доступность среды. Физическая и социальная доступность образовательного пространства также является значимым показателем зрелости инклюзивной модели. В Беларуси инфраструктурные инициативы охватывают модернизацию зданий, установку пандусов, лифтов, санитарных зон, а также создание специализированных классов с адаптированной техникой. Помимо технической базы, важно формирование инклюзивной культуры: наставничество, волонтерские программы, просветительские акции формируют позитивное восприятие инклюзии среди всех участников образовательного процесса.

Китай отвечает на вызовы доступности масштабными государственными программами по созданию инклюзивных условий в школах, в том числе за счёт цифровизации. Однако доступ к ресурсам по-прежнему зависит от региона – города имеют более развитую сеть поддержки, тогда как в сельских школах остро ощущается нехватка кадров и оборудования.

Тем не менее, активно развиваются государственные «центры специального образования», которые частично компенсируют эти различия.

Научная и исследовательская поддержка. Научное сопровождение образовательной политики является важнейшим элементом устойчивости системы инклюзивного образования.

В Беларуси осуществляется планомерная работа по сбору эмпирических данных, организации экспериментальных площадок, разработке дидактических материалов, адаптированных под разнообразные потребности учеников. Министерство образования поддерживает исследования по разработке коррекционных методик и инструментов мониторинга эффективности.

Китай, в свою очередь, демонстрирует высокий интерес к научной разработке инновационных подходов – особенно в области применения искусственного интеллекта и цифровых инструментов в обучении.

Университетские исследовательские центры активно участвуют в международных проектах, направленных на выработку универсальных решений в сфере инклюзивного образования. Поддержка инициатив на уровне провинций позволяет учитывать локальные особенности и расширять масштаб экспериментов.

Сравнительный анализ моделей инклюзивного образования в Беларуси и Китае демонстрирует схожесть целей и ценностей, но различие в методах и стратегиях реализации.

Беларусь следует модели системной институционализации с акцентом на педагогическую подготовку и методологическую точность.

Китай делает ставку на гибкость, технологические инновации и масштабность внедрения. В обоих государствах инклюзивное образование становится частью государственной идеологии социальной справедливости и устойчивого развития.

При этом полноценная реализация инклюзивных принципов требует дальнейших усилий – в том числе в сфере межгосударственного сотрудничества, инвестиционного планирования и культурной трансформации образовательной среды.

Анализ правовых основ, методологических подходов, подготовки педагогических кадров, инфраструктурных и технологических решений, обеспечивающих доступность и качество обучения для детей с особыми образовательными потребностями, позволит определить перспективные направления развития инклюзивного образования в Республике Беларусь и в Китайской Народной Республике.

Библиографические ссылки

1. Об утверждении Концепции развития инклюзивного образования лиц с особенностями психофизического развития в Республике Беларусь: приказ Министерства образования Республики Беларусь, 22 июля 2015 г. № 608 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь – Минск, 2025.

2. Положение об образовании для лиц с ограниченными возможностями здоровья от 11 сентября 2017 г. URL: http://www.gov.cn/zhengce/content/2017-02/23/content_5170264.htm (дата обращения: 23.03.2025).

ПРОБЛЕМА МОТИВАЦИИ ШКОЛЬНИКОВ К ИЗУЧЕНИЮ БЕЛОРУССКОГО ЯЗЫКА И ПУТИ ЕЕ РЕШЕНИЯ

В. М. Летченя

*Белорусский государственный университет, ул. К. Маркса, 31,
220030, г. Минск, Беларусь, leraletchenya@mail.ru*

Научный руководитель – С. М. Захарава, кандидат педагогических наук, доцент

В статье рассматривается проблема мотивации современных школьников к изучению белорусского языка, согласно результатам опроса делаются выводы о путях повышения мотивации к изучению белорусского языка. Приводится разработка дня белорусского языка как возможного способа формирования мотивации к ее изучению.

Ключевые слова: мотив действия, общее среднее образование; мотивации к изучению, изучение белорусского языка.

ПРАБЛЕМА МАТЫВАЦЫІ ШКОЛЬНІКАЎ ДА ВЫВУЧЭННЯ БЕЛАРУСКАЙ МОВЫ І ШЛЯХІ ЯЕ ВЫРАШЭННЯ

В. М. Лятчэня

*Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, вул. К. Маркса, 31,
220030, г. Мінск, Беларусь, leraletchenya@mail.ru*

Навуковы кіраўнік – С. М. Захарава, кандыдат пдагагічных навук, дацэнт

У артыкуле разглядаецца праблема матывацыі сучасных школьнікаў да вывучэння беларускай мовы; паводле вынікаў апытання робяцца высновы аб шляхах павышэння матывацыі да вывучэння беларускай мовы. Прыводзіцца распрацоўка дня беларускай мовы як магчымага спосаба фарміравання матывацыі да яе вывучэння.

Ключавыя словы: матыў дзейнасці; агульная сярэдняя адукацыя; матывацыя да навучання; вывучэнне беларускай мовы.

У адукацыйным працэсе матывацыя адыгрывае асаблівую ролю, паколькі ад яе залежыць не толькі ступень цікавасці навучэнца да вивучаемага прадмету, але і яго поспехі ў навучанні.

Матыў – гэта любая ўнутраная псіхалагічная або фізіялагічная па сваёй прыродзе крыніца паводзін, якая адказвае за актыўнасць і мэтанакіраванасць. Матывы вызначаюць ход дзейнасці, накіроўваюць і рэгулююць яе.

Такім чынам, ад матываў залежыць вынік дзейнасці [2, с. 263].

Матыў навучання – гэта ўнутраны стымул актыўнасці асобы да вучэбна-пазнавальнай дзейнасці, у аснове якога знаходзіцца ўсвядомленая мэта і прагназуемы вынік. Матывацыя навучання – сукупнасць наяўных у вучняў матываў [1, с. 220].

Матывацыйная сфера навучэнца мае свае крыніцы ў практычнай дзейнасці. Фарміраванне вучэбнай матывацыі ў вучняў – адна з цэнтральных праблем сучаснай школы. Яе актуальнасць абумоўлена абнаўленнем зместу адукацыі, пастаноўкай задач фарміравання ў школьнікаў прыёмаў самастойнага набывання ведаў і развіцця актыўнай жыццёвай пазіцыі. Паколькі найбольш вострыя праблемы ў галіне навучання і выхавання звязаны з адсутнасцю матываў да атрымання адукацыі ў асноўнай масы навучэнцаў, следствам чаго з’яўляецца зніжэнне базавых паказчыкаў адукаванасці і выхаванасці выпускнікоў усіх навучальных устаноў, то важнасць названага крытэрыю становіцца відавочнай. Вучэбная дзейнасць мае для розных школьнікаў розны сэнс. Выяўленне характару вучэбнай матывацыі і сэнсу навучання для школьніка ў кожным канкрэтным выпадку адыгрывае вырашальную ролю ў вызначэнні настаўнікам мер педагагічнага ўздзеяння.

Вывучэнне роднай мовы – важны кампанент культурнай ідэнтычнасці і самасвядомасці кожнага народа. Беларуская мова адыгрывае ключавую ролю ў фарміраванні нацыянальнай самасвядомасці і культуры беларусаў. Аднак у школьнікаў назіраецца нізкі ўзровень матывацыі да вывучэння роднай мовы. Гэта выявілася на аснове апытання, праведзенага намі сярод адзінаццацікласнікаў сярэдняй школы № 140 г. Мінска. У апытанні ўдзельнічалі 20 школьнікаў. Навучэнцам было прапанавана 10 пытанняў, на якія трэба было даць адзін або некалькі адказаў. Апытанне праводзілася ў анлайн-фармаце і на рускай мове для большага разумення.

Апытанне паказала, што большасць вучняў (16 з 20 удзельнікаў) адказалі, што ў паўсядзённым жыцці яны аддаюць перавагу рускай мове як сродку камунікацыі. Прычыны перавагі цікавасці выпускнікоў да іншых (замежных) моў высветліла другое пытанне: 11 навучэнцаў выбралі адказ “мне здаецца, што іншыя мовы больш важныя для маёй будучыні”. Зыходзячы з гэтага, з’яўляецца меркаванне, што школьнікі не бачаць ці не ведаюць, дзе можна выкарыстоўваць беларускую мову, акрамя школы.

Апытанне паказала, што беларуская мова ўспрымаецца школьнікамі як складаная да вывучэння: большасць адзінаццацікласнікаў (11 з 20) адказалі, што яны не разумеюць некаторыя беларускія словы і выразы. Таксама 7 вучняў выбралі адказ, дзе гаворыцца пра цяжкасць запамінання граматычных і арфаграфічных правілаў.

Значны ўплыў на матывацыю да вывучэння беларускай мовы, як паказала наша анкетаванне, мае асяроддзе. У навучэнцаў амаль няма ці ўвогуле адсутнічаюць людзі ў іх асяроддзі, якія размаўляюць па-беларуску ў паўсядзённасці, і гэта вельмі ўплывае на працэс авалодвання мовай.

Зыходзячы з вынікаў праведзенага апытання можна сцвярджаць, што адсутнасць матывацыі да вывучэння беларускай мовы выклікана выкарыстаннем ў большай ступені рускай мовы ў паўсядзённым жыцці; неразуменнем

беларускай лексікі; адсутнасцю беларускамоўнага асяроддзя; адсутнасцю перспектывы выкарыстання беларускай мовы пасля заканчэння школы; наяўнасцю перавагі замежных моў; негатыўным вопытам, атрыманым на занятках па беларускай мове за 11 гадоў навучання.

На аснове апытання можна прапанаваць наступныя шляхі вырашэння пастаўленай праблемы:

1) стварэнне магчымасцяў для практычнага выкарыстання мовы праз арганізацыю мерапрыемстваў, на якіх школьнікі могуць размаўляць на беларускай мове (напрыклад, тэатральныя пастаноўкі, конкурсы, фестывалі). Гэта дапаможа павысіць цікавасць да мовы;

2) папулярызацыя мовы праз медыя і сучасныя сродкі камунікацыі: выкарыстанне сучасных медыяфарматаў – відэаблогаў, падкастаў і сацыяльных сетак – для папулярызацыі беларускай мовы сярод моладзі можа значна павысіць цікавасць да яе вывучэння. Стварэнне кантэнтнага на беларускай мове, які будзе цікавы і актуальны для школьнікаў, дапаможа змяніць негатыўнае ўспрыманне мовы;

3). змена падыходаў да навучання за кошт выкарыстання інтэрактыўных, камп’ютарных, гульнявых метадаў і тэхналогій, якія зрабляць урокі больш займальнымі і цікавымі;

4) падтрымка з боку супольнасці праз працу з бацькамі для павышэння іх дасведчанасці аб каштоўнасці беларускай мовы і яе вывучэння і разнастайныя сцыяльныя ініцыятывы (з мэтай прыцягнення арганізацый і мясцовых уладаў да падтрымкі праектаў, накіраваных на папулярызацыю беларускай мовы).

Адным з шляхоў павышэння матывацыі да вывучэння беларускай мовы можа стаць укараненне аднаго школьнага дня на беларускай мове.

Увядзенне аднаго дня навучання на беларускай мове ў адукацыйны працэс – гэта крок да папулярызацыі мовы і павышэння цікавасці да яе сярод школьнікаў. Дадзеная ініцыятыва можа істотна ўзмацніць моўную практыку навучэнцаў і стварыць больш камфортнае асяроддзе для вывучэння беларускай мовы.

Прыкладны план рэалізацыі:

1) *падрыхтоўчы этап* патрабуе вызначэння прыдатнай даты, магчыма, у рамках святаў або значных дат, звязаных з беларускай мовай і культурай; стварэння раскладу на гэты дзень з улікам усіх навучальных прадметаў, якія будуць выкладацца на беларускай мове; падрыхтоўку настаўнікаў, якія будуць весці ўрок на беларускай мове, па метадыках выкладання і актуалізацыі мовы;

2) *арганізацыя дня беларускай мовы*: 1) правядзенне ўсіх урокаў па раскладзе гэтага дня на беларускай мове (настаўнікі і навучэнцы будуць вывучаць тэму кожнага прадмета, выкарыстоўваючы беларускую мову як асноўны

сродак камунікацыі); укараненне інтэрактыўных метадаў і тэхналогій для павышэння ўцягнутасці навучэнцаў, пашыранае выкарыстанне мультымедыйных рэсурсаў, групавых заданняў, гульняў, квізаў і іншых актыўных формаў навучання; 2) правядзенне пазакласных мерапрыемстваў у гэты дзень на беларускай мове, звязаных з беларускай культурай (выступленні артыстаў, чытанне беларускіх казак і апавяданняў, тэатральныя пастаноўкі вядомых твораў з беларускай літаратуры); забаўляльных (на стварэнне у медыя-сферы розных відэа, мемаў, напісанне працягу твораў з дапамогай штучнага інтэлекту) і тэматычных (віктарын на валоданне беларускай мовай, дзе навучэнцы змогуць прадэманстраваць свае веды і навыкі) конкурсаў;

3) зваротная сувязь праз правядзенне апытанняў сярод навучэнцаў і іх бацькоў пасля дня навучання, каб атрымаць водгукі і зразумець, як па-лепшыць падобныя мерапрыемствы ў будучыні.

Укараненне аднаго школьнага дня навучання на беларускай мове можа стаць эфектыўным інструментам для павышэння цікавасці да беларускай мовы і культуры сярод навучэнцаў. Пісьменная арганізацыя, актыўнае ўцягванне педагогаў і бацькоў, а таксама стварэнне пазітыўнай атмасферы дапамогуць паспяхова рэалізаваць дадзеную ініцыятыву.

Праблема матывацыі школьнікаў у вывучэнні беларускай мовы патрабуе комплекснага падыходу і актыўнага ўдзелу ўсіх зацікаўленых бакоў: настаўнікаў, бацькоў, дзяржавы і грамадскасці.

Важна не толькі змяніць падыходы да навучання, але і стварыць асяроддзе, у якім беларуская мова будзе ўспрымацца як частка нацыянальнай ідэнтычнасці і культуры.

Толькі сумеснымі намаганнямі можна стварыць умовы, пры якіх беларуская мова стане важнай часткай жыцця маладога пакалення. Укараненне прапанаваных мер дасць магчымасць павысіць цікавасць да мовы і умацаваць культурную ідэнтычнасць беларусаў.

Бібліяграфічныя спасылкі

1. *Березовин Н. А., Чепиков В. Т., Чеховских М. И.* Основы психологии и педагогики: учеб. пособие. Минск: Новое издание, 2008.
2. *Немов Р. С.* Общая психология: краткий курс. СПб.: Питер, 2008.

СОЦСЕТИ КАК ФАКТОР АДАПТАЦИИ СТУДЕНТОВ К УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ЖИЗНИ

М. А. Недзьведь

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, bio.nedzved@bsu.by*

Научный руководитель – С. Н. Захарова, кандидат педагогических наук, доцент

В статье рассматривается адаптация к университетской жизни как многофакторный процесс, в котором большую роль играют социальные сети.

На основе данных разных исследований оцениваются преимущества и угрозы применения социальных сетей разного уровня (университетских, групповых, индивидуальных) для адаптации студентов.

Ключевые слова: адаптация; высшее образование; социальные сети.

Адаптация представляет собой процесс включения студентов в университетскую жизнь через приспособление к нормам и ценностям университетской среды и их присвоение. Ее результат имеет решающее значение для успешного прохождения академических программ и социальной и академической интеграции студента в университетскую среду.

На адаптацию влияют различные факторы, в том числе организационная структура учреждения образования, его географическое положение, социокультурный контекст и исторический период.

Адаптация к университету предполагает социальную и академическую интеграцию студентов. Социальная интеграция связана с формированием межличностных отношений, получением поддержки и развитием чувства принадлежности через взаимодействие с однокурсниками, преподавателями и персоналом, что часто облегчается внеаудиторными мероприятиями и неформальными контактами.

Академическая интеграция проявляется в успеваемости студентов и их интеллектуальном развитии. Поступив в университет, студенты учатся соответствовать стандартам академической системы и рассматривать образование как процесс личностного роста [1].

В условиях глобализации, цифровизации и стремительной урбанизации адаптация становится более сложной для студентов, и особую роль в ней играют социальные сети. Их влияние проявляется на трёх основных уровнях: университетском, групповом и личном.

На университетском уровне официальные страницы и группы в социальных сетях используются для информирования студентов и вовлечения их в студенческую жизнь. Эти платформы позволяют оперативно делиться инфор-

мацией о расписании, мероприятиях, новостях и ресурсах, что помогает обучающимся оставаться в курсе событий и чувствовать себя частью университетского сообщества.

Для первокурсников такие каналы особенно ценны: они предоставляют доступ к информации о структуре университета и студенческих организациях, что облегчает ориентацию студентов в новой среде, помогает их самореализации.

Исследование, проведённое в Гане, показало, что студенты положительно воспринимают использование социальных сетей университетами, так как это усиливает их вовлечённость [2].

Групповые социальные сети (сообщества курса или факультета в мессенджерах и соцсетях) играют ключевую роль в создании студенческой общности. В таких группах студенты обмениваются информацией о заданиях, экзаменах и мероприятиях, оказывают друг другу поддержку. Это создаёт атмосферу взаимопомощи, особенно важную для первокурсников.

Исследование [3] показало, что такие группы усиливают кооперацию в обучении, улучшают понимание материала и снижают тревожность.

На личностном уровне социальные сети играют двойственную роль в адаптации студентов.

С одной стороны, они позволяют устанавливать контакты с однокурсниками, преподавателями и сотрудниками университета, способствуя интеграции в сообщество; поддерживают эмоциональное благополучие студентов, предоставляя платформу для общения и самовыражения [3].

С другой стороны, личные соцсети связаны с риском социального сравнения и кибербуллинга, которые могут снижать самооценку и затруднять адаптацию конкретного обучающегося [4].

Социальные сети обладают положительным потенциалом для адаптации и одновременно имеют негативные риски.

Положительное влияние социальных сетей на адаптацию заключается в: быстром доступе к учебной информации и ресурсам: исследование в Гане показало, что студенты используют соцсети для получения информации о расписании и мероприятиях, что усиливает их включённость в университетское сообщество [2], снижает уровень стресса и позволяет сосредоточиться на учёбе;

усилении вовлечённости студентов, формировании чувства связи с однокурсниками, усилении социального присутствия и коммуникации [6].

Студенты в социальных сетях могут создавать специальные группы, где будут обмениваться ресурсами и оказывать друг другу поддержку, что критически важно для их интеграции в университетское сообщество. Преподаватели используют соцсети для текущих и индивидуальных консультаций, что укрепляет связь с обучающимися.

Исследование, проведенное в период пандемии, подтвердило, что онлайн-коммуникация помогла поддерживать связь между студентами в условиях изоляции [3].

Социальные сети способствуют укреплению социальных связей через студенческие сообщества. Группы в соцсетях создают виртуальные пространства, где студенты могут взаимодействовать и формировать коллективную идентичность.

На сегодняшний день известно, что такие сообщества усиливают чувство принадлежности. Исследование среди 500 студентов Великобритании выявило, что соцсети снижают одиночество [1].

Социальные сети могут влиять негативно на адаптацию к студенческой жизни. Одним из самых очевидных негативных факторов является то, что чрезмерное использование соцсетей может приводить к отвлечению и прокрастинации. Мета-анализ [2] выявил отрицательную корреляцию ($r = -0.172$) между зависимостью от соцсетей и успеваемостью. Прокрастинация особенно проблематична для первокурсников, ещё не выработавших навыки тайм-менеджмента.

Ещё одним, вызывающим беспокойство фактором, являются кибербуллинг и социальное давление в соцсетях создают барьеры для адаптации. Исследование показало, что кибербуллинг усиливает тревожность и снижает самооценку [4]. Социальное сравнение, связанное с идеализированными образами, усиливает чувство неполноценности [1].

Кроме того, социальные сети могут вызывать у студентов зависимость. Риск зависимости от соцсетей влияет на психическое здоровье. Исследование в контексте пандемии показало, что зависимость усиливает стресс и тревожность [5]. Мета-анализ подтвердил связь зависимости с депрессией и тревожностью [2].

Таким образом, социальные сети являются частью информационной образовательной среды университета. Они, выступая фактором адаптации к высшему образованию, помогают студентам справиться с такими вызовами университетской жизни, как установление новых связей, ориентация в образовательном процессе и преодоление чувства одиночества.

Библиографические ссылки

1. *Ayalew M. B.* Socialization experiences among undergraduate students in higher learning institutions. Higher Education-New Approaches to Accreditation, Digitalization, and Globalization in the Age of Covid. // IntechOpen, 2022. URL: <https://doi.org/10.5772/intechopen.99007> (date of access: 25.04.2025).
2. *Manu B. D. et al.* Student engagement and social media in tertiary education: The perception and experience from the Ghanaian public university //Social Sciences & Humanities

Open. 2021. URL: <http://www.scopus.com/inward/record.url?scp=85114181574&partnerID=8YFLogxK> (date of access: 05.04.2025).

3. *Chen M., Xiao X.* The effect of social media on the development of students' affective variables //Frontiers in psychology. 2022. T. 13. URL <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2022.1010766> (date of access: 10.05.2025).

4. *Druzhinina V. et al.* The Problem of Social and Professional Adaptation of University Graduates in Higher Education Development //Journal of History Culture and Art Research. 2018. №. 4. URL: <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2022.1010766> (date of access: 05.04.2025).

5. *Sakhieva R. G. et al.* Exploring the relationship between social media use and academic performance //Online Journal of Communication and Media Technologies. 2024. №. 1. e202408.

ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ КОММУНИКАТИВНЫХ УЧЕБНЫХ ДИСЦИПЛИН НА ПЕРВОЙ И ВТОРОЙ СТУПЕНИ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

М. П. Редько

*Белорусский государственный университет, ул. Кальварийская, 9,
220030, г. Минск, Беларусь, redzko@bsu.by
Научный руководитель – Г. В. Пальчик, доктор педагогических наук, профессор*

В статье рассматривается проблема преемственности коммуникативных курсов на первой и второй ступени высшего образования на факультете радиофизики и компьютерных технологий БГУ, дается характеристика категорий преемственность, коммуникативная компетентность.

Ключевые слова: высшее образование; преемственность; коммуникативные дисциплины.

В энциклопедической литературе под преемственностью в обучении понимается установление необходимой связи и правильного соотношения между частями учебного предмета на разных ступенях его изучения [5, с. 185].

В настоящий момент, в педагогической науке, существует множество подходов как к способам изучения категории преемственности, так и к определению самой категории преемственность в обучении.

В исследованиях Ю. К. Бабанского, А. В. Батаршева, Б. С. Гершунского, С. М. Годника, В. В. Давыдова, В. Я. Лыковой, А. П. Сманцера, В. Э. Тамарина и др. преемственность исследуется как дидактическая категория и определяется как принцип, закономерность, связь, условие, фактор, требование [8, с. 4].

Автор придерживается точки зрения, выраженной А. В. Петровым, который считает, что преемственность в обучении выступает в качестве основополагающего дидактического принципа, отражающего закономерность обучения [3, с. 176].

В педагогической практике преемственность в структурной компоновке, наполнении материалом учебной дисциплины, в выборе наиболее целесообразных методов, направленных на успешное изучение и овладение предметного содержания дисциплины, осуществляется с учётом содержания и логики соответствующей науки и закономерностей процесса обучения.

Категории, понятия, законы и факты, составляющие основное содержание, располагаются в последовательности, позволяющей шаг за шагом раскрывать содержание изучаемой науки. В самой структуре учебной дисциплины последующее содержание учебного материала органически связано с предыдущим и раскрывает его.

Необходимым условием эффективного изучения предмета является дидактическая переработка содержания научной области знания в учебный материал.

Данное требование связано, прежде всего, с фактом невозможности прямого переноса содержания научной области знания в учебный предмет.

В обучении принцип преемственности реализуется в расположении учебного материала не только в линейном, но и в концентрическом виде.

Имеется ввиду то, что одни и те же категории, понятия, закономерности, факты повторяются и дополняются на протяжении ряда лет обучения.

В качестве предмета исследования проблемы преемственности коммуникативных дисциплин на первой и второй ступени высшего образования выбран факультет радиофизики и компьютерных технологий (ФРФиКТ) БГУ. Прделана работа по изучению учебных планов, учебных программ, проанализирован собственный опыт преподавания учебных дисциплин в бакалавриате и магистратуре, проведены социологические исследования среди студентов и магистрантов ФРФиКТ БГУ.

Автор принимал участие в разработке программ по учебным дисциплинам «Деловое общение и коммуникация», «Командообразование и лидерские навыки», «Team building and leadership skills», «Методология и технологии научно-исследовательской деятельности», «Methodology and technology of research activities» [1, 2, 4, 6, 7], проводил учебные занятия по данным дисциплинам на первой и второй ступени высшего образования.

Коммуникативные учебные дисциплины направлены на формирование коммуникативной компетенции обучающихся.

Коммуникативная компетенция студента понимается как интегративное, профессионально-значимое качество личности, характеризующееся устойчивой положительной мотивацией к успешному интеллектуально-коммуникативному взаимодействию, владением навыками профессиональной коммуникации и готовностью применять полученные в вузе знания и умения в дальнейшей профессиональной деятельности [9, С. 11-12].

Образовательный процесс пронизан непрерывной коммуникацией. Успешная коммуникация предполагает овладение целым арсеналом средств, приемов, технологий, которые могут быть получены человеком как в результате жизненного опыта, так и в процессе целенаправленного обучения.

В результате обучения приобретаются умения, навыки взаимодействия, сценарии коммуникативного поведения, позволяющие наилучшим образом разрешать возникающие затруднения.

Одним из возможных способов формирования коммуникативной компетентности на первой ступени высшего образования является изучение студентами БГУ учебной дисциплины «Деловое общение и коммуникация». В 2023 – 2025 гг. на факультете радиофизики и компьютерных технологий БГУ

для обучающихся в магистратуре по специальности «Кибербезопасность» были проведены занятия по учебной дисциплине «Командообразование и лидерские навыки».

Для иностранных магистрантов, обучающихся по специальности «Cybersecurity», проводились занятия на английском языке по учебной дисциплине «Team building and leadership skills».

Содержание учебных дисциплин «Деловое общение и коммуникация» [4] на первой и «Командообразование и лидерские навыки» [6] на второй ступенях высшего образования построено в концентрическом виде.

Например, при изучении понятия «Группа» на второй ступени высшего образования происходит обращение к темам, пройденным на первой ступени.

Одновременно происходит наполнение этого понятия содержанием, имеющим отношение к проблемному полю изучаемой учебной дисциплины. Расположение учебного материала, когда одни и те же категории, понятия, закономерности, факты повторяются и дополняются использовано в отношении следующих определений и феноменов: «Имидж», «Команда», «Коммуникация», «Общение», «Публичное выступление», «Управление», «Эффективность».

Принцип преемственности использован при выборе форм организации учебной деятельности и контроля.

Специфика учебных курсов предполагает упор на развитие коммуникативных навыков через участие в индивидуальных и групповых видах работ.

Библиографические ссылки

1. Захарова С. Н., Редько М. П. Учебная программа учреждения образования по учебной дисциплине «Методология и технологии научно-исследовательской деятельности» URL: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/31813799> (дата обращения: 03.05.2025).

2. Захарова С. Н., Редько М. П. Учебная программа учреждения образования по учебной дисциплине «Methodology and technology of research activities» URL: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/318155> (дата обращения: 03.05.2025).

3. Петров А. В., Петров А. А. Статус преемственности в образовании и её дидактические функции // Мир науки, культуры, образования. 2015. № 2 (51). С. 175–181.

4. Редько М. П. Учебная программа учреждения образования по учебной дисциплине «Деловое общение и коммуникация» URL: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/318136> (дата обращения: 03.05.2025).

5. Российская педагогическая энциклопедия : В 2 тт. / Гл. ред. В. В. Давыдов . М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. Т. 2 М Я. 1999.

6. Сидорова, М. В., Редько, М. П. Учебная программа учреждения образования по учебной дисциплине «Командообразование и лидерские навыки» URL: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/318138> (дата обращения: 03.05.2025).

7. *Сидорова, М. В., Редько, М. П.* Учебная программа учреждения образования по учебной дисциплине «Team building and leadership skills» URL: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/318154> (дата обращения: 03.05.2025).

8. *Сманцер, А. П.* Теория и практика реализации преемственности в обучении школьников и студентов. Минск.: БГУ, 2013.

9. *Фокина, О. С.* Формирование коммуникативной компетенции студентов в условиях интеллектуально-коммуникативного взаимодействия субъектов образовательного процесса в вузе: дис. ... канд. пед. наук: 13.00.08 / О. С. Фокина. Томск, 2019. 208 с.

ПРЕИМУЩЕСТВА И НЕДОСТАТКИ ОНЛАЙН-ОБРАЗОВАНИЯ

П. И. Рыженков

*Белорусский государственный университет, ул. Курчатова, 10,
220030, г. Минск, Беларусь, bio.ryzhenkovi@bsu.by
Научный руководитель – С. Н. Захарова, кандидат педагогических наук, доцент*

В статье рассматриваются результаты применения дистанционной формы обучения в период пандемии КОВИД-19 и после нее, выявляются сильные и слабые стороны дистанционной формы получения высшего образования на основе данных из открытых источников, а также на основе опроса белорусских студентов и преподавателей.

Ключевые слова: онлайн-образование; дистанционное обучение; высшее образование.

В Беларуси большое внимание уделяется цифровому развитию сферы образования [1]: создана и функционирует отраслевая цифровая инфраструктура (платформы для общего среднего образования <https://eior.by/> и <http://profil.adu.by>; информационно-образовательная среда в университетах), учреждения образования имеют технические средства, что делает возможным становление в нашей стране новой формы образования, осуществляемой с помощью интернет-технологий [2]. Она имеет разные названия: онлайн-обучение, электронное обучение, дистанционное образование и др.

Статья 16 Кодекса Республики Беларусь об образовании (2022) терминологически закрепляет понятие дистанционное образование как форму получения образования, предполагающую преимущественно самостоятельное освоение содержания образовательной программы обучающимся и взаимодействие обучающегося и педагогических работников на основе использования дистанционных образовательных технологий [3]. Схожие определения даются и в научной среде, например: «Дистанционное образование – это система, в которой реализуется процесс дистанционного обучения и осуществляется индивидуумом для достижения и подтверждения образовательного ценза» [4].

Экспансия дистанционного образования (далее – ДО) прогнозировалась на середину XXI века в связи с развитием технологий и совершенствованием технических средств. Пандемия КОВИД-19 ускорила распространение ДО, однако переход на ДО происходил по-разному. Примером быстрого перехода на ДО является опыт Высшей школы экономики, которая к началу пандемии имела более 200 онлайн-курсов. В то же время были закрыты около 185 высших учебных заведений, не сумевших адаптироваться к новым условиям. Это говорит о важности развития ДО в Беларуси для обеспечения социальных гарантий в образовательной сфере в случае чрезвычайных ситуаций.

Среди преимуществ ДО разные источники [5] указывают реализацию инклюзии в образовании, мобильность содержания, быстрое реагирование на изменения в науке и социуме, низкую стоимость, высокую доступность и удобство для обучающихся. Однако, как показывает анализ опыта ДО в период пандемии КОВИД-19 и после нее, не все названные аспекты являются преимуществами. Например, не подтверждаются данные об экономии средств на обеспечение образовательного процесса за счет применения ДО: отчетность российских вузов указывает на крупные дополнительные расходы [5]. Кроме того, переход на ДО ставит проблему качества образования.

Дискуссионным является вопрос о вовлеченности обучающихся в образовательный процесс. Первоначально активность обучающихся на ДО может повышаться, однако постепенно такое образование воспринимается как «фоновое» времяпрепровождение. В рамках онлайн-занятий возможность поддерживать контакты между педагогом и учащимся ниже, чем в традиционном образовании, что может приводить к потере навыков социального взаимодействия и к ускорению эмоционального выгорания педагогов и учащихся [5]. К существенным недостаткам ДО относится также сидячий образ жизни, который становится причинами болей в теле, головных болей [7].

Внедрение ИТ-технологий и искусственного интеллекта в образование способствует формированию у обучающихся шаблонного мышления в результате излишнего заимствования обучающимися данных из интернет-источников, а не полученных в процессе индивидуального освоения, анализа информации и т.д.

Изменение формы преподавания подразумевает изменение функций педагога, вплоть до его исключения из образовательного процесса: преподаватель может превратиться в разработчика, а вузы – в генераторов контента, поэтому преподаватель утратит свою образовательную функцию. Стремительное развитие ДО в некоторых случаях привело созданию онлайн-платформ, которые оказались неконкурентоспособными, не удовлетворяли требованиям современного образования и реальным запросам обучающихся, т. к. создавались без учёта психологии человека, при игнорировании технических возможностей участников образовательного процесса

ДО поставило вопрос о компетенциях преподавателя в области ИКТ, поскольку практика показала, что не каждый педагог смог перенести занятия в онлайн-среду. Кроме того, сегодня четкие рекомендации для проведения эффективных лекций, семинарских и практических занятий в информационно-образовательной среде в педагогике пока отсутствуют.

Негативным опытом ДО во время КОВИДа оказались технические ограничения: проблемы с доступом в интернет, конкуренция в рамках семьи за доступ к техническим ресурсам, перебои в передаче данных, некачественное интернет-соединение и т.д. оказались довольно значимыми и очень сильно

повлияли на устойчивость социальных и семейных связей, а также на качество образования.

Итоги применения ДО показали, что ДО усиливает индивидуализацию обучения, формируя уникальную среду для каждого обучающегося, преодолевая монологичность общения и одинаковость результатов образовательной деятельности учащегося [8].

ДО выступает альтернативой традиционному образованию, основным недостатком которого является превалирование вертикальных каналов передачи информации «учитель–ученик» над горизонтальным общением «ученик–ученик», составляющим сущность социализации человека [8].

ДО обладает возможностью создавать разнородные по своему составу группы обучающихся, которые способны к созданию более высококачественного образовательного продукта [8]. Таким образом, ДО может выступать как платформа для взаимодействия обучающихся, что приведет к повышению мотивации учащихся, позволит каждому участнику выступать в нескольких ролях: как организатор образовательного процесса и как его потребитель.

Чтобы изучить особенности ДО, нами был проведен онлайн-опрос среди студентов и преподавателей (38 – общее число респондентов). Из них 86% имели опыт участия в данной форме получения образования. Анкета состояла из 8 вопросов в полужакрытой форме.

Опрос показал, что 18,4% респондентов негативно относятся к ДО; 57,9% настроены благоприятно, а 23,7% из опрошенных не смогли однозначно определить свое отношение к ДО.

Участники опроса отметили как позитивные черты ДО удобство (85,7%) простоту (48,6%) и экономию времени.

Наиболее частыми недостатками ДО участники опроса называли сложность реализации (32,4%) и снижение качества образования (58,8%).

Преподаватели отметили также нечестное выполнение заданий, возросшие временные затраты на создание образовательного продукта и сложности в организации взаимодействия с аудиторией и поддержания «динамики» взаимодействия. Больше половины участников опроса заявили о негативном влиянии ДО на здоровье.

Около 50% респондентов сталкивались с проблемами, связанными с доступом к техническим ресурсам, что подчеркивает значимость технического обеспечения для проведения онлайн-занятий. Среди опрошенных педагогов, обладавших опытом работы в ДО, более половины отметили отсутствие проблем с переносом образовательных программ в цифровую среду, однако 24,3% респондентов столкнулись с трудностями из-за объема материала и сложностью адаптации практических занятий под ДО.

Большинство респондентов считает, что ДО получит распространение из-за возможностей, открывшихся после создания широкого спектра онлайн

платформ, а также возросшей технической оснащённостью населения. Оптимальным является постепенное внедрение методик ДО в традиционное, однако полная замена традиционного образования ДО является невозможной.

Библиографические ссылки

1. Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь URL <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=C22100066> (дата обращения: 29.11.2024).
2. Министерство образования Республики Беларусь. URL :<https://www.edu.gov.by/news/v-tsentre-vnimaninya--tsifrovizatsiya-obrazovaniya/> (дата обращения: 29.11.2024).
3. Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь URL <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=Hk1100243> (дата обращения: 29.11.2024).
4. *Пьянников М. М.* К вопросу о понятиях «дистанционное обучение» и «дистанционное образование» // Гуманитарный вектор. Серия: Педагогика, психология. 2010. URL <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-ponyatiyah-distantsionnoe-obuchenie-i-distantsionnoe-obrazovanie> (дата обращения: 29.11.2024).
5. *Радаев В.В.* Переход к онлайн-образованию в условиях пандемии: первые итоги // Университетское управление: практика и анализ. 2022. №1. URL <https://doi.org/10.15826/umpa.2022.01.001> (дата обращения: 29.11.2024).
6. *Marinoni G., Van't Land H., Jensen T.* The Impact of Covid-19 on Higher Education Around the World // IAU Global Survey Report. 2020. URL : https://www.iau-aiu.net/IMG/pdf/iau_covid19_and_he_survey_report_final_may_2020.pdf (date of access: 16.12.2024).
7. Adverse Effects of Prolonged Sitting Behaviour on the General Health and Posture of Medical Students Pakistan Armed Forces Medical Journal. 2024. Vol. 72. №. 4. URL : <https://doi.org/10.51253/pafmj.v72iSUPPL-4.9682> (date of access: 16.12.2024).
8. *Король А .Д.* Дистанция в образовании: близко или далеко? URL: <https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/184761/1/40-49.pdf> (дата обращения: 29.11.2024).
9. *Lockee B. B.* Online education in the post-COVID era /Nat. Electron. 2021 4, 5–6 URL : <https://doi.org/10.1038/s41928-020-00534-0> (date of access: 16.12.2024).

ИСТОРИЯ СОТРУДНИЧЕСТВА ГУО «СРЕДНЯЯ ШКОЛА № 5 Г. ЖОДИНО» И ШКОЛЫ ЖАНА МУЛЕНА (ВЕНИСЬЁ, ФРАНЦИЯ)

Е. А. Силуянов

*Белорусский государственный университет, ул. Красноармейская, 6,
220030, г. Минск, Беларусь, eghorsiliuyanov@gmail.com
Научный руководитель – О. И. Ершова, кандидат исторических наук,
доцент*

В статье рассматривается история зарождения в советский период и развития сотрудничества между ГУО «Средняя школа № 5 г. Жодино» и Школой Жана Мулена в Венисьё, Франция. Уникальное сотрудничество появилось на базе побратимских отношений между городами. Оно включало образовательные программы по популяризации франкофонии, создание единственного в городе франкофонного школьного театра, спортивные мероприятия, международную переписку и международные поездки школьников.

Ключевые слова: школа; Франция; БССР; Жодино; Венисьё; международное сотрудничество; международные обмены; города-побратимы.

3 мая 1968 г. был подписан договор о породнении и сотрудничестве двух городов – Жодино и Венисьё, а 18 октября 1976 г. – бессрочный договор о дружеских связях между городами. В г. Венисьё один из бульваров носит имя города-побратима Жодино, а в Жодино одна из улиц названа Венисьё.

Истоки сотрудничества между двумя городами тянутся к 1964 г., когда Белорусском автозаводе открылось отделение общества «СССР – Франция». В 1969 г. в Жодино прибыла делегация муниципалитета г. Венисье во главе с мэром Марселем Уэлем.

Был подписан План культурного сотрудничества «Жодино – Венисье». Главными инициаторами установления дружеских связей между белорусским и французским городами стали их руководители – Борис Александрович Долгий (Жодино) и Марсель Уэль (Венисьё) [1].

Прежде всего, побратимство Жодино и Венисьё положительно отразилось на сфере образования.

Одной из главных площадок обмена опытом между двумя городами стали единственная на тот момент франкофонная школа Жодино – Средняя школа № 5 и школа Жана Мулена в Венисьё [1]. Примечательно, что школа в Венисьё находится на улице Владимира Комарова – советского летчика-космонавта, а пройдя от школы вдоль малоэтажных домов, мы окажемся на бульваре де Жодино.

Полномасштабное партнерство между школами развернулось в начале 1980-х гг., когда такие обмены поощрялись со стороны государства. Учащиеся и учителя обеих школ обменивались письмами, участвовали в совместных проектах, а иногда даже посещали страны друг друга. Обмены часто включали в себя инициативы по изучению языков: белорусские школьники углубленно изучали французский, а французские – русский. Главной темой сотрудничества стало создание франкофонного театра на базе Средней школы № 5. В 1999 г., под руководством учителей Школы Жана Мулена, был поставлен мюзикл «Мальчик – с пальчик», где показывалась аллегория на жизнь киноактеров. Постановка шла на французском языке, а франкофонный театр школы получил хвалебные отзывы от самого автора мюзикла – Анн Рокар. Переписка между жодинскими школьниками и Рокар до сих пор хранится в музее школы. Результатом деятельности франкофонного театра стал главный приз – поездка во Францию. Свою работу театр продолжал до 2016 г. [2]

В 1991 г. в Жодино состоялась серия товарищеских матчей между французской командой «Менгет», где играли учащиеся Школы Жана Мулена, и командами Торпедо, юношеской сборной Беларуси, командой жодинской ДЮСШ и командой «Химволокно» из Кирова. Этот неофициальный международный футбольный турнир был посвящен Дню освобождения Беларуси от немецко-фашистских захватчиков. Организатором турнира выступил город Жодино. Юношеская сборная Беларуси выиграла у французов со счетом 8:0, а вот футболистов жодинского Торпедо команда из Венисье обыграла со счетом 2:1 [2].

В заключение можно отметить, что это уникальное взаимодействие значительно обогатило образовательный опыт учащихся обеих школ. В течение совместной работы были успешно реализованы многие проекты, которые способствовали расширению кругозора, развитию языковых навыков и укреплению международных связей.

Библиографические ссылки

1. *Анискевич Г.* Жодино на перекрестках истории. Минск : Белорусский дом печати, 2008. 224 с.

2. ГУК «Жодинский краеведческий музей». Тематическая папка № 34 «Жодино и Венисьё».

ФОРМИРОВАНИЕ КУЛЬТУРЫ ФИЗИЧЕСКОЙ АКТИВНОСТИ У ВЗРОСЛЫХ В УСЛОВИЯХ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Е. В. Соколова

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, janesokolova31@gmail.com
Научный руководитель – Т. С. Афанасьева, доцент, кандидат педагогических наук*

В статье рассматривается проблема формирования культуры физической активности в условиях дополнительного образования взрослых. Автор раскрывает структуру культуры физической активности, обосновывает значимость андрагогического подхода в ее формировании.

Представлены результаты исследования и программа, направленная на развитие культуры физической активности у взрослых. Выделены принципы, методы и условия, способствующие устойчивому включению физической активности в образ жизни.

Ключевые слова: культура физической активности, обучение взрослых, дополнительное образование, физическое развитие.

Снижение уровня физической активности взрослого населения в последние десятилетия стало одной из приоритетных социальных проблем, так как напрямую связано с ростом хронических заболеваний, ухудшением качества жизни и снижением трудоспособности.

В этих условиях возрастает необходимость формирования культуры физической активности (КФА), в том числе у взрослого населения.

В результате проведенного анализа мы можем сделать вывод о том, что культура физической активности – это система знаний, отношений, действий и установок, направленных на укрепление физического и психического здоровья человека, неразрывно связанная с процессами сохранения, усвоения и передачи культурных ценностей, формирующих здоровый образ жизни и способствующих адаптации к социальным условиям.

В её структуре можно выделить три ключевых компонента:

1) когнитивный – знание о состоянии своего здоровья, возможностях и ограничениях физической активности; знание основных способов организации физической активности, стратегий самостоятельного поддержания физической формы; понимание ценности физической активности для полноценной жизнедеятельности;

2) эмоционально-мотивационный – потребность в систематической посильной физической нагрузке; положительные эмоции, связанные с физической активностью; удовлетворенность физической формой и внеш-

ним видом; чувство уверенности в себе и своих физических возможностях; ощущение собственного успеха при систематической физической активности;

3) деятельностный – организация режима регулярной физической деятельности; владение стратегиями поддержания физической формы; рефлексия своей физической формы и изменений, связанных с ней; активное участие в спортивных мероприятиях и мастер-классах.

Эти компоненты взаимодействуют, обеспечивая устойчивое формирование КФА как части жизненной позиции взрослого человека.

Особенности формирования КФА у взрослых определяются возрастной гетерогенностью, накопленным жизненным опытом, высокой степенью саморефлексии, а также стремлением к автономии в образовательной деятельности [1].

Наибольшую эффективность имеют подходы, основанные на принципах андрагогики: уважение к опыту обучающегося, практикоориентированность содержания, гибкость программ, субъект-субъектное взаимодействие.

Для изучения процесса формирования КФА у взрослых было организовано экспериментальное исследование на базе танцевального центра «El Gato Dance Center».

Целью исследования стало определение динамики формирования КФА в процессе систематического участия в занятиях физической направленности.

В эксперименте приняли участие 43 человека – женщины в возрасте от 20 до 55 лет. На констатирующем этапе с помощью разработанной нами анкеты была зафиксирована исходная степень сформированности КФА.

Согласно результатам, на продвинутом уровне находятся 0% респондентов, на начальном 39,5% респондентов и на достаточном 60,5% респондентов.

Данные свидетельствуют о необходимости целенаправленной деятельности по формированию КФА.

Покомпонентный анализ выявил следующие тенденции:

1) по эмоционально-мотивационный компоненту на начальном уровне находятся 23% респондентов, которые не имеют устойчивой потребности в физической активности, не получают от нее положительных эмоций; на достаточном – 65% испытывают мотивацию и удовольствие ситуативно; у 12% наблюдается продвинутый уровень (высокая внутренняя потребность и выраженные положительные эмоции от физической активности);

2) по деятельностному компоненту ни один из респондентов не соответствует продвинутому уровню;

72% находятся на достаточном уровне (занимаются физической активностью, но несистематически, реализуют не все необходимые стратегии на практике);

28% находятся на начальном уровне (отсутствует режим тренировок, не участвуют в спортивных событиях, не анализируют свои физические показатели).

Данные констатирующего этапа обусловили актуальность разработки и реализации программы, цель которой – способствовать формированию и развитию культуры физической активности у взрослых в системе дополнительного образования.

Программа построена на основе содержания компонентов КФА, с учётом андрагогических принципов и ресурсного потенциала дополнительного образования взрослых.

Принципы реализации программы: последовательность и системность – занятия организованы как непрерывный процесс с логически взаимосвязанными блоками, обеспечивающими постепенное усложнение и закрепление навыков; вариативность.

Педагог адаптирует содержание и методику занятий на основе анализа образовательных запросов группы, уровня физической подготовки и индивидуальных предпочтений; активность – участники включаются в разные формы деятельности как активные субъекты: определяют цели, выбирают формат занятия, участвуют в самооценке и рефлексии; субъектность – учитывается личный опыт, состояние здоровья, индивидуальные мотивации и ограничения.

В программу включены регулярные тренировки, тематические мастер-классы, элементы самонаблюдения и рефлексии.

Участники получают не только двигательную нагрузку, но и знания о пользе активности, способах самодиагностики, принципах безопасных тренировок.

Программа предусматривает комплексную физическую нагрузку, сочетающую аэробные, силовые упражнения и элементы растяжки.

В содержание включены специальные задания на развитие памяти и координации, что повышает нейropsychологическую включённость участников.

Для формирования эмоционально-мотивационного компонента проводятся групповые и индивидуальные беседы, совместные мероприятия (отчетные концерты, просмотры фильмов, тематические лекции, дни рождения и др.), используются онлайн-платформы для коммуникации и распространения информации, кейс-методы с позитивными примерами.

Методы и средства: практические занятия в зале с групповыми и парными формами работы (в том числе с включением игровых элементов);–

коммуникативные методы – общение до и после занятий используется для диагностики прогресса и сплочения группы; ежемесячные специализированные мастер-классы, в рамках которых участники самостоятельно выбирают тематику и интенсивность занятий; онлайн-группы в мессенджерах для поддержки между занятиями, обмена опытом, доступа к дополнительным образовательным материалам; регулярные опросы и видеофиксация результатов (1 раз в неделю), позволяющая педагогу и участникам отслеживать динамику.

Наибольший эффект достигается при соблюдении следующих условий: включение обучающегося в активную деятельность, эмоционально поддерживающая атмосфера, использование современных форм и методов (в том числе цифровых), обеспечение осмысленности и практической направленности учебного процесса.

Библиографические ссылки

1. *Knowles M., Elwood H., Swanson R.* The Adult Learner: The definitive classic in adult education and human resource development. NY : Routledge, 2015. 402 p.

МОДЕЛИРОВАНИЕ ПРОЦЕССА ПОДГОТОВКИ ПЕДАГОГОВ К РАБОТЕ В СИСТЕМЕ ИНКЛЮЗИВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Е. В. Терентьев

*Белорусский государственный университет, ул. Красноармейская, 6,
220037, г. Минск, Беларусь, 07egor2003@gmail.com*

Научный руководитель – С. Н. Захарова, кандидат педагогических наук, доцент

В статье рассматривается проблема подготовки учителей-предметников к реализации инклюзивного образования через разработку теоретической модели на основе качеств и способностей, которыми должен обладать педагог для инклюзивного образования; дается общая характеристика различных теоретических моделей подготовки будущих учителей.

Ключевые слова: инклюзивное образование; инклюзивная образовательная среда; дети с особыми образовательными потребностями.

Инклюзивное образование подразумевает доступность образования для всех, его приспособления к нуждам каждого участника образовательного процесса, что обеспечивает равные возможности для детей с особыми образовательными потребностями. В основу инклюзивного образования положена идея, которая исключает любую дискриминацию детей, которая обеспечивает равное отношение ко всем людям, однако создает специальные или особые условия для детей, имеющих особые образовательные потребности [3, с. 168].

Суть инклюзивного образования сводится к тому, что дети с ООП включаются в обычные классы, с которыми работают учителя-предметники, зачастую не имеющие необходимой методической подготовки для работы с такими детьми, однако успех в организации инклюзивного образования зависит от профессиональной подготовки педагогов [4].

В последнее время в научной и методической литературе довольно часто можно встретить мнения о том, что для осуществления педагогической инклюзивной деятельности необходимо обладать рядом профессиональных умений и качеств:

1) быть приверженцем идей гуманистической психологии и педагогики, эмпатийно относиться ко всем учащимся;

2) обладать умением осуществлять постоянный педагогический мониторинг образовательного процесса в инклюзивной образовательной среде, проводить диагностику сформированности умений, навыков и компетенций, качеств личности учащихся; включать в содержание обучения и учебной деятельности (независимо от учебного предмета) общечеловеческие и гуманистические ценности;

3) выявлять и поддерживать сильные стороны личности школьника и использовать индивидуальные формы учебной и воспитательной работы с учащимися в сочетании с коллективными и групповыми [2, с. 3].

Основываясь на приведенных выше умениях, которыми должен обладать педагог, осуществляющий свою профессиональную деятельность в области инклюзивного образования, можно сделать вывод о том, что формирование инклюзивных способностей у будущих педагогов представляет собой целенаправленный поступательный системный процесс, который должен обеспечиваться соответствующим (в том числе и ценностно – смысловым) содержанием образования, характером взаимодействия между субъектами образовательного пространства учреждения высшего образования, а также, адекватностью педагогических, методических и дидактических средств и умений.

Формализация этого процесса требует построения определенной педагогической модели, реализация которой обеспечивала бы не только формирование инклюзивной готовности как позиции, но и намерения к ее реализации в профессиональном поведении [7, с. 16].

В связи с этим важно разработать теоретическую модель подготовки студентов к работе с учащимися в условиях инклюзивного образования – аналог описания реальных действий будущего педагога в инклюзивной образовательной среде.

В структуре модели подготовки будущих учителей к реализации инклюзивного образования можно выделить следующие компоненты:

1) нормативно-правовой компонент, который связан с осмыслением нормативно-правовых актов организации инклюзивного образования;

2) теоретико-методологический компонент, который, позволяет овладеть теоретико-методологической стороной инклюзивной деятельности;

3) мотивационно-целевой компонент, направленный на стимулирование мотивов и осмысление целей работы в условиях инклюзивного образования;

4) содержательно-информационный компонент, предполагающий включение в программы психолого-педагогических дисциплин знаний по инклюзии, усвоение знаний и умений, необходимых для работы с детьми с особыми образовательными потребностями, разработку дисциплин по инклюзивной тематике;

5) операционально-технологический компонент, обеспечивающий овладение необходимыми компетенциями и операциями для успешной инклюзивной деятельности;

6) организационно-планирующий компонент, обеспечивает организацию и планирование подготовки будущих учителей к инклюзивной деятельности;

7) эмоционально-волевой компонент, который создает эмоциональный настрой к будущей инклюзивной деятельности;

8) оценочно-рефлексивный компонент, который позволяет оценить и отрефлексировать весь процесс педагогической подготовки к работе с детьми с особыми образовательными потребностями;

9) результативно-корректирующий компонент, который предоставляет возможность оценить результаты инклюзивной подготовки и при необходимости скорректировать её компоненты [2, с. 7].

Большинство образовательных моделей подготовки педагогов условно можно классифицировать по двум позициям:

«традиционные модели», которые содержат в себе блок предметной подготовки (что преподавать), блок педагогической подготовки, состоящий из: общей подготовки (как преподавать и способы обучения); специальной подготовки (методика преподавания); психолого-педагогической подготовки (психология учащихся); блок практической подготовки;

«новые, или нетрадиционные модели», возникшие как альтернатива традиционным моделям.

Традиционные модели подготовки были представлены двумя основными подходами:

1) моделью «нормальной школы» («Normal school tradition»);

2) моделью академической подготовки (Academic tradition).

Более ранней была модель «нормальной школы», которая была основана на двух основных принципах подготовки: у учителя должен быть более высокий уровень образования, чем у его учащихся (хотя бы на ступень выше).

Будущий учитель должен осваивать мастерство обучения в реальном классе с реальными учащимися под руководством опытного наставника.

Фактически эта модель реализовывала прогрессивную для своего времени концепцию «лабораторной школы», не только демонстрирующую будущим педагогам образцы обучения (нормы правильного обучения – отсюда и название модели), но и предлагала их осваивать в условиях супервизии.

Другая традиционная модель – модель «академической подготовки», была направлена на повышение научной (предметной) компоненты, превагирует изучение академических дисциплин, представляющих основу преподаваемого учебного предмета.

Акцент в учебных программах такого делался на изучении науки, формировании способности решать научные проблемы и задачи.

Педагогическому знанию, методике преподавания и практике уделяется меньшее внимание, хотя практика по окончании таких программ в большинстве случаев является обязательной. Выпускник педагогической

программы, реализующей данную модель, являлся учителем-предметником, т.е. экспертом в определенной области знания, участвующим в педагогической деятельности прежде всего в этом качестве.

Усложнение профессиональных задач, стоящих перед педагогами, связанное с изменением целей и сути образования вызвало появление новых образовательных моделей подготовки будущих педагогов: 1) модель, направленная на подготовку педагога, способного реализовывать «сложное обучение» (complex learning). Педагог при этом рассматривается как специалист, обладающий профессиональным мышлением и способностью к научно-обоснованным профессиональным суждениям и решениям (decision-maker) на основе сложных проблем обучения и развития, в том числе связанных с существенно более разнообразным, чем раньше, составом учащихся (дети с ОВЗ, дети-мигранты, одаренные дети и т.д.); 2) модель Accountability (Preparing Teachers Around the World), возникшая в 80-ые годы XX века в Великобритании и США, цель которой в общем виде может быть сформулирована как повышение эффективности системы образования, работы педагогов и их подготовки с точки зрения основных участников образовательной политики: государства, бизнеса и родителей.

Таким образом, соблюдение и выполнение перечисленных стратегий педагогических моделей и их компонентов студентами при получении ими высшего образования в сфере инклюзивного образования в дальнейшем будет способствовать улучшению будущими педагогами своих профессиональных умений и навыков, а также, построению правильной психологической и поведенческой стратегии при работе с особыми детьми.

Библиографические ссылки

1. *Бизяева А. А.* Психология думающего учителя: педагогическая рефлексия. Псков: ПГПИ им. С. М. Кирова, 2004. 216 с.
2. *Сманцер А. П., Курбыко З. С.* Теоретическое обоснование модели подготовки будущих учителей к работе с детьми в условиях инклюзивного образования // Вестник Полоцкого гос. ун-та. 2013. № 15. С. 2 – 8.
3. *Сорокоумова С. Н.* Организация инклюзивного обучения в условиях модернизации образования // Известия Самарского науч. центра Российской академии наук. 2011. № 2. С. 618 – 620.
4. *Ферапонтова О. И.* Социальные аспекты инклюзивного образования детей-инвалидов // Вестн. Самарского гос. ун-та. 2007. № 1. С. 165 – 172.
5. *Хитрюк В. В.* Инклюзивная готовность как этап формирования инклюзивной культуры педагога: структурно – уровневый анализ // Вестник БГПУ. 2012. № 1. С. 80 – 84.
6. *Хитрюк В. В.* Инклюзивная готовность педагога: мотивационно-конативный компонент // Веснік МДПУ імя І. П. Шамякіна. 2015. № 1. С. 98 – 103.
7. *Хитрюк В. В.* Педагогическая система формирования инклюзивной готовности педагогов // Вестник ПСТГУ. 2015. Т. IV: Педагогика. Психология. № 2. С. 14 – 23.

ОРГАНИЗАЦИОННО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ УНИВЕРСИТЕТА

Е. Е. Толстик

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, ToustsiKAY@bsu.by
Научный руководитель – Г. В. Пальчик, доктор педагогических наук, профессор*

Статья посвящена описанию развития организационно-педагогических характеристик образовательной среды университета на пути к становлению цифрового университета (на примере опыта Белорусского государственного университета).

Ключевые слова: цифровизация; образовательная среда; дистанционная форма образования; цифровой университет.

Цель данной статьи – выявить организационно-педагогические характеристики и компоненты образовательной среды учреждения высшего образования (далее ОС УВО), которые способствуют повышению эффективности образовательного процесса в условиях цифровизации общества. Для этого необходимо представить описание в научной литературе ОС УВО, ее структуры, факторов и условий ее развития; определить организационно-педагогический потенциал ОС, то есть те характеристики, которые могут быть развиты, усилены в условиях цифровизации.

ОС исследуется как система средств педагогического воздействия, совокупность условий, факторов, характеризующих жизнедеятельность студентов и преподавателей, как проектирование совокупности возможностей для успешной деятельности всех ее субъектов. [3;5]

Из множества определений ОС остановимся на следующих двух:

ОС – это «система материально-духовных условий функционирования, которые обеспечивают становление и развитие творческой личности с учетом формирования профессионально значимых качеств и реализации внутреннего личностного потенциала.» [3]. ОС – это «пространственно и/или событийно ограниченная совокупность возможностей для развития личности, возникающих под влиянием педагогически спроектированных организационно-технологических и пространственно-предметных условий, а также случайных факторов в контексте событийного взаимодействия членов школьного сообщества» [5].

Первое определение указывает на ряд условий (материальных, духовных, профессиональных) взаимодействия личности и окружения. Во втором определении подчеркивается динамичный характер среды, акцентируется влияние случайных причин на ее становлении. Это особенно важно

в ситуации глобальной цифровизации, когда предсказать фактор перемен в образовании становится все труднее.

Социальная реальность в короткий срок изменяется так быстро, что вести речь о раз и навсегда полученном образовании не представляется целесообразным. И образовательная система, и учебные заведения перестраиваются так, чтобы быть гибкими и способными соответствовать столь стремительному темпу, а значит обладать восприимчивой к изменениям ОС.

Ранее [4] мы обозначили следующие составляющие в структуре ОС УВО – *«информационно-технологическая»*, указывающая на обеспеченность УВО ИКТ, наличие развитой инфраструктуры и инструментов доступа к информационным ресурсам, служб поддержки и контроля качества; *«учебно-методологическая»*, обозначающая наличие учебно-методологических нормативных документов регулирующих процесс внедрения и использования ИКТ в вузе, *«административно-управленческая»*, свидетельствующая об обеспечении институциональной поддержки процесса цифровизации и инициативам ППС по внедрению в учебный процесс инноваций, *«кадровая»*, указывающая на уровень профессионализма и оснащенности навыками владения ИКТ преподавателей и сотрудников вуза.

Описывая структуру ОС БГУ по обозначенным компонентам было зафиксировано, что она в значительной мере сформирована – создана развитая инфраструктура *информационно-технологического обеспечения*, отлажены инструменты доступа к информационным ресурсам, успешно осуществляется внедрение ИКТ в образовательный процесс, происходит цифровизация процессов управления университетом; для формализации использования ИКТ в образовательном процессе в БГУ разработаны *учебно-методологические обоснования* и приняты локальные нормативные документы. На *административно-управленческом* уровне стремление преподавателей БГУ развивать свои навыки информационной культуры учитывается при подсчете рейтинга в конце учебного года. *Кадровый потенциал* БГУ продемонстрировал высокий профессионализм и готовность оперативно реагировать на сложнейшие вызовы в период пандемии COVID-19. Количество разработанных курсов на Образовательном портале увеличилось многократно с 2019 и достигло 17 785 в 2025 году. Процент курсов высокого и среднего уровня разработанности достигает 56%.

Информационно-технологические ресурсы выступают в процессе формирования и развития ОС своего рода локомотивом, так как быстрое развитие цифровых технологий вынуждает постоянно обновлять и повышать уровень развития всех остальных составляющих ОС. Из перспек-

тивы разработок в области цифровой трансформации высшего образования ОС УВО описывается как построенный на принципах сетевой коммуникации «цифровой университет». [1; 2] Чтобы оценить потенциал ОС БГУ на пути к формированию цифрового университета стоит уточнить ранее рассмотренные элементы структуры ОС, акцентируя внимание на их цифровизации. *Информационно-технологический* компонент требует преобразования в информационно-образовательную комплексную систему, базирующуюся на определенной системе управления обучением, укомплектованную электронными образовательными ресурсами, электронными библиотечными системами, системами видеоконференцсвязи, средствами для организации электронного документооборота и другими элементами, обеспечивающими при необходимости возможность полного перехода на онлайн-обучение. *Учебно-методологический* компонент должен строиться с учетом адаптивного, игрового, смешанного обучения, с учетом инструментов цифровой педагогики. Целью образовательного процесса перестает быть передача знания от преподавателя студенту, а становится совместное, в сотрудничестве, производство актуального знания. *Административно-управленческий* компонент дополняется цифровыми профилями преподавателя и студента, что способствует персонализации, более индивидуализированному подходу во взаимодействии при управлении средой. *Кадровый* компонент ориентируется на достижение высокого уровня информационной культуры большинством сотрудников УВО. Для преподавателей это в первую очередь означает производство электронного образовательного контента высокого качества, разработку массовых открытых обучающих курсов (МООК) [1; 2]

Одним из важных принципов функционирования ОС цифрового университета должен быть назван принцип сетевой коммуникации. Этот принцип предполагает создание распределённой системы взаимодействия между участниками образовательного процесса (студентами, преподавателями, вузами, работодателями) с использованием цифровых технологий и партнёрских связей. Сетевой принцип реализуется через такие механизмы как межвузовские образовательные сети, виртуальные академические сообщества, корпоративно-образовательные сети, онлайн-платформы для совместных исследований и др.

В качестве одного из примеров продвижения БГУ на пути к сетевому цифровому университету можно привести Педагогическую мастерскую онлайн обучения, базирующуюся на Образовательном портале БГУ. Мастерская позволяет оперативно организовать обсуждение самых острых проблем, возникающих перед педагогическим сообществом. Так, в ее рамках летом 2024 года состоялся Междисциплинарный методологический семинар на тему «Нейросети в образовании: вызовы и возможности». В

нем приняли учение около 200 аспирантов, молодых ученых и преподавателей университета.

На встрече обсуждались различные вопросы использования нейросетей в образовательном процессе. Преподавателями были перечислены преимущества и трудности в работе с ИИ.

Среди преимуществ отмечались переработка больших объемов данных; прогнозирование эффективности поставленных задач, возможность многократно уточнять запрос, делать его все более конкретным и точным; проектирование подсказок самой сетью в ходе работы с ней; отсылка к источникам с открытым доступом; хорошее понимание сетью естественного языка; быстрый перевод с одного языка на другой; удобный и простой интерфейс и др.

Среди трудностей, с которыми преподаватели столкнулись при использовании нейросети, были выделены сложность формулирования точного и последовательного запроса (промпта); иногда значительное количество неточностей (галлюцинаций) в ответе на свой запрос; нечувствительность сети к тому контексту, который учитывался при запросе; упрощение сложных вещей, нелепые «ответы» в виде картинок и видео; недостаточно эффективная работа на базе белорусского языка и др. При этом важным ощутимым результатом работы семинара стали комплекты задний открытого типа разработанные участниками с привлечением больших языковых моделей.

Кроме того, был сформулирован целый ряд вопросов для дальнейшего обсуждения. Семинар проходил в очно-дистанционном режиме, используя сетевой потенциал образовательной среды БГУ.

Таким образом, мы перечислили компоненты структуры ОС, уточнили ее характеристики с учетом цифровизации образовательного процесса и обозначили направление развития БГУ на пути к формированию цифрового университета с развитой системой сетевой научной коммуникации, способствующей повышению уровня профессиональной культуры профессорско-преподавательского состава.

Библиографические ссылки

1. *Богущ В. А.* Цифровизация образования: проблемы, вызовы и перспективы / Адукацыя і выхаванне. 2021. № 1. С. 14–21.
2. *Король А. Д., Воротницкий Ю. И.* Цифровая трансформация образования и вызовы XXI века // Высшее образование в России. 2022. Т. 31. №. 6. С. 48-61.
3. *Лодде О. А., Ситникова С.Ю.* Теоретический анализ дефиниции «образовательная среда вуза» как системного представления // Современные проблемы науки и образования. 2020. № 6. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=30354> (дата обращения: 17.04.2025).

4. Толстик Е. Е. Организационно-педагогические предпосылки формирования информационной культуры профессорско-преподавательского состава УВО // Диверсификация педагогического образования в условиях развития информационного общества [электронный ресурс]: Материалы III Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 31 окт. 2024 г. Минск: БГУ. 2024. С. 463-468.

5. Ясвин В. А. Технология средового проектирования в образовании //Социально-политические исследования. 2020. №. 1 (6). С. 74-93.

ЦЕННОСТНО-ЦЕЛЕВЫЕ ОСНОВЫ РАЗВИТИЯ ВЫСШЕГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В КИТАЕ

У Пэйцзэ

*Белорусский государственный университет, ул. Кальварийская, 9,
220004, г. Минск, Беларусь, wutt4966@gmail.com*
Научный руководитель – Г. В. Пальчик, доктор педагогических наук, заведующий
кафедрой педагогики

Современное педагогическое образование в Китае в условиях модернизации Китая акцентирует целостное и целенаправленное развитие системы подготовки учителей. Эта стратегия базируется на ценностях китайской культурной традиции и целях, отражающих политику и общественные потребности.

Настоящая статья выявляет ключевые ценностные и целевые ориентиры реформ высшего педагогического образования в КНР.

Ключевые слова: китайское педагогическое образование учителей; высшее педагогическое образование; справедливость в образовании; строительство профессиональной этики учителей; модернизация образования.

Введение.

Учителя – ключевые фигуры в образовании, где высшее педобразование решающе важно. Политика последних лет («Реформа учительских кадров в новую эпоху», «План возрождения педобразования (2018-2022)») открыла новые возможности для его развития в Китае.

В условиях реформ изучение ценностных установок и целей высшего педобразования помогает понять логику госполитики.

На основе документов статья систематизирует особенности его современного развития через эти установки и цели, намечая перспективы.

Основная часть.

Ценностные основы высшего педагогического образования в Китае

Интеграция культурных традиций и духа времени.

Ценностная основа педагогического образования в Китае коренится в культурных традициях.

Китайская культура всегда ценила уважение к учителям и стремление к истине, придавая образованию двойственную роль: передачу этических ценностей и нравственное воспитание.

Конфуцианская идея "самовоспитания и управления государством" определяет учителей как носителей социальной морали.

В современную эпоху основной образовательной целью стало "воспитание нравственно развитой личности", подчёркивающее равную важность передачи знаний и формирования ценностей.

Концепция "четырёх «имеющих» учителей" (идеалы, мораль, знания, сострадание), предложенная Си Цзиньпином, стала главным ориентиром в программах подготовки педагогических кадров.

Институциональное воплощение основных ценностей социализма с китайской спецификой.

На государственном уровне развитие педагогического образования как важная часть социалистической модернизации интегрирует ценности социалистической культуры с китайской спецификой.

Концепции равного доступа к образованию, социальной ответственности, служения народу и практической работы на местах стали основными критериями для формирования и оценки образовательной политики.

В то же время совершенствуется система профессиональных норм учителей: через институциональные механизмы ("отрицательный перечень этических оценок" и "кредитный реестр преподавателей") этические требования превращаются из рекомендаций в обязательные нормы, объединяя ценностные ориентиры и институциональный контроль.

Целевые ориентиры развития высшего педагогического образования в Китае

Оптимизация структуры кадров для построения мощной страны в сфере образования.

В «Мнениях о реформе строительства преподавательского корпуса в новую эпоху» поставлена цель к 2035 году подготовить миллионы ключевых преподавателей, десятки тысяч выдающихся преподавателей и тысячи преподавателей-педагогов.

Это побудило педагогические вузы скорректировать дисциплинарные установки, иерархическую структуру и региональное распределение для более научного удовлетворения разнообразных потребностей базового, профессионального и высшего образования в кадрах.

Конкретно: бакалавриат готовит учителей базового образования с профессиональными навыками и высокими всесторонними качествами; магистратура фокусируется на магистрах педагогики; докторантура готовит специалистов в области исследований и разработки образовательной политики, формируя многоуровневую систему подготовки.

Всесторонняя поддержка профессионального развития преподавателей на всех этапах.

Китай создал систему профессионального развития преподавателей, охватывающую все этапы образования: в период педагогического обучения акцент делается на базовых качествах и педагогических навыках; при трудоустройстве предоставляются предварительная подготовка и «Государственная программа подготовки преподавателей»; в период работы

пути развития расширяются через повышение квалификации, продвижение по службе и углублённое обучение (магистратура, докторантура).

Например, «Меры по реализации плана государственной поддержки выпускников педагогических вузов для продолжения обучения» включают повышение квалификации в систему, обеспечивая сквозную поддержку от поступления до непрерывного обучения на протяжении всей жизни, что отражает институциональную цель «всестороннего развития преподавателя».

Служение национальным стратегиям и сбалансированному развитию регионального образования.

Для развития сельского образования Китай направляет выпускников в регионы через программы «Государственная поддержка педстудентов» и «Специальные должности», оптимизируя распределение ресурсов.

Параллельно поддерживается развитие педагогических вузов центрального и западного Китая.

Создание региональных учебных баз и перераспределение кадров в сельские районы обеспечивают справедливость образования и региональный баланс.

Тенденции и размышления о будущем развитии

Ускоренное развитие искусственного интеллекта и цифровых технологий меняет роль учителя: в будущем он станет не только транслятором знаний, но и наставником учеников, дизайнером учебного процесса и практиком непрерывного обучения. Поэтому высшее педагогическое образование должно оптимизировать модели подготовки, интегрируя гуманитарные и технические знания, сочетая концепции и компетенции, объединяя теорию и практику.

На ценностном уровне необходимо укреплять глобальное сознание, гражданское сознание и моральную ответственность учителей; на целевом уровне усиливать формирование информационной грамотности и инновационных педагогических способностей, а также создавать междисциплинарную образовательную экосистему.

Заключение.

Развитие высшего педагогического образования в Китае демонстрирует чёткую ценностную направленность и политические цели.

На фоне культурной преемственности и модернизации образования постепенно формируется система подготовки учителей с китайской спецификой.

В перспективе необходимо продолжать реформы, совершенствовать качество подготовки, содействовать справедливости в образовании, укреплять воспитание профессиональной этики и неустанно работать над

повышением общего уровня педагогического образования и его общественного признания.

Библиографические ссылки

1. Циркуляр Министерства образования и пяти других ведомств о выпуске План действий по возрождению педагогического образования (2018–2022 годы) // Государственный совет КНР. URL: https://www.gov.cn/xinwen/2018-03/28/content_5278034.htm. (дата обращения: 28.03.2018)

2. Министерство образования уведомление о публикации «Временных методов реализации получения профессиональной степени магистра образования работающими выпускниками бесплатной педагогической программы университетов, напрямую подчинённых Министерству образования» // Государственный совет КНР. URL: https://www.gov.cn/gongbao/content/2010/content_1713710.htm. (дата обращения: 21.05.2010).

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ОРГАНИЗАЦИИ КОНТРОЛЬНО-ОЦЕНОЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В УЧРЕЖДЕНИЯХ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ КИТАЯ И БЕЛАРУСИ

Хао Сяоминь

*Белорусский государственный университет, ул. Кальварийская, 9,
220030, г. Минск, Беларусь, kaf.hao@bsu.by
Научный руководитель – С. Н. Захарова, кандидат педагогических наук, доцент*

В статье приводятся результаты сравнительного анализа организации контроля и оценки результатов учебной деятельности студентов в университетах Беларуси и Китая; анализируется процедура, нормативная база белорусского и особенности контрольно-оценочной деятельности китайского высшего образования.

Ключевые слова: сравнительное исследование; высшее образование; контрольно-оценочная деятельность; виды контроля; рейтинг.

Контроль и оценка качества подготовки имеет большое значение для профессионального роста будущих специалистов, поэтому в Беларуси и Китае большое внимание уделяется контролю и оценке результатов обучения студентов. В КНР при университетах существуют центры развития преподавателей, государством и провинцией организуются курсы переподготовки и повышения квалификации, семинары, конференции, которые отвечают за развитие навыков преподавателя и мотивируют преподавателей применять современные методы контроля и оценки знаний [3].

В КНР департамент образования провинции несет прямую ответственность за обеспечение оценки и контроля качества преподавания в вузах своей провинции [3] и осуществляет этот процесс сразу на трех уровнях: уровень университета (привлечение экспертов к проверке качества преподавания в вузах путем гостевых визитов и прослушивания лекций и практических занятий); уровень факультета/института (привлечение экспертов департамента образования к проверке учебно-методической документации на факультетах и в институтах); уровень кафедры (взаимопосещение и взаимооценивание преподавателей на кафедрах с целью улучшения качества преподавания и обмена опытом, внутренняя проверка качества проведения занятий заведующими кафедрами раз в семестр).

В университетах КНР существует внутренний департамент мониторинга, который контролирует с помощью камер каждое занятие, а при необходимости оценивает активность студентов на занятии. К внутреннему департаменту мониторинга вузов раз в семестр присоединяются эксперты из крупных университетов, которые дистанционно с помощью камер оценивают качество работы студентов на занятиях в аудитории [3].

В Беларуси контрольно-оценочная деятельность регулируется «Правилами проведения аттестации студентов, курсантов, слушателей при освоении содержания образовательных программ высшего образования» [1], но в целом отличается менее строгой регламентированностью.

В университетах КНР, как и в Беларуси, существует текущий, промежуточный и итоговый контроль, который осуществляется в письменной и устной форме с помощью различных методов: экзамен, тестирование, решение задач, эссе. Экзамены обычно проводятся после завершения учебного модуля или в конце семестра. В этом наблюдается сходство белорусской и китайской системы высшего образования. Однако в КНР, помимо письменных и устных экзаменов, используются особые формы и методы контроля. Например, студенты могут выполнять производственную практику или проходить стажировки, в ходе которых их работа оценивается преподавателем и стейкхолдерами – представителями предприятий или организаций. В то же время в белорусских вузах предусмотрены дифференцированные зачеты, в том числе по практике, защита курсовых работ, кандидатские экзамены.

В КНР и Беларуси активно используется система учебных оценок и академический рейтинг. Рейтинг позволяет объективно и точно отражать уровень знаний учащихся, демонстрирует отношение студентов к процессу обучения, его содержанию и методам, стимулирует систематическую работу в течение всего семестра, снижает стресс в период экзаменов. Рейтинговая система в Китае основывается на стобалльной шкале, а минимальный порог успеваемости равен 60 баллам [2]. Итоговый рейтинг – это сумма баллов, набранных студентом за текущую, промежуточную и итоговую работу. В Беларуси итоговая отметка формируется из текущего рейтинга и экзаменационной отметки, причем «вес» каждой из них может варьироваться от 30 до 70 процентов.

Итоговый контроль знаний в форме экзаменов или зачетов традиционно играет ключевую роль в оценке. Однако эта форма контроля часто подвергается критике за субъективность и неспособность отразить весь спектр знаний и умений студента. Нередко итоговые оценки считаются случайными, так как они могут зависеть от факторов, не связанных с реальными знаниями обучающегося.

Процентное распределение различных форм контроля в учебных заведениях может существенно отличаться в зависимости от конкретного вуза. Например, в Пекинском университете доля текущего контроля варьируется от 30 до 50 %, а оставшиеся 50–70 % приходятся на итоговый контроль. В Хэбэйском университете иностранных языков структура оценки иная: текущая работа составляет 30 % общей оценки, а итоговый контроль – 70 %. При этом текущая активность делится на две части: 10 % – это

оценка преподавателя за учебную деятельность, а 20 % – баллы, начисляемые кафедрой за участие в общественных мероприятиях, соблюдение порядка в аудиториях, общежитиях и других аспектах внеучебной деятельности. Ляонинский университет придерживается такого разграничения: текущий контроль вносит 20 % в итоговую оценку, а 80 % зависят от экзамена. Считается, что такой подход позволяет акцентировать внимание студентов на итоговых испытаниях, при этом мотивируя их к поддержанию минимального уровня активности в течение семестра [3, с. 41].

В КНР отметки за дисциплины, предусматривающие экзамен, обычно выставляются по стобальной шкале. Для дисциплин, по которым требуется зачет, применяются пятиуровневая, буквенная или двухуровневая шкалы. Например, в Пекинском педагогическом университете преподаватели могут выбирать между несколькими шкалами в зависимости от специфики дисциплины. Пятиуровневая шкала имеет такие градации: 100–90 баллов – «отлично», 89–80 – «хорошо», 79–70 – «посредственно», 69–60 – «удовлетворительно», ниже 60 – «неудовлетворительно». Для четырехуровневой шкалы градация следующая: 100–85 – «отлично», 84–70 – «хорошо», 69–60 – «удовлетворительно», менее 60 – «неудовлетворительно». Двухуровневая шкала делит результаты на две категории: 100–60 (зачтено) и ниже 60 (не зачтено). Практические и исследовательские задания оцениваются по пятиуровневой шкале, а для выпускных работ бакалавров предпочтение отдается четырехуровневой системе [3, с. 43].

В Беларуси используются десятибалльная шкала и отметки «зачтено»/«не зачтено» или «защитил(а)»/«не защитил(а)». Положительными считаются оценки от 4 баллов и выше, а также отметки «зачтено» или «защитил(а)» с оценкой не менее 4 баллов [1].

Таким образом, в Беларуси и Китае контроль и оценка являются важными компонентами образовательного процесса, направленными на обеспечение качества подготовки специалистов. Оба государства уделяют внимание текущему, промежуточному и итоговому контролю знаний студентов, обеспечивая соответствие образовательным стандартам. В обеих странах в целом совпадают виды и формы контроля (аттестации) студентов, используется рейтинг и балльно-уровневая система оценивания.

Уникальные черты контрольно-оценочной деятельности в высшем образовании Беларуси и Китая отражают культурные и институциональные особенности каждой страны. Так, в Беларуси в целом более прозрачна и предсказуема система оценивания, большую роль играет индивидуальный подход к студентам, что проявляется в возможности пересдачи экзаменов и гибкости её сроков. Однако мониторинг образовательного процесса остается ограниченным, а роль текущей активности в общей оценке студентов зачастую учитывается недостаточно. В Беларуси контрольно-

оценочная деятельность регламентируется централизованно Министерством образования. В Китае качество образования находится под контролем провинциальных департаментов образования и Министерства образования, контроль знаний представляет собой многоуровневую систему внутреннего и внешнего мониторинга. Значительную роль в Китае играет текущий контроль, рейтинг и балльные шкалы позволяют объективно оценивать успехи студентов и формируют здоровую конкуренцию среди них.

Библиографические ссылки

1. Об утверждении Правил проведения аттестации студентов, курсантов, слушателей при освоении содержания образовательных программ высшего образования URL https://nihe.by/images/norm-c/norm-doc/nd_pravila-provedeniya-attestatsii_131023_319.pdf (дата обращения: 20.04.2025).
2. *Соломатина М. Н.* Контроль знаний студентов: опыт китайских вузов // Сибирский педагогический журнал. 2015. №6. С. 41–44.
3. Education in China: a Snapshot. OECD. URL : <https://www.oecd.org/china/Education-in-China-asnapshot.pdf> (date of access: 24.04.2025).

ВЛИЯНИЕ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ИНТЕЛЛЕКТА НА УЧЕБНУЮ УСПЕВАЕМОСТЬ, НА ПРИМЕРЕ СТУДЕНТОВ 2 КУРСА ФСК СПЕЦИАЛЬНОСТИ «СОВРЕМЕННЫЕ ИНОСТРАННЫЕ ЯЗЫКИ»

Д. В. Хилимончик

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, darahilimoncik440@gmail.com
Научный руководитель – М. П. Редько, старший преподаватель*

В статье исследуется влияние эмоционального интеллекта на учебную успеваемость. Рассмотрены ключевые концепции и модели эмоционального интеллекта. Анализируется взаимосвязь эмоционального интеллекта и академических успехов студентов.

Ключевые слова: эмоциональный интеллект; учебная успеваемость; тест Холла; коэффициент корреляции Пирсона.

Эмоциональный интеллект (ЭИ) (англ. Emotional Intelligence) – сумма навыков и способностей человека распознавать эмоции, понимать намерения, мотивацию и желания других людей и свои собственные, а также способность управлять своими эмоциями и эмоциями других людей в целях решения практических задач. Концепцию эмоционального интеллекта впервые использовали в 1991 г. Ричард Майер и Питер Сэловей. Дэниел Гоулман популяризировал ЭИ в 1995 г [1].

По определению Стивена Стейна и Говарда Бука, эмоциональный интеллект, в отличие от привычного всем понятия интеллекта, «является способностью правильно истолковывать обстановку и оказывать на неё влияние, интуитивно улавливать то, чего хотят и в чём нуждаются другие люди, знать их сильные и слабые стороны, не поддаваться стрессу и быть обаятельным» [2].

Эмоциональный интеллект включает в себя умение регулировать свои эмоциональные состояния, адаптироваться к изменениям и принимать взвешенные решения в повседневной жизни и в процессе межличностного взаимодействия. Модель эмоционального интеллекта Майера-Сэловея-Карузо [3] выделяет четыре составляющие эмоционального интеллекта.

1. Восприятие эмоций – способность распознавать эмоции (по мимике, жестам, внешнему виду, походке, поведению, голосу) других людей, а также идентифицировать свои собственные эмоции.

2. Использование эмоций для стимуляции мышления – способность человека (главным образом неосознанно) активировать свой мыслительный процесс, пробуждать в себе креативность, используя эмоции как фак-

тор мотивации.

3. Понимание эмоций – способность определять причину появления эмоции, распознавать связь между мыслями и эмоциями, определять переход от одной эмоции к другой, предсказывать развитие эмоции со временем, а также способность интерпретировать эмоции во взаимоотношениях, понимать сложные (амбивалентные, неоднозначные) чувства.

4. Управление эмоциями – способность пробуждать и направлять свои эмоции и эмоции других людей для достижения поставленных целей. Способность принимать эмоции во внимание при построении логических цепочек, решении различных задач, принятии решений и выборе своего поведения.

Эмоциональный интеллект играет значительную роль в успешности студентов. Развитый ЭИ помогает:

1) лучше понимать себя, осознание своих сильных и слабых сторон способствует определению учебных потребностей и разработке эффективных стратегий обучения;

2) управлять стрессом и тревогой, способность к саморегуляции повышает концентрацию во время занятий и снижает уровень тревожности перед экзаменами и контрольными работами, облегчая процесс обучения;

3) адаптироваться к неудачам, студенты с высоким ЭИ быстрее восстанавливаются после неудач, извлекая из них уроки для будущих действий;

4) улучшать социальное взаимодействие, эмпатия и социальные навыки способствуют эффективной работе в группах, установлению позитивных отношений с однокурсниками и преподавателями, а также конструктивному разрешению конфликтов;

5) повышать мотивацию, понимание собственных эмоций и целей помогает поддерживать высокий уровень мотивации и настойчивости в достижении учебных результатов;

6) принимать решения, способность адекватно воспринимать собственные и чужие переживания, принимать более аутентичные и соответствующие потребностям решения в учебном процессе.

Влияние ЭИ на успеваемость было доказано учеными университета центрального Ланкашира и университета Эдж-Хилл, которые провели совместное исследование «Как эмоциональный интеллект влияет на академическую успеваемость британских подростков?». Исследование выявило, что на академическую успеваемость влияют не только познавательные способности, но и эмоциональный интеллект. Уровень ЭИ и познавательных способностей оказывают влияние на результаты выпускных экзаменов, причем по-разному у мальчиков и девочек. Высокий ЭИ как когнитивная способность повышает академическую успеваемость девочек и

мальчиков с хорошими познавательными способностями и помогает мальчикам с низкими познавательными способностями [2].

Несмотря на преобладание данных о положительной связи между ЭИ и успеваемостью, некоторые исследования указывают на более сложный характер этой взаимосвязи.

Исследование О.В. Котоминой [4] выявило статистически значимую отрицательную корреляцию между уровнем ЭИ и академической успеваемостью.

Студенты с высоким уровнем ЭИ могут более спокойно относиться к своим оценкам, стремясь к полноценному балансу между учебой, работой и личной жизнью, и не всегда ставят целью получение только отличных оценок. Это указывает на то, что влияние ЭИ на успеваемость может быть опосредовано другими факторами и зависеть от индивидуальных приоритетов и жизненных целей студента.

В проведенном мною исследовании, приняли участие 22 студента 2 курса ФСК, специальности «СИЯ», которые прошли тест эмоционального интеллекта Гренвилла-Холла.

Исследование показало, что наблюдается умеренная положительная связь между уровнем эмоционального интеллекта и успеваемостью студентов, коэффициент корреляции Пирсона равен 0,3.

По результатам проведенного мною исследования можно констатировать, что эмоциональный интеллект оказывает влияние на академическую успеваемость студентов.

Однако необходимо отметить, что это не единственный фактор, оказывающий влияние на успеваемость, и его влияние может быть более заметным при определенных условиях или для конкретных групп студентов. Обращает на себя внимание тот факт, что студент с самым низким средним баллом (4,9) имеет самый низкий уровень эмоционального интеллекта (-22).

Однако, студент с самым высоким баллом (9,9) имеет средний уровень эмоционального интеллекта (34). Эмоциональный интеллект не всегда напрямую влияет на академические успехи студентов из-за сложного и зачастую опосредованного характера этой взаимосвязи. Академические успехи могут являться результатом влияния других факторов, требующих дополнительного исследования.

В качестве таких факторов, может выступать психологическое благополучие, мотивация, стратегия обучения, академическая вовлеченность, возраст, социально-экономический статус, тип учебной программы, используемые методы оценки и пр. Эмоциональный интеллект является лишь одним из факторов, способствующих академическому успеху студентов, и его роль может быть не всегда доминирующей.

Библиографические ссылки

1. *Гоулман Д.* Эмоциональный интеллект. Почему он может значить больше, чем IQ. М., МИФ, 2016.
2. *Стивен Дж. Стейн, Говард И. Бук.* Преимущества EQ. Эмоциональный интеллект и ваши успехи. М.: Баланс Бизнес Букс, 2007.
3. *Mayer J. D., Salovey P.* What is emotional intelligence? Emotional development and emotional intelligence: Implications for educators. NY.: Basic Books, 1997.
4. *Котомина О.В.* Исследование взаимосвязи эмоционального интеллекта и академической успеваемости студентов университета // Образование и наука. 2017. Т. 19. № 10. С. 96-110.

ОРГАНИЗАЦИОННО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ ОБУЧЕНИЯ КИТАЙСКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ

Чжан Хаошэн

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, 1102832150@qq.com
Научный руководитель – Т. С. Афанасьева, кандидат педагогических наук*

В данном исследовании рассматриваются методические аспекты преподавания китайского языка как иностранного, акцентируя внимание на уникальных особенностях китайского языка. Обоснована необходимость сочетания традиционных педагогических подходов инновациями для преодоления трудностей в освоении языка и формировании межкультурной компетенции. На основе эмпирического исследования выделены основные трудности изучения китайского как иностранного и организационно-педагогические условия, способствующие их преодолению.

Ключевые слова: обучение китайскому как иностранному; гибридное обучение, условия изучения китайского как иностранного.

Современное преподавание китайского языка как иностранного (ККИ) сталкивается с уникальными вызовами, обусловленными лингвистической и культурной спецификой языка. В условиях усиления сотрудничества между Беларусью и Китаем потребность в эффективных методах обучения китайскому языку приобретает особую актуальность.

Преподавание иностранного языка, это не только процесс овладения базовыми языковыми навыками, но и важный способ понимания разных культур, расширения образа мышления и самосовершенствования личности. Основными элементами содержания обучения иностранному языку являются произношение, грамматика и лексика. При обучении иностранному языку имеет место целесообразное изменение деятельности учащихся на основе их опыта в родном языке: физической (артикуляция и движение пишущей руки); психической (наблюдение, размышление, запоминание, припоминание и др.); речевой (слушание, называние, реакция, устное или письменное высказывание) [1].

Китайский язык, обладая тональной системой, иероглифической письменностью и контекстно-зависимой грамматикой, требует принципиально иного подхода к обучению по сравнению с индоевропейскими языками. Тональная система, включающая четыре основных тона и нейтральный, создает сложности для студентов, чьи родные языки не используют тоны для различения смысла. Например, слог «та» в зависимости от тона

может означать «мама», «конопля», «лошадь» или «ругать». Это требует внедрения специализированных методик (включая ИИ) для анализа и коррекции произношения [2].

Иероглифическая письменность, сочетающая в себе графические символы с культурно-исторической семантикой, представляет отдельный вызов. Каждый иероглиф является комбинацией ключей (семантических компонентов) и фонетики, что требует не только механического запоминания, но и понимания логики построения символов. Интеграция мнемотехник, основанных на визуализации этимологии иероглифов, способна сократить время освоения базового лексического минимума на 25–30%. Например, приложение *Hanzi Master*, демонстрирующее анимированную историю происхождения символов, повышает вовлеченность и снижает «синдром иероглифической амнезии» [3].

Грамматическая гибкость китайского языка, где значение часто определяется порядком слов и служебными частицами, требует акцента на формировании ситуативной языковой интуиции.

Таким образом, основными особенностями китайского языка как иностранного являются: богатство и неоднозначность языковых конструкций, предполагающих опору на исторический, географический и культурный контекст, гибкость грамматических правил сложность написания и запоминания иероглифов, являющихся для большинства изучающих китайский язык нетипичной формой графемы, фонетические особенности и опора на интонационный ряд, что не имеет аналогов во многих других языках.

Необходимость учета данной специфики при организации обучения китайскому языку как иностранному делает актуальным проведение исследования с целью обоснования организационно-педагогических условий данного процесса.

Нами была разработана и апробирована гибридная модель обучения, объединяющая традиционные методы с ИКТ и культурно-ориентированными практиками. Целевая группа включала 30 студентов из русскоязычных стран (Беларусь, Казахстан), преимущественно в возрасте 18–22 лет (63%), а также взрослых учащихся старше 23 лет, что позволило выявить возрастные различия в обучении.

Анализ данных выявил три ключевые зоны трудностей:

Фонетические ошибки: 78% обучающихся допускали тональные неточности в спонтанной речи, а 62% испытывали сложности с распознаванием редуцированных форм в быстрой речи.

Иероглифическое запоминание: Освоение 1200 базовых иероглифов занимало в среднем 18 месяцев, при этом 45% студентов демонстрировали частичную или полную утрату навыков после перерывов в обучении.

Культурологические барьеры: 67% респондентов неверно интерпретировали концепты «лица» (面子) и «гуаньси» (关系), что приводило к коммуникативным сбоям в межкультурных ситуациях.

На этапе апробации модели учащиеся отработывали коммуникативные сценарии в VR-симуляторах, имитирующих реальные ситуации – от деловых переговоров до бытовых диалогов. Параллельно внедрялись AI-инструменты (Speechling) для коррекции произношения, что позволило учащимся с высокой частотой использования (≥ 4 сеансов в неделю) улучшить точность тонов на 35%. Культурный компонент включал анализ современных медиатекстов и участие в виртуальных мероприятиях, таких как фестиваль Цинмин, что способствовало снижению ошибок в интерпретации культурных контекстов на 41%.

Результаты исследования выявили значимые различия между возрастными группами. Молодые студенты (18–22 года) демонстрировали повышенную вовлеченность при работе с игровыми форматами (Kahoot, Minecraft-моды) и современным контентом (TikTok), что ускоряло усвоение лексики на 55%. Взрослые учащиеся (23+) показывали более глубокое понимание делового этикета и классических текстов, таких как «Дао Дэ Цзин», достигая 74% точности в интерпретации культурных нюансов. Однако сохранялись проблемные зоны: 26% студентов допускали смысловые искажения при работе с идиомами (например, «对牛弹琴»), а интенсивное использование AI-инструментов в течение 8 недель приводило к замедлению прогресса на 12%, что указывало на необходимость обновления алгоритмов.

Ключевым выводом исследования стала подтвержденная эффективность гибридной модели, сочетающей технологические инновации (AI, VR), культурное погружение и дифференциацию контента. Динамическая обратная связь через NLP-анализ ошибок, иммерсивные VR-сценарии и адаптация материалов под возрастные особенности учащихся оказались критическими факторами успеха. Например, VR-тренинги в виртуальном аэропорту Шэньчжэня повысили беглость речи на 43%, а интеграция GPT-чатов для имитации диалогов с носителями укрепила навыки спонтанной коммуникации.

Исследование позволило нам выявить организационно-педагогические условия обучения ККИ:

1) мультисенсорная презентация материала. Внедрение 3D-визуализации иероглифов, тактильных схем для запоминания ключей и AI-тренажеров тонального восприятия позволило задействовать различные каналы восприятия. Например, использование VR-симуляторов для моделирования ситуаций в китайском ресторане или на рынке повысило скорость усвоения лексики на 40%;

2) контекстуально-имитационное обучение. Ролевые игры с элементами традиционного китайского театра, анализ кейсов и виртуальные экскурсии способствовали формированию межкультурной компетенции. Уровень адекватного использования концепта «гуаньси» в диалогах вырос с 32% до 68% за учебный год;

3) дифференцированный подход. Адаптивные тесты и персонализированные траектории освоения иероглифики сократили сроки достижения уровня HSK3 на 23%.

Мы можем заключить, что синтез традиционных методик с цифровыми инновациями и акцент на межкультурной компетенции являются ключом к эффективному обучению китайскому языку.

Библиографические ссылки

1. *Аньжань И.* Исследование модели преподавания китайского языка как иностранного в российских гуманитарных вузах // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер.: Образование. Педагогические науки. 2024. Т. 16. № 2. С. 100-107

2. *Вэнь Л.* Практика и исследование культурного творческого образования в преподавании китайского языка как иностранного // Чжиши чуан (Издание для преподавателей). 2024. № 6. С. 6-8.

3. *Akopjan L.* The role of localized teaching materials in teaching Chinese as a foreign language // Science and World. 2024. № 5(129). С. 37-39.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПОДГОТОВКИ ВОСПИТАТЕЛЕЙ ДЕТСКОГО САДА В КИТАЕ И РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Чжан Чжиюань

*Белорусский государственный университет, ул. Кальварийская, 9,
220030, г. Минск, Беларусь, zhangzhiyuan_1011@icloud.com
Научный руководитель – Г. В. Пальчик, доктор педагогических наук, профессор*

В статье рассматривается программы подготовки воспитателей детского сада в педагогических университетах Китая и Республики Беларусь. На основании сравнения учебных планов подготовки воспитателей выявлены общие черты и различия, отражающие культурные, исторические и социально-экономические особенности стран.

Ключевые слова: высшее педагогическое образование; подготовка воспитателей детского сада.

Современные изменения в социальной и образовательной политике в Китайской Народной Республике и Республике Беларусь обусловили рост требований к качеству подготовки педагогических кадров, в частности, в сфере дошкольного образования. Развитие раннего детства признано важнейшим фактором формирования человеческого капитала, поэтому система подготовки воспитателей детских садов становится ключевым элементом государственной стратегии в обеих странах. Сравнительный анализ этих систем позволяет выявить эффективные практики, перенять успешные решения и усовершенствовать национальные модели педагогического образования.

Целью настоящей статьи является проведение сравнительного анализа структуры и содержания программ подготовки воспитателей детских садов в Китае и Республике Беларусь в педагогических университетах с целью выявления сходств, различий и потенциальных направлений для взаимного обогащения образовательного опыта.

В обеих странах система подготовки воспитателей основана на сочетании теоретического и практического обучения. Это позволяет формировать у будущих педагогов комплекс профессиональных знаний, умений и навыков для эффективной работы с детьми дошкольного возраста. Стандартные учебные планы включают дисциплины по детской психологии, педагогике, методике обучения, охране здоровья детей и правовым аспектам педагогической деятельности [1; 2].

Идеологические и культурные аспекты играют решающую роль в подготовке воспитателей. В Китае программы обучения ориентированы на формирование чувства коллективизма, дисциплины и патриотизма,

подчеркивая важность социальной ответственности и преданности государству. В то же время в Беларуси акцент делается на индивидуальном развитии ребенка, раскрытии его творческого потенциала и социализации в рамках национальных традиций и культурных ценностей. Китайская система подготовки имеет ярко выраженную политико-идеологическую компоненту: значительное внимание уделяется изучению марксистско-ленинской теории, политике Коммунистической партии Китая, воспитанию патриотизма и национальной идентичности. Кроме того, в учебную программу включены предметы, отображающие национальную специфику, такие как традиционные китайские игры, элементы народной культуры и искусства.

В Китае воспитатели детских садов обязаны иметь высшее педагогическое образование, а система подготовки включает регулярную аттестацию и повышение квалификации через краткосрочные и долгосрочные курсы, а также возможность получения научной степени. Государство строго регулирует квалификационные требования и лицензирование педагогов, обеспечивая высокий уровень профессиональной подготовки. В Беларуси подготовка воспитателей реализуется в системе педагогических колледжах и вузов по специальности «Дошкольное образование». Обучение включает обязательную практику в детских садах на каждом этапе обучения (от наблюдения за работой до самостоятельного ведения занятий) и государственную аттестацию для подтверждения профессиональных компетенций. Процесс повышения квалификации регулируется современными образовательными стандартами и организован через тематические курсы, семинары и стажировки в учреждениях дополнительного образования взрослых и лидирующих детских садах, что позволяет поддерживать актуализировать профессиональные компетенции педагогов.

Китайские программы ориентированы на развитие коллективизма, трудолюбия и патриотизма у детей, с акцентом на физическое воспитание, развитие речи, социальные навыки, научные интересы и искусство. В белорусских программах основное внимание уделяется всестороннему развитию личности ребенка, включая изучение психолого-педагогических дисциплин, методик развития речи, мышления, моторики и других аспектов. Здесь важное место занимают индивидуальный подход и гуманистические ценности, что отражает культурные приоритеты страны.

Образование воспитателей в Китае характеризуется модульной структурой и активным внедрением цифровых технологий. Каждый модуль учебной программы соответствует конкретной профессиональной компетенции. В рамках обучения активно используются онлайн-лекции на цифровых платформах, виртуальные классы с использованием VR-систем, а также специальные цифровые инструменты для моделирования

различных ситуаций в детском саду. Также уделяется особое внимание вопросам инклюзивного образования, работе с детьми с особыми потребностями и формированию педагогической гибкости и мобильности.

В области практической подготовки в Китае образовательная практика структурирована поэтапно: включает наблюдение, имитационное обучение, педагогическую стажировку и выполнение выпускной квалификационной работы. В Беларуси практика распределена равномерно по всем учебным семестрам и всегда сопровождается обязательным анализом практических ситуаций и рефлексией над опытом активно используются онлайн-лекции, виртуальные классы, что способствует более глубокому пониманию профессиональных задач и эффективному их выполнению.

Таким образом, проведенный сравнительный анализ программ подготовки воспитателей детских садов в Китае и Республике Беларусь выявил как общие черты, так и определенные различия, отражающие культурные, исторические и социально-экономические особенности этих стран. Эти различия могут стать основой для дальнейших исследований и взаимного обогащения педагогических практик двух стран.

Библиографические ссылки

1. Министерство образования Республики Беларусь. / Образовательный стандарт «Дошкольное образование» Минск, 2022. <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=W22238596p>(дата обращения: 03.05.2025).

2. Государственный комитет по делам образования КНР. / Руководство по развитию и обучению детей 3–6 лет. Пекин, 2012. <https://www.russianshanghai.com/articles/china/post1851> (дата обращения: 03.05.2025).

ФАКУЛЬТЕТ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

ВСТУПЛЕНИЕ ВЬЕТНАМА В ОРГАНИЗАЦИЮ ОБЪЕДИНЕННЫХ НАЦИЙ

А. Д. Акулич

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, arinaakulichhh@gmail.com*

Научный руководитель – И. М. Авласенко, кандидат исторических наук, доцент

Статья посвящена анализу дипломатических инициатив Вьетнама, направленных на вступление в Организацию Объединённых Наций (ООН) в период с 1946 по 1977 год. На основе анализа международной обстановки и реакции ведущих государств рассматриваются причины отказов, а также факторы, способствовавшие принятию Вьетнама в организацию. Особое внимание уделяется влиянию идеологического противостояния времён Холодной войны на процесс международного признания Вьетнама.

Ключевые слова: Демократическая Республика Вьетнам; ООН; международное признание; национально-освободительное движение; Холодная война; Социалистическая Республика Вьетнам.

Окончание Второй Вьетнамской войны и конечное объединение Юга и Севера Вьетнама 2 июля 1976 года в Социалистическую Республику Вьетнам стали основополагающими событиями в контексте вьетнамского вопроса в международных отношениях. Следующим этапом, который бы означал полное вычеркивание этого вопроса из мировой повестки, было вступление государства в ООН. Вьетнам, который на протяжении многих лет находился в состоянии конфликта и изоляции, стремился к интеграции в международные организации, в том числе в ООН. Обращаясь за помощью к великим державам в контексте Первой Индокитайской войны, Хо Ши Мин (лидер национально-освободительного движения) в 1946 году впервые направил письмо в ООН, выразив желание новопровозглашённой Демократической Республики Вьетнам (ДРВ) о вступлении. Однако это было лишь начало, после которого следовало еще множество заявлений, подлежавших отказу.

22 ноября 1948 года председатель делегации ДРВ в Париже Доан Нгок Тран отправил телеграмму от министра иностранных дел ДРВ генеральному секретарю ООН с заявлением о намерении вступить в организацию. В письме говорилось: «Вьетнам с 2 сентября 1945 года существует как суверенное государство, что было подтверждено Францией в договоре от 6 марта того же года». Были подчеркнуты достижения Вьетнама в сфере

демократических реформ и экономических вопросов. В телеграмме была размещена сопутствующая декларация, в которой выразилось безоговорочное принятие Устава ООН и стремление внести свой вклад в работу организации [1]. Несмотря на выраженную готовность Вьетнама и вьетнамо-французские соглашения 1946 года, которые признавали независимость ДРВ в рамках Французского союза, его независимость еще не была полностью признана мировым сообществом. На тот момент многие государства, особенно западные, поддерживали интересы французского правительства, поэтому первое официальное заявление о вступлении Вьетнама в ООН было отвергнуто.

После дипломатического признания ДРВ Советским Союзом и Китаем северовьетнамское правительство во второй раз обратилось к генеральному секретарю ООН и получило ответ лишь о том, что сведения были переданы членам Совета Безопасности и Генеральной Ассамблеи. Третья телеграмма от ДРВ датировалась 7 августа 1952 года, и на этот раз в ней размещалась просьба довести 2 приложенных документа до компетентных служб, чтобы заявление Вьетнама о приеме в члены ООН могло быть рассмотрено как можно скорее [2]. Под двумя документами имелись в виду декларация о принятии обязательств Устава и меморандум, приложенный в предыдущем заявлении. В очередной раз ДРВ получила отказ: во-первых, в 1950-ые годы биполярность разделяла мир на два лагеря, в числе одного из них, коммунистического, оказался и Вьетнам. По этой причине ДРВ не пользовалась поддержкой стран, которые в значительной степени доминировали в ООН. Более того, многие страны не считали правительство Вьетнама легитимным, поскольку оно не контролировало всю его территорию, а Франция продолжала придерживаться колонизаторской политики.

После капитуляции правительства Южного Вьетнама в апреле 1975 года Север и Юг представили свои документы и официальное заявление о вступлении в организацию как единое государство.

В письме было сказано: «После обретения независимости и воссоединения Социалистическая Республика Вьетнам и вьетнамский народ желают вступить в Организацию Объединенных Наций, чтобы вместе с другими странами бороться за мир и международную безопасность» [3]. В этот раз Совет Безопасности действительно рассмотрел запросы Вьетнама, но США воспользовались правом вето, оттянув процедуру еще на несколько лет.

В конечном итоге, 20 сентября 1977 года на открытии 32-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН в Нью-Йорке была принята резолюция о признании Социалистической Республики Вьетнам членом Организации Объединенных Наций [4]. Спустя много лет и попыток, Вьетнам был по

достоинству признан миром как новое, мирное, единое и готовое к сотрудничеству государство. Вступление в ООН стало важным шагом для Вьетнама в контексте его дальнейшего развития и интеграции в международное сообщество. В рамках ООН Вьетнам начал активно участвовать в международных инициативах, направленных на решение вопросов мира, безопасности и развития. Таким образом, вступление Вьетнама в ООН позволило разрешить вьетнамский вопрос в международных отношениях и сделать шаг к новому устройству мира, где бывшие колонии смогли бы получить возможность для своего независимого развития.

Библиографические ссылки

1. Letter dated 22 November 1948 to the secretary-general from the Chairman of the delegation of the Democratic republic of Viet-Nam // UN Documents for Admission of New UN members: Security Council Letters. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/617673?v=pdf> (date of access: 05.04.2025).
2. Reunified Vietnam Asks for Admission to United Nations // The New York Times Archives. URL: <https://www.nytimes.com/1976/08/21/archives/reunified-vietnam-asks-for-admission-to-united-nations.html?ysclid=ma2x1hu21r472332147> (date of access: 05.04.2025).
3. 47 лет сотрудничества Вьетнама в ООН URL: <https://www.vietnam.vn/ru/dau-an-47-nam-dong-hanh-viet-nam-lien-hop-quoc> (дата обращения: 05.04.2025).

ВЛИЯНИЕ ТУРЦИИ НА СТРАНЫ БЛИЖНЕГО ВОСТОКА

М. Р. Бекчанова

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, tuesday300906@gmail.com
Научный руководитель – С. Ф. Свилас, доктор исторических наук, доцент*

Статья посвящена анализу влияния Турции на страны Ближнего Востока с учетом исторических, политических и экономических аспектов этого взаимодействия. Особое внимание уделяется роли Турции в сирийском кризисе, ее отношениям с курдскими группировками. Также рассматриваются культурные и религиозные связи, которые укрепляют позиции Турции в регионе. Подчеркнуты неоднозначность и многогранность турецкой политики на Ближнем Востоке, а также её последствия для стабильности и безопасности региона.

Ключевые слова: «мягкая сила»; историческое наследие; сирийский кризис; курдский вопрос; Турция.

С приходом к власти Партии справедливости и развития Турция направляет свою военно-политическую, экономическую и религиозно-идеологическую мощь на борьбу за лидерство на Ближнем Востоке. Она перестаёт быть периферией западной политики и пытается позиционировать себя в качестве «голоса» Ближнего Востока. Влияние Турции на этот регион обусловлено как историческими связями, так и современной геополитической реальностью.

Обладая стратегическим важным географическим положением и мощной экономикой, Турция активно формирует региональную динамику и, преследуя собственные интересы, стремится укрепить свой статус как влиятельного игрока. Основным фактором влияния страны на регион является её географическое положение: она граничит со странами Ближнего Востока и имеет выход к Черному и Средиземному морям, являясь, тем самым, важным транзитным узлом и энергетическим коридором [1, с. 4].

Турция была центром Османской империи, контролировавшей на протяжении веков большую часть Ближнего Востока. Экономическое влияние страны проявляется в наращивании объемов торговли и инвестиций, особенно в энергетической сфере, где Турция выступает транзитным узлом поставок газа и нефти в Европу.

Политическое влияние Турции заметно в ее активном участии в разрешении региональных конфликтов, таких как сирийский, ливийский и палестино-израильский. В них Анкара занимает собственную позицию, которая значительно отличается от других игроков. Гуманитарная помощь и участие Турции в разрешении конфликтов также используются для

укрепления имиджа страны как «ответственного и заботливого актора» [2, с. 153]. Одновременно Турция активно поддерживает определенные политические силы и движения, которые связаны с «Братьями-мусульманами». Она активно участвует в сирийском конфликте, поддерживая определенные группы оппозиции и проводя военные операции на территории Сирии. Одним из основных интересов Турции является недопущение усиления курдов и создания курдской автономии на территории Сирии. Такая автономия уже имеется в Ираке, и Анкара не желает допустить курдского объединения, т. к. это отрицательно повлияет на ее статус в регионе.

Отношение Турции к курдскому вопросу является сложным и многогранным. Внутри страны курды составляют значительное этническое меньшинство, и их стремление к автономии и культурным правам вызывает опасения у турецкого правительства, которое рассматривает это как угрозу национальной безопасности.

Турция ведет активную борьбу с Рабочей партией Курдистана (РПК), обвиняя ее в терроризме, и проводит военные операции против курдских сил как внутри страны, так и за ее пределами, особенно в Сирии и Ираке. В то же время Анкара использует курдский вопрос в своей внешней политике, пытаясь укрепить позиции в регионе и противостоять влиянию других держав.

Это приводит к сложным отношениям с курдскими группами, которые могут быть союзниками в борьбе против общего врага – Исламского государства. Курдский вопрос продолжает оставаться ключевым элементом как внутренней, так и внешней политики Турции, влияя на стабильность региона в целом.

Таким образом, первая цель Анкары в отношениях с Дамаском заключается в противодействии объединению курдов, вторая – в усилении своего влияния как на Сирию, так и на регион в целом [2, с. 163].

Конфликты на Ближнем Востоке в определенной степени касаются Турции, однако ее политики подчас забывают, что у каждого государства имеются внутренние проблемы и другие государства никак не должны вмешиваться в их решение. Турция также участвует в борьбе с террористическими организациями, такими как ИГИЛ, преследуя при этом свои собственные цели и интересы. По мнению автора, как бы усердно Турция не старалась решать политические проблемы разных стран, она везде и всегда ищет свой интерес. Для Турции невыгодно создание курдского государства, ведь это приведет к ослаблению её влияния на Ближнем Востоке. С целью недопущения образования курдских автономий у своих южных границ Турция в августе 2016 г. провела операцию «Щит Евфрата», очистив свои южные пределы от сирийских курдов. Однако у Турции остается

целый ряд нерешенных внутренних проблем: терроризм, проблема беженцев, обострение курдского вопроса. В рамках треугольника «Москва-Тегеран-Анкара» делаются попытки найти решение кризиса, однако очевиден крах доктрины «ноль проблем с соседями». В Ливии Турция оказывает военную и политическую поддержку правительству национального согласия, что вызывает недовольство других региональных игроков.

На начальном этапе усиление роли Анкары в регионе было благоприятно воспринято другими участниками регионального взаимодействия, однако к концу 2010-х гг. проявились явные противоречия, продуцируемые ростом региональных амбиций официальной Анкары. Особое внимание следует уделять исламизации и расширению Турцией своего религиозного влияния на регион. Несмотря на глобализацию мировых процессов, религиозный вопрос остается одним из самых важных для Ближнего Востока. Начиная с гражданских войн в Ираке, Сирии и Йемене, конкуренции между Ираном и Саудовской Аравией, стратегии в религиозно смешанных странах, «ислам формирует региональные события во всем регионе» [3, с. 83].

Турция стремится укреплять свое влияние в регионе инструментами культурной дипломатии – через «мягкую силу», посредством популяризации национальной культуры и языка за рубежом. Идеологи неоосманизма обосновывают необходимость укрепления Турции в качестве регионального лидера не путем завоевания территорий, а через распространение своей национальной культуры в других государствах. По их мнению, страна учится на прежних ошибках и отныне не будет повторять их за Османской империей, которая, не укрепляя внутреннее положение, завоевывала новые территории. Она будет действовать по-другому: расширять свое влияние через «мышление народа» [3, с. 85].

Перспективы усиления влияния Турции на Ближнем Востоке неоднозначны: Турция не единственная страна, стремящаяся к региональному лидерству, её конкурент – арабский мир. Если Турецкая Республика и дальше будет оказывать давление на политику и вмешиваться во внутренние конфликты ближневосточных стран, то свое влияние ей расширить не удастся.

Библиографические ссылки

1. Глазунов О. Н., Давыдов Ю. А. Особенности и приоритеты внешней политики Турции в странах Ближнего Востока и Северной Африки // Общество: политика, экономика, право. 2020. № 12 (89). С. 1–5.
2. Сафонкина Е. А. Турция как новый актер политики «Мягкой силы» // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2014. № 2. С. 145–166.
3. Леванова К. А. Новые геополитические ориентиры современной Турции // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2015. № 12 (6). С. 81–85.

ВНЕДРЕНИЕ ТЕХНОЛОГИЙ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В СОВРЕМЕННЫЕ ВИДЫ ВООРУЖЕНИЯ: ТЕНДЕНЦИИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В МЕЖДУНАРОДНОМ ГУМАНИТАРНОМ ПРАВЕ

П. Н. Белаец¹⁾, А. А. Гудман¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, pavelbelaec43@gmail.com
anya.goodman25@mail.ru

Научный руководитель – В. М. Андриенко, преподаватель-стажер

На основе анализа нормативных и доктринальных источников определено правовое регулирование применения систем вооружения, управляемых искусственным интеллектом. Выявлено, что использование полностью автономного вооружения не соответствует ключевым принципам и запретам международного гуманитарного права, с чем связана тенденция ограничения автономности оружия и сохранения контроля оператора над критическими функциями.

Ключевые слова: искусственный интеллект; научно-технический прогресс; средства и методы ведения войны; автономные системы вооружения; безопасность.

Наряду с распространением оружия массового уничтожения (ядерного, биологического, химического и др.) угрозу международной безопасности представляет активное внедрение технологий искусственного интеллекта в современные виды вооружения. Институт ООН по исследованию проблем разоружения выражает обеспокоенность в связи с расширением функционала искусственного интеллекта в военной сфере и справедливо отмечает, что дальнейшее развитие его потенциала способно радикально изменить «войну и мир» [1].

Стокгольмский международный институт исследования проблем мира указывает на опасность снижения порога применения оружия массового уничтожения в связи с внедрением искусственного интеллекта в современные системы вооружений, особенно в системы ядерной обороны [2, с. 6]. С 2016 г. прогнозирование и изучение возможных угроз, создаваемых новыми технологиями в области смертоносных систем вооружения, основанных на искусственном интеллекте, является одним из ключевых направлений деятельности Группы правительственных экспертов государств – участников Конвенции о запрещении или ограничении применения конкретных видов обычного оружия, которые могут считаться наносящими чрезмерные повреждения или имеющими неизбирательное действие [3].

Несмотря на признание возможных рисков и непредсказуемых последствий дальнейшего развития технологий искусственного интеллекта для военных целей, по данным аналитических центров, объем мирового рынка искусственного интеллекта в военной сфере растет в геометрической прогрессии. Прогнозируется, что в 2025 г. объем рынка составит 8,74 млрд долл., что объясняется глобальной тенденцией по модернизации вооруженных сил, растущим спросом на автономные системы в военных действиях, а также всеобщей геополитической напряженностью [4].

Неотвратимость процесса научно-технического прогресса и его достижений, в том числе в области применения искусственного интеллекта в военной сфере, с одной стороны, обуславливает необходимость развития международно-правового регулирования, учитывающего современные реалии. С другой стороны, закономерно возникает вопрос об обеспечении фундаментальных принципов международного права, и международного гуманитарного права, в частности.

В этой связи основной проблемой является определение способности государств обеспечивать соблюдение своих международно-правовых обязательств по международному гуманитарному праву при использовании новых систем вооружения, основанных на искусственном интеллекте.

Международное гуманитарное право не определяет специальное правовое регулирование для использования вооружений, управляемых искусственным интеллектом.

Однако отдельные нормы и принципы сформулированы таким образом, что применимы к любому виду вооружения вне зависимости от технических характеристик. Так, из ст. 36 Дополнительного протокола I 1977 г. к Женевским конвенциям 1949 г. (далее – Протокол I) следует, что изучение, разработка, приобретение или принятие на вооружение новых видов оружия должна осуществляться с тем, чтобы при их применении в полной мере могли соблюдаться нормы международного гуманитарного права [5].

То есть использование вооружения, в том числе управляемого искусственным интеллектом, будет признаваться законным, если оно соответствует принципам соразмерности, проведения различия и предосторожности, закрепленным в Протоколе I 1977 г. (ст. 48, 51, 52, 57) и имеющим характер обычных норм международного права, а также не противоречит установленным запретам на применение средств и методов ведения войны, которые по своей природе способны нанести чрезмерные повреждения или причинить излишние страдания (ст. 35(2) Протокола I), являются неизбирательными (ст. 51(4)(с) Протокола I), могут нанести широкомасштабный, долгосрочный и серьезный ущерб природной среде (ст. 35(3) Протокола I).

Полагаем, правовая оценка использования систем вооружений, управляемых искусственным интеллектом, на предмет соответствия установленным международным гуманитарным правом требованиям будет различаться в зависимости от принципа действия такого оружия.

В рамках совещания экспертов Международного комитета Красного Креста (далее – МККК) по вопросу использования автономных систем вооружения в 2014 г. было предложено разграничивать понятия «автоматизированное вооружение» и «автономное вооружение».

Отмечалось, что в отличие от автоматизированной системы автономная система может обучаться или адаптировать свое поведение в ответ на изменяющиеся обстоятельства в среде, в которой она функционирует, полностью основываясь на искусственном интеллекте [6, с. 7].

Учитывая то, что данный вопрос обсуждался в рамках указанного совещания более десяти лет назад, автономные системы рассматривались как будущий результат развития технологий [6, с. 7].

Тем не менее, на сегодняшний день подобные системы уже довольно активно используются в вооруженных конфликтах.

Современное определение понятия автономных систем вооружения, предлагаемое государствами, соответствует прогнозам экспертов МККК. В 2022 г. Российская Федерация охарактеризовала такие системы как «полностью автономные беспилотные средства, выполняющие боевые задачи без участия оператора» [7, с. 4].

В 2023 г. Австралия, Япония, США и другие страны определили автономные системы как способные «самостоятельно идентифицировать, выбирать и поражать цели без вмешательства оператора» [7, с. 2].

Таким образом, автономные системы вооружения способны на самостоятельное принятие решений и выполнение на их основе боевых задач.

Практика использования полностью автономных систем вооружения показывает, что их применение противоречит ключевым принципам и нормам международного гуманитарного права, поскольку такие системы не способны ни с абсолютной точностью проводить различие между комбатантами и гражданским населением, ни оценивать соразмерность применения силы.

Данный вывод был подтвержден, в частности, в отчете Группы экспертов ООН по Ливии 2021 г. в связи с применением автономного вооружения *Kargu-2*, которое в отсутствие человеческого контроля подвергло массовому уничтожению гражданское население [8]. В докладе Генерального секретаря ООН 2024 г. подчеркивалось, что многие страны выступают за ограничение полной автономности систем вооружения и сохранение контроля оператора над критическими функциями [9, с. 18]. Подобная позиция отражается и в ряде международных инициатив, например,

Глобальной инициативе по управлению искусственным интеллектом, Политической декларации об ответственном использовании искусственного интеллекта в военных целях, Блетчлийской декларации о безопасности искусственного интеллекта [9, с. 13–15] и др.

Таким образом, несмотря на отсутствие специального международно-правового регулирования использования искусственного интеллекта в новых видах вооружения, общепризнанно, что соблюдение установленных норм и принципов международного гуманитарного права должно обеспечиваться при их применении. Однако использование автономных систем вооружения, способных самостоятельно принимать решения и выполнять боевые задачи, создает угрозу обеспечению принципов проведения различия, пропорциональности и предосторожности. Рекомендации ООН и МККК, а также ряд международных инициатив по сохранению контроля человека над автономными системами вооружения на протяжении всего жизненного цикла оружия могут свидетельствовать о намерении сократить функционал искусственного интеллекта в военной сфере и, возможно, ограничить разработку смертоносных систем в будущем.

Библиографические ссылки

1. Artificial intelligence and autonomy // UNIDIR. Geneva. URL: <https://unidir.org/work/ai-autonomy/> (date of access: 07.05.2025).
2. *Reitmeier, G.* Artificial intelligence in weapon systems and new challenges for arms control // Policy Paper: Friedrich Naumann Foundation for Freedom. Potsdam-Babelsberg, 2020. 20 p. URL: <https://shop.freiheit.org/download/P2@953/335163/Policy%20Paper%20LAWS-ENG-Final.pdf> (date of access: 07.05.2025).
3. The United Nations Office at Geneva. Disarmament // United Nations Office at Geneva. Geneva. URL: <https://www.ungeneva.org/en/about/topics/disarmament> (date of access: 08.05.2025).
4. Artificial Intelligence in Modern Warfare Global Market Report 2025: By Type (Weaponized Artificial Intelligence, Defensive Artificial Intelligence, Offensive Artificial Intelligence, Assisting Artificial Intelligence, Autonomous Artificial Intelligence), By Type of Equipment (Unmanned Aerial Vehicle, Unmanned Ground Vehicle, Combat Systems, Recovery and Maintenance Vehicle, Reconnaissance and Surveillance Vehicle, Medical Evacuation Vehicle), By Application (Tactical Defensive, Military Offensive) // The Business Research Company. London, 2025. URL: <https://www.thebusinessresearchcompany.com/report/artificial-intelligence-in-modern-warfare-global-market-report> (date of access: 08.05.2025).
5. Additional Protocol (I) to the Geneva Conventions, 1977 // International Committee of the Red Cross. Geneva, 1977. URL: <https://ihl-databases.icrc.org/en/ihl-treaties/api-1977> (date of access: 22.04.2025).

6. Autonomous weapons: States must address major humanitarian, ethical challenges: FAQ // International Committee of the Red Cross. Geneva, 2013. URL: <https://reliefweb.int/report/world/autonomous-weapons-states-must-address-major-humanitarian-ethical-challenges> (date of access: 08.05.2025).

7. Group of Governmental Experts on Emerging Technologies in the Area of Lethal Autonomous Weapons Systems. CCW/GGE.1/2023/CRP.1: Non-exhaustive compilation of definitions and characterizations // United Nations Office for Disarmament Affairs. Geneva, 10 March 2023. 8 p. URL: https://docs-library.unoda.org/Convention_on_Certain_Conventional_Weapons_-Group_of_Governmental_Experts_on_Lethal_Autonomous_Weapons_Systems_%282023%29/CCW_GGE1_2023_CRP.1_0.pdf (date of access: 08.05.2025).

8. Group of Governmental Experts on Lethal Autonomous Weapons Systems: Note by the Secretary-General, 18 May 2021 [UN Doc. A/CONF.239/2021/CRP.3] // The United Nations. 548 p. URL: <https://documents.un.org/doc/undoc/gen/n21/037/72/pdf/n2103772.pdf?OpenElement> (date of access: 22.04.2025).

9. United Nations. General Assembly. Seventy-ninth session. Item 98 (ss) of the preliminary list: General and complete disarmament: lethal autonomous weapons systems. Report of the Secretary-General // The United Nations. 1 July 2024. 179 p. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/4059475?v=pdf&ln=ru> (date of access: 29.03.2025).

РАЗВИТИЕ ЦИФРОВОЙ ТОРГОВЛИ В КОНТЕКСТЕ ЕАЭС: СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ

А. А. Бирюков

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, birukou.a@gmail.com
Научный руководитель – Г. Г. Головенчик, кандидат экономических наук, доцент*

В статье рассматриваются основные тенденции развития цифровой торговли в Беларуси и её роль в экономике и экспорте. Анализируются показатели интернет-продаж, экспорт цифровых услуг и позиционирование страны в рамках ЕАЭС. Автор отмечает устойчивый рост сектора, активное участие ИТ-компаний и ориентацию на внешние рынки. Подчёркиваются существующие проблемы в цифровой торговле Республики Беларусь. В завершение рассматриваются направления дальнейшего развития и перспективы.

Ключевые слова: цифровая торговля, электронная коммерция, цифровизация, интернет-платформы, ЕАЭС, Беларусь.

Цифровая торговля играет всё более важную роль в современной экономике, напрямую влияя на глобальную конкурентоспособность стран. В Беларуси её развитие происходит в русле общемировой цифровизации и в рамках национальных приоритетов: импортозамещения, роста экспорта и повышения операционной эффективности.

В последние годы в стране наблюдается устойчивый рост цифрового торгового сектора. Так, если в 2010 году доля интернет-продаж в розничной торговле составляла 0,8%, то к 2023 году она достигла 8,1% (рис.1), что отражает рост доверия потребителей к онлайн-платформам и активную цифровую адаптацию бизнеса [1].

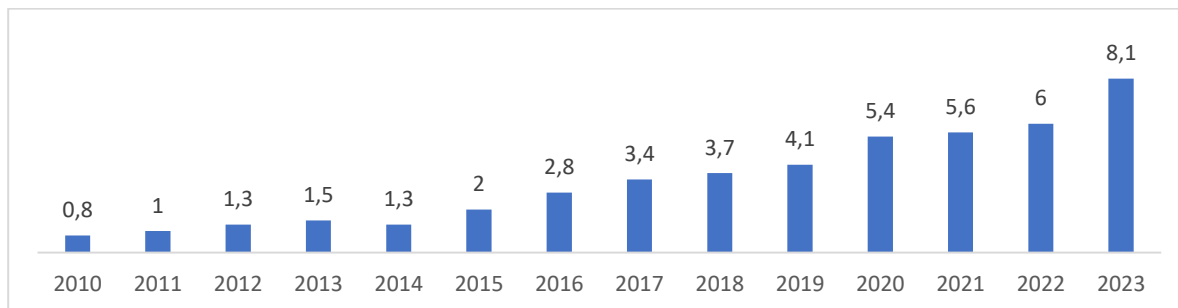

Рис. 1. Доля интернет-торговли в розничном товарообороте Республики Беларусь с 2010 по 2023 года, % [1]

На начало 2024 года в Торговом реестре зарегистрировано 30 989 интернет-магазинов, что на 3,6% больше, чем в 2023 году (таблица). При

этом около 77% онлайн-продавцов сосредоточены в Минске и Минской области [2].

Валовая добавленная стоимость цифровой торговли выросла с 397,4 млн руб. в 2022 году до 595,5 млн руб. в 2023 году. Средняя зарплата в секторе достигла 2061 рубля (+27,4%), численность занятых – 11 641 человек против 10 820 годом ранее. Это отражает не только количественное, но и качественное развитие сектора – рост квалификации, увеличение доли постоянной занятости и востребованности специалистов в сфере ИТ, логистики и онлайн-обслуживания [3].

**Динамика показателей цифровой торговли в Республике Беларусь
в 2017-2023 гг.**

Показатель	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023
ВДС цифровой торговли, млн руб.	138,6	167,6	198,1	286,1	298,9	397,4	595,5
Доля в ВДС экономики, %	0,2	0,2	0,2	0,2	0,2	0,2	0,3
Доля в ВВП, %	0,1	0,1	0,2	0,2	0,2	0,2	0,3
Инвестиции в основной капитал, млн руб.	4,1	5,2	5,3	17,2	16,5	44,9	14,5
Иностранные инвестиции, млн долл. США	16,8	22,6	11,3	15,3	22,4	87,4	67,7
Число организаций, ед.	788	777	777	705	803	969	1429
Численность работников, чел.	6220	7098	7008	8601	10369	10820	11641
Среднемесячная зарплата, руб.	862	1041	1026	1217	1375	1618	2061

Составлено по: [3].

Цифровая торговля в Беларуси преимущественно сосредоточена в розничном сегменте (B2C), в то время как направления B2B и экспорт развиты слабо. Основной трафик обеспечивают крупные маркетплейсы (например, 21vek.by и Wildberries.by), что ведёт к вытеснению малых и региональных онлайн-продавцов [4].

Экспорт цифровых услуг – программного обеспечения, SaaS, облачных и телекоммуникационных решений – остаётся недостаточно отражённым в официальной статистике, несмотря на значительный объём: в 2023 году экспорт ИКТ-услуг составил примерно более 3,6 млрд долларов. Однако такие компании часто не регистрируются как участники цифровой торговли, что искажает оценку масштабов отрасли и затрудняет выработку адресной политики.

Для понимания реального вклада цифрового сектора в внешнеэкономическую деятельность стран ЕАЭС целесообразно обратиться к показателю доли ИКТ-услуг в общем объёме экспорта услуг. На рисунке 2 представлена соответствующая динамика за период 2010–2023 гг., позволяющая оценить масштабы цифровой специализации в разрезе государств.

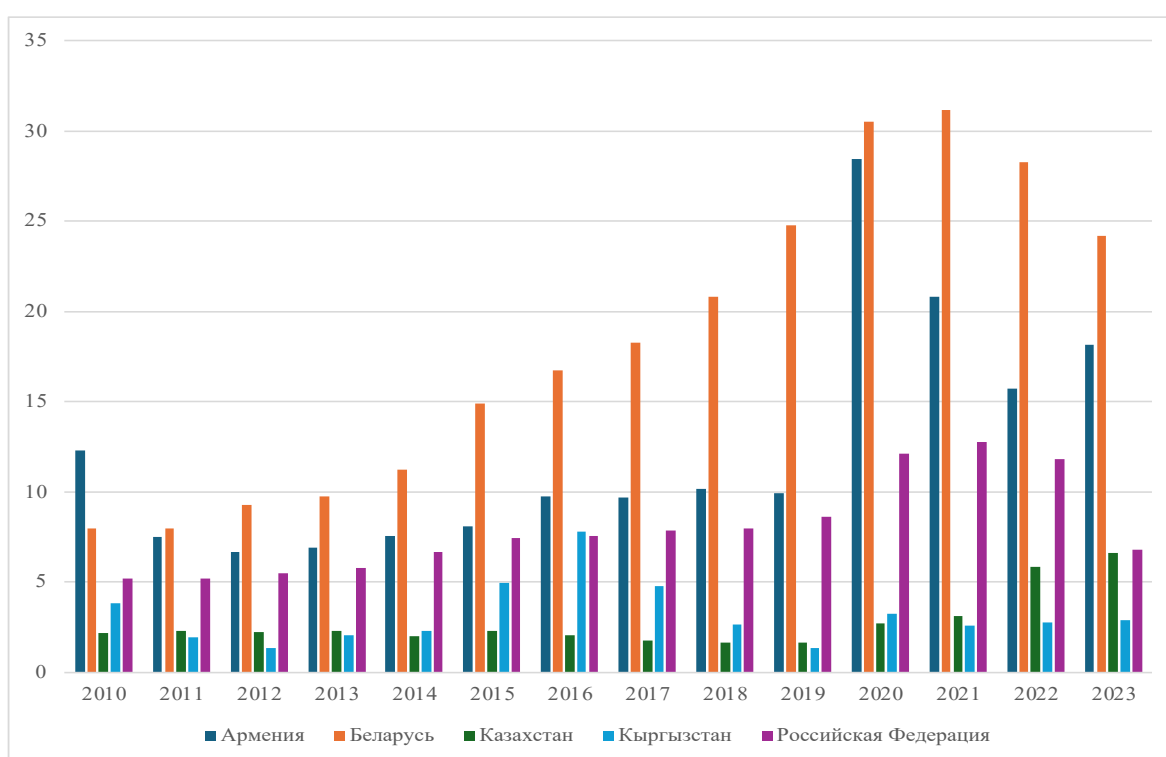

Рис. 2. Доля экспорта ИКТ-услуг в общем объёме экспорта стран ЕАЭС с 2010 по 2023 гг., % [5]

Беларусь демонстрирует устойчивый рост показателя: с 17,2% в 2010 году до более 41% в 2023 году. Это позволяет ей входить в число лидеров ЕАЭС по доле ИКТ-услуг в структуре экспорта, уступая только России. Такой рост во многом обусловлен развитием ПВТ, экспортом программного обеспечения и аутсорсинговых услуг (например, ЕРАМ, IBA Group), востребованных на внешних рынках. Для сравнения: в Казахстане и Армении доли ИКТ-услуг в экспорте остаются значительно ниже – менее

25% и менее 10% соответственно вплоть до 2022 года. Кыргызстан демонстрирует колебания, но также не преодолевает порог в 20% [5].

Данные подтверждают высокую зависимость Беларуси от цифрового сектора в структуре экспорта услуг. Это создаёт как новые возможности (высокомаржинальный экспорт, привлечение валютной выручки), так и риски: уязвимость к внешним санкциям, ограниченность внутренних стимулов для инноваций и слабую интеграцию с цифровыми платформами ЕАЭС. Цифровая торговля охватывает широкий спектр услуг, поставляемых в электронном виде: от программирования и дизайна до онлайн-образования, платформенной логистики и облачных решений. Один из ключевых индикаторов, позволяющих оценить степень цифровизации внешнеэкономических операций, – это доля цифровых услуг в общем объёме экспорта услуг (рис.3).

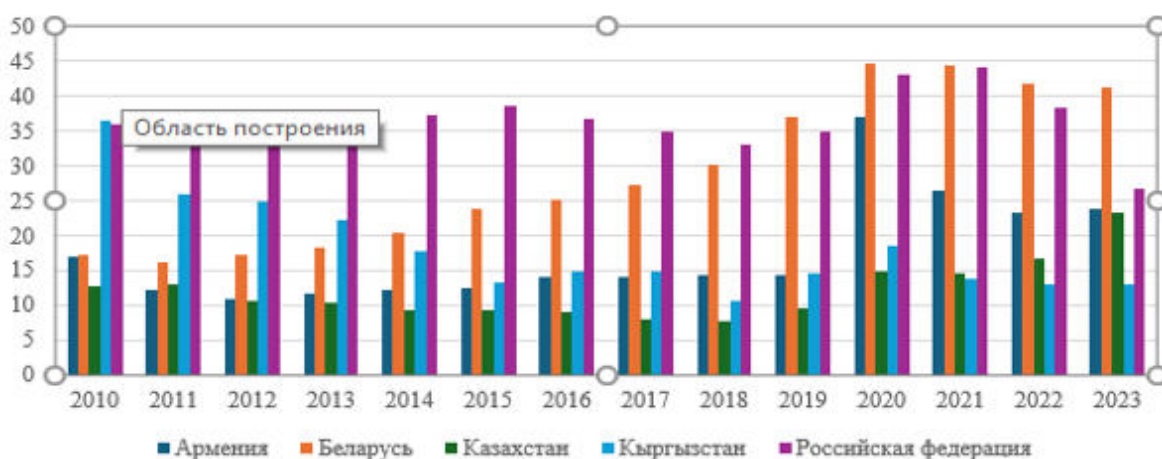

Рис. 3. Доля экспорта цифровых услуг стран ЕАЭС в общем объеме экспорта услуг с 2010 по 2023 гг., % [6]

Беларусь демонстрирует устойчивую положительную динамику: доля цифровых услуг в экспорте выросла с 17,2% в 2010 году до более 41% в 2023-м. За этим стоит как развитие ПВТ, так и рост ИТ-компаний вне его, работающих в B2B и SaaS. Среди них – Flo, создавшая одно из крупнейших приложений в сфере женского здоровья, и PandaDoc, ориентированный на рынок США.

Сравнимые показатели у России начали снижаться с 2021 года: с 44% до 26,6% в 2023-м, что объясняется санкциями, потерей рынков и сбоем платёжных каналов. Беларусь, напротив, сумела сохранить и расширить цифровой экспорт благодаря гибкости структур и удалённому характеру услуг. Армения показала стремительный рост: с 0,2 млрд долларов в 2021 до 1,3 млрд в 2023 году. Доля цифровых услуг в экспорте достигла почти

24% на фоне роста стартап-среды (Krisp, Picsart) и экспорта специалистов в формате удалённых команд. Казахстан превысил 2,4 млрд долларов, с долей 23,4%, чему способствовали цифровизация госсектора и развитие платформ Kaspi и BTS Digital. Кыргызстан демонстрирует нестабильную динамику и остаётся на уровне около 13%, что отражает слабую институциональную поддержку и ограниченные технологические ресурсы [6].

Цифровая торговля в Беларуси развивается по восходящей траектории: растёт доля онлайн-продаж, число продавцов, ВДС и экспорт цифровых услуг, который в 2023 году составил свыше 41% экспорта услуг. Устойчивость обеспечивается удалённым форматом работы и гибкостью бизнес-моделей даже в условиях санкционного давления. Тем не менее, определённый потенциал остаётся нераскрытым. B2B-сегмент и платформенная торговля пока развиты слабо, а официальная статистика не охватывает многие экспортные цифровые компании, что затрудняет выработку эффективной государственной поддержки. Кроме того, рост конкуренции со стороны партнёров по ЕАЭС – особенно Армении и Казахстана – требует от Беларуси более активного участия в интеграционных цифровых инициативах и развития совместимых технологических решений.

Для раскрытия полного потенциала необходим системный подход, включающий точный учёт, поддержку экспортно ориентированных ИТ-компаний и стратегическое продвижение белорусских цифровых продуктов на рынки ЕАЭС и за его пределы.

Библиографические ссылки

1. Годовые данные // Белстат: URL: <https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/realny-sector-ekonomiki/vnytrennia-torgovlya/roznichnaya-torgovlya/godovye-dannye/>. (дата доступа: 24.04.2025).
2. По данным МАРТ // Министерство антимонопольного регулирования и торговли Республики Беларусь. URL.: <https://mart.gov.by/news/novost/chto-vazhno-pomnit-uchastnikam-protsedur-gosudarstvennykh-zakupok-chtoby-ne-narushit-zakon-o-torgovl/>. (дата доступа: 24.04.2025).
3. Цифровая экономика // Белстат: URL: <https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/makroekonomika-i-okruzhayushchaya-sreda/informatsionno-telekommunikatsionnye-tehnologii/tsifrovaya-ekonomika/> (дата доступа: 24.04.2025).
4. Внешняя торговля услугами // Белстат. URL: <https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/realny-sector-ekonomiki/vneshnyaya-torgovlya/vneshnyaya-torgovlya-uslugami/> (дата доступа: 24.04.2025).

ОРГАНИЗАЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТЬЮ ТУРИЗМА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

В. Н. Борушко

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4
220030, г. Минск, Беларусь, viktoria.borushko@mail.ru*

Научный руководитель – Л. М. Гайдукевич, доктор исторических наук, профессор

В статье анализируется система государственного управления безопасностью туризма в Республике Беларусь. Исследуются нормативно-правовые основы регулирования туристической деятельности, полномочия государственных органов и механизмы контроля. На основе выявленных проблем предложены направления совершенствования государственной политики в данной сфере.

Ключевые слова: государственное управление; безопасность туризма; сертификация; Министерство спорта и туризма; Национальное агентство по туризму.

Безопасность туризма является одним из ключевых аспектов, требующих анализа и контроля со стороны государства, туристических организаций и иных участников рынка.

Обеспечение безопасности туризма является важнейшим условием устойчивого развития отрасли и формирования положительного имиджа страны на международной арене.

Актуальность исследования государственного управления в области безопасности туризма связана с ростом туристических потоков, расширением географии путешествий и увеличением связанных с ними рисков. Целью исследования является анализ деятельности государственных учреждений в области обеспечения безопасности туризма в Республике Беларусь, а также в разработке предложений и рекомендаций по улучшению деятельности в данной сфере.

Ведомства, отвечающие за управление безопасностью туризма, должны учитывать, что государство или дестинация пребывания путешественников являются гарантами их личной безопасности и имущества.

Обеспечение таких гарантий считается одной из наиболее приоритетных и необходимых мер для стабильного развития туризма в стране. Выполнение осуществляется путем разработки и применения различных нормативно-правовых и законодательных актов, призванных регулировать и координировать деятельность национальных органов и специализированных структур, функционирующих в этой области [1].

Закон Республики Беларусь от 11 ноября 2021 г. № 129-З «О туризме» регламентирует вопросы безопасности туристической деятельности. Согласно статье 7 обеспечение безопасности является одним из основных

принципов государственного регулирования в сфере туризма. А под безопасностью в туризме понимаются сохранность жизни, здоровья, имущества туристов, экскурсантов, непричинение вреда окружающей среде при совершении туристических путешествий, информационная поддержка участников и субъектов туристической деятельности, защита их прав, свобод и законных интересов (статья 36) [2].

В Республике Беларусь вопросы безопасности в сфере туризма регулируются системой национальных и межгосударственных стандартов (ГОСТ). В частности, безопасность средств размещения обеспечивается требованиями ГОСТ 51185-98 «Туристские услуги. Средства размещения. Общие требования» [1]. Добровольная сертификация оказания услуг гостиниц и аналогичных мест для кратковременного проживания проводится на соответствие требованиям СТБ 2577-2020 «Услуги гостиниц и аналогичных средств размещения. Общие требования и классификация» [3]. Аспекты безопасности потребления туристских услуг и защиты интересов потребителей регламентируются ГОСТ 50644-94 «Туристско-экскурсионное обслуживание. Требования по обеспечению безопасности туристов и экскурсантов» [1]. Добровольная сертификация оказания туристических услуг проводится на соответствие требованиям СТБ 1352-2022 «Услуги туристические. Общие положения» [3].

Безопасность туризма в Республике Беларусь обеспечивается через систему контроля и управления, где профильные государственные органы отвечает за конкретные виды угроз. Министерство здравоохранения (Минздрав) контролирует санитарно-эпидемиологические риски. Министерство внутренних дел (МВД) обеспечивает противодействие криминальным рискам. Министерство по чрезвычайным ситуациям (МЧС) специализируется на техногенных и природных рисках. Министерство транспорта и коммуникаций (Минтранс) обеспечивает безопасность транспортных средств и перевозок. Министерство спорта и туризма регулирует отраслевые риски через разработку стандартов безопасности, защиту прав субъектов. Национальное агентство по туризму управляет информационными рисками, решает актуальные вопросы безопасности в туризме. В результате, фактически и обеспечивается безопасность туризма в стране.

Анализ системы управления безопасностью туризма выявил необходимость усовершенствования, усиления координационной функции и централизации процессов контроля. Учитывая комплексный характер угроз и многоаспектность вопросов безопасности, возможно, целесообразно выделить специализированный отдел по безопасности туризма в структуре Департамента по туризму Министерства спорта и туризма.

Для улучшения деятельности по обеспечению безопасности туризма первоочередное значение имеет пересмотр нормативно-правовой базы:

четкое законодательное разграничение полномочий между государственными органами и установление единых стандартов безопасности для участников индустрии.

Введение на законодательном уровне процедуры обязательной сертификации гостиничных и туристических услуг на соответствие требованиям и стандартам могло бы повысить уровень обслуживания и защитить интересы туристов, стандартизировать требования к предоставлению услуг, позволяя путешественникам сравнивать предложения и выбирать среди них безопасные и качественные. Необходимо сотрудничество Департамента по туризму для разработки предложений по внесению изменений в законодательство и Государственного комитета по стандартизации.

Направлением повышения безопасности туризма является модернизация информационных ресурсов путем создания и размещения раздела о безопасности в стране и в туризме на платформах belarustourism.by, belarus.travel, belarus.by, mst.gov.by. Такой раздел должен содержать информацию, включающую актуальные данные о потенциальных рисках и способах их предотвращения, контакты экстренных служб с функцией быстрого набора, четкие алгоритмы действий в различных чрезвычайных ситуациях, сведения о культурных нормах и традициях страны. Необходимо обеспечить единообразие содержания и оформления данного раздела на всех платформах, его регулярное обновление и многоязыковую поддержку русским, белорусским, английским и китайским языкам. Ответственность за разработку и поддержание раздела о безопасности туризма должна быть возложена на Национальное агентство по туризму.

Элементом повышения эффективности управления может стать разработка системы мониторинга и оценки рисков, создание единой базы данных инцидентов с туристами для дальнейшего анализа и разработки мер улучшения. Департамент по туризму должен выступить координатором проекта. В части сбора информации ключевая роль отводится Минздраву, МВД, МЧС, Минтрансу, туристическим фирмам, которые будут предоставлять актуальные данные.

В сфере подготовки кадров необходимо ввести обязательные программы обучения по безопасности, разработать профессиональные стандарты с требованиями к знанию мер безопасности работниками туриндустрии. Основную работу должны осуществлять Министерство образования совместно с Департаментом по туризму. Национальное агентство по туризму при проведении аттестации экскурсоводов и гидов-переводчиков также должно повысить значимость знания аспектов безопасности.

Особое внимание следует уделить адаптации к потребностям международного туризма, что предполагает разработку культурно-ориентированных стандартов обслуживания, обеспечение многоязыковой поддержки,

создание условий для соблюдения религиозных и культурных традиций иностранных туристов. Департамент по туризму должен выступить координатором проекта, а Национальное агентство и местные исполнительные органы осуществить выполнение рекомендаций.

Реализация этих мер требует консолидированных усилий всех государственных структур и участников туристического рынка, что позволит создать в Республике Беларусь современную, эффективную, отвечающую международным стандартам систему обеспечения безопасности туризма, способствующую дальнейшему развитию отрасли и повышению имиджа страны как привлекательного и безопасного туристического направления. Такой подход обеспечит не только защиту жизни и здоровья туристов, но и устойчивое развитие туристической отрасли Беларуси в целом.

Библиографические ссылки

1. *Гайдукевич Л. М.* Международное сотрудничество по обеспечению безопасности в туризме, учебно-методическое пособие. Минск, 2022.
2. Закон Республики Беларусь от 11 ноября 2021 г. № 129-З «О туризме» // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=H12100129>. (дата обращения: 24.05.2025).
3. Сертификация // Официальный портал Национального агентства по туризму. URL: https://www.belarustourism.by/uslugi/?ELEMENT_ID=536. (дата обращения: 24.05.2025).
4. *Сергеева Т. М.* Обеспечение безопасности туристов в современных условиях // Экономический рост Республики Беларусь: глобализация, инновационность, устойчивость: материалы XV Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 19–20 мая 2022 г. Минск, БГЭУ, 2022. С. 293–294.

КЕЙС КУПАЛЬСКОЙ ПРОГРАММЫ В БЕЛАРУСИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ ТУРИСТСКИХ ДЕСТИНАЦИЙ

В. Н. Борушко¹⁾, С. В. Тимошина¹⁾

¹⁾ *Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, viktoria.borushko@mail.ru,
sotimoshina2@gmail.com
Научный руководитель – О. С. Мозговая, доцент*

Статья исследует проблемы устойчивого развития туристских дестинаций при проведении массовых мероприятий на примере Купальской программы в парке «Великое княжество Сула» в Республике Беларусь. На основе анализа отзывов выявлены конкурентные преимущества программы, ключевые недостатки при ее организации, а также предложены решения совершенствования программы с перспективой устойчивого развития дестинации.

Ключевые слова: устойчивое развитие дестинаций; овертуризм; массовые событийные мероприятия; чрезмерная нагрузка; Великое княжество Сула.

Парк интерактивной средневековой истории «Великое княжество Сула» – музей под открытым небом в 49 км от Минска (Столбцовский район), воссоздающий атмосферу средневековой Беларуси [1]. В рамках исследования были выявлены ключевые конкурентные преимущества комплекса: географическая близость к столице, концепция исторической достоверности, интерактивный формат взаимодействия, фотогеничность локаций (по данным на 1 июня 2025 года, #сула в Instagram насчитывает свыше 26,9 тысяч, а в TikTok – свыше 7,1 тысяч публикаций).

Для анализа выбран кейс мероприятия «Купальские программы 2024» – ночная экскурсия 6 июля.

В социальных сетях после мероприятия участники начали делиться отзывами, в которых они, признавая уникальность, насыщенность, привлекательность и атмосферность программы, критиковали ее практическую реализацию [2]. Представлен SWOT-анализ организации мероприятия (таблица).

Исследуемое мероприятие обладает значительным потенциалом, что подтверждается устойчивым спросом со стороны посетителей, обусловленным как эффективной маркетинговой стратегией, так и растущим интересом к этнокультурному наследию. Аутентичность обрядов, подлинность фольклорных элементов и особая атмосферность, а также живописность территории создают уникальное предложение. Разнообразие предлагаемых активностей, включающих как традиционные обрядовые практики,

так и современные интерактивные формы, позволяет удовлетворить потребности различных категорий посетителей.

SWOT-анализ Купальской программы в Парке истории Сула (со стороны организаторов)

Сильные стороны	Слабые стороны
уникальное предложение; высокий спрос (эффективная рекламная кампания и рост интереса к народным традициям); аутентичность (обряды, костры, фольклор); живописность территории; разнообразие активностей.	отсутствие организованного трансфера; нагрузка на объекты, активности, персонал (очереди, нехватка материалов, ухудшение качества обслуживания); риски безопасности; шум, хаос и дискомфорт для туристов.
Возможности	Угрозы
расчет предельной вместимости; введение системы предварительной регистрации, онлайн-бронирование билетов, временные слоты; введение лимита туристов на территории; улучшение транспортной доступности, организация трансфера; экологические инициативы, поощрение туристов соблюдать чистоту; проведение тренингов по безопасности для работников, подготовка к нагрузке; привлечение волонтеров или временных сотрудников для распределения нагрузки; установление четких пространственных границ для активностей; проведение нескольких активностей одновременно, чтобы уменьшить очереди; расписание активностей с указанием времени начала и окончания.	ухудшение репутации из-за негативных отзывов; снижение посещаемости и финансовые потери; конфликты между туристами; экологические проблемы (мусор, вытаптывание зеленых зон).

Составлено по: [1; 2]

Однако можно выделить и негативные факторы, влияющие на удовлетворенность посетителей. Проблема транспортной доступности проявляется в отсутствии предложения организованного трансфера, что создает трудности для посетителей, поскольку общественным транспортом добраться затруднительно. Чрезмерная нагрузка на основные объекты парка, предлагаемые активности и персонал приводит к длительным очередям, дефициту материалов для мастер-классов и отсутствию возможности индивидуального обслуживания, что значительно снижает качество туристического

опыта. Особую озабоченность вызывают вопросы безопасности, связанные с возможной давкой и неконтролируемым использованием открытого огня в условиях массового скопления людей. Шумовой фон и хаотичность мероприятия создают дискомфорт для посетителей.

Совершенствование программы возможно при реализации комплекса организационных решений. Расчет предельной вместимости территории и установление лимитов посещаемости помогут избежать чрезмерной нагрузки. Внедрение системы предварительной регистрации с онлайн-бронированием и временными слотами позволит более равномерно распределить поток посетителей. Увеличение продолжительности программы и улучшение транспортной инфраструктуры, включая организацию трансфера, могут повысить доступность мероприятия. Экологические инициативы, направленные на минимизацию антропогенного воздействия, должны стать неотъемлемой частью программы. Внимание следует уделить подготовке персонала, включая проведение специальных тренингов по безопасности и привлечение дополнительных волонтеров или работников для помощи на время проведения мероприятия.

Одновременно существует ряд существенных угроз, которые могут возникнуть вследствие отсутствия должного планирования перед проведением мероприятия. Негативные отзывы участников способны подорвать репутацию мероприятия и привести к снижению посещаемости. Возможные конфликты между туристами в условиях ограниченных ресурсов и пространства требуют разработки превентивных мер. Экологические риски, связанные с загрязнением территории и деградацией природных ландшафтов, могут иметь долгосрочные негативные последствия. Особую проблему представляет сохранение аутентичности обрядовых практик в условиях их массовой коммерциализации.

Проведенный анализ Купальской программы в парке «Великое княжество Сула» демонстрирует, что основные проблемы, возникшие в ходе проведения мероприятия, обусловлены овертуризмом, проявляющимся в превышении предельно допустимой нагрузки на рекреационные ресурсы территории. Рассматриваемый кейс иллюстрирует проблему при проведении массовых мероприятий, где овертуризм выступает вызовом для устойчивого развития туристских дестинаций. Полученные результаты подтверждают необходимость пересмотра подходов к организации массовых событийных мероприятий с учетом принципов устойчивого развития и применением основ экологического менеджмента. Только комплексный подход – предварительное детальное планирование, контроль с последующей корректировкой и гибкое управление – может обеспечить успешное и устойчивое развитие дестинации при проведении подобных программ. Полученные в ходе исследования выводы и разработанные рекомендации

обладают значительным потенциалом для адаптации и применения также и иными объектами туристической индустрии Республики Беларусь при проведении массовых событийных мероприятий.

Библиографические ссылки

1. Парк истории Сула // parksula.by. URL: <https://parksula.by/> (дата обращения: 01.06.2025).

2. Купале в Суле. 07.06.2024 // TikTok. URL: <https://vm.tiktok.com/ZMS1KHT2d/>.(дата обращения: 01.06.2025).

3. Overtourism and sustainability: a timely intervention by the United Nations // University of Oslo. URL: <https://www.jus.uio.no/english/research/areas/sustainabilitylaw/blog/2024/overtourism-and-sustainability-a-timely-intervention-by-the-un>. (дата обращения: 01.06.2025).

СРАВНИТЕЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ СОТЕРИОЛОГИЧЕСКИХ КОНЦЕПЦИЙ БУДДИЙСКОЙ ШКОЛЫ ЦЗИНТУ И ХРИСТИАНСТВА

Ю. А. Василенко

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, design.vslnkyly@gmail.com
Научный руководитель – М. А. Исаченкова, старший преподаватель*

В статье проводится сопоставительный анализ сотериологии в учениях буддийской школы Цзинту и христианства. Сравниваются концепции рая (Сукхавати и христианский рай), роль спасителя (будда Амитабха и Иисус Христос), значение веры и молитв, представления о смертных грехах и покаянии. Подчеркивается, что, несмотря на различие в процессе культурного формирования, оба учения имеют общие черты в понимании сотериологии.

Ключевые слова: Цзинту; буддизм; христианство; сравнительный анализ; рай; Сукхавати; спаситель; Амитабха; Иисус Христос; молитва; няньфо; смертные грехи; покаяние.

Учение Цзинту, или Чистой Земли, выделяется среди доктрин других китайских буддийских школ, располагая необычными для буддизма идеями, близкими христианству. В статье мы исследуем сходство данных религиозных течений в таких аспектах, как концепция рая, роль спасителя и отношение к смертным грехам.

Некоторые учёные, например, Карл Рейхельт, считают, что у истоков лежащего в основе школы Чистой Земли учения о «спасении другого» находятся несторианские идеи. Однако Цзинту, вероятнее всего, формировалась независимо от христианского учения. Цзинту происходит из появившейся в начале V в. секты Белого лотоса, основой которой являлось прославление будды Амитабхи. В VI в. монах Таньлуань уже проповедовал учение о «чистых землях». христианство же начало проникать в Китай в VII в., когда в 635 г. группа несторианцев была принята императором и передала свои религиозные тексты [1].

Для буддизма характерна концепция нирваны. Тем, что отличает Цзинту от других буддийских учений, стало стремление попасть в рай, или Сукхавати, для выхода из сансары. Представления о рае необычны для буддизма, но понятны и естественны для христианства.

Мир блаженства Сукхавати так же, как и христианский рай, трансцендентен. Чувственный опыт, переживаемый человеком, свойственен физическому, а не духовному телу, поэтому при жизни человек не может получить освобождение, постигнув нирвану, и попасть в рай. Согласно

христианскому учению, суть познания идеи рая лежит внутри человеческой души, путь к состоянию буддийской нирваны заложен в каждом человеке [2, с. 69]. Следуя этому пути, только после смерти – отделения духовного тела от физического – душа сможет попасть в рай [3, с. 1927, 2 Фес 1:5].

Несмотря на то, что рай существует на метафизическом уровне, условное положения рая в рассматриваемых нами религиях отличается, что объясняется культурным контекстом.

Христианский рай расположен на востоке: «И насадил Господь Бог рай в Эдеме на востоке, и поместил там человека, которого создал» [3, с. 68, Быт 1:8].

Христианство возникло на территории Римской империи, в регионе современных Израиля и Палестины. Первые христианские общины, распространявшие учение, находились в Иерусалиме, заселенном древнееврейским и другими народами с похожими традициями.

Для древнееврейских народов восток имел особое значение в связи с историей о десяти потерянных коленах Израиля. Предки десяти из двенадцати еврейских колен в VIII в. до н. э. были высланы ассирийским царём. Считалось, что они находятся в таинственном царстве на Востоке, за непреодолимой рекой Самбатин. Позже эта история была преобразована в Библии: изгнанники покинули языческие земли, дабы соблюдать законы свои. В эсхатологический период Сын Божий призовет эти колена, и они вернутся из своей удаленной страны, чудесным образом преодолев реку [4, с. 226].

Сукхавати, или же Чистая Земля Будды Амитабхи, располагается на западе, из-за чего приобретает ещё одно название – Западный Рай. В сутре созерцания Будды Амитаюса, сказано: «...чтобы в будущем все обычные люди, которые пожелают очищать [свою] карму, обрели рождение в Западной Стране Высшей Радости» [5, с. 233].

Такое расположение объясняется особенностями индийской и китайской культурных традиций. В индийской культуре со смертью связан юг, а запад, как следующая за ним сторона света, стал символизировать место, куда после направляется душа. Пришедшее из Индии учение соответствовало китайским представлениям о западе. Расположенные на западе Поднебесной горы Куньлунь в китайской мифологии символично считались одной из главных доступных только духам, бессмертным и осуществляющим обряды шаманам лестниц на небо. Там же по преданиям жила дарующая бессмертие богиня Сиванму.

Западный Рай был создан буддой Амитаюсом для спасения людей. Ставя под сомнения возможность своего собственного просветления, Амитабха обещал не уходить в нирвану, пока не поможет людям. В 6-ой

главе принятия великих обетов Большой Сукхавативьюха сутры сказано: «Все живые существа, вплоть до обитателей мира Ямы и трех дурных миров, которые родятся в моей стране, будут преобразованы [силой] моей Дхармы, мгновенно достигнут аннута́ра самья́к самбодхи и не родятся вновь в дурных областях существования. Если я исполню этот обет, то стану Буддой. Если же я не исполню этот обет, то да не обрету я непревзойденного истинного просветления» [5, с. 106]. Иисус, искупая человеческие грехи, также жертвовал ради людей – своей жизнью: «Но Он изъязвлён был за грехи наши и мучим за беззакония наши; наказание мира нашего [было] на Нём, и ранами Его мы исцелились» [3, с. 1190, Ис 53:5]. Таким образом, будда Амитабха решил принести в жертву собственное просветление, а Иисус пришёл в этот мир для спасения человечества.

Вера в своего спасителя, безусловно, является общим аспектом учений. «Господь Иисус всем нам явно обещает, говоря: Я есмь дверь, кто войдет мною, тот спасется, и войдет, и выйдет, и пажить найдет, ибо Сам воистину дверь рая» [3, Ин 10:9]. В Большой Сукхавативьюха сутре сказано: «Они возрадуются и обретут веру. Они будут почитать [меня], поклоняться [мне] и примут во мне прибежище» [5, с. 112].

Одним из важнейших проявлений веры и в Цзинту, и в христианстве становятся молитвы. В Цзинту это является отдельной практикой – *няньфо* («поминания Будды»). В сутре созерцания будды Амитаюса говорится: «Если ты не можешь памятовать о том Будде, то тебе следует произносить имя Будды Амитаюса. Если ты сможешь сосредоточенно повторять [мантру] *«Намо Буддхая Амитабхая»* в течение десяти моментов мысли, то, благодаря произнесению имени Будды, в каждый [из моментов] мысли [ты] устранишь дурную [карму], накопленную в жизнях и смертях на протяжении восьмидесяти коти калып» [5, с. 279]. Няньфо, кроме отражения веры, выполняет функцию очищения дурной кармы. Точно так же в христианстве молитвы, направленные к Богу, не только прославляют его имя, но и избавляет человека от искушений, направляя на путь истинный [6].

Следование истинному пути значит несовершенство грехов. Доктрина Цзинту насчитывает пять смертных грехов: убийство, воровство, употребление вредящих разуму и телу веществ, лживость и блуд; христианство – семь: гордость, зависть, чревоугодие, блуд, гнев, корыстолюбие, уныние. Христианство больше, нежели Цзинту, касается не конкретных действий, а хода мыслей человека.

Совершившие грехи христиане имеют возможность, покайсявшись при жизни, попасть в рай: «И молитва веры исцелит болящего, и восставит его Господь; и, если он соделал грехи, простятся ему» [3, с. 1856, Ив 5:15]. Что касается последователей Цзинту, Великая Сукхавативьюха сутра гласит, что

совершившие какой-либо из смертных грехов или плохо отзывавшиеся о Махаяне не могут попасть в Западный Рай. Однако сутра созерцания будды Амитаюса уточняет, что благодаря искренней вере все будут иметь возможность переродиться в Сукхавати, однако придётся долго пребывать в цветке лотоса, очищая карму [5, с. 101–103].

В Цзинту, в отличие от христианства, есть особое отношение к желающим попасть в рай женщинам. В Большой Сукхавативьюха сутре сказано: «Когда я стану Буддой, в [моей] стране не будет женщин. Если женщина, услышав мое имя, обретет чистую веру, будет стремиться к бодхи, если ей надоело тело женщины, и она возжелает родиться в моей стране, то после смерти она станет мужчиной и родится в моем краю» [5, с. 112].

Таким образом, хотя рассматриваемые нами религиозные учения формировались в разной культурной среде, они имеют множество сходств. Не являющиеся общепринятыми в буддизме категория рая, концепция спасителя, наличие смертных грехов и необходимость в них каяться сближают учения Цзинту и христианства.

Библиографические ссылки

1. Когда в Китай пришло христианство. URL: https://sobor.by/hristianstvo_v_kitaje.htm?ysclid=m957cj9pnf507196309 (дата обращения: 20.03.2025).
2. Торчинов, Е. А. Введение в буддологию. Курс лекций / СПб. Петербургское философское общество, 2000. 195 с.
3. Библия. Книги священного писания ветхого и нового завета: канонические [Текст]. М, 1994. 1985 с.
4. Хижая Т. И. Эсхатология русских иудействующих (XIX – начало XX вв.) // Православный собеседник. 2012. С. 222–234.
5. Избранные сутры китайского буддизма / перевод Д. В. Поповцева, К. Ю. Солонина, Е. А. Торчинова. СПб : Наука. 2000. 464 с.
6. Что Библия говорит об отсутствии молитвы. URL: <https://only.bible/qa/1143-prayerlessness/> (дата обращения: 20.03.2025).

ПРЯМЫЕ ИНОСТРАННЫЕ ИНВЕСТИЦИИ КАК КЛЮЧЕВОЙ ФАКТОР УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ

А. Г. Гуцин

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, andrew.guccin@gmail.com.*

Научный руководитель – Л. Е. Филиппова, кандидат экономических наук, доцент

В статье изучена роль прямых иностранных инвестиций (ПИИ) в достижение Целей устойчивого развития (ЦУР) в развивающихся странах. Проведен отраслевой и региональный анализ распределения международных инвестиционных проектов в области устойчивого развития. На примере ОАЭ выявлена сильная линейная зависимость между ПИИ и уровнем социально-экономического развития страны, включая трансфер технологий, экологизацию и диверсификацию экономики.

Ключевые слова: иностранные инвестиции; устойчивое развитие; инфраструктура; возобновляемая энергия; диверсификация экономики.

Прямые иностранные инвестиции (ПИИ) способствуют развитию международного бизнеса и национальных экономик стран. ПИИ способствуют передаче передовых технологий, управленческих практик и инновационного опыта. Их роль представляется критически важной в контексте ускорения темпов экономического роста, реализации принципов устойчивого развития и повышения международной конкурентоспособности как стран-реципиентов, так и государств-доноров.

Согласно данным ЮНКТАД, в 2023 году потоки ПИИ сократились на 2% по сравнению с предыдущим годом и составили 1,33 триллиона долларов США [1]. С 2020 года и до настоящего времени развивающиеся страны выступают лидерами по привлечению ПИИ. Так, в 2023 году потоки прямых иностранных инвестиций в развивающиеся страны составили 867,4 млрд. долл. США или 65% мирового объема, в то время как развитые страны привлекли 464,4 млрд. долл. США ПИИ или 35% соответственно. Сегодня ПИИ выступают ключевым внешним источником капитала для развивающихся стран, на долю которых приходится около 44% совокупных международных инвестиционных потоков [2]. ПИИ способствуют не только укреплению экономики, но и оказывает существенное влияние на повышение качества жизни населения и продвижение к достижению Целей устойчивого развития. Так, на развивающиеся страны Азии приходится 30,4% всех международных проектов, соответствующих ЦУР; в странах Латинской Америки и Африки реализуется 7,8%, 4,8% таких проектов, соответственно. Что касается наименее развитых стран, их доля составляет только 1,6% [1]. В целом, в развивающихся странах наблюдается

ежегодный рост числа международных проектов ЦУР с привлечением ПИИ, в среднем на 4%. Преобладают проекты в сфере развития транспортной инфраструктуры и возобновляемой энергетики (увеличение числа проектов на 40% и 76% соответственно); здравоохранения и образования – на 22%. В то же время, число инвестпроектов в АПК, водоснабжение, санитарии и гигиену за период 2015-2023 гг. снизилось на 6% [1]. Значительно возросло число проектов в сфере транспортно-логистических услуг [2]. Средняя стоимость международных проектов ЦУР также возросла на 14% в 2023 году, преимущественно в сферах логистики и возобновляемой энергии [1].

Объединенные Арабские Эмираты являются крупнейшим реципиентом ПИИ среди развивающихся стран. Согласно статистическим данным, в 2023 году страна привлекла ПИИ в размере 31 млрд. долл. США, занимая 11-ю позицию в мировом рейтинге по объему привлекаемых потоков прямых иностранных инвестиций и 2-е строчку по числу реализуемых международных greenfield-проектов [1]. Рейтинг ОАЭ по достижению ЦУР в 2023 году составил 70,52 пункта, что позволило ОАЭ занять 70-е место в мире по данному показателю [3]. Для обоснования положительного эффекта ПИИ на достижение ОАЭ Целей устойчивого развития был проведен корреляционный анализ зависимости объема привлеченных ПИИ и рейтинга страны по достижению ЦУР на временном интервале с 2000г. по 2023г. (рис. 1).

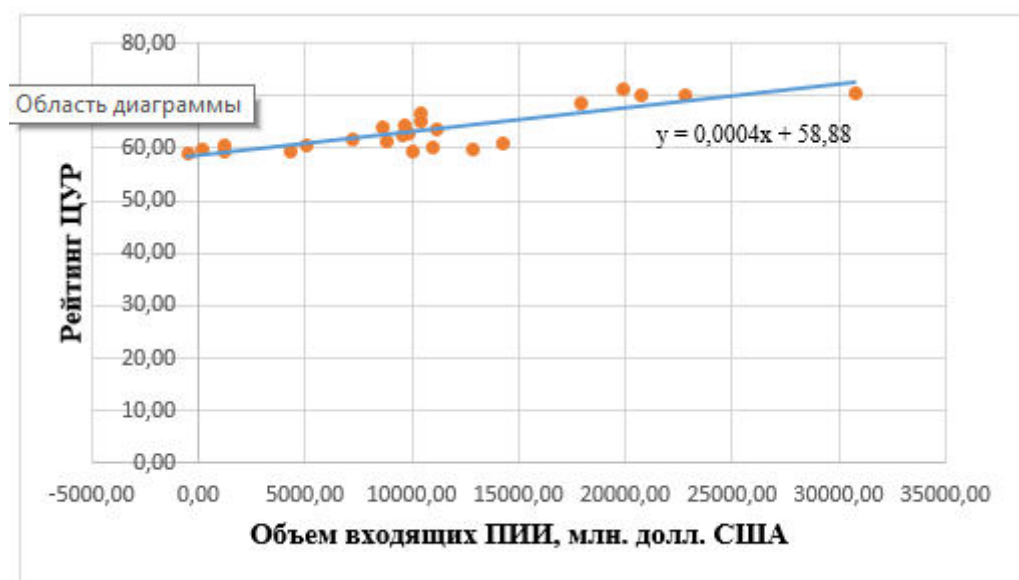

Рис. 1. Корреляция между объемом входящих ПИИ и рейтингом ЦУР в ОАЭ по данным за период 2000-2023 гг.

Анализ показал наличие сильной (по шкале Чеддока) прямой линейной зависимости. Так, коэффициент корреляции Пирсона составил 0,83; коэффициент детерминации – 0,69; средняя ошибка аппроксимации – 2,7%. Модель статистически значима по F-критерию Фишера и t-критерию Стьюдента на уровне значимости 0,05.

Экономическая интерпретация полученной модели свидетельствует о том, что увеличение объема входящих ПИИ в экономику ОАЭ на 1 млрд. долл. США приводит к повышению рейтинга страны по достижению ЦУР в среднем на 0,44 пункта. Следовательно, ПИИ способствуют повышению уровня и улучшению качества жизни в ОАЭ, а также экологизации и диверсификации экономики.

Также в результате корреляционного анализа было установлено, что увеличение объема входящих ПИИ положительно влияет на уровень ВВП на душу населения ОАЭ. Анализ показал наличие заметной прямой и статистически значимой зависимости (рис. 2). Коэффициент корреляции Пирсона составил 0,63; коэффициент детерминации – 0,39; средняя ошибка аппроксимации – 7,5%. Согласно экономической интерпретации модели, увеличение объема входящих ПИИ на 1 млрд. долл. США приводит к увеличению ВВП на душу населения в среднем на 490 долл. США.

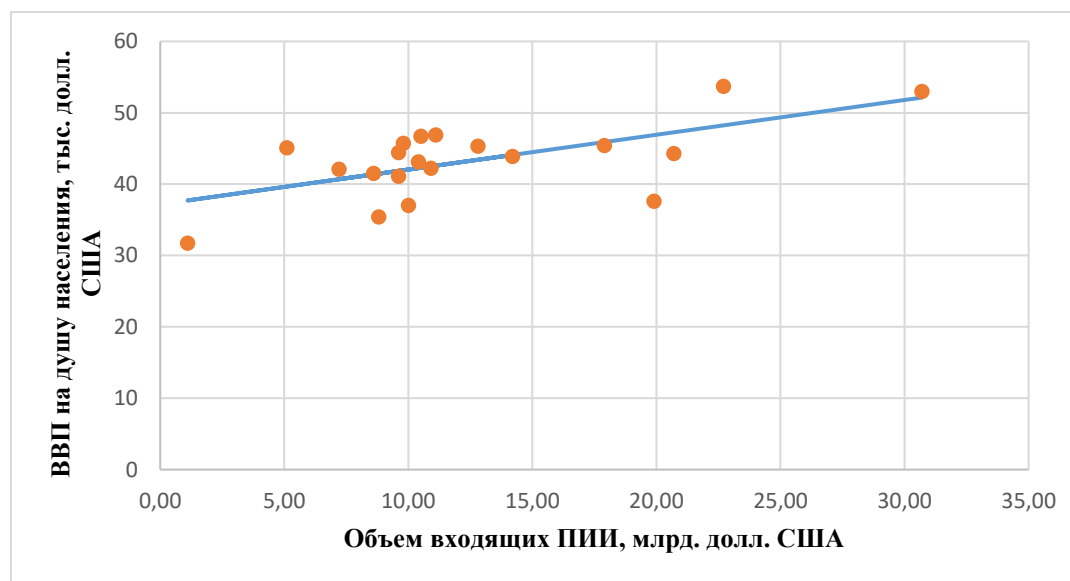

Рис. 2. Корреляция между объемом входящих ПИИ и ВВП на душу населения в ОАЭ по данным за период 2004-2023 гг.

Таким образом, прямые иностранные инвестиции играют важнейшую роль в реализации проектов, направленных на достижение ЦУР, однако их объем в развивающихся странах остаётся недостаточным. При этом наблюдается неравномерность распределения ПИИ в региональном

и отраслевом разрезе. Так, приоритетными являются проекты в сферах возобновляемой энергетики и транспортной инфраструктуры, в то время как объекты социальной инфраструктуры остаются не столь привлекательными для иностранных инвесторов.

Проведенное исследование позволило установить, что ПИИ в значительной степени способствовали диверсификации экономики ОАЭ, привлечению новых технологий, повышению конкурентоспособности экспортируемых товаров, созданию новой инфраструктуры и рабочих мест, поддержанию положительного сальдо платежного баланса, а также достижению ЦУР за счет «зеленого» инвестирования, обеспечивая высокий уровень и качество жизни населения.

Библиографические ссылки

1. World investment report 2024 // United Nations Conference on Trade and Development. URL: https://unctad.org/system/files/official-document/wir2024_en.pdf. (date of access: 04.05.2025).
2. Foreign direct investment: Inward and outward flows and stock, annual // United Nations Conference on Trade and Development. URL: <https://unctadstat.unctad.org/datacentre/dataviewer/US.FdiFlowsStock>. (date of access: 04.05.2025).
3. Sustainable development report. URL: <https://dashboards.sdgindex.org/rankings>. (date of access: 04.05.2025).
4. World Bank Open Data // The World Bank URL: <https://data.worldbank.org>. (date of access: 04.05.2025).

СРАВНЕНИЕ ПРОЦЕССОВ ЦИРКУЛЯРНОСТИ В ЭКОНОМИКЕ ИТАЛИИ И РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

А. В. Ерёма

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, alexandraeryoma2005@gmail.com
Научный руководитель – А. В. Петрашевская, старший преподаватель*

Статья посвящена сравнительному анализу подходов к реализации принципов циркулярной экономики на предприятиях Италии и Республики Беларусь. В исследовании рассматриваются ключевые направления внедрения циркулярных практик, включая управление отходами, вторичное использование сырья, внедрение ресурсосберегающих технологий и развитие эко-инноваций. Показано, что в Италии циркулярная экономика уже стала стратегическим направлением государственной и корпоративной политики, сопровождаясь устойчивой институциональной поддержкой, системой стимулирования и широким применением цифровых решений. В то время как в Беларуси процессы циркулярности находятся на стадии формирования и преимущественно реализуются в рамках отдельных инициатив, часто без системной поддержки.

Ключевые слова: циркулярная экономика, цели устойчивого развития, промышленный симбиоз, экодизайн, шеринговая экономика, экологизация, твердые коммунальные отходы (ТКО), биоразлагаемый материал, инсенерация.

Циркулярная экономика – это модель хозяйствования, основанная на максимально долгом использовании ресурсов за счет их повторного применения, восстановления и переработки. В отличие от традиционной линейной модели («произвели – использовали – выбросили»), она направлена на сокращение отходов и создание замкнутой системы, где материалы и продукты сохраняют свою ценность как можно дольше [1].

Министерство окружающей среды и энергетической безопасности Италии уже много лет активно продвигает устойчивое производство и потребление, опираясь на Парижское соглашение, Цели устойчивого развития, политику ЕС «Fit for 55», план экологического перехода и Новую стратегию циркулярной экономики на национальном уровне [2].

Данная стратегия направлена на развитие рынка вторичных ресурсов, повышение их доступности и эффективности, а также снижение издержек. Документ включает меры для достижения климатической нейтральности до 2035 года, предусматривая поддержку переработки, промышленного симбиоза, зеленых госзакупок и расширенной ответственности производителей [3].

В Республике Беларусь была утверждена Национальная стратегия развития циркулярной экономики до 2035 года [4]. Ключевые направления: экодизайн, направленный на снижение экологической нагрузки и повышение

долговечности продукции; ресурсоэффективное производство с упором на снижение отходов и повторное использование ресурсов; промышленный симбиоз; развитие устойчивой упаковки с акцентом на ее переработку и повторное использование; продвижение шеринговой экономики как альтернативы избыточному потреблению.

Также согласно стратегии, уровень переработки твердых коммунальных отходов должен достичь 70% в 2030 году, а к 2035 году – 90% [5].

Одним из наиболее заметных показателей устойчивого развития экономики в области экологизации Италии является высокий уровень переработки отходов 85,6%, что более чем в два раза превышает средний показатель по ЕС (40,8%). Также Италия демонстрирует очень низкий показатель сжигания отходов без восстановления энергии (0,4%) (рис. 1).

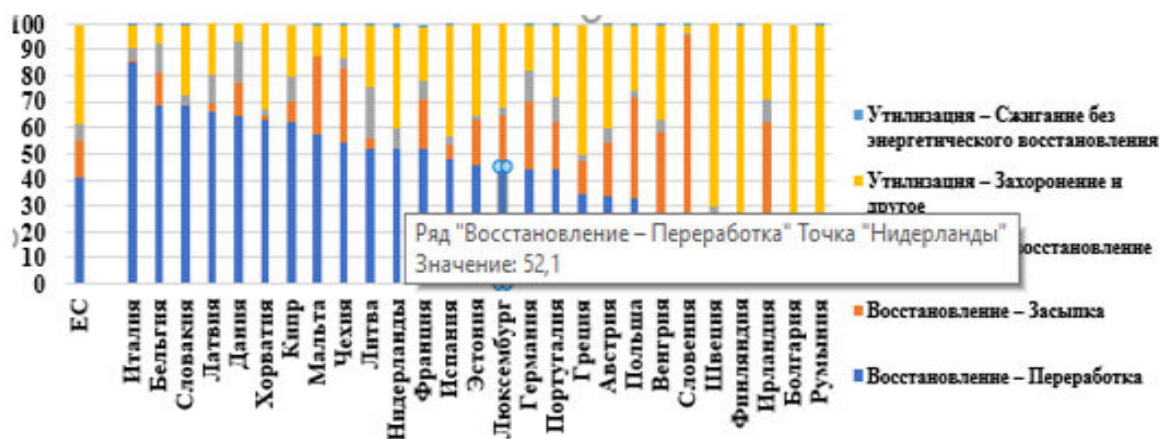

Рис. 1. Обработка отходов в странах ЕС, %, 2022 г. [6]

Важным показателем устойчивости является уровень циркулярности – доля вторичного сырья в общем потреблении материалов. В 2022 году Италия достигла коэффициента 18,7%, что значительно выше среднего по ЕС-27 (11,5%) [7].

На данном графике представлена динамика изменения методов обращения с ТКО в Республике Беларусь за период 2010-2024 гг., отражающая устойчивую тенденцию к снижению доли захоронения и увеличению объемов утилизации, включая переработку (рис. 2).

Доля захоронения ТКО: снизилась с 91,1 % в 2010 году до 60,4 % в 2024 году.

Доля утилизации ТКО (включая переработку) постепенно увеличивается: с 8,9 % в 2010 году до 39,6 % в 2024 году.

Беларусь планирует повысить эффективность обращения с отходами за счет расширения использования вторичного сырья: отдельный сбор

(до 25%), переработка в RDF-топливо (до 38%), инсенерация с получением энергии (до 65%) и компостирование органики (до 15%).

Рис. 2. Методы обращения с твердыми коммунальными отходами (ТКО) в Республике Беларусь, %, 2010-2024 гг

Несмотря на различия в уровне экономического развития, Беларусь и Италия сталкиваются с аналогичными вызовами в сфере циркулярной экономики. Особенно сложной остается ситуация в текстильной промышленности, где из-за смешанных материалов (полиэстер + хлопок) создаются трудно перерабатываемые отходы. Проблема пластиковой упаковки также остается актуальной: переработка ограничена, а биоразлагаемые материалы еще не стали массовыми. В Италии уже введен запрет на некоторые виды одноразового пластика, что стимулирует переход к устойчивым решениям [11].

Италия демонстрирует успешные практики циркулярной экономики:

1) Perpetua производит дизайнерские карандаши из переработанного графита [12];

2) MOGU создает интерьерные материалы из мицелия на агроотходах, снижая энергозатраты и заменяя пластик [13];

3) Aquafil разработала пряжу Econyl из рыболовных сетей, текстильных обрезков и морского пластика – материал полностью перерабатываем и поддерживает модель замкнутого цикла [12];

4) Favini и Barilla создали бумагу Cartacrusca, заменив 17% древесной целлюлозы пшеничными отрубями [12];

5) Novamont и Lavazza выпустили компостируемые кофейные капсулы, созданные на основе биоматериалов [12];

6) Ferrero перерабатывает отходы лесного ореха в нутрицевтическую и косметическую продукцию, в рамках проекта EcoPaper использует оболочки орехов и какао-бобов для производства экологичной упаковки [12].

В Беларуси циркулярная экономика находится на начальной стадии развития, но уже есть свои результаты:

1) ОАО «БелВТИ» занимается сбором и переработкой электронных и электрических отходов (батарейки, лампы, катализаторы), а также утилизацией старой техники;

2) ОАО «Белвторресурсы» более 30 лет занимается сбором и сортировкой вторсырья от населения и организаций через сеть приемных пунктов;

3) Минское предприятие «Камволь» перерабатывает текстильные отходы в пряжу и ткани, способствуя ресурсосбережению.

Для Беларуси важным остается улучшение системы раздельного сбора, переработки и снижения объемов захоронения отходов. Примером может служить итальянская модель устойчивого обращения с пластиком. Однако без повышения экологической осведомленности населения и формирования устойчивых потребительских привычек эффективность реформ будет ограниченной. Таким образом, проблемы, которые необходимо преодолеть, и процессы, которые необходимо внедрить, различаются в зависимости от уникальных обстоятельств каждой страны. Для одной страны это может быть разработка моделей управления отходами, которые позволят гражданам сортировать свой мусор. Для другой страны это может быть обеспечение оптимальных рамочных условий, которые помогут компаниям сделать свой бизнес и производство более замкнутым. Переход к циркулярной экономике потребует от многих стран партнерских отношений между секторами и развитие инновационных технологических разработок, а также создание рыночных механизмов в национальных экономиках и эффективной государственной политики. Возможность оптимизировать производительность и потребление ресурсов посредством развития циркулярной экономики предлагает огромный неиспользованный потенциал – не только с точки зрения экономического роста, но и с точки зрения выгод для планеты.

Библиографические ссылки

1. Что такое циркулярная экономика: производство без мусора // Trends.rbc.ru. URL: <https://trends.rbc.ru/trends/futurology/64bf7db39a79474959db807b> (дата обращения: 07.05.2025).

2. Il percorso della sostenibilità in Italia // Mase.gov.it. URL: <https://www.mase.gov.it/pagina/il-percorso-della-sostenibilita-italia> (date of access: 05.04.2025).

3. Italian National Strategy for Circular Economy // Europa.eu. URL: <https://circular-economy.europa.eu/platform/en/strategies/italian-national-strategy-circular-economy> (date of access: 05.04.2025).

4. В Беларуси утверждена Национальная стратегия развития экономики замкнутого цикла (циркулярной экономики) до 2035 года // Pravo.by. URL: <https://pravo.by/novosti/novosti-pravo-by/2024/june/77967/> (дата обращения: 05.04.2025).
5. News & Events in Belarus // Belarus.by. URL: https://www.belarus.by/en/press-center/news/lukashenko-urges-more-focus-on-waste-recycling_i_181150.html (date of access: 07.05.2025).
6. Waste statistics // Ec.europa.eu. URL: https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php?title=Waste_statistics (date of access: 05.04.2025).
7. Circular economy country profile 2024 Italy // Eea.europa.eu. URL: https://www.eea.europa.eu/en/topics/in-depth/circular-economy/country-profiles-on-circular-economy/circular-economy-country-profiles-2024/italy_2024-ce-country-profile_final.pdf/@@download/file (date of access: 05.04.2025).

СОТРУДНИЧЕСТВО ГОСУДАРСТВ-ЧЛЕНОВ АСЕАН И КИТАЯ В РАМКАХ ИНИЦИАТИВЫ «ОДИН ПОЯС – ОДИН ПУТЬ»

А. В. Казун

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, nastya.kazun13@gmail.com
Научный руководитель – И. А. Чувилев, кандидат политических наук, доцент*

В статье анализируется участие государств-членов АСЕАН в реализации китайской инициативы «Один пояс – один путь» в контексте глобализации и меняющейся геополитической обстановки. Рассматриваются экономические выгоды, инфраструктурные проекты и стратегическое значение региона для Китая. Отдельное внимание уделяется возникающим вызовам, включая экологические риски, политические разногласия и необходимость диверсификации внешнеэкономических связей.

Ключевые слова: инициатива «Один пояс – один путь»; АСЕАН; инфраструктурные проекты; Китай; инвестиции; устойчивое развитие; региональная интеграция; экономическое сотрудничество.

В условиях усиливающейся глобализации и динамичных изменений в мировой геополитике инициатива Китая «Один пояс – один путь» (ОПОП) приобретает всё большее значение как механизм расширения международного экономического сотрудничества и развития инфраструктурных связей. В этом контексте особую роль играют страны-члены Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН), расположенные на стыке ключевых маршрутов – сухопутного «Экономического пояса Шёлкового пути» и «Морского Шёлкового пути XXI в.». Эти государства выступают не только в качестве транспортных узлов, но и как стратегические партнёры Пекина в реализации крупных инвестиционных проектов, направленных на усиление региональной интеграции и устойчивого экономического роста.

Страны АСЕАН обладают значительным экономическим и ресурсным потенциалом, при этом отличаясь по уровню развития и структуре экономик. Это делает регион уникальной площадкой для практического воплощения китайской инициативы. Участие в ОПОП открывает для них доступ к масштабным инвестициям в транспортную, энергетическую и логистическую инфраструктуру, что особенно важно для государств с развивающейся экономикой. В то же время участие в проекте не лишено рисков: потенциальная зависимость от китайского капитала, углубление внешнеполитической асимметрии и экологические последствия реализации инфраструктурных проектов становятся предметом серьезного обсуждения. Страны региона стремятся к более сбалансированному подходу,

укрепляя сотрудничество с другими внешними партнёрами и уделяя внимание принципам устойчивого развития. В ответ на критику Пекин продвигает концепцию «Зелёного пояса и пути», акцентируя экологическую составляющую новых проектов и стремление к снижению негативного воздействия на окружающую среду [1, с. 225].

Примеры практического взаимодействия Китая со странами АСЕАН многочисленны. В частности, сотрудничество с Лаосом началось с соглашения о железнодорожном строительстве в 2015 г.

Кульминацией стало открытие высокоскоростной линии Куньмин–Вьентьян в 2021 г. и запуск маршрута Китай–Лаос–Таиланд в 2022 г., продвигающего экономическую интеграцию через инфраструктурную связанность. Таиланд совместно с Китаем развивает транспортные коридоры, включая железнодорожные маршруты [2]. Камбоджа привлекает китайские инвестиции в дорожную сеть, аэропорты и объекты энергетики, а Бруней углубляет сотрудничество в сфере морской логистики и нефтегазовой отрасли [3, с. 12].

Сингапур, являясь высокоразвитой экономикой и финансовым хабом региона, играет роль посредника и координатора в рамках ОПОП, продвигая инвестиционные платформы и инициативы по созданию международных логистических цепочек, включая развитие сухопутно-морского коридора. Индонезия, реализующая собственную стратегию «Морская ось мира», находит точки соприкосновения с китайским проектом в области судоходства, портовой инфраструктуры и строительства, включая масштабный проект высокоскоростной железной дороги Джакарта–Бандунг [4, с. 199].

Филиппины после нормализации двусторонних отношений с Китаем при президенте Родриго Дутерте заключили ряд соглашений в сфере инвестиций и инфраструктуры, однако территориальные разногласия в Южно-Китайском море препятствуют полноценной реализации проектов. В Мьянме стратегическое сотрудничество включает строительство газо- и нефтепроводов, транспортных артерий и водных путей, соединяющих страну с юго-западными регионами Китая.

Эти инициативы не только способствуют экономическому развитию Мьянмы, но и укрепляют китайское присутствие в Индийском океане [3, с. 14].

Вьетнам, несмотря на существующие разногласия с Китаем по вопросам морских территорий, остаётся заинтересованным в сопряжении своей инициативы «Два коридора – одно кольцо» с проектом ОПОП. Однако территориальный спор вокруг архипелага Спратли и Парасельских островов тормозит активное развитие сотрудничества. Малайзия после политических изменений также временно приостановила участие в ряде китайских

проектов, но в дальнейшем продемонстрировала стремление к продолжению совместной работы при условии соблюдения национальных интересов и прозрачности сделок [3, с. 14].

В целом, взаимодействие государств АСЕАН с Китаем в рамках инициативы «Один пояс – один путь» носит преимущественно прагматичный и взаимовыгодный характер. Для стран региона это шанс на модернизацию инфраструктуры, углубление региональной интеграции, привлечение инвестиций, а также включение в глобальные логистические цепочки. Кроме того, это взаимодействие способствует росту занятости, цифровизации экономики и передаче технологий. Вместе с тем, перед странами АСЕАН стоит задача сохранения баланса между выгодами от сотрудничества с Китаем и необходимостью защиты суверенитета, устойчивого развития и диверсификации внешнеэкономических связей.

Таким образом, инициатива «Один пояс – один путь» остаётся важным элементом стратегического взаимодействия Китая со странами Юго-Восточной Азии. Несмотря на вызовы и противоречия, потенциал для углубления партнёрства сохраняется, при этом особое значение приобретает гибкий подход, основанный на равноправии, открытости и учёте интересов всех участников.

Библиографические ссылки

1. Ван Сюй. Региональное экономическое сотрудничество Китая и АСЕАН на основе инициативы «Один пояс, один путь» // Актуальные проблемы науки административного, финансового и международного права: материалы научного круглого стола, Минск, 10 апр. 2023 г. / БГУ ; редкол.: В. С. Михайловский (гл. ред.), А. В. Шидловский, Н. М. Шевко. Минск, 2023. С. 222–226.

2. “一带一路”建设结硕果：惠及世界的中国方案 [电子资源] // 中国一带一路网. – 访问方式: <https://www.yidaiyilu.gov.cn/p/231397.html>. – 访问日期: 15.04.2025. = Инициатива «Один пояс – один путь» – китайское решение, приносящее пользу миру // Портал «Один пояс – один путь». URL: <https://www.yidaiyilu.gov.cn/p/231397.html> (дата обращения: 15.04.2025).

3. Ван Лэпин. Роль инициативы «Один пояс, один путь» в сотрудничестве Китая и стран АСЕАН в сфере реализации инфраструктурных проектов // Журнал международного права и международных отношений. 2023. № 1(104). С. 10–16.

4. Ефимова, Л. М. Индонезийская «Морская ось мира» и китайский «Морской Шелковый путь XXI века» // Вестник МГИМО. 2015. № 6 (45). С. 196–204.

РОЛЬ ПАРТИЗАН И ПОДПОЛЬЩИКОВ В ОСВОБОЖДЕНИИ МИНСКА 3 ИЮЛЯ 1944 ГОДА

В. В. Козырь

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, beltrump2004@gmail.com
Научный руководитель – С. Ф. Свилас, доктор исторических наук, доцент*

В статье анализируется роль партизан и подпольщиков в освобождении Минска 3 июля 1944 г., в ходе Минской наступательной операции. Раскрывается, как совместные действия партизан, подпольщиков и регулярных частей Красной Армии привели к быстрому и полному освобождению столицы Белорусской ССР от немецко-фашистских захватчиков.

Ключевые слова: Минская операция; «Багратион»; партизаны; подпольщики; оккупационный режим.

День независимости Республики Беларусь ежегодно отмечается 3 июля. Конечно, эта дата выбрана неслучайно. Именно в этот день воинами Красной Армии город Минск был освобождён от немецко-фашистских захватчиков. Минская операция (29 июня – 4 июля 1944 г.), проведённая силами 1-го (командующий – маршал К. К. Рокоссовский) и 3-го (генерал-полковник И. Д. Черняховский) Белорусских фронтов являлась одним из ключевых этапов Белорусской наступательной операции, известной под названием «Багратион» (22 июня – 19 августа 1944 г.).

Объект исследования в данной статье – операция по освобождению столицы Белорусской ССР от немецко-фашистских захватчиков.

Предметом исследования являются действия партизан и подпольщиков в ходе проведения Минской операции. Цель автора – установить и оценить вклад партизан и подпольщиков в освобождение Минска. Автор использовал нарративный метод, а также метод анализа документов.

Актуальность проблемы обусловлена тем, что, к сожалению, с каждым годом живых участников тех событий остаётся всё меньше и меньше. Именно по этой причине распространяются домыслы и слухи, не имеющие отношения к реальности.

Сегодня как никогда важно сохранить память о Великой Отечественной войне в умах людей: кто не помнит своего прошлого, обречён повторить его вновь...

Одной из главных особенностей Минской операции была тесная координация действий командования частей регулярной армии с руковод-

ством партизанского и подпольного движений. Известно, что в 1944 г. более 760 участников имели задачи, поставленные напрямую командованием регулярных частей Красной Армии [1, с. 428].

Зимой 1944 г. Минский подпольный горком КП(б)Б направил командованию партизанских отрядов Минского, Руденского, Пуховичского, Заславского, Червенского и других районов план перестройки боевой и идеологической деятельности в связи с приближением фронта к столице республики [1, с. 432–433]. В документе особое внимание уделялось спасению местного населения от уничтожения и угона на работы в Германию, а также сохранению фабрик, заводов и административных зданий. Подпольщикам предлагалось обеспечить сохранность следующих предприятий и учреждений: вагоноремонтный завод имени Мясникова, станкостроительный завод имени Ворошилова, кожевенный завод «Большевик», радиозавод, хлебозаводы № 1 и № 2, швейная фабрика «Октябрь», ТЭЦ-1 и ТЭЦ-2, железнодорожный узел, здания ЦК КП(б)Б, Дом правительства, Дом Красной Армии, вокзал, театр оперы и балета, Республиканская библиотека им. В. И. Ленина [1, с. 433]. Выполняя этот план, партизанами и подпольщиками в период с апреля по май 1944 г. из города было выведено более 10 тыс. жителей. Об эффективности деятельности подпольщиков говорит и тот факт, что оккупационный режим до последних дней вёл с ними активную борьбу. Известно, что ещё 10 июня список арестованных только вспомогательными полицейскими частями минчан насчитывал 159 имён [1, с. 432]. Участники партизанского движения также сыграли важную роль в подготовке освобождения Минска. Доказательствами тому служат следующие факты. Во-первых, к началу июля 1944 г. партизаны активизировали свою деятельность в рамках «рельсовой войны». Под откос были пущены десятки эшелонов с живой силой и техникой противника. По оценке немецкого полковника Г. Теске, занимавшего должность начальника транспортного управления группы армий «Центр», действия партизан вызвали полную остановку железнодорожного сообщения на всех важнейших коммуникациях [2, с. 509].

Во-вторых, партизаны активно участвовали в освобождении территории БССР от оккупантов ещё до подхода регулярных частей Красной Армии. Например, партизанские бригады «Разгром», «За Советскую Белоруссию», имени Н. А. Щорса, «имени газеты “Правда”», 1-я Минская Могилевской и Минской областей полностью контролировали многие участки шоссе Минск–Могилев, Могилев–Бобруйск, Орша–Минск, грунтовые дороги в междуречье Днепра и Друти, Березины и Друти, в треугольнике Борисов–Осиповичи–Минск [3, с. 137]. С 29 июня по 3 июля части Красной Армии, прежде всего танковые, стремительно и со всех сторон окружили Минск, отрезая от города оказавшуюся восточнее 4-ю

немецкую армию. Быстрому продвижению советских войск способствовала помощь партизан, которые активно участвовали в удержании плацдармов и наведении понтонных переправ для частей Красной Армии. Командир 2-го гвардейского танкового корпуса генерал А. С. Бурдейный так писал о помощи партизан: «В ходе наступления на столицу БССР большую помощь соединениям и частям Красной Армии оказали партизаны. Они дезорганизовывали оперативный тыл немецких войск, срывали подвоз резервов, захватывали важные в тактическом отношении рубежи, населенные пункты, переправы на водных преградах, а в ряде случаев вели наступательные и оборонительные бои наравне с регулярными частями. Особенно активно партизанские формирования действовали на путях отхода врага. Они блокировали железные, шоссейные и грунтовые дороги, устраивали засады, совершали нападения на колонны и обозы». Генерал особо отметил высокую организованность и дисциплину в партизанской бригаде, сумевшей в очень короткий срок (за 12–20 часов) подготовить маршрут для танкового корпуса.

«Весь маршрут на протяжении 50–60 км мы шли на большой скорости и почти без задержек. Там, где еще вчера были минные поля, дороги были перекрыты завалами, а в лесных речушках была поднята вода, преграждавшая путь, сегодня все эти заграждения были сняты в очень короткие сроки. Мы увидели не только силу, организованность советских людей в партизанских бригадах и отрядах, но и высокое сознание своего долга по оказанию помощи Красной Армии» [4, с. 78]. Благодаря четко скоординированным действиям регулярных частей Красной Армии и подпольщиков, уже ко второй половине дня 3 июля 1944 г. столица Белорусской ССР была полностью очищена от гитлеровских войск.

Партизанские формирования в период с 29 июня по 4 июля во взаимодействии с войсками фронта участвовали в захвате ряда городов и населенных пунктов. Они обеспечивали советские части и подразделения проводниками и разведывательными данными о группировках и рубежах обороны немецких войск, оказывали помощь в восстановлении мостов и переправ на реках Ольса, Березина, Птичь, Свислочь, Случь и других, осуществляли диверсии в тылу врага на его основных коммуникациях. Например, на железнодорожных линиях от Барановичей в сторону Осиповичей, Минска, Лиды, Волковыска, Бреста и Лунина было организовано 34 крушения поездов с боевой техникой, боеприпасами и продовольствием. Кроме того, партизаны наносили удары по отходившим частям противника, его штабам и тыловым учреждениям, уничтожали автотранспорт и обозы, подрывали мосты на шоссейных и грунтовых дорогах, спасали население от истребления, а деревни и города – от разрушения и сожжения [5, с. 389].

Освобождение Минска имело важнейшее стратегическое значение, т. к. город являлся крупным автомобильным и железнодорожным транспортным узлом. Оно открыло свободу действий для четырёх фронтов, способствовало окружению 4-й армии Третьего рейха, отрезало пути отступления противника с Могилёвского направления. В ходе боёв за Минск гитлеровцы потеряли огромное количество техники, было убито и взято в плен множество солдат и офицеров противника. На железнодорожных станциях были захвачены вражеские эшелоны с большим количеством военной амуниции. Партизаны сыграли значительную роль и на завершающем этапе Минской операции. С 5 по 16 июля они провели более 15 крупных операций, способствовавших уничтожению «минского котла», продолжавшего угрожать столице советской Беларуси даже после её освобождения. Также партизанские отряды оказали существенную помощь советским войскам в конвоировании в тыл немецких военнопленных (более 17 тыс. немецких солдат и офицеров) [6, с. 274].

Помимо партизан и подпольщиков, активную поддержку наступающим войскам оказывали и местные жители. Свыше 100 тыс. белорусов участвовали в восстановлении разрушенных железнодорожных путей, ремонте и строительстве заново многих железнодорожных и автомобильных мостов [7, с. 525].

Таким образом, успешное освобождение Минска от немецко-фашистских захватчиков оказалось возможным благодаря скоординированным действиям регулярных частей Красной Армии, партизан и подпольщиков. Рассмотренные события являются лучшим доказательством всенародного характера борьбы белорусского народа против немецко-фашистских захватчиков.

Библиографические ссылки

1. Гісторыя Мінска / Мінскі навукова-даследчы інстытут сацыяльна-эканамічных і палітычных праблем; пад рэд. У. А. Бабкова. Мінск : БелЭН, 2006.
2. Советский Союз в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. / ред. колл. : А. М. Самсонов [и др.]. М. : Наука, 1976.
3. Освобождение Беларуси 1943–1944 / В. В. Абатуров, А. М. Литвин, Н. Ф. Азяский [и др.]. Минск: Беларуская навука, 2014.
4. *Бурдейный, А. С.* В боях за освобождение Белоруссии: записки командира корпуса. Минск: Кавалер, 2013.
5. Великая Отечественная война 1941–1945 годов в 12 т. / ред. комиссия: С. К. Шойгу [и др.]. М. : Кучково поле, 2012. Т. 4 : Освобождение территории СССР. 1944 год. / С. В. Гребенюк, В. В. Абатуров, Н. Ф. Азяский [и др.] ; ред. комиссия : М. А. Гараев [и др.].

«РАДИО ТЫСЯЧИ ХОЛМОВ» КАК ФАКТОР ГЕНОЦИДА В РУАНДЕ

Е. К. Лаппо

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, irrlurt1@gmail.com
Научный руководитель – О. С. Журавская, кандидат исторических наук*

В статье исследуется роль радиостанции «Радио тысячи холмов» в разжигании геноцида в Руанде в 1994 г. Анализируется, как пропаганда через СМИ, дезинформация и призывы к массовому насилию стали ключевым элементом в мобилизации хуту против тутси. Раскрывается, что опыт Руанды должен стать предостережением для всех стран мира о разрушительной силе пропаганды через медиа в условиях конфликта.

Ключевые слова: геноцид в Руанде; пропаганда через СМИ; «Радио тысячи холмов»; язык ненависти; мобилизация насилия; ответственность медиа; этнический конфликт.

Геноцид – трагическое явление в истории человечества. Оно представляет собой целенаправленное и систематическое уничтожение целых народов или этнических групп, которое оставляет глубокие раны в обществе и нарушает основные права человека. Однако за геноцидом всегда стоят сложные и многогранные причины. В 2025 г. исполняется 31 год со дня геноцида тутси в Руанде – одной из самых мрачных страниц в мировой истории. За менее чем три месяца было убито свыше миллиона человек, в основном тутси, а также хуту и другие, выступавшие против геноцида.

Одним из ключевых факторов разжигания геноцида была пропаганда через СМИ, в том числе через «Радио тысячи холмов», полное название которого – «Свободное радио и телевидение тысячи холмов» (СТРТХ). СТРТХ – это руандийская радиостанция, начавшая свою работу в июле 1993 г. и продолжавшая свою деятельность вплоть до июля 1994 г. Некоторые исследователи относят «Радио тысячи холмов» к так называемым «радио ненависти», т. е. к медиа, распространяющим ненависть и предвзятость против определенной группы людей.

По инициативе Ф. Нахиманы, бывшего директора Руандийского информационного агентства, 8 апреля 1993 г. было основано СТРТХ. Название радиостанции связано с тем, что Руанду часто называют «землей тысячи холмов». Изначально целью возникновения «Радио тысячи холмов» было создание гармоничного руандийского общества, кроме того, этот шаг был реакцией на попадание «Радио Руанды» и «Радио Мухабуре» под контроль оппозиции. Правящая партия нуждалась в канале для трансляции

своих взглядов населению страны. Сотрудниками радиостанции были исключительно хуту, а акционерами стали более тысячи человек, в число которых входили Кабуга, Нзирорера, Багосора, президент Хабьяримана и его родственники, двое министров и высшие военные [1].

Сразу после начала вещания радиостанция приобрела широкую популярность. Во-первых, это было связано с тем, что к 1993 г. лишь у небольшого числа жителей Руанды, истощенной трехлетней гражданской войной, были телевизоры, радиоприемники же были значительно доступнее для довольно бедного руандийского населения. «После создания в 1993 г. «Радио тысячи холмов» его начали слушать практически все, — вспоминает житель Кигали Оноре Гатера, которому тогда было 12 лет. — Даже у меня был небольшой старый радиоприемник, который все время был включен. После его появления молодежные крылья провластных политических партий стали все чаще выходить на демонстрации, а поток пропаганды все увеличивался и увеличивался» [2]. Во-вторых, политическая информация чередовалась с популярной музыкой, что значительно облегчало ее восприятие молодежью и не сильно образованным населением. Также значительное влияние оказал стиль повествования, отличавшийся довольно откровенными и зачастую оскорбительными высказываниями со стороны ведущих. Таким образом, получилось, что в те годы можно было встретить молодых людей, слушавших СТРТХ, в любых частях страны.

Главная тема вещания СТРТХ — этническая. Сотрудники радиостанции активно развивали предположение, что тутси намерены вернуть власть, утраченную более 30 лет назад. Известный журналист К. Хабимана утверждал 1 января 1994 г.: «Я — хуту и ничего не имею против тутси. Но в данной политической ситуации я должен пояснить: «Берегитесь! Тутси хотят отнять у хуту все с помощью силы и хитрости!»» [3]. В передачах СТРТХ часто использовался термин «иньензи-инкотаньи», имевший явный этнический подтекст: все тутси являлись инкотаньи, а следовательно, и врагами народа. Также иногда по радиостанции звучала знаменитая песня популярного певца С. Бикинди «Я ненавижу хуту», ставшая впоследствии «гимном массовых убийств». В этой музыкальной композиции хуту, сотрудничавшие с Руандийским патриотическим фронтом показывались как хуту, пришедшие убивать. Сотрудники радиостанции часто рассматривали этническую тему с экономической точки зрения, повторяя нацистскую антисемитскую пропаганду, подчеркивая неравномерное распределение богатства и экономических преимуществ, которые были в пользу тутси и в ущерб хуту. 25 октября 1993 г. Н. Хитимана сообщил по СТРТХ: «Сегодня утром мне позвонили; кстати, это была женщина. Она просила меня не говорить по нашему радио СТРТХ, что тутси

владеют 70% такси в этой стране... Я ответил ей, что никто не может помешать тому, чтобы эти данные стали известны». 17 декабря 1993 г. К. Хабимана восклицал: «Хотя они [тутси] говорят, что с ними обращаются несправедливо, именно они богаты, именно они богаты. Некоторые люди видели список клиентов Сберегательного банка, и они утверждают, что большинство из них как раз тутси или даже женщины тутси» [3].

Часто эфир СТРТХ предоставлялся экстремистам и сторонникам правящего режима, в то время как оппозиции давали слово лишь изредка, и даже в этих редких случаях ведущие старались дискредитировать их позиции. Призывы к насилию звучали на «Радио тысячи холмов» с тревожной регулярностью. Ведущие открыто подстрекали слушателей к геноциду, что формировало у населения массовое сознание, готовое к агрессии и убийствам. Некоторые лидеры умеренной оппозиции подвергались нападкам со стороны СТРТХ, например, премьер-министр А. Увирингимана была названа «приговоренной к смерти». Многие зарубежные и руандийские дипломаты и журналисты считали, что деятельность СТРТХ лишь «подливает масло в огонь», и поэтому стоит прекратить вещание данной радиостанции, однако по мнению британской правозащитной организации «Article 19», СТРТХ «...было инструментом, а не причиной геноцида. Оно не вызвало геноцид, но скорее являлось одним из элементов в заранее разработанном плане массовой резни... – В ходе же самого геноцида – оно сыграло особую роль в передаче приказов милиции и другим группам, уже вовлеченным в резню» [3]. «СМИ сыграли огромную роль в пропаганде геноцида. Ученые потом подсчитали, что чем лучше был прием «Радио тысячи холмов», тем больше людей погибало в определенном районе», – отмечал доктор политических наук А. Кошкин [2].

После убийства президента Ж. Хабиариманы 6 апреля 1994 г. – события, ознаменовавшего начало геноцида – СТРТХ усилила свои передачи, открыто призывая к уничтожению тутси. Ведущие радио использовали жестокие выражения, часто называя тутси «тараканами» и призывая слушателей безжалостно убивать их. Эти передачи не ограничивались лишь общими словами – «Радио тысячи холмов» давало конкретные указания, где находились семьи тутси, и поощряло насилие на блокпостах. Важную роль в распространении ненависти к тутси сыграли такие личности, как К. Хабимана, В. Бемерики и Ж. Руджу, которые открыто призывали к массовым убийствам и призывали слушателей «заполнять могилы» тутси.

Последним днем работы «Радио тысячи холмов» стал последний день геноцида. После того как Руандийский патриотический фронт отступил, перевооружился и пополнил свои ряды беженцами-тутси, он окружил и взял штурмом Кигали, положив конец кровавым событиям и открыв путь

к серии трибуналов. Многие ведущие «Радио тысячи холмов» избежали наказания, скрывшись в лагерях беженцев в различных странах Африки, однако некоторые из них были осуждены и получили реальные сроки.

Таким образом, деятельность «Радио тысячи холмов» стала одним из ключевых инструментов пропаганды, способствовавших разжиганию ненависти и координации насилия в ходе геноцида в Руанде. Используя язык ненависти, прямые призывы к убийствам и распространение дезинформации, радиостанция сыграла огромную роль в мобилизации хуту на массовые убийства. Ее влияние было особенно заметным в районах с хорошим радиопокрытием, где наблюдалось увеличение числа жертв. Хотя геноцид был остановлен с приходом Руандийского патриотического фронта, последствия деятельности СТРТХ оставили глубокий след в истории страны, а многие сотрудников радиостанции понесли наказание за свои преступления. Этот пример демонстрирует разрушительную силу пропаганды через СМИ и подчеркивает ответственность СМИ в условиях конфликта и служит предостережением об опасностях неконтролируемой пропаганды.

Библиографические ссылки

1. *Кривушин И. В.* СМИ как инструмент подготовки геноцида (на примере Руанды) // Исторический журнал: научные исследования. 2012. № 2 (8). С. 66–77.
2. «Они пропагандировали ненависть». Как радиостанция меньше чем за год разожгла один из самых кровавых геноцидов в истории // Lenta.ru. URL: <https://lenta.ru/articles/2022/10/21/collines/amp/> (дата обращения: 18.03.2025).
3. СМИ как инструмент подготовки геноцида в Руанде // Прометей. URL: <https://prometej.info/smi-kak-instrument-podgotovki-genocida/> (дата обращения: 21.03.2025).

ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРЕВЕНТИВНОЙ ДИПЛОМАТИИ ООН в XXI в. И ВОЗМОЖНЫЕ ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

А. А. Маглыш

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, alexmaglysh@gmail.com
Научный руководитель – Н. О. Мороз, кандидат юридических наук, доцент*

В статье рассматриваются проблемы реализации превентивной дипломатии ООН в XXI в., определяются основные черты реализации успешной превентивной дипломатии ООН. Автор делает вывод о необходимости реформирования концепции превентивной дипломатии ООН и предлагает соответствующие решения по повышению эффективности механизма превентивной дипломатии.

Ключевые слова: ООН; превентивная дипломатия; миротворчество; миростроительство; мирное разрешение международных споров.

В настоящее время превентивная дипломатия ООН представляет собой уникальный механизм, направленный на предупреждение возникновения споров между сторонами или их перерастания в конфликты, а также на ограничение масштабов конфликтов в случае их возникновения путем использования средств мирного разрешения споров, предусмотренных гл. VI Устава ООН.

Использование превентивных действий имеет ряд преимуществ, основными из которых являются: направленность на своевременное определение возникающей проблемы, т.н. «геополитическая дальновидность»; содействие установлению взаимного доверия между конфликтующими сторонами; относительно ограниченные затраты на финансирование в сравнении с иными видами миротворческих действий ООН (в частности, миротворческими операциями) [1, с. 68].

Тем не менее, вопреки указанным преимуществам, превентивная дипломатия продолжает получать ограниченное практическое распространение. В совместном отчете ООН и Всемирного банка 2018 г. отмечается, «хотя дипломатическое взаимодействие является наиболее распространенной формой международного обращения в случае насильственного конфликта, доказательства его способности остановить вспышку конфликта неоднозначны» [2]. На основании представленного отчета можно заключить, что превентивная дипломатия ООН в XXI в., несмотря на многообразие подходов и мер, продолжает сталкиваться с проблемами реализации. В числе ключевых проблем можно выделить:

1) *изменения природы насилия* (степень насилия, присутствующая в гражданских войнах, восстаниях и мятежах, зачастую является недостаточной для реализации мер по превентивной дипломатии со стороны ООН) [1, с. 68];

2) *разногласия в Совете Безопасности ООН* (основным предметом разногласий является степень «внешнего вмешательства для предотвращения или смягчения конфликта») [3];

3) *отсутствие единства действий* (первопричина – фрагментация системы ООН, при которой обязанности распределены между различными департаментами, агентствами, фондами и программами) [4];

4) *незаинтересованность сторон потенциального конфликта к его урегулированию* (отсутствие искреннего стремления конфликтующих сторон к урегулированию сложившейся ситуации лишает эффективности усилия ООН по превентивной дипломатии) [5];

5) *множественность вовлеченных сторон* (наличие собственного интереса каждой из вовлеченных сторон в урегулировании конфликта определенным образом способно препятствовать эффективному осуществлению превентивной дипломатии).

В то же время, несмотря на существующие проблемы реализации, ООН добилась успеха в своем подходе превентивной дипломатии в таких странах, как Буркина-Фасо, Колумбия, Либерия, Кыргызстан и Гайана [6]. Центр политических исследований Университета ООН в 2018 г. провел анализ положительного опыта ООН в осуществлении превентивной дипломатии в Гвинее (2008 – 2010 гг.), Ливане (2011 – 2017 гг.); Малави (2011 – 2012 гг.), Нигерии (2015 г.), Судане (2010 – 2011 гг.) и Йемене (2011 г.).

Исследование, получившее название «Захват успеха превентивной дипломатии ООН: как и почему это работает?», ставило перед собой цели углубление понимания ООН успешной превентивной дипломатии, создание структуры для оценки превентивной дипломатии и содействие улучшению планирования миссий по превентивной дипломатии, что позволило бы усилить ее эффективность и противостоять имеющимся проблемам [7, с. 4].

В ходе данного исследования были определены шесть основных черт успешной реализации превентивной дипломатии ООН [7, с. 5]:

1) отсутствие явного намерения сторон прибегнуть к широкомасштабному насилию;

2) согласие сторон на реализацию мер по превентивной дипломатии со стороны ООН (отсутствие согласия вынуждает ООН тратить значительное количество усилий на его получение; в качестве альтернативы, ООН способна передать инициативу региональной организации);

3) высокий уровень международного и регионального сотрудничества и единства (единство позиций членов Совета Безопасности ООН, поддержка усилий ООН в области превентивной дипломатии и/или проведение мероприятий превентивной дипломатии в партнерстве или координации с другими международными акторами);

4) эффективное использование международного влияния (использование мягких методов влияния, предполагающих добрые услуги Генерального секретаря ООН, осуществляемые через посланника; единую позицию международного сообщества и использование ресурсов и опыта ООН для поддержания усилий по предотвращению конфликтов);

5) компетентность и осведомленность Посланника ООН, в частности глубокое знание истории, предпосылок конфликта и его сторон, региональное или культурное «родство» со сторонами, а также навыки коммуникации и убеждения;

6) хорошая внутренняя координация и сотрудничество в рамках системы ООН, эффективное взаимодействие национальных и региональных отделений.

Исследование Университета ООН в области превентивной дипломатии позволяет заключить, что приверженность ООН концепции превентивной дипломатии не лишено обоснованности, и имеющийся положительный опыт реализации может быть использован для повышения ее эффективности.

Однако для преодоления проблем реализации и эффективного осуществления превентивной дипломатии необходима ее реформа в рамках ООН.

Департамент по политическим вопросам и вопросам миростроительства при участии Генерального секретаря и Совета Безопасности ООН должен пересмотреть возможности превентивной дипломатии в современных условиях, чтобы выработать новый улучшенный механизм ее осуществления, в частности, обеспечить единство действий ООН по рассматриваемому вопросу.

Так, реформирование концепции превентивной дипломатии ООН должно осуществляться в пяти основных аспектах:

1) повышение уровня подготовки и профессионализма: разработка инструмента планирования по осуществлению мер превентивной дипломатии; учет мнений сторон конфликта при проведении оценок возможностей реализации превентивной дипломатии;

2) изменение стратегии превентивной дипломатии: применение гибкого подхода к мандатам; разработка стратегий на основе успешного опыта; предварительное конкретное определение роли и обязанностей ООН и других участников;

3) совершенствование тактики превентивной дипломатии: информирование Совет Безопасности ООН о потенциально возможных конфликтах; распределение усилий по превентивной дипломатии между ООН и региональными организациями; укрепление доверия со сторонами конфликта и обеспечение их повсеместной вовлеченности в урегулирование конфликта;

4) использование ресурсов ООН: полное использование ресурсов, доступных всей системе ООН, включая соответствующие национальные и региональные отделения; осуществление инвестирования в региональные отделения;

5) укрепление устойчивости: содействие созданию оперативного и структурного потенциала в области превентивной дипломатии на международном, региональном и национальном уровнях; разработка руководящих принципов по обеспечению устойчивости достигнутых результатов по обеспечению мира.

Библиографические ссылки

1. *Zyck, S. A., Muggah, R.* Preventive Diplomacy and Conflict Prevention: Obstacles and Opportunities / *Stability: International Journal of Security & Development*. 2012. Vol. 1, Issue 1. P. 68-75. DOI: <http://dx.doi.org/10.5334/sta.ac>.

2. Pathways for Peace: Inclusive Approaches to Preventing Violent Conflict // United Nations Sustainable Development Group. URL: https://unsdg.un.org/sites/default/files/2021-02/Pathways-for-peace_web.pdf (дата обращения: 22.05.2025).

3. Can the Security Council Prevent Conflict? // Security Council Report. URL: https://www.securitycouncilreport.org/atf/cf/%7B65BF9B-6D274E9C-8CD3-CF6E4FF96FF9%7D/research_report_conflict_prevention_2017.pdf. (date of publication: 09.02.2017).

4. The Challenge of Sustaining Peace: Report of the Advisory Group of Experts for the 2015 Review of the United Nations Peacebuilding Architecture // United Nations Digital Library System. URL: https://digitallibrary.un.org/record/798480/files/A_69_968-S_2015_490-EN.pdf (дата обращения: 22.05.2025).

5. *Старцевич, Ф.* Превентивная дипломатия: опыт и перспективы / *Полития*. 2000. №3 (17). С. 162-173. URL: [http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia-2003-3\(17\)-162-173.pdf](http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia-2003-3(17)-162-173.pdf) (дата обращения: 22.05.2025).

6. *Fritz, D.* United Nations Preventive Diplomacy: Evolution and Practice. *Intergovernmental Research and Policy Journal*. 2019. Vol. 2019. URL: <https://irpj.euclid.int/articles/32185/#> (дата обращения: 22.05.2025).

7. Capturing UN Preventive Diplomacy Success: How and Why Does It Work? // UNU CPR. URL: <https://collections.unu.edu/eserv/UNU:6572/UN-Preventive-Diplomacy-Policy-Paper-and-Case-StudiesWEB.pdf> (дата обращения: 02.05.2025).

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В РАМКАХ КОНЦЕПЦИИ СОЮЗНОГО ГОСУДАРСТВА

В. А. Миронченко

*Белорусский государственный университет, ул. Ленинградская, 20,
220006, г. Минск, Беларусь, kviatovichAA@bsu.by
Научный руководитель – А. А. Квяткович, старший преподаватель*

Сотрудничество Республики Беларусь и Российской Федерации в рамках Союзного государства охватывает политическую, экономическую, военную и гуманитарную сферы, основанное на исторических связях и Договоре 1999 года. Экономическая интеграция проявляется в углублении промышленной кооперации и росте товарооборота. Военно-политическое взаимодействие включает совместные учения в ОДКБ. В гуманитарной сфере осуществляется взаимное признание образовательных стандартов и культурные обмены. Перспективы интеграции связаны с импортозамещением и цифровизацией экономики.

Ключевые слова: союзное государство; экономическая интеграция; военно-политическое сотрудничество; санкции; импортозамещение; суверенитет; товарооборот

В условиях быстро меняющегося мирового порядка Республика Беларусь демонстрирует гибкость и адаптивность в своей внешней политике. Республика Беларусь является членом более 63 международных организаций, что повышает статус государства на международной арене. На саммите в Российской Федерации 11 ноября 2024 года Беларусь получила официальный статус «страны - партнера» БРИКС [2]. Статус партнера позволит Беларуси активно участвовать в политических обсуждениях и инициативах, направленных на решение глобальных проблем, а также укрепить свои международные позиции.

Союз Республики Беларусь и Российской Федерации является поистине уникальным. Исторические взаимоотношения Беларуси и России представляют собой сложный и многогранный процесс, корни которого уходят в эпоху Средневековья. Уже в период существования Великого княжества Литовского XIII–XVIII вв. и Московского царства (XVI–XVII вв.) между двумя государствами наблюдались интенсивные политические, экономические и культурные контакты, что подтверждается данными актовых книг и дипломатической переписки. Вхождение белорусских земель в состав Российской империи в результате разделов Речи Посполитой в период 1772–1795 гг. ознаменовало новый этап интеграции, сопровождавшийся административными реформами и унификацией правового пространства. В XIX веке процессы интеграции углублялись, чему

способствовало включение белорусских губерний в общероссийскую систему управления, экономики и образования. Советский период 1917–1991 гг. стал временем институционального сближения в рамках единого политико-экономического пространства СССР. Беларусь, будучи одной из союзных республик, активно участвовала в процессах централизованного планирования, что отразилось в показателях промышленного роста в период с 1940-1980 гг. ВВП БССР увеличился в 12 раз. 8 декабря 1991 года в Беловежской пуще лидеры России (Б. Ельцин), Украины (Л. Кравчук) и Беларуси (С. Шушкевич) подписали Соглашение о создании Содружества Независимых Государств. 21 декабря 1991 года в Алма-Ате прошла встреча делегаций 11 республик, на которой была принята Декларация о прекращении существования Советского Союза. С этого момента началась новая глава в истории Беларуси как независимого государства, ориентированного на развитие международных связей и укрепление своей национальной политики [2].

8 декабря 1999 года главы Беларуси Александр Григорьевич Лукашенко и России Владимир Владимирович Путин подписали Договор о создании Союзного государства, основываясь на принципах сохранения суверенитета и выполнения международных обязательств [3]. Россия остается главным торговым партнером Беларуси, на долю которой приходится более половины внешней торговли страны. После введения западных санкций Россия и Беларусь предприняли меры для минимизации их последствий и стимулирования экономического роста. Ключевые отрасли экономики показывают рост, а ВВП в 2024 году составил 104%. Важным аспектом является реализация совместных проектов Беларуси и России, направленных на импортозамещение и создание новых логистических цепочек. Подписание Договора о Евразийском экономическом Союзе 29 мая 2014 года способствовало развитию торговли и интеграции предприятий. Всего на территории Беларуси реализуется 133 инвестиционных проекта с российским участием на общую сумму около 12,6 млрд долларов в таких сферах, как промышленность, строительство, сельское хозяйство, энергетика, туризм, информационные технологии, медицина и фармацевтика [4]. Кроме того, активно продвигается Евразийская Хартия безопасности, а в области обороны и безопасности достигнуты значительные успехи, включая подписание двусторонних соглашений по военно-техническому сотрудничеству.

4 марта 2025 года Президент Беларуси подписал Закон о ратификации Договора между Республикой Беларусь и Российской Федерацией о гарантиях безопасности в рамках Союзного государства. В ответ на потенциальные угрозы со стороны западных стран Глава государства Беларуси подписал соглашение о размещении ядерных боеголовок на территории

страны, а также оперативно-тактического ракетного комплекса «Искан-дер», при этом управление данным оружием останется за Беларусью. В конце декабря 2024 года Александр Григорьевич также договорился с президентом России Владимиром Путиным о размещении ракетного комплекса «Орешник».

Важными задачами остаются обеспечение равных прав граждан, создание единой системы социальных гарантий и унификация законодательства в социально-трудовой сфере. Согласно Договору между Республикой Беларусь и Российской Федерацией о равных правах граждан (Договор вступил в силу 22 июля 1999 г.) граждане Беларуси и России пользуются равными гражданскими правами и свободами, как это предусмотрено законодательствами Договаривающихся Сторон (ст.3). Например, согласно Договору граждане Беларуси и России обладают равными правами избирать и быть избранными в выборные органы Союза (ст. 1). Соглашение о взаимном признании виз упрощает передвижение граждан и способствует культурному обмену, что особенно важно для мероприятий, таких как фестиваль «Славянский базар в Витебске».

Одним из главных сфер жизни общества является образование. Образование – ключевой приоритет для государств, потому что оно напрямую влияет на экономическое развитие, социальную стабильность, технологический прогресс и глобальную конкурентоспособность.

Президент Республики Беларусь регулярно подчеркивает важность повышения качества и поэтапной модернизации образовательной системы, учитывая, что наступает эпоха смены поколений. *«Надо подготовить молодое поколение, которое возьмет в руки Беларусь и будут ее беречь, ценить»* заявил Александр Лукашенко 7.01.2025.

В рамках Союзного государства ВУЗы реализуют совместные образовательные программы и академическую мобильность для студентов и преподавателей, внедряя современные методики. Например, Белорусско-Российский университет (БРУ), основанный на базе Могилевского машиностроительного института, активно интегрирует образовательные системы двух стран. У университета есть 75 договоров с российскими образовательными и научными учреждениями, включая восемь сетевых программ с Санкт-Петербургским политехническим университетом Петра Великого, что позволяет студентам получать дополнительное образование.

13.03.2025 года состоялся исторический визит Главы государства в столицу Российской Федерации. В ходе деловой поездки был подписан ряд соглашений для развития сотрудничества между Российской Федерацией и Республикой Беларусь. Подписанные документы способствуют укреплению адаптивности государств в условиях современных вызовов и

глобальных изменений, связанных с развитием мира, технологий и растущими потребностями населения. Во время выступления в высшей палате Парламента Российской Федерации белорусский лидер подчеркнул важность экономического сотрудничества как основы для дальнейшего развития отношений между Беларусью и Россией, приведя ряд показателей за последние 25 лет. За этот период объем ВВП в Беларуси увеличился более чем в 6 раз, в то время как в России – в 10 раз. ВВП на душу населения в Беларуси вырос почти в 7 раз, а в России – в 11 раз. Торговый оборот между странами увеличился в 7 раз и в прошлом году достиг почти \$60 миллиардов. Основа реализуемой модели Союзного государства заключается в глубокой интеграции и стремлении создать единое экономическое пространство, сохраняя политический суверенитет каждой из стран [5]. Таким образом, в ходе проведенного исследования удалось проанализировать внешнюю политику Республики Беларусь в рамках Союзного государства с Российской Федерацией. В условиях современного мира, где множество проблем требуют оперативного и качественного реагирования, грамотная и честная политика государства является ключевым условием для достижения уровня благосостояния, характерного для Республики Беларусь. Как говорит Президент Республики Беларусь Александр Григорьевич Лукашенко «Время выбрало нас!». Время действительно выбрало нас, и только от наших действий зависит будущее страны.

Библиографические ссылки

1. Тулейко, Е. В. Сотрудничество Республики Беларусь с международными организациями // Белорусская энциклопедия. URL: <https://belarusenc.by/belarus/detail-article.php?ID=9225&ysclid=ma9vdp5lh2151961369> (дата обращения: 13.04.2025).
2. О Содружестве Независимых Государств // Исполнительный комитет Содружества Независимых Государств. URL: <https://cis.minsk.by/page/174/o-sodruzestve-nezavisimyh-gosudarstv>. (дата обращения: 13.04.2025).
3. Союзное государство России и Беларуси // Офиц. Интернет-портал Президента Респ. Беларусь. URL: <https://president.gov.by/ru/belarus/economics/integracija/sojuznoe-gosudarstvo>. (дата обращения: 13.04.2025).
4. Выросли взаимные поставки российских и белорусских товаров // Беларусь сегодня. URL: <https://www.sb.by/articles/uvelichitoboroty.html?ysclid=ma9v7qkebz211539502#boune>. (дата обращения: 16.04.2025).
5. Участие в пленарном заседании Совета Федерации // Офиц. Интернет-портал Президента Респ. Беларусь. URL: <https://president.gov.by/ru/events/ucastie-v-plenarnom-zasedanii-soveta-federacii>. (дата обращения: 16.04.2025).

РОЛЬ ПРОГРАММ ОРГАНИЗАЦИИ ОБЪЕДИНЕННЫХ НАЦИЙ В РАЗВИТИИ ЖЕНСКОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: АНАЛИЗ ИНИЦИАТИВ И ВЫЗОВОВ

В. Д. Митина¹⁾, П. А. Панасюк¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, mvd.varvara@gmail.com,
watvoeljenu@gmail.com

Научный руководитель – Н. В. Юрова, кандидат эконом. наук, доцент

Статья демонстрирует анализ экономического участия женщин в странах Центральной Азии как критического фактора достижения Цели 5 Повестки дня ООН в области устойчивого развития. Рассматриваются институциональные, социальные и финансовые барьеры, ограничивающие экономическую активность женщин, а также региональная специфика участия в формальной и неформальной занятости. Особое внимание уделяется политике поддержки женского предпринимательства, включая программы ООН и национальные инициативы. На основе сравнительного анализа подчеркивается необходимость системных, гендерно-чувствительных подходов к стимулированию инклюзивного экономического роста и устойчивого развития.

Ключевые слова: гендерное равенство; экономическая инклюзия; Центральная Азия; женское предпринимательство; устойчивое развитие; институциональные барьеры.

Расширение экономических прав и возможностей женщин признано на глобальном уровне одним из важнейших условий достижения устойчивого развития и гендерного равенства, закрепленного в Цели 5 Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 года.

В регионе Центральной Азии, несмотря на определенный прогресс, женщины продолжают сталкиваться со значительными барьерами для полноценного участия в экономической жизни. Экономическое участие женщин в Центральной Азии характеризуется неоднородной картиной и рядом специфических вызовов. Средний показатель участия женщин в возрасте 25-54 лет в рабочей силе составляет 70,1%, что ниже показателей других субрегионов, причем особенно низкий уровень наблюдается в Таджикистане (35,5%), тогда как в Узбекистане он достигает 68,8% [1]. Значительная доля работающих женщин (33%) занята на низкооплачиваемой, нестабильной и уязвимой работе, при этом высока доля самозанятых (в среднем 28,2%), особенно в Узбекистане (32,5%) и Таджикистане (37,8%) [1], что часто связано с работой в неформальном секторе с ограниченным доступом к социальной защите. Наблюдается рост числа женщин-предпринимателей, например, в Узбекистане их число превысило 200 тысяч

[2], однако зачастую женский бизнес концентрируется в мелкомасштабных и менее прибыльных секторах.

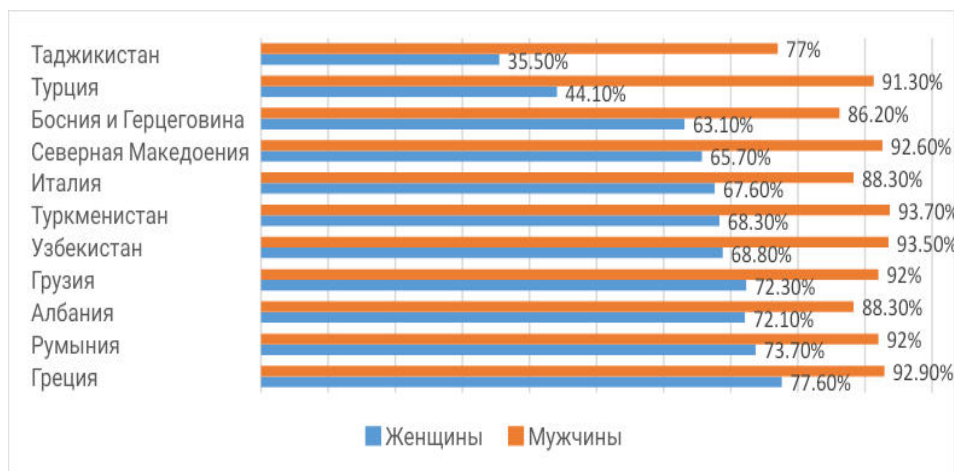

Рис. 1. Уровень участия в составе рабочей силы в отдельных странах

Серьезным барьером остается доступ к финансовым ресурсам: в среднем по региону лишь 43,4% женщин имели счет в финансовом учреждении около 2020 года [1]. Хотя в Узбекистане отмечен прогресс в увеличении доли населения со счетами (до 75% на январь 2023 г. по данным ЦБ РУз), уровень банковских сбережений остается низким (3% в 2021 г.), указывая на ограниченные возможности накопления капитала [3].

Принятие Национальной стратегии расширения доступа к финансовым услугам на 2021-2023 гг. в Узбекистане является важным шагом. Положительная динамика наблюдается в правовой среде: Узбекистан показал лучший результат в Центральной Азии (82,5 балла) в индексе Всемирного банка «Женщины, бизнес и закон 2024» и вошел в пятерку стран мира с наибольшими улучшениями [4]. В сфере образования, несмотря на высокий охват школьным образованием, сохраняются гендерные диспропорции на уровне высшего образования и в выборе специальностей НТИМ.

В ответ на эти вызовы, структуры ООН (прежде всего «ООН-женщины» и ПРООН) играют активную роль в Центральной Азии, инициируя и поддерживая программы развития женского предпринимательства, преодоления барьеров и формирования благоприятной среды. «ООН-женщины» специализируется на гендерном равенстве, содействуя государствам-членам в разработке политик и программ и рассматривая расширение экономических прав женщин как глобальный приоритет. Структура координирует работу системы ООН в этой области и активно сотрудничает с правительствами, ОГО (рассматривая их как стратегиче-

ских союзников) и другими партнерами. ПРООН также вносит значительный вклад, и обе структуры реализуют программы через партнерский подход. Деятельность ООН в регионе охватывает широкий спектр инициатив. На региональном уровне важную роль играет созданный в 2020 году при поддержке РЦПДЦА, ПРООН и «ООН-женщины» Диалог женщин-лидеров Центральной Азии (CAWLC).

Эта платформа способствует обмену опытом, укреплению регионального сотрудничества и продвижению роли женщин в экономике и общественной жизни, с ротационным председательством между странами. Диалог 2023 года в Казахстане был посвящен роли женщин в инновациях и цифровизации. Также организуются региональные бизнес-форумы и ЭКСПО, такие как форум в Душанбе (2018 г.) и ЭКСПО в Бишкеке (2024 г.), предоставляющие площадки для нетворкинга и демонстрации продукции. На страновом уровне ООН поддерживает создание и функционирование Центров развития женского предпринимательства (консультации, обучение, менторство), например, через поддержку обучения консультантов в Казахстане. Для содействия доступу к рынкам проводятся мероприятия, такие как Кооперационная биржа ПРООН для женщин-предпринимателей ЦА в Узбекистане (2021 г.). Реализуются секторальные инициативы, включая Флагманскую программу «ООН – Женщины»/ЮНЕП по устойчивой энергии (с 2017 г., гранты, сеть бизнес-ангелов) и проекты, ориентированные на технологический сектор и цифровую экономику. Проводятся консультации по интеграции гендерных аспектов в национальные стратегии и политики (включая климатические), поддерживается усиление политической воли (напр., Заявление по ЦУР-5) и создание коалиций, как «Демилгелүү айымдар» в Кыргызстане для продвижения гендерно-ориентированных закупок и доступа к услугам.

Однако, несмотря на реализуемые инициативы и достигнутый прогресс, женщины-предприниматели в Центральной Азии продолжают сталкиваться с рядом системных вызовов. Глубоко укоренившиеся структурные барьеры, такие как горизонтальная и вертикальная профессиональная сегрегация, неравное распределение неоплачиваемого труда по уходу, а также дискриминационные социальные нормы и стереотипы, серьезно ограничивают экономическую самостоятельность женщин, даже при формальном равенстве в законодательстве. Многие программы поддержки МСБ остаются гендерно-нейтральными, не учитывая специфические барьеры для женщин (мобильность, нехватка времени), что снижает их эффективность. Сохраняются проблемы с доступом к рынкам сбыта, кредитам, технологиям и инфраструктуре (например, детским учреждениям).

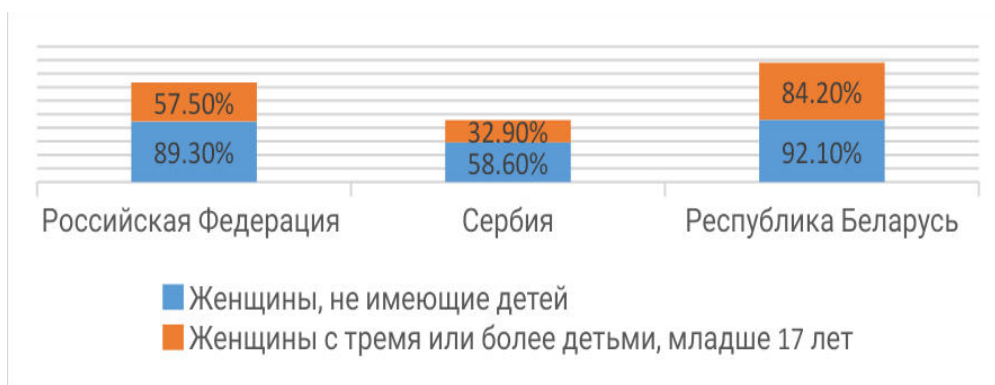

Рис. 2. Примеры отдельных стран: показатели женской занятости среди женщин в возрасте 25-49 лет

Недостаток гендерно-дезагрегированных данных затрудняет мониторинг и разработку эффективной политики. Зависимость от внешнего, краткосрочного финансирования ставит под вопрос устойчивость гендерных инициатив и указывает на недостаточную приоритизацию в национальных бюджетах. В заключение, структуры ООН играют критически важную роль в поддержке женского предпринимательства в ЦА, способствуя прогрессу, особенно в законодательстве. Однако, для раскрытия полного потенциала необходимо преодолеть глубокие структурные барьеры через гендерно-чувствительные подходы. Рекомендуется комплексное решение проблем: инвестиции в инфраструктуру ухода, развитие менторства, диверсификация финансовых продуктов, привлечение частного сектора, обеспечение устойчивого госфинансирования и улучшение сбора данных. Преодоление барьеров требует скоординированных усилий всех заинтересованных сторон для инклюзивного и равноправного развития региона.

Библиографические ссылки

1. ООН-женщины. Сдержать обещание, ускорить перемены: Оценка положения в области гендерного равенства в регионе Европы и Центральной Азии спустя 25 лет после Пекинской конференции. Стамбул: ООН-женщины, 2020. URL: <https://eca.unwomen.org/sites/default/files/Field%20Office%20ECA/Attachments/Publications/2020/10/Beijing%20Report-min.pdf> (дата обращения: 23.04.2025).
2. ИА «Дунё». В Узбекистане количество женщин-предпринимательниц превысило 200 тысяч. URL: <https://dunyo.info/ru/parlament/v-uzbekistane-kolichestvo-zhenschin-predprinimatelnic-prevysilo-200-tysyach> (дата обращения: 23.04.2025).
3. ООН в Казахстане. Женщины и бизнес: как ООН в Казахстане поддерживает местных предпринимательниц. URL: <https://unsdg.un.org/ru/latest/stories/zhenschiny-i-biznes-kak-oon-v-kazakhstane-podderzhivaet-mestnykh-predprinimatelnic> (дата обращения: 23.04.2025).

ПЕРСПЕКТИВЫ ВНЕДРЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ТЕХНОЛОГИЙ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ЛОГИСТИЧЕСКОЙ ОТРАСЛИ

К. В. Морозова

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, morozovaksenia412@gmail.com
Научный руководитель – А. А. Ходакова, старший преподаватель*

В статье анализируется влияние искусственного интеллекта на логистику, подчеркивается его роль в оптимизации процессов, снижении издержек и повышении эффективности. Рассматриваются конкретные примеры применения ИИ – от автономных транспортных средств до интеллектуальных систем управления складами и цепочками поставок. Особое внимание уделяется перспективам интеграции ИИ с другими технологиями, такими как IoT, блокчейн и 5G, что создаёт основу для автоматизированной и прозрачной логистической системы будущего. Также отмечаются правовые и этические вызовы, связанные с внедрением ИИ, и подчеркивается необходимость комплексного подхода, включающего кадровую подготовку, адаптацию законодательства и стандартизацию.

Ключевые слова: искусственный интеллект, логистика, автоматизация и оптимизация процессов, автономный транспорт, беспилотные грузовики и дроны, интеллектуальные системы управления, прогнозирование спроса и управление рисками.

На сегодняшний день искусственный интеллект (ИИ) оказывает глубокое влияние на трансформацию логистической отрасли, являясь неотъемлемой частью внедрения инновационных технологий, которые изменяют подходы к планированию, организации и управлению всеми процессами, связанными с логистикой. Технологии ИИ обеспечивают новые способы оптимизации и автоматизации различных операций, повышая их эффективность и снижая издержки. В свою очередь, это ведет к улучшению качества обслуживания клиентов, а также к повышению конкурентоспособности компаний [1]. Однако, по Нашему мнению, наибольший потенциал раскроется в ближайшие годы, когда технологии ИИ будут интегрированы с другими инновационными решениями, такими как IoT, блокчейн и сети 5G.

Во-первых, автономные транспортные системы, включая беспилотные грузовики и дроны, уже демонстрируют свою эффективность в логистике. ИИ позволяет этим системам анализировать дорожную обстановку, корректировать маршруты в реальном времени и минимизировать влияние человеческого фактора. На практике это означает снижение затрат на

перевозки и ускорение доставки, что особенно важно в условиях растущих требований клиентов к скорости [2].

Сегодня, такие компании как Tesla и Waymo, тестируют автономные грузовики на отдельных маршрутах, а Amazon активно использует дроны для доставки в удалённые районы [3].

Во-вторых, интеллектуальные системы управления логистикой на основе ИИ помогают компаниям прогнозировать спрос, оптимизировать складские запасы и предотвращать сбои в поставках.

Например, алгоритмы машинного обучения анализируют исторические данные, сезонные колебания и рыночные тренды, позволяя точнее планировать закупки и распределение товаров.

На практике это может выражаться во внедрении AI-платформ, которые автоматически корректируют уровни запасов на складах, предотвращая как избыточные остатки, так и дефицит продукции.

В-третьих, цифровизация и управление рисками с помощью ИИ становятся критически важными в условиях нестабильности глобальных рынков.

Искусственный интеллект способен анализировать огромные массивы данных, включая информацию о политической ситуации, погодных условиях и состоянии транспортной инфраструктуры, чтобы заранее предупредить о возможных сбоях.

На практике это означает, что логистические компании могут оперативно перенаправлять грузы, менять маршруты или корректировать графики поставок, минимизируя убытки.

Например, во время пандемии COVID-19 некоторые компании использовали ИИ для перестройки цепочек поставок в режиме реального времени [1; 4].

Наконец, интеграция ИИ с другими технологиями, такими как IoT, блокчейн и 5G, создаёт основу для логистики будущего. Умные датчики (IoT) позволяют отслеживать состояние грузов в режиме реального времени, а также позволяет использование сенсоров и подключенных устройств для мониторинга различных параметров, таких как температура, влажность, состояние транспортных средств.

Блокчейн обеспечивает высокий уровень безопасности и прозрачности при передаче данных о транзакциях и цепочках поставок, а развитие сети 5G предоставляет уникальные возможности для эффективного взаимодействия между транспортными средствами, устройствами и системами в реальном времени.

Это крайне важно для беспилотных автомобилей и дронов, которые используют ИИ для автономной доставки товаров. На практике это означает появление полностью автоматизированных цепочек поставок, где

каждый этап – от заказа до доставки – контролируется с минимальным участием человека [5; 6].

Перспективы развития искусственного интеллекта в логистике в ближайшие десятилетия оказывают значительное влияние на саму структуру и функционирование логистических процессов. Технологии ИИ открывают новые возможности для повышения эффективности, оптимизации процессов, а также для улучшения взаимодействия с клиентами и управления рисками.

Интеграция ИИ с другими современными технологиями, такими как блокчейн, IoT и 5G, создаст эффективную, безопасную и прозрачную систему, что позволит логистическим компаниям работать быстрее, точнее и с меньшими затратами. Однако важным аспектом дальнейшего развития будет обеспечение соблюдения этических и юридических норм, что поможет избежать рисков и повысить доверие к этим технологиям.

Быстрое развитие искусственного интеллекта в логистической сфере сталкивается с серьезными правовыми барьерами. Основная сложность заключается в отсутствии четкого регулирования ответственности за решения, принимаемые автономными системами, будь то беспилотные грузовики или системы управления цепочками поставок.

Ключевой вызов для отрасли – разработка гибких правовых механизмов, которые позволят использовать преимущества ИИ, обеспечивая при этом необходимый уровень безопасности и прозрачности процессов. Решение этой задачи требует тесного взаимодействия технологических компаний, логистических операторов и законодателей.

По нашему мнению, с целью успешного внедрения этих технологий необходимо не только инвестировать в разработку ИИ-решений, но и уделять внимание подготовке кадров, адаптации законодательства и созданию отраслевых стандартов.

Только комплексный подход в совокупности позволит полностью использовать потенциал искусственного интеллекта в логистике, сделав её более эффективной, устойчивой и клиентоориентированной.

Библиографические ссылки

1. Цифровые технологии в логистике и управлении цепями поставок: URL: <https://publications.hse.ru/pubs/share/direct/437257024> (дата обращения: 27.03.2025).
2. Доставка с помощью дронов: новый уровень для ритейла и логистики. URL: <https://campus.stt.ru/articles/dostavka-s-pomoshchyu-dronov-novyuy-uroven-dlya-reteyla-i-logistiki> (дата обращения: 30.05.2025).
3. Платформа доставки грузов революционизирует доставку грузов: как стартапы меняют отрасль. URL: <https://fastercapital.com/ru/content/Платформа-доставки-грузов-революционизирует-доставку-грузов-как-стартапы-меняют-отрасль.html> (дата обращения: 30.05.2025).

4. Цифровые технологии в логистике // DTLA: URL: <https://www.dtla.ru/> (дата обращения: 26.05.2025).
5. Verum Logistics – цифровая логистика: URL: <https://verumlogistics.ru/> (дата обращения: 26.03.2025).
6. Как 5G трансформирует логистику // Logist.Today. URL: https://logist.today/ru/dnevnik_logista/2019-06-27/kak-5g-mozhet-transformirovat-logisticheskuyu-otrasl-otchet/ (дата обращения 27.05.2025).

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ДВУСТОРОННИХ ОТНОШЕНИЙ БЕЛАРУСИ И БРАЗИЛИИ (1992–2023 гг.)

Р. В. Поляков

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, romanvv28@gmail.com*

Научный руководитель – В. Е. Снапковский, доктор исторических наук, профессор

В статье анализируется развитие политических отношений Беларуси и Бразилии в период после обретения Беларусью независимости в 1991 г., а также определяется специфика развития политического диалога в разных формах: от парламентской дипломатии и межмидовских консультаций до встреч глав государств.

Ключевые слова: внешняя политика Беларуси; белорусско-бразильские отношения; Бразилия; политические отношения Беларуси и Бразилии.

Начало политических отношений Республики Беларусь и Федеративной Республики Бразилия было положено 10 февраля 1992 г. путем подписания соглашения об установлении дипломатических отношений.

Однако первое дипломатическое представительство Беларуси в Бразилии в лице генерального консульства в Рио-де-Жанейро было открыто лишь в 2001 г. и позднее было упразднено в 2013 г. в рамках процесса оптимизации системы государственных органов [1].

В 1990-е гг. в рамках двусторонних отношений фокус был смещен на развитие торгово-экономических связей, но в 2004 г. в своем программном докладе «Внешняя политика Беларуси в новом мире» на встрече с руководителями белорусских дипломатических представительств президент А. Г. Лукашенко выделил латиноамериканский регион как один из приоритетных в рамках внешней политики белорусского государства.

В то же время глава государства отметил, что у Беларуси «нет таких ресурсов, чтобы вести глобальное дипломатическое наступление на весь регион».

В этой связи выделил Бразилию как страну, которая должна стать «объектом наших внешнеполитических усилий», поскольку, по словам президента, «у нее как у лидера Южной Америки хранятся ключи, которыми Беларусь может открыть двери политического и экономического сотрудничества с другими государствами региона». [2, с. 437–438].

На этом фоне политический диалог с Бразилией стал активнее развиваться: в 2004 г. министр иностранных дел Беларуси С. Мартынов осуществил визит в эту страну, а уже в 2005 г. состоялся первый визит бразильской парламентской делегации во главе с председателем комиссии по международным связям и обороне А. Де Оливейра в Беларусь. В 2007 г. в

Палате депутатов Национального конгресса Бразилии была создана парламентская группа «Бразилия–Беларусь».

Новым стимулом в развитии двусторонних отношений стала первая встреча А. Г. Лукашенко и бразильского президента Луиса Инасио Лулы да Силва, которая произошла в марте 2010 г. в рамках визита белорусского лидера в Бразилию и дала толчок созданию посольства Беларуси в Бразилии в ноябре 2010 г., а также открытию посольства Бразилии в Беларуси в июне 2011 г. по принципу взаимности [3]. В ходе данного визита также была принята совместная политическая декларация.

В июле 2015 г. состоялась встреча А. Г. Лукашенко с новым президентом Бразилии – Дилмой Руссефф – в Уфе на полях 7 саммита БРИКС, в рамках которой лидеры двух стран обсудили наиболее актуальные проблемы двусторонней повестки дня с упором на необходимость развития торгово-экономического сотрудничества [4].

Первым чрезвычайным и полномочным послом Республики Беларусь в Федеративной Республике Бразилия был назначен Л. Крупец. Ключевыми достижениями в рамках его дипломатической деятельности являются встречи с губернаторами штатов Парана и Пара, председателем депутатской группы «Бразилия–Беларусь», в ходе которой были очерчены перспективы расширения межпарламентского сотрудничества государств. Вторым Послом Республики Беларусь в Федеративной Республике Бразилия был назначен А. П. Церковский.

20 сентября 2021 г. Чрезвычайным и Полномочным Послом Республики Беларусь в Федеративной Республике Бразилия стал С. В. Лукашевич. В 2023 г. он был удостоен титула «Посол года» в Бразилии за работу в городе Бразилиа, вклад в налаживание отношений, сплочение дипломатического сообщества и укрепление культурных и коммерческих связей с Бразилией [5]. В 2022 г. пост Чрезвычайного и Полномочного Посла Бразилии в Беларуси занял Б. Клинтл.

В рамках развития сотрудничества на межведомственном уровне осуществлялись экспертные консультации между Министерством юстиции Республики Беларусь и Министерством юстиции Федеративной Республики Бразилия, которые прошли в январе 2016 г. в бразильской столице, неоднократно проводились межмидовские консультации по политическим и торгово-экономическим вопросам в ноябре 2013 г., октябре 2015 г. и в июле и ноябре 2017 г. 17–19 июня 2018 г. состоялся визит бразильской делегации, возглавляемой Министром юстиции Бразилии Т. Жардимом, в Беларусь, в результате чего после переговоров белорусской и бразильской сторон были подписаны два документа: Соглашение о взаимной правовой помощи по уголовным делам и Меморандум о сотрудничестве между министерствами юстиции Беларуси и Бразилии [6].

Важную роль в развитии политического диалога между странами играет парламентская дипломатия. В сентябре 2015 г. состоялся еще один визит бразильской парламентской делегации во главе со вторым заместителем председателя Палаты депутатов Национального конгресса Федеративной Республики Бразилия Ф. Л. Жиакобу в Беларусь с целью расширения межпарламентских связей и политического диалога, а также развития торгово-экономического и культурного сотрудничества между двумя странами. В 2019 г. посольство Беларуси в Бразилии оказало помощь в рамках формирования нового состава парламентской группы «Бразилия–Беларусь» [6]. В марте 2022 г. были установлены рабочие связи Коммунистической партии Бразилии и Коммунистической партии Беларуси с целью активизации и развития межпартийного сотрудничества между странами.

Значительный вклад в развитие белорусско-бразильских политических отношений на современном этапе вносят главы МИД обоих государств. 23 сентября 2022 г. на полях 77-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН состоялась встреча Министра иностранных дел Беларуси В. В. Макея с Министром иностранных дел Бразилии К. А. Франса. Министрами были обсуждены вопросы развития торгово-экономического сотрудничества в сферах, представляющих взаимный интерес, а также рассмотрены вопросы взаимодействия в международных организациях.

Практически ровно через год 22 сентября 2023 г. на полях 78-й сессии Генеральной Ассамблеи состоялась встреча министров иностранных дел Беларуси и Бразилии С. Ф. Алейника и М. Вивейры. Главы внешнеполитических ведомств обсудили блоки двусторонних, многосторонних и региональных вопросов, а также уделили серьезное внимание урегулированию украинского кризиса. Стороны констатировали совпадение подходов и взглядов на происходящие процессы и необходимость максимально скорейшего поиска мирного способа урегулирования конфликта. Бразильский коллега подробно проинформировал о миротворческих инициативах и усилиях руководства Бразилии. С. Ф. Алейник в свою очередь поделился видением ситуации в Украине из соседней Беларуси. Министры также затронули тему взаимодействия в рамках БРИКС [7].

10 августа 2023 г. президент Беларуси А. Г. Лукашенко встретился с послом Бразилии в Беларуси Б. Клинглom. Глава белорусского государства подчеркнул, что если оценивать белорусско-бразильские отношения, то необходимо сделать акцент на том, что они могут быть значительно лучше как в политическом отношении, так и в торгово-экономическом. Президент отметил важность развития торгово-экономических отношений. Также президент заявил, что в Беларуси ждут Президента Бразилии Лулу да Силву и попросил посла донести это предложение до него [8].

12 сентября 2023 г. Чрезвычайный и Полномочный Посол Федеративной Республики Бразилия в Республике Беларусь Б. Клинггл встретился с министром иностранных дел Беларуси С. Ф. Алейником.

Сторонами были отмечены перспективы интенсификации деловых контактов между двумя странами и реализации совместных проектов в таких сферах, как сельское хозяйство и высокие технологии [9]. 22 ноября 2023 г. заместитель Министра иностранных дел Республики Беларусь Е. Шестаков провел встречу с секретарем по международным отношениям Партии трудящихся Бразилии Р. Перейра.

В ходе диалога стороны обменялись мнениями о текущем политическом взаимодействии между двумя странами, перспективах интенсификации межгосударственного диалога на всех уровнях, обсудили весь спектр белорусско-бразильского торгово-экономического сотрудничества и пути наращивания двустороннего товарооборота для реализации имеющегося колоссального потенциала [6].

Таким образом, основаниями для развития политического диалога Беларуси и Бразилии стала потребность Республики Беларусь в диверсификации внешних связей, а также схожие цели и позиции государств на международной арене. Одной из форм развития межстранового диалога стали встречи глав государств, в ходе которых традиционно определяются основные направления дальнейшего сотрудничества и формулируются цели партнерства.

Кроме того, был совершен переход на новый уровень политического сотрудничества благодаря активной деятельности глав дипломатических миссий (С. В. Лукашевича и Б. Клинггла) в рамках функционирующих посольств двух стран.

На развитие и укрепление политических отношений между странами большое влияние оказывает активная работа парламентов двух государств, что выражается в регулярных визитах белорусских и бразильских делегаций.

Эти шаги обеих сторон способствуют укреплению доверия между органами государственной власти Беларуси и Бразилии, помогают выявлять наиболее выгодные формы реализации взаимных проектов.

В 2022–2023 гг. наблюдалась активизация двусторонних отношений благодаря встречам глав внешнеполитических ведомств на полях сессий Генеральной Ассамблеи ООН. Обсуждая широкий спектр вопросов развития двусторонних отношений, обмениваясь точками зрения относительно ключевых событий и проблем в международных отношениях, стороны обнаруживали частое совпадение позиций, в том числе относительно урегулирования российско-украинского конфликта, укрепления многополярного мира, реформы глобального управления. Также важным предметом

дискуссий глав внешнеполитических ведомств является взаимодействие держав на площадке БРИКС. Несмотря на активизацию взаимодействия существует нереализованный потенциал двустороннего политического сотрудничества Беларуси и Бразилии, который может быть использован в первую очередь лидерами обоих государств.

Библиографические ссылки

1. В Рио-де-Жанейро до 1 октября будет закрыто генеральное консульство Беларуси // БЕЛТА. URL: <https://www.belta.by/politics/view/v-rio-de-zhanejro-do-1-oktjabrja-budet-zakryto-generalnoe-konsulstvo-belarusi-25631-2013> (дата обращения: 20.03.2025).
2. Знешняя палітыка Беларусі: зб. дак. і матэрыялай. Т. 9 (2001–2005 гг.) / склад.: У. Е. Снапкойскі, А. В. Ціхаміраў, А. В. Шарапа; рэдкал. С. М. Мартынаў (старшыня) [і інш.]. Мінск : БДУ, 2013.
3. История дипломатической миссии Республики Беларусь в Бразилии // Посольство Республики Беларусь в Федеративной Республике Бразилия. URL: <https://brazil.mfa.gov.by/ru/embassy/history> (дата обращения: 02.03.2025).
4. Встреча с Президентом Федеративной Республики Бразилия Дилмой Руссефф // Президент Республики Беларусь. URL: <https://president.gov.by/ru/events/vstrecha-s-prezidentom-federativnoj-respubliki-brazilija-dilmoj-rusef-11744> (дата обращения: 01.03.2025).
5. Белорусский дипломат Сергей Лукашевич удостоен титула «Посол года» в Бразилии // Минск-Новости. URL: <https://minsknews.by/beloruskij-diplomat-sergej-lukashevich-udostoen-titula-posol-goda-v-brazilii> (дата обращения: 01.03.2025).
6. Политическое сотрудничество // Посольство Республики Беларусь в Федеративной Республике Бразилия. URL: https://www.brazil.mfa.gov.by/ru/bilateral_relations/political (дата обращения: 07.03.2025).
7. Об участии Министра иностранных дел Беларуси С. Алейника в 78-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН // Министерство иностранных дел Республики Беларусь. URL: https://mfa.gov.by/press/news_mfa/a908e7f13a538c34.html (дата обращения: 05.03.2025).
8. Встреча с послом Бразилии в Беларуси Бернардом Жоргом Леопольдом де Гарсия Клинглом // Президент Республики Беларусь. URL: <https://president.gov.by/ru/events/vstrecha-s-poslom-brazilii-v-belarusi-bernardom-zhorgom-leopoldom-de-garsiya-klinglom> (дата обращения: 01.03.2025).
9. О встрече Министра иностранных дел Беларуси С. Алейника с Послом Бразилии // Министерство иностранных дел Республики Беларусь. URL: https://mfa.gov.by/press/news_mfa/e0872905439bd1ce.html (дата обращения: 06.03.2025).

БЮДЖЕТНЫЙ ДЕФИЦИТ КАК ФАКТОР УВЕЛИЧЕНИЯ ВНЕШНЕГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ДОЛГА

К. Е. Ракицкий

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, kirill.rakitsky@yandex.ru
Научный руководитель – Л. Е. Филиппова, кандидат экономических наук, доцент*

В статье рассмотрены различные аспекты внешнего государственного долга (ВГД) как ключевой проблемы, определяющей финансовую устойчивость экономики. На примере США выявлена взаимосвязь между бюджетным дефицитом и ростом ВГД. Также раскрыты факторы влияния долговой нагрузки на национальную экономику Республики Беларусь. Полученные результаты позволяют судить о важности политики управления ВГД и эффективных мер по стабилизации государственных финансов.

Ключевые слова: внешний государственный долг; бюджетный дефицит; финансовая устойчивость; долговое бремя.

Внешний государственный долг представляет собой совокупность обязательств государства перед иностранными кредиторами, выраженных в денежной форме. Эти обязательства возникают в результате заимствований на международных финансовых рынках, получения кредитов от иностранных банков, международных организаций, других государств, а также размещения государственных ценных бумаг за пределами страны.

В международной практике внешний государственный долг выступает показателем финансовой устойчивости страны. Его уровень и структура оказывают влияние на кредитный рейтинг государства, условия привлечения новых заимствований, а также степень доверия со стороны иностранных инвесторов.

В настоящее время размер совокупного государственного долга всех стран беспрецедентно велик, и согласно прогнозам МВФ, к 2030 году превысит 100 процентов мирового ВВП. В последующем для подавляющего большинства стран размер ВГД стабилизируется или снизится, хоть и останется значительно выше уровня до пандемии; в остальных странах проблема внешней задолженности будет усугубляться, а размер ВГД этих стран превысит половину мирового значения и 70 процентов мирового ВВП [1].

В 2023 году совокупный государственный долг развивающихся стран достиг 29 трлн долларов США, или 30% от общемирового объема. Для сравнения: в 2010 году размер ВГД в этих страна составлял 16%. Следует отметить существенную разницу между развивающимися регионами. Так, более трех четвертей ВГД приходится на страны Азии и Океании, в то

время как на Латинскую Америку и Карибский бассейн – 17%, на Африку – всего 7%. Ситуация усугубляется неравенством возможностей стран. Сегодня наибольший размер внешнего госдолга демонстрируют развитые страны. США удерживают лидирующую позицию – 121% от ВВП. В странах с формирующимся рынком внешний госдолг также демонстрирует рост. Например, в Китае этот показатель составляет 90% ВВП, а в развивающихся странах в среднем около 88% [2].

Государственный долг США стремительно растет, а его доля относительно ВВП в последние годы колеблется в районе 120-130% от ВВП. В свою очередь доля внешнего долга в ВВП также высока: в 2023 году составила 98% [3]. Для обоснования влияния государственного долга на экономику США предлагается рассмотреть взаимосвязь изменения государственного долга по годам и таких показателей, как рост ВВП, инфляция и бюджетный дефицит.

Корреляционный анализ зависимости изменения госдолга от объема бюджетного дефицита указывает на сильную (по шкале Чеддока) прямую линейную зависимость между данными показателями (рис. 1). Линейный коэффициент парной корреляции Пирсона составил 0,85; средняя ошибка аппроксимации – 3,3%, коэффициент детерминации составил 0,72. Таким образом, изменение госдолга на 72% объясняется вариацией объема бюджетного дефицита, остальные 28% изменения госдолга объясняются другими факторами, не учтенными в модели. Полученные коэффициенты уравнения регрессии и коэффициент корреляции являются статистически значимыми по t-критерию Стьюдента, а статистическая значимость коэффициента детерминации и уравнения регрессии в целом подтверждается F-критерием Фишера (с вероятностью 95%).

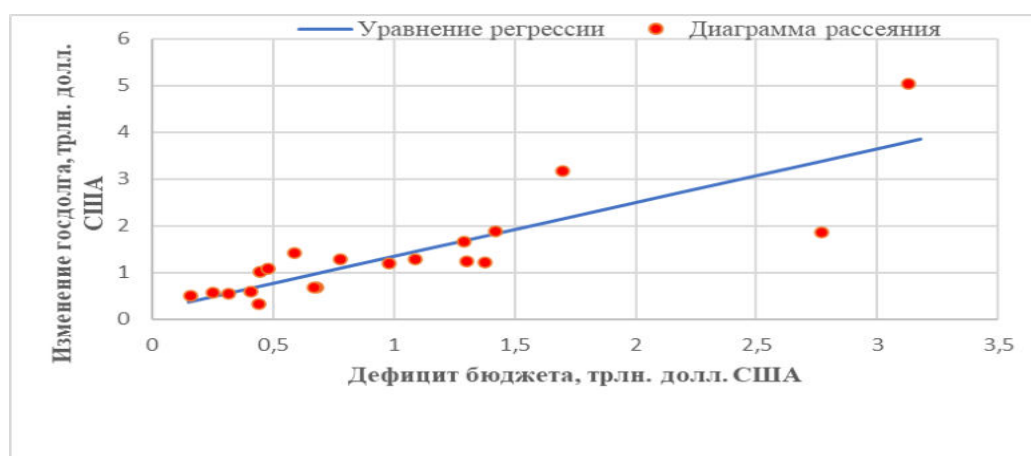

Рис. 1. Корреляция между бюджетным дефицитом и изменением величины государственного долга за 2004-2023 гг.

Экономическая интерпретация данной модели следующая: увеличение бюджетного дефицита на 1 трлн. долл. США приводит к увеличению величины государственного долга в среднем на 1,15 трлн. долл. США. Следовательно, увеличение величины бюджетного дефицита США прямо влияет на изменение государственного долга, тем самым увеличивая долговую зависимость государства. Зависимость между уровнем инфляции и изменением государственного долга не обнаружена (коэффициент Пирсона составил -0,05, коэффициент детерминации – 0,03). Связь между приростом ВВП и изменением величины государственного долга отражает статистически значимые коэффициенты построенного уравнения регрессии, однако в связи с низким коэффициентом детерминации (0,24) построенная модель является нерелевантной. В Республике Беларусь внешний госдолг растет быстрее, чем внутренний. Государственный долг на 01.01.2022 составил 58,3 млрд. рублей, что свидетельствует об увеличении с начала 2021 года на 0,9% (0,5 млрд. рублей). Согласно Министерству финансов Республики Беларусь, рост государственного долга обусловлен сверхплановыми внутренними заимствованиями для целей поддержки отдельных предприятий промышленного и энергетического комплексов [4].

На 01.01.2022 величина госдолга к ВВП снизилась на 4,5% – 37,3% до 32,8% (рис. 2), что может быть обусловлено улучшением макроэкономической ситуации в стране в контексте укрепления белорусского рубля и роста внутреннего валового продукта. Также государственный долг на всем рассматриваемом периоде не превышал допустимый предел в 40%.

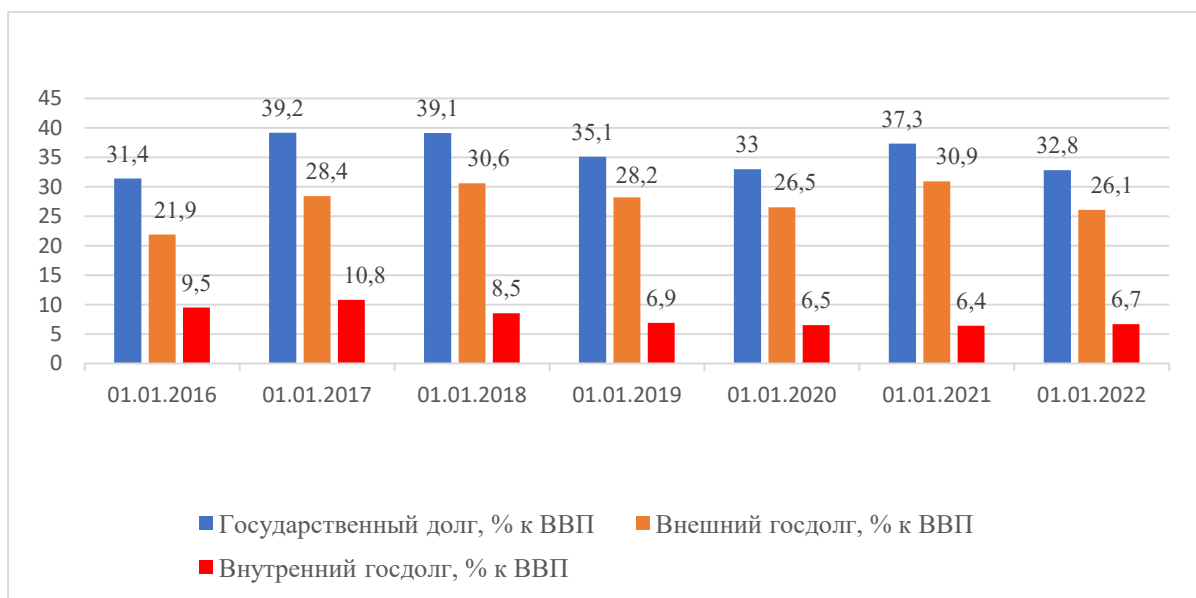

Рис. 2. Динамика отношения объема государственного долга РБ к ВВП (в %)

Объем внешнего государственного долга в Республике Беларусь в среднем в 3-4 раза больше внутреннего. Такая ситуация является не самой благоприятной и правительство ежегодно выделяет средства на покрытие внешнего госдолга.

К росту ВГД также приводит ухудшение экономической конъюнктуры. Так, на 01.01.2021 (то есть по итогам 2020 года) государственный долг достиг отметки в 57 775,90 млн. рублей, и превысил показатель 01.01.2020 на 10 985,3 млн. рублей.

В процентном отношении объем государственного долга к ВВП на 01.01.2021 был 37,3%, при объеме на 1 января 2020 года в 33%.

В целом, отталкиваясь от международных критериев, объем внешнего государственного долга Республики Беларусь не превышает общепризнанных максимальных значений.

Внешние заимствования как растут, так и сокращаются, а в абсолютном и относительном выражении не являются беспрецедентно высокими, как во многих странах.

Однако риски, связанные с внешними факторами, обуславливают необходимость обслуживания ВГД за счет выделяемых государственных средств.

В связи с этим, государственная политика по снижению внешней задолженности должна предусматривать эффективные меры по урегулированию проблемы бюджетного дефицита, что также подтверждают результаты проведенного исследования.

Библиографические ссылки

1. «Бюджетный вестник» МВФ, октябрь 2024 года» // Международный валютный фонд. URL: <https://www.imf.org/ru/Publications/FM/Issues/2024/10/23/fiscal-monitor-october-2024> (дата обращения: 10.11.2024).

2. A world of debt. Report 2024 // UNCTAD. URL: https://unctad.org/system/files/official-document/osgtinf2024d1_en.pdf (date of access: 15.11.2024).

3. Bureau of Economic Analysis. // U.S. Department of Commerce. URL: <https://www.bea.gov/> (date of access: 24.10.2024).

4. Архив Министерства финансов Республики Беларусь URL: https://minfin.gov.by/ru/public_debt/condition/archive/ (дата обращения: 28.10.2024).

ФОРМИРОВАНИЕ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РАДИКАЛЬНЫХ ИСЛАМИСТСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ В ЕГИПТЕ В XX В.

К. В. Русый

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, krusyv13@gmail.*

Научный руководитель – Ю. В. Шевцов, старший преподаватель

В статье исследуется процесс становления ряда египетских радикальных исламистских организаций в XX в., с акцентом на деятельности ассоциации «Братья-мусульмане». Рассматривается развитие их основных идеологических концепций и методы деятельности – от социальной помощи египетскому населению до организации и участия террористических акций по противостоянию властям.

Ключевые слова: радикальный исламизм; Братья-мусульмане; Исламская группа; Аль-Джихад; Джамаат аль-Муслим; Египет.

В XX в. Египет стал одним из основных центров формирования и активности радикальных исламистских организаций. Деятельность наиболее крупных из них оказывала влияние на внутривластную ситуацию в стране и региональную стабильность в целом.

Среди образованных в Египте в данный период исламистских организаций особняком стоит Ассоциация «Братья-мусульмане», основанная в 1928 г. в египетском городе Исмаилия молодым учителем Хасаном аль-Банной (1906–1949) [1, с. 32].

Количество членов организации возрастало быстрыми темпами, ее ячейки появлялись по всему Египту, и она в своей деятельности сделала большой уклон в сторону распространения исламского образования и воспитания в среде низшего и среднего слоев египетского общества [2, р. 16]. Вместе с тем, при поддержке «Братьев» создавались мечети, фабрики, больницы, школы и ряд других учреждений, в которых работали квалифицированные сотрудники, а стоимость предоставляемых ими услуг была относительно небольшой [3]. В связи с этим, ассоциация стала представлять собой очень влиятельную организацию с поддержкой наиболее нестабильных слоев египетского общества того времени. Со временем, организация стала приобретать радикальные черты.

К примеру, в 1940–е гг. в ассоциации было создано ее военизированное крыло, которое получило название «Специальная организация» и совершило ряд террористических операций против представителей египетского правительства [2, р. 17]. Кстати, «Братья-мусульмане» стали первой радикальной исламистской организацией в XX в., целью которой было построение единого исламского государства [1, с. 32].

В конечном итоге, египетские власти запретили деятельность организации, а сам Хасан аль-Банна был убит в Каире.

Таким образом, большую часть своего почти столетнего существования «Братья-мусульмане» действуют нелегально, но показывают довольно-таки высокий уровень организованности, что не может не впечатлить.

Дело Х. аль-Банна продолжил его ученик Сайид Кутб (1906–1966), который считается одним из ключевых идеологов «Братьев» и основоположником современного джихадизма. Среди ключевых идей в работах Кутба выделяется концепция джахилии (невежества), согласно которой в мире есть только два типа обществ: исламское и джахилийское. К первому он относил то общество, в котором соблюдаются исламские законы, а ко второму – то общество, в котором главенствуют неисламские (светские) законы [4, с. 359]. Кстати, подобная идея упоминается в работах таких мусульманских теологов и идеологов, как Ибн Таймийа (1263–1328), Мухаммад ибн Абд аль-Ваххаб (1703–1793) и Абу-ль Аля Маудуди (1903–1979), который был современником Кутба, и взгляды которого оказали огромное влияние на идеолога «Братьев» [2, р. 24–25]. Кутб писал, что государства с джахилийским обществом путем джихада должны быть или полностью разрушены, или признать мусульманскую власть и платить им подушную подать за сохранение их жизней [4, с. 359]. Важным замечанием является то, что Кутб указывал на первоочередное проведение джихада в светских государствах с мусульманским населением, которые отошли от чистого ислама и нуждаются в радикальных изменениях для восстановления на их территории исламского порядка [2, р. 24–25].

Стоит отметить, что в конце 1970–х гг. «Братья» заявили, что они отказываются от насильственных методов борьбы [5]. Тем не менее, такой шаг мог быть сделан во избежание масштабных преследований со стороны государства, которые могли бы подорвать возможность организации осуществить свои цели, ибо «Братья» все еще оставались сторонниками противостояния со светскими государствами [2, р. 19].

К примерам других египетских радикальных исламистских организаций можно отнести «Аль-Гамаа аль-Исламийа» («Исламская группа»), которая была образована в первой половине 1970–х гг. в Университете Асьют, занималась, в основном, распространением исламского мировоззрения среди египетских студентов и противостояла влиянию марксизма и насеризма [6]. Изначально власти не видели в них серьезной угрозы, но после начала примирения Египта с оппонентами радикальных исламистов в лице Израиля, США и их союзников, «Аль-Гамаа» стала противником политики египетского президента А. Садата, перешла к террористическим методам борьбы и участвовала в подготовке покушения на А. Садата в

1981 г., совершила ряд покушений на Х. Мубарака и стояла за многими другими печально известными событиями 80–90-х гг. XX в. [7; 8].

Стоит также отметить еще одну крупную радикальную исламистскую организацию, которая получила название «Египетский исламский джихад» и известна как «Аль-Джихад». Она была образована во второй половине 1960-х гг. и уже спустя несколько лет представляла собой несколько сплоченных групп радикально настроенных исламистов, отколовшихся от «Братьев-мусульман» [9]. Одним из руководителей этой коалиции был молодой Мухаммад Абд аль-Салам Фарадж (1954–1982), который в 1980 г. написал трактат «Забытый долг», ставший своего рода идеологической основой организации [10]. Что интересно, он черпал вдохновение в работах идеолога Сайида Кутба, ибо в своем трактате неоднократно ссылался на его идеи [9]. Организация состояла из нескольких ячеек во главе со своими лидерами, среди которых был молодой и целеустремленный Айман Аль-Завахири (1951–2022), которому в будущем будет суждено стать одним из приближенных лиц Усамы бен Ладена [11, р. 4].

Своей целью организация видела в свержении светского египетского правительства путем вооруженного противостояния, построение исламского государства в Египте как модели для остальных арабских государств с последующей борьбой против Израиля и западноевропейских стран во главе с США [12]. Одной из самых известных акций «Аль-Джихада» стало участие ее активистов в подготовке плана покушения и непосредственном убийстве А. Садата 6 октября 1981 г. [9]. В дальнейшем, группа, в основном, занималась убийством высокопоставленных египетских госслужащих, официальных лиц и туристов из других стран, зачастую используя при этом заминированные автомобили, но контрмеры египетских властей серьезным образом ограничивали действия «Аль-Джихада» [9; 12].

В Египте действовала еще одна исламистская организация с радикальным уклоном, которая была образована в 1971 г. молодым агрономом Мустафой Шукри (1942–1978) и получила название «Джамаат аль-Муслим», или «Общество мусульман» [13]. Нельзя не упомянуть, что М. Шукри начал свою исламистскую карьеру в 1960-е гг. с момента вступления в ряды «Братьев-мусульман», а в 1965 г. за свою активную деятельность попал в тюрьму, где он познакомился с работами Сайида Кутба, в которых его заинтересовали концепции такфира и джалилийи, вследствие чего его взгляды стали радикализироваться [14]. После шестилетнего нахождения в тюрьме он был освобожден и образовал организацию «Джамаат аль-Муслим», сторонники которой нападали на «вероотступников», что соответствовало концепции такфира Сайида Кутба [14]. Кстати, существует еще одно название этой организации – «Такфир валь-Хиджра», что можно перевести как «Отлучение и изгнание», которое дали ей египетские

СМИ, что, по словам знакомых Шукри, ему самому не нравилось [13; 15]. В 1977 г. Шукри был казнен за участие в похищении и убийстве экс-министра Египта, после чего начались преследования членов не только этой организации, но и ряда других, которым пришлось перейти к подпольной деятельности [15].

Таким образом, деятельность «Братьев-мусульман» способствовала распространению радикальных исламистских концепций и последующему зарождению в Египте целого ряда подобных организаций. Эти организации были тесно связаны между собой идеологически, могли действовать совместно, а их основателями и активными участниками нередко становились бывшие члены «Братьев-мусульман», покинувшие эту организацию по различным причинам.

Библиографические ссылки

1. Царегородцева, И. А. «Братья-мусульмане» и власть в Египте: диалог или противостояние? / Азия и Африка сегодня. 2010. № 5. С. 2–36.
2. The Qatari Regime, Hamas and the Muslim Brotherhood. The Globalisation of Antisemitism and Anti Democracy // Institute for the Study of Global Antisemitism and Policy (ISGAP). 2023. Р. 1–35. URL: https://isgap.org/wp-content/uploads/2023/11/QATAR-REGIME_HAMAS_MB_FINAL.pdf (date of access: 24.04.2025).
3. Братья по вере // Lenta.ru. 2015. URL: <https://lenta.ru/articles/2015/02/17/brothers/> (дата обращения: 25.04.2025).
4. Евстратов, А. Г. Движение ХАМАС в палестинском сопротивлении: идеология и политическая практика / Семилетняя научная конференция. Социально-гуманитарные науки. 2024. № 2. С. 357–367.
5. Adraoui, M.-A. Part I: The United States and The Egyptian Muslim Brotherhood: Understanding a Chaotic History / Georgetown Journal of International Affairs. 2019. URL: <https://gjia.georgetown.edu/2019/05/09/egyptian-muslim-brotherhood-part-i/> (date of access: 23.04.2025).
6. Египетская экстремистская группировка "Аль-Гамаа аль-исламия" получила разрешение от властей на формирование своей партии / ТАСС. 2011. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/529208> (дата обращения: 01.05.2025).
7. Солдамов, А. А. Почему Чечня не стала Боснией / Agentura.ru. 2022. URL: <https://agentura.ru/history/pochemu-chechnja-ne-stala-bosniej/> (дата обращения: 21.04.2025).
8. Barak, M. The Demise of Islamism in Egypt? The Dissolution of al-Gama'a al-Islamiyya's "Building and Development" Party / Tel Aviv Notes. 2017. URL: <https://dayan.org/content/demise-islamism-egypt-dissolution-al-gamaa-al-islamiyyas-building-and-development-party> (date of access: 21.04.2025).

ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ТАМОЖЕННЫХ ОРГАНОВ ЕАЭС: ВЫЗОВЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

А. С. Сёма

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, alinka24.cema@gmail.com
Научный руководитель – А. А. Ходакова, старший преподаватель*

В статье рассматриваются направления совершенствования правоохранительной деятельности таможенных органов стран ЕАЭС в условиях глобализации. Предлагаются меры по улучшению взаимодействия таможенных органов, включая создание единых стандартов и систем обмена информацией. Акцентируется внимание на цифровизации и использовании искусственного интеллекта. Также рассматриваются меры по повышению прозрачности и профессиональной подготовки кадров.

Ключевые слова: правоохранительная деятельность; таможенные органы; контрабанда; интеллектуальная собственность; гармонизация законодательства; цифровизация; искусственный интеллект; международное сотрудничество.

В условиях современной глобализации и динамичного развития международных экономических связей, эффективное осуществление правоохранительной деятельности таможенными органами стран-участниц Евразийского экономического союза (ЕАЭС) приобретает первостепенное значение. В этом контексте правоохранительная функция таможенных органов выступает ключевым инструментом защиты экономических интересов стран-участниц, противодействия контрабанде и нарушениям в сфере интеллектуальной собственности, борьбы с легализацией преступных доходов и осуществления валютного контроля.

Учитывая возрастающие вызовы и угрозы экономической безопасности, эффективное противодействие таможенным правонарушениям в рамках ЕАЭС требует комплексного подхода, охватывающего различные аспекты совершенствования деятельности таможенных органов.

Несогласованность национальных законодательств стран-участниц ЕАЭС создает предпосылки для использования различий в правовом регулировании в противоправных целях. В сфере административного законодательства наблюдаются существенные расхождения в квалификации таможенных правонарушений.

Например, в Республике Беларусь ответственность за некоторые таможенные правонарушения предусмотрена Кодексом об административных правонарушениях, в то время как в Российской Федерации аналогичные деяния могут квалифицироваться как уголовные преступления [1].

Необходимо стремиться к максимальной гармонизации норм, касающихся таможенного контроля, ответственности за нарушения, процедур взаимодействия между правоохранительными органами. Таможенным органам следует разработать и принять единые стандарты в области таможенного администрирования и правоохранительной деятельности, унифицировать перечень товаров, подлежащих особому контролю, и мер ответственности за их незаконное перемещение, а также согласовать процедуру проведения таможенных проверок и оперативно-розыскных мероприятий на территории ЕАЭС.

Эффективная борьба с таможенными правонарушениями, особенно в контексте растущей организованной преступности, не представляется возможной без налаженного и всестороннего взаимодействия между таможенными органами стран ЕАЭС. Совершенствование механизма обмена информацией является одним из важнейших вопросов развития таможенных органов. Оперативный обмен информацией позволит своевременно получать критически важные данные о перемещаемых грузах, транспортных средствах, пересечениях государственных границ, что существенно повышает возможности выявления и пресечения попыток контрабанды и иных нарушений таможенного законодательства [2].

Крайне важным является также развитие сотрудничества как с иными национальными правоохранительными и контролирующими органами, такими международными организациями, включая Всемирную таможенную организацию и Интерпол [3]. Указанные организации выступают в качестве платформ для разработки унифицированных стандартов и выработки рекомендаций в сфере таможенного регулирования, а также осуществляют координацию действий таможенных служб различных стран в борьбе с транснациональной преступностью. В том числе в рамках международного сотрудничества регулярно проводятся совместные операции, направленные на противодействие контрабанде и другим видам таможенных правонарушений. Примером такой скоординированной деятельности служит операция «Граница», реализуемая таможенными и правоохранительными органами с целью предотвращения незаконного перемещения товаров и запрещенных веществ [4].

Современный этап развития правоохранительной деятельности таможенных органов характеризуется активной цифровизацией и масштабным внедрением передовых информационных технологий. Указанная тенденция обусловлена необходимостью повышения эффективности выявления, предотвращения и пресечения правонарушений и преступлений.

Одним из приоритетных направлений цифровизации является создание систем «единого окна» для оптимизации взаимодействия между таможенными, иными контролирующими органами и участниками ВЭД.

Представляется важным отметить, что к перспективным технологиям относятся анализ больших данных и использование искусственного интеллекта в процессах таможенного контроля. Большие данные, характеризующиеся значительными объемами и разнообразием информации, при обработке специализированным программным обеспечением могут стать основой для внедрения элементов ИИ в планирование деятельности таможенных органов, автоматизацию оформления таможенных деклараций и идентификацию объектов таможенного контроля с повышенным риском нарушения таможенного законодательства [5].

Интерпретация больших данных, включая частично структурированные данные, зачастую требует применения технологий искусственного интеллекта и нейронных сетей, что обеспечивает быструю адаптацию к меняющимся условиям и устойчивость к ошибкам.

Таким образом, одной из тенденций развития правоохранительной деятельности таможенных органов является организация непрерывного оперативного распознавания и отождествления в режиме реального времени лиц, подозреваемых в преступной деятельности, в местах возможного совершения правонарушений

Эффективное осуществление правоохранительной деятельности таможенных органов невозможно без тщательной проработки таких аспектов, как уменьшение коррупции в таможенных органах и повышение профессиональной подготовки кадров.

В целях совершенствования данных аспектов таможенным органам стран-участниц ЕАЭС следует принять конкретные меры:

- повышение прозрачности деятельности таможенных органов, в том числе через внедрение электронных сервисов и публикацию информации о работе ведомства;
- усиление внутреннего контроля и аудита деятельности таможенных органов;
- внедрение эффективных механизмов выявления и пресечения коррупционных правонарушений, включая сотрудничество с антикоррупционными органами;
- повышение уровня социальной защиты и мотивации сотрудников таможенных органов;
- разработка и реализация современных образовательных программ и тренингов, учитывающих последние тенденции в сфере таможенного дела и борьбы с правонарушениями;
- организация регулярных стажировок и обмена опытом с таможенными органами других стран и международными организациями;
- внедрение системы непрерывного профессионального развития сотрудников.

Исходя из вышеизложенного, следует отметить, что развитие правоохранительной деятельности таможенных органов стран ЕАЭС должно осуществляться комплексно, с учетом современных вызовов и угроз. Реализация этих направлений, с учетом специфики ЕАЭС и лучшего международного опыта, позволит значительно повысить эффективность правоохранительной деятельности таможенных органов стран-участниц, укрепить экономическую безопасность Союза и обеспечить соблюдение таможенного законодательства.

Библиографические ссылки

1. *Клейменова, А. Н.* Сравнительно-правовой анализ административной ответственности в области таможенного дела в Евразийском экономическом союзе // Административное и муниципальное право. Вып. 4, 2023.
2. *Переход, Н. С.* Правоохранительная деятельность таможенных органов: опыт Федеративной Республики Германия / Актуальные вопросы таможенного дела: научные труды кафедры таможенного дела. Вып. 2. Минск: Изд. центр БГУ, 2012. 274 с.
3. *Абдукаримова, Н. Э.* Некоторые вопросы взаимодействия правоохранительных органов стран СНГ в противодействии по наркопреступлениям / Наука, новые технологии и инновации Кыргызстана. 2015. № 8. С. 89–92.
4. *Овчинников, С. Н.* Проблемы эффективности международного сотрудничества таможенных органов РФ в правоохранительной сфере / Право и политика. 2022. № 10. С. 49–56.
5. *Алексеева, П. М.* Тенденции и перспективы развития международного сотрудничества таможенных органов / Право и практика. 2019. № 1. С. 258–262.

ТОРГОВЫЕ ОБЫЧАИ И ТАМОЖЕННЫЕ ПРАКТИКИ В ПЕРИОД ФЕОДАЛЬНОЙ РАЗДРОБЛЕННОСТИ

Д. Д. Скоморох

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, dasha.skamarokh@gmail.com
Научный руководитель – А. А. Ходакова, старший преподаватель*

В статье рассматривается влияние феодальной раздробленности Киевской Руси на развитие власти великих князей и формирование феодальных отношений, а также роль местного управления и торговли. Особое внимание уделяется развитию таможенного дела, отражённому в договорных грамотах, где регулируются пошлины и торговые права. В период Великого княжества Литовского таможенная система централизовалась, что способствовало экономическому росту и укреплению государства. Статья подчёркивает важность таможенной политики в экономическом развитии и государственной стратегии.

Ключевые слова: феодальная раздробленность; Киевская Русь; феодальные отношения; земельное право; местное управление; уделы; пошлины; договорные грамоты; тамга; Великое княжество Литовское; централизация таможенного дела; экономический рост; государственная власть.

В начале XII века на территории белорусских земель произошёл важный процесс деления Полоцкой земли между наследниками Всеслава Чародея. В результате этого деления сформировались небольшие удельные княжества с центрами в таких городах, как Минск, Витебск, Полоцк и другие.

Аналогичная ситуация сложилась и на Туровской земле, где выделились самостоятельные княжества – Пинское, Слуцкое и ряд других. Этот этап стал началом длительного периода феодальной раздробленности, характерного не только для белорусских земель, но и для многих других регионов Восточной и Центральной Европы. Причины раздробленности были многообразны.

Во-первых, расширение земельных владений феодалов способствовало укреплению их политической и экономической самостоятельности, что ослабляло центральную власть. Во-вторых, развитие городов и торговых центров, стремившихся к экономической независимости, приводило к появлению новых политических и экономических центров. В-третьих, вечевые собрания – вече – играли важную роль, становясь при нестабильной внешнеполитической ситуации ключевым институтом защиты интересов населения и поддержания порядка в пределах конкретных княжеств.

С одной стороны, раздробленность способствовала оживлению городской жизни и развитию ремёсел и торговли, что усиливало культурный

и экономический потенциал отдельных княжеств. С другой стороны, раздробленность ослабляла военную мощь белорусских земель, делая их уязвимыми для внешних угроз, таких как набеги кочевников и экспансия соседних государств [1]. В частности, в конце XII века в пограничные районы Полоцкого княжества стали проникать немецкие рыцари-крестоносцы, что усиливало внешнюю опасность.

Несмотря на политическую раздробленность, XII – первая половина XIII века стала временем значительного экономического подъёма. Торговля активно развивалась, а города, такие как Смоленск, Полоцк, Витебск и Псков, поддерживали тесные связи с Литвой, Польшей, Ливонией и ганзейскими городами Северной Европы. Уже в XII веке товары с этих территорий экспортировались в Балтийские порты, включая Готланд и северогерманские города. Важным событием стало заключение в 1229 году торгового договора между смоленским князем Мстиславом Даниловичем и рядом северогерманских городов, включая Ригу, Любек и Бремен, который обеспечивал взаимную свободу торговли и защиту интересов купцов. Немецкие купцы поставляли в Смоленск изделия обрабатывающей промышленности, а взамен вывозили сырьё. Торговля велась как оптовыми партиями, так и в розницу, а торговые операции проходили на специальных площадках – Немецких дворах. При этом торговцы платили пошлины с определённых товаров, таких как воск, золото и серебро. К началу XIV века система пошлин была дополнена новыми сборами на медь, олово и хмель, что свидетельствует о развитии таможенной политики. В частности, введённая в XIII веке монголо-татарами тамга стала важной торговой пошлиной, которая заменила более ранние мытные сборы.

Внутренняя торговля между русскими княжествами также активно развивалась, и таможенные пошлины становились важным источником доходов княжеских казн. Существовало множество видов пошлин: торговые, проездные (проезжие), пошлины обслуживания и штрафные. Например, мыт взимался с возов и лодок, а при попытке уклонения от уплаты взимался двойной штраф – промыт с воза и замыт с купца. Однако с приходом монголо-татар в середине XIII века политическая ситуация изменилась. Завоеватели не стали массово размещать свои гарнизоны на русских землях и не заменяли местную знать, ограничившись установлением верховенства через систему ярлыков – официальных разрешений на княжение, выдаваемых ханами Орды [2]. Феодалная раздробленность Киевской Руси отражала глубокие социально-экономические изменения. Усиление феодальных отношений привело к укреплению власти великих князей, которые становились главными носителями государственности. Права удельных князей сокращались, а зависимость крестьян от местных феодалов усиливалась. В это время формировалось земельное право, где

владение землёй напрямую определяло политическую власть. В отдельных княжествах, таких как Новгород, влияние князей ограничивалось вечевыми органами и боярской знатью. Административное деление земель на уделы с центрами в городах способствовало развитию товарно-денежных отношений. Важным элементом взаимодействия между великими и удельными князьями были таможенные пошлины, которые регулировались на основе договорённостей и отражались в духовных и договорных грамотах. Например, в договоре 1265 года между Новгородом и Тверским княжеством подробно описывались условия сбора пошлин и защита интересов новгородских купцов. Указанные договоры фиксировали правила и ставки пошлин, что способствовало развитию взаимного доверия и стабильности в торговле.

Со временем появились новые формы таможенных сборов, такие как тамга – пошлина, упоминаемая в документах XIV века, в том числе в духовных грамотах Дмитрия Донского и Ивана Калиты.

В одном из завещаний Дмитрия Донского содержится указание на предоставление новгородским и торжским купцам беспошлинного проезда через Тверь, что свидетельствует о развитии таможенной политики и взаимных торговых преференций [3]. Создание Великого княжества Литовского стало важным этапом централизации таможенного дела. Местные, разрозненные пошлины были объединены в единую государственную систему, что повысило эффективность управления торговлей и увеличило доходы казны. В XVI веке кодификация законов, регулирующих таможенные отношения, заложила основы современной таможенной системы, обеспечив прозрачность и стабильность внешнеторговой политики. Таким образом, развитие таможенного дела в Великом княжестве Литовском стало одним из ключевых факторов экономического роста и укрепления международного положения государства.

Исторический опыт показывает, что даже в условиях феодальной раздробленности и политической нестабильности таможенная политика играла важную роль в формировании экономической стратегии и поддержании торговых связей.

Библиографические ссылки

1. Общество и экономика белорусских территорий в IX–XIII вв.: [сайт]. URL: https://xn-7sbb3acajbee5aggvnq.xn--90ais/bel_v_1-17 (дата обращения: 05.04.2025).
2. Штыхов, Г.В. Древний Полоцк (IX–XIII вв.) / Минск: Наука и техника, 1975.
3. Шумилов, М.М. Торговля и таможенное дело в России / СПб.: Дмитрий Буланин, 2006.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПРАВДА И ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ВЫМЫСЕЛ В ПОЭМЕ БО ЦЗЮЙИ «ПЕСНЯ О ВЕЧНОЙ ПЕЧАЛИ»

И. Д. Таран

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, taranivan596@gmail.com
Научный руководитель – К. И. Леценко, старший преподаватель*

Статья посвящена анализу знаменитой поэмы Бо Цзюйи «Песнь о вечной печали», в которой переплетаются историческая правда и художественный вымысел. В работе рассматривается, как реальные события, связанные с правлением императора Тан Сюаньцзуна, его трагической любовью к наложнице Ян-гуйфэй и разрушительным мятежом Ань Лушаня, были трансформированы поэтом в романтическое повествование. Особое внимание уделяется тому, каким образом Бо Цзюйи, отталкиваясь от исторических фактов, таких как существование главных героев и гибель Ян-гуйфэй, смещает акценты на личную драму, используя художественный вымысел. В статье подчеркивается, что именно это сочетание исторической основы и поэтического воображения обеспечило произведению огромную популярность и влияние на культуру, сформировав образы главных героев в общественном сознании.

Ключевые слова: Бо Цзюйи; «Песнь о вечной печали»; Ян-гуйфэй; китайский кинематограф.

Поэма Бо Цзюйи (白居易, 772–846 гг.) «Песнь о вечной печали» (长恨歌) занимает особое место в китайской культуре, повествуя о трагической любви танского императора Сюаньцзуна (玄宗, 685–762 гг.) и его наложницы Ян-гуйфэй (杨贵妃).

Это произведение оказало огромное влияние на последующие литературные и кинематографические интерпретации их судьбы.

Мятеж Ань Лушаня (安禄山, 755–763 гг.) стал переломным событием в истории династии Тан. К середине VIII в. империя столкнулась с внутренними проблемами: коррупцией, налоговым гнетом и ослаблением центральной власти. Император Сюаньцзун, увлекшись своей прекрасной наложницей Ян Юйхуань (杨玉环, 719–756), более известной как Ян-гуйфэй, все больше отстранялся от государственных дел, а ее родственники заняли ключевые посты при дворе, что вызывало недовольство. Ань Лушань, могущественный военачальник, пользуясь расположением императора и Ян-гуйфэй, сосредоточил в своих руках огромную военную власть и в 755 г. поднял восстание. Мятежники быстро захватили важнейшие города, и императорский двор был вынужден бежать из столицы

Чанъань. Во время бегства взбунтовавшаяся охрана, вина Ян-гуйфэй и ее семью в бедах страны, потребовала ее смерти. Фаворитка была казнена. Эти события привели к отречению Сюаньцзуна от престола. Борьба с мятежом продолжалась еще несколько лет и завершилась его подавлением, но династия Тан была значительно ослаблена [1, 399–400].

Мятеж и трагическая судьба Ян-гуйфэй нашли отражение во многих литературных произведениях, заложив основу для их последующей романтизации.

Поэма Бо Цзюйи «Песнь о вечной печали» повествует о трагической истории любви между Сюаньцзуном и его прекрасной наложницей Ян-гуйфэй. Очарованный ее красотой, император осыпал ее милостями и проводил с ней все время, пренебрегая государственными делами. Это способствовало нарастанию недовольства в стране и, в конечном итоге, привело к началу разрушительного восстания Ань Лушаня [2].

Кульминацией поэмы становится трагическая гибель Ян-гуйфэй. Во время бегства императорского двора из столицы Чанъань, охваченной мятежом, разгневанные гвардейцы потребовали смерти фаворитки, считая ее главной виновницей всех бедствий, обрушившихся на империю.

С разбитым сердцем, чувствуя свое бессилие перед лицом взбунтовавшихся войск, император был вынужден согласиться на казнь своей возлюбленной. Поэма подробно описывает безмерное горе императора после ее смерти.

Вернувшись во дворец после подавления мятежа, Сюаньцзун погрузился в бесконечную скорбь, ведь каждый уголок дворца, каждый предмет напоминал ему о потерянной Ян-гуйфэй [3, с. 750].

Ключевым элементом, который привнес в образ Ян-гуйфэй и всю историю глубоко романтический и мистический оттенок, является заключительная часть поэмы. Не в силах смириться с потерей, император посылает даосского монаха на поиски души Ян-гуйфэй.

После долгих странствий монах находит ее дух на волшебном острове бессмертных Пэнлай. Там наложница, предстающая в образе прекрасной феи, передает императору послание и часть их общих реликвий – шпильку и ларец.

Она напоминает ему о клятве вечной любви, которую они дали друг другу в седьмой день седьмой луны во Дворце вечной жизни (чертоге Долголетия): быть вместе навеки, как «птицы крыло о крыло» или «деревья, чьи ветви сплелись». Этот мотив всепобеждающей любви, которая преодолевает смерть и земные преграды, окончательно закрепил в китайской культуре романтическое восприятие истории Ян-гуйфэй, превратив ее из исторической фигуры, связанной с политическими потрясениями, в вечный символ трагической и возвышенной привязанности [4, с. 1013].

Поэма Бо Цзюйи, безусловно, опирается на реальные исторические события, однако содержит и значительные элементы художественного вымысла, направленные на создание трагического и романтического образа главных героев.

Поэма во многом имеет историческую основу: факт существования императора Сюаньцзуна и его фаворитки Ян Юйхуань (Ян-гуйфэй); факт восстания Ань Лушаня, которое привело к ослаблению династии Тан; бегство императорского двора из столицы; гибель Ян-гуйфэй на почтовой станции Мавэй по причине требований взбунтовавшихся солдат; также в истории имеются свидетельства, что гвардейцы убили ее двоюродного брата, канцлера Ян Гочжуна, вина не только ее, но и ее семью в бедах страны; приводится факт и глубокой скорби императора после потери любимой фаворитки [1, с. 392–394].

При этом существуют и расхождения сюжета поэмы с исторической действительностью. Поэма концентрируется на всепоглощающей любви императора и Ян-гуйфэй, представляя ее как главную движущую силу событий: «Многочисленным сестрам и братьям ее во владения земли он дал...» [2]. Исторические источники, хотя и подтверждают привязанность императора к Ян-гуйфэй, также указывают на сложные политические интриги и экономические проблемы как причины мятежа.

Образ Ян-гуйфэй в поэме предстает, прежде всего, как объект безграничной любви императора и трагическая жертва обстоятельств.

Акцент делается на ее красоте, а не на ее политической роли: «Кинет взгляд, улыбнется и сразу пленит обаяньем родившихся чар» [2].

Что касается причин мятежа, поэма косвенно связывает начало мятежа с тем, что император, увлеченный Ян-гуйфэй, забросил государственные дела. Исторические причины мятежа были значительно сложнее. Наиболее ярким элементом художественного вымысла является мистический финал – заключительная часть поэмы, где даосский монах находит душу Ян-гуйфэй на острове бессмертных. Этот сверхъестественный эпизод служит для утверждения идеи о любви, преодолевающей смерть: «...Так быть вместе навеки, чтоб нам в небесах птиц четой неразлучной летать» [2].

Автор поэмы также романтизирует момент гибели Ян-гуйфэй, фокусируясь на бессилии и горе императора: «Рукавом заслоняет лицо государь, сам бессильный от смерти спасти» [2]. Некоторые кинематографические интерпретации историй Сюаньцзуна и Ян-гуйфэй, такие как фильм «Ян-гуйфэй», или же «Леди династии» (王朝的女人·杨贵妃, 2015), фильм «Легенда о коте-демоне» (妖猫传, 2017) предлагают иные версии ее смерти, что является художественным вымыслом.

Поэма «Песнь о вечной печали» также большое внимание уделяет безутешной скорби Сюаньцзуна, превращая его в символ вечной тоски по утраченной любви.

Таким образом, поэма Бо Цзюйи «Песнь о вечной печали» представляет собой шедевр китайской литературы, который, отталкиваясь от исторических событий мятежа Ань Лушаня и судьбы Ян-гуйфэй, создает глубоко эмоциональное и романтизированное повествование. Опираясь на реальные факты, такие как само существование главных героев, восстание Ань Лушаня и гибель Ян-гуйфэй, поэт смещает акценты с политической и социальной подоплеки конфликта на личную драму всепоглощающей любви и невозможной утраты. Бо Цзюйи сознательно прибегает к художественному вымыслу, и особенно ярко это проявляется в мистическом финале, где душа Ян-гуйфэй обретает бессмертие, а клятва вечной любви преодолевает границы земного существования. Это переплетение исторической правды и поэтического воображения обеспечили поэме непреходящую популярность и колоссальное влияние на культуру. «Песнь о вечной печали» не просто сохранила память об этих исторических личностях, но и во многом сформировала их образы в общественном сознании, превратив Ян-гуйфэй из неоднозначной исторической фигуры в символ трагической красоты и жертвенной любви.

Библиографические ссылки

1. Гумилев Л. Н. Глава XVIII. Восстание Ань Лушаня // Древние тюрки. В 2-х книгах. М.: Институт «ДИ-ДИК», 1999. Т. 2. 480 с.
2. Стихи | Песня о долгой печали («Правитель Хань ценил любовь, думал о тех, кто покорял целые государства...») // Китайская поэзия. URL: https://chinese-poetry.ru/poems.php?action=show&poem_id=5509 (дата обращения: 11.05.2025).
3. Кобзев, А. И. «Песнь о бесконечной тоске» в стихах и прозе о поэме Бо Цзюйи и романе Ван Ань-и / Общество и государство в Китае. 2018. №2. С. 749–758. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pesn-o-beskonechnoy-toske-v-stihah-i-proze-o-poeme-bo-tszyuy-i-i-romane-van-an-i> (дата обращения: 11.05.2025).
4. Ли, Чунъюн. Анализ по любовной теме в поэзии «Песня вечной печали» / Молодой ученый. 2016. № 21 (125). С. 1012–1014. URL: <https://moluch.ru/archive/125/34730/> (дата обращения: 11.05.2025).

ВЫЗОВЫ И ДОСТИЖЕНИЯ ЕВРАЗИЙСКОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ В КОНТЕКСТЕ ДЕКЛАРАЦИИ «ЕВРАЗИЙСКИЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ПУТЬ»

Е. А. Шепелевич

*Белорусский государственный университет, ул. Ленинградская 20,
220030, г. Минск, Беларусь, sepelevickata@gmail.com
Научный руководитель – В. Д. Зайцева, преподаватель*

В статье анализируется состояние и вызовы развития евразийской экономической интеграции. Раскрываются основные аспекты реализации Декларации «Евразийский экономический путь», предлагаются возможные направления для включения в дорожную карту.

Ключевые слова: Евразийский экономический союз; Евразийский экономический путь; евразийская экономическая интеграция.

Евразийский экономический союз (далее – ЕАЭС) является одной из ключевых региональных интеграционных инициатив на постсоветском пространстве. Основа его деятельности – Договор о ЕАЭС (29 мая 2014 г.), определяющий сферы сотрудничества, компетенцию, порядок формирования и работы органов ЕАЭС.

В конце 2020 г. главами государств-членов ЕАЭС был подписан документ стратегического планирования на ближайшие 5 лет – Стратегические направления развития евразийской экономической интеграции до 2025 г.

Долгосрочные цели до 2030 и 2045 гг., включая создание технологически самодостаточного макрорегиона и повышение уровня жизни населения, определены в Декларации «Евразийский экономический путь» (далее – Декларация) [1].

К 2025 г. ЕАЭС достиг существенных результатов по различным направлениям. Устранены барьеры в 15 секторах экономики, вырос товарооборот между государствами-членами, а также с внешними партнерами (прежде всего с Китаем на 25%).

Это стало возможно благодаря соглашениям в рамках «Большого Евразийского партнерства» и созданию зон свободной торговли с Ираном, Вьетнамом, Сербией и Сингапуром [2]. Следует отметить также цифровизацию таможи (92% операций осуществляется с использованием системы «одно окно») и GPS-мониторинг товаров, что повысило эффективность логистики [3]. Синхронизация макроэкономических стратегий и создание трансграничных кластеров в машиностроении и фармацевтике укрепили кооперацию в рамках ЕАЭС [4]. Использование национальной

валюты в расчетах составляет 35% взаимной торговли, что способствует снижению внешних валютных рисков [5].

Однако сохраняется ряд вызовов, среди которых неравномерное развитие экономик стран-членов ЕАЭС, санкционное давление на Россию и Беларусь, торговые барьеры, нежелание передавать больший объем регуляторных полномочий на наднациональный уровень [6; 7], отсутствие взаимного признания дипломов и совместных исследовательских программ, а также нереализованная молодежная повестка [8; 9].

Декларация «Евразийский экономический путь» призвана стать ключевым ориентиром для решения существующих проблем интеграции в ЕАЭС, направляя усилия стран на укрепление промышленной кооперации, диверсификацию экономик и развитие транспортно-логистических проектов. План мероприятий («дорожная карта») по реализации Декларации «Евразийский экономический путь» находится в разработке и будет представлен для утверждения в 2025 г. Основные направления дорожной карты включают формирование общего рынка с устранением торговых барьеров, развитие технологической кооперации и инноваций, совершенствование транспортно-логистической инфраструктуры (в том числе проекта МТК «Север – Юг»), а также повышение энергетической эффективности.

Кроме того, план предусматривает институциональные реформы для повышения прозрачности и ответственности работы Евразийской экономической комиссии. К концу 2025 г. планируется запустить полноценную работу единых рынков газа, нефти и электроэнергии, что повысит энергетическую безопасность стран-членов ЕАЭС [10]. В приоритете стоит расширение зоны свободной торговли, к этому относится соглашение с Индонезией, Египтом, ОАЭ и странами АСЕАН, что позволит увеличить сырьевой экспорт ЕАЭС на 30% к 2026 г. [11].

Считается, что реализация этих мер поможет обеспечить рост экономик государств-членов ЕАЭС на 3-4% ежегодно. Однако зависимость от сырьевого экспорта, бюрократические барьеры и геополитическая конкуренция с Западом могут замедлить реализацию положений Декларации, что в свою очередь может сдерживать темпы интеграционного развития и технологического прогресса в ЕАЭС.

Таким образом, для устойчивого развития ЕАЭС необходимо сосредоточиться на преодолении внутренних экономических дисбалансов, ускорении цифровой трансформации, диверсификации экспортных рынков и синхронизации реформ между странами-членами с учетом их экономической асимметрии. Ключевыми факторами успеха могут стать технологическая кооперация, социальная интеграция (образование, здравоохранение) и совершенствование правовой базы.

Библиографические ссылки

1. Будущее ЕАЭС. Беларусь на передовой интеграционных процессов – круглый стол // Министерство экономики Республики Беларусь. URL: <https://economy.gov.by/printv/ru/news-ru/preview/budushee-eaes-belarus-na-peredovoj-integratsionnykh-protssessov-kruglyj-stol-50201-2025/> (дата обращения: 12.04.2025).
2. Зоны свободной торговли БРИКС и ЕАЭС: точки пересечения // ЕААБ. URL: <https://www.eaab.ru/tpost/6p4zrbhb51-zoni-svobodnoi-torgovli-briks-i-eaes-toc> (дата обращения: 12.04.2025).
3. Документы Евразийского экономического союза // Минская областная государственная инспекция по семеноводству, карантину и защите растений. URL: <https://www.miogiskzr.by/dokumenty-evraziyskogo-ekonomicheskogo-soyuza/> (дата обращения: 12.04.2025).
4. Что такое Евразийский экономический союз // Евразийская организация экономического сотрудничества. URL: <https://eurasianeconomic.org/special/5643/document5647.phtml> (дата обращения: 12.04.2025).
5. Евразийский экономический союз // Министерство иностранных дел Республики Беларусь. URL: <https://mfa.gov.by/multilateral/organization/list/f535809e487e0aeb.html> (дата обращения: 12.04.2025).
6. Валовый внутренний продукт Киргизии // Data Commons. URL: https://data-commons.org/place/country/KGZ?utm_medium=explore&mprop=amount&popt=EconomicActivity&cpv=activitySource,GrossDomesticProduction&hl=ru (date of access: 12.04.2025).
7. Перспективы развития ЕАЭС обсудили на Евразийском деловом форуме «Интеграция» // Eurasian Rail Alliance Index. URL: <https://index1520.com/news/perspektivy-razvitiya-eaes-obsudili-na-evraziyskom-delovoy-forume-integratsiya/> (дата обращения: 12.04.2025).
8. Павлова, М.А. Евразийский экономический путь: перспективы декларирования / Интеграционные процессы в Евразии: состояние, вызовы, перспективы материалы II Междунар. науч.-практ. конф., Респ. Беларусь, Минск, 16 апр. 2024 г. / Белорус. гос. ун-т; редкол.: Е. А. Достанко (гл. ред.) [и др.]. Минск: БГУ, 2024. С. 56-61.
9. Тажигаев, А. 10 лет ЕАЭС: успехи, перспективы, проблемы и пути их решения / Евразийский мониторинг. URL: <https://ea-monitor.kz/novosti-evraziyskogo-soyuza/10-let-eaes-uspehi-perspektivy-problemy-i-puti-ih-resheniya/>. Дата публ.: 10.05.2024.
10. Будущее Евразийского экономического союза: ближайшие перспективы // Московский центр Карнеги. URL: https://carnegie.ru/04_02_2025 (дата обращения: 12.04.2025).

ОСОБЕННОСТИ ЗАКЛЮЧЕНИЯ БРАКА В ОБЪЕДИНЁННЫХ АРАБСКИХ ЭМИРАТАХ И РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

К. А. Шмакова

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, ksyushashmakova@icloud.com
Научный руководитель – С. М. Ананич, кандидат юридических наук, доцент*

Вступление в брак является значимым для каждого человека. Несомненно, в результате заключения брака возникает множество прав и обязанностей супругов. Настоящая статья посвящена особенностям заключения брака в Объединённых Арабских Эмиратах и в Республике Беларусь. В статье рассматриваются условия и порядок вступления в брак в обоих государствах. Анализируются недавние изменения брачно-семейного законодательства Объединённых Арабских Эмиратов.

Ключевые слова: брак; заключение брака; брачно-семейные отношения; условия вступления в брак; формы заключения брака; порядок вступления в брак; заключение брака в Республике Беларусь; заключение брака в Объединённых Арабских Эмиратах.

В современном мире в Республике Беларусь и Объединённых Арабских Эмиратах (далее – ОАЭ) ежедневно заключается множество браков. Тем не менее перечень условий, соблюдение которых необходимо для вступления в брак, процедура, срок заключения брака и многие другие аспекты, предусмотренные брачно-семейными законодательствами Беларуси и ОАЭ, значительно различаются.

В Беларуси для вступления в брак необходимо взаимное согласие лиц, желающих вступить в брак, достижение ими брачного возраста и отсутствие препятствий.

К препятствиям заключения брака относятся наличие другого зарегистрированного брака, недееспособность лица, наличие родственных связей по прямой восходящей и нисходящей линии, между полнородными и неполнородными братьями и сестрами, а также между усыновителями (удочерителями) и усыновленными (удочеренными) (ст. 19 КоБС) [1].

Стоит отметить, что в Республике Беларусь брак заключается только в органах, регистрирующих акты гражданского состояния (ст. 15 КоБС). Заключение брака осуществляется не ранее чем через три дня и не позднее чем через три месяца со дня подачи совместного заявления на заключение брака (ч. 1 ст. 16 КоБС). Важно обратить внимание, что при возникновении определенных причин, например, при наличии беременности, общего ребенка или иных особых обстоятельств, брак может быть заключен до истечения трехдневного срока, в том числе в день обращения (ч. 2 ст. 16

КоБС). Автор считает, что данный подход является вполне разумным, поскольку наличие определенных обстоятельств позволяет супругам не дожидаться истечения обязательного трехдневного срока на вступление в брак и допускает заключение брака даже в день обращения в органы, регистрирующие акты гражданского состояния. Однако важным является предоставление такой возможности только при наличии исключительных оснований, к числу которых, несомненно, относится беременность супруги, наличие общего ребенка.

Интересно, что в Объединённых Арабских Эмиратах брак может быть заключён только в судах. Например, в Суде Шариата. Срок заключения брака в ОАЭ составляет не более одного месяца [2].

Автор обращает внимание, что важными являются изменения, внесенные 15 апреля 2025 г. в Федеральный закон ОАЭ «О личном статусе» [3]. Благодаря данным изменениям женщины получили право выйти замуж по своему желанию, вне зависимости от воли опекунов. Ранее в ОАЭ для заключения брака во всех случаях необходимо было согласие опекунов. Следовательно, внесение таких изменений является ключевым для брачно-семейного законодательства ОАЭ.

Для заключения брака в Объединённых Арабских Эмиратах необходимо взаимное согласие лиц, желающих вступить в брак, наличие полной дееспособности, а также отсутствие родственных связей между предками, потомками, а также потомками родителей или бабушек и дедушек будущих супругов [3].

Помимо этого, в ОАЭ допустима мужская полигамия (многоженство). Следовательно, мужчина может иметь несколько жен одновременно. Однако женщина не вправе вступить в брак при наличии другого ранее зарегистрированного брака. Поэтому при вступлении в брак в ОАЭ женщина должна предоставить документы о расторжении предыдущего брака или свидетельство о смерти супруга.

Согласно изменениям, внесенным 15 апреля 2025 г. в Федеральный закон ОАЭ «О личном статусе», полигамные браки требуют отдельных жилых помещений для каждой жены, что обеспечивает справедливость [2]. В Объединённых Арабских Эмиратах мужчина может иметь до четырех жен, при условии, что он сможет их всех обеспечивать [3]. По мнению автора, полигамия во многом обусловлена историческими, религиозными и иными особенностями, которые, несомненно, оказали значительное влияние на брачно-семейную сферу ОАЭ и ее особенности.

Рассматривая брачный возраст, стоит отметить, что достижение минимального брачного возраста считается обязательным как в Республике Беларусь, так и в ОАЭ. В обоих государствах брачный возраст для мужчин и женщин является равным и составляет 18 лет.

Однако в Беларуси в исключительных случаях возможно снижение брачного возраста. В частности, при наличии общего ребенка, беременности, в случае приобретения несовершеннолетним полной дееспособности до достижения совершеннолетия. Снижение брачного возраста допустимо не более чем на три года. Решение о снижении брачного возраста принимает орган, регистрирующий акты гражданского состояния. Согласие родителей, попечителей несовершеннолетних на заключение брака не требуется (ст. 18 КоБС).

По мнению автора, допустимость снижения брачного возраста в Беларуси при наличии определённых обстоятельств является довольно важной. Данные нормы являются проявлением гуманных начал права по отношению к женщине и ее ребенку и направлены на защиту их прав. При наличии таких норм лица, не дожидаясь возраста совершеннолетия, могут вступить в брак и создать свою семью. Несомненно, данные правовые нормы подлежат дальнейшему законодательному сохранению.

Интересно, что в Республике Беларусь при заключении брака возможно избрание фамилии одного из супругов в качестве их общей фамилии либо двойной фамилии, состоящей из сложения двух добрачных фамилий супругов (ст. 21). Однако в ОАЭ при вступлении в брак супруги сохраняют свои добрачные фамилии в любом случае [3].

Сравнивая порядок заключения брака в Республике Беларусь и ОАЭ, отличительным является то, что в ОАЭ при заключении брака обязательным является присутствие опекунов и двух свидетелей.

В ОАЭ свидетелями вправе быть только мужчины-мусульмане, обладающие полной дееспособностью и здравым рассудком, а также понимающие язык, на котором ведется церемония бракосочетания [3].

В то время как в Беларуси лица, вступающие в брак, самостоятельно решают вопрос о необходимости присутствия свидетелей на церемонии бракосочетания.

Интересно, что на протяжении многих столетий в ОАЭ для заключения брака обязательным было согласие опекунов. Без согласия опекунов вступление в брак было невозможно ни при каких обстоятельствах.

Однако благодаря изменениям в Федеральном законе ОАЭ «О личном статусе» женщины получили право самостоятельно выбирать будущего супруга и выходить замуж.

Тем не менее такое право может быть ограничено. Так, с 15 апреля 2025 г. в ОАЭ была введена новая правовая норма, согласно которой «в случае разницы в возрасте более 30 лет при заключении брака допускается вмешательство суда» [2].

Рассматривая данную норму применительно к белорусскому законодательству, важно отметить, что на данный момент в КоБС схожая норма

отсутствует. По мнению автора, введение аналогичной нормы в белорусское законодательство не является целесообразным, поскольку лишь ограничивает права лиц на вступление в брак в зависимости от разницы в возрасте. Кроме того, в Беларуси не установлен максимальный возраст вступления в брак.

Таким образом, автор полагает, что введение ограничений на вступление в брак при наличии определенной разницы в возрасте будущих супругов, не является рациональным для белорусского брачно-семейного законодательства.

Важно отметить, что в ОАЭ для лиц, вступающих в брак, необходимо пройти обязательный медицинский осмотр в государственной больнице и получить медицинское заключение [3].

Целью такого обследования является выявление наследственных, генетических или иных заболеваний, а также различных мутаций, которые могут представлять потенциальную угрозу для создания будущей семьи. В ОАЭ медицинский осмотр является платным и составляет примерно 260 AED (70\$).

В Республике Беларусь прохождение медицинского осмотра для определения состояния здоровья будущих супругов и выявления наследственных заболеваний является исключительно правом, но не обязанностью лиц. Такое право закреплено в ч. 3 ст. 14 КоБС.

Автор обращает внимание, что в Беларуси прохождение медицинского осмотра является бесплатным и проводится в государственных организациях здравоохранения (ст. 14 КоБС).

Отличительным также является то, что в ОАЭ важную роль играет религия будущих супругов. Так, в ОАЭ брак может быть заключен только между двумя мусульманами. Во всех иных случаях супругу-немусульманину для вступления в брак нужно принять Ислам [2]. Однако в Беларуси религия супругов не влияет на заключение брака.

Подытоживая вышесказанное, заключение брака в Беларуси и ОАЭ имеет свои особенности.

Общим в обоих государствах является установление минимального брачного возраста на уровне 18 лет, а также закрепление схожих препятствий для вступления в брак, в частности, недееспособность лица и наличие определенных родственных связей.

Отличительным является то, что в ОАЭ допустимо многоженство, обязательным при заключении брака является присутствие свидетелей и двух опекунов-мужчин и отсутствует возможность избрания фамилии другого супруга при вступлении в брак. В ОАЭ обязательным является прохождение платного медицинского осмотра, в то время как в Беларуси такое обследование проводится бесплатно и не является обязательным для

вступления в брак. По мнению автора, введение в белорусское брачно-семейное законодательство правовой нормы, предусматривающей вмешательство суда при заключении брака при наличии большой разницы в возрасте будущих супругов, не является целесообразным. Однако автор полагает, что нормы, допускающие снижение брачного возраста в Республике Беларусь, являются значимыми и подлежат дальнейшему сохранению, поскольку они направлены на защиту прав, а также интересов матери и ее ребенка (ст. 18 КоБС).

Библиографические ссылки

1. Кодекс Республики Беларусь о браке и семье // Информ.-поиск. система «ЭТАЛОН-ONLINE». URL: <https://etalonline.by/document/?regnum=HK9900278> (дата обращения: 10.05.2025).

2. Elbalti B. The Personal Status Regimes in the UAE. What's New and What Are the Implications for Private International Law? A Brief Critical Appraisal // Conflict of Laws. Views and News in Private International law 2025. № 11 URL: <https://conflict-of-laws.net/2025/the-personal-status-r-in-the-uae-whats-new-and-what-are-the-implications-for-private-international-law-a-brief-critical-appraisal/> (date of access: 11.05.2025).

3. О статусе личности : Федеральный закон Объединённых Арабских Эмиратов от 2005 г. № 28 // Нац. исслед. ун-т «ВШЭ». URL: https://pravo.hse.ru/data/2023/02/22/2033899434/ОАЭ_Закон_О_статусе_личности.pdf. (дата обращения: 10.05.2025).

СПОСОБЫ ЗАЩИТЫ ПРАВ И ИНТЕРЕСОВ БЕЛОРУССКИХ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ ЗА ГРАНИЦЕЙ

Е. В. Ярошевич

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, Leanovich Elena B.*

Научный руководитель – Е. Б. Леанович, кандидат юридических наук, доцент

Статья посвящена способам защиты прав и интересов белорусских юридических лиц за границей. Автором предложен комплексный подход, объединяющий договорные оговорки, выбор применимого права, признание и исполнение решений, медиацию и цифровые инновации для формирования модульной системы защиты прав и законных интересов белорусских юридических лиц за рубежом.

Ключевые слова: способы защиты прав и интересов, инвестиции, международное частное право

Активное вовлечение белорусских компаний в международную торговлю и инвестиционную деятельность требует эффективных правовых инструментов для защиты их имущественных и корпоративных интересов за пределами Республики Беларусь. Государственное законодательство об инвестициях закрепляет основные принципы защиты национальных инвесторов за рубежом, однако успешная реализация этих гарантий возможна лишь при комплексном использовании международных договоров и механизмов альтернативного разрешения споров.

Включение в международный контракт арбитражной оговорки является одним из ключевых элементов эффективной договорной стратегии. Как подчёркивает Н. А. Шелкопляс, арбитражное соглашение представляет собой особую форму волеизъявления сторон, обеспечивающую изъятие возможного спора из-под юрисдикции государственных судов и передачу его на рассмотрение независимому третейскому суду. Такое соглашение обладает не только положительным, но и дерогационным эффектом, и служит основанием компетенции арбитражного органа [1]. Участие более чем 160 государств в Конвенции о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений от 1958 года обеспечивает международное признание и исполнение решений, принятых на основе арбитражных оговорок, заключённых в рамках контрактов [2]. Кроме того, подчёркивается важность использования Типового закона Комиссии Организации Объединённых Наций по праву международной торговли (далее - ЮНСИТРАЛ) о международном торговом арбитраже 1985 года, с изменениями от 2006 года, как правовой базы для арбитражного регулирования, в том числе и в случаях арбитража *ad hoc* [1].

В условиях активного участия белорусских юридических лиц в международной торговле и инвестициях особую актуальность приобретает принцип автономии воли сторон. Принцип автономии воли сторон, закреплённый в п. 1 ст. 1124 Гражданского кодекса Республики Беларусь, предоставляет участникам внешнеэкономических сделок право самостоятельно определять применимое право к своим договорным обязательствам, включая выбор белорусского законодательства [3, ст. 1124]. Это положение позволяет сторонам минимизировать правовую неопределённость и снизить риски, связанные с неблагоприятной юрисдикцией. Как отмечает В. А. Кириченко, возможность выбора применимого права способствует более предсказуемому и эффективному регулированию международных коммерческих отношений [4].

Одновременно, внедрение продвинутых контрактных гарантий, таких как банковские гарантии, эскроу-механизмы и страхование политических рисков, обеспечивает дополнительную финансовую защиту активов сторон при нарушении или задержке исполнения обязательств принимающей стороной.

Например, использование эскроу-счетов обеспечивает депонирование средств у эскроу-агента (банка) до выполнения сторонами предусмотренных договором условий, что снижает риски неисполнения обязательств. Как подчеркивает И. Н. Соколовский, договор счёта эскроу представляет собой самостоятельное обязательство, не тождественное основному договору, и регулируется специальными нормами законодательства [5].

Кроме того, в международной практике широко применяются обычаи делового оборота, такие как ИНКОТЕРМС (*англ. Incoterms, International commercial terms*). Унифицированные правила и обычаи для документарных аккредитивов и другие, разработанные Международной торговой палатой. Эти обычаи, хотя и не являются нормативно-правовыми актами, приобретают юридическую силу при включении их в договоры сторон и способствуют унификации и предсказуемости условий международных сделок [6, с. 32].

Республика Беларусь признаёт и исполняет иностранные судебные решения на основании международных договоров, включая двусторонние соглашения. Как отмечает В. П. Мороз, важным примером является Договор между Республикой Беларусь и Республикой Польша о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным, трудовым и уголовным делам от 26 октября 1994 года, предусматривающий взаимное признание решений судов, что создаёт правовую основу для применения процедуры экзекватуры и упрощает трансграничную защиту прав сторон [7].

Медиация занимает важное место среди современных и перспективных механизмов защиты прав и законных интересов белорусских юридических лиц за рубежом, обеспечивая оперативное и экономически эффективное разрешение коммерческих споров. Этот подход позволяет сторонам урегулировать споры быстрее и с меньшими затратами по сравнению с судебными разбирательствами, сохраняя конфиденциальность и деловые отношения. Как отмечает Н. И. Гайдаенко Шер, медиация особенно актуальна при трансграничных конфликтах, где важна гибкость и минимизация репутационных потерь [8]. Принятая в 2019 году Конвенция Организации Объединенных Наций о международных мировых соглашениях, достигнутых в результате медиации, расширила возможности международного признания таких соглашений [9]. Для белорусских компаний это способ избежать трудностей, связанных с исполнением решений национальных судов за границей, и использовать более адаптивный инструмент урегулирования споров.

В международной практике инвестиционного арбитража ключевым нормативным актом выступает Вашингтонская конвенция 1965 года о порядке разрешения инвестиционных споров между государствами и гражданами других государств (далее – Конвенция ICSID). Как подчёркивается в комментарии к статье 42 Конвенции ICSID, арбитражный трибунал при отсутствии выбора применимого права сторонами применяет совокупность права государства-участника спора и норм международного права, что позволяет обеспечить баланс гибкости и юридической определённости в разрешении споров [10].

К. Шрейер подробно анализирует вопросы выбора и применения права, включая взаимодействие норм международного и национального законодательства, а также возможные последствия неправильного выбора или неприменения согласованного права – вплоть до аннулирования арбитражного решения по основаниям, предусмотренным статьёй 52 Конвенции [10].

Эти положения демонстрируют, что арбитраж по Конвенции ICSID остаётся надёжным и юридически выверенным механизмом защиты иностранных инвестиций, обеспечивая предсказуемость и универсальность регулирования споров.

Одним из инновационных направлений в трансформации международного частного права становится развитие цифровых механизмов разрешения споров. Как отмечает М. В. Мажорина, цифровые платформы уже формируют собственные системы нормотворчества и механизмов принуждения, что влечёт за собой формирование новых форм арбитража – включая онлайн- и автоматизированные модели (ODR) с элементами самоуправления и блокчейн-технологий [11].

Возможность фиксировать арбитражные оговорки, условия соглашений и результаты разрешения споров в цифровой среде обеспечивает прозрачность, неизменность и доступность данных, что повышает доверие участников и способствует более эффективному контролю за исполнением решений.

Таким образом, предложенный комплексный подход, объединяющий договорные оговорки, выбор применимого права, признание и исполнение решений, медиацию и цифровые инновации, формирует модульную систему защиты прав и законных интересов белорусских юридических лиц за рубежом. Реализация такого механизма будет способствовать повышению глобальной конкурентоспособности белорусских организаций, ускорит урегулирование разногласий и сделает их более привлекательными для инвесторов.

Библиографические ссылки

1. *Шелкопляс, Н. А.* Арбитражное соглашение: теоретические вопросы, имеющие практическое значение / Белорусский журнал международного права и международных отношений. 1998. № 3. С. 38–51.
2. Конвенция Организации Объединенных Наций о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений: подписана в г. Нью-Йорке от 10 июня. 1958 г. // ЭТАЛОН: информ.-поисковая система (дата обращения: 07.05.2025).
3. Гражданский кодекс Республики Беларусь: Кодекс Респ. Беларусь, 7 дек. 1998 г., № 218-З: принят Палатой представителей 29 окт. 1998 г. : одобрен Советом Респ. 19 нояб. 1998 г.: с изм. и доп. от 19 нояб. 2024 г. // Национальный центр правовой информации Республики Беларусь. URL: <http://pravo.by> (дата обращения: 07.05.2025).
4. *Кириченко, В. А.* Принцип автономии воли сторон в международном частном праве / Вестник КрасГАУ. 2011. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/printsiip-avtonomii-voli-storon-v-mezhdunarodnom-chastnom-prave> (дата обращения: 07.05.2025).
5. *Соколовский, И. Н.* Договор счета эскроу: понятие и характеристика, зачисление средств / *ilex.by*. 2024. 27 мая. URL: <https://ilex.by/dogovor-scheta-eskrou-ponyatie-i-harakteristika-zachislenie-sredstv/> (дата обращения: 07.05.2025).
6. *Кузнецова, Н. В.* Международное частное право: учеб.-метод. пособие / Ярославль: ЯФ МФЮА, 2013. – 156 с.
7. *Мороз, В. П.* Признание и исполнение иностранных судебных решений в Республике Беларусь в свете современных тенденций правового регулирования / Судовы веснік. 2014. № 4. С. 70-77.
8. *Гайдаенко Шер, Н. И.* Медиация как способ разрешения международных коммерческих споров / Журнал российского права. 2011. №7 (175). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mediatsiya-kak-sposob-razresheniya-mezhdunarodnyh-kommercheskih-sporov> (дата обращения: 07.05.2025).

СОЦИАЛЬНЫЕ МЕДИА КАК НОВАЯ РЕАЛЬНОСТЬ ОБСЛУЖИВАНИЯ ПОТРЕБИТЕЛЯ: ПОКОЛЕНИЯ, СТРАТЕГИИ И РИСКИ

М. А. Абрамович¹⁾, Ф. Д. Михайленко¹⁾

*¹⁾Белорусский государственный университет, пр-т Независимости 4,
220030, г. Минск, Беларусь, millka.study@mail.ru
fdm2295f@gmail.com*

Научный руководитель – Е. В. Алипова, ст. преподаватель

Социальные сети, такие, как Facebook, Instagram, Twitter (X) и TikTok, преобразили способы взаимодействия компаний и клиентов, предоставляя мгновенный доступ к обратной связи и сервису. Различные поколения – от бэби-бумеров до поколения «альфа» – предъявляют разные требования к формату, скорости и тону коммуникации, отдавая предпочтение аутентичности и интерактивности. Эффективное взаимодействие в социальных сетях снижает расходы на поддержку и повышает лояльность, но в то же время возрастает риск вирусного распространения ошибок и нанесения серьёзного ущерба репутации.

Ключевые слова: социальные сети, обслуживание клиентов, различия между поколениями, репутационные риски, цифровая коммуникация.

SOCIAL MEDIA AS THE NEW CUSTOMER SERVICE REALITY: GENERATIONS, STRATEGIES, AND RISKS

M. A. Abramovich¹⁾, F. D. Mikhailenko¹⁾

*¹⁾Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4,
220030, Minsk, Belarus, millka.study@mail.ru
fdm2295f@gmail.com*

Scientific Adviser – E. V. Alipova, Senior Lecturer

Social media platforms such as Facebook, Instagram, Twitter (X), and TikTok have transformed how businesses and customers interact by providing instant access to feedback and service. Different generations—from Boomers to Alpha—have distinct expectations for format, speed, and tone, favoring authenticity and interactivity. Effective engagement in social channels reduces support costs and boosts loyalty, but mistakes can spread virally and inflict serious reputational damage.

Keywords: social media, customer service, generational differences, reputation risks, digital communication.

Social media platforms such as Facebook, Instagram, Twitter (X), and TikTok have transformed how businesses and customers interact by providing instant access to feedback and service. Different generations—from Boomers to

Alpha—have distinct expectations for format, speed, and tone, favoring authenticity and interactivity. Effective engagement in social channels reduces support costs and boosts loyalty, but mistakes can spread virally and inflict serious reputational damage.

Social media platforms such as Facebook, Instagram, Twitter (X), and TikTok have redefined how businesses interact with their customers. With over 5 billion active users worldwide as of 2023, social media offers unparalleled reach and immediacy for customer service inquiries and feedback [1]. Moreover, approximately 25% of consumers in the United States now turn to social media as their first choice for product research, surpassing traditional search engines and 68% of consumers making at least one purchase directly from social media in 2021 [2]. These trends underscore the strategic importance of integrating social customer care into a company's overall service ecosystem.

Social media has revolutionized customer interaction and sales, compelling businesses to communicate in a more human and relatable way. Unlike traditional corporate communication, social platforms encourage brands to showcase personality, humor, and authenticity, fostering emotional connections with customers. This engagement isn't just about brand image—it significantly impacts customer loyalty and business success. Fast responses are no longer optional; they are crucial. Ignoring customer messages can damage a company's reputation, especially as expectations shift—51.7% [3] of customers now anticipate replies to negative reviews within seven days. Businesses that actively engage on social media also reap financial rewards, as users who receive responses to their tweets tend to spend 3–20% more on average-priced products [4]. Additionally, positive interactions can influence buying decisions and encourage repeat purchases, reinforcing brand reputation. Beyond customer relations, social media serves as a cost-effective customer service channel—up to 12 times cheaper than traditional phone support [3]. Its wide reach boosts brand visibility, and features like Instagram Shops and direct messaging streamline product discovery and purchases. However, the public nature of social interactions also presents risks; poor communication or negative behavior can quickly damage a brand's image. Thus, maintaining professionalism and strategic engagement is essential.

As the digital landscape evolves, understanding how each generation engages with social media isn't just useful—it's mission-critical. Just as a skilled communicator adapts their tone for different audiences, brands must tailor their strategies to resonate with the unique rhythms of Millennials, Gen Z, Gen Alpha, and beyond. Social platforms like TikTok, Instagram, YouTube, and Telegram aren't just tools—they're ecosystems, each with its own language, pace, and unwritten rules. In this new terrain, authenticity is currency, speed is power,

and content is king—but only if it's in the right format. Gen Z and Gen Alpha aren't just riding this wave—they're steering it.

Generation Z, born between the mid-1990s and early 2010s, are true digital natives who navigate social platforms as multifunctional ecosystems—for entertainment, product discovery, news, and customer service. YouTube captures the most attention (80%), followed by Instagram (75%), TikTok (69%), and Snapchat (63%). TikTok dominates short-form video engagement (67%) and is the top platform for brand interaction (78%), even surpassing Google in product search for 63% of users [5]. Informal, interactive formats—memes, emojis, personalized content—foster trust, with 29% feeling more confident in brands that communicate this way [5]. Around 73% of Gen Z and Alpha engage via TikTok comments or Telegram stickers, while 64% disengage from brands using scripted, robotic replies [6]. For them, authenticity is not a perk—it's a prerequisite.

Generation Alpha, born from 2010 onward, is growing up fully immersed in digital life. Their behavior is shaped by interactivity, gamification, and rapid tech fluency. Platforms like Roblox, Twitch, and AI tools such as Sendit dominate their digital experiences. Despite their youth, 70% of parents report that Alpha children influence household purchases, often inspired by influencers or fictional characters [7]. They favor humorous, unpredictable, and meme-rich content, preferring voice messages and expecting brands to meet them in playful, non-traditional digital spaces.

Millennials (1981–1996) remain highly engaged, drawn to a mix of inspiration and utility. They value strong visuals and emotional storytelling, and are early adopters of mobile-first, conversational commerce. Customer service is key: 80% prefer social media over traditional channels, and 38% are more likely to message brands directly. Instagram is their daily go-to (54%), and 35% choose YouTube over TV. Loyalty is strong—89% stick with brands that resolve issues quickly. Influencers and peer reviews significantly shape their buying decisions [8].

Generation X (1965–1980) bridges analog and digital worlds with a balanced, practical approach. They use platforms like Instagram and TikTok primarily for entertainment and social connection. E-commerce integration and relatable messaging resonate most. This cohort values functionality and familiarity over trends but remains open to innovations that enhance convenience.

Baby Boomers (1946–1964) approach social media with intention and purpose. They favor platforms like Facebook and email for research, service, and staying connected. Though less frequent users, their interactions are goal-driven. Clarity, responsiveness, and reliability are critical—substance outweighs novelty in driving engagement and trust.

The speed at which information spreads on social media can turn local incidents into global crises within hours. A study shows that negative posts with over 1,000 shares reduce brand trust by 34%. Generational differences further increase the risk: Millennials are 2.3 times more likely to share negative experiences compared to older generations [8]. The Burger King UK campaign for International Women's Day 2021 illustrates the reputational risks of poorly contextualized messaging. Designed to promote scholarships for female chefs, the campaign began with a tweet stating "Women belong in the kitchen"—a provocative phrase that, lacking immediate context, sparked widespread backlash. Although later posts explained the campaign's intent, the damage had been done, leading to tweet removal and a public apology [9].

Similarly, the GoDaddy case demonstrates how executive behavior can trigger brand crises. In 2011, founder Bob Parsons posted a video of himself shooting an elephant. Though shared privately, the video, amplified by social media, caused public outrage—especially when combined with GoDaddy's support for the Stop Online Piracy Act (SOPA). The fallout was significant: over 70,000 domains were lost in one week [10]. The incident underscores how, in the digital age, personal actions of public-facing figures can rapidly impact corporate reputation and financial performance.

The 2022 rebranding of McDonald's to "Вкусно и точка" in Russia reveals the reputational risks of operational change under geopolitical pressure. Although 95% of the infrastructure and staff remained intact, product alterations—such as recipe tweaks and the removal of signature items—sparked a wave of consumer dissatisfaction. Perceived declines in quality, especially taste and texture, fueled viral backlash on platforms like VK and Twitter [11].

Perceived declines in quality—such as changes in taste and texture due to supply chain disruptions—quickly became viral topics online. The crisis peaked when a dismissive customer service reply—"If you don't like it, go back to the '90s"—went viral, intensifying criticism and evoking negative nostalgia. The Net Promoter Score dropped from +34 to -18 during the crisis but rebounded to +29 by April 2023 [11].

Social media has reshaped customer service and brand communication, offering unprecedented reach and immediacy. With over 5 billion users, it has become a preferred channel for product research, feedback, and direct purchases—especially among younger generations like Gen Z and Gen Alpha, who expect authenticity, speed, and creative engagement. Millennials and Gen X also show strong loyalty when brands respond effectively, while Boomers prioritize clarity and reliability. However, the public and viral nature of social platforms means that missteps—whether tone-deaf campaigns, executive behavior, or operational changes—can quickly escalate into reputational crises for companies.

References

1. Social networks: statistics & facts // Statista. URL: <https://www.statista.com/topics/1164/social-networks/#topicOverview> (date of access: 14.04.2025).
2. Online search: social media first by generation in the United States 2023 // Statista. URL: <https://www.statista.com/statistics/1480098/online-search-social-media-first-by-generation-usa/> (date of access: 14.04.2025).
3. *Jayanti, S.* Top 15 customer support statistics in 2025 / Knowmax URL: <https://knowmax.ai/blog/customer-support-statistics/> (date of access: 14.04.2025).
4. *Huang, W.* Study: Twitter customer care increases willingness to pay /. URL: https://blog.x.com/en_us/topics/insights/2016/study-twitter-customer-care-increases-willingness-to-pay-across-industries (date of access: 14.04.2025).
5. *Schaefer, A.* How gen Z uses social media and what that means for brands / Sprout social URL: <https://sproutsocial.com/insights/gen-z-social-media/> (date of access: 20.05.2025).
6. *Francis, T., Hoefel, F.* 'True gen': generation Z and its implications for companies. McKinsey & Company consumer packaged goods. 018. URL: <https://www.mckinsey.com/industries/consumer-packaged-goods/our-insights/true-gen-generation-z-and-its-implications-for-companies> (date of access: 20.05.2025).
7. *Howarth, J.* Generation Alpha: statistics, data and trends (2025) URL: <https://explodingtopics.com/blog/generation-alpha-stats> (date of access: 20.05.2025).
8. Millennials vs. gen X: what do they want from brands? // Salsify URL: <https://www.salsify.com/blog/shopping-habits-millennials-vs.-gen-x> (date of access: 21.05.2025).
9. Burger King UK under fire for tweeting 'women belong in the kitchen' on international women's day. URL: <https://eu.usatoday.com/story/money/2021/03/08/burger-king-uk-under-fire-women-belong-kitchen-tweet/4627505001/> (date of access: 21.05.2025).
10. *Kominers, S., Kominers, P.* Lessons from the GoDaddy customer revolt // Harvard business review URL: <https://hbr.org/2011/12/lessons-from-the-godaddy-custo> (date of access: 21.05.2025).
11. *Treisman, R., Maynes, C.* Russia's rebranded McDonald's calls itself 'Delicious, that's all'. URL: <https://www.npr.org/2022/06/10/1104194213/russian-mcdonalds-rebrand-logo> (date of access: 21.05.2025).
12. *Casaca, J.* Brand loyalty and generations x, y, z / Journal of Ecohumanism, 2025. Volume: 4, No: 2. – P. 1132–1151.

ВКЛАД ЛАТИНОАМЕРИКАНСКИХ СТРАН В МИРОТВОРЧЕСКИЕ МИССИИ ООН В XXI ВЕКЕ

С. Л. Абрамович

*Белорусский государственный университет, ул. Ленинградская, 20,
220030, г. Минск, Беларусь, 1487118@gmail.com*

Научный руководитель – О. В. Сидоревич-Стахнова, кандидат филологических наук

Объектом исследования данной работы являются латиноамериканские государства, участвующие в миротворческих операциях Организации Объединенных Наций в XXI веке. В данной статье систематизируются ключевые аспекты вовлеченности стран региона в международные миссии по поддержанию мира, а также анализируются мотивационные факторы, структурные ограничения и стратегические преимущества, связанные с этой деятельностью. Актуальность статьи обусловлена качественной трансформацией внешнеполитического курса латиноамериканских государств в текущем столетии, характеризующейся их поступательной эмансипацией в международных отношениях и утверждением в качестве самостоятельных акторов мировой политики. В данном контексте особую научную значимость приобретает анализ эволюции стратегического участия ключевых региональных игроков (Уругвая, Аргентины, Бразилии) в миротворческих операциях ООН, что позволяет выявить как специфику реализации их внешнеполитических амбиций, так и особенности практического взаимодействия с международными институтами безопасности.

Ключевые слова: Латинская Америка; миротворческие операции ООН; Уругвай; Аргентина; Бразилия; «голубые каски»; Миссия Организации Объединенных Наций по стабилизации в Гаити.

LA CONTRIBUCIÓN DE LOS PAÍSES LATINOAMERICANOS A LAS MISIONES DE PAZ DE NACIONES UNIDAS EN EL SIGLO XXI

S. L. Abramóvich

*Universidad Estatal de Bielorrusia, calle Leningradskaya, 20,
220030, Minsk, Bielorrusia, 1487118@gmail.com*

Directora científica – O. V. Sidorevich-Stakhnova, Doctora en Ciencias Filológicas

El objeto de investigación en este trabajo son los Estados latinoamericanos que participan en las operaciones de paz de la Organización de las Naciones Unidas en el siglo XXI. Este estudio sistematiza los aspectos clave de la involucración de los países de la región en misiones internacionales de mantenimiento de la paz, y analiza los factores motivacionales, los obstáculos estructurales y las ventajas estratégicas asociadas a esta actividad. La relevancia del artículo viene condicionada por la transformación cualitativa de la orientación de la política exterior de los Estados latinoamericanos en el presente siglo, caracterizada por su progresiva emancipación en las relaciones internacionales y su establecimiento como actores independientes en la política mundial. En este contexto, resulta de especial importancia científica el análisis de la evolución de la participación estratégica

de actores regionales clave (Uruguay, Argentina, Brasil) en las operaciones de mantenimiento de la paz de la ONU, que permite identificar tanto las especificidades de la implementación de sus ambiciones de política exterior como las peculiaridades de la interacción práctica con las instituciones internacionales de seguridad.

Palabras clave: América Latina; operaciones de mantenimiento de la paz de la ONU; Uruguay; Argentina; Brasil; Cascos Azules; Misión de Estabilización de las Naciones Unidas en Haití.

Tras liberarse del yugo colonial a principios del siglo XIX y hacerse formalmente independientes, los países latinoamericanos durante muchas décadas han sido incapaces de ejercer un control pleno sobre sus recursos naturales y de tomar decisiones políticas y económicas autónomas.

Las potencias más desarrolladas les impusieron su visión, influyendo en sus modelos de desarrollo y limitando su soberanía. Sin embargo, tras el fin de la Guerra Fría y especialmente a partir del nuevo milenio llegó la comprensión de que esa dependencia histórica no podía continuar. América Latina empezó a encontrar su propio camino geopolítico, reafirmando su identidad y su voz en la escena mundial. Una de las formas más tangibles en que la región está demostrando su creciente protagonismo es a través de su participación activa en operaciones de paz de la ONU, lo que refuerza su papel como actor independiente en la promoción de la seguridad y la estabilidad internacionales.

Los países latinoamericanos llevan más de cincuenta años participando en operaciones militares a gran escala en todo el mundo. La primera involucración de un país latinoamericano en una operación militar fuera de la región fue la participación de tropas brasileñas en el teatro europeo de operaciones de la Segunda Guerra Mundial.

Los pilotos mexicanos también lucharon contra los países de la Coalición de Hitler en el Océano Pacífico [1].

Sin embargo, mientras que en el siglo XX la participación de contingentes latinoamericanos en operaciones de paz no era aún tan destacada, el panorama ha cambiado en el siglo XXI. Hoy podemos hablar de una clara tendencia al aumento sistemático de la presencia de latinoamericanos en las operaciones de paz de la ONU.

Países como Argentina, Bolivia, Brasil, Chile, Ecuador, El Salvador, Granada, Guatemala, Jamaica, Paraguay, Perú, Uruguay, Honduras y Colombia ya han participado en ellas [1]. Los líderes entre los países latinoamericanos en cuanto a proveedores de los Cascos Azules son Uruguay, Argentina y Brasil.

Hasta la fecha de hoy, la operación más importante y conocida de los Cascos Azules, con una gran mayoría de participantes de países latinoamericanos, fue la Misión de Estabilización de las Naciones Unidas en

Haití, desplegada en 2004 [2]. Los latinoamericanos no sólo constituyeron el 70% del contingente de mantenimiento de la paz, sino que estaban al mando de toda una operación de paz por primera vez en la historia.

En octubre de 2015, el Secretario General de la ONU, Ban Ki-moon, nombró al general brasileño Ajax Porto Pinheiro Comandante en jefe de la operación de la MINUSTAH. Los principales objetivos de la misión eran proporcionar un nivel básico de seguridad, reforzar las instituciones democráticas y abordar los problemas económicos y sociales críticos del país.

En las relaciones internacionales contemporáneas, la actividad de los Estados en el mantenimiento de la seguridad internacional, junto con la participación en operaciones de paz, son factores principales en la determinación de su posición y estatus en la arena internacional.

No es de extrañar que los Estados latinoamericanos, algunos de los cuales tienen serias pretensiones de liderazgo en la región y de aumento de su estatus en el mundo, mejoren activamente su política exterior e intenten ampliar su influencia en la misma, reforzándola con su participación en operaciones clave de mantenimiento de la paz.

Otra razón importante para que los países latinoamericanos participen en operaciones de paz es que adquieren la experiencia necesaria para hacer frente a determinados problemas que pueden aplicar en sus propios países (lucha contra el narcotráfico, la trata de seres humanos y el tráfico de armas).

Otra gran ventaja es que las tropas enviadas a los puntos conflictivos pueden recibir una formación militar de alta calidad y experiencia de combate en el mundo real, que luego pueden aprovechar con éxito. Por último, no debe olvidarse la posibilidad de encontrar socios estratégicos en este tipo de operaciones.

Entre los países latinoamericanos involucrados en el mantenimiento de la paz destaca Uruguay, que aporta cada año unos 1.300 militares a las operaciones de paz [1]. En enero de 2016, Uruguay asumió la presidencia provisional del Consejo de Seguridad de la ONU y, según las declaraciones de los funcionarios del Ministerio de Relaciones Exteriores del país, Montevideo declaró su deseo de hacer esfuerzos para garantizar el respeto de los principios del derecho internacional y la solución pacífica de las controversias.

Aunque el país tiene una población pequeña y su economía depende en gran medida de sus dos vecinos más cercanos, Brasil y Argentina, su participación activa en los asuntos internacionales y su adhesión a los principios básicos de la ONU pueden ayudarlo a adquirir un estatus prominente en la escena internacional.

Entre otras cosas, a diferencia de Argentina y Brasil, el principal objetivo de la participación uruguaya en operaciones es mejorar la calidad de sus fuerzas

armadas. Uruguay puede servir de ejemplo de un Estado que, en ausencia de amenazas externas, trata de mantener su ejército en estado de disponibilidad.

Argentina también sigue siendo uno de los principales países latinoamericanos implicados en este tipo de operaciones.

Argentina participó por primera vez en una operación de mantenimiento de la paz en 1958, formando parte del Grupo de Observadores de las Naciones Unidas en el Líbano (UNOGIL). En 1992-1996, el país estuvo entre los cinco primeros que contribuyeron a las misiones de paz de la ONU.

Creado en 1995, el Centro Argentino de Entrenamiento Conjunto para Operaciones de Paz (CAECOPAZ) ha evolucionado hasta convertirse en un centro de formación para el personal militar y policial que participa en las operaciones de los Cascos Azules [3].

El Gobierno argentino está convencido de que la participación en estas operaciones constituye un apoyo eficaz a la capacidad de defensa del país.

Otro país latinoamericano importante en términos de implicación en operaciones de paz es Brasil, que comenzó a participar en operaciones de paz en 1948 [4].

La participación activa en las operaciones de los Cascos Azules puede estar vinculada al deseo de Brasil de obtener un puesto permanente en el Consejo de Seguridad de las Naciones Unidas.

Los expertos señalan que los países latinoamericanos que participan en misiones de mantenimiento de la paz de la ONU se enfrentan a una serie de retos.

El más importante sigue siendo la falta de competencias específicas necesarias para la ejecución eficaz de operaciones complejas (por ejemplo, el conocimiento del idioma del país en el que se desarrolla la misión).

Otro reto al que se enfrentan muchos países latinoamericanos en la actual coyuntura económica mundial es la falta de recursos.

Esto hace imposible que todos los países latinoamericanos participen plenamente en operaciones fuera del hemisferio occidental.

A pesar de estas circunstancias, los países latinoamericanos siguen demostrando un interés sostenido en el fortalecimiento de la paz y la seguridad internacionales a través de su participación en las misiones de mantenimiento de la paz de la ONU.

Esta implicación contribuye a la credibilidad de los Estados que participan activamente en operaciones de paz.

En cuanto a las perspectivas de participación de los países en las misiones de mantenimiento de la paz, mucho depende de la creación de vínculos de cooperación con otros participantes en las misiones, así como de la financiación de la presencia de los Cascos Azules en regiones remotas del mundo. Generalmente, la región latinoamericana está dispuesta a aumentar su

contribución al mantenimiento de la paz y a incrementar sus contingentes, reforzando así su posición en la escena internacional.

Referencias

1. *Хейфец, Л. С.* Участие латиноамериканских стран в миротворческих операциях ООН в XXI веке / КЛИО. 2016. №6. С. 115–126.
2. *Garnica, E. G.* La Misión de Estabilización de las Naciones Unidas en Haití (MINUSTAH) 2004-2010 / Revista de Análisis y Debate sobre el Caribe y Centroamérica 2020. №18. P. 75–89.
3. Historia URL: Centro Argentino de Entrenamiento Conjunto para Operaciones de Paz. Modo de acceso: <http://www.caecopaz.mil.ar/index.html>. Fecha (de acceso: 05.05.2025).
4. *Benítez, R.* América Latina: operaciones de paz y acciones militares internacionales de las fuerzas armadas / Foro Internacional, enero-marzo / El Colegio de México. 2007. Vol. XLVII, №18. P. 99–116.

РОЛЬ КУБЫ В ПЕРЕГОВОРНОМ ПРОЦЕССЕ ВО ВРЕМЯ КАРИБСКОГО КРИЗИСА 1962 ГОДА

К. А. Альпина

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, fmo.alpina@bsu.by
Научный руководитель – О. Г. Полещук, старший преподаватель*

В статье анализируется роль Кубы в урегулировании Карибского кризиса 1962 года. Подчёркивается, что несмотря на своё стратегическое значение, Куба была исключена из переговорного процесса. Рассматривается попытка Кубы защитить собственные интересы и проблема игнорирования малых государств в международных конфликтах.

Ключевые слова: Карибский кризис; Куба; переговорный процесс; Фидель Кастро; ядерное оружие; безопасность Кубы; роль малых государств.

EL PAPEL DE CUBA EN EL PROCESO DE ARREGLO DE LA CRISIS DEL CARIBE DE 1962

X. A. Alpina

*Universidad Estatal de Belarús, calle Leningradskaya, 20,
220030, Minsk, Belarús, fmo.alpina@bsu.by
Directora científica – A. R. Paliashchuk, profesora titular*

El artículo analiza el papel de Cuba en la resolución de la Crisis del Caribe de 1962. Se destaca que, a pesar de su importancia estratégica, Cuba fue excluida del proceso de negociación. Se discute el intento de Cuba de proteger sus propios intereses y el problema de ignorar a los pequeños estados en conflictos internacionales.

Palabras clave: crisis en el Caribe; Cuba; proceso de negociación; Fidel Castro; armas nucleares; seguridad de Cuba; papel de los pequeños estados.

En octubre de 1962, la humanidad se enfrentó a uno de los momentos más críticos y tensos de la historia. Entonces el mundo estaba al borde de una terrible catástrofe – la guerra nuclear. En el espacio post-soviético esta crisis se llama la Crisis del Caribe. En la historiografía estadounidense se conoce como la Crisis de los misiles cubanos y en Cuba tiene el nombre de la Crisis de Octubre. Estas diferencias terminológicas también reflejan diferentes puntos de vista ideológicos y políticos sobre los mismos acontecimientos, lo que hace aún más importante analizar el papel de cada actor implicado, en particular Cuba. En este trabajo se analiza el papel que jugó Cuba en la resolución de la crisis, así como su participación limitada en las decisiones clave tomadas por las superpotencias.

En esa época, el enfrentamiento político, económico, militar e ideológico entre los Estados Unidos de América y la Unión Soviética estaba creciendo en todo el mundo. Y así sucedió que en el epicentro de este enfrentamiento se vió un pequeño estado insular - la República de Cuba.

Las dos superpotencias (los EE.UU. y la URSS) tenían sus propios planes e intereses para este estado. Los Estados Unidos percibieron a Cuba como una zona histórica de su control bajo la Doctrina Monroe. Y Cuba totalmente dependía económica y políticamente de los Estados Unidos. Esto no convenía a Cuba y su pueblo comenzó a luchar por su libertad e independencia. Esta lucha se llamó la Revolución Cubana. Este acontecimiento fue uno de los requisitos previos para la Crisis de Octubre. Porque después de la Revolución Cubana, Cuba pasó de un campo ideológico a otro. Comenzó una confrontación abierta con los Estados Unidos y encontró a un fuerte aliado, que era la Unión Soviética. Así comenzó la cooperación militar y económica de dos países socialistas - Cuba y la Unión Soviética.

Es importante mencionar que la Revolución no solo cambió el sistema político y económico del país, sino que también tuvo un fuerte componente antiimperialista, lo que intensificó aún más el conflicto con los Estados Unidos. Cuba estaba interesada en obtener protección de la Unión Soviética contra los Estados Unidos, que regularmente atacaban la isla para derrocar el régimen de Fidel Castro. Así, en 1962, la Unión Soviética comenzó a suministrar armas nucleares a Cuba. La razón de esto fue no solo proteger a Cuba, sino también corregir un desequilibrio estratégico [1, p. 6]. Después de que los Estados Unidos descubrieron estos misiles en Cuba, comenzó la fase activa de la Crisis de Octubre.

Para evitar una guerra terrible, las partes tuvieron que negociar. El proceso de negociación comenzó con un mensaje de John Kennedy a Nikita Khrushchev [2, p. 38]. Desde entonces, los dirigentes de los Estados Unidos y la Unión Soviética intercambiaron cartas periódicamente. Este intercambio de cartas desempeñó un papel fundamental en la solución de la situación. Sin embargo, mientras Washington y Moscú intercambiaban mensajes, La Habana fue literalmente excluida de este proceso de arreglo. Cuba se enteró a posteriori de que los Estados Unidos y la Unión Soviética habían acordado retirar misiles soviéticos de Cuba. Cabe señalar que, paralelamente a las negociaciones bilaterales, este conflicto fue discutido en el Consejo de Seguridad de la ONU, donde representantes de varios países abogaron por una solución pacífica y el respeto a la soberanía cubana. Sin embargo, las principales potencias (los EE.UU. y la URSS) han entablado conversaciones fuera del foro internacional, lo que limita la influencia de la comunidad mundial en la solución del conflicto.

Si hablamos de la posición y las acciones de Cuba, vale la pena mencionar la movilización organizada por Fidel Castro, así como la determinación de Cuba

de resistir la agresión. En su correspondencia con N. Khrushchev, Fidel Castro expresó su disposición a usar todos los medios disponibles, incluso la posibilidad de un conflicto nuclear, en caso de que Estados Unidos atacara la isla. Su posición se basaba en la convicción de que un ataque estadounidense era inevitable. Esto justificaba, en su opinión, una respuesta preventiva, aunque condujera a un conflicto nuclear. Es evidente que esta disposición radical de Cuba no tenía importancia a nivel global, porque, aunque Cuba estuviera dispuesta a lanzar los misiles o se negara rotundamente, la decisión en cualquier caso la tomaría la Unión Soviética.

Lo más importante es que la Unión Soviética decidió retirar los misiles sin consultar con su aliado, Cuba, que ni siquiera fue informada. Desde la perspectiva soviética, era más importante evitar un conflicto nuclear directo con Estados Unidos que mantener la consulta con Cuba, lo que llevó a una decisión rápida y unilateral. Hablando de la participación de Cuba en las negociaciones, solo se puede decir que no fue incluida en ellas. Así, Cuba quedó dentro de la zona de interés de dos superpotencias (los EE.UU. y la URSS), pero ellas nunca tomaron en cuenta los intereses cubanos. Y cuando Fidel Castro recibió la noticia del acuerdo entre John F. Kennedy y Nikita Khrushchev sobre la retirada de los misiles soviéticos de Cuba, quedó, por decirlo suavemente, muy sorprendido por el comportamiento de su aliado.

A pesar de que ya se había decidido todo, el gobierno cubano consideró necesario exponer su propia posición, porque las garantías ofrecidas por Estados Unidos –el fin del bloqueo naval y la promesa de no invadir Cuba– no eran suficientes para garantizar la seguridad del país [3, p. 34]. En su declaración oficial, Fidel Castro presentó cinco demandas clave de seguridad. La primera, el fin completo del bloqueo económico de Cuba. La segunda, el cese de las actividades subversivas por parte de los Estados Unidos. En tercer lugar, el cese de los ataques desde bases estadounidenses. La cuarta, el cese de las violaciones del espacio aéreo y marítimo cubano por parte de los militares estadounidenses. Y la quinta, la evacuación de la base naval de Guantánamo y el retorno de ese territorio a Cuba.

Por un lado, Cuba era el epicentro geográfico del conflicto, pero al mismo tiempo estaba en la periferia de la toma de decisiones. A pesar de la importancia estratégica de Cuba tanto para la URSS como para los Estados Unidos, su influencia en el resultado de los acontecimientos fue casi inexistente. La mayoría de las demandas de Cuba no fueron satisfechas. Y hasta el día de hoy, esto sigue afectando al desarrollo del país. El bloqueo económico continúa y perjudica gravemente a la economía cubana. La base de Guantánamo sigue en manos de los Estados Unidos. Esto señala un problema importante sobre el papel de los Estados pequeños en los conflictos internacionales, donde, a pesar de su participación directa, muchas veces son solo objetos en un gran proceso

político. Pero al mismo tiempo, Cuba dio un ejemplo de lucha por sus derechos, usando los métodos que tenía disponibles, como la movilización y la declaración de sus demandas. Se puede concluir que esta situación muestra la necesidad de modelos de negociación más inclusivos, donde se tomen en cuenta los intereses de todas las partes, especialmente de los Estados pequeños que, por casualidad, se encuentran en el centro de los acontecimientos.

Este caso, además, demuestra cómo incluso en situaciones de máxima tensión internacional, los actores pequeños pueden influir simbólicamente en el proceso y dejar lecciones importantes sobre la equidad en la diplomacia global.

Referencias

1. *Есин, В. И.* Карибский кризис 1962 года: открытые вопросы и наиболее поучительные уроки / Вестник Московского университета. Серия 25, Международные отношения и мировая политика. 2013. № 1. С. 4-12.
2. *Kennedy R. F.* Thirteen Days: A Memoir of the Cuban Missile Crisis / Norton & Company. New York, 2011. 192 p.
3. *Бородаев, В. А.* Позиция Кубинского руководства во время Карибского кризиса / Вестн. Моск. ун-та. Сер. 25. Международные отношения и мировая политика. 2013. № 1. С. 13-43.

КИБЕРПРЕСТУПНОСТЬ: СКРЫТАЯ СТОРОНА ИНТЕРНЕТА

К. А. Бебенина

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, bebeninakarina@gmail.com
Научный руководитель – А. Ф. Дрозд, кандидат филологических наук, доцент*

В статье приводится анализ термина «киберпреступность» в контексте увеличения на сегодняшний день числа онлайн угроз. В частности, уделяется внимание раскрытию таких ключевых аспектов, как обоснование причин распространенности данного явления, а также определение основных видов киберпреступлений, совершаемых киберпреступниками. Разработаны рекомендации по защите отдельных лиц и организаций от возросшего количества онлайн угроз.

Ключевые слова: киберпреступник; незаконные действия в Интернете; меры по обеспечению кибербезопасности; фишинг; кибератаки; мошенничество в социальных сетях; кража личных данных; кибербуллинг; программа кибербезопасности.

CYBERCRIME: CONCEALED SIDE OF THE INTERNET

K. A. Bebenina

*Belarusian State University, Nezavisimosti Av., 4,
220030, Minsk, Belarus, bebeninakarina@gmail.com
Scientific Adviser – A. F. Drozd, Candidate of Philology, Associate Professor*

The article provides an analysis of the term “cybercrime” in the context of the current increase in the number of online threats. Particularly, attention is paid to the disclosure of such key aspects as substantiating the causes of the prevalence of this phenomenon, as well as identifying the main types of cybercrimes committed by cybercriminals. There have been developed recommendations on how to protect individuals and organizations from the increased number of online threats.

Keywords: cybercriminal; illegal activities over the Internet; cybersecurity measures; phishing; cyberattacks; social media fraud; identity theft; cyberbullying; cybersecurity program.

In the modern world, in the context of great importance of the role of the latest technologies, particularly mobile devices, the topic of studying the main aspects of cybercrime is relevant and essential for further analysis. Undoubtedly, our lives have changed dramatically with the advent of newest digital technologies. In this regard, raising awareness on the issue of cybercrime is the main objective of this study.

The object of our research was the definition of the concept of “cybercrime” with further disclosure of the most significant aspects related to

this topic. The subject of the topic included various illegal activities conducted via the Internet, including hacking, identity theft, electronic money laundering, cyberbullying, online drug trafficking, social media frauds including methods of combating some of them.

Almost every person at least once in their life heard such words as cybercity, cybersport, cybernetics and that's no wonder. It is the inevitable prefix that currently defines our world. The term "cyber" dominates the headlines and cybercrime is a hot topic of discussions.

The first historical events related to cybercrime have its origins when the early computer networks were set up. On the whole, cybercrime cannot be set out as a sole definition, on the contrary, it is better considered as a collection of acts or conduct. The term "cybercrime" comprises illegal acts where a digital device or information system is either an instrument or target or elementarily a combination of both.

If it was measured as a country, then cybercrime would be the world's third-largest economy after the U.S. and China. According to Statista, a German online platform that specializes in data gathering, the cost of cybercrime in 2024 was 9.22 trillion dollars. Compared to previous years, in 2020 it was 2.95 trillion dollars. These are mind-boggling numbers. Moreover, cybersecurity expects global cybercrime costs to continue to grow over the next five years.

Most cybercrimes are committed by cybercriminals. Cybercriminals commit cyberattacks using various methods of deceiving the victim and are constantly generating new ones. Cybercriminals, in essence, are individuals or groups who engage in illicit activities over the Internet with the intent to steal sensitive information, disrupt computer services or gain illegitimate access to networks for malicious intent or more frequently for financial purposes. The motivations driving cybercriminals vary widely. Some seek financial gain through activities like stealing credit card information, selling stolen data on the "Dark Web" or conducting fraudulent transactions. Others do it for a competitive advantage, purpose of revenge or political intention. Additionally, large groups of cybercriminals may target corporations or government entities in order to promote their ideological agendas which often promote immoral themes. Regardless of their motivations, the threat posed by cybercriminals is very serious [1].

In order to study this topic in detail, it is necessary to determine the reasons why cyberthreats are on the rise today. Firstly, one of the main reasons is the increasing reliance on technology. As technology has become more advanced and more prevalent in our daily lives, it has also become a more attractive target for cybercriminals. Secondly, the rapid growth of the Internet and the proliferation of connected devices have made it easier for cybercriminals to launch attacks. Moreover, the lack of proper cybersecurity measures has played

a significant role in the rise of cybercrimes, on the grounds that systems and networks are more vulnerable to attacks if they are insufficiently secured. Additionally, cybercriminals are constantly finding new and more sophisticated ways to launch attacks, making it more difficult for organizations and individuals to protect themselves.

The most common and widespread type of cybercrime is phishing. It can be defined as a type of social attack that targets the user and tricks them by sending e-mails and fake messages to get sensitive information about the user or trying to download malicious software and exploit it on the system. Phishing comes in many forms: from e-mails that look like legitimate companies to messages saying you've won the lottery or a ticket for a trip to Hawaii.

Social media fraud is another general type of cybercrimes. Cybercriminals often make use of social media fake accounts to perform any kind of harmful activities like impersonating other users or sending intimidating or threatening messages. And one of the easiest and most common social media crimes is e-mail spam.

Identity theft occurs when a cybercriminal obtains your personal information, such as credit card number or image of it, and uses it without that person's consent to perpetrate fraud or other crimes related to information environment.

Cyberbullying is not just cruel harassment or bullying on social media, it is a serious crime. Cyberbullying is becoming more popular among teenagers and can take the form of hateful speech, threats, sharing of personal information, inappropriate pictures and repeated attempts to defame, hurt or scare a person. Cyberbullying of any form can be detrimental to a person and can have lasting effects on the victim, even leading to tragic end in many cases.

With the rapid advancement of Bitcoin technology it has become simple to carry out drug trades without drawing the notice of law authorities and transfer money in a private, safe manner. For this reason online drug trafficking deals increased as a result of this, particularly on the "Dark Web" and network called "Tor".

Cyberterrorism is a very vicious form of social cybercrime that can be defined as an act of Internet terrorism which contains cautious large-scale strikes and disturbances of computer networks using computer viruses or attacks to strike individuals, governments and other organizations. Typically, cyberterrorists drive with the aim of harm and demolition [2].

The 1999 NASA cyberattack stands out as a remarkable incident orchestrated by a 15-year-old boy named James Jonathan. During this period of time, NASA's computers were successfully hacked and subsequently shut down for an extensive period of 21 days. It was one of the first high-profile

cyberattacks against a government agency and it highlighted the vulnerability of even the most secure computer systems [3].

In this regard, the question of how to protect yourself from various types of cyberthreats arises. The simplest yet most effective way is by using long and unique passwords for all of your accounts. One should avoid using common words and phrases and include a mix of capitals, lowercase letters and special characters. Moreover, regular update of operating systems, applications and antivirus software can help protect users against vulnerabilities that cybercriminals often exploit to gain access to personal computers. Automatic system updates can help you in case you forget to do it yourself. Also, people should never give out personal information over the phone. The methods cybercriminals use are so sophisticated that it can be difficult to determine whether the person calling you is real.

Organizations and business entities are vulnerable to cyberattacks primarily due to their extensive networks, valuable data and interconnected systems that offer opportunities for hackers, for example, to make money off of the company. This is why developing a cybersecurity policy should be considered as one of the top priorities for corporations to continue to grow and prosper. The creation and further adoption of a comprehensive cybersecurity program will be a beneficial tool for boosting the effectiveness of the fight against data breaches and online attacks. Moreover, a well-informed and alert personnel can foster a culture of cybersecurity consciousness within the corporation. This, in turn, will lead to a reduction in cybercriminal incidents, minimizing potential financial losses, legal liabilities and harming the company's image.

To our mind, a well-structured yet most effective cybersecurity awareness program should include next main aspects:

- providing real-life examples that took place earlier in the company relevant to research environments;
- steps to take in case of a suspected non-authorized breach or incident;
- monthly newsletters with the latest cybersecurity instructions;
- regular assessment and update of the program based on emerging threats and organizational needs;
- gathering of feedback on training effectiveness and areas for improvement.

In conclusion, stopping cybercrime is not just about implementing innovative solutions, it's also about creating a culture of awareness. Whether at home, work office or university educating yourself and others about cyber risks is determinative in averting the spread of online risks. In the fight against cybercrime knowledge and preparation are our best protective forces. By assessing the risks, implementing preventive measures and fostering a culture

of awareness of threats emanating from online space we can significantly reduce our vulnerability to cyberattacks. Cybersecurity awareness programs will provide the indispensable conditions for effective counteraction to cybercrimes in the organization's comprehensive environment. Moreover, while individual actions can considerably reduce the risk of cybercrime, governments and organizations also play a crucial role in creating a safe digital environment. Through cybercrime units, public awareness campaigns and legislation they can help protect citizens and enterprises from online threats, contributing to the broader efforts on how to stop cybercrime.

References

1. Cybercrime and Cybercriminals: A Comprehensive Study // Jeimy J. Cano M. International Journal of Computer Networks and Communications Security. 2016. P. 165–176.
2. Cybercrime classification and characteristics Study // H. Jahankhani, A. Al-Nemrat, A. Hosseinian-Far. Cybercrime and Cyberterrorism Investigator's Handbook. 2014. P. 156–160.
3. The 1999 NASA Cyberattack. URL: <https://thecyberconsultancy.com/hack.html> (date of access: 02.05.2025).

РЫЦАРИ XXI ВЕКА: ПОЧЕМУ БРИТАНИЯ ВСЁ ЕЩЁ НУЖДАЕТСЯ В ТИТУЛАХ РЫЦАРСТВА?

В. А. Белькович

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, belkovichviktoryia@gmail.com
Научный руководитель – Т. П. Митева, старший преподаватель*

В статье анализируется, как британская система рыцарских званий превратилась из средневекового пережитка в современный инструмент мягкой силы, и почему, несмотря на критику, она остаётся мощным символом национальной идентичности. На примерах звёзд и простых людей показывается, как титулы «сэр» и «дама» сохраняют ценность в современную эпоху, балансируя между традицией и прогрессом.

Ключевые слова: современное рыцарство; британские почести; ордена и награды; национальная идентичность; мягкая сила; элитарность и инклюзивность; культурное влияние; символическая ценность; адаптация традиций.

KNIGHTS OF THE 21ST CENTURY: WHY BRITAIN STILL NEEDS CHIVALRY?

V. A. Belkovich

*Belarusian State University, Nezavisimosti Av., 4,
220030, Minsk, Belarus, belkovichviktoryia@gmail.com
Supervisor – T. P. Miteva, Senior Lecturer*

The article analyzes how the British system of knighthood has evolved from a medieval relic into a modern tool of soft power, and why, despite criticism, it remains a potent symbol of national identity. Through examples of celebrities and ordinary people, it demonstrates how the titles «Sir» and «Dame» retain their value in the modern age, striking a balance between tradition and progress.

Keywords: modern knighthood; British honours; Orders and awards; national identity; soft power; elitism and inclusivity; cultural influence; symbolic value; adaptation of traditions.

In an era of rapid technological advancement and evolving social values, Britain continues to uphold a tradition rooted in medieval chivalry – the conferral of Knighthoods and Damehoods. The release of the 2024 New Year Honours List, recognizing over 1,200 individuals, reignites a timeless question: Is there any point in chivalry in the 21st century? [4] Once armored warriors defended kingdoms, but today knights wield microphones and microscopes instead of swords. The transformation of British knighthood from a medieval

military honor to the modern recognition of actors such as Benedict Cumberbatch and scientists such as Stephen Hawking raises a pressing question: does this ancient title retain significance in the 21st century?

To be made a Knight or a Dame is to receive one of the highest honours in the United Kingdom. There are many world-famous people among modern British knights: Christopher Nolan and his wife Emma Thomson awarded for their services to film industry, Adele, Ed Sheeran (for services to music), Benedict Cumberbatch (for services to the performing arts and to charity), JK Rowling (for services in literature) and others [4]. So the titles of «Sir» and «Dame» have become unexpected weapons in the arsenal of British cultural diplomacy. It is not just a personal recognition – it reinforces the status of celebrities as ambassadors of British art around the world.

For foreign recipients, the honour is pure soft power. Notable non-British Knights and Dames include Angelina Jolie, Bill Gates and Ralph Lauren [4]. For example, Microsoft founder Bill Gates was knighted for his charity work in the countries of the British Commonwealth, his contribution to the development of the economy and his work to reduce poverty in the world. During the presentation of the award, Queen Elizabeth II told Gates that she did not understand anything about computers, but appreciated his contribution [3].

There are several orders of chivalry in today's British honours system which include Knight and Dame ranks. The most widely awarded is the Order of the British Empire, established in 1917 to recognize civilian efforts during World War I, which now honours a broad spectrum of contributions to British society. It includes five classes, but only the top two – Knight or Dame Grand Cross and Knight or Dame Commander – entitle the recipient to use the title «Sir» or «Dame» [4].

This award is now facing increasing backlash due to the imperial connotations of its name. Critics of the honours system argue against the specific wording of the honours, specifically the fact that so many of them include the words «British Empire» [1]. Some notorious examples of people declining or returning their titles include the following names.

Author Rudyard Kipling believed the honour would interfere with his writing. He declined knighthood in 1899 and again in 1903. The reason, as his wife stated, was that Kipling felt he could «do his work better without it». Kipling also declined the Order of Merit in 1921 and again in 1924 [2]. Physicist Stephen Hawking turned it down in protest against the UK's lack of support for science. In a revelation made in 2008, the physicist disclosed that he'd been offered a knighthood in the late 1990s but had declined [2].

The Beatles were awarded knighthood in 1965 by the Labour government of Harold Wilson. Several people objected to the Beatles being given the titles, and some even sent their own awards back in protest. John Lennon, a member

of The Beatles, later returned it to protest Britain's foreign policy, writing the unforgettable words: «Your Majesty, I am returning this in protest against Britain's involvement in the Nigeria-Biafra thing, against our support of America in Vietnam, and against Cold Turkey slipping down the charts. With Love, John Lennon of Bag» [2]. It is noteworthy that the other members of the legendary Liverpool Four did not support Lennon's pacifist campaign and kept the awards to themselves.

The musician David Bowie famously turned down a knighthood in 2003. The music icon made his stance clear on why he avoided a knighthood, remarking: «I would never have any intention of accepting anything like that. I seriously don't know what it's for. It's not what I spent my life working for» [2]. Due to distaste for honors in general, a famous playwright George Bernard Shaw rejected an offer of knighthood. He stated that «merit» in authorship could only be determined by the posthumous verdict of history [2].

The British honours system faces persistent accusations of elitism, with data showing disproportionate recognition of privileged groups. Surveys revealed that more than a half of knights and dames attended private schools, and most senior honours go to executives and civil servants. While reforms have increased working-class recipients, the pace remains glacial [1].

It's a familiar argument, often heard in the UK: titles have no place in a modern, democratic society. Although the system of awarding knighthoods and damehoods should be reformed, Britain should certainly keep the titles. Few in the country appear to be arguing for the wholesale abolition of the honours system. Great Britain has always respected its traditions and tried to preserve them. Like Angelina Jolie stated: «To receive an honour related to foreign policy means a great deal... It's very humbling» [3]. In 2024, YouGov polls show that 49% support the modernization of the system, but only 23% want its complete abolition – nostalgia outweighs progressive ideals [1].

Few would argue that not having knights or dames would lead to a more equal or fairer society. Getting rid of titles will not close the gap between rich and poor, nor will it make anyone more empathetic towards their fellow citizens. Good people with titles will continue to be good people, bad people with titles will continue to be bad people. There are several reforms that come instantly to the minds of people. For instance, making the process of awarding titles more open and transparent. Equally, it's important to make it easier to revoke honours when evidence of wrongdoing or massive incompetence emerges. People argue that no one should get a Knighthood or Damehood before the age of 60. They should be a reward for a lifetime's achievement, not something handed out to the flavour of the month, or for a political favour [1].

The UK has changed a lot since the days when the title of knight really meant a lot in society. Previously, knights were real warriors and noble-born

aristocrats who defended their lands. Today knighthood carries no military obligations to the Sovereign. Knights may design their own coat of arms using elements of the British flag, are entitled to wear formal regalia at royal events, and may request an audience with the monarch. There are minor practical perks too, like free public transportation in some cases, but the main value lies in status, respect, and visibility [4].

Thus, today, knighthood in Britain is no longer a mark of military might but a modern symbol of public recognition. While some view it as a ceremonial relic, for many it remains a deeply meaningful gesture – an honour that bridges the past with the present, and quietly says: your efforts mattered.

References

1. Dear Sir: five reasons why Britain should keep knights and dames. URL: <https://theconversation.com/dear-sir-five-reasons-why-britain-should-keep-knights-and-dames-50111> (date of access: 25.05.2025).
2. From Roald Dahl to David Bowie: The famous faces who said no to Royal honours and their reasons .URL: <https://www.glasgowlive.co.uk/news/glasgow-news/roald-dahl-david-bowie-famous-30678724> (date of access: 25.05.2025).
3. Knights and dames during the reign of Queen Elizabeth II. URL: <https://www.thegazette.co.uk/all-notices/content/104040> (date of access: 25.05.2025).
4. New Year Honours: How does the UK honours system work?. URL: <https://www.bbc.com/news/uk-11990088> (date of access: 25.05.2025)

ЭСПЕРАНТО И ГОРОД НАД НЕМАНОМ

В. М. Васюкевич

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, vadim.vasukevitch.2005@gmail.com
Научный руководитель – Т. З. Плащинская, стипендиальный преподаватель*

В статье анализируется жизнь и деятельность Людвика Заменгофа – создателя языка эсперанто – в частности, период его пребывания в Гродно в 1893-1897 гг. Автор представляет социокультурный контекст, в котором вызревала идея создания нейтрального международного языка. Особое внимание уделяется попыткам совершенствования эсперанто, предпринятым Заменгофом, а также его общественной деятельности в Гродно и увековечиванию его наследия. Анализируется значение идеи эсперанто в современном мире.

Ключевые слова: Людвик Заменгоф; эсперанто; Гродно; международный язык; история эсперанто; межкультурная коммуникация.

ESPERANTO I GRÓD NAD NIEMNEM

W. M. Wasiukiewicz

*Białoruski Uniwersytet Państwowy, Nezavisimosti Av., 4,
220030, Mińsk, Republika Białoruś, vadim.vasukevitch.2005@gmail.com
Opiekun naukowy – T. Z. Płaszczynska, starszy wykładowca*

Artykuł analizuje życie i działalność Ludwika Zamenhafa – twórcy języka esperanto – ze szczególnym uwzględnieniem jego pobytu w Grodnie w latach 1893-1897. Autor przedstawia kontekst społeczno-kulturowy, w jakim dojrzewała idea stworzenia neutralnego języka międzynarodowego. Szczególna uwaga poświęcona jest pracy nad udoskonaleniem esperanto, podjętej przez Zamenhafa, a także jego działalności społecznej w Grodnie oraz upamiętnieniu jego dziedzictwa. Analizuje się znaczenie idei esperanto we współczesnym świecie.

Słowa kluczowe: Ludwik Zamenhof; esperanto; Grodno; język międzynarodowy; historia esperanto; komunikacja międzykulturowa.

Po raz pierwszy w historii ludzkości my, członkowie najróżniejszych narodów, stoimy obok siebie nie jako obcy, nie jako rywale, ale jako bracia, którzy nie narzucając sobie swoich języków, rozumieją się wzajemnie, nie podejrzewają się nawzajem z powodu dzielącej ich ciemności, kochają się i ściskają sobie ręce nie obłudnie, jak obcy z obcym, ale szczerze jak człowiek z człowiekiem.

Ludwik Zamenhof

Język od zawsze stanowił fundamentalną dźwignię cywilizacji, jednak w historii ludzkości niejednokrotnie leżał u podstaw wzajemnej wrogości. Współczesne społeczeństwo, mimo postępu technologicznego i rozwoju globalnej komunikacji, wciąż boryka się z barierami językowymi, które utrudniają porozumiewanie się i współpracę między narodami. W tym kontekście warto sięgnąć do postaci Ludwika Zamenhofs, twórcy esperanto. Zamenhof był świadkiem codziennego konfliktu między narodami, a jego odpowiedzią na tę sytuację była idea esperanto – języka, który miał umożliwić porozumienie się ludziom różnych kultur, nie narzucając nikomu dominacji jednego z języków narodowych.

Ludwik Łazarz Zamenhof urodził się 15 grudnia 1859 r. przy ulicy Zielonej w Białymstoku. Ojciec jego był nauczycielem francuskiego i niemieckiego, rozmawiał ze swoim synem po rosyjsku, w tym języku również odbywało się nauczanie Ludwika. Matka, gospodyni domowa, rozmawiała z Ludwikiem w jidysz. Ludwik od najmłodszych lat przejawiał niezwykle uzdolnienia lingwistyczne i podobno jako pięcioletni chłopiec mówił pięcioma językami. W ciągu swojego życia nauczył się jeszcze około ośmiu innych języków (w tym języków starożytnych) [1].

Białystok, w którym przyszedł na świat przyszły twórca esperanta, był ośrodkiem wielojęzycznym i wielonarodowym. W połowie XIX wieku miasto liczyło około 15 tys. mieszkańców i było zamieszkane przez Polaków, Niemców, Rosjan oraz Żydów. Około roku 1850 sytuacja wyznaniowa miasta przedstawiała się następująco: najwięcej, bo prawie 70% było wyznawców religii mojżeszowej, 21% katolików, protestanci stanowili 5%, a prawosławni 4% [2]. We wspomnieniach mieszkańców czytamy: „Z niemożności dogadania się pomagano sobie gestykulacją, wymachiwaniem rąk, a nawet mimiką. Niezwykły to musiał być widok, kiedy polskiemu szlachcicowi sprzedawał wino odeski Żyd, mając za tłumacza miejscowego Tatara” [3].

Trzeba jednak podkreślić, że stosunki między mieszkańcami często odbiegały od ideału przyjaźni. To właśnie białostockie obserwacje skłoniły Zamenhofs do myśli o stworzeniu ponadnarodowego języka, który łączyłby ludzi ponad barierami ras, nacji, religii oraz uprzedzeń z nich wynikających [4].

W 1879 roku Zamenhof udał się do Moskwy, aby rozpocząć studia na uniwersytecie. Zgodnie z wolą ojca jako specjalizację musiał wybrać medycynę. W 1881 roku wrócił do Warszawy, gdzie kontynuował studia medyczne. Uzyskał dyplom lekarza w 1885 roku, po czym wyjechał do pracy do miasteczka Wejsuny, leżącego 160 km na północny zachód od Białegostoku. W wiejskiej głuszy zdołał zakończyć pracę nad tworzeniem nowego języka i w roku 1887 ukazała się jego pierwsza książka pod tytułem „Język międzynarodowy. Przedmowa i podręcznik kompletny” [1].

Zamenhofowi udało się stworzyć łatwy do nauczenia język neutralny, nadający się do użytku w komunikacji międzynarodowej. Celem tego języka nie było jednak zastąpienie innych języków narodowych, ale funkcjonowanie obok nich jako prosty, łatwy do nauczenia, neutralny, a zarazem sprawiedliwy język dla komunikacji ponad narodami.

Słownictwo języka esperanto pochodzi głównie z języków zachodnioeuropejskich, a jego składnia i morfologia wykazują również wpływy słowiańskie. Co ciekawe, wpływ języków słowiańskich (a przede wszystkim polskiego i rosyjskiego) na esperanto jest znacznie silniejszy niż się zwykle zakłada i przewyższa wpływ języków romańskich i germańskich.

Kolejnym etapem powstania nowego języka jest okres pobytu Ludwika Zamenhofa w Grodnie. Otrzymał od władz gubernialnych zgodę na prowadzenie praktyki lekarskiej, Ludwik Zamenhof otworzył gabinet w wynajmowanym przez siebie mieszkaniu na ulicy Policyjnej (ob. Kirowa) 5 [5]. W Grodnie Ludwik Zamenhof nadal pracuje nad doskonaleniem esperanto. Kończy słownik i zbiór ćwiczeń i wydaje je drukiem. Jednocześnie redaguje czasopismo „Esperantysta”. Jako redaktor naczelny i kierownik pisma wiele czasu poświęca na organizację prenumeraty i poszukiwanie środków pieniężnych. Nadal wiele tłumaczy, mając nadzieję, że kiedyś uda mu się wydać „Bibliotekę literatury światowej” w przekładzie na język esperanto. Również w Grodnie tłumaczy na esperanto i wydaje drukiem w 1894 roku „Hamleta” W. Szekspira, zamierza też przełożyć powieść „Marta” Elizy Orzeszkowej [5].

Pomimo nawału obowiązków zawodowych i pracy nad esperanto, Zamenhof znajdował jeszcze czas na działalność społeczną. Był aktywnym członkiem Stowarzyszenia Lekarzy guberni grodzieńskiej, włączał się również w inne dziedziny życia miasta. Jego nazwisko znajdujemy w wykazie sędziów przysięgłych Sądu Okręgowego w Grodnie [5].

Ludwik Zamenhof i jego rodzina przeżyli w Grodnie cztery lata. Karta rejestracyjna lekarza podaje datę 16 października 1897 roku jako ostatni dzień spędzony w mieście.

Do dnia dzisiejszego trwa pamięć o działalności Ludwika Zamenhofa na rzecz Grodna i jego mieszkańców. Od 1983 roku w mieście działa klub miłośników esperanto pod nazwą „Espero-Nadzieja”. W 1985 roku Towarzystwo Naukowe Historyków Medycyny w Grodnie zorganizowało sesję jubileuszową z okazji 125-lecia urodzin Ludwika Zamenhofa. W domu nr 5 przy obecnej ulicy Kirowa, w którym niegdyś mieszkał razem z rodziną, w 1991 roku umieszczono tablicę pamiątkową, a w 2016 roku budynek został odrestaurowany. Jedna z ulic Grodna nosi imię Zamenhofa. W latach 1991 i 1993 w Grodnie odbyły się międzynarodowe konferencje esperantystów [5].

Dzieło Ludwika Zamenhofa wciąż żyje. Trudno dokładnie stwierdzić, ile osób na świecie mówi dziś esperanto, ale według szacunków władają nim

przynajmniej 100 tysięcy ludzi. Potencjał kultury esperanckiej jest wielki. Działają rozgłośnie radiowe i są wydawane gazety w esperanto, dzięki tysiącom pasjonatów rozsianym po różnych zakątkach świata. Lecz stosunkowo skromne fundusze organizacji esperanckich nie pozwalają na szeroko zakrojoną kampanię reklamową informującą społeczeństwo o esperanto i jego możliwościach. Dlatego niezbędnym warunkiem rozpowszechnienia tego języka na dużą skalę jest działalność dobroczynna. Sam Ludwik Zamenhof, stworzywszy język i wydawszy książkę, zrzekł się wszelkich praw do języka esperanto na rzecz ludzkości.

Referencje

1. Krótka biografia Zamenhofa. // Zamenhof.info. URL: <https://zamenhof.info/pl/biografio> (data dostępu: 14.04.2025)
2. *Fiedorowicz, T.* Narodziny Ludwika Zamenhofa – twórcy języka Esperanto / Archiwum Państwowe w Białymstoku. URL: https://www.bialystok.ap.gov.pl/arch/kalendarium/15_12.htm#:~:text=W%20po%C5%82owie%20XIX%20wieku%20Bia%C5%82ystok,%25%2C%20a%20prawos%C5%82awni%204%25 (data dostępu: 14.04.2025).
3. *Romaniuk, Z.* Zaczęło się na Zielonej. Łódź, 2009. 100 s.
4. *Janicka, A.* Eliza Orzeszkowa i Ludwik Zamenhof: fenomen ludzi i miejsc (Grodno. Białystok) Światy na skrzyżowaniu kultur: Eliza Orzeszkowa i Ludwik Zamenhof: studia i szkice / Wydział Filologiczny uniwersytetu w Białymstoku ; red. naukowa: Białystok, 2022. S. 13–24.
5. *Ignatowicz, F.* Medyczna i społeczna działalność Ludwika Zamenhofa w Grodnie w latach 1893-1897 : przyczynek do życiorysu / Medycyna Nowożytna, 1998. № 5(2). S. 127–132.

ГЛОБАЛЬНАЯ ДЕКАРБОНИЗАЦИЯ: ВКЛАД МЕЖДУНАРОДНЫХ КОМПАНИЙ И ИНВЕСТИТОРОВ В ЧИСТУЮ ЭНЕРГЕТИКУ

А. Г. Гущин

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, andrew.guccin@gmail.com
Научный руководитель – Ю. Л. Майсюк, старший преподаватель*

В статье рассматривается значительная роль многонациональных корпораций и прямых иностранных инвестиций (ПИИ) в глобальном переходе к возобновляемым источникам энергии. На примере компании Apple проанализированы стратегии экологической трансформации, а также представлены глобальные тренды ПИИ в возобновляемую энергетику. Подчеркивается важная роль корпоративных инноваций и международного финансирования в достижении декарбонизации мировой экономики.

Ключевые слова: возобновляемая энергия; прямые иностранные инвестиции; устойчивое развитие; зеленые облигации; многонациональные компании; углеродная нейтральность.

GLOBAL DECARBONIZATION: THE CONTRIBUTION OF MULTINATIONAL ENTERPRISES AND INVESTORS TO CLEAN ENERGY

A. G. Gushchin

*Belarusian State University, Nezavisimosti Av., 4,
220030, Minsk, Belarus, andrew.guccin@gmail.com
Scientific Adviser – Y. L. Maisiuk, Senior Lecturer*

The article explores the significant role of multinational corporations and foreign direct investment (FDI) in the global transition to renewable energy sources. Using Apple as a case study, it analyzes strategies for environmental transformation and highlights global FDI trends in the renewable energy sector. The paper emphasizes the crucial role of corporate innovation and international financing in achieving the decarbonization of the global economy.

Keywords: renewable energy; foreign direct investment; sustainable development; green bonds; multinational enterprises; carbon neutrality.

Renewable energy, also known as alternative energy, refers to energy sources that are naturally replenished and do not deplete over time. These sources include solar power, wind, hydroelectric energy, geothermal resources and biomass.

These days, more and more emphasis is being put on achieving sustainable development goals (SDGs) and stimulating the decarbonization of production,

including electricity production. Therefore, the global shift towards renewable energy is accelerating. Multinational enterprises (MNEs) and foreign direct investments (FDIs) play crucial roles in this transition by fostering technological advancements, implementing new solutions, providing financial recourses and sharing expertise.

Apple is a tech company which best known for its cutting-edge technology and premium product design. However, in recent years, the company has taken a lead in its environmental efforts and is now at the vanguard of decarbonization. The company has developed its 2030 Strategy, a plan that aims to make its entire business carbon neutral, and has been successfully bringing it to life. A major milestone was already reached in 2018, when all of Apple's corporate operations, including offices, data centers, and Apple Park campus began running on 100% renewable electricity [1].

Another landmark in Apple's journey towards sustainability was the launch of the first carbon-neutral product ever designed by a tech company – computer Apple Mac Mini 2024. It embodies Apple's corporate strategy: to combine innovation and technology, minimalistic user-friendly design and environmental responsibility. This device is assembled using over 50% recycled materials and is manufactured entirely with renewable electricity [2].

The introduction of Apple Intelligence is also carefully aligned with Apple's 2030 carbon neutrality goals. Many AI features are designed to run directly on devices using the power-efficient Apple silicon chips, significantly reducing the need for energy consuming data processing. For AI functions that require more computing power, Apple uses its own computer servers located in data centers powered entirely by renewable electricity.

Nevertheless, the real challenge lies with Apple's globally dispersed supply chain. The manufacturing of Apple products accounts for 54 percent of its gross carbon footprint [1]. Therefore, in 2015 Apple launched the Supplier Clean Energy Program (CEP) – an initiative designed to assist suppliers in transitioning to renewable electricity. Through this program, Apple provides practical tools, experience exchange, technical support and resources to make renewable energy adoption achievable. Moreover, Apple emphasizes education and collaboration within its supply chain. In 2024, nearly 300 supplier facilities in China and Taiwan took part in Apple's Clean Energy Academies—educational forums where suppliers learn from renewable energy developers and industry experts [2].

Apple is implementing clean energy solutions using a variety of mechanisms. For instance, in 2024, Apple relied mostly on renewable energy certificates, which accounted for 59% of all methods in use, followed by renewable power purchase agreements (PPAs), which accounted for 36%, direct investment (4%), and onsite renewable electricity (1%). Solar and wind power

are the main alternative energy sources for Apple, with a total share of 97% of all generated renewable energy [1].

Apple resorts to equity investment as a means of developing its own renewable energy projects. In China, the company invested in two 20-megawatt solar photovoltaic (PV) projects in Sichuan province, which were designed to support the energy needs of all Apple facilities in the region—including retail outlets, corporate offices, and data centers [2]. The success of this model has inspired similar implementations across Apple's global supply chain.

To accelerate the global transition to a low-carbon economy, Apple has engaged significantly in collaborations with public institutions, private sector partners and energy developers. A notable example of this is Apple's issuance of \$4.7 billion in «green bonds» since 2016, which are used to finance environmentally advantageous projects. These bonds have already supported 74 substantial initiatives globally, which are projected to prevent emissions of 33.4 million metric tons of carbon dioxide equivalent (CO₂e) [1].

Foreign direct investment is a catalyst for the global expansion of renewable energy infrastructure. FDI facilitates the transfer of capital, technology, and expertise across borders, enabling the development of clean energy projects in diverse regions.

According to UNCTAD, global foreign direct investment (FDI) inflows decreased by 2% in 2023 compared to the previous year, totaling USD 1.33 trillion [3]. Since 2020, developing countries have been leading in attracting FDI. In 2023, FDI inflows to developing economies amounted to USD 867.4 billion, or 65% of the global total, while developed countries received USD 464.4 billion, or 35%, respectively.

Currently, FDI serves as a key external source of capital for developing countries, accounting for approximately 44% of total international capital flows [3]. These inflows not only strengthen economic foundations but also significantly contribute to improving quality of life and advancing progress toward the Sustainable Development Goals.

The renewable energy sector now ranks among the top sectors for foreign direct investment. In 2023 alone, it attracted 1,177 new projects worth \$368 billion—accounting for 55% of all greenfield investment through FDI globally [3]. That's a 76% increase compared to 2015, the year the SDG agenda was launched, reflecting how renewable energy has become one of the most appealing sectors for international investors.

Investment in solar and wind energy continues to dominate the renewable energy landscape, accounting for approximately 89% of all global projects. Among these, wind energy projects tend to be larger in scale, primarily due to the higher costs associated with turbine technology and installation. While solar and wind lead the way, other renewable sources are beginning to attract

increased investor interest as technology improves and governments seek diversified clean energy portfolios.

Between 2015 and 2022, several developing economies have emerged as leaders in attracting foreign direct investment (FDI) for renewable energy, signaling a growing global shift toward sustainable power generation in emerging markets. Among the top ten countries in this category are Brazil, Vietnam, Chile, Taiwan, Kazakhstan, India, Egypt, Mexico, Indonesia, and Morocco.

Brazil stands out with 32% of its total FDI inflows directed toward renewable energy projects with a total value of \$114.8 billion USD, while Vietnam follows closely with 31% or 106.8 billion USD. Chile shows even stronger specialization, with 54% of its FDI dedicated to clean energy initiatives, and Taiwan leads the group with a remarkable 63% of all foreign investment directed to the renewable energy sectors [3].

In conclusion, the transition to renewable energy represents one of the most critical global challenges and opportunities of our time. As demonstrated through Apple's 2030 strategy, multinational corporations have a powerful role to play in advancing sustainability. At the same time, foreign direct investment has proven to be an important factor of global renewable energy transition, particularly in developing economies. FDI facilitates the transfer of capital, advanced technology and expertise, enabling the construction and operation of large-scale renewable projects in regions with high potential for economic growth.

References

1. Apple Environmental Progress Report 2025. Mode of access: https://www.apple.com/environment/pdf/Apple_Environmental_Progress_Report_2025.pdf (date of access: 05.05.2025).
2. Apple Surpasses 60 Percent Reduction in Global Greenhouse Gas Emissions .Mode of access: <https://www.apple.com/newsroom/2025/04/apple-surpasses-60-percent-reduction-in-global-greenhouse-gas-emissions/>. (date of access: 05.05.2025).
3. World investment report 2024 // United Nations Conference on Trade and Development. Mode of access: https://unctad.org/system/files/official-document/wir2024_en.pdf. (date of access: 05.05.2025).

РОЛЬ ЧАРТЕРНЫХ РЕЙСОВ В РАЗВИТИИ ТУРИЗМА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

К. А. Данильчик

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, kostynbaraban47@gmail.com;
Научный руководитель – М. Ф. Арсентьева, кандидат педагогических наук, доцент*

В статье рассматривается растущее значение чартерных рейсов в международном туризме, анализируется их роль и вклад в развитие индустрии туризма в Республике Беларусь.

Ключевые слова: чартеры, регулярные рейсы, увеличение выручки, пакетные туры, туроператоры.

DIE ROLLE DER CHARTERFLÜGE FÜR DIE ENTWICKLUNG DES TOURISMUS IN DER REPUBLIK BELARUS

K.A. Daniltschik

*Belarussische Staatliche Universität, Minsk, Independence Ave, 4
220030, Minsk, Republik Belarus, kostynbaraban47@gmail.com;
wissenschaftliche Betreuerin – M.F. Arsentsyeva, Kandidatin der pädagogischen
Wissenschaften, Dozentin*

Der Artikel befasst sich mit der wachsenden Bedeutung von Charterflügen im internationalen Tourismus und untersucht deren Rolle sowie ihren Beitrag zur Entwicklung der Tourismusbranche in der Republik Belarus.

Schlüsselwörter: Charterflüge, Linienflüge, Zunahme des Erlöses, Pauschalreisen, Reiseveranstalter.

In den letzten Jahren nimmt eine moderne Art des Luftverkehrs einen wichtigen Platz in internationalem Tourismus. Unter dieser Art versteht man die Charterflüge, die weltweit zur Tendenz wurden. In der Republik Belarus entwickelt sich die Tourismusbranche auch sehr dynamisch. Aber die Verwendung der Charterflüge von den Reiseunternehmen befindet sich in Belarus noch in der Anfangsphase der Entwicklung, deshalb muss man sich dieser Frage aktiv zuwenden. Aufgrund der wesentlichen Veränderungen der touristischen Richtungen im Land im letzten Jahrzehnt ist es für die Reiseunternehmen notwendig, die neuen Zielorte zu entdecken und die neuen Flugmöglichkeiten zu finden. Das Ziel der Forschung besteht darin, den Beitrag der Charterflüge zur Entwicklung der belarussischen Tourismusbranche zu bewerten und die Konsequenzen des Einsatzes der Charterflüge einzuschätzen.

Gemäß dem Ziel folgen diese Aufgaben:

- den Begriff „Charterflüge“ zu betrachten;
- die Charter- und Linienflüge zu vergleichen;
- die belarussische Statistik des Tourismus und des Umfangs vom Luftverkehr zu analysieren;
- den Zusammenhang zwischen den Veränderungen der Zahl von den belarussischen Touristen und des Flugumsatzes herauszufinden.

Zum ersten Punkt ist der Charterflug ein saisonaler Flug, den die Tourismusunternehmen (in der Regel die Reiseveranstalter) sowie andere Betriebe der Fluggesellschaft in der Hochsaison mieten. Mit anderen Worten kann man Charter als ein Flugprogramm verstehen, das kurzfristig organisiert und durchgeführt wird. Häufig werden diese Flüge an bestimmte Zielorte während der touristischen Saison veranstaltet, beispielsweise im sommerlichen Zeitraum auf der Insel Kreta oder im Winter in den thailändischen Kurorten. Die Charterflüge können für einige Abflüge andernfalls für Halbjahr festgeschrieben werden. Es ist ebenfalls möglich, dass der Charterflug ausfällt, wenn das Flugzeug weniger als die Hälfte voll ist. In diesem Fall wird der Flug zu Gunsten eines Linienfluges verschoben. Das internationale Luftrecht bezeichnet Charterflüge als Non-Scheduled Traffic [1,2].

Von Bedeutung könnte auch sein, dass die Charterflüge normalerweise zum Einsatz kommen, wenn ein Reiseveranstalter die Sitzplätze bei einer Airline mietet, um sie für die Zusammenstellung von Pauschalreisen zu nutzen. Die Pauschalreisen mit Charterflügen sind in der Regel jedoch günstiger. Die Idee der Reiseveranstalter ist mit Charterflügen günstigere Pauschalreisen anzubieten, um nicht von den Linienflügen abhängig zu sein. Kauft ein Veranstalter die Sitzplätze eines Charterflugs bei einer Fluggesellschaft ein, muss er dafür eine Leistung erbringen, unabhängig davon, ob er die Flugtickets verkauft bekommt oder nicht. Aus diesem Grund ist das Ziel der Reiseveranstalter alle Charterflugtickets verkauft zu bekommen [1,2].

Es ist sicherlich bekannt, dass es den Unterschied zwischen einem Charterflug und einem Linienflug gibt. In erster Linie geht es hier um die Verantwortung und somit um das Risiko für die Flüge. Werden die regulären Linienflüge von den Fluggesellschaften selbst veranstaltet und verwaltet, liegt die Verantwortung bei Charterflügen bei dem Reiseveranstalter, der den Flieger samt Sitzplätzen und der Flugzeugbesatzung gemietet hat. Bei einem Linienflug wird die Airline zur Verantwortung gezogen. Bei einem Charterflug trägt der Reiseveranstalter die Verantwortung [1,2].

Ein weiterer wesentlicher Unterschied zwischen Charterflügen und Linienflügen scheint zu sein, dass Linienflüge einem festen Flugplan zufolge fliegen. Der Flugplan ist vorgeschrieben. Das bedeutet, Linienflüge finden in der Regel zum vorgegebenen Zeitpunkt statt, unabhängig davon, wie voll das

Flugzeug ist. Da Charterflüge nicht fest eingeplant sind, sondern nur in der Hochsaison ergänzend angeboten werden, sind sie auch nicht im Flugplan der Fluggesellschaften notiert. Man muss bei Charterflügen beachten, dass es sich manchmal auch um Teilcharter handelt. Das bedeutet, dass sich verschiedene Reiseveranstalter die Sitzplätze in einem Charterflug teilen [1,2].

Jetzt möchten wir Sie auf die Vorteile und Nachteile aufmerksam machen. Die Gesamtheit der Vorteile von Charterflügen inkludiert folgende Punkte:

- relativ niedriger Preis in der Pauschalreise inbegriffen;
- ein direkter Flug in die bekannten oder unpopulären Zielorte;
- eine Möglichkeit, die Tickets auf eine andere Person zu übertragen;
- die Flexibilität und die Anpassungsfähigkeit [1,2].

Als die Nachteile bezeichnet man folgendes:

- die Wahrscheinlichkeit des Entfalls oder der Übertragung von Flügen;
- die Abwesenheit der Bonusprogramme;
- der Verkauf vorwiegend von Reiseveranstaltern;
- die Saisonabhängigkeit;
- die Abwesenheit des festen Flugplans [1,2].

In Bezug auf die allgemeine Situation in diesem Bereich, würden wir die Statistik der analytischen Agentur „Mordor Intelligenc“ anführen. Laut dieser Information ist der internationale Markt von den Charterflügen auf 15,27 Milliarden im Jahr 2024 eingeschätzt [3]. Im Vergleich dazu beläuft sich das belarussische Bruttonationalprodukt fast fünf Volumen des Chartermarktes.

Wir erläutern diesen Punkt mit einigen Beispielen. Im Jahr 2023 machte die Zahl der organisierten Touristen mehr als 500 000 aus. Im Gegensatz dazu betrug die Zunahme solcher Kennzahl im Jahr 2024 fast 23,6% [4]. Gleichzeitig belief sich der Passagierumsatz im Jahr 2024 108,5% der Quantität des vorgängigen Zeitraums [5]. Dabei waren die Flüge fast voll ausgelastet. Das betrifft die Charterflüge auch. Die Statistik der belarussischen Hauptfluggesellschaft beweist, dass die Charterflüge gefragt sind. Die Quantität der Touristen, die sich in den Ländern erholten, wohin die Charterflüge flogen, machte im Jahr 2023 305900 Menschen aus und betrug im Jahr 2024 351875 Leute [4]. Wenn man 800 Dollar als den durchschnittlichen Preis für eine Pauschalreise zu den Zielorten nimmt, bekommt man rechnerisch folgende Ergebnisse:

$$800 * (351875 - 305900) = 36\,708\,000 \text{ (Dollar)}$$

Diese Zahl ist die Zunahme des Erlöses des Absatzes von den Pauschalreisen. Die Reiseunternehmen, die sowohl die Reiseveranstalter, als auch Reisevermittler umfassen, haben dieses Geld erhalten. Gemäß der staatlichen belarussischen Statistik funktionieren ungefähr 550 Reiseunternehmen, die sich mit dem Ausreisetourismus befassen.

Deswegen kann festgelegt werden, dass jedes Reiseunternehmen die Zunahme des Umsatzes von 66742 Dollar bekommen hat. Der Preis der Pauschalreisen, die oben beobachtet werden, hätte um mindestens 150 Dollar höher sein können, als wenn nur die Linienflüge organisiert worden wären. Das hätte die Ursache dafür sein können, warum die potenziellen Touristen auf die Reisen hätten verzichten können. Im Moment werden die Charterflüge aus der Republik Belarus in die folgenden Richtungen durchgeführt: Ägypten, die Türkei, die Vereinigten Arabischen Emirate, Georgien, Katar, Oman. Die beliebtesten touristischen Zielorte sind die Türkei, Ägypten und die Vereinigten Arabischen Emirate.

Lassen Sie uns zum Schluss folgendes sagen. Charterflüge spielen eine wichtige Rolle nicht nur in der Wirtschaft, sondern auch im Tourismus, da sie Flexibilität und Verfügbarkeit des Luftverkehrs anbieten und das touristische Angebot flexibler machen. Trotz ihrer Nachteile können die Charterflüge zur Entwicklung des Tourismus und demzufolge der Wirtschaft in abgelegenen Regionen beitragen.

Durch den Einsatz der Charterflüge locken die belarussischen Reiseunternehmen die neuen Touristen an, indem sie die gesamten Kosten senken. Das rapide Wachstum der Zahl der Touristen beweist die Zweckmäßigkeit der Charterflüge. Aus diesem Grund kann festgelegt werden, dass die Zusammenarbeit zwischen den Reiseunternehmen und der Fluggesellschaft „Belavia“ verstärkt werden muss, damit die Reiseunternehmen ihr Angebot diversifizieren, um den Strom der Touristen zu erhöhen.

Hinweise

1. Was ist ein Charterflug? / Urlaub günstig mit Urlaubsguru: Findet euren Traumurlaub. Zugangsregelung: <https://www.urlaubsguru.at/lexikon/charterflug/>. (zugangsdatum: 02.05.2025).

2. Charterflüge und Linienflüge – wo gibt es der Unterschied? / Offizielle Webseite des Reiseveranstalters CORAL TRAVEL. Zugangsregelung: <https://www.coral.ru/poleznaya-informatsiya/gid-po-otdyhu/chartery-i-regulyarka-v-chem-raznitsa/>. (zugangsdatum: 02.05.2025).

3. Mordor Intelligenc – der internationale Market von den Charterflügen ist auf 15,27 Milliarden im Jahr 2024 eingeschätzt / BizavNews Nachrichten des geschäftlichen Luftverkehrs. Zugangsregelung: <https://www.bizavnews.ru/237/33262#:~:text=..>. (zugangsdatum: 02.04.2025).

4. Ausreise 618000, Einreise 366,7000 / Republikanische Union der Reiseunternehmen. Zugangsregelung: <https://www.toursoyuz.by/2025/03/06/vyezd-618-000-turistov-vezd-3667-000-itogi-turizma-v-2024>. (zugangsdatum: 02.04.2025).

ПРОБЛЕМЫ КУЛЬТУРНОЙ ИНТЕГРАЦИИ В СЛИЯНИЯХ И ПОГЛОЩЕНИЯХ

Д. В. Дмитриева

*Белорусский государственный университет, ул. Ленинградская, 20,
220030, г. Минск, Беларусь, dar140705@gmail.com
Научный руководитель – С. А. Шурко, старший преподаватель*

В статье анализируются проблемы культурной интеграции при слияниях и поглощениях компаний, особенно при трансграничных сделках. Основное внимание уделяется вызовам, возникающим из-за различий в организационной культуре, стилях коммуникации, лидерства и принятия решений между компаниями из разных стран.

Ключевые слова: культурная интеграция, слияния и поглощения, культурное несоответствие, комплексный культурный анализ, интеграционная команда, институциональные знания.

CHALLENGES OF CULTURAL INTEGRATION IN MERGERS AND ACQUISITIONS

D. V. Dmitrieva

*Belarusian State University, Leningradskaya str., 20,
220030, Minsk, Belarus, dar140705@gmail.com
Scientific Adviser – S. A. Shurko, Senior Lecturer*

The article analyzes the challenges of cultural integration in mergers and acquisitions, especially in cross-border deals. It focuses on issues arising from differences in organizational culture, communication styles, leadership, and decision-making approaches between companies from different countries.

Keywords: cultural integration, mergers and acquisitions, cultural misalignment, comprehensive cultural diagnostic, cross-functional integration task force, institutional knowledge.

Successful mergers and acquisitions hinge not just on financial synergies but, critically, on the seamless integration of organizational cultures. This complex process demands a structured, multi-stage approach to effectively manage human capital and ensure long-term value creation.

Cross-cultural mergers and acquisitions (M&A) have emerged as a tactical tool for businesses aiming to gain market share and expand in an increasingly globalised economy. However, venturing beyond familiar borders brings a distinct set of challenges, often stemming from the complexities of navigating different cultures. From communication styles to decision-making processes,

understanding and respecting these differences is crucial for the success of any cross-cultural M&A transaction.

Cultural Misalignment: A Major Cause of Failure

A significant challenge faced during cross-border mergers and acquisitions lies in cultural misalignment. Differences in work ethos, communication patterns, views on hierarchies, and decision-making processes frequently contribute to this issue.

For example, a firm originating from a highly structured society—such as Japan—might encounter considerable obstacles upon merging with another organization rooted in a more liberal country like the Netherlands. These disparities concerning how authority is perceived, individual freedom, and modes of interaction can result in widespread dissatisfaction, communication breakdowns, and reduced efficiency within the merged entity.

Resolution: Implement comprehensive cultural evaluations akin to those used in financial and legal assessments. Leverage specialists who understand cultural nuances to evaluate the core values, operational habits, and employee expectations at the targeted enterprise. Such insights would reveal possible areas of friction and enable tailor-made strategies for smoother integration.

Obstacles in Cross-Cultural Communication

Although linguistic variations pose immediate problems, deeper issues arise through non-linguistic signals, conversational tones, and differing levels of explicitness in speech. German speakers, for instance, are famously straightforward, while individuals from nations with indirect forms of expression, such as China, might depend heavily on subtle implications.

These divergent approaches can cause mutual misunderstandings and mistrust among staff members. One side could interpret the other's style as overly harsh or deceitfully vague.

Resolution: Introduce intercultural workshops designed specifically for both acquisition and acquired groups. Train participants on various verbal and non-verbal communication norms alongside effective dispute-resolution techniques applicable across diverse cultural contexts. Fostering an atmosphere where openness and mutual respect thrive further aids bridging these divides [1].

Varied Styles of Leadership and Decision Making Across Cultures

Culturally determined preferences regarding leadership traits and decision-making methodologies differ significantly worldwide. Some societies expect decisive leaders capable of swift judgments, whereas others value inclusive deliberation and collective endorsement before making final calls. Ignoring these distinctions risks introducing delays and tensions within the new organizational setup. Take, for example, American enterprises renowned for rapid decision cycles compared to Nordic firms emphasizing collaborative input

over speedy resolutions. Without proper recognition and mitigation efforts, mismatches here can generate substantial conflicts among senior executives.

Resolution: Set transparent goals upfront by aligning leadership models. Arrange meetings involving key personnel from each side to openly discuss favored managerial philosophies and procedural norms. Employing blended strategies blending beneficial elements from both cultures helps facilitate seamless transitions [2].

The best way to align corporate cultures varies depending on your stage within the merger.

Before: Initiating a Comprehensive Cultural Diagnostic

Prior to embarking on the intricate journey of cultural integration, it is paramount to divest any preconceived notions or assumptions regarding the existing organizational identities of both the acquiring and target companies. This deliberate step ensures that the entire M&A cultural integration process commences with an unbiased perspective, laying a foundational groundwork for cultivating an environment of genuine inclusivity and mutual respect for all stakeholders involved.

To achieve this profound understanding, it is essential to conduct a thorough cultural diagnostic. This deep dive into the cultural fabric of both organizations aims to illuminate their fundamental dynamics, unearthing the subtle and overt elements that shape their operational realities. There are several powerful methodologies to execute this critical evaluation:

- implement Comprehensive Employee Surveys: Design and deploy meticulously crafted surveys to gather a robust body of factual data concerning the prevailing cultures. The objective here is to construct a singular, authoritative source of truth that reflects the collective sentiment. Key areas to explore include core organizational values, the degree of alignment or potential friction points between these values, the nature of professional relationships (e.g., collaborative vs. competitive), and employee perceptions of leadership and autonomy;

- deconstruct Operational Workflows and Norms: Gain an crystal-clear understanding of the intrinsic mechanics of how work is actually executed within each company.

This involves delving into their distinct management practices, unwritten working norms, and the philosophical underpinnings of their decision-making processes.

Furthermore, it's crucial to identify their preferred methods for motivating personnel, their prevailing attitudes towards risk, and the specific metrics or qualitative measures by which they collectively define and gauge success. This granular insight reveals the 'unwritten rules' that profoundly influence day-to-day operations.

During: Sustained Monitoring of Cultural Integration Progress

The process of M&A cultural integration is inherently fluid and iterative; it is not a static event but rather a dynamic, evolving journey. As the merger actively unfolds, it becomes imperative to maintain a constant vigil over the integration's momentum, meticulously tracking progress and proactively ensuring that all components are aligning smoothly with strategic objectives.

Key actions during this phase include:

- leverage the Integration Plan as an Adaptive Blueprint: Utilize the meticulously crafted change management plan not merely as a fixed document, but as a living, guiding framework to continuously monitor the trajectory of integration. This necessitates regular reviews against established milestones, allowing for agile adjustments to the integration strategy as real-world circumstances evolve, unforeseen challenges emerge, or new opportunities present themselves;

- establish a Dedicated Cross-Functional Integration Task Force: Formulate a specialized team composed of diverse representatives drawn from both the acquiring and acquired organizational cultures. This team serves as the primary conduit for closely observing, assessing, and facilitating the ongoing cultural assimilation. Their role extends to identifying emerging cultural synergies, pinpointing areas of persistent friction, and acting as cultural ambassadors and problem-solvers on the ground;

- proactively Address Resistance and Concerns: Recognize that organizational change inherently generates a spectrum of human reactions, including potential resistance, apprehension, or outright concerns among employees. It is absolutely vital to address these sentiments with empathy, transparency, and strategic communication. This involves creating open channels for feedback, conducting regular town halls, and ensuring visible leadership support. By demonstrating the tangible value proposition of the integration and articulating how individual roles contribute to the new, combined entity's success, the organization can more effectively guide and support its people through this significant transition.

After: Comprehensive Review and Strategic Reflection on M&A Cultural Outcomes

Upon the conclusion of the formal M&A integration management process, it is critical to initiate a structured and thorough review of the cultural integration's overall performance. This retrospective analysis should meticulously dissect both the triumphs achieved and the shortcomings encountered throughout the journey. A deep reflection on the multifaceted outcomes of the entire merger is essential for making an informed determination regarding its holistic success, particularly from a human and cultural standpoint.

This post-integration phase serves to:

- conduct a Detailed Post-Mortem Analysis: Systematically examine what went well, what proved challenging, and why certain outcomes transpired. This involves analyzing qualitative feedback (e.g., from focus groups, individual interviews) and quantitative data (e.g., employee retention rates post-merger, shifts in productivity, successful cross-functional collaboration metrics);

- identify Areas for Continuous Improvement: Based on the insights gleaned from the review, pinpoint specific areas where future integration efforts could be enhanced. This might involve refining cultural due diligence processes, adapting communication strategies, or adjusting leadership alignment initiatives. The goal is to distil actionable lessons learned;

- cultivate Institutional Knowledge and Refine the M&A Playbook: Document the experiences, best practices, and pitfalls encountered during the integration. This invaluable repository of knowledge then serves to inform and refine the organization's standardized M&A playbook, ensuring that future acquisitions benefit from experiences and continuously improve the probability of successful cultural assimilation in subsequent ventures [3].

Cultural integration stands as an undeniably pivotal, yet persistently undervalued, determinant of success within the intricate landscape of mergers and acquisitions. Far from being a peripheral concern, its profound impact often transcends the more readily quantifiable financial and legal considerations. The propensity to underestimate its significance frequently stems from its intangible nature; unlike balance sheets or legal contracts, cultural alignment is not easily measured or immediately apparent.

References

1. The Impact of Cultural Differences on Mergers and Acquisitions .URL: <https://www.linkedin.com/pulse/impact-cultural-differences-mergers-acquisitions-badreddine-m-a--4xffe> (date of access: 25.05.2025).

2. The Cross-Cultural M&A Guide: Challenges, Solutions, and Building a Global Business. URL: <https://www.mergerdomo.com/blog/The-Cross-Cultural-M&A-Guide:-Challenges,-Solutions,-and-Building-a-Global-Business> (date of access: 25.05.2025).

3. How To Improve Your M&A Cultural Integration for Success .URL: <https://www.prosci.com/blog/merger-acquisition-cultural-integration> (date of access: 25.05.2025).

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО, ГЛОБАЛЬНЫЕ ПРОЕКТЫ, МИРОТВОРЧЕСКИЕ УСИЛИЯ В ГОД 80-ЛЕТИЯ ООН

Жэнь Синьи

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, xinyiren48@gmail.com
Научный руководитель – М. В. Натуркач, канд. пед. наук, доцент*

В статье анализируется эволюция и проблемы миротворчества ООН, подчеркивая разрыв между ожиданиями и возможностями. В ней показано, как развивающиеся державы и региональные организации, такие как ШОС и БРИ, изменяют глобальное управление, показывая, что будущий мир зависит как от традиционных миссий, так и от более широкого многостороннего сотрудничества за рамками ООН.

Ключевые слова: Организация Объединенных Наций; операции по поддержанию мира; международная безопасность; многостороннее сотрудничество; региональные организации; глобальное управление.

INTERNATIONAL COOPERATION, GLOBAL PROJECTS, PEACEKEEPING IN FOCUS ON THE UN 80-TH ANNIVERSARY

Ren Xinyi

*Belarusian State University, Nezavisimosti Av. 4,
220030, Minsk, Belarus, xinyiren48@gmail.com
Supervisor – M. V. Naturkach, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor*

The article analyzes the evolution and challenges of UN peacekeeping, highlighting the gap between expectations and capabilities. It reveals how emerging powers and regional organizations like the SCO and BRI reshape global governance, showing that future peace depends on both traditional missions and broader multilateral cooperation beyond the UN framework.

Keywords: United Nations; peacekeeping operations; international security; multilateral cooperation; regional organizations; global governance.

The founding of the UN was not only a response to the painful lessons of war, but also the beginning of a new order in global governance [1]. Since the first UN peacekeeping mission in 1948, they gradually evolved into multidimensional operations, including disarmament, electoral support, humanitarian assistance, and state-building [2].

The period from 1988 to 1995 was particularly critical for peacekeeping reforms. UN peacekeeping operations were expanded to Cambodia, Somalia,

the former Yugoslavia, with attempts to integrate peacekeeping with state-building efforts. [3].

In the 21st century, the UN has faced the “capability-expectations gap”, where the international community places high expectations on UN peacekeeping, yet the actual financial and personnel resources allocated are insufficient, resulting in a failure to meet those expectations, as in conflict zones of Mali and South Sudan [1].

The traditional role of UN peacekeeping operations is facing structural reshaping from regional cooperation mechanisms and the strategies of emerging powers.

For example, China and Russia have established a cross-regional security and political cooperation mechanism through the "Shanghai Cooperation Organization" (SCO). This organization has also attracted NATO countries like Turkey to apply for membership beyond Central Asia to encompass Eurasia [4].

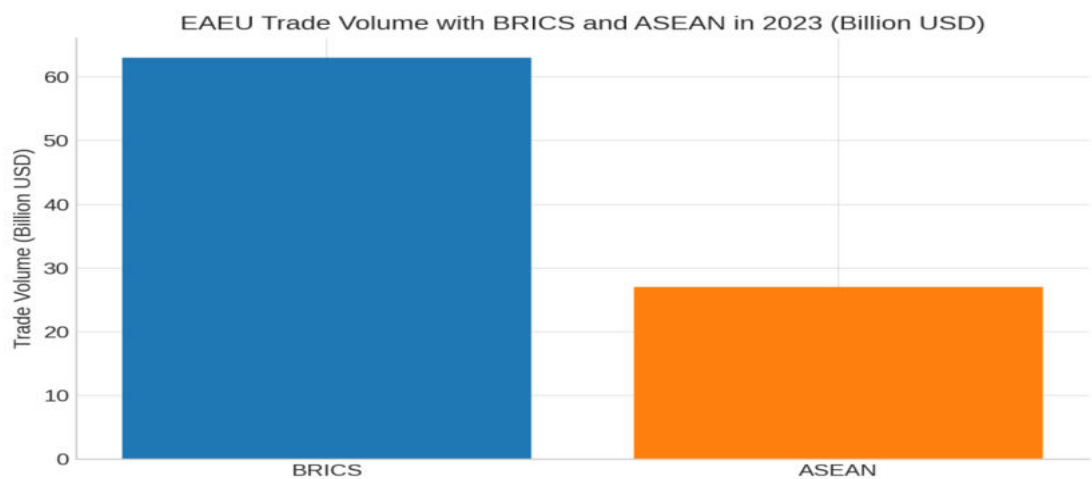
The SCO platform enables it to respond flexibly to the different security, economic and political needs of member states thus forming another stability mechanism outside the UN Security Council system [5]. At the same time, NATO's "Indo-Pacific Strategic Outlook" also points out that the Indo-Pacific region is becoming the core area of global geopolitical game. China is strengthening its global influence by means such as the "Belt and Road" initiative and the Asian Infrastructure Investment Bank, and gradually integrating military, economic, digital and other "multi-domain" tools into the competition for geopolitical security [6]. Since 2000, China's peacekeeping personnel has grown from 50 to over 2,200 by 2023, in mine removal missions, medical assistance, engineering [7]. Belarus has also played an active role in training peacekeeping experts.

The EAEU has significantly expanded its external trade. In 2023, trade volume between the EAEU and BRICS (Brazil, Russia, India, China & South Africa) reached 63 billion USD, marking a 26% increase from the previous year. Similarly, the trade turnover between EAEU members and ASEAN countries exceeded 27 billion USD. [8].

Belarus, as a member of the Commonwealth of Independent States (CIS) and the Eurasian Economic Union (EAEU), promotes regional economic integration, trade liberalization, and coordinated development policies. The EAEU, in particular, facilitates trade across Eurasia, especially with Kazakhstan, Armenia, and Russia, while aligning certain development objectives with the UN's Sustainable Development Goals.

The participation in meaningful international organizations, UN programmes and initiatives highly correlates with the countries involved world rates in literacy, computer literacy and access to higher education, access to high technology world rate, index of human development. As of 2025, Belarus ranks

65th globally on the Human Development Index (HDI) with a score of 0.824, positioning it above the world average. Its high adult literacy rate (99.8%), widespread access to secondary and tertiary education, and stable health indicators reflect its development-oriented policy within both national and multilateral contexts [9].

Trade volume between the EAEU and BRICS

In comparison, China ranked 78th in the 2025 HDI report, with a score of 0.797, but maintains rapid improvement in technological innovation and infrastructure. These national indices not only justify their financial and personnel contributions to the UN, but also illustrate their internal capacities to support external peace and development efforts

In addition to addressing post-conflict security, the UN has been at the forefront of advancing sustainable development. Between 1990 and 2024, the percentage of the global population living in extreme poverty dropped from 36% to 8.5%. Renewable energy usage also increased from 20% in 2015 to 34% in 2024. These achievements are supported by the UN Development Programme (UNDP). China and the UN have worked together on eco-poverty alleviation projects in Shanxi, while Belarus has received support for solar-powered schools and green transport initiatives [1].

In celebration of its 80th anniversary, the UN has launched new initiatives, including a digital memory project to collect holograms of World War II survivors and a global youth peace education proposal contest. Additionally, China and the UN have partnered to create a \$1 billion climate security fund to support conflict zones facing ecological crises. These initiatives like AI-driven misinformation and climate change-related threats to small island nations [2].

Regional organizations and global initiatives like BRI (Belt and Road Initiative) of China also play an important role in global cooperation. For

example, the Eurasian Economic Union (EAEU) facilitates trade between countries like Belarus and Kazakhstan, while BRICS countries have discussed expanding their membership at the 2023 summit. The AUKUS partnership in the Indo-Pacific region focuses on technological sharing and maritime security [11].

Exploring media discourse cognitively and linguistically can promote both general media literacy and the specialized mediadiscursive competence regarded as crucial for students pursuing international relations [12]. While the UN is not perfect, it remains one of the most significant symbols of humanity's efforts to promote peace, development, and mutual respect on the international stage. The organizations reviewed highlight the significance of multilateral cooperation outside the UN framework, underlining that in a world full of challenges, cooperation is not just beneficial, but essential.

References

1. *Moelle, M. P.* The International Responsibility of International Organizations: Cooperation in Peacekeeping Operations / Cambridge: Cambridge University Press, 2017. 373 p.
2. *Bureš, O.* UN Peacekeeping in the 21st Century: A Capability-Expectations Gap Analysis / Czech Journal of Political Science. 2006. № 4. P. 379–398. URL: <https://czechpolsci.eu/article/view/34609/29500> (date of access: 20.04.2025).
3. *Johnson, H. J.* U.N. Peacekeeping: Issues Related to Effectiveness, Cost, and Reform: Testimony Before the Committee on International Relations, House of Representatives United States General Accounting Office / United States General Accounting Office. URL: <https://www.globalsecurity.org/military/library/report/gao/nsiad97139.htm> (date of access: 20.04.2025).
4. *Garlick, J.* Beyond Central Asia: The Ever-Expanding Influence of the Shanghai Cooperation Organization. 2025, № 2. P. 2 – 4. URL: <https://eh4sweb.blob.core.windows.net/vitrin/files%2FBeyondCentralAsia.pdf> (date of access: 20.05.2025).
5. *Lukin, A.* Russian–Chinese Cooperation in Central Asia and the Idea of Greater Eurasia / A. Lukin // India Quarterly. 2019. Vol. 75, № 1. 8 p. URL: <https://journals.sagepub.com/eprint/VduN2XC4WUfywNCgSSH2/full> (date of access: 20.05.2025)
6. *Lavigne, P.* Strategic Foresight Regional Perspectives Report on the Indo-Pacific / 02.08.2022. P. 6–7, 13–17. URL: <https://www.act.nato.int/wp-content/uploads/2023/05/regional-perspectives-2022-07-v2-2.pdf> (date of access: 20.05.2025).
7. *Shah, P.* Charted: Contributions to UN Peacekeeping Forces by Country / Visual Capitalist. URL: <https://www.visualcapitalist.com/cp/contributions-to-un-peacekeeping-forces-by-country> (date of access: 20.04.2025).
8. Russian-backed union free trade deal with Iran goes into effect // Reuters. 2025. URL: <https://www.reuters.com/world/asia-pacific/russian-backed-union-free-trade-deal-with-iran-goes-into-effect-2025-05-15/?utm> (date of access: 20.05.2025).
9. Human Development Insights. // UNDP, 2024. URL: <https://hdr.undp.org/data-center/country-insights#/ranks> (date of access: 20.04.2025).

10. United Nations Development Programme. Human Development Report 2024. // UNDP, 2024. URL: <https://www.undp.org/belarus/press-releases/undp-2025-human-development-report-belarus-ranks-65-global-human-development-index> (date of access: 20.05.2025).

11. *Ehteshami, A.* The BRI and Its Rivals: The Building and Rebuilding of Eurasia in the 21st Century Prism. 2022. Vol. 10, № 1 / National Defense University Press. URL: <https://ndupress.ndu.edu/Media/News/News-Article-View/Article/3174566/the-bri-and-its-rivals-the-building-and-rebuilding-of-eurasia-in-the-21st-centu/> (date of access: 20.04.2025).

12. *Натуркач, М. В.* Формирование медиадискурсивной компетенции студентов международного профиля: результаты практики / Московский педагогический журнал. 2023. № 3. С. 84-104. DOI 10.18384/2949-4974-2023-3-84-104.

ЕВРАЗИЙСКИЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ СОЮЗ В ЭПОХУ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

К. И. Ильютик

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, karinailytik@gmail.com
Научный руководитель – Т. И. Макаревич, старший преподаватель*

В статье анализируются особенности цифровой трансформации Евразийского экономического союза с 2014 по 2016 гг., включая изменения в нормативно-правовой базе союза за данный период. Приводятся примеры внесения поправок в нормативно-правовую базу Союза за 2014-2016 гг., которые отвечают глобальным цифровым тенденциям. Результатом исследования является анализ влияния этих изменений на развитие ЕАЭС.

Ключевые слова: Евразийский экономический союз; цифровизация; экономика; информация; трансформация; нормативно-правовая база.

THE EURASIAN ECONOMIC UNION IN THE INFORMATION AGE

K. I. Ilyutsik

*Belarusian State University, Independence Av., 4,
220030, Minsk, Belarus, karinailytik@gmail.com
Supervisor – I. I. Makarevich, Master of Philology, Master in PA, Senior Lecturer*

The paper analyzes the specifics of the digital transformation of the Eurasian Economic Union between 2014 and 2016, including the changes in the regulatory framework of the union during this period. The article provides examples of changes in the regulatory framework of the union for 2014-2016, which responds to global digital trends. The article also provides an analysis of the impact of these changes on the development of the EAEU.

Keywords: The Eurasian Economic Union; digitalization; economic; information; transformation; regulatory framework.

The Eurasian Economic Union is an international organization for regional economic integration. It has international legal personality and is established by the Treaty on the Eurasian Economic Union.

The EAEU provides for free movement of goods, services, capital and labor, pursues coordinated, harmonized and single policy in the sectors determined by the Treaty and international agreements within the Union.

The Member-States of the Eurasian Economic Union are the Republic of Armenia, the Republic of Belarus, the Republic of Kazakhstan, the Kyrgyz Republic and the Russian Federation [1].

Global digitalization trends also influence the activities of the Eurasian Economic Union. Over the past years a lot of processes coordinated by the EAEU have been represented in a digital form. It includes constant online access to the statistics, the investigations, the reference database, the certification bodies, the Eurasian integration library. Likewise, you can acquaint yourself with topical official information on a real-time basis. Similar influence we can see in the changes made to the regulatory framework of the union in 2014-2016.

On October 16, 2015 the main directions of economic development of the EAEU until 2030 were approved. Within this document, several scenarios of the long-term development of the Union were defined. One of them was the scenario "Own center of power". This scenario has been prepared as a reaction to current and long-term global trends and challenges of economic development. The main idea of the scenario is to implement a systematic approach to creating «windows of opportunities» and new competitive advantages. At the scale of a single economy (even if it is quite large), this task is becoming increasingly labor-intensive, costly and risky. The formation of digital space corresponds to the implementation of the scenario "Own center of power" of the main directions of economic development of the union [2]. Today we can make the conclusion that the formation of the EAEU digital space contributed greatly to the quality changes in the union work. It affected positively not only economic indicators, but also quality work in other areas of the union.

In 2015, the Council of the Eurasian Economic Commission recognized the expediency of creating a Unified Identification System for Participants in Foreign Economic Activities. Such a system would ensure the unique identification of interested persons (including from non-Union States) not only within one State, but also within the Union as a whole. In addition, the system will reduce the amount of data required for the electronic collection, storage and processing of documents used for customs purposes and will significantly facilitate electronic communication between customs and other services of member States [3].

In 2016, at the meeting of the Advisory Committee on Agro-industrial Policy under the College of the Eurasian Economic Commission was considered the creation of a subsystem of agro-industrial complex within the framework of The Integrated information system of the Eurasian Economic Union. Document provides for the establishment of seven common resources, including a single register of varieties of agricultural plants, projected indicators of development of agro-industrial complex, database on breeding animals and breeding achievements in the field of livestock breeding and research work [4].

According to the proposals for the formation of the EAEU digital space prepared by the Eurasian Economic Commission together with representatives of the member states of the Union in 2016, the formation of the digital space in the perspective of 2025 will ensure the digital sovereignty of the Union, Creating conditions for fair and honest competition in the digital economy. There will also be a digital transformation of sectors of the economy, easier access to global markets and increased competitiveness of all economic entities of the Union [5].

Thus, in 2014-2016 the EAEU laid the foundations of digitalization, thanks to which the successful development of the Union is taking place today. This direction of the EAEU work remains relevant and continues developing. Nevertheless, we can already see its positive impact on the work of the union and on the economic and social development of the region in general.

References

1. Официальный сайт ЕАЭС: о союзе/ URL: <https://www.eaeunion.org/?lang=ru/> (дата доступа: 17.04.2025).
2. Основные направления экономического развития ЕАЭС до 2030 года, решение Высшего Евразийского экономического совета от 16 октября 2015 г. № 28 // Евразийская экономическая комиссия. Москва, 2015.
3. Единую систему идентификации участников внешнеэкономической деятельности планируется создать в ЕАЭС // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. URL: <https://pravo.by/novosti/obshchestvenno-politicheskie-i-v-oblasti-prava/2015/july/5820/> (дата доступа: 17.04.2025).
4. Основные направления согласованной агропромышленной политики Союза войдут в единый информационный ресурс // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. URL: <https://pravo.by/novosti/obshchestvenno-politicheskie-i-v-oblasti-prava/2016/december/22263/> (дата доступа: 17.04.2025).
5. Положения по формированию цифрового пространства Евразийского экономического союза: [в соответствии с распоряжением Совета Евразийской экономической комиссии № 6 от 17.03.2016 г. «О создании рабочей группы по выработке предложений по формированию цифрового пространства Евразийского экономического союза»] // Евразийская экономическая комиссия. (дата доступа: 17.04.2025).

ОБРАТНАЯ СТОРОНА МОДЕЛЬНОЙ ИНДУСТРИИ

А. А. Инбулаева

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, um15663@gmail.com*

Научный руководитель – Загорская Любовь Николаевна, старший преподаватель

Данная статья посвящена исследованию скрытых аспектов и негативных сторон модельной индустрии. В статье анализируются вопросы эксплуатации моделей, психологического давления, проблем с самооценкой и здоровьем. Цель исследования – повысить осведомлённость о скрытых рисках и вызовах, с которыми сталкиваются представители модельной индустрии.

Ключевые слова: модельная индустрия; модельные агентства; модели; стандарты красоты; эксплуатация.

THE DOWNSIDE OF MODELLING INDUSTRY

A. A. Inbulayeva

*Belarusian State University, Nezavisimosti Av., 4,
220030, Minsk, Belarus, um15663@gmail.com.*

Scientific Adviser – L. N. Zagorskaya, Senior Lecturer

This article is devoted to the research of hidden aspects and negative sides of modeling industry. The article analyzes the issues of model exploitation, psychological pressure, self-esteem and health problems. T

he aim of the research is to raise awareness about the hidden risks and challenges faced by the modeling industry.

Keywords: modeling industry; modeling agencies; models; beauty standards; exploitation.

The modeling industry is known for the strict standards that models must meet in order to have a chance of becoming popular in the market and having the opportunity for long-term cooperation with famous brands.

However, the popularity of this industry is only increasing among the younger generation, as many media outlets ignore the difficulties that a person faces within the industry, broadcasting an image of success, public adoration and wealth. However, models face many potential dangers that can harm their physical and mental health.

Most companies have strict requirements for the weight and parameters of models. In order to meet the standards, many models go on strict diets, and in some cases, declare fasting. Many of the requirements for the parameters of

models diverge from physiologically normal weight and require models to weigh less than the norm.

Thus, in pursuit of contracts, models are underweight, while they have to endure intense physical exertion, since in addition to thinness, the body must look attractive and the muscles must be toned [1].

The work of models is associated with excessive stress, since competition in the modeling industry is extremely fierce. A model's career is short-lived, since youth and high performance are valued in them.

This leads to the fact that models strive to stand out from the crowd of competitors in order to have time to occupy vacant niches. In order to prove that they are good enough, some undergo plastic surgery and injections.

The health of the body fades into the background, since the most important thing for a model is her appearance. It is also worth mentioning that most models are never able to make a dizzying career, which leads to a strong blow to self-esteem.

Constant comparison with others, a tight schedule and irresponsibility regarding health issues ultimately break a person emotionally and physically.

Moreover, in the modern world, beauty standards are extremely changeable, and the trends broadcast on social networks for often unattainable standards have a detrimental effect.

It is also worth noting that most models have to go through a huge number of castings before they can sign a contract - this is also a lot of stress, since due to strong competition, the chance of getting a prestigious and well-paid job is not very high, especially if you are a new person in the industry.

Many girls suffer from eating disorders such as bulimia and anorexia. Also, in pursuit of unrealistic standards, many resort to radical measures: refusal of proper nutrition, excessive physical activity, taking medications, acquiring various bad habits.

Many models come up with an obsessive thought that food is an enemy, and, consequently, many take the path of refusing a proper balanced diet. Diets that do not contain enough nutrients, complete or partial refusal to eat during castings and shows, abuse of the body's resources and excessive fear of gaining weight lead to physical exhaustion.

Particular attention should be paid to unscrupulous modeling agencies. As mentioned above, the competition in the modeling business is extremely high, but the number of people wishing to become part of the broadcast idea of beauty and success does not decrease.

This is what such agencies take advantage of. They lure potential models with promises of highly paid contracts with leading brands, foreign business

trips and the opportunity to become incredibly popular on the market. However, the reality is very different from the promises [2].

In the modern world, the influence of advertising is growing, and therefore on the Internet you can often find offers of highly paid work as a model abroad. The requirements are not as strict as in well-known companies, but they promise to pay a lot of money.

Naive girls fall for these offers, without thinking about the consequences. Thus, many of those stories when girls decided on such offers did not have the best ending.

Particularly dangerous are the "model" agencies that specialize in working abroad. It is known that, hiding behind the term model, girls signed contracts according to which they actually ended up in slavery. Irregular working hours, minimal pay, exploitation - this is what girls face.

This is due to the fact that girls, having succumbed to the persuasion of managers, do not pay due attention to the content of the contracts, which, moreover, can be in a foreign language.

This unties the hands of unscrupulous agencies that seek to make the maximum profit for themselves.

It is important to understand with whom exactly you are signing a contract and not to fall for tricks. You should carefully study all the points of the contract and make sure that the work offered to you fully corresponds to the declared one, check the working conditions and payment.

It is also worth remembering that the work for which you receive money implies the presence of a contract. This is not only a guarantee of your safety, but also an opportunity to avoid problems, especially when working abroad.

Among the countries where models are offered work are the countries of the Arab world, where for working without a contract, as, for example, in the UAE, they can be fined, deported or even imprisoned.

Thus, working for cash without a contract can lead to serious consequences for the model herself. This is a very high risk of becoming a victim of human slavery and exploitation, which does not guarantee a successful outcome [3].

In conclusion, the modeling industry is an extremely unsafe place. It is worth remembering that behind the beautiful picture there are many difficulties that models and those who want to become part of the industry have to face. These are psycho-physical disorders, the risk of getting into an unscrupulous modeling agency and becoming part of criminal schemes.

It is worth paying attention to issues of safety and your own health, as there are great risks to them. It's important to raise public and professional community awareness of existing problems and suggest possible solutions to create a more ethical and safe working environment in the fashion industry.

References

1. The ugly truth about the model industry / Medium.com. URL: <https://techjournalism.medium.com/the-ugly-truth-about-the-model-industry-6b1a84d43ac1>. (date of access: 23.04. 2025).
2. Common Modeling Industry Red Flags / Mymodelreality.com. URL: <https://www.mymodelreality.com/post/common-modeling-industry-red-flags>. (date of access: 23.04.2025).
3. What Can Happen If You Work Without A Work Permit in UAE / Connectgroup.com. URL: https://connectgroup.co/what-can-happen-if-you-work-without-a-work-permit-in-uae/#Consequences_Of_Hiring_without_a_Work_Permit_in_the_UAE_Employer. (date of access: 23.04. 2025).

АВТОМАТИЗИРОВАННЫЙ ПЕРЕВОД ЮРИДИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ: ПЕРСПЕКТИВЫ И ОГРАНИЧЕНИЯ

Р. А. Короленко

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, korolenkooroman@gmail.com
Научный руководитель – М. А. Тарасенко, кандидат педагогических наук, доцент*

В статье анализируется, как повседневная юридическая работа трансформируется под влиянием развития систем машинного перевода. Рассматриваются преимущества использования машинного перевода юридических текстов, потенциальные риски такого использования, а также наиболее эффективные методы работы с средствами машинного перевода для получения наиболее качественного результата.

Ключевые слова: машинный перевод; юридические тексты; специфическая лексика; культурный контекст.

AUTOMATED TRANSLATION OF LEGAL TEXTS: PROSPECTS AND LIMITATIONS

R. A. Korolenko

*Belarusian State University, Nezavisimosti Av., 4,
220030, Minsk, Belarus, korolenkooroman@gmail.com
Scientific Adviser – M. A. Tarasenko, Candidate of Pedagogics, Associate Professor*

The article analyses how legal routine is being transformed by the development of machine translation systems. In the article, the advantages of using machine translation of legal texts, the potential risks of such use, and the most effective methods of working with machine translation tools to obtain the best possible results are described.

Keywords: machine translation, legal texts, specific vocabulary, cultural context.

The deployment of automated linguistic conversion technologies has become instrumental in overcoming communicative divides within multiple professional domains, including juridical environments, yet their implementation in this precise arena continues to provoke substantial disagreement owing to fundamental vulnerabilities. Juridical materials necessitate extraordinary exactitude, since minute semantic uncertainties might completely transform the construction of agreements, statutes, or judicial determinations, possibly precipitating expensive disputes, invalidated arrangements, or judicial errors. Although computational linguistic transfer (CLT) mechanisms have progressed markedly, their capacity to negotiate intricate nomenclature, jurisdictionally particular conventions, and profound

sociocultural frameworks inherent in legal instruments remains under development and intrinsically susceptible to mistakes. This foundational apprehension regarding fidelity and the prospect of misconstruction compromising lawful processes explains the categorical refusal of machine-processed documents by judicial authorities in Belarus. Such rejection underscores the pivotal friction between technological expediency and the legal vocation's inflexible benchmarks for dependability and exactness. Still, the escalating refinement of CLT instruments presents prospects for optimizing operational sequences—conditional upon their considerable constraints and attendant perils being stringently recognized and counterbalanced through tactical amalgamation with human proficiency and thorough authentication procedures; neglecting this may render enterprises vulnerable to malpractice allegations should defective translations inflict client detriment [1].

Terminological complexities form the primary origin of hazards in juridical language transfer. Legal argot incorporates locutions that are not merely technical but profoundly system-dependent, wherein one mistranslated term could reverse intended juridical consequences. To illustrate, the doctrine of “consideration” within common law territories—an indispensable component for contract validity—lacks any precise counterpart in continental civil law structures, and CLT platforms commonly misrepresent it as “remuneration” or “deliberation,” nullifying contractual purpose [2]. Likewise, expressions such as “equity” or “trust” bear meanings forged by generations of Anglo-American legal tradition, typically demanding contextual reformulation rather than word-for-word substitution. Computational systems, even when educated on juridical corpora, habitually resort to verbatim renderings that overlook these institutional subtleties, yielding results that appear fluent yet prove forensically deceptive. Research from 2021 examining CLT results in European Union legislative materials exposed recurrent misinterpretations of terms like “regulation” (mandatory EU legislation) as “regulation” (general directives), provoking hazardous misunderstandings in domestic applications and exposure to non-conformity liabilities [3]. These deficiencies highlight the imperative for CLT systems to undergo scrupulous adaptation to the particular legal architectures between which conversion occurs, complemented by anthropic validation.

Jurisdictional disparities intensify these lexical dilemmas, establishing conditions ripe for consequential CLT inaccuracies. Judicial frameworks differ not simply in vocabulary but in rudimentary philosophical underpinnings and adjudicative protocols. Automated translation utilities, unless deliberately configured by forensic linguists to discern such voids, might discard pivotal distinctions or fabricate perilously false correspondences, possibly modifying litigants' entitlements and duties. Societal frameworks additionally convolute

this terrain, implanting tacit conventions into juridical discourse. Within Japanese commercial practice, agreements frequently emphasize unspoken mutual comprehension and relational equilibrium above overt stipulations, a cultural paradigm substantially affecting legal drafting conventions. Converting such instruments into more explicit juridical traditions, exemplified by American or German frameworks, via unsupported CLT jeopardizes eliminating these indispensable contextual dimensions, culminating in texts perceived as unduly confrontational or deficient, potentially impairing commercial partnerships or yielding voidable conditions.

Precision carries exceptional gravity within legal operations. An inaccurately rendered provision in an international amalgamation pact might unintentionally reassign culpability, subject entities to unanticipated sanctions, or nullify essential clauses; a flawed statutory translation could grievously distort judicial findings or administrative enforcement. One seminal litigation exemplifying grave fiscal and operational repercussions involved a mechanically converted Swiss patent application that mistakenly substituted “sole licensing” for “non-exclusive licensing,” instigating triennial, multi-million dollar intellectual property litigation and substantial commercial disturbance [4]. Such episodes vividly elucidate why bodies such as the European Court of Justice mandate compulsory attestation by accredited human linguists for all converted legal texts utilized officially. Nonetheless, the overwhelming documentation burden in contemporary jurisprudence, spanning electronic discovery to worldwide regulatory adherence, renders exclusive dependence on human translators unfeasible and economically burdensome. This dichotomy has accelerated hybrid paradigm development, wherein CLT manages preliminary versions and bulk textual processing, while expert forensic linguists concentrate on perfecting crucial segments to alleviate hazards; deficient revision methodologies, however, persist as a significant weakness [5].

Innovations such as Neural Computational Linguistic Transfer (NCLT), employing profound algorithmic learning to scrutinize complete phrasal units instead of discrete words, are incrementally confronting these obstacles and have markedly enhanced contextual exactness. Platforms including DeepL and SYSTRAN’s Juridical CLT utilize immense multilingual legal text repositories, improving recognition of field-specific formulations and curtailing particular mistake categories. For example, contemporary NCLT processors can differentiate “appeal” denoting a judicial mechanism (“recurso” in Castilian) from “appeal” indicating desirability (“atractivo”), a contrast frequently overlooked by prior probabilistic CLT systems, consequently diminishing procedural misapprehension risks [6]. Adjustive learning functionalities permit these instruments to assimilate user amendments, incrementally synchronizing

outputs with requisite terminology, though demanding persistent engagement and supervision. Privacy issues, another notable legal hazard, have witnessed technological countermeasures. Cloud-hosted interfaces now provide comprehensive cryptographic protection and adherence to rigorous data security statutes like the General Data Protection Regulation (GDPR), guaranteeing sensitive patron intelligence and confidential exchanges stay protected during conversion. Furthermore, amalgamation with linguistic memory systems guarantees indispensable uniformity across repetitive documents—paramount in protracted undertakings such as trans-jurisdictional lawsuits, where exact expressions like “force majeure” must persist invariant across voluminous pages to preclude contradictory readings.

Notwithstanding these improvements, deep-seated restrictions and connected exposures endure, especially regarding culturally ingrained legal notions and progressing jurisprudence. CLT grapples intensely with culturally rooted constructs, like Indigenous customary law phraseology in Canadian or Australian contexts, where formulations such as “Native Title” incorporate multifaceted historical, spiritual, and collective dimensions wholly absent from Occidental judicial systems. A 2021 investigation of CLT renditions for Māori territorial entitlement accords discovered systems simplistically transformed genuine tribal covenants into rudimentary property conveyances, expunging their cultural import and juridical force, potentially weakening treaty entitlements and conciliation initiatives [7]. Equally, CLT cannot currently emulate the refined discernment requisite for construing legislative diction or fluid jurisprudential precedents. For instance, the expression “privacy” under the EU’s GDPR has undergone dynamic judicial interpretation across member nations, a contextually contingent progression that static CLT systems might not reflect, producing translations that are obsolete or discordant with prevailing legal benchmarks, heightening conformity exposures.

Optimizing benefit while curtailing CLT’s considerable perils in juridical spheres necessitates professionals enacting holistic tactics merging technological efficacy with vital anthropic proficiency. The indispensable methodology encompasses exacting post-conversion refinement protocols, wherein specialist linguists and juristically credentialed authorities meticulously inspect and amend CLT-produced substance, concentrating beyond verbiage onto juridical consequence. Their objective prioritizes high-exposure segments such as indemnity stipulations, statutory delineations, jurisdictional nomenclature, and decisive clauses. This phase proves critical for conserving distinctions absolutely vital to juridical resolutions—like the compulsory force of “shall” versus the discretionary “may” in contractual duties, or the exact boundaries of reimbursement guarantees—thereby reducing hazards of expensive misreading and contention. Concurrently, CLT engines

undergo perpetual education using specialized legal lexicons, proprietary nomenclatures, and contemporary binding case law to better harmonize outputs with sector requirements. A practice concentrating on intellectual property, for example, might rigorously calibrate its CLT mechanism to identify patent-particular syntax or authoritative precedents from pivotal copyright litigations, thus diminishing, though never abolishing, exhaustive post-conversion refinement necessity.

Combined operational sequences undergo additional refinement through strategic task apportionment between mechanization and anthropic intervention predicated on peril evaluation. CLT commonly addresses extensive, urgent operations like initial document scrutiny during evidentiary phases, patent novelty investigations, or internal correspondences where flawless exactness is marginally less pivotal and velocity is critical. Yet, executed contracts, legal submissions, regulatory presentations, or arbitration instruments stay unreservedly consigned to certified human translators and juridical language specialists to guarantee stylistic unity, subtle signification, and rigorous observance of jurisdictional protocols and customs. This peril-regulated tactic equilibrates productivity with the meticulousness demanded to sustain legal efficacy and safeguard client welfare, empowering forensic collectives to satisfy stringent timelines without sacrificing the caliber prerequisite for executability and principled practice. No less crucial is the unwavering dedication to perpetual education and modernization of CLT systems. Judicial milieus transform swiftly via emergent legislation, pivotal adjudications, and fluctuating regulatory interpretations, necessitating incessant, prompt revisions to conversion paradigms to sustain pertinence and precision. Incorporating contemporary judicial precedents and legislative modifications into CLT instructional data enables enterprises to better assure translations mirror prevailing juridical tendencies and vocabulary. For example, a mechanism refreshed following the US Supreme Court's *Carpenter* ruling regarding digital confidentiality would more faithfully convert and contextualize phrases like "reasonable expectation of privacy" in transnational data exchange pacts [8]. Collectively, these methodologies—meticulous post-editing, discipline-specific engine personalization, hazard-informed workflow integration, and ceaseless system education—establish a robust infrastructure wherein CLT hastens output while specialist human surveillance protects the exactness, subtlety, and purpose indispensable to principled and efficient juridical operations.

Ultimately, computational linguistic transfer is indisputably reconstituting legal practice by facilitating swift, economical management of perpetually expanding multilingual documentation volumes. However, the singular requirements of juridical language—profoundly embedded in heritage, societal norms, and rigorous logic—combined with the dire ramifications of inaccuracy,

mandate a stringently governed complementary paradigm wherein CLT enhances velocity and humans guarantee exactitude and accept accountability for definitive deliverables. As NCLT platforms advance in sophistication through exposure to heterogeneous juridical datasets, their functionality and trustworthiness in diminished-hazard functions will broaden, yet the inestimable contribution of adept legal linguists and practitioners in preserving fidelity, cultural subtlety, and juridical purpose will persist. For the legal occupation, progression demands judiciously exploiting CLT's capacities while preemptively confronting its limitations and innate exposures through stringent anthropic supervision, uninterrupted specialized instruction, and principled, client-conscious utilization that esteems juridical soundness above sheer rapidity or frugality.

References

1. The Liability of Legal Machine Translation: Navigating Uncharted Waters // International Journal for the Semiotics of Law. 2023.
2. Šarčević S. Legal Translation Competence: Insights from Multilingual Settings. Cambridge : Cambridge University Press, 2018.
3. European Commission. Machine Translation in EU Legal Practice: Challenges and Opportunities. Brussels : European Commission, 2021.
4. Lommel A., Uszkoreit H., Burchardt A. Hybrid Translation Models in Multilingual Litigation // Journal of Legal Technology. 2019. Vol. 12, iss. 3. P. 45–62.
5. Machine Translation Post-Editing in Law: Necessity and Best Practices // Clarity: Journal of the International Association for Plain Language. 2022.
6. Forcada M. L. Neural Machine Translation for the Legal Domain // Proceedings of the Workshop on Human-Informed Translation and Interpreting Technology / Association for Computational Linguistics. Copenhagen : Association for Computational Linguistics, 2017. P. 112–128.
7. Way A. Adaptive MT Systems for Culture-Specific Legal Texts // Machine Translation Journal. 2021. Vol. 35, iss. 4. P. 301–320.
8. Keeping Legal MT Current: The Imperative of Continuous Training // The Georgetown Law Technology Review. 2024.

ОТ ПИЛОТА К ГЛОБАЛИЗАЦИИ: ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ И ПЕРСПЕКТИВНЫЕ ВЫЗОВЫ ЦИФРОВОГО ЮАНЯ (E-CNY)

А. Р. Козырь

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, marsel020615@mail.ru
Научный руководитель – Яо Цзяхуэй, кандидат экономических наук, доцент*

В статье рассматривается развитие и последствия внедрения цифровой валюты центрального банка Китая (CBDC) – цифрового юаня (e-CNY) – в контексте глобальной цифровизации финансовой сферы. Подчеркивая ведущую роль Китая в инновациях в области CBDC, исследование прослеживает эволюцию e-CNY с момента его появления в 2014 году до масштабного пилотного внедрения. Результаты показывают, что несмотря на то, что e-CNY подтверждает технологическое и финансовое лидерство Китая, его долгосрочный успех зависит от преодоления технических, нормативных и геополитических вызовов.

Ключевые слова: Китайская Народная Республика (КНР); цифровая валюта центрального банка (CBDC); цифровая экономика; цифровой юань (e-CNY); системы цифровых платежей; технология блокчейн; инновации.

FROM PILOT TO GLOBALIZATION: THE DEVELOPMENT PATH AND FUTURE CHALLENGES OF E-CNY

A. R. Kozyr

*Belarusian State University, Nezavisimosti Av., 4,
220030, Minsk, Belarus, marsel020615@mail.ru
Scientific adviser – Yao Jiahui, Candidate of Sciences in Economics, Associated Professor*

This article examines the development and implications of China's Central Bank Digital Currency (CBDC), the digital yuan (e-CNY), within the global financial digitalization landscape. Highlighting China's pioneering role in CBDC innovation, the study traces the e-CNY's progression from its 2014 inception to its extensive pilot deployment. Findings indicate that while the e-CNY underscores China's technological and financial leadership, its long-term success hinges on overcoming technical, regulatory, and geopolitical challenges.

Keywords: The People's Republic of China; Central bank digital currency (CBDC); digital economy; digital yuan (e-CNY); digital payment systems; blockchain technology; innovation.

The advent of cryptocurrencies and blockchain technology has sparked worldwide interest in digital payment systems, promoting central banks to develop Central Bank Digital Currencies (CBDCs). China, as the world's second-largest economy, has positioned itself at the forefront of this

transformative financial landscape. A CBDC is a sovereign digital currency issued by a central bank as legal tender, maintaining a fixed 1:1 parity with its fiat counterpart. The increasing demand for digital payment solutions, driven by expanding e-commerce and cross-border transactions, is hastening the global adoption of CBDC. This trend is particularly significant in developing countries, where digital currencies provide unbanked populations with more accessible and secure financial services.

According to China Research & Intelligence (CRI), the global digital currency user base reached 562 million in 2024, making a 34% increase from 420 million in 2023 [1].

China initiated its exploration of digital currency in 2014, leading to the launch of the Digital Currency Electronic Payment (DCEP) project in 2017, now referred to as e-CNY. Serving as a substitute for physical currency, e-CNY holds equivalent legal status and functionalities as the renminbi [2].

Pilot trials for e-CNY began in April 2020 across several major cities, including Shenzhen, Suzhou, Chengdu, and Xiong'an. To advance digital currency development and enhance oversight, the Chinese government has implemented various policies, such as the "14th Five-Year Plan for Digital Economy Development", which emphasizes the need to promote the research, development and application of the digital RMB, as well as to enhance the governance system for the digital economy.

The PwC Central Bank Digital Currencies Global Index of 2021 ranked the People's Bank of China (PBoC)'s digital currency project as the most promising, reliable, and advanced among major global economies [3]. By the end of 2024, the pilot program spanned 26 cities across 17 provinces, encompassing one-fifth of China's population [4].

Projections indicate that the scale of China's digital currency market will continue to grow rapidly, with an anticipated value of around RMB 1.5 trillion by 2025, representing a compound annual growth rate exceeding 30% [1]. As of the end of July 2024, the e-CNY app has amassed a total of 180 million personal wallets, and the cumulative transaction volume in pilot areas has surpassed RMB 7.3 trillion [4].

Moreover, PBoC has actively utilized smart contracts to manage interest rates for its CBDC, the e-CNY. This digital currency is interconnected with the Faster Payment System of the Hong Kong Monetary

Authority and is being incorporated into various payment systems in China, such as Alipay and WeChat Pay, serving a combined user base of 1.3 billion users globally [5; 6]. The period from 2021 to 2024 witnessed a significant rise in e-CNY transaction volumes, highlighting the increasing importance of China's digital currency within the domestic economy. In February 2021, PBoC in partnership with the central banks of Thailand, the

United Arab Emirates, and Hong Kong, launched a digital currency network for cross-border transactions.

The Saudi Central Bank later joined this collaboration, propelling the project to its minimum viable product phase.

This joint effort aims to investigate a cross-border wholesale CBDC project referred to as the Multiple Central Bank Digital Currency (mBridge) project.

In addition to the mBridge project, the e-CNY is undergoing trials in several significant initiatives, including integration with China's Blockchain-based Service Network, cross-border payment pilot programs, transactions associated with the Belt and Road Initiative, leveraging existing domestic payment infrastructure, and establishment endeavors.

It should be noted that the e-CNY presents several advantages, including streamlined payment processes, reduced costs for cash handling and bank transfers, increased transparency in the national financial system, enhanced control over economic activities, support for innovation and Fintech development, improved resilience to global economic fluctuations, and strengthened China's position in the international monetary system.

Based on these advantages, the e-CNY's potential development can be projected in distinct phases. In the short-term (2025-2030), it is anticipated that the e-CNY will establish domestic predominance and undergo pilot expansion, with government directives driving its adoption to replace physical cash in about 30% of transactions in China by 2030.

Additionally, the expansion of the mBridge project to facilitate instant yuan settlements is anticipated.

Medium-term projections (2030-2040) focus on the global internationalization of the RMB. Long-term projections (2040-2049) indicate a potential transformation of the financial system.

However, the digital yuan encounters significant challenges, including privacy concerns, cybersecurity risks, centralized control, potential disparities in digital access, and geopolitical implications.

Overcoming these obstacles is crucial for its enduring viability.

The e-CNY demonstrated successful deployment and acceptance within China, with efforts to broaden its reach globally evident in initiatives such as the mBridge project. These advancements underscore the growing global importance of the e-CNY and its potential integration into the international monetary system.

In conclusion, the successful implementation and adoption of e-CNY within China, along with its international expansion through initiatives such as the mBridge project, underscore its growing global importance and potential impact on the international monetary system.

References

1. 2025年数字货币行业政策分析及前景预测 = Policy Analysis and Growth Forecast for the Digital Currency Industry (2025) // 中研网= China Research & Intelligence. URL: <https://www.chinairn.com/hyzz/20241220/16333687.shtml> (date of access: 13.05.2025).
2. Progress of Research & Development of E-CNY in China // The People's Bank of China. URL: <http://www.pbc.gov.cn/en/3688110/3688172/4157443/4293696/2021071614584691871.pdf> (date of access: 19.04.2025).
3. PwC CBDC global index // PwC. URL: <https://www.pwc.com/gx/en/industries/financial-services/assets/pwc-cbdc-global-index-1st-edition-april-2021.pdf> (date of access: 19.04.2025).
4. 数字人民币试点五周年回眸 = Five-Year Review: Assessing China's Digital RMB Pilot Program // 国研网= Development Research Center of the State Council Network. URL: <http://cxxs.hzlib.net/DRCNet.Mirror.Documents.Web/DocSummary.aspx?docid=7760678&leafid=26618> (date of access: 13.05.2025).
5. Alipay Statistics 2023 – Market Share, Facts and Marketing Trends // EnterpriseAppsToday. URL: <https://www.enterpriseappstoday.com/stats/alipay-statistics.html> (date of access: 19.04.2025).
6. How Many People Use WeChat? User Statistics & Trends (2024) // BankMyCell. URL: <https://www.bankmycell.com/blog/number-of-wechat-users/> (date of access: 19.04.2025).

СУДЕБНЫЕ ПРЕСЛЕДОВАНИЯ ПРОТИВ МАРИН ЛЕ ПЕН: ИХ ВЛИЯНИЕ НА ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЛАНДШАФТ ВО ФРАНЦИИ

А. О. Куценко

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, artyom.kutsenkoo@gmail.com
Научный руководитель – Г. П. Куделич, старший преподаватель*

Настоящая статья рассматривает, каким образом судебные преследования против лидера французской оппозиции Марин Ле Пен оказывают влияние на политический ландшафт в современной Франции в частности и в Европе в целом.

Ключевые слова: Марин Ле Пен; Национальное собрание; неизбираемость; ультраправые; президентские выборы; политические партии; Европейский союз.

LES POURSUITES CONTRE MARINE LE PEN: LEUR IMPACT SUR LE PAYSAGE POLITIQUE FRANÇAIS

A. O. Kutsenko

*Université d'État de Biélorussie, Nezavisimosti Av., 4,
220030, Minsk, Biélorussie, artyom.kutsenkoo@gmail.com
Superviseur – G. P. Kudelich, maître de conférences*

Cet article examine comment les poursuites contre le leader de l'opposition française Marin Le Pen influencent le paysage politique en France contemporaine et dans l'ensemble de l'Europe.

Mots clés: Marine Le Pen; Rassemblement national; inéligibilité; extrême droite; élection présidentielle; partis politiques; Union Européenne.

Le 31 mars, le tribunal correctionnel de Paris a reconnu Marine Le Pen, dirigeante du parti national-conservateur d'opposition «Rassemblement national», coupable de détournement de fonds du Parlement européen. Cette condamnation interdit à une figure clé de l'opposition française de participer aux élections. Trente de ses collaborateurs ont également été condamnés dans la même affaire pour avoir détourné des fonds européens dans le cadre d'un système d'emplois fictifs.

Depuis son accession à la présidence du Front national en 2011, Marine Le Pen a entrepris une stratégie de «dédiabolisation» visant à rompre avec l'image controversée héritée de son père, Jean-Marie Le Pen. Cette démarche s'est traduite par l'expulsion de ce dernier du parti en 2015, marquant une volonté claire de s'éloigner des propos polémiques et des références à la Seconde Guerre

mondiale qui caractérisaient l'ère précédente. En 2018, le parti a été rebaptisé Rassemblement national, symbolisant une tentative de normalisation et d'élargissement de sa base électorale.

Le programme de Marine Le Pen se distingue par un souverainisme affirmé et une volonté de réorienter la politique étrangère française. Sur le plan européen, elle prône la primauté du droit national sur le droit européen, la suppression de la contribution française au budget de l'UE et un contrôle renforcé des frontières, ce qui pourrait entraîner des sanctions financières ou une sortie de facto de l'Union [1].

Concernant la Russie, Le Pen défend une politique de rapprochement, envisageant une levée des sanctions et une coopération stratégique, notamment dans la lutte contre le terrorisme. Elle propose également de sortir du commandement intégré de l'OTAN, affirmant la volonté de la France de retrouver une pleine souveraineté en matière de défense.

La femme politique française s'est présentée trois fois à l'élection présidentielle: en 2012, 2017 et 2022. Lors des deux derniers scrutins, elle est parvenue au second tour, mais a été battue à chaque fois par l'actuel président Emmanuel Macron. En 2012, elle a recueilli 17,9% des voix au premier tour, contre 27,2% pour François Hollande et 28,6% pour Nicolas Sarkozy. En 2017, elle a obtenu 33,9% au second tour face aux 66,1% de Macron. En 2022, elle a recueilli 41,5% contre 58,5% pour le président sortant [2].

Selon la décision du tribunal, la dirigeante du parti est déclarée inéligible pour une durée de cinq ans et condamnée à quatre ans de prison, dont deux années sous surveillance électronique, suivies de deux années avec sursis. Elle doit également s'acquitter d'une amende de 100 000 euros.

Ainsi, une figure centrale de l'opposition française ne pourra pas se présenter à l'élection présidentielle de 2027, où elle était pourtant donnée favorite. Selon les médias français, Le Pen devançait largement ses concurrents au premier tour, recueillant entre 34% et 37% des intentions de vote, tandis que les autres candidats potentiels comme l'ancien Premier ministre Édouard Philippe et l'ex-Premier ministre Gabriel Attal obtenaient respectivement entre 20% et 25%, et 20% [2].

Cette décision a suscité une vive réaction de ses partisans, avec des manifestations organisées par le Rassemblement national, présentées comme une défense de la démocratie française.

Sur la scène internationale, la presse a qualifié cette condamnation de «séisme politique», s'interrogeant sur l'avenir du parti et de la démocratie française. Des dirigeants étrangers, tels que Viktor Orban et Geert Wilders, ont exprimé leur soutien à Le Pen, dénonçant une décision judiciaire politiquement motivée [3].

Après la condamnation, Marine Le Pen a déclaré se considérer innocente, qualifiant l'interdiction de se présenter à l'élection présidentielle de 2027 de «décision politique» visant à l'empêcher de briguer la présidence. Elle a également exprimé ses regrets pour les «millions de Français qui ont perdu leur candidate». Néanmoins, elle s'est dite confiante dans l'issue de l'appel [4].

Le Rassemblement national dispose toutefois d'un candidat de remplacement: Jordan Bardella, 29 ans, président officiel du parti depuis 2022, et déjà pressenti pour le poste de Premier ministre. «Aujourd'hui, ce n'est pas seulement Marine Le Pen qui est condamnée injustement: c'est la démocratie française qui est attaquée», a-t-il écrit sur le réseau social X après la décision du tribunal [5].

La pertinence d'une candidature de Jordan Bardella à la présidentielle de 2027, si Le Pen échoue en appel, est confirmée par ses bons résultats dans les sondages. Il fait partie des hommes politiques les plus populaires en France. Un sondage Odoxa pour Public Sénat le place dans le trio de tête, après Marine Le Pen et devant Édouard Philippe. Bardella affirme dans ses discours une «loyauté absolue» envers Marine Le Pen, soulignant qu'il lui est «redevable» [6]. Cependant, il n'a aucune expérience de gestion, contrairement à tous les présidents de la Cinquième République. Même Emmanuel Macron avait occupé un poste ministériel important avant son accession à la présidence.

Les électeurs français ont réagi de manière contrastée à cette condamnation judiciaire. Selon un sondage réalisé par Le Figaro, 47% des personnes interrogées se sont dites mécontentes de cette décision, 30% y sont restés indifférents, tandis que 23% l'ont approuvée [4].

Comme l'a souligné le politologue français Jean-Yves Camus, la décision du tribunal correctionnel a été rendue par des juges majoritairement orientés à gauche. Leur partialité est évidente, puisqu'ils ont interdit à Le Pen de se présenter, indépendamment du recours. Cela démontre une peur devant une candidate de droite ayant une réelle chance de remporter l'élection présidentielle [5].

Il est évident que le Rassemblement national est aujourd'hui confronté à une épreuve de maturité. C'est l'occasion pour cette formation politique de prouver qu'elle peut exister indépendamment de la personnalité de Marine Le Pen et mener le combat politique de manière autonome. Il est évident que les partis concurrents – qu'ils soient républicains ou de gauche – chercheront à tirer profit de cette situation pour attirer son électorat.

Tant en France qu'à l'échelle européenne, les élites politiques manifestent une profonde inquiétude face à la progression des partis d'extrême droite. Le discours de ces derniers remet en cause l'architecture institutionnelle de l'Union européenne, fondée sur les principes de solidarité, d'intégration, d'ouverture et de gouvernance supranationale. Mais cette inquiétude ne tient pas uniquement

au programme politique de ces partis: elle repose aussi sur des souvenirs historiques profondément ancrés. Dans les années 1930 et 1940, la montée de l'extrême droite a conduit à la prise de pouvoir par des régimes autoritaires en Allemagne, en Italie, en Espagne, et ailleurs. Ces régimes ont plongé l'Europe dans la Seconde Guerre mondiale, entraînant des pertes humaines massives, des déplacements de populations, des violations des droits humains et la destruction de la stabilité continentale. La crainte d'un retour de telles dynamiques, même sous des formes modernes, est omniprésente chez les responsables européens.

Ce phénomène de marginalisation judiciaire et politique des politiciens de droite ne se limite pas à la France. En Italie, Matteo Salvini a été poursuivi pour abus de pouvoir dans l'affaire de la fermeture des ports aux migrants en 2019. En Espagne, plusieurs membres de Vox ont été visés par des enquêtes pour «incitation à la violence». En Allemagne, Björn Höcke, figure de proue de l'AfD, est actuellement jugé pour avoir utilisé des slogans interdits rappelant la propagande nazie [7]. Ces affaires démontrent une tendance nette: les droites radicales sont de plus en plus souvent confrontées à des obstacles judiciaires ou administratifs remettant en question leur légitimité politique.

Il est donc possible que ce processus s'intensifie, surtout dans un contexte de tentatives d'ingérence des forces conservatrices américaines dans la politique européenne. L'affaire Le Pen ne marque pas une fin, mais le début d'un nouveau chapitre. Si les partis de droite parviennent à se structurer comme un mouvement cohérent, détaché de la dépendance aux leaders concrets, leur influence pourra se maintenir. Sinon, ils risquent de disparaître, aussi bien de la scène politique française qu'européenne.

La condamnation de Marine Le Pen intervient dans un contexte de montée en puissance du Rassemblement national, devenu la principale force d'opposition à l'Assemblée nationale depuis 2022. Cette décision judiciaire, perçue par certains comme une tentative d'écarter une adversaire politique majeure, soulève des questions sur l'utilisation des institutions judiciaires à des fins politiques. Elle reflète également les tensions au sein du pouvoir exécutif, confronté à une opposition croissante et à une instabilité politique accrue.

Références

1. Marine Le Pen: jeunesse, vie privée et parcours politique. URL: <https://www.linternaute.fr/actualite/biographie/1367248-marine-le-pen-jeunesse-vie-privee-et-parcours-politique/> (date d'accès: 25.05.2025).

2. Marine Le Pen: inéligible ne signifie pas éliminée: URL: <https://charliehebdo.fr/2024/11/politique/extreme-droite/marine-le-pen-ineligible-ne-signifie-pas-eliminee/> (date d'accès: 23.05.2025).

3. Марин Ле Пен признана виновной в хищении средств Европарламента: URL: <https://theins.ru/news/280112> (дата обращения 20.05.2025).

ЛИДЕРСТВО В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ: ВЛИЯНИЕ ТАРИФНОЙ СТРАТЕГИИ И ПРИВАТИЗАЦИИ НА КОНЦЕНТРАЦИЮ БОГАТСТВА В США

К. В. Лущик

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, ksenlush17@gmail.com
Научный руководитель – О. В. Косточкина, старший преподаватель*

Изучение экономических мер администрации Трампа и их влияние на перераспределение благосостояния демонстрирует значимые аспекты современного экономического лидерства в условиях глобализации. Данное исследование раскрывает противоречия между декларируемыми целями защиты национальных экономических интересов и фактическими результатами политических решений, которые преимущественно обогащают крупнейшие корпорации за счет потребителей и малого бизнеса.

Ключевые слова: тарифная политика; экономическое лидерство; приватизация; концентрация богатства; катастрофический капитализм; корпоративные интересы; международное торговое право.

LEADERSHIP IN ECONOMIC POLICY: THE IMPACT OF TARIFF STRATEGY AND PRIVATIZATION ON WEALTH CONCENTRATION IN THE USA

K. V. Lushchyk

*Belarusian State University, Nezavisimosti Av., 4,
220030, Minsk, Belarus, ksenlush17@gmail.com
Scientific Adviser – O. V. Kostochkina, Senior Lecturer*

The study of the Trump administration's economic measures and their impact on wealth redistribution demonstrates significant aspects of modern economic leadership in the context of globalization. This research reveals contradictions between declared goals of protecting national economic interests and actual results of political decisions that primarily enrich major corporations at the expense of consumers and small businesses.

Keywords: tariff policy; economic leadership; privatization; wealth concentration; disaster capitalism; corporate interests; international trade law.

Tariffs are not a new policy tool. It is quite literally old as day, but as we know it, it has been used not even for a century. Most countries that used tariffs had to do it in order to protect domestic economy and market, but in a long run it's quite a dangerous and harming policy if unsupervised. While yes, it is a great defence mechanism, when used aggressively, it harms everybody around

you, including yourself. The fact is simply not up for a discussion, being confirmed through history with quite a number of precedents that greatly reflect the provocative nature of tariffs.

In 2018, when the Trump administration slapped a 25% tariff on steel imports, U.S. Steel's CEO pocketed a \$13 million payday – while its workers saw layoffs and stagnant wages. Meanwhile, the World Trade Organization (WTO) ruled the tariffs illegal, and absolutely nothing happened [1]. This is the story of how *economic nationalism* became a smokescreen for the greatest wealth grab in modern American history.

People all around the world are used to the thought of the USA being one of the most economically developed countries. Investors have been funding the country for years now, confident in its economic stability and profitability. Some would think that the system was perfectly fine on its own, not needing any drastic changes and innovations. But then the businessman won the elections in 2016, and then again, in 2024. Thinking about it, America operates a lot like one big company with almost everything that is treated as a public good world-wide being squeezed for profit in USA (e.g. health-care, schooling, even imprisonment), so what bad can happen from choosing a person, his whole life priding himself for being a well-versed businessman, as a ‘CEO’ of the country? The current economic situation answers this question impeccably.

While tariffs may offer short-term protection for domestic industries, they often act as a double-edged sword, simultaneously bolstering local economies and inflicting unintended harm through trade wars, inflated consumer costs, and stifled global competitiveness. For example, The U.S. Smoot-Hawley Tariff Act raised around 900 import tariffs by an average of 40% to 60%. Its purpose was to safeguard U.S. businesses and farmers. The U.S. raised tariffs on over 20,000 imported goods. As a result, major trade partners, such as Canada and Europe hit them back with retaliatory tariffs, causing U.S. exports to plummet by 60%, which deepened economic crisis and worsened the Great Depression [2, p.125]. Many U.S. industries reliant on exports (e.g., agriculture) suffered.

Another good example is EU’s Solar Panel Tariffs on China (2013–2018), that killed jobs in Renewable Energy, heightened the costs for green energy, since solar installations slowed due to increased prices, and led to more jobs losses in solar installation (which relied on cheap panels) instead of saving manufacturing. The EU dropped most tariffs by 2018 after backlash. But there is a probable answer to the question of why Trump is so insistent on his tariff policy: it is beneficial for the ones for whom the tariffs were made for. In economics there exists a special term called *disaster capitalism* as a practice of taking financial advantage of natural or man-made disasters and unstable social, political or economic situations [3, p.47], and it is a lot like what is happening in the USA now.

Donald Trump's 2018 tariffs – particularly on steel, aluminum, and Chinese goods – were framed as protecting American industries, but the benefits were highly uneven. While some politically connected sectors have seen significant gains, the broader economic impact was negative. A small group of U.S. steel and aluminum companies saw record profits due to reduced competition. For example Nucor, U.S. Steel, and Alcoa stock prices surged initially, though many later dropped as demand weakened. Steel prices in the U.S. spiked 40%, boosting revenues for domestic mills [4, p.117]; some politically connected firms (e.g., Koch Industries, Harley-Davidson) got exemptions while competitors suffered.

At the same time U.S. manufacturers, relying on steel/aluminum (auto, construction, machinery) paid \$5.6B extra in 2018 alone, and U.S. taxpayers funded the \$28B farm bailout and trade war fallout. The real winners were not American workers, but the tariffs enriched a handful of corporations and lobbyists and made the U.S. economy less competitive overall, which meant less hustle for the companies that managed to stay in business, which is, of course, beneficial for them [4, p.124]. No more worrying about smaller companies stepping on their toes, only same corporate giants to think about. Trump's tariffs were a wealth transfer – from American consumers and small businesses to a few big companies and foreign competitors.

In a significant rebuke to Trump's trade policies, the World Trade Organization (WTO) ruled in December 2022 that the steel and aluminum tariffs violated global trade rules. The WTO panels explicitly rejected the U.S. claim that the tariffs were justified on national security grounds, stating that the duties did not come *at a time of war or other emergency*. The panels found that the duties were inconsistent with Article II:1 of the GATT 1994 as they exceeded the bound tariff rates in the United States' WTO Schedule of Concessions. Additionally, the exemptions granted to certain countries violated the requirement of most-favored-nation treatment under Article I:1 of the GATT 1994. But what happened after this clear ruling that the tariffs were illegal under international trade law? Essentially nothing. The United States *strongly rejected* the ruling and stated it had no intention of removing the measures [5]. The Biden administration, far from distancing itself from Trump's measures, openly condemned the panel's decisions.

The same is happening right now. Ever since the announcement of the tariffs there have been a lot of speculation going around about the possible potential beneficiaries for some certain domestic companies, especially Tesla. With the 25% tariff on all of the imported vehicles there is a clear advantage for the manufactures, producing their cars within the country. Not only that, but there are also the tariffs on aluminum and steel, as well as the batteries for the electro-vehicles, that are mostly produced in China and are widely used by the

EV manufactures all around the world. And since April 9th, China is under 88% tariff. But the thing is, Tesla doesn't use all this. Almost all of the raw materials used in the creation of Tesla machines are produced domestically, including the batteries.

Trump's second administration has accelerated privatization efforts through the creation of the Department of Government Efficiency (DOGE), led by billionaire Elon Musk. While presented as a cost-cutting initiative, this represents a dramatic acceleration of a decades-long trend of shrinking government's role while expanding private sector control over public services.

The administration has already moved forward with major cuts, including sweeping workforce reductions, curtailment of government operations, and purges of entire agencies, resulting in thousands of federal workers losing their jobs. The pattern emerging from both tariff policies and privatization efforts is consistent-public policies framed as protecting American interests have primarily served to enrich a small segment of already wealthy Americans. The tariffs created protected markets where corporate profits soared while imposing costs broadly across the economy [6, p.89]. Similarly, privatization efforts transfer public assets and functions to private entities, creating profit opportunities for well-connected individuals and companies.

While economic nationalism is framed as benefiting American workers, the evidence suggests that the primary beneficiaries were corporate executives and shareholders. The tariffs effectively created a protected market with higher prices, generating record profits for domestic producers while consumers and downstream industries faced higher costs. The consequences of this rapid privatization are likely to be significant economic disruptions, particularly in industries dependent on federal support. For example, USAID cuts have already sent shock waves through the private sector agricultural economy. Perhaps most concerning is the risk of eroding democratic accountability as public functions move to private entities with less transparency and oversight. The education system also took a massive hit, considering the rapidly growing number of private schools and universities and the new Minister of Education being Linda McMahon, famously known for her aversion regarding public education.

Trump's economic policies, from tariffs to privatization, reveal a consistent pattern of benefiting corporate interests and the ultra-wealthy while imposing costs on workers, consumers, and the broader economy. The 2018 steel tariffs created windfall profits for domestic producers and their executives while downstream industries suffered increased costs. The WTO ruling against these tariffs was simply ignored, demonstrating how international trade law can be disregarded when it conflicts with domestic political and economic agendas. The current privatization push through DOGE represents an acceleration of long-term trends transferring public functions to private hands. Together, these

policies constitute a significant wealth transfer mechanism-reducing democratic accountability and concentrating economic power in fewer hands.

References

1. United States – Certain Measures on Steel and Aluminum Products: Report of the Panel 1. WTO Dispute Settlement DS544, DS547, DS548, DS550, DS551, DS552, DS556, DS564, DS574. Geneva: World Trade Organization, 2022. URL: <https://shorturl.at/f8Jz0>. (date of access: 16.04.2025).
2. Irwin, Douglas A. *Clashing over Commerce: A History of US Trade Policy* / Chicago: University of Chicago Press, 2017. 832 p.
3. *Klein, Naomi*. *The Shock Doctrine: The Rise of Disaster Capitalism* / New York: Metropolitan Books, 2007. 701 p.
4. *Bown, Chad P.* The 2018-2024 U.S.-China Trade War: A Retrospective Analysis / *Journal of International Economics* 45. 2023. № 2. P. 112–130.
5. General Agreement on Tariffs and Trade 1994, Article II:1 (Schedules of Concessions), in *Legal Texts: The Results of the Uruguay Round of Multilateral Trade Negotiations*. Geneva: World Trade Organization, 1999, Mode of access: <https://shorturl.at/eTxgz>. (date of access: 16.04.2025).
6. *Stiglitz, Joseph E.* *People, Power, and Profits: Progressive Capitalism for an Age of Discontent* / New York: W.W. Norton & Company, 2019. 366 p.

СТАТУС СТРАНЫ-ПАРТНЕРА БРИКС ДЛЯ БЕЛАРУСИ: ПЕРСПЕКТИВЫ И ВЫЗОВЫ

В. В. Малиновская

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, nikmalinovskayaaa@gmail.com
Научный руководитель – И. А. Таранда, старший преподаватель*

В статье рассматриваются перспективы и вызовы, связанные с получением Республикой Беларусь статуса страны-партнёра БРИКС. Автор анализирует разные аспекты сотрудничества и оценивает вовлеченность Беларуси в мероприятия БРИКС. Также обозначены возможные риски партнёрского статуса. В заключение дается рекомендация для эффективного взаимодействия Беларуси с межгосударственным образованием.

Ключевые слова: Беларусь, БРИКС, статус страны-партнера, экономическое развитие, многополярный мир, международное сотрудничество

BRICS PARTNER COUNTRY STATUS FOR BELARUS: PROSPECTS AND CHALLENGES

V. V. Malinovskaya

*Belarusian State University, Nezavisimosti Av., 4,
220030, Minsk, Belarus, nikmalinovskayaaa@gmail.com
Scientific Adviser – I. A. Taranda, Senior Lecturer*

The article examines the prospects and challenges associated with Belarus' becoming a BRICS partner country. The author analyses various aspects of cooperation and assesses Belarus' involvement in BRICS events. Possible risks of the partner status are also outlined. The paper concludes with recommendations for Belarus' effective interaction with the interstate entity.

Key words: Belarus, BRICS, partner country status, economic development, multipolar world, international co-operation

BRICS is an interstate entity comprising ten nations that plays a pivotal role in shaping a multipolar world order. By uniting countries with diverse cultural, economic, and geographical backgrounds, BRICS seeks to amplify their collective influence in global affairs. The member states are committed to deepening trade and investment partnerships while fostering a business-friendly environment to stimulate entrepreneurship and economic growth.

Beyond economic collaboration, BRICS promotes extensive cooperation in science, technology, and innovation, facilitating knowledge exchange and joint research initiatives. The organization also prioritizes cultural and

educational exchanges, strengthening mutual understanding and people-to-people ties among member nations. Additionally, BRICS engages in collaborative efforts in healthcare, including disease prevention, medical research, and public health strategies, to enhance the well-being of their populations.

Through these multifaceted initiatives, BRICS not only accelerates technological and scientific progress but also reinforces solidarity among emerging economies, contributing to a more balanced and inclusive global governance system.

As the BRICS continues to expand, its influence in international trade, development financing, and geopolitical stability is expected to grow, further solidifying its role as a key pillar of the evolving world order. During the 2024 BRICS Summit in Kazan, the Russian Federation, a new category of BRICS-related states was proposed – 13 states were granted the status of ‘BRICS Partner Countries’. Among them is the Republic of Belarus.

On 5 November 2024, President of the Republic of Belarus Alexander Lukashenko signed a letter addressed to President of the Russian Federation Vladimir Putin on the readiness of our country to join BRICS as a partner. The document was handed over by Foreign Minister Maxim Ryzhenkov to Russian Ambassador Boris Gryzlov during a personal meeting. An official response to a written invitation is a mandatory element of the procedure agreed upon by the member states for obtaining partnership status. Thus, on 11 November 2024, the Republic of Belarus officially became a BRICS partner country [1].

In his message, the President of Belarus emphasised that since its establishment, BRICS has been steadily strengthening multilateral interaction, becoming not just a symbol but one of the pillars of multipolarity, which is in line with the principles of interstate entity.

Belarus has confirmed its compliance with the necessary standards and criteria and agreed to follow the guiding principles of the BRICS partner country model. Among these principles are emphasised:

- spirit of mutual respect and understanding, equality, solidarity, openness, inclusiveness and consensus;
- aiming to strengthen the BRICS co-operation structure through partnership in main areas: politics and security, economy and finance, culture and interpersonal contacts;
- aiming to strengthen multilateral engagement, strengthen and renew the multilateral system and uphold international law;
- adopting the goals and principles enshrined in the UN Charter.

Belarus also meets all the required standards and criteria, in particular, it is a state with influence in the region and the world, has diplomatic relations with all BRICS states, has not acceded to sanctions bypassing the UN Security

Council, promotes peace and security at the international and regional levels, and supports sustainable socio-economic development [2].

Belarus's interest in closer ties with BRICS became apparent well before the 2024 Kazan Summit. As early as July 2024, a delegation from Belarus's House of Representatives of the National Assembly, led by Sergey Rachkov, Chairman of the International Affairs Commission, participated in the 10th BRICS Parliamentary Forum in St. Petersburg, Russia. During the event, Belarus officially expressed its ambition to join BRICS as a partner country, signaling its strategic intent to deepen engagement with the entity. This early involvement demonstrated Minsk's proactive approach to strengthening its role within the framework of emerging multipolar cooperation [3].

The status of a partner country provides for participation on a permanent basis in special sessions of BRICS summits and foreign ministers' meetings. Partners may also be invited to other ministerial-level events, such as trade-related events, national security meetings and parliamentary forums. And these negotiations do not take years, as they could be spent on individual visits of each of the states. Partners can join BRICS outcome documents, thereby expanding their geographical reach and strengthening the voice of the BRICS in international affairs. Partnership allows access to resources and technologies, as well as participation in joint projects, which will contribute to economic development. New agreements and contacts are necessary to develop economic ties, expand trade and investment, and find solutions to global security issues. Partner countries can raise their international profile and strengthen their position in the international arena through collective action and influence. BRICS provides an equal dialogue, unlike organizations like the IMF, where G7 countries have more than 40% of the votes.

Today, the voice of Belarus is heard loudly in the international arena. In a few hours at the BRICS Summit forum in Kazan, Alexander Lukashenko managed to hold a number of bilateral meetings and gave three interviews to global media. It is important for Belarus to look for allies to achieve common goals. If we talk about the real prospects for Belarus in the BRICS, it should be noted that our country intends to join the New Development Bank. This was announced at the end of January 2025, when the Belarusian delegation headed by First Deputy Minister of Foreign Affairs Sergei Lukashevich has met with President of the BRICS New Development Bank Dilma Rousseff at the New Development Bank headquarters in Shanghai [4].

Partner countries have the potential for rapid economic development, receiving more foreign direct investment from BRICS members. Belarus already receives large investment flows from Russia (25 per cent of all foreign investments) and China (4.3 per cent), which contributes to economic growth. BRICS cooperation between Belarus and China will strengthen relations and

favour the development of an already existing infrastructure project, the Great Stone Industrial Park.

Beyond its economic and geopolitical advantages, BRICS partnership status offers significant opportunities to strengthen cultural ties among member states, fostering greater appreciation for each nation's unique traditions, languages, and heritage. Such cultural diplomacy creates a foundation of mutual understanding that facilitates deeper cooperation across multiple sectors. As a BRICS partner country, Belarus could participate in the BRICS Network University, a consortium of leading educational institutions that facilitates student mobility and joint degree programs in priority fields like energy, climate science, and digital economy.

It can be concluded that Belarus is a kind of *persona grata* within BRICS co-operation with a lot of benefits from the interstate formation such as potential markets, foreign investments, political support from major actors of international relations. However, it is impossible to ignore a number of challenges.

Firstly, partner status within BRICS does not equate to full membership, as it lacks formal documentation or binding commitments that define a deeper institutional role. This ambiguous position may limit Belarus's influence in the group's decision-making processes while still associating it with the bloc's geopolitical stance.

Secondly, deepening ties with BRICS—an alliance increasingly perceived in the West as a counterbalance to the G7 and G20—could strain relations with European neighbours. Such alignment risks further economic isolation, including potential exclusion from Western markets, restricted access to financial systems, and heightened sanctions pressure. Given Belarus's existing economic vulnerabilities, this could exacerbate existing challenges and reduce opportunities for trade and investment diversification.

Thirdly, a key priority for BRICS is de-dollarisation—reducing reliance on the US dollar in trade and financial transactions. While larger BRICS economies may withstand the volatility of shifting away from the dollar, Belarus, with its smaller and less resilient economy, could face significant disruptions. A sudden or poorly managed transition might destabilise financial systems, affect foreign exchange reserves, and increase transaction costs. Therefore, it is crucial for Belarus to maintain a cautious and independent financial policy, avoiding over-dependence on any single currency or bloc while carefully assessing the risks of rapid de-dollarisation.

Additionally, Belarus should weigh the geopolitical implications of closer BRICS alignment. While diversification of partnerships can be beneficial, excessive reliance on non-Western alliances may limit future diplomatic flexibility. A balanced approach—engaging with both Eastern and Western

economic systems—could mitigate risks while preserving strategic autonomy. In order to cope with the possible problems of partner status, Belarus should undertake some reforms to optimise cooperation within BRICS. For example, Belarus needs to modernise its logistics and digital infrastructure to integrate into BRICS supply chains (especially with China and India). Maintaining cooperation without heavy dependence is another step towards successful development. Thus, Belarus, due to its own lack of investment in high technology (compared to BRICS leaders), can utilise technologies of its partners, such as Chinese digital technologies in the form of AI or 5G.

Thus, Belarus' obtaining BRICS partner status is another important step in the country's foreign economic policy, which opens up new horizons for economic development as well as new challenges.

References

1. Belarus officially becomes BRICS partner country: TV BRICS. URL: https://tvbrics.com/en/news/belarus-officially-becomes-brics-partner-country/?sphrase_id=35255. (date of access: 26.04.2025).
2. О статусе страны-партнера БРИКС для Беларуси. URL: https://mfa.gov.by/press/news_mfa/e76e1922bbd6ca01.html. (дата доступа: 26.04.2025).
3. Белорусская делегация принимает участие в мероприятиях X Парламентского форума БРИКС и заседании Совета МПА СНГ. URL: <https://sovrep.gov.by/ru/news-ru/view/belorususkaja-delegatsija-prinimaet-uchastie-v-meroprijatijax-x-parlamentskogo-foruma-briks-i-zasedanii-26695-2024/>. (дата доступа: 26.04.2025).
4. Belarus seeks to join BRICS New Development Bank. BELTA. URL: <https://eng.belta.by/economics/view/belarus-seeks-to-join-brics-new-development-bank-164837-2025/>. (date of access: 26.04.2025).

ПРАВА ФИЗИЧЕСКИХ ЛИЦ НА УДАЛЕНИЕ ДАННЫХ: СРАВНЕНИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ И ЕС

А. А. Островская

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, ezhevikatin@gmail.com
Научный руководитель – И. А. Непомнящих, старший преподаватель*

В условиях цифровизации объем персональной информации, обрабатываемой в режиме онлайн, растет в геометрической прогрессии, что актуализирует проблему создание всеобъемлющих и действенных законов о защите данных. В исследовании проводится сравнительный анализ законодательной базы, регулирующей право на удаление в Республике Беларусь и Европейском союзе, с целью выявления общих принципов, различий в подходах, сильных сторон и потенциальных пробелов.

Ключевые слова: персональные данные; право на удаление; право на исключение из списка; право быть забытым; ЕС; Республика Беларусь.

INDIVIDUALS' DATA ERASURE RIGHTS: A COMPARATIVE ANALYSIS OF LEGISLATION IN BELARUS AND THE EU

A. A. Ostrovskaia

*Belarusian State University, Nezavisimosti Av., 4,
220030, Minsk, Belarus, ezhevikatin@gmail.com
Scientific Adviser – I. A. Niapomniashchykh, Senior Lecturer*

In the context of digitalization, the volume of personal information processed online is growing exponentially, which highlights the need for comprehensive and effective data protection laws. This study conducts a comparative analysis of the legislative framework governing the right to erasure in the Republic of Belarus and the European Union, aiming to identify common principles, differences in approaches, strengths and potential gaps.

Keywords: personal data; right to erasure; right to delisting; right to be forgotten the EU; Belarus.

The rapid evolution of digital technology is fundamentally reshaping the global landscape, necessitating a corresponding adaptation of legal frameworks to address various challenges and opportunities. These changes demand clear legislative definitions of rights and obligations for different actors within the digital sphere, as well as robust mechanisms for regulating cross-border data transfers and ensuring compliance with evolving international standards. Growing public awareness of data privacy rights and increasing concerns about the misuse of personal information has led to understanding the importance of

the legal framework surrounding the right to erasure. So this research aims to analyze and compare the legislation in this sphere in Belarus and the European Union, identifying key similarities, differences, strengths and gaps, particularly in the context of emerging technologies.

In today's digital landscape, where personal data is constantly collected and disseminated, the right to erasure, together with the right to be forgotten and delisting, stands as a cornerstone of modern data protection. These rights empower individuals to manage their digital footprint and exercise control over their personal information.

The concept of erasure, allowing individuals to request the removal of their personal data from databases and systems, traces its roots back to the 1995 Data Protection Directive in Europe. This directive recognized the fundamental need to give individuals more control over their data. This principle was further solidified and expanded upon in Article 17 of the 2016 General Data Protection Regulation (GDPR) [1]. While the GDPR essentially equates the "right to erasure" and the "right to be forgotten", academic discourse often distinguishes between them. The right to erasure generally refers to the act of deleting data from a controller's direct systems, while the right to be forgotten is a broader concept that includes de-linking, de-indexing, and actively preventing further dissemination of data from search engines and other platforms [1].

The "right to be forgotten" in Europe is not a new concept; its foundations lie in the French and Italian notions of a "right to oblivion" (*droit à l'oubli* and *diritto all'oblio*, respectively). These concepts recognize the importance of allowing individuals to move forward in life without being perpetually haunted by past events, particularly those that are no longer relevant to their present circumstances [2]. The challenge lies in determining when the public's interest in knowing outweighs the individual's right to control the narrative of their life. The term "right to be forgotten" gained significant popularity in the digital age, specifically in 2009 with the introduction of a French digital privacy proposal.

In essence, the right to erasure can be considered the specific, legally codified individual's demand of the deletion of their personal data held by a data controller. But the right to be forgotten represents a broader concept. It embodies the desire to overcome past events and prevent them from influencing one's present and future. This broader right encompasses the right to erasure but also extends to other measures designed to mitigate the visibility and impact of information, such as suppression of information.

While Belarusian legislation doesn't codify a "right to erasure" using those exact terms, the principle is present within its legal framework. Article 13 of the Law on Personal Data Protection [3] provides a comparable mechanism, granting individuals the right to request termination of processing of personal data and (or) their deletion. Furthermore, the Law on Information,

Informatization, and Protection of Information offers opportunities for individuals to correct, update, or delete their personal data when it is deemed incomplete, outdated, inaccurate, unlawfully obtained, or in certain other specified situations [4]. This suggests a recognition of the need to remove inaccurate or unlawfully held information. However, it's crucial to note that Belarusian law currently lacks specific provisions addressing the concept of delisting, particularly as it relates to search engines and online platforms, unlike the more developed framework in the EU. This absence suggests that the regulatory system surrounding these rights is currently less comprehensive in Belarus compared to the EU. Despite this, Belarus is actively working to develop and strengthen its legislation, taking progressive steps toward enhanced personal data protection. This ongoing development signals a commitment to aligning, at least in part, with international data protection standards.

Regardless of the specific legal framework in place, individuals face similar challenges when attempting to exercise these rights, both in Belarus and the EU. One significant hurdle is the often-complex task of identifying all organizations that possess an individual's personal data. In today's interconnected world, data can be scattered across numerous databases and systems, making it difficult to ensure a comprehensive erasure request. Furthermore, crafting legally sound and binding erasure requests can be a hard task. Individuals, even those with legal degrees, may lack the specialized knowledge required to effectively articulate their requests, understand the legal grounds for erasure, and navigate the complex procedures involved in exercising their rights. Moreover, individuals often encounter delays or non-compliance from data controllers when submitting erasure requests. Enforcing these rights can be a time-consuming and costly process, often necessitating intervention from data protection authorities or even legal action, which can create a significant barrier for many individuals.

Despite similar challenges faced by individuals in both legal systems, significant contrasts persist between the data protection landscape in the EU and Belarus. The EU, governed by the General Data Protection Regulation GDPR, benefits from a comprehensive legal framework supported by strong enforcement mechanisms [1]. This framework provides a standardized approach to data protection across member states, offering individuals a high degree of control over their personal information. Furthermore, the strength of enforcement and the avenues for redress may differ significantly. One key difference lies in the role of independent Data Protection Authorities (DPAs). These DPAs possess considerable investigative powers, allowing them to conduct audits, demand information from data controllers, issue warnings, impose substantial fines for non-compliance, and order corrective actions. Individuals can lodge complaints directly with their national DPA.

In contrast, Belarusian data protection law, while evolving, may offer a comparatively less strict level of protection for these rights. In Belarus, the enforcement of data protection rights rests primarily with the Ministry of Communications and Informatisation. This Ministry serves as the central authority responsible for shaping and implementing policies related to personal data processing. Its core functions include rigorous supervision of data controllers to ensure strict adherence to Belarusian data protection laws, maintaining a public register of these controllers to enhance transparency and accountability, and enforcing data protection legislation through the issuance of compliance orders and the imposition of administrative penalties [5].

The research has shown that the right to erasure is the specific, legally codified individual's right to delete their personal data held by a data controller. The right to be forgotten is a broader concept which includes the ability to move on from past events and prevent them from unduly influencing one's present and future. In the EU the system of protection for such rights is rather codified and clear. It consists of the General Data Protection Regulation, the Data Protection Directive, the European Data Protection Board, the DPAs, national legislation and case law. It provides regulation and development of these rights. Belarus provides a comparatively less strict level of protection for these rights. But it has its own legislation. The Law on Personal Data Protection [3] provides a comparable mechanism, granting individuals the right to request termination of processing of personal data and (or) their deletion. Furthermore, the Law on Information, Informatization, and Protection of Information also protects individuals' personal data. Belarus tends to develop its legislation and case law.

References

1. Regulation (EU) 2016/679 on the protection of natural persons with regard to the processing of personal data and on the free movement of such data, and repealing Directive 95/46/EC (General Data Protection Regulation) : adopted by the European Parliament and by the Council of 27 April 2016 // The European Union. URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2016/679/oj/eng> (date of access: 20.04.2025).
2. *Blagoev, G.* The right to erasure, the right to be delisted and the right to be forgotten – clearing the conceptual haze / *The Cybergarden*.. 2023. № 6. P. 1-5.
3. О защите персональных данных : Закон Респ. Беларусь от 7 мая 2021 г. № 99-З : с изм. и доп. от 1 июня 2022 г. № 175-З. Минск : Амалфея, 2022. 48 с.
4. Об информации, информатизации и защите информации: Закон Респ. Беларусь от 10 ноября 2008 г. № 455-З : с изм. и доп. от 4 января 2014 г. № 102-З, от 11 мая 2016 г. № 362-З, от 24 мая 2021 г. № 111-З, от 10 октября 2022 г. № 209-З. Минск. Амалфея, 2022. 56 с.

СОХРАНЯЕТ ЛИ ООН СВОЮ АКТУАЛЬНОСТЬ В ДЕЦЕНТРАЛИЗОВАННОМ МИРЕ?

А. А. Островская

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, ezhevikatin@gmail.com
Научный руководитель – С. В. Карелин, старший преподаватель*

Данная статья посвящена роли и значению Организации Объединённых Наций (ООН) в современном мире, характеризующемся высокой степенью децентрализации и множественностью акторов на международной арене. В работе подробно рассматриваются основные функции и инструменты ООН, такие как её роль в обеспечении глобальной безопасности, профилактике конфликтов и содействии международному сотрудничеству.

Ключевые слова: ООН; децентрализация; мир и безопасность; международные отношения; международное право; эффективность.

L'ONU: UNE INSTITUTION ENCORE PERTINENTE DANS UN MONDE DÉCENTRALISÉ?

A. A. Ostrovskaia

*Université d'État du Belarus, Nezavisimosti Av., 4,
220030, Minsk, Belarus, ezhevikatin@gmail.com
Supervisor – S. V. Karelin, Professeur Superior*

Cet article est consacré au rôle et à l'importance de l'Organisation des Nations unies (ONU) dans le monde moderne, caractérisé par un degré élevé de décentralisation et une multiplicité d'acteurs sur la scène internationale. L'article développe les principales fonctions et les principaux instruments de l'ONU, tels que son rôle dans la garantie de la sécurité mondiale, la prévention des conflits et la promotion de la coopération internationale.

Keywords: l'ONU; décentralisation; paix et sécurité; relations internationales; droit international; efficacité.

L'Organisation des Nations Unies (ONU), créée à la suite de la Seconde Guerre mondiale, s'est rapidement affirmée comme un pilier essentiel pour assurer la paix, la sécurité et la coopération entre les nations. Au fil des plus de sept décennies d'existence, elle a constamment montré son importance en soutenant la stabilité mondiale, en encourageant le développement durable, en protégeant les droits fondamentaux de l'homme, et en intervenant lors de crises humanitaires majeures. Son rôle s'est avéré crucial pour maintenir un certain ordre international face aux défis globaux. Cependant, le monde d'aujourd'hui

connaît une transformation profonde et accélérée: il devient de plus en plus décentralisé, marqué par la montée en puissance d'acteurs non étatiques, tels que les entreprises privées, les organisations non gouvernementales et les mouvements citoyens. Par ailleurs, la prolifération des technologies numériques, notamment l'intelligence artificielle, la blockchain et les réseaux sociaux, bouleverse la façon dont l'information circule et comment les décisions sont prises à l'échelle mondiale. En même temps, on observe un recul progressif de la souveraineté des États, qui perdent parfois leur contrôle face à ces nouveaux acteurs et à ces nouvelles dynamiques. Dans ce contexte, une question fondamentale se pose: dans un monde de plus en plus décentralisé, où le pouvoir se disperse et où les enjeux transcendent souvent les frontières nationales, l'ONU conserve-t-elle encore sa pertinence et son rôle central? Est-ce qu'elle doit évoluer pour continuer à répondre efficacement aux défis contemporains, ou bien son modèle traditionnel doit être repensé à la lumière des nouvelles réalités mondiales? Autant de questions qui invitent à une réflexion approfondie sur l'avenir de cette organisation emblématique face à un ordre mondial en constante mutation.

Pour répondre à cette interrogation cruciale, il est indispensable d'analyser en profondeur ce nouveau contexte mondial en constante évolution. La décentralisation, en tant que phénomène central de cette transformation, se manifeste de plusieurs manières, touchant à divers aspects de la vie internationale. Elle se traduit notamment par une redistribution du pouvoir à différents niveaux: tout d'abord, sur le plan économique, où le rôle traditionnel des États est de plus en plus remis en question par la montée en puissance de grandes entreprises multinationales, de plateformes numériques et de réseaux financiers décentralisés. Ensuite, sur le plan politique, où la concentration du pouvoir au sein des gouvernements nationaux cède parfois la place à une gouvernance plus dispersée, impliquant des acteurs non étatiques, des organisations internationales, voire des mouvements citoyens qui revendiquent une influence accrue. Sur le plan social, cette décentralisation se traduit par une plus grande autonomie des communautés locales, des groupes sociaux et des individus, qui participent directement à la prise de décision ou à la diffusion de l'information. Enfin, dans le domaine technologique, cette révolution numérique favorise la décentralisation des connaissances, des ressources et des moyens d'action, grâce à des outils tels que la blockchain, l'intelligence artificielle ou les réseaux sociaux, qui permettent à chacun d'accéder à l'information et de s'engager dans des actions à l'échelle mondiale.

Dans ce contexte complexe et multidimensionnel, il devient essentiel d'étudier comment ces différentes facettes de la décentralisation influencent la capacité des institutions traditionnelles, comme l'ONU, à remplir leur rôle et à rester pertinentes face à ces nouveaux défis. La question qui se pose alors est de

savoir si ces changements profonds dans la structure du pouvoir mondial renforcent ou, au contraire, affaiblissent la nécessité d'une organisation mondiale centralisée, capable de coordonner efficacement les efforts internationaux. La décentralisation économique a facilité l'émergence des entreprises multinationales, qui parfois influencent l'économie plus fortement que les États. Les mouvements sociaux influencent de plus en plus les politiques publiques. Les crypto-monnaies et la technologie blockchain remettent en question le monopole de l'État dans les domaines bancaire et financier. Enfin, les sociétés locales et régionales revendiquent une autonomie accrue [2].

La décentralisation économique, qui se manifeste par la redistribution du pouvoir économique au-delà des frontières nationales, a grandement facilité l'émergence et la croissance des entreprises multinationales. Ces grandes sociétés, disposant de ressources financières et humaines considérables, exercent parfois une influence économique si forte qu'elle peut surpasser celle de nombreux États, remettant en question la souveraineté traditionnelle des nations dans la gestion de leur propre économie. Par ailleurs, les mouvements sociaux, qui prennent de plus en plus d'ampleur dans un monde connecté, jouent un rôle déterminant dans la définition des politiques publiques. Leur capacité à mobiliser l'opinion et à faire pression sur les gouvernements contribue à transformer la façon dont les décisions politiques sont prises, rendant ces dernières plus sensibles aux revendications populaires et aux enjeux sociaux globaux.

De plus, l'avènement des crypto-monnaies et de la technologie blockchain bouleverse profondément le secteur bancaire et financier traditionnel. Ces innovations technologiques remettent en cause le monopole que les États et les institutions financières classiques détenaient jusqu'à présent dans la gestion de l'argent, des transactions et des systèmes de paiement. Grâce à ces nouvelles technologies, il devient possible d'effectuer des échanges financiers de manière décentralisée, plus rapide et souvent plus transparente, ce qui remet en question le rôle centralisé des banques et des autorités monétaires.

Enfin, au niveau local et régional, de plus en plus de sociétés, de communautés et de gouvernements revendiquent une autonomie renforcée. Ces acteurs locaux cherchent à obtenir une plus grande indépendance dans la gestion de leurs ressources, leur développement économique, leur environnement et leur culture. Ils souhaitent ainsi affirmer leur identité, préserver leurs spécificités et adapter leur gouvernance aux réalités locales, ce qui contribue à une décentralisation accrue du pouvoir politique et économique à différentes échelles.

En somme, ces diverses dynamiques de décentralisation, qu'elles soient économiques, sociales ou technologiques, façonnent un paysage mondial de

plus en plus fragmenté et complexe, où le rôle traditionnel des États et des institutions centrales est constamment remis en question.

Cependant, rejeter l'idée que l'ONU doit continuer à jouer un rôle central dans un monde de plus en plus décentralisé serait sans doute une erreur stratégique majeure. En effet, malgré les transformations profondes de la scène mondiale, l'Organisation des Nations Unies possède encore des atouts et des qualités qui lui permettent de faire face efficacement aux défis globaux. L'un de ses principaux avantages réside dans le fait qu'elle demeure la seule organisation internationale à vocation universelle, c'est-à-dire qu'elle rassemble l'ensemble des États membres, quels que soient leur niveau de développement ou leur situation géopolitique. Cette universalité constitue une légitimité indiscutable pour aborder et tenter de résoudre des problématiques qui dépassent le cadre national, telles que le changement climatique, la prolifération nucléaire, la pandémie de COVID-19 ou encore la lutte contre le terrorisme international.

De plus, cette légitimité conférée par son caractère universel permet à l'ONU de jouer un rôle de plateforme de dialogue et de coordination entre toutes les nations, facilitant la mise en place de réponses concertées face à des crises mondiales. Elle offre également un cadre institutionnel pour élaborer des normes, des conventions et des résolutions qui orientent l'action collective sur des sujets essentiels à la survie et au développement de l'humanité. En somme, malgré la complexité croissante de la gouvernance mondiale et l'émergence d'acteurs décentralisés, l'ONU demeure un acteur incontournable, capable de fédérer les États et de mobiliser une action collective face aux enjeux planétaires. Renoncer à son rôle reviendrait à perdre une instance clé de légitimité, de coordination et d'action concertée dans un monde qui en a plus que jamais besoin.

Ensuite, l'ONU bénéficie d'un réseau étendu et sophistiqué d'agences spécialisées, chacune étant dotée d'une expertise pointue dans un domaine précis. Ce système permet à l'organisation d'agir de manière coordonnée, complémentaire et efficace face aux multiples défis mondiaux. Parmi ces agences, on trouve notamment l'Organisation Mondiale de la Santé (OMS), qui joue un rôle crucial dans la surveillance et la promotion de la santé publique à l'échelle mondiale; le Programme des Nations Unies pour le Développement (PNUD), qui se concentre sur la lutte contre la pauvreté, le développement économique et social, ainsi que la réduction des inégalités; le Haut Commissariat des Nations Unies pour les Réfugiés (HCR), qui intervient pour protéger et assister les populations déplacées ou persécutées; et enfin, le Fonds des Nations Unies pour l'Enfance (UNICEF), qui œuvre pour la protection et le développement des droits des enfants dans le monde entier. Ces instruments, en travaillant de concert, forment un cadre essentiel pour répondre efficacement

aux enjeux liés au développement durable, aux crises humanitaires, et aux catastrophes naturelles ou sanitaires.

En outre, l'ONU joue également un rôle fondamental dans la définition et la promotion de normes internationales. Elle prépare et soutient la mise en œuvre de conventions, de traités et d'accords multilatéraux qui encadrent les relations entre États, tout en protégeant les droits fondamentaux de chaque individu. Parmi ces instruments, la Déclaration universelle des droits de l'homme adoptée en 1948 constitue une référence incontournable, établissant un cadre moral et juridique pour la protection des libertés et des droits fondamentaux. La Convention de Genève sur le statut des réfugiés constitue également une étape majeure dans la reconnaissance des droits des populations déplacées et persécutées. Plus récemment, l'Accord de Paris sur le climat, adopté en 2015, représente un effort collectif pour lutter contre le changement climatique et limiter ses effets dévastateurs. Ces normes internationales ont permis d'améliorer considérablement la condition humaine, en favorisant la coopération entre États et en établissant des engagements communs pour faire face aux défis globaux.

De plus, la Commission du Droit International des Nations Unies joue un rôle central dans la codification, l'élaboration et le développement progressif du droit international. Son travail contribue à rendre les relations entre États plus stables, prévisibles et équitables, en fournissant un cadre juridique clair et cohérent. Par ses efforts, l'ONU favorise la création d'un ordre juridique mondial qui soutient la paix, la justice et la coopération internationale, éléments indispensables pour un monde en constante mutation. En somme, ces activités normatives et juridiques de l'ONU renforcent la stabilité, la justice et la coopération à l'échelle mondiale, tout en assurant une meilleure protection des droits de l'homme et en facilitant la résolution pacifique des différends internationaux.

Enfin, l'ONU demeure un espace de dialogue, de négociation et de concertation fondamental pour prévenir l'éclatement des conflits ainsi que pour en rechercher des solutions pacifiques. Son rôle dans le maintien de la paix, bien que souvent soumis à des critiques et à des débats sur son efficacité, a néanmoins permis de stabiliser plusieurs zones de conflit, de protéger des populations civiles vulnérables, et de favoriser la réconciliation entre parties opposées. Sa capacité à jouer le rôle de médiateur dans les crises internationales reste essentielle pour éviter l'escalade de la violence, désamorcer les tensions et favoriser des processus diplomatiques permettant de parvenir à des accords durables. Par ces actions, l'ONU contribue à préserver la stabilité mondiale dans un contexte marqué par une complexité croissante des enjeux géopolitiques.

Cependant, il est indéniable que l'Organisation des Nations Unies présente aussi ses faiblesses et ses limites. Son efficacité est souvent remise en question

par des problèmes structurels, des blocages institutionnels et une bureaucratie parfois lourde. Malgré cela, l'ONU conserve un rôle incontournable dans le système mondial, notamment dans un monde où la décentralisation et la multiplicité des acteurs internationaux deviennent la norme. Pour continuer à jouer pleinement son rôle dans cet environnement en mutation, l'ONU doit impérativement se réformer en profondeur. Elle doit s'adapter aux nouvelles réalités internationales en intégrant davantage les acteurs non gouvernementaux, tels que les organisations de la société civile, les entreprises privées, et les mouvements citoyens, dans ses processus décisionnels. Cette inclusion permettrait d'enrichir la légitimité et la représentativité de ses actions.

Références

1. Biography, Founder of Hilton Hotel Empire. URL: <https://www.biography.com/business-leaders/conrad-hilton/> (date of access: 12.05.2024).
2. Hotels by Hilton . URL: <https://www.hilton.ru> (date of access: 12.05.2024).
3. Curio collection by Hilton . URL: <https://www.hilton.com/en/hotels/pjmcrqq-botanika-osa-peninsula> (date of access: 12.05.2024).

НЕРАВЕНСТВО В РАБОЧЕЙ СРЕДЕ: СТЕКЛЯННЫЙ ПОТОЛОК И СТЕРЕОТИПЫ

А. Д. Петренко¹⁾, И. Д. Ланевский¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, achesk10@gmail.com
ivandoe28@gmail.com

Научные руководители – О. П. Гицкая, старший преподаватель,
Т. В. Шмидт, старший преподаватель

В статье анализируются различные проблемы, с которыми сталкиваются женщины на рабочем месте: стеклянный потолок и наиболее влиятельные гендерные стереотипы, которые до сих пор существуют несмотря на научный прогресс и демократические ценности. Статья включает социологическое исследование, проведенное авторами, которое показывает реальную картину отношения к стереотипам в Республике Беларусь в 2025 году, особенно среди представителей поколений Y и Z.

Ключевые слова: стеклянный потолок; гендерные стереотипы; современные технологии; профессии; исследование.

INEQUALITY AT WORK: GLASS CEILING AND STEREOTYPES

A. D. Petrenko¹⁾, I. D. Lanevsky¹⁾

¹⁾Belarusian State University, Nezavisimosti Av., 4,
220030, Minsk, Belarus, achesk10@gmail.com
ivandoe28@gmail.com

Scientific advisers – O. P. Gitskaya, senior lecturer, T. V. Shmidt, senior lecturer

The paper analyzes the various challenges faced by women at work: the problem of the glass ceiling and the most influential gender stereotypes that exist regardless of scientific progress and democratic values. The paper includes sociologic research made by the authors, which shows the real picture of the attitude to stereotypes in the Republic of Belarus in 2025, especially between the Y and Z generations' representatives.

Keywords: glass ceiling; gender stereotypes; modern technologies; jobs; research.

Nowadays, almost all of the women in developed economies have stable yield, some or even extensive knowledge about modern technologies and passion for their truly personal goals, the ones that aren't directly connected to familial or other kinds of relationships. Feminism has become extremely popular in recent years. Teenagers and young adults, generations Y and Z, grew up surrounded by technologies and their rapid development.

However, there are lots of gender stereotypes that influence people’s life nowadays. Books like “Men Are from Mars, Women Are from Venus” (written by J. Gray and published in 1992), that tell about the radical difference between men and women down to their gender are still bestsellers. For example, in IT sphere, the percentage of male employees is twice over the percentage of female ones in Big Tech companies in the United States (table):

Women’s representation in Big Tech

	Amazon	Facebook	Apple	Google	Microsoft
Total workforce	45%	37%	34%	33%	29%
Leadership jobs	29%	34%	31%	28%	26%
Technological jobs	n/a	24%	24%	25%	23%

The reasons for this inequality are wide-spread stereotypes, beliefs about “right and wrong” jobs for women, historical context, the glass ceiling. The glass ceiling refers to invisible, systemic barriers that prevent women (and other marginalized groups) from rising to senior leadership positions, regardless of their skills or experience.

While the percentage of women in the United States labor force has gradually climbed to 47 percent over the past decades, it is still significantly lower in the tech sector. Key gender stereotypes describe men as dominant, achievement-oriented, active, ambitious, and coarse [2, 3], which means that they were born as executives, managers and directors. While women are affectionate, appreciative, emotional, mild, sensitive, submissive, and whiny [2, 3]. So, women are often unfairly stereotyped as "emotional" or "less technically skilled" in male-dominated fields.

In addition to the characteristics we listed above, some bosses (wrongly) assume women will leave the workforce after having children, despite evidence that many remain employed. Men are less likely to face questions about family plans in interviews. Some employers assume men are more "committed" (less likely to take parental leave) or more "assertive" in leadership roles. Hiring managers may favor candidates who resemble them (often male bosses favoring male applicants). Studies show identical resumes with male names get more callbacks in some fields. Male-dominated industries sometimes maintain informal networks that exclude women.

In Belarus, the percentage of working women in 2024 is 63,4%, and 49,5% of managers and executives in little and middle business are women [4]. But in the Global Gender Gap Index 2024 rankings Belarus has the 55th place (score: 0,733) [5]. In 2023, its place was 41st, and the score was 0,752 [5]. This is a huge fall, which can be explained by the rapid growth of some NICs, while Belarus develops much slower.

We decided to do our own research that would show the real picture of stereotypes about men and women in business in 2025 and their spread in Belarus. In the quiz we created 115 people participated, including 73,9% of women and 26,1% of men. Nowadays plans, fulfillment, accomplishment, and achieving goals are things important for everyone; it's of utmost importance to live a full and interesting life, and it is unreal without developing oneself. This is especially important for entrepreneurs, but not only.

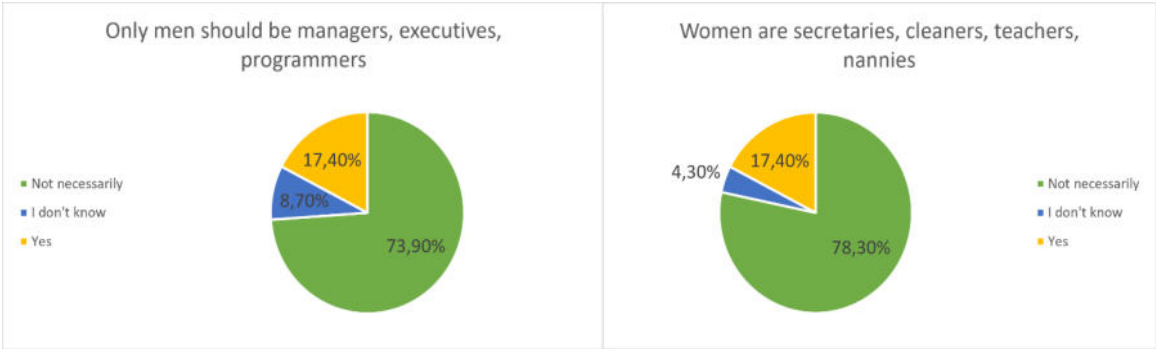

Fig. 1. Gender stereotypes about jobs

The majority of respondents answered that they aren't against men and women doing non-stereotypical jobs, but 17,4% (20 people) answered that they are for traditional gender roles at work. It's quite a big percentage.

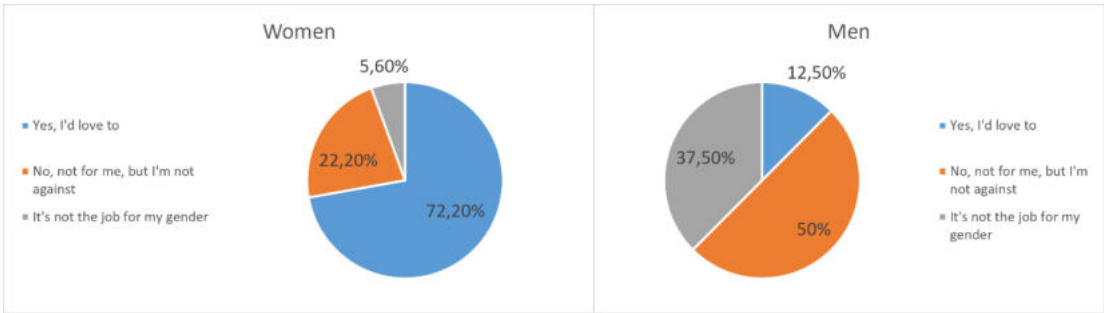

Fig. 2. How respondents see themselves at jobs that aren't suitable by gender due to stereotypes

Figures 1 and 2 show the influence of the glass ceiling on our society. Usually, the glass ceiling is an obstacle for women to achieve career heights and helps men do it by reducing “unnecessary” competition, giving women non-prestigious work. Only 5,6% of women and 37,5% of men won't start their career in “unsuitable” jobs primarily due to gender stereotypes. Business always was thought of men's cup of tea. Of course, the majority would prefer becoming a manager instead of a nanny or a cleaner.

The preference for hiring male employees over female employees in some workplaces can stem from a variety of factors, including stereotypes, biases, and structural inequalities. Although, many employers actively seek diversity and recognize the value of gender-balanced teams, the glass ceiling remains a serious and persistent problem for women in business, limiting their advancement into top leadership roles despite their qualifications and achievements.

References

1. Women's representation in Big Tech. Statista.. URL: <https://www.statista.com/chart/4467/female-employees-at-tech-companies/> (date of access: 03.05.2025)
2. *Dickenson, D.* Margaret Fuller: Writing a Woman's Life / New York; St. Martin's, 1993. 129 p.
3. *Merchant, K.* How Men And Women Differ: Gender Differences in Communication Styles, Influence Tactics, and Leadership Styles. URL: https://scholarship.claremont.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1521&context=cmc_theses#:~:text=Women%20tend%20to%20be%20more,Basow%20%26%20Rubenfield%2C%202003 (date of access: 03.05.2025)
4. Среднестатистический образ женщины, проживающей в Беларуси: Национальный статистический комитет Республики Беларусь. URL: https://www.belstat.gov.by/upload-belstat/upload-belstat-pdf/oficial_statistika/2024/statobzor-8marta-2023.pdf. (date of access: 03.05.2025).
5. Global Gender Gap Report 2024. World Economic Forum. URL: https://www3.weforum.org/docs/WEF_GGGR_2024.pdf. (date of access: 03.05.2025).

МЕЖДУ ТЫЛОМ И ПОДПОЛЬЕМ – ИСТОРИЯ МОЕЙ СЕМЬИ

Н. С. Петрович

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, n.petrowitsch765@gmail.com
Научный руководитель Т. Ч. Бахарь, преподаватель*

В статье, на примере предков, автора данной публикации анализируется жизнь советских людей в тылу и в условиях фашистской оккупации в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. Выявлены ключевые особенности, а также определены сходства и различия в судьбах людей по разные стороны фронта.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, трудовой подвиг советского народа, Вторая мировая война, партизанское движение, подполье, тыл, оккупация, Алексей Мурашов, «Партизанская берёза», Т-34, эвакуация, оккупационный режим.

ZWISCHEN HINTERLAND UND UNTERGRUND – DIE GESCHICHTE MEINER FAMILIE

S. Petrowich

*Belarussische Staatliche Universität, Minsk, Independence Ave, 4
220030, Minsk, Republik Belarus, n.petrowitsch765@gmail.com
wissenschaftliche Betreuerin –T. Tsch. Bakhar*

Der Artikel analysiert am Beispiel der Vorfahren des Autors dieses Artikels das Leben sowjetischer Menschen im Hintergrund und unter den Bedingungen der faschistischen Besatzung während des Großen Vaterländischen Krieges 1941-1945. Es wurden Schlüsselmerkmale identifiziert und die Ähnlichkeiten und Unterschiede in den Schicksalen der Menschen auf verschiedenen Seiten der Front identifiziert.

Schlüsselwörter: Großer Vaterländischer Krieg, Arbeitsleistung des sowjetischen Volkes, Zweiter Weltkrieg, Guerillabewegung, Untergrund, Hinterland, Besatzung, Alexei Murashov, «Partisanenbirke», T-34, Evakuierung, Besatzungsregime.

Dieses Jahr feiert man den 80. Sieg unsres Volkes im Großen Vaterländischen Krieg. Ich habe mich immer für das Schicksal meiner Vorfahren in diesen schwierigen Jahren interessiert. Deshalb habe ich beschlossen, ihr Leben zu untersuchen.

Somit besteht das Ziel meiner Forschung darin, das Leben und Schicksal meiner Familie während des Großen Vaterländischen Krieges zu untersuchen, sowie die Unterschiede und Gemeinsamkeiten in den Familiengeschichten herauszufinden. In meiner Arbeit möchte ich zwei Familiengeschichten im Kontext des Großen Vaterländischen Krieges vergleichen. Das Objekt der Untersuchung ist das Leben und das Arbeitsheldentum meines

Urgroßvaters an der Heimatfront, und das Leben und den Heldenmut des in der Okkupation.

Die Aufgaben der Untersuchung:

- 1) das Leben meiner Vorfahren während des Großen Vaterländischen Krieges und ihren Beitrag zum Kampf um die Freiheit zu untersuchen;
- 2) das Familienarchiv und andere Quellen, die mit der Familiengeschichte verbunden sind, zu erlernen;
- 3) mit Großeltern sprechen, um ihre Motivation und die ihrer Eltern im Kampf gegen den Faschismus zu erfahren;
- 4) Gemeinsamkeiten und Unterschiede im Leben der Menschen unter verschiedenen Bedingungen während des Großen Vaterländischen Krieges zu finden.

Für das Verfassen dieser Arbeit habe ich Familienarchive, Fotografien, Briefe, Bücher über den GVK verwendet und mit meinen Großeltern gesprochen, die mir über das Schicksal ihrer Eltern erzählt haben.

Vor dem Krieg arbeitete mein Urgroßvater Anatoli Jakowlewitsch Kladienko als Stahlbauer im Traktorenwerk Charkow. Als die Front näher kam, wurde das Unternehmen in den Ural evakuiert. Dort wurde das Werk neu ausgerüstet und die Panzerproduktion hat begonnen. Hier wurde der berühmte Panzer T-34 produziert [1]. Unter diesen Bedingungen war von den Arbeitern des Werks nicht nur Ausdauer und Geduld, sondern auch Kreativität gefragt, um Notsituationen zu bewältigen. Ein typisches Beispiel für eine solche Situation ist die Reparatur von Panzern. Der Arbeitstag meines Urgroßvaters hat 16 Stunden gedauert, also normalerweise von 6 bis 22 Uhr, Überstunden waren keine Ausnahme, sondern die Norm. Er musste hier in seinem Werk auch schlafen und essen [2].

Nach dem Krieg ist mein Urgroßvater in das kriegszerstörte Charkow zurückgekehrt, wo anstelle seines Hauses nur noch ein ausgebranntes Skelett übrig war. Das Leben wurde mit dem Ende des Krieges nicht einfacher. Bald wurde Anatoli Jakowlewitsch als erfahrener Mitarbeiter in das neue Minsker Traktorenwerk geschickt, wo er bis zum Werkstattleiter aufgestiegen ist und am Werdegang des belarussischen Maschinenbaus teilgenommen hat. Im Familienarchiv befindet sich ein Dankesbrief an meinen Urgroßvater vom 27. Mai 1945 für seine tadellose Arbeit.

Mein Urgroßvater Konstantin Petrowitsch hat daran gewohnt, in einem turbulenten Umfeld zu leben: Nach dem sowjetisch-polnischen Krieg hat sich sein Dorf Radoschkowitschi im Grenzgebiet befunden. Mit dem Kriegsbeginn verfielen die Dorfbewohner nicht in Verzweiflung, Sie wussten, dass die Sowjetregierung sie nicht im Stich lässt. Seit dem 26. Juni 1941 war der Ort tief im hinteren Frontbereich, und die Deutschen waren es hier nur selten anzutreffen.

Wie mein Großvater erzählt hat, war das Leben der Bauern in den besetzten Gebieten unerträglich. Sie mussten von Sonnenaufgang bis Sonnenuntergang auf den Feldern oder auf dem Hof arbeiten. Alles hat unter der Kontrolle der Faschisten gestanden, die Arbeit war wahrhaftig sklavenähnlich. Für ihre Arbeit haben die Bauern nur eine kleine Menge minderwertiger Lebensmittel erhalten. Diese hat natürlich nicht ausgereicht. Außerdem haben die Deutschen häufig das persönliche Vieh oder die Lebensmittel der Bauern entnommen. Mein Großvater hat sich daran erinnert, dass viele Menschen oft an Hunger und Typhus gestorben sind [3].

Mein Urgroßvater hat mehrmals sein Leben riskiert, um Waffen und Munition der zurückweichenden Roten Armee oder Partisanenabteilungen zu abzugeben. Das konnte man auf zahlreichen Schlachtfeldern gelegen haben. Die Menschen haben Waffen und Munition gesammelt und bei sich behalten. Das war natürlich verboten. Für die Missachtung der Befehle der Besatzungsverwaltung, das Lagern von Waffen und die Unterstützung der Partisanen konnten die Menschen erschossen werden.

Trotzdem hatten sie Mut, gegen die Faschisten zu kämpfen. Nicht nur Erwachsene wie mein Urgroßvater, sondern auch Jugendliche, wie mein Großvater Stanislaw Konstantinowitsch Petrowitsch haben daran teilgenommen.

Über ihr Heldentum hat der Partisanenkommissar Aleksej Murashov in seinem Buch „Partisanenbirke“ geschrieben [4, c. 50-51]. Diese Personen wie mein Urgroßvater oder Großvater haben zwar keine Auszeichnungen Murashov, aber ihr Beitrag zum Sieg steht ebenfalls außer Zweifel.

Das Leben im Hinterland und unter Besatzung hatte eine Reihe von Ähnlichkeiten und Unterschieden. Die Unterschiede liegen darin, dass:- Die Menschen im Hinterland über bestimmte Ressourcen verfügten (zum Beispiel Nahrung), während in der Besetzung eine vollständige Kontrolle über das Leben der einheimischen Bevölkerung bestand. - Das Leben im Hinterland war relativ sicher, da es auf eigenem Territorium stattfand, während die Bevölkerung in den besetzten Gebieten Repressionen und Gewalt seitens der Besatzer ausgesetzt sein konnte. - Die Menschen im Hinterland an Produktion und Lieferungen für die Front beteiligt waren, während in der Besetzung die Einheimischen für den Feind arbeiteten, was zusätzlichen psychologischen Stress verursachte.

So hatte das Leben der Menschen sowohl in der Besetzung als auch im Hinterland folgende Gemeinsamkeiten:

- erschöpfende Arbeit (häufig mehr als 16 Stunden täglich);
- Gefühl von Angst und Unsicherheit

So weist das Leben der Menschen im Hinterland und in der Besetzung während des Krieges wesentliche Unterschiede auf, jedoch hatten sie gemeinsam den großen Wunsch, den Feind zu besiegen.

Hinweise

1. Картотека тружеников УТЗ № 183. URL: <https://mem-book.ru/kartoteka/?page=50&bukva=%D0%9A&ysclid=mackuribst>. (дата доступа: 06.04.2025)/
2. Лица победы. Всенародный исторический депозитарий. URL: <https://historydepositarium.ru>. (дата доступа: 07.04.2025).
3. Великая Отечественная война Факты. Люди. Судьбы. Воспоминания. URL: <https://ru.radashkovichy.org/interesting>. (дата доступа: 07.04.2025).
4. *Мурашов, А. Г.* Партизанская береза. Мн.: Беларусь, 1988. 176с

ВЛИЯНИЕ САНКЦИЙ НА ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ БРАЗИЛИИ И БЕЛАРУСИ (2020-2023 ГГ.)

Р. В. Поляков

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, romanvv28@gmail.com
Научный руководитель – Т. С. Шарупич, старший преподаватель*

Санкции стали важным инструментом давления в современном мире, и одной из ключевых задач современных международных отношений является поиск способов смягчения их последствий. Пример торговых отношений между Бразилией и Беларусью в период с 2020 по 2023 год позволяет проследить, как государства стремятся адаптироваться к новым экономическим и геополитическим реалиям, сохраняя стратегическое сотрудничество.

Ключевые слова: торгово-экономические отношения; международные санкции; Беларусь; Бразилия; экспорт; удобрения; экономическое сотрудничество; Латинская Америка; внешняя политика Бразилии.

IMPACTO DAS SANÇÕES NAS RELAÇÕES COMERCIAIS ENTRE O BRASIL E A BELARUS (2020–2023)

R. V. Poliakov

*Universidade Estatal da Belarus, Avenida da Independência, 4,
220030, Minsk, Belarus, romanvv28@gmail.com
Diretora científica – T. S. Sharupich, professora auxiliar*

As sanções tornaram-se um importante instrumento de pressão no mundo contemporâneo, e um dos principais desafios das relações internacionais atuais é encontrar formas de mitigar seus efeitos. O caso das relações comerciais entre o Brasil e a Belarus no período de 2020 a 2023 permite observar como países procuram adaptar-se às novas realidades econômicas e geopolíticas, mantendo a cooperação estratégica.

Palavras-chave: relações comerciais; sanções internacionais; Belarus; Brasil; exportações; fertilizantes; cooperação econômica; América Latina; política externa do Brasil.

Atualmente, o Brasil é o principal parceiro comercial da República da Belarus na América Latina e em todo o hemisfério ocidental do planeta, e também figura entre os dez maiores parceiros econômicos globais do país.

Os fertilizantes potássicos e nitrogenados, fornecidos pela República da Belarus, tradicionalmente formam a base do volume do comércio bilateral com o Brasil e representam mais de 90% da pauta do comércio.

No entanto, após a imposição das sanções da UE e dos EUA, surgiram problemas logísticos e outros de exportação de produtos belarussos para o

Brasil, o que se tornou um desafio sério para a economia belarussa voltada para a exportação. Essas sanções forçaram a Belarus a buscar formas alternativas de manter o volume de comércio exterior, inclusive com o Brasil.

Após as eleições presidenciais de 2020 em Belarus a União Europeia adotou cinco pacotes de sanções contra Belarus. A primeiro conjunto de sanções foi aprovada em outubro de 2020 e incluiu sanções individuais contra 40 cidadãos belarrussos.

O segundo pacote, adotado em novembro de 2020, ampliou a lista de sanções individuais para mais 15 pessoas. A principal característica do segundo pacote foi a inclusão de A. G. Lukashenko. Os terceiro, quarto e quinto pacotes de sanções contiveram as medidas restritivas às empresas belarussas produtoras de armas, de fertilizantes e outras e sanções individuais [1].

A República da Belarus enfrentou um novo desafio: o país precisou diversificar as suas exportações em face da pressão das sanções. A América Latina se tornou uma das regiões prioritárias e promissoras.

Em 2020, os esforços da embaixada da Belarus no Brasil visaram diversificar as suas exportações para o país, procurar os novos mercados que poderiam ser ocupados com sucesso pelas empresas exportadoras belarussas.

O resultado desse trabalho foi diversificação e ampliação de variabilidade de exportações belarussas para o Brasil. a Belarus exportou para o Brasil em 2021 66 tipos de mercadorias, incluindo 22 novos tipos no valor de US\$ 8,7 milhões.

Outras posições das exportações belarussas consolidaram-se no mercado brasileiro também: as exportações de malte belarussas aumentaram 17 vezes, as exportações de tecidos de linho aumentaram 3,3 vezes, as exportações de produtos impressos aumentaram 3 vezes e as exportações de aparelhos de medição aumentaram 2,5 vezes [2].

Em 2021, o comércio bilateral atingiu US\$ 782,9 milhões e os fertilizantes de potássio representaram 96,1% das exportações belarussas em 2021, o que pode ser explicado exclusivamente pela posição do Brasil como o hegemonio agrícola do mundo. As principais mercadorias importadas do Brasil foram aviões de passageiros Embraer, resíduos da extração de óleo de soja, colofônia, café, amendoim, especiarias, glândulas e outros órgãos, sucos de frutas e vegetais, remédios, produtos capilares e carne [3].

Depois do início da Operação Militar Especial (OME) russa na Ucrânia em fevereiro de 2022 no início de junho, a UE aprovou o sexto pacote de sanções à Rússia e à Belarus, que prevê um embargo progressivo às importações de petróleo russo e exclusão de 3 bancos russos e do banco belarusso Belinvestbank do sistema de pagamentos internacionais Swift. Os bancos belarussos Belagroprombank, o Bank Dabrabyt e o Banco de Desenvolvimento da República da Belarus e as suas filiais foram expulsos do sistema SWIFT

desde o início de março de 2022. O sexto pacote de sanções da UE incluiu também restrições contra 12 cidadãos da Belarus e 8 empresas, incluindo a grande produtora de fertilizantes de potássio Belaruskali e a Belarusian Potash Company, a refinaria Naftan, Grodno Tobacco Factory Neman (o maior fabricante de produtos de tabaco da Belarus) e Inter Tobacco (o fabricante privado de produtos de tabaco), a empresa pública Beltamozhservice (a maior empresa de logística da Belarus) e outras. Anteriormente, foram impostas as medidas restritivas à empresa belarussa GrodnoAzot que produz fertilizantes de nitrogênio [4].

Por causa das sanções ocidentais os maiores produtores de fertilizantes da Belarus enfrentaram problemas logísticos. A exclusão dos bancos belarussos do sistema SWIFT, que permitiu transferências internacionais de dinheiro entre bancos de diferentes países, também criou dificuldades para as exportações de fertilizantes da Belarus.

Segundo o Embaixador Extraordinário e Plenipotenciário da República Federativa do Brasil Bernard Jorg Leopold de Garcia Klingl, o Brasil “está a tentar convencer os países que impuseram sanções de que os fornecimentos de fertilizantes de potássio é de importância estratégica para a segurança alimentar em todo o mundo”.

Felizmente os problemas logísticos foram rapidamente ultrapassados: as mercadorias belarussas começaram a ser entregues ao Brasil através de portos russos. Além disso o chefe da missão diplomática brasileira na Belarus destacou que mais de 60% das peças dos aviões da Embraer utilizadas pela empresa na produção são produzidas por outros países, incluindo os EUA, algumas peças estão sancionadas [5].

Apesar da pressão das sanções e das dificuldades de exportação, ambos os países pretendem encontrar novas formas de colaboração económica.

O Embaixador da Bielorrússia no Brasil S. V. Lukashevich sublinhou em março de 2023 que “há todos os motivos para o desenvolvimento progressivo tanto das relações económicas quanto das políticas. O Brasil e a Belarus, apesar dos 14 mil quilómetros que nos separam, precisam um do outro. A nossa parceria é muito natural e as autoridades dos nossos países compreendem isso muito bem” [6].

Como resultado, o volume de comércio entre a Belarus e o Brasil totalizou por volta de 700 milhões de dólares nos primeiros nove meses de 2023 que foi dito durante uma reunião entre o Secretário de Relações Exteriores do Partido dos Trabalhadores do Brasil, Romenio Pereira, e o Vice-Presidente da Câmara dos Representantes da Assembleia Nacional da Belarus V. Mitskevich em novembro de 2023.

Segundo V. Mitskevich, o Brasil é tradicionalmente um dos dez principais parceiros comerciais da Belarus no mundo. O parlamentar belarusso também

destacou que as sanções injustas contra a Belarus, que restringem a possibilidade de fornecer fertilizantes a outros países, também têm um impacto negativo no desenvolvimento do sector agrícola do Brasil [7]. O saldo comercial bilateral anual no período de 2015 a 2021 sempre foi positivo de para a Belarus e totalizava, em média, mais de 350 milhões de dólares anualmente [2].

Dessa forma, conclui-se que em condições de agravamento das relações com o “Ocidente coletivo” a Belarus utilizou as sanções económicas impostas como motivo para diversificar as suas exportações para a América Latina.

Os problemas logísticos foram superados graças à cooperação da Belarus com a Rússia: os portos russos se tornaram o ponto de partida das exportações de fertilizantes à base de potássio e nitrogênio para o Brasil.

Vale destacar o interesse da parte brasileira em manter uma cooperação económica em grande escala com a Belarus, o que garante a atividade agrícola ativa do país latino-americano. Após um ligeiro declínio no volume das exportações belarussas em 2020 (de \$588 milhões em 2019 para \$541,6 milhões em 2020), os indicadores conseguiram voltar ao normal já em 2021 (\$585,1 milhões) graças à mudança na trajetória da circulação de mercadorias, bem como à entrada em novos mercados de produtos.

Por exemplo, o volume do comércio belarusso-brasileiro foi enriquecido com bens de alta tecnologia: de máquinas agrícolas, equipamento e peças para veículos. Com base nos dados disponíveis do comércio bilateral entre a Belarus e o Brasil em 2023, pode concluir-se que a Belarus foi capaz de contornar a pressão das sanções, demonstrando melhorias do comércio exterior.

Referências

1. Санкции ЕС и контрсанкции Беларуси (по состоянию на 4 августа 2023 года) // Минский диалог. URL: <http://minskdialogue.by/research/memorable-notes/sanktcii-es-i-kontrsanctcii-belarusi-po-sostoianiiu-na-20-aprelia-2022-goda> (дата обращения: 16.03.2025).
2. Торгово-экономические отношения // Посольство Республики Беларусь в Федеративной Республике Бразилия. URL: <https://www.brazil.mfa.gov.by/ru/exporthby/tev> (дата обращения: 19.03.2025).
3. República de Belarus // Ministério das Relações Exteriores URL: <https://www.gov.br/mre/pt-br/assuntos/relacoes-bilaterais/todos-os-paises/republica-de-belarus> (дата обращения: 19.03.2025).
4. Санкции в отношении Беларуси // Представительство немецкой экономики в Республике Беларусь. URL: <https://belarus.ahk.de/ru/infoteka/sankcii-v-otnoshenii-belarusi/> (дата обращения: 20.03.2025).
5. Беларусь в БРИКС | Поставка калийных удобрений и тракторов | Снятие санкций. Актуальное интервью. // News.by URL: <https://belarus.ahk.de/ru/infoteka/sankcii-v-otnoshenii-belarusi/> (дата обращения: 20.03.2025).
6. Лукашевич: объем торговли Беларуси с Бразилией в сотни раз выше, чем с некоторыми соседними странами // БЕЛТА. URL: <https://www.belta.by/>

economics/view/lukashevich-objem-torgovli-belarusi-s-braziliej-v-sotni-raz-vyshe-chem-s-nekotorymi-sosednimi-stranami-555506-2023/ (дата обращения: 21.03.2025).

7. Товарооборот Беларуси и Бразилии за девять месяцев составил почти \$700 млн // БЕЛТА. URL: <https://belta.by/economics/view/tovarooborot-belarusi-i-brazilii-za-devjat-mesjatsev-sostavil-pochti-700-mln-600698-2023/> (дата обращения: 21.03.2025).

ВЛИЯНИЕ ИНФОРМАЦИОННЫХ ПУЗЫРЕЙ НА КРОСС-КУЛЬТУРНУЮ КОММУНИКАЦИЮ

М. Ю. Русецкая

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, legaciesham@gmail.com
Научный руководитель – О. В. Косточкина, старший преподаватель*

В статье исследуется концепция информационных пузырей (filter bubbles), создаваемых персонализированными алгоритмами медиа платформ, и анализируется их влияние на межкультурную коммуникацию, в том числе радикализация и поляризация взглядов, рост нетерпимости и укрепление идеологических убеждений.

Ключевые слова: информационные пузыри; кросс-культурная коммуникация; персонализированные алгоритмы; поляризация; нетерпимость; критическое мышление.

THE IMPACT OF FILTER BUBBLES ON CROSS-CULTURAL COMMUNICATION

M. Y. Rusetskaya

*Belarusian State University, Nezavisimosti Av., 4,
220030, Minsk, Belarus, legaciesham@gmail.com
Scientific Adviser – O. V. Kostochkina, Senior Lecturer*

The article explores the concept of filter bubbles created by personalized algorithms of media platforms, and analyses their impact on cross-cultural communication, including radicalization and polarization of views, rise of intolerance and strengthening of ideological beliefs.

Keywords: filter bubbles; cross-cultural communication; personalized algorithms; polarisation; intolerance; critical thinking.

Media platforms like Instagram, TikTok, X, and Facebook are businesses whose primary goal is profit. To that end, they prioritize the user experience, aiming to make it as enjoyable as possible to encourage continued use. This is where personalized algorithms come into play. By analysing user data, these algorithms curate content that is highly relevant and engaging, leading to increased consumption and interaction [4, p.8-9]. From the platform's perspective, these algorithms are essential for maximizing user retention and advertising revenue. By delivering content that users find compelling, platforms can keep them scrolling, clicking, and ultimately, exposed to more advertisements.

The adoption of this technology extends to media platforms, where it functions by introducing users to new content predicted to be appealing based on its past performance with users demonstrating similar behavioral profiles. This strategy, often called a *look-alike* approach, analyzes a broad spectrum of content attributes, including its subject matter, presentation style, visual elements, and length [5, p.115]. This has significantly expanded the influence of algorithms into areas traditionally shaped by experts, such as artistic expression and the dissemination of information-political content, where algorithmic guidance was historically limited.

This approach comes with drawbacks. Algorithms often feed users information that aligns with their existing ideological preferences, creating isolated informational environments known as filter bubbles [5, p.116]. This term gained widespread recognition following the publication of Eil Pariser's book, *The Filter Bubble: What the Internet Is Hiding from You* (2011), which sparked significant discussion in both media and professional circles.

In any case, algorithmic curation reduces the chances of encountering differing perspectives and reinforces pre-existing ideological beliefs. As Cass Sunstein puts it, we may find ourselves living in 'communication universes where we only hear what we choose and what comforts and pleases us' [7, p.10]. As a result, cross-cultural communication is hindered because individuals have fewer opportunities to engage with the values, norms, and worldviews of other cultures. When someone becomes trapped in a filter bubble that perpetuates certain stereotypes or negative perceptions about another culture, algorithms continue to feed them information that confirms these biases, thus obstructing the development of an objective understanding. Samuel Scott's research on YouTube's algorithms demonstrated that filter bubbles have facilitated the unprecedented spread of anti-vaccination movements, far-right ideologies, and flat-earth theories [6, p.5]. This study provided empirical evidence that this phenomenon contributes significantly to polarization and the rise of radical viewpoints.

The emergence of filter bubbles contributes to increased intolerance toward other cultures, which poses a significant challenge for effective intercultural dialogue. A fundamental aspect of such dialogue is the willingness to listen to opposing viewpoints and to question one's own beliefs. This concept is further elaborated in the works of Mark Andrejevic, who emphasizes that recognizing the right to hold alternative perspectives and the ability to genuinely listen to others are crucial for meaningful discussion [1, pp.52, 60]. Filter bubbles hinder or complicate the development of these capacities. Consequently, media algorithms reshape the conditions under which public discourse takes place.

On the other hand, the concept of filter bubbles has sparked mixed reactions among experts. Some studies challenge the validity of the filter bubble hypothesis, arguing that there is limited empirical evidence supporting its widespread existence. In fact, internet users tend to engage with mainstream information sources when conducting searches or interacting on social media. Additionally, the range of content they consume is often more diverse compared to those who do not use the internet [2, p.8]. Research indicates a substantial overlap of content with various perspectives within the information diets of different audiences [3, p.207]. In practice, algorithmically generated filter bubbles that lead to heightened isolation are not commonly observed.

A related perspective suggests that the extent to which algorithms can create biased ‘information universes’ depends largely on the availability of alternative information sources. In many Western countries, algorithmically curated newsfeeds represent just one part of a much wider array of information options, including television news broadcasts, online news sites, newspapers, and radio. However, in many countries of the Global South, there is a much greater dependence on algorithmically curated newsfeeds [8]. Combined with the generally limited diversity of news sources in these regions, it results in an information environment where users are more susceptible to becoming trapped within filter bubbles.

Considering the diverse and often conflicting opinions and findings on this issue, it can be concluded that further research is necessary to address these challenges.

Regarding the relevance of our research, a survey conducted among students at Belarusian State University revealed that approximately half of the 30 respondents were familiar with the term *filter bubbles*, yet only 27% considered themselves well-informed on the subject. Nevertheless, nearly all of those well-informed respondents agreed that filter bubbles pose a challenge to cross-cultural communication. Many participants shared their views, noting that filter bubbles hinder critical thinking, are a significant aspect of online communication, and prevent people from seeing alternative perspectives. Based on these findings, it can be concluded that the impact of filter bubbles is a concern for many, as it affects people’s very way of thinking – making this issue as relevant as ever.

Furthermore, the impact of social media continues to grow alongside its development. Currently, personalization algorithms are the main technique used to shape a user’s experience. However, with the ongoing integration of artificial intelligence into algorithmic curation, this landscape is likely to change dramatically in the near future. Given AI’s vast capacity to learn and analyze large datasets, it is only a matter of time before content personalization reaches a completely new level.

References

1. *Andrejevic, M.* Infoglut: how too much information is changing the way we think and know / London, New York: Routledge, 2013. 216 p.
2. *Bruns, A.* Filter bubble / Journal on internet regulation. 2019. № 8. P. 1–14.
3. *Krafft, T.* What did you see? Personalization, regionalization and the question of the filter bubble in Google's search engine / New York: Cornell University, 2017. 301 p.
4. *Lanier, J.* Ten arguments for deleting your social media accounts right now /. New York: Henry Holt & Company, 2018. 160 p.
5. *Nazarov, M. M.* Media platforms and algorithms: content and social consequences Communicology. 2020. № 2. P. 108–124.
6. *Scott, S.* YouTube's algorithm is spreading a series of unfortunate far-right events / The drum. 2019. № 3. P. 1–7.
7. *Sunstein, C.R.* Republic: Divided Democracy in the Age of Social Media /. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2017. 310 p.
8. What are Filter Bubbles and Digital Echo Chambers? . URL: <https://il.boell.org/en/2022/03/04/what-are-filter-bubbles-and-digital-echo-chambers> (date of access: 20.04.2025).

КУЛЬТУРНЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ КАК УСЛОВИЕ ЭФФЕКТИВНОЙ РЕКЛАМЫ

В. М. Столярова

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, stolyarova@mail.ru
Научный руководитель – С. В. Соловьева, старший преподаватель*

В статье рассматривается роль культурного интеллекта как важного фактора эффективной рекламы в условиях международной коммуникации. Анализируются четыре ключевых компонента культурного интеллекта и их влияние на построение медиастратегий.

Особое внимание уделено примерам успешной и неудачной кросс-культурной адаптации рекламных кампаний, в которых раскрывается значимость культурной чувствительности, семантической точности и учета локальных ценностей в глобальном брендинге.

Ключевые слова: культурный интеллект, реклама, межкультурная коммуникация, адаптация контента, национальные коды, медийная стратегия.

CULTURAL INTELLIGENCE AS A PREREQUISITE FOR EFFICIENT ADVERTISING

V. M. Stolyarova

*Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4,
220030, Minsk, Belarus, stolyarova@mail.ru
Scientific Adviser – S. V. Solovjeva, Senior Lecturer*

The article explores the role of cultural intelligence as a key factor in effective advertising within the context of international communication. Four major components of cultural intelligence are analyzed in terms of their influence on media strategies.

Particular attention is paid to examples of both successful and failed cross-cultural adaptation in advertising campaigns, highlighting the importance of cultural sensitivity, semantic precision, and alignment with local values in global branding.

Keywords: cultural intelligence, advertising, cross-cultural communication, content adaptation, national codes, media strategy

Effective interaction with people from diverse cultures requires understanding and considering various factors related to cultural norms, values, and behaviors. Psychological and cross-cultural research identifies four key components of cultural intelligence: cognitive, metacognitive, motivational, and behavioral. Each plays a vital role in creating successful advertising and media communications.

Cognitive component.

This component involves accumulated knowledge about cultural norms, values, and customs. In advertising, it helps to understand how different audiences perceive symbols, colors, and messages, enabling content adaptation to cultural specifics.

Metacognitive component.

The metacognitive aspect includes awareness and regulation of one's own cultural assumptions and communication strategies. In advertising, this is reflected in the continuous analysis and adjustment of marketing messages to ensure cultural relevance.

Motivational component.

This component reflects an internal interest and willingness to engage with different cultures. In the media sphere, motivation supports the creation of sincere, respectful, and locally adapted communications.

Behavioral component.

The behavioral aspect relates to the ability to adjust verbal and non-verbal behavior according to cultural expectations. In advertising, it manifests in adapting language, imagery, and style to avoid misunderstandings and enhance communication effectiveness..

The integration of all four components enables advertising professionals to develop campaigns that not only capture attention but also build trust, respect, and long-term relationships with international audiences. Cultural intelligence becomes an essential tool for success in the global media environment, helping brands communicate effectively while honoring cultural diversity.

Cultural intelligence is the ability to interact effectively with people from different cultures, understand their values, norms, and behavior, and adapt your actions to achieve good communication. It includes thinking, feeling, and acting skills [1].

When applied to the field of advertising, cultural intelligence means that marketers and brands can understand, adapt, and use knowledge about cultural values, beliefs, and behaviors of their audience to create advertising that is authentic and avoids mistakes, respects cultural differences, and creates emotional connection [2].

Advertising should truly understand the culture of its audience and speak the same language. It should focus on real cultural details, not stereotypes. For example, instead of using typical images, it's better to learn what values and traditions really matter to people in a specific region.

Cultures are different not only in language, but also in how people see power, family, personal space, and more. For example, in some countries, it's important to show status (like in luxury ads), while in others, equality and modesty are more appreciated. Some cultures value individuality ("be

yourself”), while others focus on group identity (“we are one team”). Understanding these differences helps avoid confusion or failure.

People respond better to ads that speak to them in a familiar way – not only with language, but also with familiar images, humor, and stories. When advertising uses cultural understanding, it builds trust and helps people feel more connected to the brand.

Cultural intelligence in advertising refers to the ability to understand and consider the mindset, traditions, language, and perception of different peoples when crafting marketing messages. The following are examples of both effective and ineffective use of this approach in international advertising campaigns [3].

One of the most well-known failures resulting from a lack of cultural sensitivity was Pepsi’s campaign in China. The slogan “Come alive with the Pepsi Generation” was directly translated into Chinese and ended up meaning “Pepsi brings your ancestors back from the grave.”

This understandably caused confusion and backlash, as ancestor worship holds a sacred place in Chinese culture. The failure stemmed from a literal translation without attention to cultural context or semantic nuance. It stands as a clear example of low cultural intelligence – Pepsi failed to adapt its message to a deeply sensitive cultural theme.

Another case of cultural misalignment occurred with Burger King in France. The brand launched an ad campaign featuring anthropomorphic, singing burgers, aiming to evoke humor and emotional response. However, the French public largely reacted with distaste.

In France, food is considered an object of refinement and culinary respect. The attempt to impose an American style of humor onto a more reserved and sophisticated cultural context backfired, with the campaign perceived as crude rather than amusing [4].

In contrast, Coca-Cola demonstrated a high level of cultural awareness when entering the Chinese market. Initially, the brand name was transliterated as “Kekoukela,” which sounded like “bite the tadpole.” Recognizing the issue, the company carefully selected Chinese characters that not only maintained phonetic similarity but also conveyed a positive meaning. The final name, “可口可乐,” translates roughly to “delicious happiness” or “joy in the mouth.” This decision illustrates how linguistic and cultural adaptation, when handled properly, can significantly influence brand perception.

One of the most strategic examples of cultural adaptation comes from McDonald’s, which has consistently tailored its products and messaging to local traditions and preferences around the world. In India, the company eliminated beef and pork from the menu, offering chicken and vegetarian options instead.

In Israel, McDonald's introduced kosher menus. In Japan, it launched rice-based burgers to align with local taste profiles [5].

In Russia, the advertising emphasized family values with the slogan "tasty and homely." In Belarus, following McDonald's departure in 2022, the restaurants were rebranded as Mak.by.

The new menu features regionally inspired items such as the "Panski" burger with beef, sauerkraut, and mushroom sauce, and the "Shlyakhyetski" burger with chicken.

Additionally, local flavors were introduced in beverages, including cranberry and sea buckthorn, and fries seasoned with thyme and coriander. These adaptations showcase McDonald's high cultural intelligence, maintaining global brand recognition while responding to national eating habits and expectations.

In an era of rapid artificial intelligence development and automation of creative processes, cultural intelligence becomes particularly valuable. While AI relies on algorithms, patterns, and generalized data, a culturally aware approach enables brands to build deep and authentic connections with specific audiences. This is especially important in a world where consumers increasingly seek individuality over universal messaging.

Cultural intelligence allows brands to go beyond standardized solutions by offering a unique perspective grounded in respect for local traditions, values, and cultural narratives. This not only fosters trust but helps a brand "take root" in the consumer's mind – becoming familiar, relatable, and emotionally resonant. As a result, brands increase their symbolic value and secure a lasting place in the cultural landscape.

Additionally, incorporating elements of art, language, music, or visual heritage into advertising makes a brand not only recognizable but truly distinctive. In a time when many creative outputs can be generated by machines, human cultural sensitivity remains a key source of authenticity, inspiration, and emotional depth. Thus, cultural intelligence is not only a competitive advantage but a way to preserve humanity in the digital age.

References

1. Cultural intelligence in branding: how to build a culturally intelligent brand? URL: <https://admindagency.com/blog/cultural-intelligence-in-branding/> (date of access: 19.04.2025).
2. The role of cultural intelligence in marketing // Culture Marketing. URL: <https://culture-marketing.net/blog/the-role-of-cultural-intelligence-in-marketing/> (date of access: 19.04.2025).
3. Сургунд, К. В. Адаптация рекламы как маркетинговый инструмент международных компаний/ Молодой ученый. 2016. № 20 (124). С. 433–436. URL: <https://moluch.ru/archive/124/34243/> (дата обращения: 20.04.2025).

4. Самые громкие рекламные провалы мировых брендов // New Retail. URL: https://new-retail.ru/marketing/reklama/samye_gromkie_reklamnye_provaly_mirovykh_brendov9361/ (date of access: 20.04.2025).

5. Рекламные провалы: 20 примеров, от которых хочется спрятаться // CPA Live. URL: <https://cpa.live/marketing/reklamnye-provaly-20-primerov-ot-kotoryh-hochetsya-spryatatsya/> (date of access: 21.04.2025).

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ГЕНДЕРНОМУ НАСИЛИЮ НА НАЦИОНАЛЬНОМ И МЕЖДУНАРОДНОМ УРОВНЯХ

О. Тайник

*Белорусский государственный университет, ул. Ленинградская, 20,
220030, г. Минск, Беларусь, olgatainic@gmail.com
Научный руководитель – Л. К. Гутор, старший преподаватель*

В тексте анализируются международные и национальные меры по борьбе с гендерным насилием. Существует настоятельная необходимость принятия скоординированных мер, направленных на предотвращение, наказание и защиту, для борьбы с нарушениями основных прав, основанными на социальных стереотипах о роли женщин в обществе.

Ключевые слова: гендерное насилие; права женщин; права человека; международное сотрудничество; законодательство; ООН, Организация Объединенных Наций; помощь жертвам гендерного насилия; домашнее насилие.

LUCHA CONTRA LA VIOLENCIA DE GÉNERO A NIVEL NACIONAL E INTERNACIONAL

O. Taynik

*Universidad Estatal de Belarús, calle Leningradskaya, 20,
220030, Minsk, Belarús, olgatainic@gmail.com
Directora científica – L. K. Gutor, profesora titular*

El texto analiza las medidas internacionales y nacionales para combatir la violencia de género. Es urgente adoptar medidas coordinadas de prevención, castigo y protección, para combatir las violaciones de los derechos fundamentales basadas en los estereotipos sociales contra la mujer como parte de la sociedad.

Palabras clave: violencia de género; derechos de la mujer; derechos humanos; cooperación mundial; legislación; ONU, Naciones Unidas; asistencia a las víctimas de violencia de género; violencia doméstica.

Entre sus propósitos, la ONU declaró en el artículo 1 de su Carta “Realizar la cooperación internacional en el desarrollo y estímulo del respeto a los derechos humanos y a las libertades fundamentales de todos, sin hacer distinción por motivos de raza, sexo, idioma o religión” [1]. Además, un paso importante para la protección de los derechos de la mujer era la Declaración y Plataforma de Acción de Beijing que reivindicó los derechos de la mujer como derechos humanos [2]. Eso significa que no habría diferencia en la implementación de los derechos fundamentales según el sexo de su titular.

Bueno, aunque las mujeres y las niñas representan la mitad de la población mundial: ahora son un 49% de la población total del planeta [3], siguen siendo un grupo oprimido por razones históricas, económicas o culturales. Según el informe “El progreso en el cumplimiento de los objetivos de desarrollo sostenible: Panorama de género 2024” de la ONU-Mujeres 1 de cada 8 mujeres y niñas de 15 a 49 años ha experimentado violencia sexual o física por parte de la pareja [4] – esos son los datos que no tienen en cuenta la violencia de género de que sufren las mujeres y niñas sin pareja, por parte de padres y familiares, personas desconocidas en zonas de guerra o en la esclavitud. Entonces, el desafío de la cooperación global que ahora es más difícil de resolver es la violencia contra las mujeres.

Como parte de la respuesta de la comunidad internacional a este problema, se están organizando mecanismos de la cooperación mundial, no sólo a nivel mundial, sino a regional también. La cooperación de los Estados se basa en numerosos acuerdos internacionales, tanto de carácter general como especial. En particular, cabe destacar la Declaración sobre la eliminación de la violencia contra la mujer, la Convención sobre la Eliminación de Todas las Formas de Discriminación contra la Mujer y el Convenio del Consejo de Europa sobre prevención y lucha contra la violencia contra las mujeres y la violencia doméstica (o Convenio de Estambul).

Primero, es necesario aclarar qué es la violencia de género. Según el artículo 1 de la Declaración sobre la eliminación de la violencia contra la mujer “violencia contra las mujeres” significa “todo acto de violencia basado en la pertenencia al sexo femenino que tenga o pueda tener como resultado un daño o sufrimiento físico, sexual o psicológico para la mujer, así como las amenazas de tales actos, la coacción o la privación arbitraria de la libertad, tanto si se producen en la vida pública como en la vida privada” [5].

Por lo tanto, se puede concluir que la violencia de género es una violación de los derechos y libertades fundamentales de la mujer como persona humana. Pero según el artículo 3 de la Declaración Universal de los Derechos Humanos “todo individuo tiene derecho a la vida, a la libertad y a la seguridad de su persona”; además, según el artículo 5 de esta Declaración “nadie será sometido a torturas ni a penas o tratos crueles, inhumanos o degradantes” [6]. Como puede notar, no hay referencia de género aquí. Entonces, surge la pregunta: ¿por qué la violencia de género se clasifica como una categoría separada y requiere una protección especial?

El preámbulo del Convenio de Estambul establece que la violencia de género es “una manifestación de desequilibrio histórico entre mujeres y hombres que ha llevado a la dominación y a la discriminación de la mujer por el hombre” [7]. Además, el Comité de las Naciones Unidas para la Eliminación de la Discriminación contra la Mujer (CEDAW) también ha identificado las

causas principales de la violencia de género contra la mujer, que incluyen la ideología de la posición privilegiada del hombre sobre la mujer, las normas sociales y la necesidad de respetar el papel de la mujer en la sociedad de género [8].

Así que, el Comité de la CEDAW es un órgano de supervisión independiente que supervisa y evalúa las medidas adoptadas por los países para mejorar la situación de la mujer y luchar contra la violencia de género. Por lo tanto, todos los Estados Partes de la Convención sobre la Eliminación de Todas las Formas de Discriminación contra la Mujer deben informar sobre las medidas adoptadas y los progresos realizados por la protección de los derechos de la mujer [9]. En cambio, la ONU-Mujeres prioriza a las mujeres y las niñas – las víctimas de la violencia de género, apoyando las iniciativas de respuesta y prestación de servicios a las víctimas y centrándose en las medidas preventivas [10]. Pero parece que el problema principal aquí es que no todas las víctimas de violencia de género pudieron tener acceso a las iniciativas de la ONU.

En cuanto a la lucha contra la violencia contra la mujer, es necesario examinar las medidas adoptadas a nivel nacional. En la República de Belarús no se define el concepto de violencia de género, pero existe el concepto de “violencia en el hogar”, por el cual hay responsabilidad administrativa en virtud de los artículos 9.1, 9.3 y 17.1 del Código de infracciones administrativas de la República de Belarús. Al mismo tiempo, se reconoce que las mujeres y las niñas son las víctimas “principales” de la violencia doméstica: por ejemplo, en la Resolución del Consejo de Ministros “Sobre el plan de acción nacional para garantizar la igualdad de género en la República de Belarús para 2021–2025”, las medidas adoptadas contra la violencia doméstica no fueron derogadas. Los objetivos de los hogares son reducir el porcentaje de mujeres que han sido víctimas de cualquier forma de violencia doméstica (física, psicológica, económica o sexual) por parte de su pareja, así como el porcentaje de mujeres y niñas mayores de 15 años que han sido víctimas de violencia sexual [11].

Es posible que las medidas se centren específicamente en la lucha contra la violencia doméstica porque en Belarús la violencia doméstica es la forma más común de violencia de género, y casi la mitad de mujeres ha sido víctima de violencia psicológica en su familia [12]. Sin embargo es necesario aplicar medidas complejas para combatir todas las formas de violencia de género, lo que sería más efectivo.

Se espera que una medida efectiva sea una ley específica contra la violencia de género. Por ejemplo, en 2004 España aprobó la Ley Orgánica 1/2004, de 28 de diciembre, de Medidas de Protección Integral contra la Violencia de Género, cuyo objetivo es prevenir, sancionar y exterminar esta violencia, así como ayudar a sus víctimas [13]. Según las estadísticas, desde la

aprobación de esta ley, el número de mujeres asesinadas por violencia de género se redujo notablemente [14].

Entonces, es posible que el problema principal de la mayoría de estas medidas contra la violencia de género sea que se centran casi exclusivamente en la rehabilitación de la víctima en lugar de castigar al perpetrador. Castigar al agresor envía un mensaje claro de que la violencia de género es inaceptable, por lo que falta de sanciones penales por la violencia de género en Belarús parece un paso atrás en el camino a la igualdad de hombres y mujeres.

A pesar de los logros en la coordinación internacional, la violencia de género sigue siendo un desafío global persistente. Las mujeres y niñas, que representan casi la mitad de la población mundial, continúan enfrentando opresión sistemática, con altos índices de violencia física, económica, sexual y psicológica. La falta de una protección legislativa específica y efectiva es uno de los factores que no ayuda a resolver este problema. Esto se pone de manifiesto la necesidad urgente de adoptar medidas nacionales y globales coordinadas, centradas en la prevención, apoyar a las víctimas, para eliminar todas las formas de violencia por motivos de género y garantizar plenamente los derechos humanos de las mujeres. La cooperación internacional y el cumplimiento de los compromisos adquiridos son fundamentales para lograr este objetivo.

Referencias

1. La Carta de las Naciones Unidas: tom. en el 26 de junio de 1945 // Las Naciones Unidas. URL: <https://www.un.org/es/about-us/un-charter/full-text> (fecha de acceso: 17.04.2025).
2. Informe de la Cuarta Conferencia Mundial sobre la Mujer, Beijing, 4 a 15 de septiembre de 1995 // Las Naciones Unidas. Biblioteca digital. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/250039?ln=es&v=pdf> (fecha de acceso: 17.04.2025).
3. Población, mujeres (% de la población total) // Banco mundial. URL: <https://datos.bancomundial.org/indicador/SP.POP.TOTL.FE.ZS> (fecha de acceso: 17.04.2025).
4. El progreso en el cumplimiento de los objetivos de desarrollo sostenible: Panorama de género 2024 // La ONU-Mujeres. URL: <https://www.unwomen.org/en/digital-library/publications/2024/09/progress-on-the-sustainable-development-goals-the-gender-snapshot-2024> (fecha de acceso: 21.04.2025).
5. Declaración sobre la eliminación de la violencia contra la mujer [Recurso electrónico] // Las Naciones Unidas. La Oficina del Alto Comisionado de Derechos Humanos. URL: <https://www.ohchr.org/es/instruments-mechanisms/instruments/declaration-elimination-violence-against-women> (fecha de acceso: 22.04.2025).
6. La Declaración Universal de los Derechos Humanos // Las Naciones Unidas. URL: <https://www.un.org/es/about-us/universal-declaration-of-human-rights> (fecha de acceso: 21.04.2025).

7. Convenio del Consejo de Europa sobre prevención y lucha contra la violencia contra las mujeres y la violencia doméstica // Council of Europe. URL: <https://rm.coe.int/1680462543> (fecha de acceso: 21.04.2025).

8. Recomendación general num. 35 sobre la violencia por razón de género contra la mujer, por la que se actualiza la recomendación general num. 19 // Las Naciones Unidas. La Oficina del Alto Comisionado de Derechos Humanos. URL: <https://www.ohchr.org/es/documents/general-comments-and-recommendations/general-recommendation-no-35-gender-based-violence> (fecha de acceso: 22.04.2025).

9. Comité para la Eliminación de la Discriminación contra la Mujer // Las Naciones Unidas. La Oficina del Alto Comisionado de Derechos Humanos. URL: <https://www.ohchr.org/es/treaty-bodies/cedaw> (fecha de acceso: 22.04.2025).

10. Enfoque en la prevención: Poner fin a la violencia contra las mujeres // La ONU-Mujeres. URL: <https://www.unwomen.org/en/what-we-do/ending-violence-against-women/prevention> (fecha de acceso: 22.04.2025).

11. Постановление Совета Министров Республики Беларусь 30 декабря 2020 г. № 793 «О Национальном плане действий по обеспечению гендерного равенства в Республике Беларусь на 2021–2025 годы» // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=C22000793> (дата обращения: 23.04.2025).

12. Результаты исследования распространенности насилия в отношении женщин в Республике Беларусь // Институт социологии НАН Беларуси. URL: <https://socio.bas-net.by/wp-content/uploads/2022/04/Rezultaty-issledovaniya-o-rasprostranennosti-nasiliya-v-otnoshenii-zhenshhin.pdf> (дата обращения: 23.04.2025).

13. Ley Orgánica 1/2004, de 28 de diciembre, de Medidas de Protección Integral contra la Violencia de Género // Agencia Estatal. Boletín Oficial del Estado. URL: <https://www.boe.es/buscar/act.php?id=BOE-A-2004-21760> (fecha de acceso: 23.04.2025).

14. Violencia de género – datos y estadísticas // EpData. URL: <https://www.epdata.es/datos/violencia-genero-estadisticas-ultima-victima/109/espana/106> (fecha de acceso: 23.04.2025).

РОЛЬ ИТАЛИИ В РЕАЛИЗАЦИИ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ ООН: ВКЛАД В ЗАЩИТУ И ПОПУЛЯРИЗАЦИЮ ВСЕМИРНОГО НАСЛЕДИЯ ЮНЕСКО

И. А. Торкайло

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, irinatorkailo2005@gmail.com
Научный руководитель – В. В. Мальцев, старший преподаватель*

Статья описывает активную роль Италии в сохранении культурного и природного наследия в рамках ЮНЕСКО. Италия занимает лидирующие позиции по количеству объектов Всемирного наследия, включая памятники и природные территории, нематериальное наследие. Кроме того, Италия активно развивает образовательные и культурные программы, вовлекая молодёжь и специалистов, что помогает сохранять и популяризировать культурное достояние для будущих поколений.

Ключевые слова: Италия; Всемирное наследие; культурные инициативы; сохранение; защита; ЮНЕСКО.

IL RUOLO DELL'ITALIA NELLA REALIZZAZIONE DELLA POLITICA CULTURALE DELL'ONU: IL CONTRIBUTO ALLA TUTELA E POPOLARIZZAZIONE DEL PATRIMONIO MONDIALE DELL'UNESCO

I. A. Tarkaila

*Università statale bielorrussa, Ave. Nezavisimosti, 4,
220030, Minsk, Bielorussia, irinatorkailo2005@gmail.com
Relatore - V.V. Maltsau, docente di ruolo*

L'articolo descrive il ruolo attivo dell'Italia nella conservazione del patrimonio culturale e naturale all'interno dell'UNESCO. L'Italia è leader nel numero di siti del Patrimonio mondiale, tra cui monumenti e aree naturali, patrimonio immateriale. Inoltre, l'Italia sviluppa attivamente programmi educativi e culturali, coinvolgendo giovani e professionisti, che contribuiscono a preservare e promuovere il patrimonio culturale per le generazioni future.

Parole chiave: Italia; patrimonio mondiale; iniziative culturali; conservazione; tutela; UNESCO.

L'Italia, grazie al suo vasto e prezioso patrimonio culturale, riveste un ruolo di grande importanza all'interno delle Nazioni Unite, specialmente nelle iniziative dedicate alla cultura. Con oltre 50 siti riconosciuti nella Lista del Patrimonio Mondiale UNESCO, il Paese è tra quelli con il maggior numero di

monumenti e aree naturali tutelati a livello internazionale. Questi luoghi non solo rappresentano un valore culturale straordinario, ma svolgono anche una funzione fondamentale per il turismo, l'economia e lo scambio culturale.

I siti italiani iscritti nella Lista possono essere distinti in tre categorie principali: patrimonio culturale (che include opere architettoniche, insiemi di edifici isolati o raggruppati, e siti creati dall'uomo o dall'interazione tra uomo e natura), patrimonio naturale e paesaggi culturali. Attualmente, su un totale di 59 siti, 6 sono classificati come patrimonio naturale, come ad esempio le Alpi Dolomitiche, mentre 8 sono riconosciuti come paesaggi culturali, tra cui la celebre Costiera Amalfitana [1].

Nel 2007 l'Italia ha aderito alla Convenzione per la salvaguardia del patrimonio culturale immateriale, che tutela un insieme di tradizioni, usanze, conoscenze e pratiche tramandate di generazione in generazione. Tra gli elementi riconosciuti figurano l'Opera dei Pupi Siciliani, il Canto a tenore della Sardegna, le abilità artigianali della liuteria cremonese, la Dieta Mediterranea e l'arte del «pizzaiolo» napoletano, oltre a molti altri [2].

Da tempo l'Italia è impegnata nel promuovere le proprie iniziative culturali all'interno delle Nazioni Unite, con un'attenzione particolare alla conservazione e protezione del patrimonio culturale. Questo impegno si concretizza soprattutto attraverso la Convenzione del Patrimonio Mondiale UNESCO, che assicura un coordinamento internazionale per la tutela di luoghi di eccezionale valore.

La tutela specifica di ogni monumento storico è garantita da norme e misure di gestione mirate. Ad esempio, l'Italia ha istituito un sistema di parchi e riserve nazionali per proteggere le aree naturali più rilevanti. Inoltre, sono state create zone culturali con regole severe per la costruzione e il restauro degli edifici storici: a Venezia, ad esempio, è vietato modificare le persiane esterne in molte zone residenziali, mentre a Firenze, per preservare l'unicità e la vivibilità della città, dal 2012 sono stati proibiti gli autobus turistici. Un'ulteriore misura importante riguarda l'inasprimento delle sanzioni per atti di vandalismo contro i monumenti culturali, con multe che vanno da 20.000 a 60.000 euro, un aumento significativo rispetto al passato [3].

Il programma UNESCO "Memoria del Mondo", avviato nel 1992, si propone di salvaguardare biblioteche e archivi preziosi minacciati da conflitti, saccheggi, condizioni di conservazione inadeguate e carenza di risorse economiche. Il programma mira a preservare questi documenti fondamentali, rendendoli accessibili e valorizzandone l'importanza. A tal fine, è stato creato un registro che raccoglie manoscritti, libri, documenti e film di particolare rilievo, per garantirne la protezione e la trasmissione alle generazioni future [4].

Infine, l'Italia continua a realizzare numerosi progetti volti a diffondere e valorizzare il proprio patrimonio culturale, rendendolo sempre più accessibile e conosciuto a livello globale.

Un esempio concreto dell'impegno culturale italiano è la creazione di una rete di Club e Associazioni UNESCO, il cui obiettivo principale è diffondere la conoscenza e sostenere la missione, le priorità e i programmi dell'UNESCO all'interno della società civile.

Questi club svolgono un ruolo fondamentale nel coinvolgere il pubblico generale, stimolando l'interesse verso le tematiche UNESCO e favorendo la condivisione di informazioni e buone pratiche.

Tra i programmi più innovativi c'è il «World Heritage Canopy», un progetto che sviluppa studi di caso e propone soluzioni concrete per coordinare le attività a livello locale. Questo contribuisce all'attuazione dei principi internazionali sanciti nella Convenzione sul Patrimonio Mondiale e nell'Agenda per lo Sviluppo Sostenibile. In particolare, il progetto organizza eventi nelle città storiche, con lo scopo di ispirare i partecipanti e diffondere pratiche innovative di gestione e valorizzazione del patrimonio culturale.

Nel 2015, in Italia è stato avviato un progetto dedicato al rafforzamento del settore museale. Il governo ha così manifestato l'impegno a promuovere le attività museali, riconoscendo il loro ruolo centrale nelle comunità e sostenendo la professionalità degli operatori. Questo progetto si basava su un principio innovativo per l'epoca: un approccio inclusivo e democratico che garantisse pari accesso alla cultura e ai musei per tutte le fasce della popolazione, indipendentemente dal livello sociale [5].

Le iniziative culturali italiane, inoltre, comprendono numerosi programmi volti a sostenere l'educazione, le arti e lo scambio culturale. Attraverso la collaborazione con l'UNESCO, l'Italia promuove attività rivolte a giovani, artisti e operatori culturali, creando piattaforme di dialogo e condivisione.

Un esempio recente è l'incontro «Spirito di Napoli» del 2023, durante il quale si sono affrontati temi di grande attualità come l'urbanizzazione crescente, il turismo di massa, la crisi climatica e i conflitti globali. In questa occasione, il Ministro della Cultura italiano ha sottolineato l'importanza di valorizzare il patrimonio storico, artistico e tradizionale della regione, evidenziando come questi elementi siano fondamentali per progetti culturali di ampio respiro [6].

L'Italia gioca un ruolo di primo piano nell'ambito dell'UNESCO, non solo per l'elevato numero di siti iscritti nella Lista del Patrimonio Mondiale, ma anche per il suo contributo attivo nella salvaguardia e promozione del patrimonio culturale e naturale. Le azioni italiane spaziano dalla protezione rigorosa dei luoghi storici all'adozione di strategie innovative per rendere il patrimonio accessibile e coinvolgente per un pubblico ampio. Questi sforzi permettono di aumentare la consapevolezza sull'importanza della conservazione del patrimonio mondiale, garantendo che questo tesoro venga preservato per le generazioni future.

Riferimenti

1. Siti del Patrimonio dell'Unesco in Italia. Italia: [sito]. Roma, 2000–2025. URL: <https://www.italia.it/it/italia/cosa-fare/arte-cultura/siti-unesco> (data di accesso: 15.04.2025).
2. Patrimonio Culturale Immateriale - Unesco Commissione Nazionale Italiana per l'Unesco: Roma, 2016–2025. URL: <https://www.unesco.it/it/iniziative-dellunesco/patrimonio-culturale-immateriale/> (data di accesso: 15.04.2025).
3. L'Italia inasprisce le pene per i trasgressori ambientali: [sito]. Roma, 2024–2025. URL: <https://rg.ru/2024/02/04/v-italii-uzhestochili-nakazanie-dlia-ekovandalov.html> (data di accesso: 16.04.2025).
4. Memoria del mondo - Unesco Commissione Nazionale Italiana per l'Unesco. Roma, 2016–2025. URL: <https://www.unesco.it/it/iniziative-dellunesco/memoria-del-mondo/> (data di accesso: 16.04.2025).
5. Iniziative dell'UNESCO - Unesco Commissione Nazionale Italiana per l'Unesco. Roma, 2000–2025. URL: <https://www.unesco.it/it/iniziative-dellunesco/> (data di accesso: 16.04.2025).
6. Nuovo Tema in Evidenza: “Lo Spirito di Napoli: una road map per la salvaguardia del Patrimonio Culturale nel XXI secolo”: Roma, 2024–2025. URL: <https://www.unesco.it/it/news/nuovo-tema-in-evidenza-lo-spirito-di-napoli-una-road-map-per-la-salvaguardia-del-patrimonio-culturale-nel-xxi-secolo/> (data di accesso: 17.04.2025).

БРАЗИЛИЯ И ООН: ДИПЛОМАТИЧЕСКОЕ ПАРТНЕРСТВО ДЛИНОЙ В ВОСЕМЬ ДЕСЯТИЛЕТИЙ

Я. А. Чечура

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, chechurayana@gmail.com
Научный руководитель – Т. А. Шарупич, старший преподаватель*

В статье анализируется роль Бразилии в ООН с 1945 года, особое внимание уделяется ее участию в миротворческих миссиях, работе в руководящих органах по таким вопросам, как права человека, устойчивое развитие и разоружение. Освещаются различные миротворческие миссии, а также отстаивание Бразилией реформ в Совете Безопасности. В исследовании рассматривается активный вклад Бразилии в укрепление мира и соблюдение международного права.

Ключевые слова: Организация Объединенных Наций; Цели устойчивого развития; миротворческие операции; дипломатия; права человека; Совет по правам человека; Генеральная Ассамблея ООН; Устав ООН; международная безопасность.

O BRASIL E AS NAÇÕES UNIDAS: UMA PARCERIA DIPLOMÁTICA DE OITO DÉCADAS

Y.A. Chechura

*Universidade Estatal da Bielorrússia, Nezavisimosti Av., 4,
220030, Minsk, Bielorrússia, chechurayana@gmail.com
Orientadora – T.S. Sharupich, Professora senior*

O artigo analisa o papel da Brasil na ONU desde 1945, com especial destaque para a sua participação em missões de paz e o trabalho em órgãos diretivos em questões como direitos humanos, desenvolvimento sustentável e desarmamento. São abordadas várias missões de paz, bem como a defesa da Brasil em relação às reformas no Conselho de Segurança. O estudo analisa a contribuição ativa da Brasil para o fortalecimento da paz e o cumprimento do direito internacional.

Palavras-chave: Nações Unidas; Objetivos de Desenvolvimento Sustentável; operações de paz, diplomacia; direitos humanos; Conselho de Direitos Humanos; Assembleia Geral da ONU; Carta da ONU; segurança internacional.

Criada em 1945, durante a Conferência de São Francisco, a Organização das Nações Unidas surgiu com o propósito de promover a cooperação internacional em múltiplas esferas, como segurança, economia, meio ambiente, justiça e direitos humanos.

Desde o início, o Brasil figura entre os membros fundadores da ONU e, ao longo das décadas, tem mantido uma postura proativa na defesa de um sistema

multilateral baseado nos princípios estabelecidos na Carta das Nações Unidas [1].

Comprometido com a ordem internacional pautada pelo diálogo, o Brasil vem se destacando por sua atuação coerente e contínua nas missões de paz da ONU.

A participação brasileira nessas operações reflete uma tradição diplomática de valorização da resolução pacífica de conflitos. A Missão das Nações Unidas para a Estabilização no Haiti (MINUSTAH), desenvolvida entre 2004 e 2017, é um exemplo notório dessa atuação.

Durante esse período, o Brasil comandou a vertente militar da missão, mobilizando tropas não apenas para tarefas de segurança, mas também para ações humanitárias, como campanhas de saúde e assistência alimentar [2].

Desde 2011, o Brasil lidera ainda a componente naval da Força Interina da ONU no Líbano (UNIFIL), tornando-se o primeiro país da América Latina a assumir o comando de uma missão naval sob a égide das Nações Unidas.

Além dessas iniciativas, o Brasil também participou de operações em regiões como o continente africano e a América Central – entre elas destacam-se as missões em Angola (UNAVEM), República Democrática do Congo (MONUSCO), El Salvador (ONUSAL), Chipre (UNFICYP) e América Central (ONUCA).

Em todas essas frentes, a diplomacia brasileira reafirma seu compromisso com a proteção de civis, a reconstrução de instituições e a mediação de conflitos [3].

A presença brasileira nas estruturas institucionais da ONU é igualmente significativa. Desde 1947, o país é tradicionalmente o primeiro a falar na abertura do debate geral da Assembleia Geral das Nações Unidas [4].

Esse protagonismo, embora não regulamentado formalmente, se consolidou ao longo do tempo como prática diplomática reconhecida internacionalmente.

O Brasil também tem ocupado de forma recorrente um assento não permanente no Conselho de Segurança da ONU.

Ainda que não detenha poder de veto, o país tem se engajado ativamente nas discussões sobre segurança internacional, defendendo o primado do direito internacional e o uso da diplomacia como instrumento prioritário de resolução de disputas.

Em paralelo, sua atuação no Conselho de Direitos Humanos tem se caracterizado por uma defesa firme dos direitos fundamentais em todas as suas dimensões – civis, políticos, econômicos, sociais e culturais [5].

No âmbito do Conselho Econômico e Social (ECOSOC), o Brasil contribui com propostas voltadas para o combate à pobreza, o desenvolvimento inclusivo e a promoção da cooperação técnica entre nações do Sul Global. Essa

abordagem dialoga diretamente com o conceito de Cooperação Sul-Sul, área em que o Brasil vem exercendo liderança por meio de iniciativas como o Centro de Excelência contra a Fome, uma parceria com o Programa Mundial de Alimentos da ONU [6].

O país também tem se posicionado como defensor da modernização da estrutura da ONU. Um dos principais pontos de sua agenda reformista é a ampliação do Conselho de Segurança, com vistas a torná-lo mais representativo da diversidade geopolítica contemporânea.

Nesse contexto, o Brasil integra o chamado G4 – grupo que também inclui Alemanha, Japão e Índia – e pleiteia um assento permanente nesse órgão estratégico [7].

Outro aspecto relevante da atuação internacional do Brasil diz respeito à diplomacia preventiva e ao incentivo ao diálogo intercultural. A tradição diplomática brasileira privilegia a não intervenção, o respeito à soberania e a autodeterminação dos povos.

Em relação à agenda ambiental, o Brasil tem participado ativamente das negociações globais sobre mudanças climáticas, especialmente no âmbito da Convenção-Quadro das Nações Unidas sobre Mudança do Clima (UNFCCC).

No contexto da Agenda 2030, o Brasil vem buscando alinhar suas políticas públicas aos Objetivos de Desenvolvimento Sustentável (ODS). Através de ações nas áreas de saúde, educação, meio ambiente e inclusão social, tanto o Estado quanto a sociedade civil têm trabalhado para cumprir as metas globais definidas pela ONU [8].

Em suma, o Brasil desempenha papel essencial no fortalecimento da ONU e na promoção de um multilateralismo baseado no diálogo, na solidariedade e na cooperação.

Referências

1. Carta das Nações Unidas // Organização das Nações Unidas. URL: <https://clk.ru/3LsmXt> (data de acesso: 19.04.2025).
2. Restoring a secure and stable environment // United Nations Peacekeeping. URL: <https://peacekeeping.un.org/en/mission/minustah> (date of access: 03.05.2025).
3. Histórico da participação brasileira em missões da ONU // Ministério da Defesa. URL: https://www.gov.br/defesa/pt-br/assuntos/relacoes-internacionais/copy_of_missoes-de-paz/historico-da-participacao-brasileira-em-missoes-da-onu (data de acesso: 20.04.2025).
4. Por que Brasil é o 1º a discursar na Assembleia Geral da ONU? // UOL. URL: <https://noticias.uol.com.br/internacional/ultimas-noticias/2023/09/19/por-que-brasil-e-o-1-a-discursar-na-assembleia-geral-da-onu-ha-3-teorias.htm> (data de acesso: 23.04.2025).
5. Brasil é eleito para Conselho de Direitos Humanos da ONU // Agência Brasil. URL: <https://agenciabrasil.ebc.com.br/internacional/noticia/2023-10/brasil-e-eleito-para-conselho-de-direitos-humanos-da-onu> (data de acesso: 26.04.2025).

6. Centro de Excelência participa de reunião preparatória para Cúpula da ONU sobre Sistemas Alimentares // Centro de Excelência contra a Fome. URL: <https://centrodeexcelencia.org.br/centro-de-excelencia-participa-de-reuniao-preparatoria-para-cupula-da-onu-sobre-sistemas-alimentares/> (data de acesso: 20.04.2025).

7. Países do G4 pedem reforma do Conselho de Segurança da ONU // Agência Brasil. URL: https://www.gov.br/mre/pt-br/sites-antigos-retirados-do-ar/Brasil-CSNU/o-brasil-no-csnu-1/historico-brasil-csnu?utm_source (data de acesso: 20.04.2025).

8. Objetivos de Desenvolvimento Sustentável // ONU Brasil. URL: <https://clck.ru/3Lsqkx>. (data de acesso: 01.05.2025).

ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ СЛЕД ИНДУСТРИИ МОДЫ: СРАВНЕНИЕ ГЕРМАНИИ И БЕЛАРУСИ

Д. П. Шутько

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, diana.shutsko@mail.ru
Научный руководитель – А. А. Чернявский, старший преподаватель*

Модная индустрия оказывает значительное воздействие на окружающую среду, которое лишь усиливается в связи с ростом быстрой моды. Статья посвящена сравнительному анализу экологического воздействия индустрии моды в Германии и Беларуси. На основе собственного исследования демонстрируется низкий уровень экологической осознанности белорусских покупателей. В завершении работы предлагаются практические меры по снижению экологического следа.

Ключевые слова: влияние индустрии моды на экологию; быстрая мода; экологический след; устойчивая мода; осознанное потребление.

DER ÖKOLOGISCHE FUSSABDRUCK DER MODE: DEUTSCHLAND UND BELARUS IM VERGLEICH

D. P. Schutsko

*Belarussische Staatliche Universität, Minsk, Independence Ave, 4
220030, Minsk, Republik Belarus, diana.shutsko@mail.ru
wissenschaftlicher Betreuer – A.A. Tcharniauski, Oberdozent*

Die Modeindustrie hat erhebliche Auswirkungen auf die Umwelt, die durch das Aufkommen von Fast Fashion noch verstärkt werden. Dieser Beitrag widmet sich einer vergleichenden Analyse der ökologischen Folgen der Modeindustrie in Deutschland und in Belarus. Eine eigene Untersuchung zeigt das geringe Umweltbewusstsein belarussischer Konsumenten auf. Abschließend werden Empfehlungen zur Verringerung des ökologischen Fußabdrucks aufgezeigt.

Schlusswörter: die Auswirkungen der Modeindustrie auf die Umwelt; Fast Fashion; ökologischer Fußabdruck; nachhaltige Mode; bewusster Konsum.

Als Epigraph meiner Forschung habe ich Worte von Mahatma Gandhi genommen – «Der schönste Stoff ist nicht schön, wenn er Hunger und Unglück bringt». Ziel meiner Forschung ist allerseitige Erlernung und Analyse der Umweltauswirkungen der Modeindustrie in Deutschland und Belarus. Durch einen Vergleich möchte ich nicht nur die Schattenseiten der Mode aufzeigen, sondern auch Tipps für Verbraucher*innen zu formulieren, damit sie nachhaltiger handeln können.

Wie wir unsere Kleidung kaufen, pflegen und wegwerfen, hat negative Auswirkungen auf die Umwelt. Obwohl das Thema des Umweltschutzes heutzutage im Mittelpunkt steht, lassen viele Leute den Einfluss der Modeindustrie außer Acht. Tatsächlich zählt die Modebranche zu den weltweit größten Umweltsündern, was durch zahlreiche Studien untermauert wird.

Erstens verursacht die Modeindustrie mehr CO₂-Emissionen als der gesamte internationale Flug- und Schiffsverkehr zusammen [1]. Diese Treibhausgase heizen die Erdatmosphäre auf und führen zum Klimawandel.

Neben den klimatischen Auswirkungen belastet die Bekleidungsproduktion die globalen Wasserressourcen. Zur Herstellung eines Baumwoll-T-Shirts werden etwa 2.700 Liter Wasser verbraucht – mehr als ein Mensch in drei Jahren trinkt [2]. Bei einer herkömmlichen Jeans sind es sogar 7.000 bis 10.000 Liter Wasser, was dem Trinkbedarf eines Menschen für fünf Jahre entspricht! Beim Färben und Waschen von Textilien kommt eine große Menge von giftigen Chemikalien zum Einsatz, die Böden und Gewässer vergiften und die Ökosysteme langfristig schädigen. Mode trägt mit etwa einem Fünftel zur weltweiten Wasserverschmutzung bei.

Der rasante Fast-Fashion-Konsum führt dazu, dass immer mehr Kleidungsstücke auf Mülldeponien landen – meistens in ärmeren Ländern des Südens. Jede Sekunde wird weltweit eine LKW-Ladung Kleidung weggeworfen [3].

Außerdem zerstört die Modebranche abwechslungsreiche Lebensräume wie Regenwälder und Savannen, weil sie große Flächen für Baumwoll- und Materialproduktion braucht. Aus diesem Grund verlieren unzählige Tierarten – darunter seltene Vögel und Insekten – ihren natürlichen Lebensraum.

Der Hauptgrund für die enorme Umweltbelastung durch die Modeindustrie liegt im sogenannten Fast-Fashion-Phänomen. Hinter diesem Begriff steckt ein Geschäftsmodell in der Modeindustrie, das schnelle Produktion großer Mengen an preisgünstige und trendorientierte Kleidung bezeichnet. Statt vier Kollektionen pro Jahr haben wir jetzt neue Lieferungen in den Geschäften alle zwei Wochen. Beispielsweise bringt Zara bis zu 24 neue Kollektionen pro Jahr in die Läden, H&M zwischen 12 und 16 [4]. Seit dem Jahr 2000 hat sich die weltweite Kleidungsproduktion verdoppelt – von 50 auf 100 Milliarden Stück pro Jahr. Obwohl diese Kleidung erschwinglich ist, hat sie eine kurze Lebensdauer und sind oft auch unnützlich für das Recycling aufgrund den geringen Qualitätsstandards. Diese beeindruckend hohen Zahlen lassen darauf schließen, dass Fast Fashion ein weltweiter Trend unserer Zeit ist.

Was Deutschland betrifft, hat das Umweltbundesamt (UBA) errechnet, dass sich die Deutschen im Jahr pro Kopf rund 12 Kilogramm Kleidung gönnen [5]. Zum Vergleich: Weltweit liegt der jährliche Durchschnitt bei 8 Kilogramm.

Das sind rund 60 Kleidungsstücke jährlich oder mehr als ein Kleidungsstück in der Woche.

Studien zeigen, dass Faktoren wie Geschlecht, Einkommen, Bildung und Herkunft eine entscheidende Rolle für unser Konsumverhalten spielen. Je höher Bildung und Einkommen ist, desto mehr Kleidung haben die Leute. F

rauen in Westdeutschland besitzen häufig übervolle Schränke, während sich das Kaufverhalten mit steigendem Einkommen und höherer Bildung verändert. Um ein umfassendes Bild des alltäglichen Umgangs mit Mode in der heutigen Gesellschaft in Belarus zu bekommen, habe ich meine kleine Forschung durchgeführt, an der insgesamt 70 Menschen teilgenommen haben. Laut der Ergebnisse kaufen die Belarussen Kleidung am öftesten alle 2-3 Monate.

Beim Kleidungskauf legen sie einen großen Wert auf Komfort (94,3%) und Qualität (85,7%), während Preis (77,1%) ebenfalls wichtig ist. Leider finden nur 2,9% die Nachhaltigkeit wichtig – ein starker Kontrast zu Deutschland, wo mehr Leute darauf achten. Hauptgründe für die Unterschiede sind wirtschaftliche Bedingungen und mangelndes Bewusstsein für Einfluss von Fast Fashion in Belarus. Zum Glück geben 80% der Befragten zweites Leben für gebrauchte Kleidung. Die Umfrage zeigt, dass die meisten Menschen (94,3%) ungetragene Kleidung an Verwandte oder Bekannte weitergeben. Interessant ist, dass 31,4% der Teilnehmer Kleidung recyceln und 8,6% sie verkaufen oder spenden. Ich habe die Auffassung, dass solche Ergebnisse mit unserer Sparsamkeit und begrenzten finanziellen Mitteln verbunden sind.

Die Umfrage zeigt, dass nur 37 % der Befragten bereit sind, ihre Konsumgewohnheiten für den Umweltschutz zu ändern – ein Ergebnis, das zum Handeln auffordert. Dieser Zahl macht uns klar, dass es mehr Bewusstsein und Engagement braucht.

Da wir alle verantwortlich für die Umwelt sind, sollten wir uns verpflichten, unseren Fashion-Fußabdruck zu verringern und bewusster mit Kleidung umgehen. Jeder Einzelne von uns ist in die Lage, seinen Beitrag zum Umweltschutz zu leisten.

Ein erster wichtiger Schritt ist, die umweltfreundlichen Gewohnheiten im Alltag einzubauen und mehr auf die Natur zu achten. Es gibt wichtige Maßnahmen, mit denen die Menschen ihren ökologischen Fußabdruck verringern können. Reduzieren, reparieren und wiederverwenden – das kann helfen, negative Auswirkungen Ihres Konsums auf die Umwelt zu begrenzen.

1. Reduzieren, das heißt – bewusster konsumieren. Statt ständig neue Kleidung zu kaufen, sollten wir weniger, aber dafür hochwertige Stücke wählen und sie länger tragen. Es ist empfehlenswert, auf Impulskäufe zu verzichten, indem man sich fragt: Brauche ich das wirklich oder nicht? Es wäre auch besser, nachhaltige Marken zu unterstützen, die oft umweltfreundlichere Materialien

und faire Produktionsbedingungen verwenden, und auf die Qualität statt Quantität zu achten.

2. Anstatt kaputte Kleidungsstücke sofort wegzuwerfen, können wir sie reparieren lassen oder selbst ausbessern und dazu beitragen, die Kleidung ein längeres Leben zu geben. Wenn man seine Schuhe zum Schuster bringt, kleine Löcher in Socken stopft, tut er der Umwelt und seiner Geldbörse einen Gefallen.

3. Eine besonders wirksame Empfehlung, um nachhaltig mit Textilproduktion umzugehen, ist das Wiederverwendung. Gebrauchte Kleidung muss nicht im Müll landen. Man kann Kleidung auf Secondhand- Geschäften, auf Flohmarkt oder in Second-Hand Apps sowohl verkaufen, sondern auch selbst auf Secondhand Kleidung zurückgreifen. Außerdem liegt heutzutage Upcycling im Trend, das heißt alte Habseligkeiten in etwas Neues zu verwandeln [6]. Viele Videos stehen uns zur Verfügung, die zeigen, wie aus alten Habseligkeiten neue Lieblingsstücke entstehen. Mit Kreativität kann man die Lebenszeit von Kleidung verlängern und gleichzeitig seinen eigenen, nachhaltigen Style entwickeln.

Zusammenfassend lässt sich sagen, dass Fast-Fashion-Industrie dringend reduziert werden muss. Deutschland und Belarus haben unterschiedliche Modekulturen. Obwohl die Belarussen weniger kaufen und Kleidung länger tragen, gibt es auch Probleme.

Beide Länder müssen umweltfreundlicher werden. Indem wir bewusst konsumieren und die umweltfreundlichen Gewohnheiten im Alltag einbauen, lässt sich der ökologische Fußabdruck der Modebranche deutlich verringern.

Hinweise

1. So macht unsere Kleidung die Umwelt kaputt [Elektronische Ressource] // Quarks. Zugriffsmethode: <https://www.quarks.de/umwelt/kleidung-so-macht-sie-unsere-umwelt-kaputt/>. (zugriffsdatum: 18.04.2025).

2. Umweltauswirkungen von Textilproduktion und -abfällen // Europäisches Parlament. Zugriffsmethode: <https://www.europarl.europa.eu/topics/de/article/20201208STO93327/umweltauswirkungen-von-textilproduktion-und-abfallen-infografik>. (zugriffsdatum: 19.04.2025).

3. Fast Fashion versus grüne Mode // Greenpeace. Zugriffsmethode: <https://www.greenpeace.de/engagieren/nachhaltiger-leben/fast-fashion-versus-gruene-mode>. (zugriffsdatum: 19.04.2025).

4. Ultra Fast Fashion: Wegwerfkleidung im Stundentakt von Shein und Co. // UTOPIA. Zugriffsmethode: https://utopia.de/ratgeber/ultra-fast-fashion-wegwerfkleidung-im-studentakt-von-shein-und-co_382192/. (zugriffsdatum: 19.04.2025).

5. Mode mit gutem Gewissen/ Wie das, was wir anziehen, Umwelt und Menschenrechte beeinflusst // BUND Hessen. Zugriffsmethode: <https://clck.ru/3LyUy9>. (zugriffsdatum: 20.04.2025).

ФАКУЛЬТЕТ ФИЛОСОФИИ И СОЦИАЛЬНЫХ НАУК

ИСТОРИЯ КОНСЬЮМЕРИЗМА: ОТ АНТИЧНОСТИ ДО ПОСТКАПИТАЛИЗМА

А. А. Аверкова¹⁾, Д. И. Голомако¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, ул. Карла Маркса, 31,
2203030, г. Минск, Беларусь, anna.laverkova@gmail.com
dasha06go@gmail.com

Научный руководитель – О. В. Курбачёва, кандидат философских наук, доцент

В научной статье рассматривается путь становления консьюмеризма в современном обществе, начиная от его традиционных форм (периода античности) и переходя к цифровому обществу. Анализируются философские подходы к пониманию потребления и стремления к обладанию, которые составляют основу мировоззрения консьюмеризма.

Ключевые слова: консьюмеризм; чрезмерное потребление; философское учение; гедонизм; эпикуреизм; реклама; материальные блага; иерархия; статус.

Мы живем в современном мире, в котором одним из главнейших факторов жизнедеятельности является рынок. Он представляет собой огромный механизм, где каждая малейшая деталь важна и играет свою роль. Человек становится частью этого механизма, адаптируясь к его особенностям. Такое влияние, само собой, отражается и на поведении человека, в результате чего можно проследить возникновение исключений из правил, новых моделей поведения и психологических паттернов. Одной из таких особенностей является консьюмеризм.

Консьюмеризм – это термин, обозначающий стремление к избыточному потреблению, выходящему за рамки непосредственной необходимости. Такое явление наблюдается вследствие того, что человек начинает приобретать бесконечно большое количество материальных и нематериальных благ, которые не являются необходимыми для поддержания его физического и психологического состояния в норме и ключевыми для удовлетворения потребностей, естественных нужд [1; 2].

Консьюмеризм начал зарождаться еще в античное время, однако не был представлен в его современном виде. Концепт «чрезмерного потребления» был раскрыт в трудах многих античных философов и по своей сущности очень близок к философии гедонизма и эпикуреизма, основы которой были заложены в учениях Аристиппа и Эпикура, соответственно.

Например, работы Аристиппа акцентировали внимание на удовольствиях как на ключевой ценности человеческого бытия: мудрец считал, что именно наслаждение является высшем благом и людям необходимо сконцентрировать внимание на управлении своими желаниями в целях избежания чрезмерного стремления к удовольствиям, а, следовательно, чрезмерного потребления [3]. Этика Эпикура же также ориентируется на получение удовольствия, но он дополнил и изменил подход киренаиков: мыслитель считал, что истинное удовольствие заключается не в чрезмерных наслаждениях, а в состоянии душевного спокойствия (атараксии) и отсутствии физических страданий. Он разделяет все блага на три категории: естественное и необходимое, естественное и не необходимое, неестественное и не необходимое.

Эпикур учит, что каждый индивид должен выбирать то благо, которое принесет ему удовольствие и поможет избежать боли, что соответствует выбору естественного и необходимого блага: «Стало быть, всякое наслаждение, будучи от природы родственно нам, есть благо, но не всякое заслуживает предпочтения; равным образом и всякая боль есть зло, но не всякой боли следует избегать; а надо обо всем судить, рассматривая и соразмеряя полезное и неполезное – ведь порой мы и на благо смотрим как на зло и, напротив, на зло – как на благо» [4]. Мысль о том, что индивид в своем выборе должен ориентироваться на разум, чтобы погасить чувство собственного недовольства, является ключевой и в наше время. Можно сказать, что Эпикур в свое время не поддерживал идеи консюмеризма и придерживался идеи рационального потребления.

О культуре чрезмерного потребления люди продолжали размышлять и в период средневековья. Среди них можно выделить идеи Фомы Аквинского.

В своей книге «Сумма теологии» Фома писал, что материальные блага имеют инструментальную ценность и должны использоваться для достижения высших целей, таких как добродетель и духовное развитие. В учениях он акцентировал внимание на умеренности (*virtus temperantia*) и осуждал чрезмерное стремление к богатству, называя его «жадностью» (*avaritia*), которая является грехом.

По его мнению, богатство не должно становиться самоцелью, однако оно способствует достижению счастья, так как, обладая им, индивид может сосредоточиться на созерцании истины и, в первую очередь на Боге (таким образом, Фома Аквинский подчеркивает немаловажность богатства для добродетельной жизни) [5].

В Эпоху Возрождения идеи консюмеризма также волновали сознание мыслителей. Например, главная мысль книги «Утопия», автором которой является Томас Мор, заключается в критике избыточного потребления и

статуса материальных ценностей. Томас Мор описывает утопическое общество, где минимализм и равенство ставятся во главу угла. В таком обществе материальные блага предоставляются в достаточном количестве, но лишены статуса символов богатства или власти, чтобы устранить жадность и социальное неравенство. Однако, к сожалению или к счастью, идеи утопийцев невозможно воплотить в реальности даже сейчас [6].

С развитием капитализма и укреплением класса капиталистов в Европе возникла потребность в новых этических принципах, которые соединяли христианскую традицию с ценностями и образом жизни капиталистического общества. И новая этика появилась благодаря Реформации, а именно в идеологиях М. Лютера и Ж. Кальвина. У мыслителей были довольно схожие идеи и понимания рационального потребления: М. Лютер критиковал жадность и излишества, утверждая, что истинное спасение достигается через веру, а не через накопление богатства; Ж. Кальвин подчеркивал важность скромности и рационального использования материальных благ, он считал, что чрезмерное потребление отвлекает от духовного развития и служения Богу [7].

Идеи консьюмеризма и общества потребления продолжали развиваться и становились предметом рассуждений многих деятелей периодов промышленной революции и Новейшего времени. Одним из идейных предшественников и вдохновителей философской рефлексии консьюмеризма можно считать А. Маслоу, разработавшего иерархическую типологию человеческих потребностей («пирамида потребностей» Маслоу). Согласно ей, главной потребностью человека является самореализация – стремление человека к личностному развитию, духовному росту и раскрытию своего потенциала.

Удовлетворив физиологические нужды, находясь в безопасности и имея социальные связи и признание, человек начинает искать более глубокий смысл своего существования, желая оставить свой след и внести вклад в культуру, науку или общество [8].

Философская рефлексия чрезмерное потребление присутствует и в работе Э. Фромма «Иметь или быть». Неофрейдист утверждает, что успех современного человека во многом определяется его способностью представлять себя выгодно на «социальном рынке».

Важную роль играют впечатление, которое он производит, его внешняя «упаковка», черты характера, семейный статус, связи и окружение. В итоге человек начинает воспринимать себя как товар, который необходимо продать на наиболее выгодных условиях.

Именно поэтому Э. Фромм метафорически называет индивида «говорящей вещью». Также он отмечает, что в потребительском обществе человек утратил контроль над своими действиями и перестал быть центром

своего мира. Теперь поступки управляют человеком, он становится их пленником, подчиняется им и нередко даже сознательно поддерживает их. Фромм предлагает рассматривать потребление так: «Я исхожу из того, что потребление – это определенное человеческое действие, в котором участвуют наши чувства, чисто физические потребности и эстетические вкусы, то есть действие, в котором мы выступаем как существа ощущающие, чувствующие и мыслящие; другими словами, потребление должно быть процессом осмысленным, плодотворным, очеловеченным». В своём эссе «Человек одинок» Фромм описывает общество потребления как систему, где вместо удовлетворения истинных потребностей создаются искусственные желания, что приводит к утрате природной сути человека. Потребление превращается в самоцель, утратив связь с пользой или удовольствием. По словам Фромма, такое общество строится на идее бесконечного потребления как главной цели существования и стремлении к обладанию, что со временем порождает социальные конфликты и напряжённость [9].

Говоря о культуре консьюмеризма, следует обязательно упомянуть и Т. Веблена. В его теориях представлена следующая идея: индивидами движет соперничество, они находятся в состоянии постоянного сравнения своего потребления с потреблением других, тем самым определяя свой статус и статус окружающих и иерархию в обществе. Автор рассматривает непосредственно потребление как индикатор социальной стратификации, а также отмечает, что людьми движет лишь демонстративное потребление – потребление товаров и выставление их на показ [7].

По сравнению с Т. Вебленом, Ж. Бодрийяр определял современное общество потребления в другом ключе: люди больше не соревнуются друг с другом за обладание материальными благами – они ищут самореализацию через индивидуальное потребление. Ж. Бодрийяр представляет потребление как систему манипуляций знаками, т.е. использование вещей не ради их функциональности или необходимости, а ради их символической ценности. Люди потребляют знаки, которые предметы передают (например, статус, престиж), создавая определённый образ или социальное впечатление. Это превращает потребление в процесс управления смыслами и символами, вместо удовлетворения реальных потребностей. Также отдельное внимание философ уделяет такому феномену, как реклама: он подчеркивает, что реклама создает иллюзию заботы о потребителе, придавая вещам "теплоту" и персонализацию, а сама покупка товара и его свойства удовлетворения потребностей отходят на второй план, играют второстепенную роль [7; 10].

В современном посткапиталистическом обществе, в условиях нарастающей глобализации рыночных отношений, явление консьюмеризма коснулось разных областей жизни. По словам А.Н. Ильина, «потребительская

культура смещает национально-культурные особенности различных народов и становится наднациональным, глобальным типом культуры». К примеру, люди измеряют благосостояние с помощью таких экономических показателей, как ВВП, ВНД, говорят о торговом дефиците, инфляции и уровне доверия потребителей. Главной целью большей части населения становятся денежные средства и потребление как можно большего количества материальных благ, вне зависимости от нужды. Этому способствует значительное упрощение процесса покупки (интернет-магазины, онлайн-платформы, мобильные приложения и т.д.), доступность информации для производителей о предпочтениях клиентов и возможность выстраивания более точных стратегий и продающих рекламных кампаниях [11].

Таким образом, в научной работе проанализирована и исследована проблема трансформации консьюмеризма от античности до посткапитализма. История этого явления демонстрирует довольно сложную эволюцию и глубокую взаимосвязь с социально-экономическими и культурными тенденциями общества, что доказывает актуальность проблемы чрезмерного потребления и необходимость ее дальнейшего исследования в целях достижения более гармоничного развития общества.

Библиографические ссылки

1. Гурьянова А.В., Тимофеев А.В. Трансформация консьюмеризма в современном обществе потребления: от классического к цифровому консьюмеризму. Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2023. № 2 (38). С. 100-111.
2. Носкова Е.М., Костенко Е.А. Консьюмеризм: история создания, цели и задачи. Пермская государственная сельскохозяйственная академия им. Д.Н. Прянишникова, Россия, г.Пермь. 2015.
3. Алымова Е.В., Караваева С.В. Аристипп из Кирены: феноменология наслаждения. Текст научной статьи по специальности «Философия, этика, религиоведение». 2019.
4. Эпикур. Письмо к Менекею / Эпикур // Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М.: Мысль, 1979. С. 432–442.
5. Фома Аквинский. Сумма теологии / пер. с лат. языка; Москва: Эксмо, 2006.
6. Томас Мор. Утопия / пер. с лат.; Москва: Эксмо, 2018.
7. Ланцев А.О. Становление концепта «Общество потребления в Западной философии. От античности к современности». Екатеринбург. 2013.
8. Анаева З.К., Хайдаева С.И. Пирамида потребностей Абрахама Маслоу – путь от животного к сверхчеловеку. Текст научной статьи по специальности «Психологические науки». 2016.
9. Федоров, А. А. Анализ концепций потребительского общества / Молодой ученый. 2022. № 24 (419). С. 540-542. URL: <https://moluch.ru/archive/419/93194/> (дата обращения: 08.04.2025).
10. Ашер А.С. Роль рекламы в исчезновении символических отношений у Жана Бодрийяра. В книге: ФИЛОСОФИЯ. ПОЛИТОЛОГИЯ. материалы 57-й Международной научной студенческой конференции. 2019. С. 5-6.

ВЛИЯНИЕ ТРУДОВОЙ ЗАНЯТОСТИ НА ПРОФЕССИОНАЛЬНУЮ ИДЕНТИЧНОСТЬ И КАРЬЕРНЫЕ УСТАНОВКИ СТУДЕНТОВ ФФСН БГУ

А. А. Богданова

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, AnastasiyaBahb@yandex.by
Научный руководитель – Л. В. Филинская, кандидат философских наук, доцент*

Статья посвящена анализу влияния трудовой занятости на профессиональную идентичность, карьерные ожидания и мотивацию молодежи. Выявлены противоречия между учебой и работой, а также актуальные проблемы интеграции студентов в рынок труда. Результаты подчеркивают необходимость поддержки профессионального самоопределения и развития прикладных компетенций.

Ключевые слова: трудовая занятость молодежи; карьерные установки; карьерная неопределенность; профессиональная идентичность

В условиях нестабильности социальных и экономических процессов, когда рынок труда предъявляет к молодёжи всё более противоречивые требования, особую актуальность приобретает анализ карьерных стратегий молодежи как наиболее мобильной социальной группы. Особенный интерес представляет изучение трудовых практик студентов, занятых в системе экономики страны. Студенты, совмещающие обучение с трудовой деятельностью, представляют собой чувствительный индикатор трансформационных процессов на пересечении образовательной и профессиональной сфер: с одной стороны, их опыт раскрывает адаптационные стратегии молодежи в условиях социально-экономических изменений, с другой - отражает способность образовательной системы к гибким и оперативным изменениям в ответ на актуальные вызовы. Работающие студенты, фактически, находятся в положении «полевых агентов» социальной реальности, вынужденно или осознанно выстраивающих собственные карьерные стратегии в условиях неопределенности. Их трудовые установки, мотивации и поведенческие траектории позволяют судить не только о степени интеграции молодежи в рынок труда, но и о глубинных сдвигах в ценностных ориентирах нового поколения.

Несмотря на общественную турбулентность, работающие студенты выступают как активный субъект освоения новых трудовых форматов – от проектной занятости и фриланса до гибридных моделей удалённой работы [1]. Именно они становятся проводником актуальных профессиональных практик, нередко задавая тон в переоценке трудовых ценностей, норм и мотивационных ориентиров. Вместе с тем, несмотря на высокий

уровень гибкости и адаптивности, студенты сталкиваются с уязвимостью на рынке труда: с дефицитом профессионального опыта, нехваткой прикладных компетенций, трудностями при совмещении трудовой деятельности с образовательным процессом, и, что немаловажно, с недостаточной академической поддержкой трудовых начинаний. Эта противоречивая ситуация, где высокая активность молодежи сочетается с системными трудностями трудоустройства и карьерного роста, неоднократно фиксируется в трудах белорусских и российских исследователей и требует дальнейшего аналитического осмысления.

В период с 1 по 20 апреля 2025 года на базе факультета философии и социальных наук БГУ было проведено пилотажное исследование, целью которого являлось изучение особенностей трансформации отношения к труду. В исследовании приняли участие студенты 1–4 курсов всех специальностей факультета; общая численность выборочной совокупности составила 74 респондента.

На сегодняшний день в сознании студентов, уже включенных трудовую деятельность, а также тех, кто только учится, высшее образование воспринимается как гарант получения профессиональных знаний и навыков, позволяющих выпускникам в будущем успешно работать в выбранном направлении (59,5%). ВУЗ выступает неким базисом для самореализации в трудовом отношении вплоть до перспективы высокого заработка (58,1%).

Перечисленные мотивы – получение знаний и навыков, диплом о высшем образовании и высокая заработная плата – это те карьерные ожидания молодежи, которые сформировались под давлением норм социума, в процессе социализации. Примечательно, что данные мотивы в сознании студента сохраняются на протяжении всего образовательного процесса и не зависят от занятости студента – в ходе анализа сохранялось практически аналогичное соотношение данных.

Практическая занятость студентов представляет собой неотъемлемую основу трудовой социализации и важный канал интеграции в профессиональную среду. Включённость в реальную трудовую деятельность не только ускоряет процесс формирования профессиональной идентичности, но и способствует более критичной и осознанной оценке выбранной специальности. Согласно полученным данным, среди работающих студентов 57,7% скорее удовлетворены будущей специальностью, тогда как уровень полной удовлетворённости составляет лишь 15,4% – что ниже, чем у не работающих (26,1%). При этом у работающих выше доля как полностью не удовлетворённых (7,7%), так и затруднившихся с оценкой (15,4%). Такая структура ответов может указывать на более глубокое погружение в профессиональные реалии и осознание как потенциала, так и ограничений

выбранного направления. Этот тезис поддерживается превалированием фактора «отсутствие интереса к изучаемой специальности» (26,7%) среди тех работающих студентов, которые не выбрали бы свою специальность повторно (59,3%). Таким образом, практика помогает выявить не только сильные стороны профессии, но и собственное отношение к ней, что делает её ключевым механизмом профессионального самоопределения.

Приобретение трудового опыта по профилю подготовки становится критически важным этапом становления профессиональной идентичности: 77,8% респондентов, кто уже имел определенный опыт работы по специальности, положительно оценивают не только уровень удовлетворенности своей будущей специальностью, но и в целом шансы на трудоустройство после окончания ВУЗа (66,6%). Это обуславливает важность развития практических навыков и их применения в решении реальных рабочих задач.

На фоне устойчивого стереотипа о беззаботности и праздности студенческой жизни особую значимость приобретает анализ мотивов ранней трудовой активности молодёжи. Данные исследования демонстрируют, что ключевым фактором выступает стремление к финансовой независимости от родителей (73,1%), что соотносится с доминирующим в обществе трендом на раннюю субъективацию и самостоятельность. Наряду с этим фиксируются и вторичные, но показательные мотивации: желание эффективно организовать свободное время (26,9%), а также стремление к налаживанию полезных связей и приобретению профессионального опыта (по 23,1%). Следовательно, занятость студентов обусловлена не только экономическими, но и карьерно-ориентированными мотивами, что свидетельствует о высокой степени внутренней мотивации к профессиональному становлению.

Несмотря на заинтересованность студентов в получении релевантного опыта, наблюдается существенное противоречие между заявленными целями и реальной профессиональной интеграцией: лишь 7,7% студентов заняты в сфере, соответствующей специальности, и только 26,9% – в смежной. Это доказывает глубокую проблематику трудоустройства студентов и требует разработки специализированных программ на уровне факультета по содействию в получении работы по специальности как стратегического ресурса подготовки кадров, отвечающих современным реалиям рынка Беларуси.

В современных условиях на факультете философии и социальных наук фиксируется определенная проблема в области профориентационной работы. Даже среди студентов, совмещающих учёбу с трудовой деятельностью, 50,0% затрудняются с определением своей будущей профессиональной сферы. Такая динамика свидетельствует о недостаточном уровне

информирования обучающихся о возможностях практического применения получаемых знаний, а также о слабой институциональной поддержке в процессе профессионального самоопределения.

Карьерная неопределённость выступает одним из ключевых факторов, побуждающих студентов к переосмыслению выбора специальности, наравне с чрезмерной академической сложностью образовательной программы (по 20%). Полученные данные доказывают необходимость углублённого сопровождения студентов на этапе вхождения в специальность, актуализации прикладных аспектов учебного процесса и расширения каналов взаимодействия с профессиональной средой. Не менее важным этапом становится интеграция трудовой деятельности с образовательным процессом в общее расписание студентов. Несмотря на то, что случаи пропусков занятий по причине занятости зафиксированы у 34% респондентов, сам факт пересечения учебных и рабочих обязательств свидетельствует о наличии потенциального конфликта между этими двумя сферами.

Наряду с карьерными ожиданиями, трансформируются трудовые ценности и установки занятых студентов. Полученные данные демонстрируют, что занятые студенты в числе приоритетных характеристик специалиста выделяют умение эффективно общаться (61,5%), стрессоустойчивость (53,8%), ответственность (50%), способность к быстрой адаптации (50%), наличие глубоких профессиональных знаний и навыков (50%), а также критическое мышление (46,2%). Подобная структура ответов свидетельствует о возрастающем запросе на гибкие и метапредметные компетенции, обеспечивающие успешную навигацию в условиях нестабильного и постоянно меняющегося рынка труда. Очевидно, что трудовая занятость стимулирует формирование реалистичных и прагматичных установок, приближая студентов к профессиональной зрелости и осознанному управлению собственной карьерной траекторией.

Несмотря на проблему карьерной неопределенности, выделяемой ранее, работающие студенты более четко формируют трудовые позиции касательно карьерных притязаний: наиболее желанным видом деятельности является предпринимательская деятельность (42,3%) и практическая деятельность по специальности (26,9%). Негативной тенденцией можно назвать отказ от работы в преподавательской и научно-исследовательской сферах, что, на наш взгляд, приоткрывает более глубокую проблематику исследования карьеры с точки зрения работающих студентов.

Значительная трансформация трудовых установок студентов в процессе получения образования прослеживается в критериях выбора места работы. Анализ значимости важных характеристик работы у работающих студентов отражает сдвиг в сторону прагматичных и социально ориентированных установок. На первом месте по значимости – высокий уровень

заработной платы (92,3%) и благоприятные условия труда (80,8%), что свидетельствует о доминировании материальных и организационно-комфортных факторов. Напротив, полный социальный пакет (11,5%) и большой отпуск (3,8%) наименее значимы, что создает определенный диссонанс в понимании студентами комфорта, а это, в свою очередь, открывает новое поле для дальнейших исследований карьерных ценностей. Далее следуют возможности профессионального роста (69,2%) и перспективы карьерного продвижения (42,3%), указывающие на стремление к устойчивому развитию в профессии. Немаловажным оказывается и человеческий фактор – возможность работать в интересном коллективе и взаимодействовать с вдохновляющими людьми (46,2%). Важно отметить, что такие категории, как творческая самореализация и инициатива (26,6%) или престиж работы (19,2%), воспринимаются как менее значимые, что, вероятно, связано с ориентацией занятых студентов на стабильность, практическую полезность и реальные условия, с которыми они уже сталкиваются в профессиональной среде.

В условиях социально-экономической нестабильности студенты, совмещающие обучение с трудовой деятельностью, выступают индикаторами трансформации трудовых установок молодежи. Их практический опыт способствует формированию профессиональной идентичности, однако сохраняется недостаток профильной занятости и академической поддержки. Основными мотивами трудовой активности являются финансовая независимость и профессиональное самоопределение. Наблюдается противоречие между карьерными ожиданиями и реальной интеграцией на рынке труда, что требует усиления профориентационной работы и институциональной поддержки для успешного профессионального становления.

Библиографические ссылки

1. *Кобылкин Р.А.* Трансформация ценностных установок в отношении молодежи к труду: философский анализ // *Logos et Praxis*. 2019. Т.18, № 1. С. 35-40.

ЧЕТВЕРТАЯ ВОЛНА ЗАРУБЕЖНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ РЕЗИЛИЕНТНОСТИ

О. Н. Вербицкая

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, verbitskaya.psy@gmail.com*

Научный руководитель – Г. А. Фофанова, кандидат психологических наук, доцент

В статье представлен анализ современных исследований феномена резилиентности в зарубежной психологии. Установлено, что особое внимание исследователями уделяется изучению нейробиологических механизмов резилиентности, включая роль префронтальной коры, миндалевидного тела и гиппокампа. Выявлено, что академическая резилиентность является ключевым ресурсом для преодоления образовательных трудностей студентами, достижения ими успеха в условиях неопределённости и стресса. Постулируется, что развитие психологической резилиентности личности требует мультисистемного иерархического подхода, включающего индивидуальные, семейные и институциональные ресурсы.

Ключевые слова: резилиентность; междисциплинарные исследования; нейроисследования; нейронные механизмы резилиентности; академическая резилиентность.

Изучение феномена резилиентности – способности личности «процветать перед лицом невзгод» [1, с.76] – является одним из ключевых направлений исследований в зарубежной психологии, начиная с 70-х гг. XX столетия. Зарождение «науки о резилиентности», как называет эту сферу психологического знания Э. Маскен, детерминировало перевод взгляда исследователей с причин нарушения психического развития и формирования психопатологий на рассмотрение защитных факторов, сильных сторон и ресурсов личности, предикторов психологического здоровья и благополучия человека.

В зарубежной психологии принято выделять четыре волны исследований резилиентности (Э. Маскен, М. Райт, А. Нараян и др.). Первая разворачивалась в парадигме феноменологического подхода, ученые стремились выявить уникальные черты и особенности резилиентного индивида. Исследования второй волны были направлены на объяснение того, каким образом выделенные характеристики приводят к лучшей адаптивности. В русле третьей волны решалась задача апробации накопленных теоретических знаний, исследования этого этапа сконцентрировались на изучении эффективности различных способов интервенций, нацеленных на развитие резилиентности личности [2].

Актуальный исследовательский этап по проблематике психологической резилиентности представляет собой четвертую волну исследований.

Ее направленность обусловлена результатами предыдущих изысканий, в течение которых была выявлена динамическая природа резилиентности, подчеркнута необходимость многоуровневого изучения феномена, а также была установлена целесообразность принятия во внимание социокультурного контекста. Одной из основных дефиниций резилиентности стало определение, предложенное Э. Мастен, согласно которому резилиентность – это «способность динамической системы успешно адаптироваться к нарушениям, угрожающим функционированию, жизнеспособности или развитию системы» [3, с.5].

Кроме того, развитие технологий и доступность междисциплинарного и трансдисциплинарного взаимодействия обогатили возможности современных исследователей. Например, исследования, проводимые на стыке различных областей научного знания (нейронауки, психология, медицина, биология, психиатрия и т.д.), значительно продвинули понимание нейронных механизмов резилиентности. Одним из ключевых направлений исследовательского интереса является система реагирования мозга на стресс, которая включает такие структуры как префронтальная кора (ПФК), миндалевидное тело и гиппокамп. Рядом исследователей было установлено, что у людей с высокой психологической резилиентностью связь между ПФК и амигдалой более выражена [4; 5; 6; 7; 8]. Таким образом, ПФК, модулирующая реакции на угрозы и трудные жизненные ситуации, более эффективно подавляет гиперактивность миндалевидного тела, ослабляя эмоциональную реактивность и позволяя более адаптивно реагировать на стрессоры. При этом было выявлено, что более сильное участие ПФК связано с более низким риском посттравматического стрессового расстройства (ПТСР) [4; 5; 6], менее выраженными симптомами ПТСР и депрессии [7; 8].

В результате структурных нейровизуализационных исследований было обнаружено, что больший объем гиппокампа, особенно до воздействия травмы, связан с более высокой резилиентностью и более низким риском развития ПТСР [7; 8; 9]. Известно, что гиппокамп критически важен для консолидации памяти, этот отдел мозга участвует в интеграции опыта, отвечает за извлечение прошлого опыта, связывает текущие стрессоры с ранее усвоенными механизмами преодоления трудностей. Нейроисследования показали, что большая активация гиппокампа во время стрессового события связана с более низкой выраженностью последующей депрессивной симптоматики и меньшим риском ПТСР; у индивидов с более высоким уровнем резилиентности была зафиксирована большая активация гиппокампа. Таким образом, большая вовлеченность гиппокампа во время как нейтральных, так и эмоциогенных событий связана с более высоким уровнем резилиентности [7; 10].

Результаты нейроисследований показали, что психологическая резилиентность имеет нейробиологические корреляты в таких областях мозга как ПФК, гиппокамп и амигдала. Кроме того, полученные данные позволили разработать и изучить эффективность программ прицельных интервенций, направленных на повышение резилиентности индивида через стимулирование активности таких отделов как ПФК и гиппокамп и снижение активности миндалевидного тела [11; 12].

Еще одним ключевым направлением в исследованиях четвертой волны является изучение академической резилиентности, которая определяется как способность студентов эффективно справляться и адаптироваться к академическим вызовам, сохраняя оптимизм, позитивное мышление и эмоциональную стабильность [13]. Так, снижение психологического благополучия от первого к последнему году обучения было зафиксировано у студентов Великобритании, при этом академическая резилиентность предсказывала психологическое благополучие, являясь его значимым предиктором [14]. Ученые из Бразилии разработали и эмпирически проверили модель академической резилиентности студентов бакалавриата [15]. В ходе исследования было установлено, что основные источники стресса и невзгод, также, как и защитные механизмы студентов, исходят из их индивидуальных особенностей, академической и внешней среды. В качестве источников стресса и невзгод были выявлены такие факторы как низкая изначальная мотивация к программе обучения, индивидуальные проблемы со здоровьем, дидактически-педагогический дефицит факультета, трудности во взаимоотношениях со сверстниками и высокая конкуренция.

В ходе исследования были также определены основные защитные механизмы: способность к адаптации, самоконтроль, личная организация, хорошие отношения с преподавателями, интеграция со сверстниками и поддержка семьи. Как показал теоретический обзор исследований, академическая резилиентность имеет решающее значение для поддержания мотивации, вовлеченности и академических успехов в стрессовые или сложные периоды обучения студентов.

Обнаружение культурной и контекстуальной обусловленности феномена резилиентности подтолкнуло исследователей четвертой волны к поиску возможностей изучения сложной системы взаимодействия биологических, психологических, социальных, институциональных и экологических факторов, которые являются предикторами резилиентности индивида. Таким образом, интерес ряда ученых в настоящее время сосредоточен на мультисистемных моделях резилиентности. Так, например, метаобзор исследований по проблеме психологической резилиентности беженцев выявил защитные факторы и факторы риска на четырех социально-

экологических уровнях: индивидуальном, семейном, на уровне сообщества и социальном уровне [16]. Согласно полученным данным, факторами риска на индивидуальном уровне для беженцев являются женский пол и наличие травматического опыта. Это значит, что для поддержания резилиентности беженцев необходимы интервенции, ориентированные на работу с психологической травмой, особенно актуальны такие вмешательства для женщин. Постмиграционный стресс и безработица были установлены как факторы риска на социальном уровне, что требует создания государственных программ, направленных на предоставление рабочих мест для беженцев на рынке труда принимающей страны, помощи в признании их профессиональной квалификации и т.д. Исследователи установили, что защитными факторами для беженцев оказываются поддержка семьи и социальная поддержка на уровне сообщества. Таким образом, актуальность приобретают программы воссоединения семьи [16].

Итак, теоретический анализ публикаций показал, что основными направлениями четвертой волны исследований психологической резилиентности в зарубежной психологии являются: изучение нейробиологических и психофизиологических механизмов резилиентности, поиск наиболее эффективных и краткосрочных методов ее развития и поддержания; системное и иерархическое рассмотрение феномена резилиентности и, соответственно, оценка возможностей многоуровневых интервенций; создание мультисистемных моделей резилиентности и повышение их прогностической способности; внедрение теорий и концепций резилиентности в прикладные области с целью повышения психологического благополучия уязвимых групп населения (студентов, беженцев, неблагополучных семей и т.д.).

Библиографические ссылки

1. Connor K. M., Davidson J. R. T. Development of a new resilience scale the Connor-Davidson Resilience Scale (CD-RISC) // *Depression and Anxiety*. 2003. Vol.18. P. 76–82.
2. Masten A. S., Cicchetti D. Resilience in Development: Progress and Transformation // *Development and Psychopathology*. 2016. P. 1–63.
3. Masten A. S. Global perspectives on resilience in children and youth // *Child Dev*. 2014. Vol. 85, iss. 1. P. 6–20.
4. Farchi M. U., Peled-Avram M. The ART of resilience: a theoretical bridge across resilience perspectives // *Front Psychol*. 2025. Vol. 16. P. 1–5.
5. Kredlow M., Fenster R. J., Laurent E. S. Prefrontal cortex, amygdala, and threat processing: implications for PTSD // *Neuropsychopharmacol*. 2022. Vol. 47. P. 247–259.
6. Lam B. Y. H. Editorial: Neuropsychological mechanism of psychological resilience in relation to mental health outcomes across the lifespan // *Front. Psychiatry*. 2023. Vol. 14. P. 12–18.

7. *Roeckner A. R., Oliver K. I., Lebois L. A. M.* Neural contributors to trauma resilience: a review of longitudinal neuroimaging studies // *Transl Psychiatry*. 2021. Vol. 11, iss. 508. P. 1–17.
8. The role of hippocampal CAMKII in resilience to trauma-related psychopathology / [S. Hazra et al.] // *Neurobiology of Stress*. 2022. Vol. 21. P. 1–11.
9. Hippocampal activation during contextual fear inhibition related to resilience in the early aftermath of trauma / [S. J. H. van Rooij et al.] // *Behav Brain Res*. 2021. Vol. 408. P. 1–24.
10. Exploring the Neurocircuitry Underpinning Predictability of Threat in Soldiers with PTSD Compared to Deployment Exposed Controls / [M. N. Dretsch et al.] // *Open Neuroimag J*. 2016. Vol. 31, iss.10. P. 111–124.
11. Cognitive behavioral therapy increases amygdala connectivity with the cognitive control network in both MDD and PTSD / [H. Shou et al.] // *Neuroimage Clin*. 2017. Vol. 14. P. 464–470.
12. Cognitive-behavioral therapy increases prefrontal cortex gray matter in patients with chronic pain / [D. A. Seminowicz et al.] // *J Pain*. 2013. Vol. 14, iss. 12. P. 73–84.
13. *Bagdziuniene D., Zukauskaite I., Bulotaite L., Sargautyte R.* Study and personal resources of university students' academic resilience and the relationship with positive psychological outcomes // *Front Psychol*. 2025. Vol. 16. P. 1–16.
14. *Cassidy S., Mawdsley A., Langran C.* Large-scale Multicenter Study of Academic Resilience and Well-being in Pharmacy Education // *Am J Pharm Educ*. 2023. Vol. 87, iss. 2. P. 265–272.
15. *Durso S. de O., Afonso L. E., Beltman S.* Resilience in higher education: A conceptual model and its empirical analysis // *Education Policy Analysis Archives*. 2021. Vol. 29, iss. 156. P. 1–21.
16. *Fadhli T. N., Doosje B., Sauter D. A.* The Socio-Ecological Factors Associated with Mental Health Problems and Resilience in Refugees: A Systematic Scoping Review // *Trauma Violence Abuse*. 2024. Vol. 8. P. 1–19.

СОДЕРЖАТЕЛЬНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ТРУДНОСТЕЙ МЕЖЛИЧНОСТНОГО ОБЩЕНИЯ И ПЕРЕЖИВАНИЯ ОДИНОЧЕСТВА ПОДРОСТКОВ

А. Е. Внучко

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, vnuckonasta@gmail.com
Научный руководитель – К. И. Татарко, кандидат психологических наук, доцент*

Актуальность исследования обусловлена тем, что сегодня одиночество является широко распространенным явлением среди подростков. Для создания эффективных методов и программ поддержки необходимо всестороннее понимание и изучение феномена одиночества.

Работа представляет собой описание особенностей переживания одиночества, личностных качеств, препятствующих межличностному общению, качеств, связанных с возрастными кризисами, и взаимосвязи переживания одиночества и трудностей межличностного общения.

Ключевые слова: одиночество; переживание одиночества; межличностное общение; трудности межличностного общения; подростковый возраст.

Одной из важных сфер, необходимых для развития и социализации подростков, становится межличностное общение.

Межличностное общение способствует установлению контакта, обмену информацией и ее восприятию, стимулирует активность партнера для выполнения определенных действий, координируя их, а также обеспечивает установление отношений и оказание влияния на эмоции и поведение партнера.

Однако подростки не всегда могут демонстрировать навыки эффективного общения, что сказывается на дальнейшем развитии и становлении личности индивида. Феномен трудностей межличностного общения изучали: В. Н. Куницына, В. С. Власов, Н. А. Дунаева, П. Ю. Хирная.

К основным трудностям межличностного общения авторы зачастую относят первичные трудности, связанные с личностными особенностями и вторичные, которые являются последствиями травм, особенностей воспитания, негативного опыта общения с другими людьми [1].

В результате анализа исследований по проблематике переживания одиночества в подростковом возрасте можно выделить три основных направления: во-первых, переживание одиночества рассматривается как ответ на социальную изоляцию, во-вторых, переживание одиночества связано с потерей значимого человека, в-третьих, определяется как составляющая саморазвития [2].

Изучив литературу, можно обозначить несколько исследователей, которые рассматривали проблематику взаимосвязи переживания одиночества и различных трудностей межличностного общения. К ним относятся: С. Л. Вербицкая, Н. Ф. Сухарева, С. Ю. Серегина, О. Б. Долгинова, П. С. Бармина, Н. В. Нозикова, Л. Р. Абдураманова, А. С. Мельничук, С. Н. Козловская и О. Ю. Никифорова. Большинство авторов подтверждают наличие взаимосвязи между этими феноменами и отмечают, что одинокие индивиды склонны перекладывать ответственность на других, избегать эмоциональной близости и контроля над отношениями, а также одиночество у подростков связано со стилями межличностного взаимодействия [3, 4]. При этом данная область исследований является изученной в недостаточной степени, трудности межличностного общения нуждаются в более детальной проработке.

С целью выявления содержательной составляющей переживания одиночества, характеристик трудностей межличностного общения и их последующей взаимосвязи было проведено эмпирическое исследование, в котором приняло участие 60 человек в возрасте от 14 до 17 лет, с использованием методики «Дифференциальный опросник переживания одиночества (ДОПО-3)» Д. А. Леонтьева и Е. Н. Осина, методики «Саморегуляция и успешность межличностного общения (СУМО)» В. Н. Куницыной. Были получены следующие результаты.

В исследуемой нами выборке преобладает средний (50%) и низкий (42 %) уровни переживания одиночества. Это позволяет сделать вывод о том, что большинство респондентов не испытывают болезненных ощущений от одиночества и не считают себя одинокими.

Также для основной части выборки (82%) одиночество не является значимой проблемой или источником сильного дискомфорта. Треть подростков (15%) расценивают одиночество как неприятное переживание, стремятся его избегать.

Похожую тенденцию можно наблюдать по шкале «Позитивное одиночество». Большинство респондентов (72%) относятся к одиночеству нейтрально, находя в нем как положительные, так и отрицательные стороны. Часть респондентов (20%) воспринимают уединение как нежелательное или неприятное состояние.

При этом, были выявлены половые различия. Так юноши испытывают одиночество в большей степени, чем девушки ($p=0,006$). Такую тенденцию можно связать с тем, что мужчины часто зависят от социальных норм, которые поощряют их скрывать эмоции и не делиться своими переживаниями. К наиболее распространенным личностным свойствам, затрудняющим межличностное общение, относятся: агрессивность (52%),

аутичность (52%), интроверсия (63%). Полученные данные свидетельствуют о том, что среди подростков, вошедших в выборку, наблюдается умеренный уровень эмоциональной возбудимости и склонности к агрессивным реакциям.

Респонденты, как правило, не склонны к избеганию социальных контактов и демонстрируют достаточную степень открытости к взаимодействию с окружающими. У подростков сочетаются черты интроверта и экстраверта, из чего можно сделать вывод о том, что в зависимости от ситуации они могут быть как замкнутыми и ориентированными на себя, так и открытыми.

К наиболее распространенным личностным свойствам, отражающим ситуацию возрастного или личностного кризиса, относятся: фрустрация (59%), наличие личных проблем (55%), удовлетворенность общением (57%). Большинство подростков могут испытывать раздражительность, усталость или бессилие в стрессовых ситуациях, однако способны контролировать эмоции и справляться с фрустрацией. Респонденты временами сталкиваются с трудностями в общении или личными проблемами, однако эти трудности неустойчивы.

По шкале «Удовлетворённость общением в близком кругу» преобладает средний уровень, что указывает на неполное, но приемлемое чувство поддержки и понимания.

Анализ данных показал статистически значимую прямую связь между уровнем переживания одиночества и рядом личностных характеристик: отчужденностью ($p=0,015$; $r=0,313$), аутичностью ($p=0,001$; $r=0,409$), интроверсией ($p=0,005$; $r=0,359$), невротизацией ($p=0,011$; $r=0,326$), фрустрированностью ($p=0,008$; $r=0,340$) и наличием личных проблем $p<0,001$; $r=0,449$). Эти показатели свидетельствуют о том, что одиночество тесно связано с трудностями в социальном взаимодействии, эмоциональной нестабильностью и сниженной способностью к адаптивному поведению.

Подводя итоги нашего исследования, можно сказать, что в выборке преобладает средний уровень переживания одиночества. Наиболее преобладающими характеристиками, препятствующими общению, являются: агрессивность, аутичность, интроверсия.

К наиболее распространенным характеристикам, отражающим ситуацию кризиса, относятся: самоуважение, доверие к людям, самокритичность. Также было выявлена взаимосвязь между переживанием одиночества и характеристиками, которые могут затруднять выстраивание качественного межличностного общения. К ним относятся: отчужденность, аутичность, интроверсия, удовлетворенность коммуникацией с близким кругом общения, высокий уровень невротизации и фрустрации. Изучение

и глубокое понимание проблемы одиночества в подростковом возрасте является важным, поскольку информированность в этом вопросе дает возможность качественной помощи, разработки методов и рекомендаций, направленных на облегчения текущего состояния. При работе с подростками необходимо акцентировать внимание на тенденцию ухода в виртуальный мир, создание безопасной и доверительной атмосферы в коллективе, внедрение методов, направленных на понимание подростками своих эмоций и совладание с ними.

Библиографические ссылки

1. *Куницына В. Н., Казаринова Н. В., Поголына В. М.* Межличностное общение. М., СПб, Минск: Питер, 2001. 383 с.
2. *Забабурина О.С.*, Особенности одиночества в подростковом возрасте // Учёные записки Орловского гос. ун-та. 2018. №1(78). С. 243–245. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-odinochestva-v-podrostkovom-vozhraсте> (дата обращения: 25.05.2025).
3. *Вербицкая С. Л.* Социально-психологические факторы переживания одиночества: автореф. дисс. на соискание ученой степени кандидата психологических наук: 19.00.05 / СПб, 2002. 20 с.
4. *Долгинова О. Б.*, Одиночество и отчужденность в подростковом и юношеском возрасте: автореф. дисс. на соискание ученой степени кандидата психологических наук: 19.00.07 / Рос. гос. пед. ун-т им. АИ Герцена. СПб, 1996. 18 с.

КОГНИТИВНАЯ ТЕРАПИЯ НА ОСНОВЕ ОСОЗНАННОСТИ В РАБОТЕ С ХРОНИЧЕСКОЙ БОЛЬЮ ВЗРОСЛЫХ

Н. П. Волков

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, volkoff.marlboro1990@gmail.com
Научный руководитель – Н. Ю. Клышевич, кандидат психологических наук, доцент*

В статье рассматриваются теоретические модели, объясняющие феномен хронической боли. Анализируется эффективность когнитивной терапии на основе осознанности в работе с хронической болью взрослых.

Ключевые слова: хроническая боль; осознанность; когнитивная терапия; биопсихосоциальная модель; катастрофизация; депрессия; тревога.

Хроническая боль является одной из наиболее распространенных проблем, актуальность которой отмечается во всем мире. По данным Всемирной организации здравоохранения, хроническая боль затрагивает около 20% населения, и этот процент продолжает расти. Она не только оказывает значительное влияние на качество жизни тех, кто ее испытывает, но и создает огромную нагрузку на системы здравоохранения и экономики стран.

Боль – это неприятное ощущение и эмоциональное переживание, связанное с реальным или гипотетическим повреждением тканей или описываемое в терминах такого повреждения [1].

Согласно Международной ассоциации по изучению боли, (IASP) хроническая боль понимается как субъективное неприятное сенсорное и эмоциональное переживание, связанное с действительным или возможным повреждением тканей или схожее с таковым переживанием [2]. Хроническая боль – это боль, продолжающаяся более 3 месяцев или дольше, чем время структурного заживления тканей. Идентификация и устранение повреждений не всегда приводят к исчезновению боли, которая не всегда имеет прямую связь со структурными повреждениями или может быть опосредованной [4]. В настоящее время существуют различные теоретические модели, объясняющие феномен хронической боли.

Биомедицинская модель рассматривает боль как ощущение, вследствие структурного повреждения тканей. Позволяет объяснить механизмы возникновения острой боли, однако недостаточной для объяснения процесса болевой хронизации, или такого факта как одинаковая локализация и степень травматизации тканей у разных людей, которая приводит к существенным различиям в сообщении об интенсивности и способности переносить боль [4].

Теория «ворот боли», разработанная R. Melzack, К. Casey объединяла физиологические и психологические факторы, объясняя результаты восприятие боли через систему «ворот» в спинном мозге. По мнению авторов, неболевые сигналы конкурируют с болевыми, тем самым снижая либо повышая их интенсивность по принципу открытия и закрытия ворот. Психологические факторы, к примеру, стресс или тревога, также «открывают ворота» [4].

Теория нейроматрикса (R. Melzack) стало продолжением теории «ворот боли» и предполагает, что боль - это многоплановое переживание, связанное с паттернами нервных импульсов, производимыми нейронной сетью (нейроматриксом). Нейроматрикс может изменяться посредством опыта. Паттерны импульсов могут запускаться как сенсорным входом, через внешние стимулы, так и центрально, посредством мыслей, эмоций, воспоминаний и т.д. Длительная или непрекращающейся стимуляции ноцицепторов может вызвать структурные и функциональные изменения нейроматрикса, нарушая восприятие и способствуя хронизации боли. [4].

Биопсихосоциальная концепция боли включает физические (анатомия, генетика, физиология), психологические (тревога, депрессия, катастрофизация и др.) и социальные элементы (как семья и окружение реагирует и контактирует с пациентом и т.п.). В этой модели психологические факторы рассматриваются как элемент сложного процесса восприятия боли.

Таким образом, биопсихосоциальная концепция объясняет, как совокупность факторов, таких как локализация и характер повреждения, общее психологическое состояние, социальная среда и культурные аспекты влияют на общее восприятие боли, повышая интенсивность переживаемого болевого синдрома.

По мере хронизации, психологические аспекты в большей мере влияют на переживание боли [4]. Из этого следует, что влияние на аффективный компонент боли через коррекцию психосоциальных аспектов, снижает степень интенсивности болевого синдрома, приводя общее восприятие боли на адаптивный уровень. Тем самым имеется возможность снижения вероятности хронизации боли.

В связи с этим важным представляется выделение и описание психологических аспектов боли. Доказано, что присутствие депрессии, тревоги, ипохондрических и демонстративных проявлений повышает вероятность появления болевых синдромов и их хронизация [5]. У 40% пациентов с хронической болью диагностируется депрессия [6]. Наличие депрессии, приводит к появлению синдрома «депрессия-боль» [7]. Депрессия является одним из ведущих факторов хронизации эпизодических головных болей [5].

Наиболее интенсивная боль наблюдается у пациентов с выраженными показателями личностной тревожности [8]. Многочисленные исследования сообщают о 75% эффективности антидепрессантов при болевых синдромах [9].

Катастрофизация боли является психологическим феноменом, что может усилить восприятие боли и ухудшить повседневную жизнь (M. Sullivan et al.). Доказана взаимосвязь катастрофизации и интенсивностью боли при центральном болевом синдроме при рассеянном склерозе, головных болях напряжения, болях в спине и др. (А. Данилов и др.) [10].

Следовательно, катастрофизация боли, тревога, депрессия, как психологические факторы, и хроническая боль, являются высоко коморбидными состояниями.

Когнитивно-поведенческая терапия - это в наибольшей степени изученный психотерапевтический метод с высокой эффективностью и обширной доказательной базой при лечении ХБС (O. Airaksinen et al.), фибромиалгии (K. Bernardy et al.), тревожного расстройства (G. Butler et al.), депрессии [11].

Систематический обзор 2010 г. 30 рандомизированных контролируемых исследований с 3438 участниками сообщает о большей эффективности КПТ в сравнении с обычными методами лечения неспецифического ХБС (N. Henschke et al.).

По данным систематического обзора 2016 г. 5 рандомизированных контролируемых исследований (A. Hall et al.) с 1390 участниками было доказано преимущество КПТ, которое заключалось в значительном снижении уровня инвалидизации и интенсивности боли [12].

Осознанность (Mindfulness) – это психологическое состояние сосредоточения внимания на настоящем, активном наблюдении и принятии своих мыслей, чувств и ощущений без оценок и без осуждения. Исследования сообщают о снижении интенсивности хронической боли более чем на 50% в течении программы медитаций осознанности у половины испытуемых (J. Kabat-Zinn) [13]. Результаты исследований сообщают о эффективности в лечении ХБС при добавлении терапии осознанности к стандартному подходу (D. Cherkin et al.). Метод майндфулнес внесен американские и британские рекомендации по лечению хронической неспецифической боли нижней части спины (A. Qaseem et al.). В 2019 году систематический обзор и метаанализ 5 рандомизированных контролируемых исследований (РКИ) сообщили о значительных улучшениях в снижении интенсивности боли и прекращении послеоперационной боли с помощью терапии осознанности (E. Garland et al.).

В 2024 г. рандомизированное контролируемое исследование терапии на основе осознанности сообщает о уменьшении интенсивности боли, по

сравнению с обычным лечением среди ветеранов с хронической болью (DJ. Burgess et al.)

В 2025 г. результаты крупного рандомизированного контролируемого исследования сообщает о значительном снижении интенсивности боли и дозы опиоидов, подтверждая превосходство терапии КПТ и осознанности в сравнении с обычным лечением хронической боли в пояснице (A. Zgierska et al.).

Терапия осознанности и КПТ следует рассматривать как нефармакологические варианты лечения первой линии для хронической боли (A. Zgierska et al.).

Первая групповая 8-недельная программа снижения стресса на основе осознанности Mindfulness-Based Stress Reduction (MBSR), изначально разработанная J.Kabat-Zinn использовалась для пациентов с хронической болью.

Mindfulness-Based Cognitive Therapy (MBCT) программа когнитивной терапии на основе майндфулнес, работающую через изменение отношения к мыслям, децентрализации, снижении катастрофизации и нейропластическим изменениям. Сочетая в себе MBSR и КПТ, MBCT ориентирована на предотвращение рецидивов депрессии, тревожных расстройств и снижение хронической боли.

Пилотное рандомизированное контролируемое исследование 2019 г. сообщает, что программа MBCT показывает значительные улучшения в баллах по интенсивности боли, физической функции и депрессии и может являться потенциально эффективным методом лечения ХБС (M. Day) (H. Hazlett-Stevens et al.).

Mindfulness-Integrated Cognitive Behavior Therapy (MiCBT) является программой когнитивно-поведенческой терапии с интегрированной осознанностью, включающую трансдиагностический подход, работу с interoception, развитие равенности (невозмутимости) и сострадания, для лечения комплексных состояний с хронической болью, зависимостями и аффективными расстройствами (B. Sayoun et al.) [14].

Пилотное рандомизированное контролируемое исследование 2025 г. сообщает, что группа MiCBT добилась значительного снижения боли, депрессии, тревоги и стресса. Эти различия оставались значительными при 2-месячном наблюдении (M. Arefian, K. Asgari-Mobarake).

Результаты проведенных исследований подтверждают, что когнитивная терапия на основе осознанности является эффективным инструментом в управлении хронической болью у взрослых. В дальнейшем мы планируем адаптировать эту программу для жителей Республики Беларусь с целью снижения уровня хронической боли, а также проведем исследование, направленное на оценку её эффективности.

Библиографические ссылки

1. Боль: руководство для врачей и студентов / В. В. Алексеев [и др.] ; под ред. акад. РАМН Н. Н. Яхно. М. : МЕДпресс-информ, 2009. 304 с.
2. Донцов А. И., Зинченко Ю. П., Зотова О. Ю. Психологическая безопасность личности. М. : Юрайт, 2019. 222 с.
3. Classification of chronic pain: descriptions of chronic pain syndromes and definitions of pain terms / prepared by International Association for the Study of Pain, Task Force on Taxonomy ; eds. Н. Merskey, N. Bogduk. 2nd ed. Seattle : IASP Press, 1994. 222 p.
4. Данилов А. Б., Данилов А. Л. Б. Управление болью. М. : ООО «Группа Ремедиум», 2018. 148 с.
5. Алексеев В. В. Хронические головные боли. Клиника, диагностика, патогенез : автореф. дис. ... д-ра мед. наук. М., 2006.
6. Смулевич А. Б. Депрессии при соматических и психических заболеваниях. М., 2003.
7. Rudy T. E., Kerns R. D., Turk D. C. Chronic pain and depression: toward a cognitive-behavioral mediation model // Pain. 1988. Vol. 35. P. 129–140.
8. Taenzer P., Melzack R., Jeans M. E. Influence of psychological factors on postoperative pain, mood and analgesic requirements // Pain. 1986. Vol. 24. P. 331–342.
9. Воробьева О. В. Возможности антидепрессантов в лечении хронической боли // Фарматека. 2007. № 12 (146). С. 92–97.
10. Подымалова И. Г., Данилов А. Б. Влияние дезадаптивных установок на клиническую картину и прогноз хронической головной боли напряжения // Журн. неврол. и психиатрии им. С. С. Корсакова. 2011. № 4. С. 4–7.
11. Dobson K. S. A meta-analysis of the efficacy of cognitive therapy for depression // J. Consult. Clin. Psychol. 1989. Vol. 57. P. 414–419.
12. Hall A., Richmond H., Copsey B., Hansen Z., Williamson E., Jones G., Fordham B., Cooper Z., Lamb S. Physiotherapist-delivered cognitive-behavioural interventions are effective for low back pain, but can they be replicated in clinical practice? A systematic review // Disabil. Rehabil. 2018. Vol. 40, № 1. P. 1–9. DOI: 10.1080/09638288.2016.1236155.
13. Kabat-Zinn J. An Outpatient Program in Behavioral Medicine for Chronic Pain Patients Based on the Practice of Mindfulness Meditation: Theoretical Considerations and Preliminary Results // Gen. Hosp. Psychiatry. 1982. Vol. 4. P. 33–47.
14. Cayoun B. A., Simmons A., Shires A. Immediate and lasting chronic pain reduction following a brief self-implemented mindfulness-based interoceptive exposure task: a pilot study // Mindfulness. 2017. P. 1–13.

КОММУНИКАТИВНЫЕ АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ ВИРТУАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ЛИЧНОСТИ В ИНТЕРНЕТ-ПРОСТРАНСТВЕ

Е. В. Ворожбицкая

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, katyavorozhbitskaya6@gmail.com
Научный руководитель – У. П. Масалович, старший преподаватель*

В статье описаны особенности формирования виртуальной идентичности личности в процессе интернет-коммуникации. Актуальность данной темы обусловлена важностью коммуникации в конструировании идентичности личности и ростом активности общества в интернет-пространстве. Целью статьи является описание коммуникативных аспектов формирования идентичности в цифровой среде.

Ключевые слова: интернет-коммуникация; виртуальная идентичность; самопрезентация; цифровые технологии.

В связи с развитием информационно-коммуникативных технологий и появлением интернет-пространства, коммуникация между индивидами вышла за пределы реального мира и перестала ограничиваться лишь им. Теперь индивиды постепенно внедряют современные цифровые технологии в свою жизнь, упрощая тем самым процесс коммуникации. Одновременно с этим люди формируют свою виртуальную идентичность, являющуюся образом личности, который он(а) создаёт в интернет-пространстве, посредством различных механизмов формирования, представляющих из себя процессы, при помощи которых личность определяет, изменяет и укрепляет своё представление о себе, а также определяет себя как члена определённой социальной общности.

Интернет-коммуникация подразумевает такой вид передачи информации, который опосредован различными техническими средствами. Это позволяет личности выбирать стратегию своей самопрезентации в виртуальном пространстве. Виртуальная и реальная идентичности личности соотносятся тремя образами: 1) тождественность виртуальной идентичности реальной; 2) частичное совпадение реальной и виртуальной идентичностей; 3) полное несоответствие реальной и виртуальной идентичностей.

Реальная идентичность личности представляет из себя совокупность определяющих её (личность) характеристик и качеств, имеющих значение для личности и общества в физическом мире. Она приобретается человеком на протяжении всего жизненного пути посредством взаимодействия с близкими людьми, представителями референтных групп; приобщения к

явлениям массовой культуры (литературе, кинематографу, музыке, изобразительному искусству и многим другим), включает в себя социальные роли и статус, убеждения, национальную принадлежность и иные личностные характеристики.

Виртуальная идентичность в свою очередь формируется личностью в интернет-пространстве с нуля и не всегда тождественна реальной идентичности. В то время как реальный социальный мир ограничен в критериях идентификации, виртуальное же пространство в некотором смысле безгранично и отчасти анонимно. Данный факт позволяет личности формировать множество идентичностей (в том числе и анонимных), менять их с течением времени. В интернет-пространстве личность находится в самостоятельном поиске идентичности и данный процесс сопровождается множеством механизмов формирования идентичности. В лучшем случае личность дополняет свою реальную идентичность в интернет-пространстве благодаря выражению своих интересов, хобби, взглядов на жизнь; экспериментирует со своей идентичностью, что в свою очередь помогает найти себя и своё место в том числе и в реальной жизни, попробовать себя в разных ролях (к примеру, в «цифровых» профессиях: веб-разработчик, графический дизайнер, копирайтер, интернет-маркетолог и многих других).

В худшем случае личность фальсифицирует информацию о себе в интернет-пространстве для обмана аудитории и введения её в заблуждение по каким-либо аспектам своей жизни.

В книге «Представление себя другим в повседневной жизни» И. Гофман представил модель театрального представления как способа самопрезентации индивидом себя и своей деятельности в обычных (как написал сам Гофман, «рабочих») ситуациях. Данные способы самопрезентации включают направление и контроль создания впечатлений индивидом о себе, а также образцы приемлемого и неприемлемого поведения во время личностной презентации себя публике [1, с. 29-30]. Когда человек присутствует там, где его окружают другие (публика), эти другие стремятся к поиску и овладению свежей информации о нём (индивиде) или к использованию уже имеющейся информации. В особенности публику интересует социально-экономическое положение, компетентность в различных вопросах, представления о себе, ценности и установки по отношению к ним (другим). Вся эта информация помогает другим понять, как выстроить своё поведение так, чтобы получить от индивида желаемую реакцию. Для других есть два источника информации об индивиде: его собственные слова о себе и документальные подтверждения того, кто он есть фактически [1, с. 32]. Самопрезентация является одним из механизмов формирования виртуальной идентичности в интернет-пространстве и включает

множество инструментов: выбор каналов презентации (форумов, мессенджеров, аккаунтов в социальных сетях, блогах и иных цифровых площадках), выбор имени пользователя и аватара профиля в приложениях, подразумевающих онлайн-взаимодействие; создание текстовых и визуальных публикаций.

Ещё одним механизмом формирования виртуальной идентичности можно обозначить процесс социализации в интернет-пространстве: в процессе социализации человек приобщается к онлайн-сообществам, усваивает их нормы поведения и ценности, а также модели поведения, принятые в цифровой культуре, что также влияет на развитие его идентичности. К примеру, участники, присоединившись к онлайн-сообществу (чату) в мессенджере Telegram, должны быть ознакомлены с правилами поведения в данном сообществе, которые заранее прописаны и утверждены модераторами. В каждом подобном сообществе утверждены разные требования к поведению, однако при их нарушении участнику выносится предупреждение, а при повторном нарушении пользователю грозит удаление из чата, вследствие чего он прекратит быть участником данного онлайн-сообщества.

Начиная со второй половины XX века в повседневную жизнь постепенно начали включаться компьютерные игры: в эпоху цифровых технологий они стали формой проведения досуга и обучения в виртуальном пространстве. С конца XX – начала XXI веков компьютерные игры получили массовое распространение благодаря появлению доступных для широкого круга лиц персональных компьютеров [2, с. 121]. Игровой процесс предоставил индивидам возможность создания виртуальной идентичности, основанной на ролевом поведении. В массовых многопользовательских онлайн ролевых играх есть возможность взаимодействия игроков со всего мира между собой и с элементами виртуального мира игры, благодаря чему личность может вести себя в виртуальном пространстве кардинально дифференцированно от реального поведения, перенимать разнообразные модели поведения, примерять на себе многоликие роли. К тому же, обычно в ролевых играх требуется создание игрового персонажа (выбор его пола, стиля, пользовательского ника и иных идентификационных характеристик). Французский социолог и культуролог Роже Кайуа утверждал, что людям свойственен «игровой инстинкт» и в процессе игры индивид может выразить бессознательный увлечения социально приемлемым способом [2, с. 120]. К примеру, в игре «Аватария» пользователи создают персонажа, выбирают для него имя, внешность, стиль одежды, вырабатывают стратегию поведения по отношению к другим игрокам, выстраивают сеть контактов с другими пользователями (становятся непримиримыми врагами, приятелями, лучшими друзьями, романтическими

партнёрами), обустривают свою игровую квартиру, пробуют себя в игровых профессиях (садовник, дворник, фотограф, визажист и повар); тем самым формируя анонимную идентичность. Информация, размещённая на официальном сайте разработчика игры, гласит «Аватария – настоящий живой мир... Мир, который живёт по своим законам, и каждый житель Аватарии личность, способная проявить себя и заставить этот мир измениться, так, как она того захочет» [3]. Таким образом, данная онлайн-игра предоставляет всем своим пользователям возможность создать идеального, по их мнению, персонажа, тем самым поэкспериментировать со своей идентичностью.

Последний механизм формирования виртуальной идентичности в интернет-пространстве – это социальное подтверждение в виде различных форм онлайн-поддержки: лайки, комментарии, репосты и иные формы, которые получают индивиды в результате размещения своего собственного контента в интернет-пространстве и взаимодействии на форумах и других онлайн-площадках для коммуникации. Социальное подтверждение – это процесс, при помощи которого люди ищут подтверждения или одобрения у других, часто через обратную связь, признание или принятие. Получая такую поддержку в интернет-пространстве, личность осознаёт свою ценность и значимость своей деятельности в онлайн-среде. У обратной связи в интернет-пространстве есть иная сторона: онлайн-буллинг.

Таким образом, современная личность обладает двумя типами идентичностей: реальной и виртуальной. Виртуальная идентичность, как и реальная, формируется личностью посредством коммуникации и сопутствующих ей механизмов: самопрезентацией, процессом социализации, игровым процессом, а также социальным подтверждением.

Библиографические ссылки

1. *Гофман И.* Представление себя другим в повседневной жизни / пер. с англ., и вступ. статья А. Д. Ковалева. М. : «КАНОН-пресс-Ц», «Кучково поле», 2000. 304 с.
2. *Лысак И. В., Косенчук Л. Ф.* Формирование персональной идентичности в условиях сетевой культуры. М. : Издательство «Спутник +», 2016. 147 с.
3. Аватария // Tortuga. 2009-2021. URL: <https://tortuga.games/games/avatariya/> (дата обращения: 20.04.2025).

НЕВИЗУАЛЬНЫЕ ЭФФЕКТЫ СВЕТА: ВЛИЯНИЕ НА ПСИХИЧЕСКОЕ ЗДОРОВЬЕ И ЦИРКАДНЫЕ РИТМЫ

Е. О. Гайдукевич

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, egajdukevich@bk.ru
Научный руководитель – Ю. Г. Фролова, кандидат психологических наук, доцент*

Статья посвящена анализу невидимых эффектов света и их влиянию на психическое здоровье человека. Рассматриваются механизмы действия света через внутренне светочувствительные ганглиозные клетки сетчатки (ipRGC), участвующие в регуляции циркадных ритмов, эмоционального состояния и когнитивных функций. Обобщены данные о параметрах световой среды, способствующих поддержанию психофизиологического баланса, с акцентом на показатель mel-EDI. Приведены практические рекомендации по оптимизации освещения с учётом времени суток и спектральных характеристик.

Ключевые слова: циркадные ритмы; mel-EDI; освещение; когнитивные функции; невидимые эффекты света.

Свет – это электромагнитное излучение, воспринимаемое человеческим глазом. Освещение играет ключевую роль в жизни человека, так как оно не только помогает в визуальной деятельности, но и может оказывать как положительное, так и отрицательное влияние на здоровье и психофизиологическое состояние.

Влияние света касается многих аспектов физиологии и поведения, включая циркадные ритмы, сон, внимание, настроение и когнитивные функции [1].

Несмотря на обширность исследований, результаты в таких областях, как светотерапия, влияние естественного света и светового загрязнения, варьируются, что затрудняет применение данных в практике. Кроме того, традиционно проектирование освещения ориентировано преимущественно на визуальные параметры, тогда как невидимые эффекты (NEF), активно изучаемые в последние годы, долгое время игнорировались.

Невидимые эффекты света зависят от его интенсивности, продолжительности, спектрального состава, предыдущих воздействий и т.д. [12]. Благодаря накопленному опыту исследований, CIE даже предложила «интегративное освещение» в качестве официального термина для освещения, который специально предназначен для интеграции визуальных и невидимых эффектов, вызывая физиологические и психологические эффекты для людей, которые отражены в научных данных.

Основной механизм воздействия света на психическое состояние человека связан с его влиянием на циркадные ритмы. Циркадная система представляет собой биологический механизм, регулирующий цикличность физиологических процессов на протяжении суток, согласовывая внутренние ритмы организма с внешними световыми и темновыми циклами. Эта система отвечает за поддержание суточных ритмов, включая сон, бодрствование и гормональную активность, что обеспечивает адаптацию организма к изменяющимся условиям окружающей среды [5]. Данная система включает 3 основных компонента – афферентные синхронизирующие пути, которые получают и передают информацию центральному генератору; центральный генератор (или «главные часы»), ответственные за генерацию циркадных ритмов; и эфферентные пути, которые синхронизируют ритмы по всему телу [6].

Циркадные ритмы связаны с настроением через взаимодействие супрахиазматического ядра (SCN) с центрами регуляции настроения. «SCN посылает сигналы через прямые и косвенные проекции по всему мозгу различным областям, участвующим в регуляции настроения, включая паравентрикулярное ядро гипоталамуса (PVN), паравентрикулярное ядро таламуса, дугообразное ядро, псевдопоперечное ядро, голубое пятно и ядра шва. SCN также регулирует гипоталамо-гипофизарную надпочечниковую ось (HPA) через PVN. Циркадные нарушения часто сопровождаются дисрегуляцией оси HPA, а глюкокортикоидные гормоны оказывают комплексное воздействие на многие системы, включая нервную и иммунную систему». [6] Нарушения циркадных ритмов ассоциируются с развитием депрессии, сезонного аффективного расстройства и биполярного расстройства [6].

Свет является основным источником информации для синхронизации циркадной системы с внешней средой. Долгое время считалось, что синхронизация циркадных ритмов осуществляется исключительно с участием палочек и колбочек – классических фоторецепторов сетчатки.

Однако впоследствии был открыт третий тип светочувствительных клеток – внутренне светочувствительные ганглиозные клетки сетчатки (ipRGC), содержащие фотопигмент меланопсин, чувствительный к свету в диапазоне 480–490 нм [8].

Данные клетки имеют несколько видов; они отличаются как чувствительностью к свету, так и проекцией в области мозга. Каждый тип вносит вклад в формирование невизуальных реакций, в зависимости от длины волн, области воздействия на сетчатку, продолжительности воздействия, времени суток и т.д. IpRGC активируются как напрямую за счёт меланопсинового фоточувствительного механизма, так и косвенно – через синаптический вход от палочек и колбочек [10].

В отличие от классических фоторецепторов, они способны к устойчивой реакции на свет, точно кодируя его интенсивность в течение длительного времени.

Подробное рассмотрение характеристик ipRGC необходимо для понимания их ключевой роли в регуляции циркадных ритмов, особенно с учётом их прямой проекции в супрахиазматическое ядро (SCN), которое как известно отвечает за регуляцию у реальных ритмов.

«Свет, безусловно, является самым мощным циркадным сигналом, и ipRGC являются первичными клетками, которые несут этот сигнал, так как удаление этих нейронов ... вызвало значительно меньшие фазовые сдвиги в циркадных ритмах этих животных, выявив решающую роль сигнализации меланопсина.» [7]

Кроме проекции в супрахиазматическое ядро, ipRGC направляют сигналы также в структуры, участвующие в регуляции аффективного и когнитивного реагирования, включая миндалину, паравентрикулярное ядро гипоталамуса и околотовопроводное серое вещество, что опосредует участие света в модуляции настроения, уровня активации и внимания [8].

Ряд экспериментальных и прикладных исследований показывает, что воздействие света в коротковолновом диапазоне (480–490 нм) способствует улучшению когнитивных функций, снижению утомляемости и положительно влияет на эмоциональное состояние.

Например, применение освещения с повышенной долей коротковолнового спектра (например, при цветовой температуре 17 000 К) ассоциируется с повышением концентрации внимания и снижением выраженности вечерней сонливости.

Сравнительный анализ показал, что освещение с более высоким содержанием синего спектра ассоциируется с улучшением когнитивных характеристик по сравнению с традиционными источниками освещения [1; 2; 11].

Эффективность освещения с уровнем mel-EDI выше 500 лк в образовательной среде подтверждена улучшением концентрации внимания, понимания учебного материала и снижением тревожности у подростков.

В офисных условиях аналогичное воздействие света (2500 лк, 6500 К, до одного часа в зимний период) сопровождалось снижением депрессивной симптоматики и ростом субъективной активности.

При этом световое воздействие обладает и потенциально неблагоприятными эффектами. Воздействие коротковолнового света в вечернее время задерживает секрецию мелатонина, что нарушает циркадный ритм и ухудшает качество сна. Регулярное превышение рекомендованных значений mel-EDI в вечерние и ночные часы может быть связано с повышенным риском развития метаболических и аффективных нарушений [1].

Таким образом, свет оказывает влияние на психическое состояние человека, действуя через ipRGC и их проекции в различные отделы мозга, включая супрахиазматическое ядро (SCN) – центральный генератор циркадных ритмов, что подтверждает роль световой среды в поддержании психофизиологического здоровья, определяемую не только её визуальными характеристиками, но и биологически значимыми параметрами, в том числе уровнем mel-EDI и спектральным составом.

Новые данные привели к разработке новых стандартов освещения: «Накопленные доказательства предполагают, что спектральная чувствительность меланопсина является наиболее успешной и экономной моделью для прогнозирования реакций на воздействие окружающего света средней и длительной продолжительности» [10].

CIE также рекомендовало использовать mel-EDI (освещенность, учитывающая спектральную чувствительность меланопсина) в качестве временного подхода для манипулирования невизуальными эффектами [9].

На основании анализа современных данных можно выделить следующие рекомендации по организации световой среды с учётом невизуальных эффектов и с целью поддержания психического здоровья [1; 3; 4; 11; 12]:

1. Дневное освещение: минимальный уровень mel-EDI должен составлять 250 лк для поддержания циркадных ритмов и улучшения когнитивных функций.

Предпочтение необходимо отдавать естественному свету, если же требуется дополнительное электрическое освещение, полихромный белый свет должен в идеале иметь спектр, приближённый к области максимальной чувствительности ipRGC (480–490 нм).

2. Вечернее освещение: рекомендуется снизить mel-EDI до 10 лк как минимум за три часа до сна.

Оптимальны источники с тёплой цветовой температурой (≤ 3000 K) и минимальной долей коротковолнового излучения.

3. Освещение в ночное время: среда сна должна быть максимально темной, с максимальным уровнем mel-EDI, не превышающим 1 лк. В случае необходимости включать освещение ночью, рекомендуется использовать уровень не более 10 лк.

4. Динамическое освещение: рекомендуется использовать световые системы с автоматической регулировкой спектра и яркости в зависимости от времени суток.

5. При проектировании освещения важно учитывать возраст, хронотип, характер деятельности и субъективное восприятие света.

Таким образом, организация освещения с учётом невизуальных эффектов может рассматриваться как эффективный инструмент профилактики психоэмоциональных нарушений и поддержания когнитивного здо-

ровья.

Библиографические ссылки

1. *Brown T. M., Brainard G. C., Cajochen C. [et al.]* Recommendations for daytime, evening, and nighttime indoor light exposure to best support physiology, sleep, and wakefulness in healthy adults // *PLOS Biology*. 2022. Vol. 20, № 3. URL: <https://doi.org/10.1371/journal.pbio.3001571> (date of access: 24.04.2025).
2. *Chow C. M., Ekanayake K., Hackett D.* Efficacy of Morning Shorter Wavelength Lighting in the Visible (Blue) Range and Broad-Spectrum or Blue-Enriched Bright White Light in Regulating Sleep, Mood, and Fatigue in Traumatic Brain Injury: A Systematic Review // *Clocks & Sleep*. 2024. Vol. 6, № 2. P. 255–266.
3. CIE S 017/E:2020. ILV: International Lighting Vocabulary. 2nd ed. Vienna: CIE, 2020. 248 P. URL: <https://doi.org/10.25039/S017.2020> (date of access: 24.04.2025).
4. CIE. Light and lighting. Integrative lighting. Non-visual effects: Technical Report. Vienna: CIE, 2020. URL: <https://cie.co.at/publications/integrative-lighting-non-visual-effects> (date of access: 24.04.2025).
5. *Czeisler C. A., Wright K. P.* Influence of light on the human circadian biology // *Sleep Medicine Reviews*. 1999. Vol. 3, № 6. P. 341–358.
6. *Daut R. A., Fonken L. K.* Circadian regulation of depression: A role for serotonin // *Frontiers in Neuroendocrinology*. 2019. Vol. 54. Article 100746. URL: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/articles/PMC9826732/> (date of access: 24.04.2025).
7. *Graham D. M., Wong K. Y.* Melanopsin-expressing, intrinsically photosensitive retinal ganglion cells (ipRGCs) // *Visual Neuroscience*. 2022. Vol. 39, № 2. P. 1–11. URL: <https://webvision.med.utah.edu/book/part-ii-anatomy-and-physiology-of-the-retina/melanopsin-expressing-intrinsically-photosensitive-retinal-ganglion-cells/>
8. *Milosavljevic N.* How Does Light Regulate Mood and Behavioral State? // *Clocks & Sleep*. 2019. Vol. 1, № 3. P. 319–331.
9. *Schlagen L. J. M.* Integrative Lighting – Paving the Way toward Healthful Light and Lighting // *Proceedings of the 14th European Lighting Conference (Lux Europa 2022)*, Prague, 20–22 Sept. 2022. URL: <https://doi.org/10.5281/zenodo.7371105> (date of access: 24.04.2025).
10. *Schlagen L. J. M., Price L. L. A.* The Lighting Environment, Its Metrology, and Non-visual Responses // *Frontiers in Neurology*. 2021. Vol. 12. Article 624861. URL: <https://www.frontiersin.org/journals/neurology/articles/10.3389/fneur.2021.624861/full> (date of access: 24.04.2025).
11. *Schlagen L., Lang D., Novotny P. [et al.]* Lighting for health and well-being in education, work places, nursing homes, domestic applications, and smart cities // *SSL-erate Consortium*. 2014. URL: <https://www.semanticscholar.org/paper/Lighting-for-Health-and-Well-Being-Schlagen-Lang> (date of access: 24.04.2025).
12. *van Duijnhoven J., Aarts M. P. J., Aries M. B. C. [et al.]* Systematic review on the interaction between office light conditions and occupational health: Elucidating gaps and methodological issues // *Indoor and Built Environment*. 2019. Vol. 28, № 2. P. 152–174.

ВЗАИМОСВЯЗЬ ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ ДИСРЕГУЛЯЦИИ И ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ВЫГОРАНИЯ У МЕДИЦИНСКИХ РАБОТНИКОВ

К. В. Герасимова

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, kseniya.956@icloud.com
Научный руководитель – Е. И. Цюхай, старший преподаватель*

В статье приводятся результаты исследования взаимосвязи эмоциональной дисрегуляции и эмоционального выгорания у медицинских работников. Установлено, что использование дисфункциональных форм регуляции эмоций (руминации, избегания и трудностей ментализации) усиливают истощения, появления цинизма и сомнения в собственной компетенции медицинского работника.

Ключевые слова: эмоциональное выгорание; эмоциональная дисрегуляция; эмоциональное истощение; медицинские работники.

В профессиональной деятельности медицинских работников нередко стрессы, связанные с высокой нагрузкой, ненормируемой продолжительностью рабочего дня, рабочими конфликтами, организационными изменениями, снижением или отсутствием социальной поддержки, нарушением баланса между профессиональной занятостью и личной жизнью и т.д. [1]. Результатом сложного взаимодействия социальных и индивидуальных факторов может стать состояние эмоционального выгорания.

В соответствии с трехфакторной моделью К. Маслач наиболее существенными проявлениями выгорания являются переутомление, личностная отстраненность на работе (цинизм), а также ощущение собственной неэффективности [2].

Негативным следствием этого становятся разочарование в профессиональной деятельности и увольнение с работы; при этом нарушение межличностных отношений также приводит к негативному восприятию себя, равнодушию, апатии и обесцениванию собственного труда.

Специфической чертой профессиональной деятельности медицинского работника является значительная эмоциональная вовлеченность. Специалистам необходимо уметь регулировать как собственные, так и чужие эмоции. Большие нагрузки и напряжение от интенсивного межличностного общения в ходе профессиональной деятельности, могут становиться триггером к развитию **эмоциональное выгорания**.

Оно может быть связано с нарушением модулирования эмоций в форме эмоциональной неустойчивости и отстраненности. Так, при высо-

ком уровне эмоциональной дисрегуляции у медицинских работников могут усиливаться защитные приемы, которые помогают подавлять нежелательные эмоции.

Согласно взглядам Н.А. Польской, **эмоциональная дисрегуляция** заключается в возникновении дисфункциональных форм регуляции:

- избегания (уклонение от любых негативных эмоций и ситуаций, которые могут их гипотетически спровоцировать);
- руминации (фиксация и возвращение к мыслям, спровоцированным негативными эмоциями и опытом, который повлек переживания);
- трудностей ментализации (проблемы понимания собственных и чужих эмоций, субъективно переживаемое чувство неконтролируемости эмоций) [3].

Исследование. Выборка исследования представлена 100 медицинскими работниками в возрасте от 19 до 66 лет (средний возраст – 34,4 лет). Среди опрошенных 79 женщин и 21 мужчин. Стаж работников варьировался от 6 месяцев до 40 лет (средний стаж – 11,3 лет). Респонденты являются сотрудниками как больниц (47%) и поликлиник (44%), так и станций скорой медицинской помощи (9%). Сбор эмпирических данных осуществлялся с помощью: 1) опросника «Профессиональное выгорание», созданном на основе методики MBI К. Маслач, С. Джексона, в адаптации Н.Е. Водопьяновой и Е.С. Старченковой [4]; 2) опросника «Эмоциональная дисрегуляция» Н.А. Польской и А.Ю. Развальяевой [5].

Полученные данные были подвергнуты статистической обработке с использованием пакета SPSS Statistics. У большей части выборки зафиксированы крайне высокая (у 44%) и высокая (у 41%) степени эмоционального выгорания. Что свидетельствует о сильном напряжении, вызываемом профессиональной деятельностью.

В отношении выраженности эмоциональной дисрегуляции в выборке преобладает средний уровень: руминация (76% от общей численности), избегание (80%) и трудности ментализации (77%).

В ходе корреляционного анализа (с применением коэффициента ранговой корреляции Спирмена) выявлены значимые взаимосвязи между всеми шкалами эмоциональной дисрегуляции и эмоционального выгорания (рисунки 1–3).

Руминация эмоционально истощает психические ресурсы посредством навязчивого обдумывания негативных ситуаций. Специалист чувствует усталость, но не может перестать прокручивать причины, вызвавшие стресс, и в результате истощается еще больше. Более того, руминация поддерживает негативные убеждения о пациентах (их неблагодарности, и нескончаемости их проблем), что усиливает деперсонализацию. Постоянное «прокручивание» конфликтов ведет к защитной личностной отстраненности. Например,

врач после сложного случая долго анализирует свои ошибки, избегая эмоционального контакта с другими пациентами. И чем чаще медработники погружаются в руминацию, тем сильнее редуцируется их уверенность в собственных профессиональных достижениях; фокус внимания удерживается на неудачах, что уменьшает субъективное ощущение успеха.

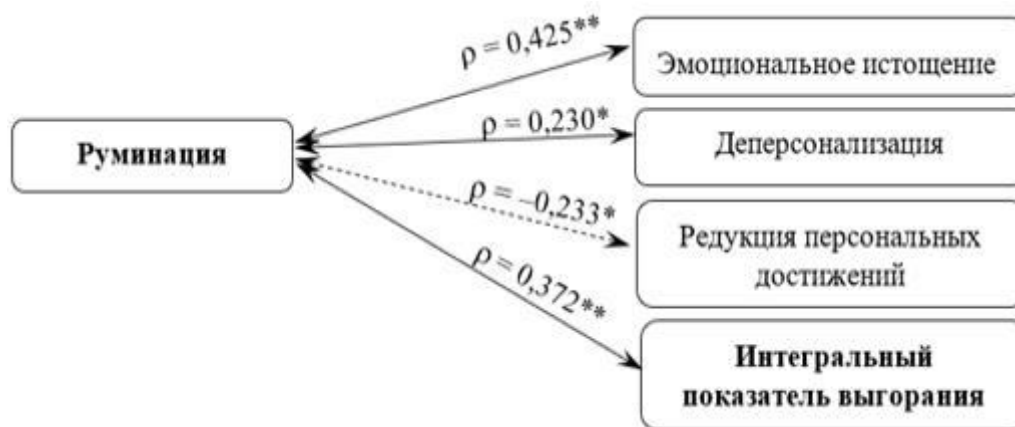

Рис. 1. Корреляционные связи между руминацией и эмоциональным выгоранием.

** Корреляция значима на уровне 0,01; * корреляция значима на уровне 0,05

Руминация эмоционально истощает психические ресурсы посредством навязчивого обдумывания негативных ситуаций. Специалист чувствует усталость, но не может перестать прокручивать причины, вызвавшие стресс, и в результате истощается еще больше. руминация поддерживает негативные убеждения о пациентах (их неблагодарности, и нескончаемости их проблем), что усиливает деперсонализацию. Постоянное «прокручивание» конфликтов ведет к защитной личностной отстраненности.

Например, врач после сложного случая долго анализирует свои ошибки, избегая эмоционального контакта с другими пациентами. И чем чаще медработники погружаются в руминацию, тем сильнее редуцируется их уверенность в собственных профессиональных достижениях; фокус внимания удерживается на неудачах, что уменьшает субъективное ощущение успеха.

Избегание может временно снижать стресс, но в долгосрочной перспективе усугубляет эмоциональное истощение из-за накопления нерешенных проблем. Чем выше уровень истощения, тем чаще медицинские работники используют эмоциональное избегание как стратегию совладания с трудной ситуацией (игнорируют проблемы, подавление эмоций). Использование *избегания* приводит к росту деперсонализации (цинизма). Подобное временное снижение стресса блокирует проработку эмоций, вследствие чего накапливается раздражение, пациенты начинают восприниматься как «объекты».

Избегание мешает активно преодолевать трудности, неудачи накапливаются, и ощущение профессиональной несостоятельности растет. При этом работники реже бывают удовлетворены результатами своей деятельности.

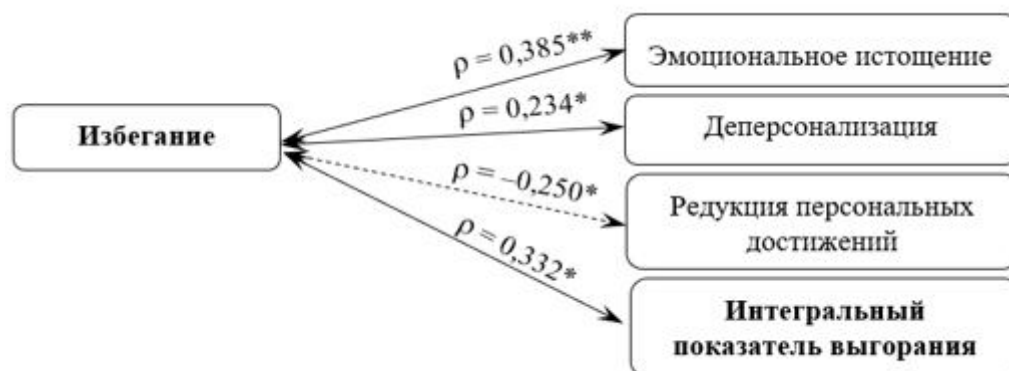

Рис. 2. Корреляционные связи между избеганием и эмоциональным выгоранием.

** Корреляция значима на уровне 0,01; * корреляция значима на уровне 0,05

При **трудностях ментализации** медицинские работники начинают хуже распознавать как собственные эмоции, так и чужие. Осознание, например, собственной усталости или негативных эмоций, появляется только после нервного срыва, который приводит к эмоциональному истощению. Специалист может неправильно интерпретировать поведение пациентов, воспринимая его как атаку в свою сторону, и, не имея возможности успокоиться, будет продолжать истощаться. Чем хуже медработники понимают эмоции (ментализация), тем более выражена у них деперсонализация. Неспособность распознать свое утомление выражается в раздражении и негативе к пациентам. Неспособность распознать позитивные эмоции (например, гордость за успех) приводит к недооценке собственных достижений.

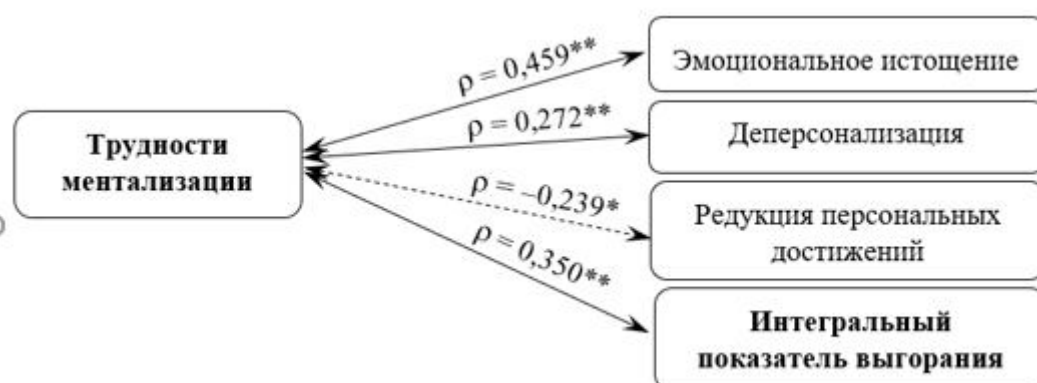

Рис. 3. Корреляционные связи между трудностями ментализации и выгоранием.

** Корреляция значима на уровне 0,01; * корреляция значима на уровне 0,05

Таким образом, эмоциональная дисрегуляция взаимосвязана с эмоциональным выгоранием и его компонентами. Высокие показатели дисрегуляции оказывают влияние на развитие негативных последствий выгорания. Медицинские работники, использующие дисфункциональные формы контроля эмоций, сильнее подвержены истощению, отстранению от других людей и ощущению собственной некомпетентности, чем их коллеги более конструктивно регулирующие эмоции.

Библиографические ссылки

1. *Суханова Е. И.* Профессиональное выгорание медицинских сотрудников и его диагностика // Неонатология : Новости. Мнения. Обучение. 2022. №2 (36).
2. *Maslach C.* Understanding burnout: Definitional issues in analyzing a complex phenomenon // Job Stress and Burnout. Beverly Hills / London / New Delhi : Sage Publications, 1982. P. 29–40.
3. *Польская Н.А., Разваляева А.Ю.* Основы диагностики и профилактики самоповреждающего поведения. М. : ФГБОУ ВО МГППУ, 2022. 220 с.
4. *Водопьянова Н.Е., Старченкова Е.С.* Синдром выгорания: диагностика и профилактика. СПб. : Питер, 2005. 336 с.
5. *Польская Н.А., Разваляева А.Ю.* Разработка опросника эмоциональной дисрегуляции // Консультативная психология и психотерапия. 2017. Т.25, №4. С. 71–93.

ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ КАК ПРЕДИКТОРЫ АГРЕССИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ У ПОДРОСТКОВ

П. А. Зановская

*Белорусский государственный университет, ул. Кальварийская, 9,
220004, г. Минск, Беларусь, wreathkupalle@gmail.com
Научный руководитель – Е. Д. Беспанская-Павленко,
кандидат психологических наук, доцент*

Данная работа посвящена исследованию ценностных ориентаций как предикторов агрессивного поведения у подростков. Установлены статистически значимые зависимости между ценностными ориентациями и видами агрессивных реакций.

Ключевые слова: ценностные ориентации; агрессия; подростки; агрессивное поведение.

Понятие агрессии, несмотря на свою кажущуюся простоту, является одним из наиболее сложных и противоречивых в психологии.

Зигмунд Фрейд, основоположник психоанализа, рассматривал агрессию как фундаментальную силу, присущую каждому человеку. Согласно его теории, агрессия может проявляться как часть защитного механизма, так и как следствие работы «Ид» [1].

В отличие от Фрейдовских взглядов, Мелани Кляйн считала, что агрессия не является вторичным проявлением инстинкта смерти, а первичной силой, присутствующей у младенца с самого рождения [2].

Джон Доллард определял фрустрацию как любое вмешательство в реализацию целенаправленного поведения. Это может быть внешнее препятствие (например, закрытая дверь) или внутреннее (например, недостаток навыков) [3].

Леонард Берковиц считал, что фрустрация вызывает не саму агрессию, а негативный аффект, то есть неприятное эмоциональное состояние, которое может включать в себя гнев, раздражение, злость и другие негативные эмоции. [4]

Альберт Эллис, американский психотерапевт, является основателем Рационально-Эмотивной Поведенческой Терапии (РЭПТ), которая представляет собой когнитивно-поведенческий подход к психотерапии. РЭПТ рассматривает агрессию как результат иррациональных убеждений и неадаптивных способов мышления, приводящих к негативным эмоциям и нежелательному поведению [5].

Шалом Шварц определял ценности как “желательные, трансситуативные цели, варьирующиеся по важности, которые служат руководящими принципами в жизни человека или другой социальной единицы”.

Он выделил 10 базовых человеческих ценностей, которые признаются как универсальные в разных культурах [6].

Агрессивное поведение рассматривается как интегральное свойство личности, характеризующееся наличием деструктивных тенденций в сфере субъектно-объектных отношений. Согласно подходу, предложенному А. Бассом и А. Дарки, агрессия охватывает как прямые формы (например, применение физической силы), так и косвенные проявления, включая вербальные выпады, раздражительность, негативизм, обиду, подозрительность и чувство вины.

Ценностные ориентации выступают в качестве ядра мотивационной системы личности, определяя её мировоззренческую установку и жизненные приоритеты. В рамках теории М. Рокича ценности дифференцируются на терминальные, отражающие конечные цели существования, и инструментальные, определяющие допустимые способы их достижения. Такой дуализм соответствует традиционному разделению на ценности-цели и ценности-средства, что подчеркивает их роль как базиса для формирования когнитивных схем и моделей социального поведения [7].

Основной целью нашего исследования было рассмотрение ценностных ориентаций как предикторов агрессивного поведения у подростков.

Выборку составили 50 подростков в возрасте от 11 до 15 лет.

Сбор эмпирических данных производился с помощью следующих методик: Опросник исследования уровня агрессивности Авторы А. Басс и А. Дарки, Методика «Ценностные ориентации» Автор М. Рокич.

На основании данных, полученных в ходе исследования, проведён комплексный анализ ценностных установок подростков с разделением по возрастным группам и полу.

Данные по выборке девочек в возрасте от 12 до 15 лет демонстрируют, что наибольшее значение придают следующим ценностям: «счастливая семейная жизнь» (~6 место), «жизнерадостность» (~7 место), «здоровье» (~4 место), «аккуратность» (~6 место) и «воспитанность» (~5 место). Также наблюдается постепенное усиление важности таких ориентиров, как «независимость» (от 13 до 5 места) и «образованность» (от 10 до 2 места), что свидетельствует о развитии стремления к самостоятельной реализации и личностному росту в подростковом возрасте.

В выборке мальчиков в возрасте от 11 до 15 лет наблюдается иная картина ценностных установок. Помимо вышеупомянутых ценностей, вместо ценности «аккуратность», свойственной девочкам, у мальчиков значимой ценностью становятся «наличие хороших и верных друзей» (~6 место). Анализ динамики изменений ценностных установок по возрастным группам показывает, что с переходом от 12 к 15 годам у девочек наблюдается смещение акцентов от традиционных семейных ценностей в

сторону стремления к самостоятельности, отражённой в таких показателях, как «образованность» и «независимость».

Согласно полученным результатам опросника Басса-Дарки, как у девочек, так и у мальчиков наблюдаются умеренное проявление агрессивных реакций.

Исходные данные свидетельствуют о том, что девочки выражают агрессию преимущественно вербальные выпады. Показатели вербальной агрессии у девочек достигают высоких значений, что указывает на то, что в межличностном общении они склонны к демонстрации эмоциональной экспрессии посредством словесных конструкций. Также заметна тенденция к выражению раздражения и чувства вины, что можно трактовать как внутреннюю борьбу между агрессивными импульсами и механизмами саморегуляции.

У мальчиков наблюдаются более выраженные показатели физической агрессии.

Следует так же отметить возрастную динамику изменений индекса агрессивных реакций у подростков. Если у девочек пик показателей приходится на 12-13 лет (в среднем ~17-19 баллов), то у мальчиков данный показатель возрастает к 14-15 годам (в среднем ~14-18 баллов). Это объясняется особенностями полового созревания и процесса взросления у мальчиков и девочек.

Таким образом, наблюдаемая динамика показателей агрессии у обеих групп отражает процесс постепенного обучения и внутренней адаптации к требованиям социальной среды.

Анализ ценностных ориентаций как предикторов агрессивного поведения, выявил зависимость между значимостью ценности «свобода» (Sig.: 0,014, B: -0,412) и проявлениями физической агрессии. Интерпретируя эту взаимосвязь, можно утверждать, что чем выше у испытуемых значимость, тем выше наблюдается уровень физической агрессии.

Среди значимых взаимосвязей отмечается зависимость между такими ценностями, как «здоровье» (Sig.: 0,026, B: 0,029), «интересная работа» (Sig.: 0,051), «красота природы» (Sig.: 0,001, B: 0,119), «любовь» (Sig.: 0,014, B: 0,339), «наличие хороших и верных друзей» (Sig.: 0,028, B: 0,258), «развитие» (Sig.: 0,028, B: 0,255), «развлечения» (Sig.: 0,012, B: 0,386), «счастье других» (Sig.: 0,007, B: 0,343) и «уверенность в себе» (Sig.: 0,000, B: 0,496) с проявлением косвенной агрессии. Согласно выявленной модели, при повышении значимости этих ориентаций уровень косвенной агрессии снижается. Это соответствует классическим представлениям о том, что позитивно заряженные, межличностно ориентированные ценности благоприятствуют развитию адаптивных стратегий саморегуляции и снижают склонность к пассивно-агрессивному поведению.

Наряду с указанной тенденцией, между значениями «свобода» (Sig.: 0,013, B: -0,267), «творчество» (Sig.: 0,001, B: -0,468), «аккуратность» (Sig.: 0,039, B: -0,208) и «образованность» (Sig.: 0,019, B: -0,231) наблюдается зависимость по отношению к косвенной агрессии. Это означает, что у испытуемых, для которых данные ценности играют особенно важную роль, уровень косвенной агрессии возрастает.

Дальнейший анализ показал, что между ценностью «творчество» (Sig.: 0,054, B: -0,473) и проявлением раздражения также выявлена зависимость. При возрастании значимости творчества уровень раздражения увеличивается, что может свидетельствовать о повышенной чувствительности к препятствиям на пути реализации творческого потенциала. Здесь имеет место отметить возможную связь креативности с эмоциональной восприимчивостью и нестабильностью аффекта.

Так, между ценностями «здоровье» (Sig.: 0,010, B: 0,129), «наличие хороших и верных друзей» (Sig.: 0,038, B: 0,154), «развлечения» (Sig.: 0,014, B: 0,258), «счастье других» (Sig.: 0,022, B: 0,192) и «твердая воля» (Sig.: 0,049, B: 0,120) наблюдается зависимость с негативизмом: рост значимости этих ценностей сопровождается снижением негативизма. Это свидетельствует о том, что позитивно ориентированные установки способствуют более оптимистичному восприятию мира и улучшают эмоциональную регуляцию. Аналогичным образом, между ценностями «воспитанность» (Sig.: 0,008, B: 0,442), «рационализм» (Sig.: 0,023, B: 0,389) и «твердая воля» (Sig.: 0,004, B: 0,389) и проявлением чувства вины также обнаруживается зависимость, что позволяет предположить, что воспитание, основанное на рациональном подходе, помогает снизить чрезмерное самокритичное отношение к себе.

Наконец, взаимосвязи между общим индексом агрессивных реакций и рядом ценностей демонстрируют два противоположных направления. С одной стороны, между ценностями «красота природы и искусства» (Sig.: 0,009, B: 0,915) и «уверенность в себе» (Sig.: 0,001, B: 1,223) наблюдается зависимость, что означает снижение общего уровня агрессивных реакций при их росте. С другой стороны, наблюдается зависимость между ценностями «материально обеспеченная жизнь» (Sig.: 0,035, B: -0,840), «свобода» (Sig.: 0,003, B: -1,275), «творчество» (Sig.: 0,001, B: -1,810) и «исполнительность» (Sig.: 0,051, B: -0,783) и общим индексом агрессивных реакций: повышение значимости этих ценностей приводит к увеличению агрессивных проявлений.

Таким образом, представленные результаты регрессионного анализа демонстрируют сложную и многоуровневую взаимосвязь между системой личностных ценностей и различными формами агрессивных реакций. С одной стороны, ценности, ориентированные на гармонию, межличностное

общение и развитие, способствуют снижению косвенной агрессии, негативизма и чувства вины. С другой – установки, связанные с акцентом на свободу, творчество и материальное благополучие, могут вести к усилению как физической, так и вербальной агрессии, а также общему повышению уровня агрессивных реакций.

Библиографические ссылки

1. *Фрейд З.* По ту сторону принципа удовольствия. М., 1920.
2. *Кляйн М.* Заметки о некоторых шизоидных механизмах. М., 1946.
3. *Dollard J.; Doob L. W.; Miller N. E.; Mowrer O. H.; Sears R. R.* Frustration and Aggression. New Haven: Yale University Press, 1939.
4. *Berkowitz L.* Roots of Aggression. Atherton: Atherton Press, 1969.
5. *Ellis A.* Overcoming Destructive Beliefs, Feelings, and Behaviors: New Directions for Rational Emotive Behavior Therapy. Amherst, NY. : Prometheus Books, 2001.
6. *Schwartz S. H.* Universals in the Content and Structure of Values: Theoretical Advances and Empirical Tests in 20 Countries // *Advances in Experimental Social Psychology*. 1992. Vol. 25. P. 1–65.
7. *Rokeach M.* The Nature of Human Values. NY. : Free Press, 1973.

СПЕЦИФИЧЕСКИЕ ЧЕРТЫ И ТЕНДЕНЦИИ ВОСПРИЯТИЯ ЮМОРА В ЦИФРОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ

А. А. Карпыза

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, nastyakarpiza.ru@mail.ru*

Научный руководитель – Ю. Ю. Гафарова, кандидат философских наук, доцент

В работе проводится анализ особенностей мультимодальной представленности цифрового юмора, когда вербальные, визуальные и аудиальные компоненты текстов взаимодействуют, образуя многоуровневые нарративы. Особое внимание уделяется феномену эфемерности и динамичности интернет-контента, а также процессам интерактивного взаимодействия между авторами и аудиторией. Цель работы – определить влияние цифровизации на трансформацию традиционных юмористических нарративов. Практическая значимость работы заключается в возможности применения её выводов для разработки эффективных контент-стратегий в медиа.

Ключевые слова: цифровизация; юмор; нарратив; онлайн-платформы.

В эпоху цифровизации коммуникационных процессов юмор приобрёл статус фундаментального элемента онлайн-культуры. Он оказывает существенное влияние на современные практики межличностного общения и взаимодействия в виртуальном пространстве. Феномен юмора проявляется во множестве форм, начиная от интернет-мемов и вирусных видеороликов и заканчивая остроумными твитами и комическими скетчами. В этом контексте юмор предстает в роли универсального языка, который обладает способностью преодолевать культурные, языковые и социальные барьеры, способствуя созданию единой глобальной сетевой общности.

Специфические черты и тенденции восприятия юмора в цифровом пространстве обусловлены преобразованиями в способах создания, распространения и интерпретации комического контента. Цифровые технологии формируют новые формы нарратива и коммуникации, где юмор становится не только продуктом авторского высказывания, но и результатом коллективного взаимодействия между создателями и аудиторией.

Юмористические тексты становятся особенно востребованными в условиях информационного перенасыщения, благодаря своей схематичной структуре, высокой информационной ёмкости и способности удерживать внимание аудитории. Они формируют эмоциональную вовлечённость читателей, превращая процесс восприятия в интерактивное взаимодействие. Развивающийся сторителлинг можно рассматривать как ответ на вызовы времени и снижение интереса к традиционным формам чтения. Эта технология адаптировала классические подходы построения повест-

ования к современным требованиям. Основная цель сторителлинга – создание эмоционального и интерактивного эффекта, вовлечение слушателей в процесс порождения смысла. Юмористические тексты, по сути, уже обладают этими характеристиками. Их структура и способы взаимодействия с аудиторией делают их эффективным инструментом для передачи смысла, создания эмоциональных связей и интерактивности. Это подчёркивает их важность как культурного феномена и средства коммуникации в современном обществе [4].

С момента становления интернета жанр комедии претерпел значительные трансформации, которые отражают глубокие структурные изменения в процессах создания и потребления культурного контента. Цифровая эпоха привела к радикальной перестройке методов коммуникации. В результате этого традиционные формы юмора, ранее ограниченные текстовыми шутками, уступили место многообразию визуальных и мультимедийных форм. Возникновение и стремительное развитие платформ социальных медиа существенно расширили возможности для самовыражения. Сегодня каждый пользователь сети имеет шанс не только потреблять, но и создавать оригинальный комедийный контент, что способствует формированию динамичного и многополосного медиапространства.

Одной из основных характеристик современной цифровой комедии является оперативность её распространения и непосредственность обратной связи. Так, мемы представляют собой яркий пример культурного феномена, способного посредством стремительного вирусного эффекта охватывать глобальную аудиторию за считанные минуты. Юмористические изображения и видеоматериалы демонстрируют высокую скорость адаптации и распространения, что позволяет им занимать значимое место в современной онлайн-культуре. Кроме того, внедрение специализированных платформ для обмена видеоконтентом, таких как *YouTube* и *TikTok*, открыло новые перспективы для демонстрации творческого потенциала. Эта тенденция касается как представителей стендап-комедии, так и скетч-артистов, предоставляя им универсальную площадку для самореализации. Демократизация процесса создания комедийного контента в цифровую эпоху способствует появлению новых комедиантов и множеству уникальных точек зрения, что в значительной степени обогащает культурное пространство современного общества [5].

Сатира и пародия обладают богатой историей и играют значимую роль в развитии комедийного жанра. В условиях стремительного развития цифровых технологий их влияние существенно возросло. Различные сатирические шоу приобрели широкую популярность благодаря искусному высмеиванию политических фигур, медийных персонажей и социальных норм. Эти формы юмористического искусства, используя элементы иронии и гиперболы, стремятся продемонстрировать абсурдность окружаю-

щего мира, стимулировать критическое осмысление и разрушать стереотипы. В интернет-пространстве сатира и пародия представлены в различных форматах – от вымышленных аккаунтов в социальных сетях, ведущихся от лица общественных деятелей, до видеоконтента, содержащего пародии на текущие тренды. Эти формы культурной рефлексии позволяют пересматривать традиционные подходы, ставить под сомнение авторитеты и преодолевать догмы, присущие современному обществу.

Тем не менее, данные жанры сопровождаются рядом ограничений. В эпоху информационного перенасыщения, фейковых новостей и дезинформации зачастую оказывается затруднительным разграничить сатирический контент и действительность. В результате юмор может быть воспринят как факт, что порождает непонимание и общественные споры. В связи с этим возрастает необходимость в развитии медиаграмотности и критического подхода среди потребителей юмористического контента, что способствует более глубокому осмыслению его культурного и социального значения.

Использование юмора в маркетинге и рекламных кампаниях представляет собой стратегически значимый инструмент привлечения аудитории. Современные бренды осознают, что юмористический подход способствует формированию позитивной ассоциации с предлагаемыми продуктами или услугами, а также увеличивает степень вовлечённости и запоминаемости рекламного сообщения. Юмористический контент демонстрирует высокую эффективность в продвижении бренда. Забавные слоганы, персонажи и видеоролики закрепляются в массовой культуре, способствуя расширению узнаваемости бренда. Такой контент обладает вирусным потенциалом, охватывая значительную аудиторию и увеличивая медиареzonанс. Более того, юмор содействует процессу «очеловечивания» брендов, делая их более доступными и понятными целевой аудитории.

Развитие социальных медиа открыло новые горизонты для интеграции юмористических элементов в маркетинговую стратегию. Остроумные публикации, мемы и вирусные челленджи позволяют компаниям создавать креативные кампании, взаимодействовать с пользователями и формировать позитивное впечатление. В условиях информационного перенасыщения юмор помогает выделить бренд, создавая эмоциональную связь и укрепляя доверие потребителей.

Примером успешного использования юмора в рекламе являются маркетинговые коммуникации бренда *Aviasales*. Компания формирует устойчивый контакт с аудиторией за счёт регулярного использования мемов. Понимая, что необходимость в покупке авиабилетов возникает нечасто, бренд стремится сохранять видимость, напоминая пользователям о себе через развлекательный контент. Подобный подход повышает вероятность того, что, когда потребность в билете появится, пользователи обратятся к бренду, ассоциирующемуся с положительными эмоциями и креативным

подходом. Успешность их подхода дополняется умением *Aviasales* эффективно реагировать на актуальные события и инфоповоды, включая те, которые потенциально могут нанести ущерб репутации компании, такие как пандемия или экономические колебания. Кроме того, бренд активно развивает партнёрские проекты и коллаборации, органично интегрируя их в свою стратегию, что позволяет сохранять стиль и уникальный голос, привлекающий аудиторию. *Aviasales* использует индивидуальный подход к различным платформам и аудиториям. В *Telegram* контент имеет более дерзкий характер, рассчитанный на молодежную аудиторию. Для пользователей «Одноклассников» создан образ нового персонажа – Самолёши, предлагающего более сдержанный юмор, адаптированный к аудитории старшего возраста. Так, юмор в рекламе *Aviasales* представляет собой многофункциональный инструмент, который помогает бренду не только выделяться на рынке, но и выстраивать долгосрочные отношения с аудиторией [2].

Одной из ключевых особенностей цифрового юмора является его мультимодальный характер. В отличие от традиционного устного или письменного высказывания, юмор в сети часто строится на синтезе визуальных, вербальных и аудиальных элементов текста. Интернет-мемы, GIF-анимации, короткие видео и коллажи позволяют создавать тексты, насыщенные культурными и контекстуальными образами, что способствует передаче сложных смыслов в лаконичной форме. Такой подход открывает дополнительные возможности для игры с ожиданиями аудитории, но в то же время требует от неё способности понимать и интерпретировать несколько уровней информации [3].

Цифровая эпоха внесла существенные изменения в динамику юмористического контента, который стал особенно чувствительным к постоянному обновлению информационных потоков. Этот процесс приводит к быстрой смене культурных артефактов: шутки, мемы и нарративы стремительно утрачивают свою актуальность, уступая место новым формам самовыражения. Эфемерность юмористического контента создает специфическую динамику культуры, которая основана на непрерывном цикле появления, распространения и исчезновения. Подобная изменчивость требует от создателей юмористического контента постоянной адаптации к меняющимся тенденциям и технологическим возможностям. Создатели вынуждены находить новые способы удержания внимания и создавать контент, который способен выделяться на фоне многочисленной информации. Для аудитории это, в свою очередь, означает необходимость быстрой адаптации к изменениям в юмористической культуре и гибкости в восприятии постоянно сменяющихся трендов.

Цифровая среда изменила природу взаимодействия потребителей с юмористическим контентом. В отличие от традиционных медиа, где ауди-

тория оставалась преимущественно пассивным потребителем, современные платформы предоставляют ей возможность активного участия в процессах создания и распространения юмора. Пользователь теперь не просто читатель или зритель – он становится соавтором, активно влияющим на динамику культурных артефактов. Эта трансформация происходит благодаря интерактивным инструментам, доступным в социальных сетях и цифровых платформах. Лайки, репосты, комментарии, создание собственного юмористического контента – все это позволяет аудитории не только адаптировать существующий контент под свои потребности, но и создавать новые формы выражения. Процесс коллективного творчества становится ядром современного юмора, где границы между создателем и потребителем стираются. Такое взаимодействие обеспечивает гибкость и динамичность культурного пространства. Юмор становится средством коммуникации и объединения, позволяя создавать глобальные нарративы [1].

Юмор приобретает новые формы и особенности, отражающие изменчивый и взаимосвязанный характер современной культуры. Благодаря скорости распространения и интерактивности, аудитория становится не просто пассивным потребителем юмористического контента, но и его активным создателем, создавая условия для коллективного творчества. Высокая динамичность и краткосрочность цифрового контента ставят новые вызовы как перед создателями, так и перед потребителями. Создателям важно сохранять актуальность и оригинальность, а аудитории – адаптироваться к постоянно меняющимся формам культурного выражения. Это подчеркивает важность юмора как универсального инструмента коммуникации, способного соединять людей через развлечение, осмысление и культурный диалог. В цифровом пространстве юмор продолжает выступать значимым фактором, формирующим идентичность, создающим смыслы и укрепляющим связи между людьми.

Библиографические ссылки

1. Гуторенко Л. С. Некоторые особенности юмористических интернет-мемов в русскоязычной виртуальной коммуникации // Культура и цивилизация. 2017. Том 7. № 2А. С. 247–206.
2. Как не залететь с шутками за 300: секреты CMM-успеха Aviasales и VIZIT. 2024. URL: <https://vc.ru/marketing/1174872-kak-ne-zaletet-s-shutkami-za-300-sekret-y-smm-uspeha-aviaseils-i-vizit> (дата обращения: 22.04.2025).
3. Канашина С. В. Интернет-мем и юмор. Вопросы журналистики, педагогики и языкознания. 2025. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/internet-mem-i-yumor/viewer> (дата обращения: 03.04.2025).
4. Лаврентьев А. И. Юмор в цифровую эпоху // Ученые записки НовГУ. 2020. №1 (26). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yumor-v-tsifrovuyu-epohu>. (дата обращения: 03.04.2025).
5. Chiaro D. The Language of Jokes in the Digital Age. Routledge, 2018. 166 p.

ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ В ГОРОДСКОЙ ПОВСЕДНЕВНОСТИ: КОНЦЕПЦИЯ Э. ГУССЕРЛЯ И КЕЙС Г. БРАСЛАВА

Е. А. Кобяк¹⁾; Д. В. Степаненко¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, 1243wery@gmail.com

Научные руководители – И. М. Наливайко, кандидат философских наук, доцент,
Л. О. Сушкевич, кандидат географических наук, доцент,

В статье изложен концепт «жизненного мира», описанный Э. Гуссерлем в работе «Кризис европейских наук трансцендентальная феноменология». Приводится краткий анализ основных характеристик и причин кризиса европейских наук. Представлены историко-культурные объекты города Браслава и приведена комплексная оценка экскурсионных объектов.

Ключевые слова: жизненный мир; феноменология; повседневность, потенциал, историко-культурный объект.

XX век – век технологического прогресса, что неоспоримо. И вместе с тем век кризиса науки. Работу «Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология», которая так и осталась незаконченной, Э. Гуссерль посвящает проблеме истории наук и историчности философии. Эта книга является ответом на вопрос «Как возможен кризис при столь явных достижениях?»

Сама по себе объективизация и натурализация науки приводит к тому, что человеку не находится в ней места. В позитивистской трактовке науки как науки о фактах познающий субъект начисто лишен человеческих целей и качеств. Также объективный мир рассматривается, скорее, как мир идеальных сущностей, а не вещей как таковых. Теряется понимание того, что любая идеализация происходит путем абстрагирования от предметов жизненного мира. Отсюда берет начало дуализм науки и философии: в естествознании предполагалось, что мир сам по себе обладает смыслом, который можно открыть. Отсюда также происходит разделение теоретической науки и практической жизни, цели науки становятся столь далеки от ежедневной практики, что они противопоставляются целям обыденной жизни. Такое противопоставление приводит к критике всяких смыслов и целей вообще. Наука перестает быть связанной с философией и не развивается более по пути, предлагаемым ею.

Именно в работе «Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология» Э. Гуссерль впервые использует понятие «жизненного мира». В феноменологии Э. Гуссерля «жизненный мир» понимается как

«единственно действительный, действительно данный через восприятие, через опыт осваиваемый и могущий быть освоенным в опыте мир – наш повседневный жизненный мир» [4, с. 253]. При этом ошибочно понимать концепт жизненного мира как действительного в смысле реальности. Э. Гуссерль понимает жизненный мир не как предмет естествознания – мир реальный, а, прежде всего, как мир духовный – предмет феноменологии. Так, жизненный мир является априорным полем опыта. Жизненный мир выступает как рамка для любого возможного опыта, а также как источник любых теоретических знаний. Жизненный мир дан непосредственно: опыт воспринимается тотально и интуитивно. Если в «Картезианских размышлениях» Э. Гуссерль допускает множественность «жизненных миров», то уже в более поздней философии, которая представлена в «Кризисе европейских наук», он рассматривает жизненный мир как один единственный. Такая данность достигается не потому, что стирается индивидуальное представление индивидов о мире, а потому, что «жизненный мир» каждого из субъектов имеет схожую структуру. Структура «жизненного мира» включает в себя связь с другим, отражая, таким образом, коллективный опыт бытия. Так, посредством анализа концепта жизненного мира Э. Гуссерль формулирует понятие интерсубъективности. Интерсубъективность рассматривается в связи с многими факторами, такими как конституирующая функция сознания, которая позволяет говорить о идентичной способности к конституированию опыта у разных индивидов. Но для возникновения общего интерсубъективного опыта также необходимы схожие внешние условия, в том числе проживание в едином пространстве, что ведет к формированию опыта переживания схожих географических условий. Так, опыт вписан в условия конкретного пространства и времени, где пространство не воспринимается в рамках научных теорий, а понимается интуитивно, посредством ощущений, эмоций, воспоминаний. Пространство воспринимается не как объективная данность, а как пустая доска для переживания личного опыта.

Поскольку жизненный мир является основанием любого опыта, он не может быть статичным. Его динамика связана с социальными и культурными изменениями.

Опыт вписан в конкретные исторические и географические рамки, которые позволяют использовать концепт жизненного мира в рамках трансдисциплинарных исследований.

Так, опыт восприятия окружающей среды является основой для конституирования городской повседневности. Городское пространство не существует вне социального опыта людей – оно синтезируется посредством их ежедневных практик, привычек и взаимодействий с окружающим их миром, при этом мир не есть действительность – конкретные строения,

улицы, сооружения, – но их восприятия индивидами, опыт переживания городской среды.

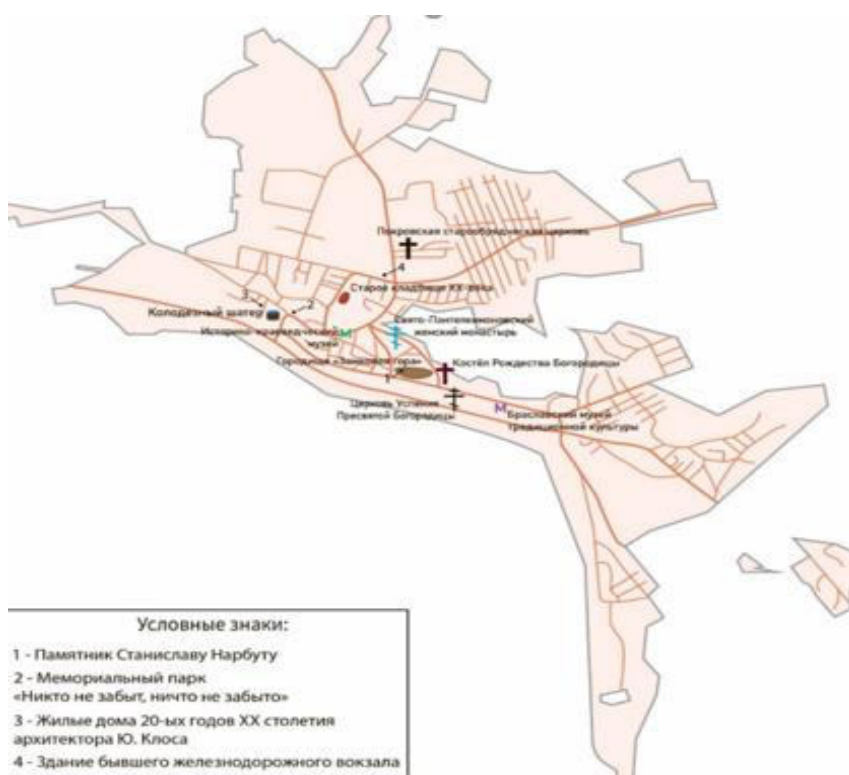
Важнейшую роль в структуре ресурсного потенциала играет культурное наследие, которое определяет масштабы и функциональную структуру социокультурных видов туризма.

Согласно Конвенции об охране Всемирного культурного и природного наследия, принятой 16 ноября 1972 г., культурное наследие представлено тремя группами объектов [3]:

- памятниками (monuments);
- ансамблями, или группами строений (groups of buildings);
- достопримечательными местами (sites).

Браслав имеет богатое историческое наследие, которое включает в себя археологические находки, архитектурные памятники и религиозные святыни. Город известен своими древними городищами, культовыми сооружениями и местами, связанными с историческими событиями (рисунок).

Поэтому данный город был выбран нами для наглядной оценки потенциала его историко-культурных объектов в рамках развития туристской деятельности как важнейшего в направления экономической деятельности города.

Культурно-исторические объекты Браслава

Существуют различные критерии балльной оценки культурно-исторических объектов. В качестве критериев оценки могут использоваться различные признаки и свойства объектов.

Однако в отечественной практике при оценке экскурсионных объектов специалисты пользуются перечнем критериев, разработанным И.И. Пирожником. К ним относятся: познавательная ценность, известность, экзотичность, масштабность, фон, акустическая среда, комфортность сезонов [6].

В таблице 1 представлена комплексная оценка историко-культурных объектов города Браслав. Результаты оценки позволили выявить ключевые объекты познавательного туризма.

Наиболее высоко оцененным объектом является Костел Рождества Пресвятой Девы Марии с 15 баллами, что обусловлено его выразительностью, экзотичностью и медико-географическими свойствами, а также благоприятной акустической средой и фоном.

Городище Замковая гора и Колодезный шатер, а также Покровская старообрядческая церковь имеют по 14 баллов. Наименее высоко оценены Браславский историко-краеведческий музей, Жилые дома, Старое кладбище и Здание бывшего железнодорожного вокзала с 10 баллами каждый. В целом, результаты оценки позволяют определить наиболее ценные и перспективные объекты для развития туризма в Браславе.

Таким образом, Браслав обладает богатым культурно-историческим наследием, представляет собой уникальный туристический центр. Живописные Браславские озера, тесно переплетенные с историческими памятниками и традициями, создают мощный потенциал для развития культурного туризма.

Сохранение и популяризация этого наследия, включающего архитектурные достопримечательности, местные ремесла и фольклор, является ключевым фактором для устойчивого развития региона, привлечения туристов и повышения узнаваемости Браслава как ценного объекта культурного наследия Беларуси.

Эффективное использование культурно-исторического потенциала не только способствует экономическому росту, но и укрепляет идентичность и гордость местных жителей.

В ходе работы были выделены следующие тезисы отражающие культурно-исторический потенциал города и сущность концепции Э. Гуссерля.

1. Концепт жизненного мира Э. Гуссерля обладает значительным потенциалом к трансдисциплинарности и может быть применен в различных сферах знания, к примеру, в географии.

2. Жизненный мир, как основа опыта, динамичен и формируется под

влиянием социальных и культурных изменений, а опыт восприятия окружающей среды является основой для конституирования городской повседневности.

3.Браслав обладает значительным историко-культурным наследием, включающим археологические находки, архитектурные памятники и религиозные святыни, что делает его перспективным для развития туризма.

4.Комплексная оценка историко-культурных объектов Браслава выявила Костел Рождества Пресвятой Девы Марии как наиболее ценный объект для развития познавательного туризма, а также определила другие перспективные объекты, такие как Городище Замковая гора и Колодезный шатер.

Библиографические ссылки

1. Антология реалистической феноменологии / под ред. Д. Атласа и В. Куренного. М.: Ин-т философии, теологии и истории Святого Фомы, 2006. 743 с.
2. *Борисов Е. В.* Феноменология Э. Гуссерля и М. Хайдеггера: моменты преемственности // Вестн. Том. гос. ун-та. 1999. № 267. С. 14-18.
3. *Веденин Ю. А.* Всемирное культурное и природное наследие: документы, комментарии, списки объектов. М., 1999. с. 10.
4. *Гуссерль Э.* Избранные работы // Сост. В. А. Куренной. М.: Изд. дом «Территория будущего». 2005. 464 с.
5. *Гуссерль Э.* Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология // пер. с нем. А. В. Михайлова. 2-е изд. М. Академический проект, 2009. 399 с.
6. *Пирожник И. И.* Основы географии туризма и экскурсионного обслуживания. Минск, 1985.
7. Туризм // Браславский районный исполнительный комитет. URL: <https://braslav.vitebsk-region.gov.by/ru/turizm/> (дата обращения: 18.03.2025).

БРЕНД КАК СИМУЛЯКР

Д. М. Концевой

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, danielloysee@gmail.com*

Научный руководитель – Ю. Ю. Гафарова, кандидат философских наук, доцент

В публикации автор рассматривает сущностное понимание феномена «бренд», обращаясь к идеям Ж. Бодрийяра. На фоне интенсивного развития и постоянного усложнения архитектуры информационно-коммуникационных технологий бренды из дополняющей составляющей к товару стали автономной символической сущностью, скрывающей сам продукт.

В связи с этим бренды как возникшие симулякры недостаточно рассматривать с позиции синхронии, как это делает сегодняшний брендинг. Объектом работы выступает бренд. Цель работы – раскрытие сущности бренда с позиции символического обмена в рамках философии симулякров Ж. Бодрийяра. Данная работа предлагает философско-теоретический фундамент для переосмысления феномена бренда и формирования нового подхода к его определению и изучению.

Ключевые слова: бренд; сущность бренда; симулякр; символический обмен; синхрония; диахрония.

Феномен «бренд» зародился в то же время, когда промышленники начали внедрять маркетинг в систему собственного производства и сбыта в конце XIX века. Бренд в это время обеспечивал репутацию товара, включал в себя слоган, выделявший фирму на рынке, показывал отличительные атрибуты продукции.

Примитивные функции бренда, возникшие во время его зарождения, по сути, определяют его и сегодня. Это символ, или марка, выгодно отличающая товар от конкурентов на рынке, включающая в себя сведения об отличительных атрибутах товара, о репутации и качестве [5, с. 123–124].

Мультидисциплинарность объекта, который изучают в рамках маркетинга, социологии, культурологии, семиотики, экономики, права и других наук, отражает множественность несогласованных подходов к определению понятия «бренд».

При детальном рассмотрении этих подходов обнаруживаются недостатки дефиниций, выражающиеся в отсутствии четкой системы и отказе теоретиков от того, чтобы прибегать к синтезу в определении данного феномена через ключевой аспект бренда.

Все это приводит к двум проблемам. Во-первых, к отсутствию системного определения понятия «бренд» и четкой методологии его изучения. Во-вторых, возникает проблема тождественности, когда само поня-

тие «бренд» куда шире его статичных разрезов. Для решения этой теоретической проблемы мы предлагаем определять бренд через динамику символического обмена и дискурса симулятивности.

Родоначальник этого подхода, французский философ Ж. Бодрийяр, выросший в эпоху бурного экономического роста, стал свидетелем, а впоследствии и сверхкритиком возникающей идеальной системы общества. Рассматривая новую систему вещей как метасистему, французский мыслитель начинает разговор о функциональном бреде, когда вещи более не выполняют своих прямых функций. Они освобождаются от них и становятся свободными, преобразуясь в пустые знаки [4, с. 122; 1, с. 72–73]. Затем Ж. Бодрийяр критикует и неокапитализм, разрушивший диалектический спор между капиталом и трудом, когда остается один капитал, диктующий правила симулятивной реальности: производство и потребление теперь одно целое, труд нужен лишь для воспроизводства самой системы, а сама система ничего не детерминирует, но реплицирует саму себя [4, с. 74].

Однако, на наш взгляд Ж. Бодрийяр оказывается слишком радикален в своей трактовке «смерти» всего. Негативная коннотация симулятивности и символического обмена Ж. Бодрийяра исчезает, если определить симуляцию как неотъемлемую часть работы человеческого сознания. Она имеет такую же ценность, как и объективная (рыночная), превращая общество потребления в символическое общество потребления, где вещь обладает не просто стоимостью, но знаковой стоимостью. Человеческая сущность лежит в том числе в поле абсолютной абстракции, иначе и философские размышления, и сам мыслительный процесс были бы невозможны. Следовательно, симулякры, как самореплицирующиеся объекты, бессмысленные высказывания или метаобъекты, являются частью человеческой реальности. Данная трактовка природы симуляции позволяет рассмотреть социальные процессы XXI века под новым углом.

С начала 60-х годов XX века и по настоящее время общество потребления, которому присущи накопление богатства и материальное потребление, применение вещей по их прямому назначению, трансформировалось в общество символического потребления, в котором важно накопление вещей-символов и симулякров. Потребление в данном случае превращается в самоцель и разрушает классический рыночный порядок XIX века. Ценность вбирает в себя символическую составляющую, которая превалирует над материальной. Деньги становятся симулякрами, которые уже не выражают стоимости, но сами становятся ею, реплицируя образ вновь и вновь.

В таком обществе важно не обладание вещью, а факт наличия вещи в виде символа. Подобными симулякрами сегодня выступают, например,

явление «инфоцыганства», когда получение знания превращается в самоцель, «успешная жизнь» в социальных сетях, «эдиты» как художественные приемы создания образов.

Обращаясь к определению понятия бренд в рамках философии симулякров, выясним, как бренд трактуют в рамках дискурса симулятивности и симулякров.

О. Л. Цветкова, говоря об удвоенной фетишизации постмодернистского общества, высказывает важную мысль: «Не образ репрезентирует продукт, а скорее продукт репрезентирует образ». Этот процесс она называет *глобальной реверсией* [6, с. 113]. В данном случае реверсия является определяющим понятием в сущности симулятивных феноменов, в том числе и сущности брендов. Однако не стоит забывать о соотношении и взаимосвязи бренда и товара, бренда и реального объекта.

А. В. Бузгалин и А. И. Колганов указывают на то, что «методология постмодернизма, породившего на свет понятие “симулякр”, так же создает определенные предпосылки для того, чтобы различение реальных продуктов и продуктов-симулякров стало невозможно» [3]. Проблема решается созданием метамодернистской системы «реальность-постреальность», составляющей каждую вещь, в которой соотношение того или иного элемента системы разное. Невозможность исследования подобных симулятивных объектов пропадает, потому что они уже незамкнуты в самих себе. Одна и та же вещь в разных дискурсах может менять это соотношение. При полном поглощении одного из элементов мы либо получаем чистый материальный объект, либо чистый симулятивный. Символический обмен выступает не как «смерть», но как основа нашего мышления.

И хотя это создает новые сложности в изучении и разработке новых методов, это же и открывает дорогу к новому знанию и новой мысли, к пониманию бренда не с точки зрения синхронии и его статических срезов, а с точки зрения диахронии и его динамического символического обмена, к пониманию бренда как симулякра.

Таким образом, бренд – симулятивная составляющая вещи, имеющая символическую ценность, возникающая в процессе символического обмена и являющаяся ее самореплицирующимся образом.

Симулятивной составляющей вещи бренд является в том плане, что вещь в системе «реальность-постреальность» состоит именно из материальной составляющей, являющейся ничем иным, как товаром, и симулятивной, являющейся брендом. Обе сущности автономны друг от друга, но связаны в единую систему в рамках вещи. Стоит заметить, что бренд возникает только тогда, когда начинается процесс символического обмена, то есть коммуникация по поводу этого бренда. Бренд становится таковым, когда выходит в общество, когда он становится объектом интерпретации.

Следовательно, идеальная форма, выстроенная в процессе брендинга, тут же начнет размываться различными кодифицирующими системами, становясь симулякром. Здесь возникает символическая ценность, отныне не замкнутая в вакууме, и самореплицирующийся образ, находящийся в динамике.

В таком определении мы находим решение поставленных проблем. Во-первых, это позволяет нам рассматривать разрозненные подходы к изучению брендов не как конкурирующие, но как описывающие цельную систему бренда как симулякра, так как симулятивная ценность бренда, возникающая в процессе символического обмена, принимает все те формы, через которые сегодня трактуют бренд. Это решает и проблему тождества, так как симулятивная добавленная ценность включает куда большее множество форм, нежели было описано ранее.

Во-вторых, определение бренда как симулякра позволяет изучать его не как статичное нечто, не имеющее никакой связи с реальным положением дел, но в динамике символического обмена, предрекающего саморепликацию образа.

В-третьих, мы уже не можем говорить о бренде в рамках системы товара. «Товар» и «бренд» – автономные сущности в рамках системы вещи, и если раньше бренд трактовали как дополнение к товару, то сегодня товар не может жить без бренда, а бренд может это делать, реплицируясь в общественном сознании как значимый, эпохальный образ. Продукт исчез, а бренд реплицируется и дальше либо в проявлении ностальгии, либо в проявлении нового символа, взявшего за основу старый. Таким образом, симуляция превалирует над реальностью, скрывает ее, но никак не уничтожает. «Товар» и «бренд» определяют вещь, являясь ее крайними проявлениями и составляя ее в рамках системы «реальность-постреальность».

Библиографические ссылки

1. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М.: Добросвет, 2000. 387 с.
2. Бодрийяр Ж. Система вещей. М.: Рудомино, 1999. 224 с.
3. Бузгалин А. В., Колганов А. И. Рынок симулякров: взгляд сквозь призму классической политической экономики // Альтернативы. 2012. № 2. С. 65–91.
4. Мищенко М. А. «Система вещей» Жана Бодрийяра: анализ отношений человека с вещами // Теологический вестник Смоленской Православной Духовной Семинарии. 2022. № 3. С. 120–150.

ОСОБЕННОСТИ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ИНТЕЛЛЕКТА И КОПИНГ-СТРАТЕГИЙ У МУЖЧИН И ЖЕНЩИН В ПЕРИОД ПЕРЕХОДА К РАННЕЙ ВЗРОСЛОСТИ

Д. В. Лукомская

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, lukomskaya.daria@yandex.ru
Научный руководитель – Л. Г. Степанова, кандидат психологических наук, доцент*

В статье проанализированы особенности эмоционального интеллекта и копинг-стратегий у мужчин и женщин в период перехода к ранней взрослости по периодизации Д.Левинсона.

В ходе исследования были получены результаты, которые свидетельствуют о том, что женщины в данный возрастной период обладают более высокими показателями эмоционального интеллекта и используют более адаптивные копинг-стратегии по сравнению с мужчинами этого же возраста. Представленные данные могут быть использованы психологами и преподавателями для разработки программ и методов развития эмоционального интеллекта и формирования эффективных копинг-стратегий у индивидов в период ранней взрослости.

Ключевые слова: эмоциональный интеллект; внутриличностный аспект эмоционального интеллекта; межличностный аспект эмоционального интеллекта; копинг-стратегии; активные копинг-стратегии; половые различия; период перехода к ранней взрослости.

В современном мире эмоциональный интеллект и копинг-стратегии оказывают влияние на многие аспекты жизнедеятельности человека: на его взаимоотношения с другими людьми, на умение справляться со сложными жизненными ситуациями, на успешность профессиональной деятельности и т.д.

В данной статье мы рассмотрим какие есть различия по данным критериям между мужчинами и женщинами в период перехода к ранней взрослости.

Изучение особенностей эмоционального интеллекта и копинг-стратегий у мужчин и женщин в период перехода к ранней взрослости выбрано нами по ряду причин: во-первых, данный период жизни характеризуется процессом формирования идентичности и социального функционирования индивида; во-вторых, исследования показывают, что эмоциональный интеллект, как способность осознавать, понимать и управлять своими эмоциями и эмоциями других людей, играет ключевую роль в успешной адаптации к новым жизненным условиям.

В период ранней взрослости, когда люди сталкиваются с множеством вызовов, таких как профессиональное самоопределение, создание семьи и

достижение финансовой независимости, высокий уровень эмоционального интеллекта играет ключевую роль. Он помогает более эффективно выбирать стратегии преодоления трудностей, что позволяет лучше справляться с этими задачами.

В качестве методологической основы нашего исследования выступает концепция М.А. Манойловой, которая определяет эмоциональный интеллект как способность человека к осознанию, принятию и регуляции эмоциональных состояний и чувств других людей и себя самого. М.А. Манойлова выделяет в структуре эмоционального интеллекта два аспекта: внутриличностный и межличностный, или социальный, как пишет автор, иными словами – способность управлять собой и способность управлять отношениями с людьми.

Первый аспект образует следующие компоненты: осознание своих чувств, самооценка, уверенность в себе, ответственность, терпимость, самоконтроль, активность, гибкость, заинтересованность, открытость новому опыту, мотивация достижения, оптимизм.

Второй аспект включает такие компоненты, как коммуникабельность, открытость, эмпатия, способность учитывать и развивать интересы другого человека, уважение к людям, способность адекватно оценивать и прогнозировать межличностные отношения, умение работать в команде [1].

Также в качестве методологической основы выступает концепция Р. Лазаруса и С. Фолкмана, согласно которой «копинг-стратегии» представляют собой процесс совладания с жизненными трудностями, который включает в себя «постоянно изменяющиеся когнитивные и поведенческие усилия индивида с целью управления специфическими внешними и внутренними требованиями, которые чрезмерно напрягают или превышают ресурсы человека» [2].

Исследование проводилось в 2023-2024 гг. Участвовало 143 человека (50 мужчин и 93 женщины) в возрасте 17-21 лет, что входит в категорию периода ранней взрослости по классификации Д. Левинсона, а именно период перехода к ранней взрослости [5].

Нами была выдвинута следующая гипотеза исследования: в контексте ранней взрослости предполагается, что существуют различия в эмоциональном интеллекте и в копинг-стратегиях у мужчин и женщин, а именно: показатели эмоционального интеллекта у женщин будут выше и будут использоваться более адаптивные копинг-стратегии по сравнению с мужчинами.

Для проверки выдвинутой гипотезы были использованы следующие методики: методика «тест эмоционального интеллекта МЭИ» М.А. Манойловой [3], с помощью которой можно определить внутриличностный

аспект, который включает в себя шкалы «осознание своих чувств и эмоций» и «управление своими чувствами и эмоциями»; межличностный аспект, который включает в себя шкалы «осознание чувств и эмоций других людей» и «управление чувствами и эмоциями других людей»; и интегральный показатель. Для изучения копинг-стратегий мы использовали методику «Индикатор копинг-стратегий» Дж. Амирхан в адаптации Н.А. Сироты и В.М. Ялтонского [4].

В ходе изучения особенностей эмоционального интеллекта с использованием методики «тест эмоционального интеллекта МЭИ» М.А.Манойловой, были получены следующие результаты.

Во-первых, женщины демонстрируют более высокие показатели внутриличностного аспекта эмоционального интеллекта по сравнению с мужчинами ($U=4056,0$, при $p=0,034$). Их способность осознавать и контролировать свои эмоции, вероятно, объясняется склонностью к саморефлексии. Это помогает им лучше распознавать и понимать свои чувства. Высокий уровень эмоциональной осведомленности позволяет женщинам эффективнее справляться с негативными эмоциями и стрессом. В результате они испытывают большее психоэмоциональное благополучие, чем мужчины.

Во-вторых, женщины также обладают более развитыми навыками в области управления чувствами и эмоциями других людей ($U=4096,5$, при $p=0,043$). Женщины способны эффективнее управлять эмоциональным состоянием партнера, принимая решения, которые не ущемляют их собственные интересы, но и не унижая других. Это качество свидетельствует о высокой степени эмпатии, что позволяет женщинам лучше устанавливать крепкие межличностные связи. В отличие от мужчин, которые в данном контексте продемонстрировали менее эффективные стратегии управления эмоциями окружающих, женщины проявляют большую непредвзятость и беспристрастность в своих взаимодействиях.

В-третьих, у женщин в период перехода к ранней взрослости более высокие показатели межличностного аспекта эмоционального интеллекта ($U=3964,5$, при $p=0,019$). Это может быть связано с их большей способностью к эмпатии и социальному взаимодействию. Женщины чаще демонстрируют навыки распознавания эмоций других людей и адекватной реакции на них, что способствует укреплению межличностных связей. Социальные и культурные факторы играют важную роль в формировании этих навыков. В обществе часто существует ожидание, что женщины будут более отзывчивыми и эмоционально доступными, что может способствовать развитию у них более выраженных коммуникативных навыков.

В-четвертых, интегральный показатель эмоционального интеллекта, который учитывает результаты по всем четырем шкалам, также показал

более высокие значения у женщин ($U=3836,5$, при $p=0,370$). Это свидетельствует о том, что женщины в целом имеют более развитый эмоциональный интеллект, что может оказывать положительное влияние на их адаптацию в различных социальных условиях и на качество их межличностных отношений.

Таким образом, в период ранней взрослости, когда формируются ключевые связи, происходит сепарация от родителей и поиск себя в жизни, женщины, обладая более высоким уровнем эмоционального интеллекта, способны лучше справляться с вызовами, связанными с данными моментами взросления.

Особенности различий в копинг-стратегиях у мужчин и женщин в период перехода к ранней взрослости.

В ходе изучения копинг-стратегий с использованием методики «Индикатор копинг-стратегий» Дж. Амирхан в адаптации Н.А. Сироты и В.М. Ялтонского, было выявлено следующее.

С одной стороны, женщины проявляют большую открытость к активному поиску решений и взаимодействию с окружающими в условиях стресса. Это может быть связано с более высоким уровнем эмоционального интеллекта, который включает в себя способности к осознанию и управлению собственными эмоциями, а также к эмпатии и пониманию чувств других людей. Высокий эмоциональный интеллект позволяет женщинам быстрее идентифицировать проблемы и находить способы их разрешения, что способствует более эффективному преодолению трудностей.

С другой стороны, мужчины проявляют меньшую склонность к таким активным копинг-стратегиям как «разрешение проблем» и «поиск социальной поддержки». Это может быть связано с социальными и культурными нормами, которые формируют представления о мужественности и ожидаемом поведении в стрессовых ситуациях. В традиционном представлении о мужской роли акцент делается на независимость и самостоятельность, что может приводить к избеганию активного взаимодействия и поиска помощи в сложных ситуациях. Таким образом, низкая склонность к активным копинг-стратегиям у мужчин может быть не только индивидуальной особенностью, но и отражением более широких социальных контекстов.

Важно отметить, что в ходе нашего исследования не было обнаружено данных, которые бы показали значительные различия в использовании других копинг-стратегий между мужчинами и женщинами, кроме копинг-стратегии «разрешение проблем» ($U=4099,0$, при $p=0,044$). Это указывает на то, что многие методы преодоления стресса могут быть универсальными и применяться обоими полами с одинаковой эффективностью.

Такие стратегии, как избегание проблем и поиск социальной поддержки могут использоваться как мужчинами, так и женщинами в зависимости от конкретной ситуации и индивидуальных особенностей.

Таким образом, полученные нами результаты, показывают, что женщины превосходят мужчин по уровню эмоционального интеллекта и используют более активные копинг-стратегии для разрешения стрессовых ситуаций по сравнению с мужчинами в тот же возрастной период. Эти данные могут быть использованы психологами и преподавателями для разработки программ для развития эмоционального интеллекта и эффективных способов справляться со стрессом у индивидов в период ранней взрослости. Также специалисты смогут использовать эту информацию для разработки тренингов и образовательных программ, направленных на повышение стрессоустойчивости и развитие навыков совладания с трудными жизненными ситуациями.

Библиографические ссылки

1. *Манойлова М. А.* Развитие эмоционального интеллекта будущих педагогов // Псков: ПГПИ, 2004 г. 60 с.
2. *Lazarus R. S., Folkman S.* Stress, appraisal and coping // N.Y: Springer Publishing Company, 1984.
3. *Никулина И. В.* Эмоциональный интеллект: инструменты развития: учеб. пособие. Самара: Издательство Самарского университета, 2022. 82 с.
4. *Киреева М. В.* Ведущие копинг-стратегии студентов с различным уровнем стрессоустойчивости // Вопросы журналистики, педагогики, языкознания. 2012.
5. *Крайг Г., Бокум Д.* Психология развития. 9-е изд. СПб.: Питер, Серия «Мастер психологии», 2005. 940 с.

ИСТОКИ КРИЗИСА ПРОЕКТА ПРОСВЕЩЕНИЯ В ФИЛОСОФИИ П. СЛОТЕРДАЙКА

М. О. Лунская

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, margo_lun@mail.ru
Научный руководитель – И. Н. Сидоренко, доктор философских наук, профессор*

В данной работе были выявлены истоки кризиса проекта Просвещения через призму философских идей П. Слотердайка. В качестве ключевого фактора поражения просветительских установок и их трансформации в проект Просвещения было обозначено противоречие между политическим и психологическим Просвещением: первое создавало социальную идентичность индивида, в то время как второе было направлено на ее разрушение. Противоречивость политического и психологического Просвещения породила идеологизированных индивидов, безразличных к идеалам и ценностям своих идеологий. В результате осуществленного анализа неокинизм был проинтерпретирован как универсальное средство выхода из кризисных состояний социума, способное избавить человека от ложных идентичностей.

Ключевые слова: П. Слотердаик; диффузный цинизм; проект Просвещения; неокинизм; ложное сознание; телесность.

В «Критике цинического разума» П. Слотердаик фиксирует возникновение диффузного цинизма и определяет его как «просвещенное ложное сознание» [1, с. 22]. Данная форма ложного сознания радикально отличается от его «классических» вариаций, поскольку цинику известно все то, что известно потенциальным манипуляторам. Несмотря на отсутствие разницы в знании между субъектом и объектом манипуляции, из которого должна проистекать элиминация ложного сознания, циник добровольно позволяет господствовать над собой.

Истоком антиномичности цинического сознания является проект Просвещения, важнейшая интенция которого состояла в критике ложного сознания и его идеологий.

Первичным адресатом просветительских интенций оказались не массы, которые должны были осознать ложность своего сознания и трансцендировать «состояние несовершеннолетия» [2], но власть, в чьи цели входило сохранение ложного сознания масс. Приведенная Просвещением в состояние рефлексии власть с целью самосохранения была вынуждена отказаться от установки «силы» в пользу установки «знания-силы». В этом заключается разница между просвещенной и непросвещенной монархией: первой удастся адаптироваться к новым реалиям, она делает вид,

будто становится на сторону Просвещения и является его союзницей, а вторая оказывается ослаблена и подорвана Просвещением.

В цели «просвещенного» монарха не входит передача обретенного им знания собственным подданным, он просвещается лишь для того, чтобы не позволить просветиться массе. Государство во главе с «просвещенным» монархом создавало видимость того, что осуществляет передачу знаний «низам». В действительности же Просвещение в руках властей позволяет осуществлять передачу исключительно тех знаний, которые будут полезны для процветания «просвещающего» правителя. Просвещенческая критика цинизма властей обернулась двояким результатом: с одной стороны, масса обрела знание о цинизме властей, и, вместе с тем, Просвещению не удалось избавить власть от цинизма.

Важным пунктом просветительской критики являлась критика цинизма идеологий. С целью наиболее эффективного воздействия на индивидов общественные идеологии маскируются под инстанции, которые-де обладают монополией на правильное объяснение действительности. Однако ни одна идеология не объясняет мир таким, каков он есть, но конструирует воображаемый мир, под который в дальнейшем подгоняется социальная действительность. Просвещение отказывает индивиду в подобной наивности, отделяя его самость от сформированной социумом идентичности. Ключевой фактор поражения просветительских установок и их трансформации в проект Просвещения состоит в противоречии между политическим и психологическим Просвещением, первое создает социально-политическую идентичность индивида, в то время как второе направлено на ее разрушение. Таким образом, политическим и психологическим Просвещением были порождены идеологизированные индивиды, безразличные к идеалам и ценностям своих идеологий.

В результате, просветительская критика сама превращается в новую идеологию – идеологию цинизма. Цинизм, который прежде был исключительным явлением, отныне становится «диффузным» или массовым. Благодаря проекту Просвещения человек приобрел не только знание ложности идеологий, но и знание о том, что борьба с ними неизбежно оборачивается возникновением новых идеологий. знание не побудило массы действовать ради достижения равенства, скорее, наоборот, они примыкают к цинизму «верхов» и лишаются своего взрывного потенциала. Циник отказывается от реальных попыток конституирования нового общества, поскольку они вновь превратятся в то, против чего исходно выдвигались, а именно в цинизм.

Современный индивид настроен цинично в отношении власти и установленных ею социальных порядков, однако он не действует против них. Отныне «верхи» и «низы» не демаркированы как оппонирующие друг

другу силы, овладев знанием низы отказались трансцендировать отношения господства и подчинения, но предпочли занять сторону господ. Господство, однако, невозможно без рабства, также как верхи существуют лишь в противопоставлении с низами. Таким образом, сегодня остается лишь одно всеобъемлющее властное отношение: цинические субъекты являются рабами собственного цинизма и в этом смысле цинизм порождает безальтернативность. Добровольно подчинившийся системе субъект мнит себя господином и именно поэтому он не способен изменить status quo. Именно поэтому П. Слотердаjk считает необходимым осуществить новое Просвещение, которое воссоединит расколотые цинизмом знание и тело. Подлинное Просвещение станет возможным благодаря обращению к кинической философии: киник действует, подрывая сформировавшийся номос, он не принимает тех норм, которые ему навязываются извне и его жизнь, его поведение, каждое его действие является отрицанием сложившихся отношений.

Противостояние между верхами и низами было оформлено уже в рамках античной философии: по линии Платона и линии Диогена. Первый элиминировал из собственной философии проявления телесности и реальной жизни, сведя ее к отрешенной от практики метафизической теории, которая обесценивает все материальное и конечное, что тождественно обесцениванию самой человеческой жизни. «Линия тела» является критикой извне, поэтому любой ее аргумент проходит поперек «линии знания». Жизнь Диогена Синопского, главного выразителя движения кинизма, являлась именно такой критикой власти знания. Кинический субъект находится за пределами социальных групп, поэтому осуществляемая им критика находится по ту сторону от объекта критики. В данном случае оппозиция между «верхом» и «низом» прослеживается наиболее явно, с чем и связана плодотворность самой этой критики. В отличие от киника, циник всегда включен в социальные группы, поэтому в его цинической критике не вырисовывается вертикали противостояния «верха» и «низа», поскольку объектом его квазикритики всегда выступает та общность, к которой относится он сам.

Борьба «верхов» и «низов» являет собой оппозицию цинического и кинического. П. Слотердаjk предупреждает о том, что неверно трактовать ее как борьбу силы и бессилия, поскольку так называемые «низы» не лишены силы. Их власть над ситуацией проявляется в способности пренебрегать рамками, которые были очерчены властными структурами, и выходить за их пределы. Средством трансцендирования социальных границ выступает тело, именно оно является основой власти отрицания, понимаемой в качестве индивидуальной свободы противостоять ограничиваю-

щим человека институциям. В границах собственной мысли индивид может подвергать общество критике, однако утверждение подлинного «нет», возможно лишь посредством тела: «Дерзость снизу действенна, если она выражает своим напором реальные энергии» [1, с. 105]. Таким образом, власть верхов не способна исключить киническую власть низов, однако это два принципиально отличающихся типа власти: первая готова принять любые убеждения ради самосохранения и в этом заключается ее ограниченность, вторая же функционирует исходя из собственных убеждений, а потому является свободной.

П. Слотердаик усматривает выход из противоречивого состояния современного социума в осуществлении нового Просвещения. Его важнейшим основанием является не пользование собственным разумом, но установка, выходящая за пределы разумного и включающая в себя не что иное, как человеческую телесность, которую ни одно квазипросвещение не способно парировать. Именно она позволит преодолеть все политические идентичности и вновь стать «Никем», не как выключенным из социальных связей индивидом, но как самодостаточным, а потому независимым от всех внешних давлений и принуждений. В основе подобного нахождения в себе «Никто» и отказа от навязываемых идентичностей лежит идея неокинизма, способная спасти современное общество.

Библиографические ссылки

1. *Слотердаик П.* Критика цинического разума / пер. с нем. А. В. Перцева. СПб. :Издательство Ивана Лимбаха, 2021. 428 с.
2. *Кант И.* Сочинения в шести томах / под общ. ред. В. Ф. Асмуса, А. В. Гулыги, Т. И. Ойзермана. М. : Мысль, 1964. Т. 3. 799 с.

ЛОГИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РЕШЕНИЯ ПРОБЛЕМЫ «СВОЙ – ЧУЖОЙ» В ТЕОРИИ КУЛЬТУРНОГО ТРАНСФЕРА

Е. А. Мысов

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, ewg.misov@gmail.com
Научный руководитель – С. В. Воробьева, кандидат философских наук, доцент*

В статье выявляются логико-семантические аспекты решения проблемы «свой – чужой» в теории культурного трансфера. Обосновано, что семантическая категориальная оппозиция «свой – чужой» с позиции логической прагматики трактуется как способы взаимодействия с реальностью и установления идентификационных границ с учетом эпистемологических и экзистенциальных оснований.

Ключевые слова: теория культурного трансфера; оппозиция «свой – чужой»; граница; культурная предвзятость; эпистемологические основания; экзистенциальные основания.

Значение теории культурного трансфера обусловлено ее непосредственными связями с историей идей и историей философии. Идеи, порожденные одним контекстом, циркулируют вне его, и, попадая в другой контекст, получают иную интерпретацию, которая зависит от структуры воспринимающего поля, в результате чего видимость свободы от контекста оборачивается достаточно тесной связью с ним [1; 2].

Особое место в таких интерпретациях занимает бинарная оппозиция «свой – чужой», в которой «чужой» принимает разные толкования и семантические варианты (иной, другой, чуждый и пр.) [3; 4], из которых выводимы нетривиальные методологические следствия.

Поэтому цель статьи заключается в выявлении логико-семантических аспектов решения проблемы «свой – чужой» в теории культурного трансфера.

Теория культурного трансфера представляет собой неординарный подход к решению методологических проблем в истории развития философского знания. Развитие как процесс является неоднородным, многоуровневым и поэтому нуждается в очищении от напластований, порождаемых многочисленными связями и отношениями.

Чтобы познавать и осмысливать историю философии как процесс необходимо различать напластования и сущность, осмысленную целостность и учет факторов ее поддерживающую или разрушающую. Это смещает решение проблем в контекст трансфера знаний, открывая дополнительные измерения, точки зрения, смысловые нюансы [1; 2; 5].

Проблему «свой – чужой» в теории культурного трансфера можно рассматривать в разных аспектах, так как она включает вопросы культурно-смысловой дифференциации по различным направлениям (философия, культурология, этнография, лингвистика и др.) [2]. Такая дифференциация – разделение целого на части, отделение частей от целого и пр. – связана с культурными изменениями (рецепцией, ассимиляцией, диффузией, культурными конфликтами).

Их следствиями выступает внутреннее разнообразие целостности (структур, форм, стилей, направлений, тенденций и пр.) [1]. Но в любом случае особое методологическое значение имеет семиотика – наука о знаках и знаковых системах, которая объясняет их специфику на уровнях логической синтактики, семантики и прагматики, например, в трансфере исторической памяти [6, с. 35].

Логико-семантические аспекты решения проблемы «свой – чужой» обусловлены тем, что данная оппозиция в теории культурного трансфера представляет собой категориальную схему интерпретации мира. С позиции логической прагматики эта схема может быть истолкована как способ взаимодействия с реальностью или как правила, которым следуют, определяя границы себя, для себя и для других. Если метафора «свой» обозначает типическую ситуацию, культурный образец, то метафора «чужой» – тот сегмент мира, который не стал содержанием мышления, с чем еще нужно сблизиться [3]. В частности, деление социума в соответствии с оппозицией «свой – чужой» означает деление на оппозицию «мы – они». В этом «мы» «свой» близок «Я», являясь его вторым «я». Такая вторичность составляет необходимое условие «Я».

С позиции логической семантики в оппозиции «свой – чужой» методологически важно различать два сущностных аспекта: во-первых, мышление и интеллектуальную деятельность по освоению действительности, во-вторых, человеческое существование и формирование идентичности (индивидуальной, групповой, национальной). Если в эпистемологическом аспекте логическая семантика делает акцент на правильности, корректности, достоверности, то в экзистенциальном аспекте – на осмысленности, правде, правоте. Имеются в виду оценочные действия в пределах противопоставления своего и чужого. Например, устанавливая и переустанавливая границы собственного «Я», или своей самости, индивид намечает пространство, которое вне этих границ предстает как иное / другое / чужое / чуждое, т.е. запредельное собственному языку, смыслу, культуре [3, с. 159]. В то же время возможность познания своего «Я» и определения собственных границ проистекает из существования Другого [3, с. 160].

Теория культурного трансфера рассматривает свое как то, что открывает чужое, чужое как то, что позволяет понять свое [2]. Значение логико-

семантического анализа в данной теории заключается в выявлении отношений и ситуативных связей между значимыми единицами (предметными и смысловыми значениями).

Поэтому этот анализ способствует раскрытию способов представления смысла в контексте оппозиции «свой – чужой». А. Шютц назвал категории «чуждость и знакомость» общими универсальными категориями интерпретации социального мира, сделав акцент на эпистемологических сторонах интерпретации. Если «мы сталкиваемся в своем опыте с чем-то прежде неизвестным и выходящим за рамки нашего обыденного знания», значит, «приступаем к процессу исследования», который начинается с определения нового факта, попытки «уловить его смысл» [4]. Такая предварительная работа позволяет трансформировать имеющуюся «общую схему интерпретации мира, чтобы странный факт и его смысл стали совместимыми и согласованными со всеми другими фактами нашего опыта и их смыслами» [4].

Поскольку «факт, прежде казавшийся странным и приводивший в смущение наш разум, превращается в дополнительный элемент нашего надежного знания», постольку «мы расширяем и перестраиваем свой запас опыта» [4].

Применение теории культурного трансфера как методологического подхода в истории философии обусловлено логико-семантическими особенностями оппозиции «свой – чужой» в эпистемологическом и экзистенциальном аспекте.

Контекст их различения позволяет отслеживать активизацию и затухание противостояния своего и чужого на уровнях познания и существования, устанавливать культурные образцы своего и чужого, эксцессы подавления чужого, уничтожения одного другим.

Однако следует учитывать, что в философии «свой – чужой» трансформируется в оппозицию «Я – Другой». Э. Левинас показал, что Чужой является модификацией Другого, но не наоборот [3].

В этом ракурсе история философии предстает как развитие оппозиции «свой – чужой» в интеллектуальной национальной культуре [7].

В критическом анализе исторических типов интеллектуальной культуры с точки зрения динамики оппозиции «свой – чужой» следует различать две тенденции: с одной стороны, формирование новых границ между своим и чужим, с другой, – стремление упразднить границы. Радикализм первой тенденции проявляется в активном противостоянии, в уничтожении одного другим, в подавлении чужого, т.е. в ксенофобии и неприятии Чужого. Учет этих тенденций позволяет понять смысл изучаемого объекта, объяснить его специфику, определить место в историко-философ-

ском процессе, исключив при этом культурную предвзятость в интерпретациях и трактовках. Динамика оппозиции «свой – чужой» заключается в трансформации ее эпистемологических и экзистенциальных оснований.

В целостной культурной совокупности это означает мировоззренческие сдвиги взаимодействующих сторон – своего и чужого. Качественные характеристики подобных сдвигов зависят от непосредственности или опосредованности, повсеместности или фрагментарности, длительности или краткосрочности контактов сторон, ведущих к установлению бесконфликтных (компромиссных) или конфликтных (бескомпромиссных) отношений. Ключевыми в оценке отношений являются логические оценки сравнимости и несравнимости, совместимости и несовместимости в соответствии со шкалой, фиксирующей степень совместимости и несовместимости [8, с. 54, 107].

Теория культурного трансфера в отличие от компаративистики делает акцент на теме границы, которая превосходит дихотомическое и политомическое деление вследствие подвижности самой границы. Поэтому данная теория опирается на нечеткую логику и в соответствии с ее принципами решается проблема пограничья и трансграничных процессов с учетом эпистемологических и экзистенциальных оснований.

Философская рецепция трансформации ценностно-смысловой системы Чужого, ее ассимиляция в собственную систему открывает возможности для понимания эпистемологических и экзистенциальных аспектов «своего», в частности, своей национальной философии [7].

Зависимость рецепции опыта Чужого от эпохи раскрывает возможности понимания и оценки в истории философии как сфере научного познания. Эпистемологические основания связаны с усвоением и переработкой восприятия ценностей и смыслов познания.

Экзистенциальные основания – с усвоением и переработкой восприятия ценностей и смыслов жизни. Данные основания являются взаимно дополнительными, однако допускают включенность друг в друга отдельных элементов. Это может приводить к неправильным односторонним выводам в истории философии, которые осуществляются, например, на основе жизненных, т.е. наивных социально-политических коннотациях, не дающих полной картины всех происходящих изменений в определенный исторический период. Для полноты картины необходимы критическое понимание и оценка оппозиции «свой – чужой», темы границы и трансграничных процессов.

Таким образом, логико-семантические аспекты решения проблемы «свой – чужой» в теории культурного трансфера включают важные в методологическом контексте основания – эпистемологические и экзистенциальные. Они предопределяют качественные особенности и возможности

применения этой теории к историко-философским исследованиям. Семантическая категориальная оппозиция «свой – чужой» с точки зрения логической прагматики должна трактоваться как способ взаимодействия с реальностью и установления идентификационных границ, которые связаны, во-первых, с мышлением и интеллектуальной деятельностью по освоению действительности (эпистемологические основания), во-вторых, с человеческим существованием и формированием различных идентичностей (экзистенциальные основания). Поэтому методологическая эвристика теории культурного трансфера раскрывается в исследованиях тенденций формирования и упразднения логико-семантических границ между своим и чужим.

Библиографические ссылки

1. *Эспань М.* История цивилизаций как культурный трансфер / Пер. с франц. Под общ. ред. Е.Е. Дмитриевой. М.: Новое литературное обозрение, 2018. 816 с.
2. *Дмитриева Е.Е.* Теория культурного трансфера как освоение «чужого» (на правах введения в тему) // НЛЮ. 2024. № 1. С. 127–137. URL: <https://www.researchgate.net/publication/385279836> (дата обращения: 12.04.2025).
3. *Воробьева С.В.* Философия диалога Э. Левинаса // Философия эпохи постмодерна. Сборник переводов и рефератов. Минск: Красико-принт, 1996. С.159-181. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=46423454> (дата обращения: 17.04.2025).
4. *Шютц А.* Чужак: социально-психологический очерк // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11. Социология: РЖ. М.: ИНИОН, 1998. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/98-03-022-shyutts-a-chuzhak-sotsialno-psihologicheskii-ocherk-schuetz-a-the-stranger-an-essay-in-social-psychology-amer-j-of-sociology-chicago> (дата обращения 15.04.2025).
5. *Гнучих В.Б., Воробьева С.В.* Трансфер знаний в учебном процессе: методические аспекты // Преподавание социально-гуманитарных дисциплин в высшей школе: проблемы и перспективы: сборник материалов XX научно-методической конференции факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета. Минск: БГУ, 2023. С. 73–76.
6. *Воробьева С.В.* Историческая память в глобальном цифровом мире: семиотические и риторические аспекты // Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология. 2023. № 1. С. 34–44.
7. *Мысов А.Е.* Культурный трансфер философских идей И. Канта в интеллектуальной истории Беларуси // Философское наследие Иммануила Канта и актуальные проблемы современности: сборник материалов XVIII Республиканского междисциплинарного научно-теоретического семинара «Инновационные стратегии в современной социальной философии», 18 апреля 2024 года. Минск: БГУ, 2024. С. 202–207.

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ АКТИВНОГО ДОЛГОЛЕТИЯ: УНИВЕРСИТЕТЫ ТРЕТЬЕГО ВОЗРАСТА

А. С. Печко

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, pehko@yandex.by
Научный руководитель – Е. Е. Кучко, доктор социологических наук, профессор*

В статье рассматриваются социальные практики активного долголетия как приоритетной задачи социального развития общества. Объектом анализа выступают университеты третьего возраста, проведен сравнительный анализа французской, англосаксонской, российской и белорусской моделей, их особенности, преимущества и недостатки. Статья представляет собой обзор международного опыта функционирования университетов третьего возраста и может служить основой для разработки эффективных программ социальной поддержки и адаптации людей старшего возраста.

Ключевые слова: активное долголетие; социальные практики активного долголетия; университеты третьего возраста; непрерывное образование.

В современных условиях демографического старения населения проблема активного долголетия становится одной из приоритетных задач социального развития общества. Увеличение продолжительности жизни требует создания новых форм социальной активности людей старшего возраста, позволяющих им сохранять самостоятельность, здоровье и вовлеченность в общественную жизнь.

Особую роль в решение данной задачи играют социальные практики активного долголетия, изучение и развитие которых способствует эффективной социальной поддержке людей старшего возраста, их успешной адаптации к изменяющимся условиям жизни и сохранению активной жизненной позиции.

Активное долголетие представляет собой комплексный феномен, интегрирующий различные социальные практики, направленные на поддержание высокого качества жизни старшего поколения. В его структуру входят такие ключевые элементы, как регулярная физическая активность, когнитивная стимуляция, социальная вовлеченность и профессиональная реализация.

Особую роль в социальных практиках активного долголетия играют межпоколенческое взаимодействие, участие в общественных организациях, волонтерская деятельность и непрерывное образование. Данные социальные практики не только способствуют сохранению физического здоровья, но и обеспечивают психологическую устойчивость, формируют

чувство социальной значимости и удовлетворенности жизни людей старшего возраста, что в совокупности создает основу для их полноценной интеграции в общество и активного участия в социальной жизни [1].

Одной из наиболее эффективных социальных практик активного долголетия считается непрерывное образование лиц третьего возраста, которое не только является эффективным способом адаптации к изменяющейся социальной обстановке, однако и способствует улучшению качества жизни старшего поколения [2].

Университеты третьего возраста, реализующие вышеперечисленные функции, с 1972 года существуют более чем в шестидесяти странах мира в сотрудничестве с Международной ассоциацией университета третьего возраста, Всемирным университетом третьего возраста, а также ведущими вузами по всему миру [3].

Анализ международного опыта функционирования университетов третьего возраста демонстрирует существование двух основных моделей, которые определяют развитие большинства подобных образовательных учреждений: французская и англосаксонская.

Французская модель

Исторический контекст появления французской модели университетов третьего возраста непосредственно связан с утвержденной французской программой получения непрерывного образования и открытием первого университета, осуществляющего как образовательную деятельность для старшего поколения, так и исследовательскую деятельность в области геронтологии [4].

Французская модель предполагает создание и развитие университетов третьего возраста на базе высших учебных заведений при государственной финансовой поддержке. Эти учреждения предоставляют возможность получить формальное высшее и дополнительное профессиональное образование.

Данная модель эффективно реализуется в Нидерландах, Италии [5; 6], а также французских провинциях Канады [7].

Немецкий вариант французской модели в настоящее время функционирует при всех крупных вузах и учреждениях дополнительного профессионального образования. Стратегическое направление деятельности осуществляется на федеральном уровне, а реализация конкретных проектов – на местных.

Особый акцент в немецкой модели делается на обучении лиц старше восьмидесяти лет, чьи образовательные способности становятся предметом новых исследований. В стране также действует система сертификации профессионального образования пожилых людей и их последующего трудоустройства в соответствии с полученными квалификациями [8].

Англосаксонская модель

Англосаксонская модель университетов третьего возраста существенно отличается от французской отсутствием связи с вузами и большей ориентацией на организацию досуга, нежели на получение образования.

Университеты третьего возраста открываются в центрах дневного пребывания, церквях, музеях и других удобных для обучающихся местах. Эти учреждения не получают государственного финансирования и создаются по инициативе самоорганизующихся групп старшего поколения, которые самостоятельно разрабатывают программы обучения. Координацию деятельности таких «стихийных» групп осуществляет Ассоциация образования и старения [9].

Каждая из представленных моделей имеет свои преимущества и недостатки, что позволяет странам выбирать наиболее подходящий вариант организации образования для людей третьего возраста в зависимости от социально-экономических условий и культурных особенностей.

Российская модель

Рассматривая опыт реализации университетов третьего возраста в близкой к белорусам по социально-экономическим и культурным особенностям Российской Федерации, можно отметить, что российская модель значительно отличается от англосаксонских и французских университетов третьего возраста.

Несмотря на то, что в России функционируют девятнадцать университетов активного долголетия при региональных и столичных вузах, их программы состоят из кружков по обучению компьютерной грамотности и информационным технологиям, истории города, здоровому образу жизни, правовой и финансовой грамотности, в редких случаях – обучению иностранным языкам (преимущественно английскому), развитию творческих способностей и навыков домоводства. Такой принцип работы со старшим поколением немногим отличается от подхода, реализуемого центрами социального обслуживания [9]. Только в двух открытых в 2019 году университетах активного долголетия представители старшего поколения могут получить формальное образования по таким специальностям как «Экскурсовод», «Педагог дополнительного образования», «Предприниматель в малом и среднем бизнесе», «Социальное предпринимательство».

Таким образом, несмотря на 50-летнее существование университетов третьего возраста в мировом пространстве, для России такие формы получения образования старшим поколением все еще считаются инновационными [11;12].

Белорусская модель

Белорусская модель университетов третьего возраста имеет ряд схожих черт с российской моделью, множество образовательных программ

реализуется при территориальных центрах социального обслуживания населения. В Беларуси с 2013 года функционировал очный Минский университет третьего возраста в рамках социально-образовательного проекта, реализуемого Белорусской ассоциацией социальных работников. Данный проект являлся площадкой для творческого развития и межпоколенческого диалога. Старшее поколение в возрасте от 60-десяти лет могло получать неформальное образование на трех факультетах по двадцати шести учебным программам [13].

Во время пандемии COVID-19 университет функционировал в смешанном формате (очном, дистанционном), а после полностью перешел в онлайн формат. На данный момент люди старшего возраста имеют возможность пройти онлайн-курсы по 21 программе университета [14]. Реализованный формат ежегодно выпускал около 1000 студентов, однако с переходом к онлайн-обучению потерял одну из важнейших своих функций: коммуникативную.

Несмотря на то, что старшее поколение до сих пор имеет возможность получать желаемое образование в новых для них сферах деятельности, одна из важных функций существования университета третьего возраста как социальной практики реализуется в недостаточной степени.

Проведенный анализ показывает, что университеты третьего возраста являются эффективной социальной практикой адаптации и социализации людей старшего поколения.

Несмотря на успешную попытку создания платформы для получения образования в старшем возрасте, перспективной видится необходимость развития смешанных форматов обучения, расширения спектра образовательных программ с возможностью получения формального образования, укрепления сотрудничества с вузами, а также популяризацией непрерывного образования.

Особое внимание следует уделить восстановлению коммуникативного компонента обучения и созданию площадок для межпоколенческого диалога, что позволит максимально реализовать потенциал данной формы образования в рамках государственной политики активного долголетия и социальной интеграции старшего поколения в современное общество Беларуси.

Библиографические ссылки

1. Антонова К.А., Социальные технологии активного долголетия // Вестник МГУ. Сер. 18. Социология и политология. 2023. №2. С. 123-135
2. Зборовский Г.Е., Роль образования в сохранении и развитии социальной общности людей «третьего возраста» / Г.Е. Зборовский, П.А. Амбарова // Вестник ПНИПУ. 2019. № 2. С. 21–33.

3. Сулимин В. В. Возможности современного образования людей третьего возраста: европейский опыт // Перспективы науки (Science prospects). 2019. № 7 (118). С. 96–1184.
4. Formosa M. Four decades of Universities of the Third Age: past, present, future // Ageing and society. 2014. Vol. 34, iss. 1. P. 42–66
5. Craciun C., Gellert P., Flick U., Aging in precarious circumstances: do positive views on aging make a difference. // Gerontologist. 2017. Vol. 57, nr 3. P. 517–528.
6. Dauenhauer J., Steitz D. W., Cochran L. J., Fostering a New Model of Multi-Generational Learning: Older Adult Perspectives, Community Partners, and Higher Education // Educational Gerontology. 2016. Vol. 42, nr 7. P. 483–496.
7. Dupuis-Blanchard S., Theriault D., Mazerolle L., University of the Third Age: The Continuing Education Needs of Senior Francophone People // Canadian Journal on Aging / La Revue canadienne du vieillissement. 2016. Vol. 35, nr 4. P. 423–431.9.
8. Высоцкая И. В., Тихаева В. В., Глебова Е. А., Сравнительная характеристика содержания образования «университета третьего возраста» в Германии и России // Вестник Самарского государственного технического университета. Серия: Психолого-педагогические науки. 2017. № 4 (36). С. 37–47.
9. Евсеева Я.В., Международные перспективы в сфере образования пожилых людей / Я.В. Евсеева; Под ред. Б. Финдсена, М. Формозы. International perspectives on older adult education / Ed. by B. Findsen, M. Formosa. Cham: Springer, 2016. XIX, 519 p. // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11. Социология: Реферативный журнал 2019. № 4. С. 10–34.
10. Амбарова П. А., «Серебряные университеты» в контексте реализации третьей миссии высшего образования // Непрерывное образование: эффективные практики и перспективы развития: сб. науч. ст. I Междунар. науч.- практ. конф., Москва, 6–7 апр. 2018 г. Москва : А-Приор, 2018. С. 164–171.
11. Университет третьего возраста // Министерство труда и социальной защиты населения Ставропольского края. Государственное бюджетное учреждение социального обслуживания «Лермонтовский комплексный центр социального обслуживания населения» официальный сайт. URL: https://лкцсон.рф/index/universitet_quot_tretego_vozrasta_quot/0-21 (дата обращения: 15.04.2025).
12. Положение об «Университете третьего возраста» // Краевое государственное бюджетное учреждение социального обслуживания. Комплексный центр социального обслуживания населения «Ужурский: официальный сайт. URL: <http://uzhurkson.ru/universitettretego-vozrasta> (дата обращения: 15.04.2025).
13. Минский университет третьего возраста // Общественное объединение Ассоциации социальных работников г. Минска: официальный сайт. URL: <https://u3a-online.by/> (дата обращения: 15.04.2025).

ФЕНОМЕН ТЭАТРАЛЬНАГА МАСТАЦТВА Ў КАНТЭКСЦЕ СТАРАЖЫТНАГРЭЦКАЙ ФІЛАСОФІІ

К. Л. Падвіцкая

*Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4,
220030, г. Мінск, Беларусь, kapitollimuz07@gmail.com*

Навуковы кіраўнік – І. І. Ляшчынская, кандыдат філасофскіх навук, дацэнт

У артыкуле здзяйсняецца разгляданне феномена тэатральнага мастацтва як асаблівай з’явы культуры Старажытнай Грэцыі, што нарадзілася з культу бога Дыяніса і стала пачаткам еўрапейскай тэатральнай традыцыі. На аснове твораў Платона і Арыстоцеля паказана, што тэатр у Старажытнай Грэцыі ўяўляў з сябе складаны і шматгранны феномен, які адлюстроўваў светапогляд і каштоўнасці антычнага грамадства. Высветлена адрозненне ў ацэнцы ролі тэатральнага мастацтва ў філасофіі Платона і Арыстоцеля.

Ключавыя словы: старажытнагрэцкі тэатр; мімесіс; катарсіс; Платон; Арыстоцель; трагедыя; камедыя; дыянісіі; антычная культура.

ФЕНОМЕН ТЕАТРАЛЬНОГО ИСКУССТВА В КОНТЕКСТЕ ДРЕВНЕГРЕЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ

К. Л. Подвицкая

*Белорусский государственный университет, пр-т Независимости, 4,
220030, Минск, Беларусь; kapitollimuz07@gmail.com*

Научный руководитель – И. И. Лецинская, кандидат философских наук, доцент

В статье рассматривается феномен театрального искусства как особого явления культуры Древней Греции, возникшего из культа бога Диониса и ставшего началом европейской театральной традиции. На основе трудов Платона и Аристотеля показано, что театр в Древней Греции был сложным и многогранным явлением, отражавшим мировоззрение и ценности античного общества. Раскрывается разница в оценке роли театрального искусства в философии Платона и Аристотеля.

Ключевые слова: древнегреческий театр; мимесис; катарсис; Платон; Аристотель; трагедия; комедия; Дионисии; античная культура.

Тэатральнае мастацтва ў Старажытнай Грэцыі было унікальнай з’явай, непасрэдна звязанай з рэлігійнымі, сацыяльнымі і філасофскімі аспектамі жыцця старажытнагрэцкага грамадства. Менавіта там, у Старажытнай Грэцыі, тэатр упершыню аформіўся як самастойны від мастацтва, які стаў прамым продкам і цяперашняга тэатра. Размаўляючы пра тэатр у кантэксце старажытнагрэцкай філасофіі, нельга не звярнуць увагу

на гісторыка-культурны кантэкст яго з'яўлення і развіцця ўвогуле. Трэба адзначыць, што старажытнагрэцкі тэатр з'явіўся не раптам: гэта быў доўгі працэс станаўлення. Ён сыходзіць каранямі ў рэлігійныя рытуалы, бо найбольш старажытныя формы тэатральнага дзеяння звязаныя з ухваленнем бога віна, экстазу і ўрадлівасці – бога Дыяніса. Такія святы называліся дыянісіі і праводзіліся прыкладна напрыканцы зімы і ў пачатку вясны. Але гэта была не проста сціпая традыцыя, а цэлы карнавал, які часта насіў экстатычны характар. Яго ўдзельнікі ўпадалі ў стан трансу, паказваючы сатыраў, німф, іншых спадарожнікаў Дыяніса, спяваючы, танцуючы.

Аднак карнавал быў не толькі сродкам адпачыць, ён меў важнае і рознабаковае значэнне.

Па-першае, ён быў магчымасцю ўбачыць звыклы свет з новага, дзівоснага боку, змяніць сваю сацыяльную ролю падчас свята, свае паводзіны, адносіны з іншымі.

Па-другое, ён жа быў нагодай, так бы мовіць, «пабудаваць свет найноў»: калі час, адведзены на панаванне хаосу, скончыцца, прыйдзеца вяртацца ў звычайны, зразумелы свет, узгадваючы свае сацыяльныя ролі, свае абавязкі і клопат. Гэта не выпадкова, як ужо было прыгадана, Дыяніс быў богам урадлівасці, росквіту, то бок нараджэння чагосьці новага, доўгачаканага, неабходнага. Валяцін Галаўня, савецкі філосаф і культуразнаўца, пісаў: «Спачатку Дыяніс выступае як бог творчых сілаў прыроды» (пер. К.П.) [2, с. 37]. Таму і вяртанне грэкаў да звычайнага жыцця пасля некалькіх дзён яскравага святкавання мела сімвалічны характар: як руны на палях Грэцыі, сацыяльны парадак, правільны лад жыцця таксама быццам нараджаліся з хаосу, ухваляючы бога Дыяніса.

Неабходнай часткай дыянісій былі дыфірамбы ў гонар Дыяніса, якія спяваліся хорам і маглі суправаджацца танцамі і нават невялікімі тэатральнымі імпрэзамі. Паступова ў хоры пачаў вылучацца запявала, які ўступаў у дыялог з астатнімі ўдзельнікамі. Гэта стала важным крокам да з'яўлення тэатральных прадстаўленняў, бо менавіта на ўзаемадзеянні хору і галоўнага героя і будуць будавацца старажытнагрэцкія п'есы. З часам прадстаўленні ў гонар Дыяніса сталі набываць больш шырокі і грунтоўны характар: пачалі праводзіцца не толькі падчас дыянісій, перамясціліся з вуліц горада ў амфітэатр, сталі важнай часткай жыцця поліса. У старажытнагрэцкага тэатра пачалі фармавацца свае адметнасці, характэрныя рысы, а п'есы сталі набываць пэўную структуру і мэту.

З часам тэатр становіўся больш і больш узаемазвязаным з сацыяльным, палітычным і культурным жыццём грамадства Старажытнай Грэцыі, таму не мог быць незаўважаны выбітнымі грэчаскімі філосафамі, якія, што цікава, мелі літаральна супрацьлеглыя погляды датычна яго.

Платон, які выказаў сваю пазіцыю наконт мастацтва ў такіх творах, як «Дзяржава» і «Законы». Ён лічыў, што тэатр з'яўляецца сапраўднай пагрозай разумнаму парадку, таму поўнасьцю выключаў большасць паэтаў і драматургаў са сваёй ідэальнай дзяржавы. Ён быў упэўнены, што творчасць іх заснаваная на мімесісе (пераймання), што ёсць ценом ценяў, а гэта супярэчыць пошуку ісціны, дабра, справядлівасці. Платон лічыў, што тое, што тэатр, так бы мовіць, перакручвае рэчаіснасць, паказваючы не праўдзівыя ідэі, а толькі іх копіі (паводле яго канцэпцыі пячоры), ёсць абсалютна недапушчальным. Платон літаральна пісаў: «Мы выбачаемся перад Гамерам і іншымі паэтамі – хай яны не сярдуюць, калі мы выкраслім гэтыя і падобныя ім вершы, і не таму, што яны непэтычныя і непрыемныя большасці слухачоў, не, наадварот: чым болей яны пэтычныя, тым меней варта іх слухаць і дзецям, і дарослым, раз чалавеку трэба быць вольным і больш за смерць баяцца рабства» (пер. К.П.) [3, с. 100]. Актары, граючы блagіх персанажаў, паказваючы глядачам самыя нізкія чалавечыя страсці, распешчваюць народ, а асабліва моладзь, якой, па меркаванні Платона, паўсюль павінен быць дадзены толькі годны прыклад паводзінаў і нораваў.

Філософ таксама лічыў тэатр небяспечным і ў сэнсе эмацыйнай маніпуляцыі, якая не вядзе чалавека да самаўдасканалення, а толькі дарэмна хвалюе і трывожыць яго. Гледачы суперажываюць героям, якія парушаюць законы, ідуць супраць волі багоў, што вучыць непаслухмянасці, раздуранасці, а не мудрасці і дабрадзейнасці. Такі радыкальны погляд Платона выкліканы шматлікімі нагодамі: змаганнем з сафістамі, страхам перад дэмакратыяй, ідэяй служэння сваёй дзяржаве ва ўсіх аспектах жыцця. Філософ меў падобнае меркаванне наконт мастацтва ў тым ліку праз жаданне поўнасьцю абараніць свой народ ад руйнуючых уплываў.

Аднак вучань Платона, Арыстоцель, увогуле не раздзяляў погляды настаўніка. Калі Платон выключае паэтаў з ідэальнай дзяржавы, то Арыстоцель «рэабілітуе» тэатр, бачачы ў ім важны аспект грамадскага жыцця. Арыстоцель піша аб тым, што мімесіс – гэта не нешта благае, а натуральная патрэба чалавека, праз якую ён і спазнае свет. Філософ акцэнтуюць увагу на тым, што перайманне ўласцівае людзям з дзяцінства і адрознівае іх ад іншых жывых істот. Ён таксама вызначае, што паэзія і тэатр сур'ёзнейшыя за гісторыю: «Паэзія філасафічнайшая і сур'ёзнейшая за гісторыю: паэзія кажа больш пра агульнае, гісторыя – пра адзінкавае» (пер. К.П.) [1, с. 12]. Арыстоцель кажа, што тэатр – далёка не проста пацеха, а даследванне чалавечай прыроды.

Вялікую ўвагу Арыстоцель аддае катарсісу, то бок духоўнаму ачышчэнню глядача праз моцныя эмоцыі. Сузіраючы трагедыю, глядач

адчувае страх, трывогу, суперажывае, а тым самым прыходзіць да эмацыйнага разраджэння і маральнага прасвятлення. Напрыклад, у п'есе «Цар Эдып» Сафокла глядач, бачачы паводзіны героя, не ўпадае ў жах, але ўсведамляе няўхільнасць чалавечага лёсу, што робіць яго, гледача, мудрэйшым. Арыстоцель вылучае тры ключавыя элементы ідэальнай трагедыі: перыпетыя (рэзкая змена падзей), пазнаванне (імгненне прасвятлення героя, якое вядзе на катастрофы), пакута (пагібель героя). Таксама Арыстоцель вызначае, што найлепшая трагедыя будзе не проста на пакуце, а на памылцы значнага чалавека (галоўнага героя трагедыі), якая і прымушае гледача спачуваць герою. Філософ лічыць, што менавіта такая структура трагедыі максімізуе катарсіс, бо глядач будзе не проста назіраць за дзеяннем на сцэне, але глыбока пражываць трагедыю, пачувацца яе часткай [1].

Хоць «Паэтыка» захавалася не цалкам, Арыстоцель узгадвае ў той яе частцы, якая засталася, і камедыю, кажучы, што яна заснавана на перайманні горшага, выклікае смех, але гэта, на думку Арыстоцеля (у адрозненні ад Платона), не ёсць адназначна блagой рысай камедыі. Аднак эпас і камедыю Арыстоцель ставіць ніжэй за трагедыю, бо першыя не выклікаюць уласна катарсісу.

У адрозненні ад свайго настаўніка, Арыстоцель лічыць тэатр важнай часткай жыцця чалавека і грамадства, не патрабуе цэнзуры, кажа, што трагедыя патрэбная для выхавання справядлівага грамадства. Філософ узгадвае нават музыку як частку ачышчэння, паляпшчэння чалавека. Давяраючы грэку-гледачу, Арыстоцель не бачыць нагодаў забараняць ці радыкальна змяняць тэатр. Арыстоцель – у адрозненні ад Платона – лічыць, што тэатр – не пагроза для дзяржавы, а дапаможнік для слухнага і моцнага ўплыву на грамадзян.

Праз тэатр можна прывіваць звычайным жыхарам поліса разуменне маральнасці, дабрадзейнасці, справядлівасці, а таксама паказваць ім іх уласныя забабоны і дрэнныя рысы. Мы можам зрабіць выснову, што Арыстоцель, так бы мовіць, значна болей за Платона давярае звычайнаму старажытнаму грэку і лічыць, што чалавек сам у стане размежаваць блagое і добрае, вартае пераймання і нявартае. Вызначэнне станюўчага і адмоўнага для гледача – адказнасць гледача, а не дзяржавы, на думку Арыстоцеля. У гэтым таксама заключаецца выхаваўчая функцыя тэатра.

Такім чынам, на аснове твораў двух старажытнагрэцкіх філосафаў можна ўбачыць, што тэатр у Старажытнай Грэцыі ўяўляў з сябе складаны і шматгранны феномен, які адлюстроўваў светапогляд і каштоўнасці антычнага грамадства. Ён спалучаў у сабе рэлігійныя карані, мастацкую выразнасць, філасофскую глыбіню і грамадскую важнасць, аказваючы велізарны ўплыў на фармаванне культуры і свядомасці старажытных

грэкаў. Вялікія філосафы вызначылі разнастайнасць ролі тэатра ў жыцці чалавека і грамадства. Вывучэнне гэтага феномена дазваляе лепш зразумець не толькі гісторыю антычнага тэатра, але і агульныя заканамернасці развіцця культуры і яе ўзаемасувязь з філасофіяй.

Бібліяграфічныя спасылкі

- 1.*Аристотель*. Поэтика. Риторика / пер. В.Г. Апфельрота, Н.Н. Платоновой. Москва : Издательство АСТ, 2024. 256 с.
- 2.*Головня, В. В.* История античного театра. М. : Искусство, 1972. 415 с.
- 3.*Платон*. Государство / пер. с древнегреч. А. Н. Егунова. М.: Академический Проект, 2015. 397 с.

ОТНОШЕНИЕ К ДОМАШНИМ ЖИВОТНЫМ У МЛАДШИХ И СТАРШИХ ПОДРОСТКОВ С НАРУШЕНИЯМИ ПРИВЯЗАННОСТИ К РОДИТЕЛЯМ

М. А. Полякова

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, polyakova.marusya@gmail.com
Научный руководитель – О. В. Конькова, кандидат психологических наук, доцент*

Исследование актуально в связи с распространенным, но эмпирически неподтвержденным представлением о компенсаторной роли домашних животных при нарушениях детско-родительской привязанности в критический подростковый период. Отношение к питомцу формируется как проекция привязанности к значимому взрослому. Результаты имеют практическое значение для программ анималотерапии и психологического сопровождения подростков.

Ключевые слова: привязанность; подростки; отношение; домашние животные.

Подростковый возраст (12–17 лет) представляет собой критический период трансформации, характеризующийся физиологическими, когнитивными, эмоциональными и социальными изменениями. Формирование Я-концепции, переосмысление идентичности и развитие формального операционального мышления происходят на фоне напряженного поиска баланса между потребностью в автономии и сохранением надежной эмоциональной связи со значимыми взрослыми [1; 8].

Теория привязанности подчеркивает, что качество отношений с родителями служит фундаментом психологического благополучия, влияя на самооценку, социальную адаптацию и способность выстраивать отношения со сверстниками [1; 5].

В современном обществе домашние животные приобретают статус, близкий к членам семьи, от которых ожидают преданности, безусловной любви и эмоциональной поддержки. Исследования подтверждают их терапевтическую роль в снижении стресса и формировании эмпатии, однако характер связи между привязанностью к питомцам и человеческими отношениями остается дискуссионным, особенно при нарушениях детско-родительских связей [3; 7; 9].

Цель данного исследования – определить специфику отношения к домашним животным у младших и старших подростков с нарушениями привязанности к родителям.

Согласно сформулированной исходной гипотезе, отношение к домашнему животному у подростков с нарушениями привязанности к родителям

носит компенсаторный характер, проявляясь в большей личностной значимости питомца и более выраженном субъектном (очеловеченном) отношении к нему по сравнению с подростками, имеющими надежный тип привязанности.

Теоретическими и методологическими основаниями исследования были определены: теория психосоциального развития Э. Эриксона [8], подходы к определению типа привязанности Дж. Боулби и М. Эйнсворт [1], идеи А.Я Варги, Е.Ю Федорович об особенностях отношения к домашним животным в семейной системе [2; 7], а также подход А.М. Полякова к изучению символизации субъект-субъектных отношений [6].

Для определения типа привязанности перед проведением интервью респондентам был предложен «Опросник привязанности к родителям и сверстникам» IPRA [4].

Для определения особенностей отношения подростков к домашнему животному использован качественный метод сбора и анализа полученных данных – полуструктурированное интервью, включающее в себя приемы символизации, использование метафор, обращение к автобиографическим нарративам.

Также использовался 16-шкальный семантический дифференциал со свободными описаниями [6].

Выборку исследования составили учащиеся ГУО «Средняя школа № 25 г. Минска». Всего в исследовании приняли участие 50 подростков в возрасте 12-16 лет, учащиеся 7-х и 9-х классов, в семьях которых хотя бы одно домашнее животное появилось в их сознательном возрасте (4 и более лет). В интервью приняли участие 10 респондентов учащихся 7-х классов (5 девушек и 5 юношей) и 12 респондентов учащихся 9-х классов (4 юношей и 8 девушек).

На основе пороговых значений опросника участники были разделены на несколько групп.

- Контрольная группа КГ (показатели выше порогового значения): для юношей – >2,97 к матери, > 2,75 к отцу, > 3,51 к другу; для девушек – > 3,1 к матери, > 2,81 к отцу, > 3,6 к другу). Всего 38 респондентов – учащихся 7 и 9 класса.

- Экспериментальная группа ЭГ: нарушения привязанности (показатели ниже порогового значения хотя бы к одному объекту – матери, отцу или другу). Всего 12 респондентов (учащиеся 7 и 9 классов).

Дальнейшее полуструктурированное интервью включало несколько блоков:

- 1) блок 1: вопросы об образе животного (описание, выбор характеристик из списка прилагательных, создание метафор/сравнений, влияние на семью, восприятие эмоций животного);

2) блок 2: вопросы об отношении к животному (история и контекст появления, личные изменения после его появления, описание совместного времяпрепровождения, оценка эмоциональной близости, описание запоминающихся моментов);

3) 16-шкальный семантический дифференциал СД: оценка животного по 16 биполярным шкалам (например, добрый/злой, легкий/тяжелый, горячий/холодный, сильный/слабый, счастливый/несчастный) с объяснением выбора [6].

Анализ интервью осуществлялся по 6 смысловым категориям:

1) способность к использованию метафор (используют/не используют);

2) эмоционально-оценочное отношение (позитивное/нейтральное или негативное);

3) описание конкретных примеров (нарративных описаний) (приводят/не приводят);

4) образ животного (субъектный (черты характера, анимистические черты)/объектный (внешность, действия));

5) восприятие животного как участника отношений (активный субъект/объект взаимодействия);

6) влияние на жизнь (описаны личные изменения/изменений нет).

Подсчёт полученных ответов осуществлялся следующим образом: развёрнутый ответ в каждой категории преобразовывался в 1 балл, соответственно максимальное количество баллов за ответы интервью – 6 баллов.

Анализ ответов по семантическому дифференциалу СД классифицировался по:

- типу отношения: субъектное, субъектно-эгоцентрическое, субъектно-деятельностное, объектное, нейтральное/неопределенное;
- эмоциональному отношению: позитивное, негативное, нейтральное. Максимальное значение по данной шкале – 32 балла.

Количественные показатели и статистический анализ:

- расчет интегрального показателя отношения к животному на основе категорий интервью (0–6 баллов);

- расчет скорректированного интегрального показателя (Оскор) с учетом категорий, показавших значимые различия: $\text{Оскор} = (\text{КИ}/3 + \text{ДЭ}/32)/2100$, где КИ – коэффициент по интервью, ДЭ – коэффициент эмоционального отношения по СД.

Статистические методы:

- U-критерий Манна-Уитни для сравнения групп (ЭГ/КГ; младшие/старшие; юноши/девушки);

- корреляционный анализ (по Спирмену) для изучения связей между показателями привязанности (к матери, отцу, другу) и интегральным показателем отношения к животному.

Качественный анализ интервью:

В группе *старших подростков* были получены следующие результаты:

1. Отношение: в экспериментальной группе преобладало негативное/нейтральное отношение к животному (75%), в контрольной группе – позитивное отношение (62.2%).
2. Образ животного: респонденты экспериментальной группы чаще использовали объектные описания (75%), в контрольной группе преобладали субъектные описания (50%).
3. Влияние на жизнь: респонденты экспериментальной группы чаще отрицали личные изменения (75%), респонденты контрольной группы описывали позитивные изменения (75%).

В группе *младших подростков* значимых различий между ЭГ и КГ не выявлено (преобладание позитивного отношения, субъектного образа и описания влияния в обеих группах).

Далее был проведён корреляционный анализ скорректированного интегрального показателя отношения к домашнему животному, а также показателей привязанности к матери, отцу и другу по всей исследованной выборке.

В группе младших подростков не было выявлено значимых связей, тогда как в группе старших подростков были выявлены значимые положительные связи между показателями привязанности к матери и показателями привязанности к отцу и другу, а также интегральным показателем отношения к домашнему животному (отец: $r = 0,59$, $p = 0,044$; друг: $r = 0,78$, $p = 0,003$; домашнее животное: $r = 0,73$, $p = 0,007$).

Корреляционный анализ подтверждает положение теории Дж. Боулби о том, что надежная привязанность к матери выступает основой для формирования последующих отношений [1].

В старшем подростковом возрасте она служит фундаментом для построения как привязанности к отцу и другу, так и позитивного отношения к домашнему животному.

Полученные результаты также могут свидетельствовать о том, что отношение к питомцу не компенсирует дефицит межличностных отношений, а, скорее, является их проекцией или продолжением, интегрируясь в существующую систему отношений подростка.

Отсутствие корреляции привязанности с результатами интервью в группе младших подростков можно объяснить тем, что привязанность к матери пока не имеет такого сильного влияния на отношения с окружающими.

Данное предположение согласуется также с подходом П. Криттендена, который подчеркивал особую роль сформировавшейся в раннем возрасте привязанности на дальнейшее отношение к миру [5]. Согласно данным исследования Е.Ю. Федорович, поведение домашних животных (в

особенности собак и кошек), облегчает проективные процессы, в ходе которых животным приписываются те эмоции, которые в них хочет видеть владелец [7].

В ходе сравнительного анализа были обнаружены значимые различия в группе старших подростков по показателю эмоционального отношения ($p < 0,048$). Можно предположить, что к старшему подростковому возрасту имеют место различия в эмоциональном отношении между девушками и юношами.

Установлены значимые различия между девушками и юношами в привязанности к другу как в контрольной ($p < 0,019$), так и в экспериментальной ($p < 0,032$) группах. Следует констатировать, что, вне зависимости от наличия нарушений привязанности, отношения со сверстниками для девушек имеют большее значение, чем для юношей.

Таким образом, результаты проведенного исследования опровергли исходную гипотезу о компенсаторной функции отношения к домашнему животному у подростков с нарушениями привязанности к родителям.

Полученные результаты могут применяться для коррекции детско-родительских отношений с целью формирования у подростков надежного типа привязанности и способности выстраивать теплые, эмпатичные отношения с родителями и домашними животными. Успешность таких программ зависит от уровня сформированной у подростка привязанности в контексте семейных взаимоотношений.

Библиографические ссылки

1. Боулби Дж. Привязанность : пер. с англ.; под ред. Г. В. Бурменской. М. : Гардарики, 2003. С. 477.
2. Варга А. Я., Федорович Е. Ю. Участие домашнего питомца в жизненном цикле семейной системы // Вопросы психологии. 2010. № 1. С. 56–65.
3. Казанцева Т. В., Куницына В. Н. Воспроизведение типов привязанности в отношениях с близкими людьми // Вестн. СПбГУ. Сер. 12, Психология. Социология. Педагогика. 2009. Вып. 1. Ч. II. С. 3–8.
4. Каширский Д. В. Русскоязычная версия «Опросника привязанности к родителям и сверстникам» Г. Армсдена и М. Гринберга // Психологический журнал. 2023. Т. 44, № 2. С. 89–104.
5. Криттенден П. Трансформация отношений привязанности в юности // Журнал практической психологии и психоанализа. 2002. № 1. С. 367–406.
6. Поляков А. М. Субъект и символ. Минск : Белорус. гос. ун-т. 2012. 279 с.
7. Федорович Е. Ю. Три стороны одной и той же привязанности: люди и их домашние питомцы // Семейная психология и семейная терапия. 2019. № 3. С. 88–108.
8. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис : пер. с англ.; под ред. А. В. Толстых. М.: Прогресс, 1996. С. 341.
9. Beck A. M., Katcher A. H. A new look at pet-facilitated psychotherapy // Journal of the American Veterinary Medical Association. 1984. Vol. 21. P. 18.

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ И ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ: ОПЫТ ПРИМЕНЕНИЯ И РИСКИ

А. А. Потапенко

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, aapotapenko1@gmail.com
Научный руководитель – Л. В. Филинская, кандидат философских наук, доцент*

Данная работа рассматривает проблему модернизации высшего образования с позиций распространённости искусственного интеллекта среди студентов, а также уровень доверия к полученным результатам работы умных машин.

Описываются интенсивный и экстенсивные аспекты проникновения технологии в жизнь студенческой молодежи. Представлены результаты качественного и количественного исследований.

Ключевые слова: искусственный интеллект; высшее образование; модернизация; отношение к искусственному интеллекту; количественное исследование; качественное исследование.

Искусственный интеллект по мере своего распространения обрастает мифами. В представлениях обывателя он может быть панацеей всем возникающим сложностям, например, в образовании. уществует даже явление «автоматизационного самоуспокоения» (automation complacency), которое определяется как перекладывание сложных задач на искусственный интеллект.

Данное явление вызывает атрофию навыков, особенно у начинающих специалистов, которые так и не научатся полностью полагаться на собственный опыт и интуицию. пециалисты рискуют потерять бдительность и навыки, пока их работу выполняет машина [1].

Искусственный интеллект не является решением всех проблем. Ключ к пониманию данного тезиса лежит в «механизме» данной технологии. ИИ определяется как некоторые математические процедуры и процессы, призванные решать интеллектуальные задачи [2], с другой стороны, это область информационных технологий, которая занимается созданием систем, способных выполнять задачи, требующие креативного интеллекта [3].

В середине XX века в Нью-Гэмпшире отцами основателями глубинного обучения машин Дж. Маккарти, М.Л. Мински и др. была предпринята попытка обоснования функционала искусственного интеллекта.

По мнению ученых, он должен был уметь использовать язык, формировать абстракции и концепции, решать виды проблем, которые тогда были предназначены для людей, и совершенствоваться [4, с. 1-2]. Сегодня

эти задачи решаются через архитектуру получившегося продукта. Искусственный интеллект базируется на алгоритмах и статистических моделях.

На основе больших данных и вероятностях машины формируют шаблоны и логические выводы в ответ на запрос.

Простыми словами: он угадывает, где будет стоять та или иная буква, на основании повторения этой буквы в массивах данных, которыми он обучался.

Системы накапливают данные и на основе их делают предположения. Примером можно назвать оцифрованные снимки легких, пораженных раком, на основании которых у ИИ создаётся представление как выглядит рак [5].

При этом сразу же видны возможные изъяны: насколько сегодня велики базы данных, чтобы эффект вероятностей работал корректно; идеальны ли базы данных, ведь паттерны, формирующиеся в базах данных, транслируются в результат; физически новым «креативным» данным неоткуда появиться, а всё креативное – галлюционирование; ИИ предоставляет информацию, которая есть в его данных и т.д.

Тема генеративного искусственного интеллекта имеет высокий уровень актуальности.

Чуть ли не каждый день проходит очередная тематическая конференция, частота упоминания в новостях темы «ИИ и образование» поражает.

Со ссылкой на ЮНЕСКО, ООН, на январь 2025 года, сообщает о том, что более двух третей учеников средних школ в странах с высоким уровнем жизни уже используют генеративные инструменты ИИ для выполнения школьных заданий.

В мае 2023 года было проведено исследование, согласно которому всего 10% школ и университетов разработали официальные принципы использования ИИ.

Спустя почти 2 года всё также серьёзной проблемой остаётся отсутствие чётких рекомендаций для специалистов в области образования [6].

Для реализации управленческих решений в высшем образовании важно не только представление о распространённости и глубине использования ИИ, но и понимание того, какой образ имеет данная технология в глазах белорусских студентов. Насколько они доверяют результатам, полученным от ИИ, имеют ли ложные представления о возможностях умных машин. Информация об отношении студентов к нейросетям поможет эффективно оценивать перспективы развития цифровизации образовательной среды: от профилактики заблуждений и мифов до валидного внедрения образовательных курсов, связанных с данной инновацией. Если говорить об образовательном процессе, то уже сейчас можно рассуждать об всеобъемлющем количественном распространении ИИ. Но, как и во всех

ситуациях модернизации, перед исследователями встают многие вопросы. Эти вопросы, в нашем случае, лежат в рамках исследуемых задач:

1.Насколько распространен ИИ среди студентов старших курсов БГУ.

2.Насколько интенсивны практики использования ИИ среди студентов.

3.Описать образ-отношение студентов к ИИ.

В ноябре-декабре 2024 года был проведён анкетный опрос студентов 3 и 4 курсов 15 факультетов, Института бизнеса, Международного экологического института им. А.Д. БГУ; объем выборочной совокупности составил 1359 респондентов.

В марте 2025 года были проведены 2 глубинных интервью с преподавателями факультета философии и социальных наук БГУ.

Абсолютное большинство студентов старших курсов пользовались ИИ – 87% (рис.1).

При этом, из общей картины, выделяются студенты двух профилей – естественно-научного и гуманитарного, там почти каждый пятый старшекурсник (17,1% и 17,6% соответственно) не пользовался искусственным интеллектом (рис.2).

Можно сказать, что технология ИИ имеет высокую степень распространённости среди старших курсов БГУ, при этом существует значимая часть студентов, которые не используют данную технологию.

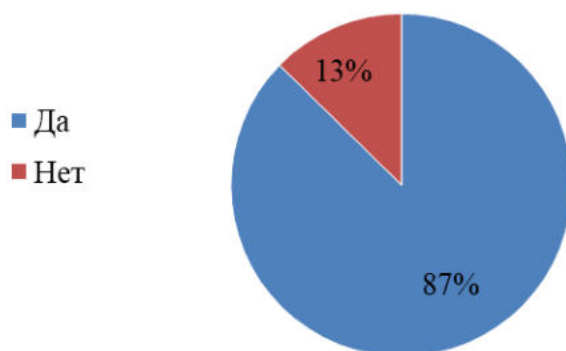

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос «Приходилось ли Вам пользоваться искусственным интеллектом?», в %

Всего 7% студентов используют ИИ на платной основе, тогда как бесплатным функционалом ИИ пользуется абсолютное большинство студентов 93%.

При этом, в отличие от других профилей, каждый десятый (10,3%) студент старших курсов экономического профиля использует платные версии искусственного интеллекта (рис. 3).

Описанная выше распространённость ИИ среди студентов, в существенной степени обуславливается доступностью данной технологии.

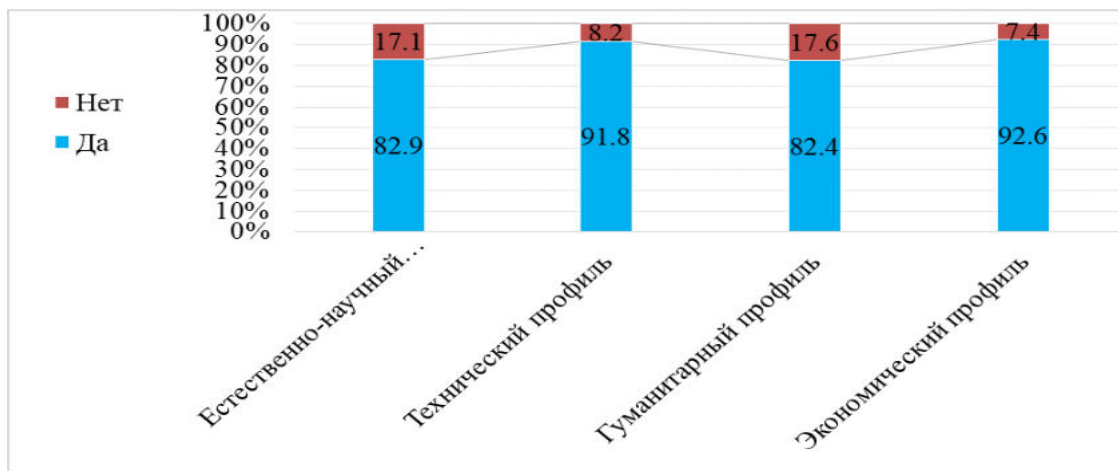

Рис. 2. Распределение ответов на вопрос «Приходилось ли Вам пользоваться искусственным интеллектом?» по профилю обучения, в %

В рамках исследования, существует базовое предположение о том, что ИИ имеет в бесплатной или ограниченно бесплатной версии функционал, не сопоставимый по возможностям с платными версиями [7].

Исходя из этого, можно обобщить, что обращение с платными версиями – глубокое использование возможностей ИИ, а бесплатное – поверхностное.

Стоит отметить, что при существующем желании использовать функционал платных версий ИИ, пользование остается поверхностным, т.к. внешние ограничения не позволяют погрузиться в тему.

Глубину проникновения ИИ в жизнь студентов раскрывают информанты из числа преподавателей.

Так, в ходе анализа результатов глубинного интервью, у каждого преподавателя были зафиксированы утверждения о том, что студенты не используют всё разнообразие и возможности существующих технологий. Также, по мнению преподавателей, студенты не охотно углублены в саму тему сервисов, связанных с нейросетями, не могут поддержать беседу о существующих приложениях, а ИИ отождествляют с программным продуктом от Open AI – Chat GPT.

Также преподаватели подчеркивают, уровень погружения в тему – уровень «поразвлекаться» в ходе очередного инфоповода.

В учебных же целях, как подчеркивает информант-2, студенты используют возможности технологии для «создания графического контента».

Рис.3. Распределение ответов на вопрос «Какие приложения/сервисы для работы с искусственным интеллектом Вы используете?» по профилю обучения, в %

Информант-1: «... чаще всего у них происходит отождествление, что искусственный интеллект – это Chat GPT, и поэтому, когда пытаешься с ними завести разговор, в принципе, про искусственный интеллект, единственное, что у них как-то вызывает такую бурную ассоциацию, это Chat GPT. Насколько мне известно, я не думаю, что студенты сильно заморачиваются на этот счёт и покупают себе какие-то платные версии, либо апгрейдят аккаунты в каких-то приложениях. Мне кажется, они пользуются какими-то доступными для них средствами».

Информант-2: «И студенты тоже начинают этим играть, то есть задают какие-то запросы, не в учебных целях, а чтобы поразвлекаться. В учебных целях ... это связанное с созданием графического контента, тех же самых презентаций, либо просто картинок. По текстам это то, что я слышала, китайский этот новый, и... OpenAI Chat GPT. ... Их сейчас стало много, поэтому... Ну и студенты, естественно, не сильно как бы рассказывают о том, чем они владеют, имеют навыки, скажем так».

В рамках исследования были заданы вопросы о согласии студентов с теми или иными утверждениями. Исходя из ответов по дискретным шкалам (от 1 до 10 и от 1 до 5), мы получили следующий образ обучающегося: студент БГУ согласен, что является важным умение использовать ИИ в работе по своей получаемой специальности. Об этом свидетельствует средняя оценка 6,66 важности в работе и асимметрия распределения – -0,451 (если она меньше нуля, то по массиву ответы в среднем больше среднеарифметической оценки и наоборот, если больше нуля, то в среднем меньше по массиву среднеарифметического). Для белорусского студента очень важно умение использовать ИИ в образовательном процессе, судя по показателям асимметрии (-0,740 далее асимм.) и средней оценки (7,22

далее ср. арифм.) он скорее равнодушно с минимальным доверием относится к результатам деятельности искусственного интеллекта (асимм. – -0,069, ср. арифм. – 5,51).

Он нейтрально относится к тому, что ИИ снижает уровень стресса у людей (асимм. – -0,089, ср. арифм. – 2,98). Он абсолютно не верит в то, что искусственный интеллект угроза для человечества (асимм. – 0,454, ср. арифм. – 2,39).

Сильнее всего согласен с тем, что нейросети упрощают жизнь человека (асимм. – -1,158, ср. арифм. – 4,01). Нейтрально, но с существенной настороженностью относится к утверждению, что ИИ может привести к регрессу общества (асимм. – 0,131, ср. арифм. – 2,86). Скорее согласен с тем, что ИИ способствует развитию общества (асимм. – -0,355, ср. арифм. – 3,39).

Самое большое несогласие выражает на утверждение о негуманности использования ИИ (асимм. – 0,922, ср. арифм. – 1,93). Он почти полностью согласен с тем, что работа становится эффективнее с помощью умных машин (асимм. – -0,642, ср. арифм. – 3,72). Он, в общем и целом, более чем согласен, что ИИ не способен мыслить, как человек (асимм. – -0,489, ср. арифм. – 3,57). Он скорее уверен в том, что ИИ позволяет развивать новые отрасли, чем нет (асимм. – -0,690, ср. арифм. – 3,77). Абсолютно не верит в заменимость человека искусственным интеллектом (асимм. – 0,538, ср. арифм. – 2,33). Согласен что ИИ помогает улучшать жизнь человека (асимм. – -0,405, ср. арифм. – 3,50).

Распространение ИИ находится в самом его зарождении. Мы фиксируем экстенсивную распространённость ИИ, но не интенсивную.

Большинство студентов пользовались ИИ, но использование лежит в рамках простых решений, только примерно 1 из 10 студентов старших курсов использует платные версии.

Для студентов БГУ искусственный интеллект важен как инструмент образовательного процесса, при этом они трезво оценивают получаемые результаты. Искусственный интеллект имеет положительный образ в глазах студенческой молодежи.

Главной рекомендацией данной работы будет предложение о повышении качества использования студентами ИИ через реализацию образовательных программ в ВУЗах. Именно обучение специфическим знаниям, которые позволяют применять ИИ в профильной деятельности – ключ к актуальности высшего образования Беларуси.

Библиографические ссылки

1. Когнитивная разгрузка с ИИ: взлет интеллекта или деградация // Habr. 2025. URL: <https://habr.com/ru/articles/880052/> (дата обращения: 23.05.2025).

2. *Нильсон Н.* Искусственный интеллект // Рипол Классик. 1973. URL: https://books.google.by/books?hl=ru&lr=&id=qYn_AgAAQBAJ&oi=fnd&pg=PA7&dq=%D1%87%D1%82%D0%BE+%D1%82%D0%B0%D0%BA%D0%BE%D0%B5+%D0%B8%D1%81%D0%BA%D1%83%D1%81%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%B5%D0%BD%D0%BD%D1%8B%D0%B9+%D0%B8%D0%BD%D1%82%D0%B5%D0%BB%D0%BB%D0%B5%D0%BA%D1%82&ots=Fzy0x4BLWs&sig=qRlfDoOCFtJEh3gWsJdHHg2CztQ&redir_esc=y#v=onepage&q&f=false (дата обращения: 24.05.2025).
3. *Стрижаков Е. А., Чурикова М. В.* История и перспективы развития способностей искусственного интеллекта // Известия Лаб. твор. техн. 2019. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoriya-i-perspektivy-razvitiya-tvorcheskih-sposobnostey-iskusstvennogo-intellekta> (дата обращения: 23.05.2025).
4. *McCarthy, J.* A proposal for the dartmouth summer research project on artificial intelligence, august 31, 1955 // Stanford University. 2024. pages 13. URL: <http://jmc.stanford.edu/articles/dartmouth/dartmouth.pdf> (Date of access: 20.05.2025).
5. Что такое машинное обучение? // Amazon. 2025. URL: <https://aws.amazon.com/ru/what-is/machine-learning/> (дата обращения: 23.05.2025).
6. Искусственный интеллект и образование: деятельность человека в автоматизированном мире // ООН URL: <https://news.un.org/ru/story/2025/01/1460666> (дата доступа: 20.05.2025).
7. *Гунитов А.* Платные vs бесплатные нейросети: какие выбрать для текстов // ДЗЕН. Гаджеты и электроника. 2025 URL: <https://dzen.ru/a/Z77TvlGVMiY1-X1V> (дата доступа: 20.05.2025).

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ КОМПОНЕНТОВ СИГНАЛЬНЫХ СИСТЕМ, ТИПОВ МЫШЛЕНИЯ И ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ТИПА ЛИЧНОСТИ У СТУДЕНТОВ ГУМАНИТАРНОГО ПРОФИЛЯ

Е. Ю. Старенкова

*Белорусский государственный университет, ул. Кальварийская, 9,
220030, г. Минск, Беларусь, starenkovakatsiaryna@mail.ru
Научный руководитель – И. В. Басинская, старший преподаватель*

В данной работе отражены результаты сравнительного анализа компонентов сигнальных систем, типов мышления и профессионального типа личности у студентов гуманитарного профиля. Актуальность работы обусловлена динамичным развитием различных профессиональных областей, возникновением новых специфических видов деятельности, и, как следствие, высоким спросом молодежи на проведение профориентационных мероприятий.

Ключевые слова: профориентация; компоненты сигнальных систем; тип мышления; профессиональный тип личности; студенты.

Существует множество причин, по которым люди склонны выбирать профессии: для кого-то ключевую роль играют способности и склонности, другой же предпочтет востребованную и высокооплачиваемую работу.

Однако, по мнению автора, ведущую роль в поиске оптимальных мест работы индивида играет совокупность его задатков функциональных способностей и ряда показателей, составляющих структуру его сигнальных систем; выраженность тех или иных типов мышления, а также профессиональная направленность индивида, совокупность его целей и интересов.

Данные факторы входят в основу профессиональной ориентации.

Так, *профессиональная ориентация* – это комплекс научно обоснованных медико-физиологических, психолого-педагогических, социально-экономических, организационных мероприятий, направленных на формирование профессиональной пригодности, профессионального самоопределения, соответствующего индивидуальным возможностям, особенностям каждой личности и запросам общества и рынка труда [1, с. 18].

Различные направления образования (гуманитарное, техническое, естественное) требуют разного типа мышления и определенных задатков к усвоению тех или иных дисциплин, однако, возникают вопросы, существуют ли значимые различия физиологических и психологических характеристик представителей студенческой молодежи, которые влияют на выбор той или иной специальности в рамках одного профильного направления образования?

Или же профессиональное предназначение в большей мере зависит от интересов и склонностей субъекта, нежели от его когнитивных способностей? [2, с. 97].

Автором статьи было проведено исследование, целью которого выступило установление различий компонентов сигнальных систем (функциональных способностей), типов мышления и профессионального типа личности у студентов гуманитарного профиля.

Выборку составили 30 представителей факультета социокультурных коммуникаций (далее - ФСК) специальностей «Коммуникативный дизайн» и «Культурология» и 30 представителей факультета философии и социальных наук (далее - ФФСН) специальностей «Социальная работа» и «Психология». В качестве методик исследования были использованы: опросник «Диагностика структуры сигнальных систем» (Э. Ф. Зеер, А. М. Павлова, Н. О. Садовникова); опросник «Определение типов мышления и уровня креативности» (Дж. Брунер) и «Опросник профессиональных предпочтений» (Дж. Голланд).

Графически результаты исследования (средние значения переменных) отражены на рис. 1, 2 и 3, соответственно.

Для проверки существования различий показателей в данных выборках был использован t-критерий Стьюдента для независимых выборок.

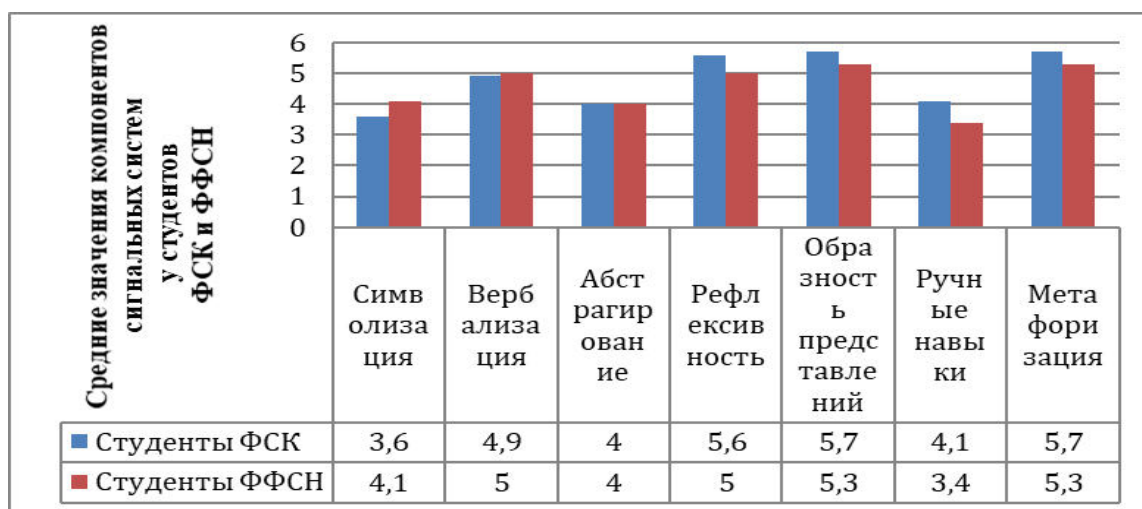

Рис. 1. Средние значения переменных по методике «Диагностика структуры сигнальных систем» у студентов ФСК и ФФСН

Сравнительный анализ показателей сигнальных систем у студентов ФСК и ФФСН показал, что значимые различия по переменным «Символизация», «Вербализация», «Абстрагирование», «Рефлексивность», «Образность представлений», «Ручные навыки» и «Метафоризация» отсутствуют.

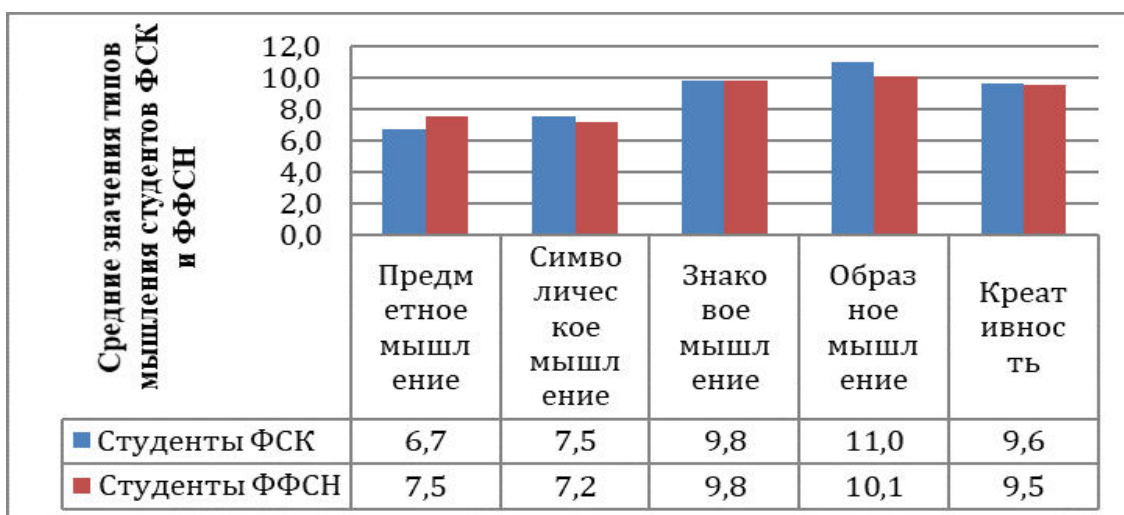

Рис. 2. Средние значения переменных по методике «Определение типов мышления и уровня креативности» у студентов ФСК и ФФСН

По результатам сравнительного анализа типов мышления статистически значимые различия по переменным «Предметное мышление», «Символическое мышление», «Знаковое мышление», «Образное мышление» и «Креативность» у студентов ФСК и ФФСН отсутствуют.

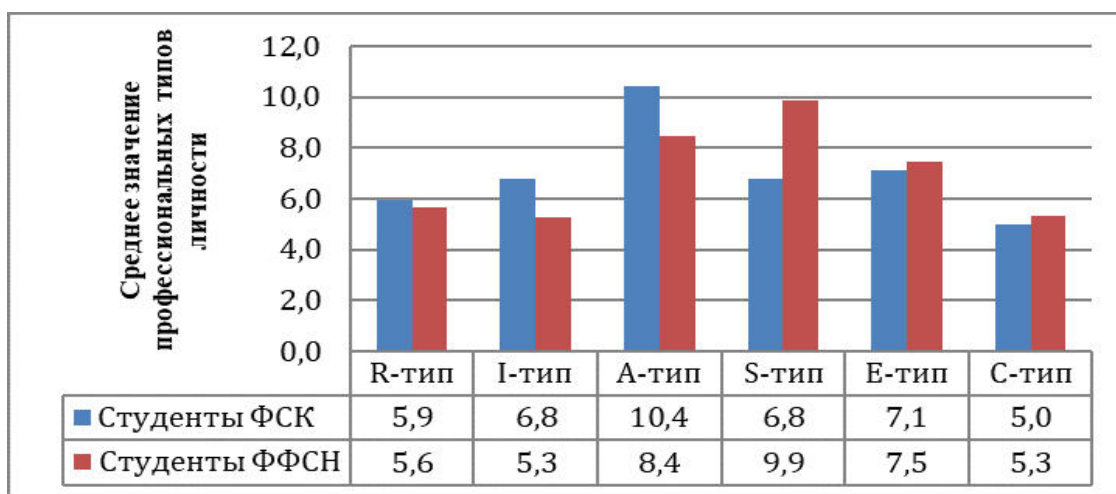

Рис. 3. Средние значения переменных по методике «Опросник профессиональных предпочтений» у студентов ФСК и ФФСН

В соответствии с рис. 3, R-тип соответствует реалистическому типу личности, I-тип – интеллектуальному типу личности, A-тип – артистическому типу личности, S-тип – социальному типу личности, E-тип – предпринимательскому типу личности, C-тип – конвенциональному типу личности. Выявлено, что существуют статистически значимые различия по переменным «I-тип» и «A-тип» (в большей мере характерны для студентов ФСК), а также «S-

тип» (в большей мере выражен у студентов ФФСН ($t=2,58$; $t=4,00$; $t=-4,30$, соответственно; $p \leq 0,05$)). Значимые различия по переменным «R-тип», «E-тип» и «C-тип» у студентов ФСК и ФФСН отсутствуют.

Предполагаем, что наличие различий между профессиональными типами личности у студентов ФСК и ФФСН может быть связано с социальной ситуацией (получение высшего образования) в настоящем времени, которая способствует формированию необходимой направленности и модификации структуры мышления.

Таким образом, в результате эмпирического исследования были получены следующие результаты:

Студенты ФСК обладают высокой склонностью к функциональным способностям – «Рефлексивность», «Образность представлений» и «Метафоризация» и наименее склонны к таким способностям, как «Символизация», «Абстрагирование» и «Ручные навыки». Для них характерно хорошо развитое образное и знаковое мышление, а также креативность. В меньшей мере респонденты данной группы опираются на использование предметного и символического мышления.

Студенты ФФСН обладают высокой склонностью к функциональным способностям – «Вербализация», «Рефлексивность», «Образность представлений» и «Метафоризация» и наименее склонны к таким способностям, как «Ручные навыки».

У студентов ФСК и ФФСН наблюдаются статистически значимые различия между такими типами личности, как социальный (характерен в большей степени для студентов ФФСН ($t=-4,30$; $p \leq 0,05$)), артистический и интеллектуальный (характерны в большей степени для студентов ФСК ($t=2,58$; $t=4,00$; $p \leq 0,05$)). В группах студентов ФСК и ФФСН отсутствуют статистически значимые различия компонентов сигнальных систем, типов мышления и креативности.

Библиографические ссылки

1. *Васильева, Л. П.* Профориентация и реабилитация: учебно-методический комплекс для специальности: 1-86 01 01 «Социальная работа (по направлениям)» направление специальности 1-86 01 01-03 «Социальная работа (социально-реабилитационная деятельность)» / Минск: ГИУСТ БГУ, 2017. 177 с.: ил. Библиогр.: с. 174-177.

2. *Грецов, А. Г.* Гуманитарии vs технари: все не так однозначно // *Magister*. 2022. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gumanitarii-vs-tehnari-vse-ne-tak-odnoznachno> (дата обращения: 13.04.2025).

ОНТОЛОГИЯ ВИРТУАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ В ТЕОРИИ Ж. БОДРИЙЯРА

В. Ю. Тимошко

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, timoshkaaas@mail.ru
Научный руководитель – В. В. Анохина, кандидат философских наук, доцент*

Наступление эры новейших компьютерных технологий и технических средств массовых коммуникаций актуализирует исследование виртуальной реальности как новой формы человеческого бытия. В теории Ж. Бодрийяра виртуальная реальность отождествляется с гиперреальностью и может быть описана как гомогенизированная, цифровая, операциональная реальность, формирующуюся в процессе бесконечного массового производства и распространения симулякров.

Ключевые слова: виртуальная реальность; Ж. Бодрийяр; потребление; симулякр; симуляция; гиперреальность.

Возрастание роли компьютерных технологий практически во всех сферах жизни актуализирует исследование концепта «виртуальная реальность». В первом приближении можно выделить два основных подхода к трактовке виртуальной реальности: социально-технологический и онтологический.

В рамках первого подхода, исследование виртуальной реальности сводится к ее технико-технологическому базису, то есть, виртуальная реальность понимается как иммерсивная среда, созданная с помощью компьютерных технологий.

Второй подход рассматривает концептуализацию понятий виртуальная реальность и виртуальность в философии в связи с утверждением дефляции реальности, что получило свое наиболее яркое обоснование в философии постмодернизма.

Французский философ и социолог Ж. Бодрийяр оценивает постмодернистское состояние общества как период неопределенности, множественности и фрагментарности истины в процессе алеаторного распространения ценностей. Наступление эры новейших технических средств массовой коммуникации, к которым он относит телевидение и медиа, базирующиеся на компьютерных сетях и микроэлектронике, по заключению философа, привело к состоянию «после оргии», когда человечество вновь и вновь симулирует революционное освобождение уже прежде освобожденного в постоянной пролиферации пустых идеалов, фантазмов и мечтаний с целью поддержания иллюзии прогресса.

В своей теории Ж. Бодрийяр в качестве онтологической тотальности повседневной организации капиталистического общества полагает потребление. Объектом потребления являются знаки, находящиеся в отношениях потребления. Потребление – есть деятельность систематического манипулирования знаками: «мы потребляем реальное либо путем предвосхищения, либо ретроспективно, во всяком случае на дистанции, каковая является дистанцией знака» [1, с. 14]. Контролирующим органом потребления выступает код сигнификации, навязывающий символическую стоимость и принуждающий к потреблению с целью мнимой дифференциации потребительской массы согласно, например, престижной иерархии. Код, в свою очередь, контролируется СМИ. Средства массовой информации преподносят факты политических, культурных и исторических событий в форме универсального происшествия, драматизированного к головокружительному зрелищу и деактуализированного путем сведения к индифферентному пространству дистанцированного от реальности знака. Основными характеристиками потребительского процесса со стороны индивида является любопытство и незнание. Любопытство не есть интерес и не есть тотальное безразличие, незнание не является тотальным невежеством и не представляет собой познание мира. «Общество потребления» – это «отказ от действительности на основе жадного и умножающегося изучения ее знаков» [1, с. 16].

Ситуация общества потребления является порождением власти симулякров, поглотивших и растворивших в себе реальное. Термин «симулякр» восходит к античному философу Платону, понимающему симулякр как «копию копии», «тень тени». Для Ж. Бодрийяра «симулякр – это истина, которая скрывает, что ее не существует. Симулякр – это истина» [2, с. 16]. В работе «Символический обмен и смерть» Ж. Бодрийяр выделяет три ступени исторического развития симулякров: 1) симулякры первого порядка, действующие на основе естественного закона ценности; 2) симулякры второго порядка, базирующиеся на рыночном законе стоимости; 3) симулякры третьего порядка, действующий на основе структурного закона ценности. Позднее, в работе «Прозрачность зла», Ж. Бодрийяр дополняет данную схему четвертой стадией развития симулякров – фрактальной, которая является «самой современной» и представляет стадию диффузии ценностей.

Симуляция является результатом работы симулякра. Главным свойством симуляции, по утверждению философа, является имитация несуществующего, в отличие от сокрытия чего-либо. Ситуация символического обмена, где обмен между символами происходит относительно друг друга, а не между символами и реальностью стирает грань между реаль-

ностью и вымыслом, между истиной и заблуждением. Таким образом, реальность и истина более не существуют. Символический обмен приводит к утверждению «гиперреальности». Это сфера симуляции, где происходит смешение экранных образов и эпизодов реальности, интимной и публичной жизни, подлинного социального бытия и воображаемого виртуального пространства. «Гиперреальность» кажется реальнее, чем сама реальность, она правдивее истины и очаровательнее самого очарования. Основная характеристика восприятия гиперреального мира человеком – это головокружение, вызванное быстрой сменой образов, отражающих и повторяющих друг друга.

Разделяя идеи М. Маклюэна, Ж. Бодрийяр утверждает нивелирование дистанции между глазом смотрящего и образом на экране.

В то же время, изображаемые вещи и явления, как правило, находятся на пространственном и временном расстоянии, непреодолимым для зрителя.

Экранные образы сочетают в себе черты настоящего и вымышленного, погружая его в гипнотическое состояние неопределенности переизбытка реальности реального в ее отсутствии.

Французский философ П. Вирильо связывает такое устранение дистанции в процессе виртуализации с воздействием возрастающего ускорения, обусловленного средствами мгновенной коммуникации. Такие средства коммуникации, в том числе и средства высокоскоростного перемещения в пространстве (автомобиль, например), П. Вирильо называет машинами скорости.

Главный эффект, производимый ими – виртуализация опыта и реальности. Философ утверждает, что машины скорости радикально изменяют наш способ восприятия. Они изменяют пространственные и темпоральные элементы, конститутивные для актуального присутствия, и тем самым реструктурируют наше отношение к миру чувственно данного. П. Вирильо не сходит с Ж. Бодрийяром, предпочитая термину «симуляция» – «замещение».

Виртуальная реальность и новые технологии, по его мысли, не симулируют, а замещают актуальную реальность. Последствиями виртуальной реальности для человека выступают проблемы декорпорации (утраты тела, дезинтеграции сенсорных органов и замены их машинными протезами, «машинами зрения»), дереализации (утраты реальности, катастрофы самого принципа реальности), дезориентации (утраты ориентации, почвы под ногами, референций) [3].

Положение человека в современной эпохе подчинения компьютерной технике в теории Ж. Бодрийяра оборачивается атрофией ряда двига-

тельных функций и регрессивными изменениями в мыслительных способностях. Расширение тела посредством искусственных технических протезов не оставляет места для мысли и оборачивается для человека зависимостью от информационных технологий и искусственного интеллекта. Внутренняя активность людей сменяется активностью экранов.

«Единственная неопределенность [suspense], которая остается – это узнать, насколько мир может дереализоваться, прежде чем погибнуть от недостатка реальности, или наоборот, насколько он может гиперреализоваться прежде, чем погибнуть от избытка реальности» [4, с. 14]. Ж. Бодрийяр констатирует «совершенство» преступления современности – убийства реальности.

Само совершенство – преступно и наказуемо в постоянстве своего воспроизведения. Истинная совершенство кроется в отягощающем обстоятельстве таинственного отсутствия мотивации и ужасе неразличимости фигур «убийцы» и «жертвы», эквивалентности субъекта и объекта. Преступление уже совершено и открывает нам факт своего совершения по неумолимому разворачиванию ничто, раскрытию несуществования мира, выдающего себя через прецессию кажимостей и виртуальных образов. «Мы живем в мире симуляции, в мире, где наивысшая функция знака заключается в том, чтобы заставить реальность исчезнуть, и одновременно скрыть это исчезновение» [4, с. 15].

Идентификация мира в нынешних обстоятельствах бесполезна: ничто не желает быть созерцаемым и схваченным в невозможных границах своего отсутствия, оно желает визуального поглощения в эстетической форме невозможного обмена вещами, отсутствующими в самих себе.

Таким образом, Ж. Бодрийяр понимает потребление в качестве онтологического основания культуры и трактует его как деятельность по систематическому манипулированию знаками. Код сигнификации, контролирующийся СМИ, направляет процесс потребления.

Ситуация символического обмена и «тактильности» массовой коммуникации в ее вневременности и внедистантности совершает убийство реальности и вымысла. Тем самым утверждается наиболее реальная «гиперреальность» – сфера симуляции, где происходит неопределенное смешение эпизодов кажимостей реальности и виртуальности, утверждающих континуацию ничто. Отождествление гиперреальности и виртуальной реальности в теории Ж. Бодрийяра позволяет описать ее как гомогенизированную, цифровую, операциональную реальность, формирующуюся в процессе бесконечного массового производства и распространения медийных сообщений, культурных кодов и моделей средствами коммуникации и информации. «Единица» виртуальной реальности – симулякр.

Ж. Бодрийяр выделил четыре ступени исторического развития симулякров, последняя из которых характеризуется постоянным порождением пустых знаков. Эффектами виртуальной реальности для человека являются атрофия двигательных функций, дезинтеграция сенсорных органов, деградация мыслительных способностей, дереализация и дезориентация.

Библиографические ссылки

1. *Бодрийяр, Ж.* Общество потребления. Его мифы и структуры. М.: Республика; Культурная революция, 2006. 269 с.
2. *Бодрийяр Ж.* Симулякры и симуляция / перевод О. А. Печенкина. Тула: Тульский полиграфист, 2013. 204 с.
3. *Сидоров А. М.* Поль Вирильо: тело, скорость и современное искусство // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. 2012. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pol-virilo-telo-skorost-i-sovremennoe-iskusstvo>. (дата обращения: 22.04.2025).
4. *Бодрийяр Ж.* Совершенное преступление. Заговор искусства / пер. с фр. А. В. Качалова. М : РИПОЛ классик, 2023. 250 с.

ЗАЩИТНЫЕ МЕХАНИЗМЫ ЛИЧНОСТИ И ПОКАЗАТЕЛИ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ АДАПТАЦИИ ЛЮДЕЙ ПОЖИЛОГО ВОЗРАСТА

А. Н. Фадеев

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, fadalx23@gmail.com*

Научный руководитель – Е. С. Макеева, кандидат психологических наук, доцент

В статье представлены результаты научного исследования, посвященного проблеме взаимосвязи защитных механизмов личности и показателей социально-психологической адаптации у пожилых людей. В качестве предмета исследования выступили механизмы психологической защиты и параметры адаптационного потенциала людей пожилого возраста.

Ключевые слова: защитные механизмы личности; социально-психологическая адаптация; люди пожилого возраста; наличие – отсутствие ограничений по физическому здоровью.

На современном этапе развития нашего общества важное значение приобретает проблема психологического здоровья людей пожилого возраста. Оно является необходимым условием полноценного функционирования и развития человека в процессе его жизнедеятельности.

Оно представляет собой состояние субъекта активности, которое позволяет ему полноценно развиваться, своевременно адаптироваться к меняющимся социальным условиям и организовывать свое поведение (жизнедеятельность), удовлетворяя основные потребности в обществе в социально приемлемых формах с учетом интересов и деятельности других людей [1, с. 53].

Ведущей функцией психологического здоровья является поддержание активного динамического баланса между человеком и окружающей средой в ситуациях (стрессогенного, фрустрационного, конфликтного и кризисного происхождения), требующих мобилизации всех ресурсов личности [2, с. 4].

Поэтому одним из главных компонентов психологического здоровья выступает защитно-совладающее поведение, представляющее собой структурно-уровневую систему, состоящую из стратегий защиты и копинг-механизмов. Оно выполняет функцию снятия тревожного напряжения и стабилизации Я-концепции индивида. Адаптивный характер данного поведения способствует эффективному преодолению субъектом трудных жизненных ситуаций.

Целью нашего исследования было провести анализ психологических защит личности у людей пожилого возраста и установить его связь с уровнем и показателями социально-психологической адаптации.

В качестве методик исследования мы использовали: тест-опросник «Механизмов психологической защиты», разработанный Р. Плутчиком, в адаптации Е.С. Романовой, и Л.Р. Гребенникова. [3, с. 73] и методику диагностики социально-психологической адаптации (К. Роджерса и Р. Даймонда) [4, с. 209].

Для оценки статистической значимости результатов проведенного исследования мы применяли: 1) критерий Колмогорова-Смирнова с поправкой Лиллиефорса, позволивший подсчитать «нормальность» математического распределения полученных данных в анализируемой выборке; 2) корреляционный анализ Спирмена, дал нам возможность выявить силу и направление связи между защитными механизмами и показателями социально-психологической адаптации у людей пожилого возраста.

Исследование проводилось на базе ГУ «Дрогичинский ТЦСОН». Выборку исследования составили 60 людей пожилого возраста. Возраст испытуемых варьировал от 61 до 75 лет.

Проведенное исследование позволило разделить анализируемую выборку на две части и выявить групповой профиль защитных механизмов личности у людей пожилого возраста, а также определить особенности его функционирования.

Структура стратегий защиты испытуемых, входящих в первую группу – 65 %, представлена «подавлением» и «проекция». Это указывает на наличие у большинства респондентов негативных переживаний, вызванных реальным или мнимым неприятием со стороны окружающих, которое, в свою очередь, приводит к самонеприятию. Помимо этого, использование данных механизмов позволяет людям пожилого возраста подавлять негативные переживания, связанные с трудными жизненными ситуациями стрессового, конфликтного, фрустрационного и кризисного происхождения.

Защитный профиль личности второй группы испытуемых – 35 %, представлен такими механизмами как: «регрессия», «замещение» и «интеллектуализация». Это свидетельствует о наличии у части людей пожилого возраста повышенного уровня тревожности, чувства неуверенности в себе, а также страха неудачи связанного с проявлением инициативы.

Дальнейший анализ результатов позволил определить статистическую значимость процентного распределения участников, попавших в названные выше группы по степени («нормативная» - «ненормативная»)

выраженности у них защитных механизмов личности с помощью Хи - критерия Пирсона. В первой группе людей пожилого возраста доминирует «нормативное» функционирование стратегий защиты (при $p=0,01^{**}$) в отличие от второй группы испытуемых, где преобладает «ненормативное» функционирование психологических защит.

Исследование показало, что для пожилых людей среди показателей социально-психологической адаптации важное значение имеют:

1) «интернальность» (40,5 %). Испытуемые имеют склонность видеть в качестве причин происходящих в ее жизни событий преимущественно себя: собственные способности, усилия, свойства характера и так далее;

2) «адаптация» (38,57 %). Характеризуется позитивным отношением к возрастным изменениям и изменениям в образе жизни.

По уровням социально-психологической адаптации у большей части людей пожилого возраста чаще встречается «средний уровень» адаптационной способности и гораздо реже «низкий» и «высокий» уровни, о чем свидетельствует значение Хи-квадрат критерия Пирсона, позволившего проанализировать процентное распределение участников, попавших в данные группы $\chi^2=11,34$, при $p=0,01^{**}$.

С целью оценки взаимосвязи защитных механизмов личности и показателей социально-психологической адаптации у людей пожилого возраста был применен критерий линейной корреляции r-Спирмена.

В частности, в анализируемой выборке была обнаружена прямая умеренная корреляционная связь по шкалам:

1) «проекция» и «адаптация» (0.394 при $p < 0,05^*$). Пожилые люди, использующие данный защитный механизм, лучше принимают собственное «Я» за счет переноса своих негативных проявлений на окружающих;

«замещение» и «агрессивные действия» (0.288 при $p < 0,05^*$). Для этих испытуемых используемая стратегия защиты провоцирует вступление в межличностные конфликты;

2) «регрессия» и «поиск социальной поддержки» (0.438 при $p < 0,01^{**}$). Данный механизм защиты ориентирует пожилых людей на социальное взаимодействие с окружающими;

3) «нормативное функционирование механизмов психологической защиты» и «средний уровень» социально-психологической адаптации (0.314 при $p < 0,01^{**}$). Это говорит о том, что большая часть пожилых людей данной выборки имеет хорошо развитую адаптационную способность за счет «нормативного» функционирования стратегий защиты с

трудными жизненными ситуациями стрессогенного, фрустрационного, конфликтного и кризисного происхождения.

Таким образом, гипотеза о том, что существует связь между защитными механизмами личности и «средним уровнем» социально-психологической адаптации у людей пожилого возраста, частично подтвердилась на 1-ом и 5-ти процентном уровнях статистической значимости.

Библиографические ссылки

1. *Крюкова Т. Л.* Психология совладающего поведения. Монография. Кострома: Авантитул, 2004.

2. *Анцыферова Л. И.* Личность в трудных жизненных условиях: переосмысливание, преобразование ситуаций и психологическая защита // Психологический журнал. 1994. Т. 15. № 1. С. 3–18.

3. *Романова Е. С., Гребенников Л. Р.* Механизмы психологической защиты: генезис, функционирование, диагностика. Мытищи: Талант, 1996.

4. *Фетискин Н. П.* Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп. М.: Речь, 2002.

ПРОФИЛЬ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ВОСТРЕБОВАННОСТИ ПЕДАГОГОВ С РАЗЛИЧНОЙ СТЕПЕНЬЮ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ВЫГОРАНИЯ

К. Г. Цыдик

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, tsydik.com@gmail.com
Научный руководитель – Е. И. Цюхай, старший преподаватель*

В статье представлены статистически значимые различия профессиональной востребованности и ее компонентов у педагогов с различной степенью эмоционального выгорания. Результаты подчеркивают необходимость разработки программ по укреплению профессиональной идентичности педагогов для профилактики и преодоления эмоционального выгорания.

Ключевые слова: профессиональная востребованность; эмоциональное выгорание; педагоги.

Профессиональная востребованность отражает глубинное отношение педагога к собственной роли в образовательном процессе, объединяя представления о профессиональной компетентности, авторитете, результатах деятельности и месте в профессиональном сообществе [1]. *Профессиональная востребованность – система отношений личности к себе как к значимому для других людей профессионалу; как к компетентному профессионалу, способному справиться со сложными задачами; как профессионалу, оценивающему результаты своей работы как общественно полезные; удовлетворенному степенью реализации своего профессионального потенциала и т.п.* [2].

Профессиональная востребованность тесно взаимосвязана с *эмоциональным выгоранием*: снижение профессиональной востребованности сопровождается ростом эмоционального истощения, деперсонализации и редукции персональных достижений [3]. *Понимание чувствительности компонентов профессиональной востребованности к выгоранию*, позволит выстроить целенаправленную профилактическую работу с педагогами.

Исследование. Выборка исследования составила 130 женщин-педагогов гимназий и общеобразовательных школ г. Минска и г. Гродно в возрасте от 19 до 72 лет (средний возраст – 36,1 лет).

Сбор данных осуществлялся с использованием методик: «Профессиональное выгорание» Н.Е. Водопьяновой и Е.С. Старченковой, созданной на базе методики МВІ К. Маслач и С. Джексона и «Профессиональная востребованность личности» (ПВЛ) Е.В. Харитоновой и А.Б. Ясько.

Данные подверглись статистической обработке с помощью программы SPSS Statistics v.23 (с применением критериев согласия Колмогорова-Смирнова, U-Манна-Уитни).

Средние значения компонентов профессиональной востребованности педагогов с различной степенью эмоционального выгорания представлены на рисунке. В качестве критерия нормативности использованы значения среднего уровня по каждой шкале (норма).

Средние значения шкал профессиональной востребованности у педагогов с различной степенью эмоционального выгорания

В ходе анализа средних значений шкал профессиональной востребованности у педагогов с различной степенью выраженности эмоционального выгорания установлено следующее:

1. Удовлетворенность реализацией профессионального потенциала

Педагоги с низкой и средней степенью выгорания демонстрируют значения, близкие к нормативному уровню (28,4 баллов при норме 28,5 баллов), что свидетельствует об ощущении ими чувства профессионального самореализации. При высокой и крайне высокой степени выгорания наблюдается значительное снижение показателей (22,9 балла и 20,5 баллов соответственно), усиливая неудовлетворенность имеющимся профессиональным статусом.

2. Принадлежность к профессиональному сообществу

У всех респондентов отмечен средний уровень принадлежности к обществу; хотя у педагогов с более высокой степенью выгорания выраженность данной шкалы оказалась близкой к нижней границе среднего уровня (20–30 баллов). Это указывает на недостаточное ощущение своей причастности к сообществу учителей, что выражается в недостаточной профессиональной сплоченности с коллегами; в трудностях в профессиональном взаимодействии; в формальном выполнении обязанностей.

3. Переживание профессиональной востребованности

Средние значения снижаются по мере усиления выгорания: от 27,7 баллов (при низкой и средней степенях) до 20,2 баллов (при крайне высокой степени), при норме среднего уровня 22–30 баллов. Это позволяет констатировать снижение субъективного ощущения значимости собственной профессиональной деятельности, которое на ранних этапах выгорания еще сохраняется, но усугубление выгорания у педагогов сопровождается ощущением собственной ненужности, снижением уверенности в важности результатов своей работы для других.

4. Профессиональная компетентность

В группе педагогов с низкой и средней степенью выгорания среднее значение составило 27,9 баллов, что соответствует среднему уровню (20–28 баллов), для сравнения в группе с крайне высокой степенью выгорания значение компетентности лишь 19,8 баллов. Это говорит о сохранении уверенности в своей компетентности на начальных фазах выгорания и о снижении оценки своей профкомпетентности у «выгоревших» педагогов.

5. Профессиональный авторитет

Значения шкалы снижаются от 27,4 баллов (низкая и средняя степень выгорания) до 18,8 баллов (крайне высокая), при нормативной границе 18–28 баллов. Утрата субъективного ощущения своей значимости в глазах окружающих характерна для «выгоревших» педагогов. Педагоги с высокими показателями по шкале авторитета ощущают ценность своего мнения для других, воспринимая себя референтными в профессиональной среде.

6. Оценка результатов профессиональной деятельности

У педагогов с низкой и средней степенью выгорания значение составляет 30,7 баллов, что соответствует верхней границе среднего уровня (21–31 баллов). По мере усиления выгорания оценка результатов снижается до 22,2 балла (при крайне высокой степени), что свидетельствует о нарастающем обесценивании собственного труда. Педагоги в состоянии выгорания ощущают, что их работа не приносит пользы и не оценивается должным образом, что ведет к профессиональной неудовлетворенности.

7. Отношение других

В группе с низкой и средней степенью выгорания зафиксировано среднее значение 30,4 балла (при норме среднего уровня 22–32 балла. С

усилением выгорания значения падают до 25,2 баллов (высокая степень) и 21,6 баллов (крайне высокая степень), указывая на ощущение педагогами социального безразличия к ним или негативного отношения со стороны учащихся, коллег и руководства. Подобное восприятие может усиливать чувство профессиональной изоляции, снижать самооценку и подрывать мотивацию к продолжению деятельности.

8. Самоотношение

Самоотношение педагогов с низкой и средней степенью выгорания, равное 30,6 баллов, соответствует высокому уровню (диапазон среднего уровня 18–26 баллов), что отражает их самоуважение и позитивное отношение к себе как к профессионалу. При крайне высокой степени выгорания значение самоотношения падает до 20,5 баллов, что свидетельствует об ослаблении профессиональной идентичности. *Изменение самоотношения* может быть индикатором эмоционального истощения, сопровождающегося сомнениями в собственной пользе и ценности. При анализе статистических различий выраженности компонентов профессиональной востребованности между группами педагогов с различной степенью эмоционального выгорания (таблица).

Различия выраженности компонентов профессиональной востребованности у педагогов с различной степенью эмоционального выгорания

Профессиональная востребованность	Низкая и средняя – высокая степень выгорания		Низкая и средняя – крайне высокая степень выгорания		Высокая – крайне высокая степень выгорания	
	U	p	U	p	U	p
Самоотношение	483,5	<0,001	158,5	<0,001	358,0	<0,001
Оценка результатов профессиональной деятельности	505,0	<0,001	227,0	<0,001	430,5	0,001
Профессиональный авторитет	391,0	<0,001	191,0	<0,001	463,0	0,003
Отношение других	440,5	<0,001	157,5	<0,001	461,0	0,003
Принадлежность к профессиональному сообществу	411,5	<0,001	319,0	<0,001	472,0	0,004
Переживание профессиональной востребованности	523,0	<0,001	349,0	<0,001	527,5	0,020
Профессиональная компетентность	521,5	<0,001	351,5	<0,001	535,0	0,024
Удовлетворенность реализацией потенциала	441,0	<0,001	322,5	<0,001	562,0	0,047

При сравнении выраженности компонентов востребованности в группе с низкой и средней степенями выгорания с другими группами выявлены достоверные различия на высоком уровне значимости ($p < 0,001$). При усилении выгорания достоверно снижаются все компоненты профессиональной востребованности.

Различия профессиональной востребованности между группами с высокой и крайне высокой степенями эмоционального выгорания оказались более вариабельны. Так, у педагогов *при усилении состояния выгорания* (данные интерпретируются по мере снижения значимости):

- существенно снижается самоуважение, чувство самооценности и позитивного образа «Я» в профессиональной сфере;
- обесценивается собственная работа и снижается удовлетворенность результатами труда;
- снижается ощущение собственного влияния как профессионала;
- ухудшается восприятие социального признания и поддержки со стороны других участников образовательного процесса;
- растёт отчуждение от профессиональной среды и ослабевает чувство сопричастности;
- появляются сомнения в собственных знаниях и умениях;
- труд не воспринимается как общественно полезный;
- ограничиваются собственные возможности самореализации.

Таким образом, по мере усиления эмоционального выгорания у педагогов достоверно снижаются все компоненты профессиональной востребованности, особенно выражено снижение по шкалам самоотношения, оценки результатов, профессионального авторитета и отношения других. Кроме того, уровень принадлежности к профессиональному сообществу даже при низкой степени эмоционального выгорания остается ниже нормативного, что подчеркивает необходимость укрепления их профессиональной идентичности.

Библиографические ссылки

1. Насырова Н.Ю. Факторы формирования профессиональной востребованности современных педагогов // Синтез науки и общества в решении глобальных проблем. 2024. С. 105–108.
2. Харитонова Е.В. Социально-профессиональная востребованность личности: к обоснованию психологической концепции // Вестник Адыгейского государственного университета. 2011. № 3. С. 1–5.
3. Цыдик К.Г. Особенности эмоционального выгорания педагогов с различным уровнем профессиональной востребованности // Актуальные вопросы современных социально-гуманитарных исследований: сб. науч. статей участников XXX Респ. конкурса науч. работ студентов. Минск: БГУ, 2023. С. 149–152.

ПОВЫШЕНИЕ ТРУДОУСТРАИВАЕМОСТИ СТУДЕНТОВ НА ОСНОВЕ ПЛАНИРОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КАРЬЕРЫ

Чэнь Сыци

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, schen1657@gmail.com*

Научный руководитель – Е. Е. Кучко, доктор социологических наук, профессор

В условиях изменений на рынке труда студенты сталкиваются с вызовами трудоустройства. В настоящей статье, опираясь на концепцию трудоустраиваемости и теорию карьерного планирования, сделана попытка раскрыть механизмы и пути профессионального самоопределения для повышения конкурентоспособности на рынке труда. Акцентируется необходимость постоянного саморазвития, навыков трудоустройства и адаптивности, а также рассматриваются теоретические подходы и предлагаются практические рекомендации для успешной интеграции выпускников высших учебных заведений на рынке труда.

Ключевые слова: трудоустраиваемость; планирование карьеры; студенты.

В условиях трансформации мировой экономики, развития цифровой экономики и экономического спада рынок труда предъявляет повышенные требования к знаниям, компетенциям и личностным качествам работников.

Структурные изменения в занятости осложняют трудоустройство выпускников вузов, усиливая конкуренцию на рынке труда и проблему его дисбаланса. В этой ситуации обеспечение трудоустройства студентов-выпускников становится важной социальной задачей.

Планирование карьеры способствует интеграции личностного роста и карьерных целей, являясь ключевым инструментом повышения трудоустройства и обеспечения качественного профессионального роста.

Термин «трудоустраиваемость» акцентирует внимание на потенциале и способности индивида быть трудоустроенным. Этот концепт был впервые предложен известным британским экономистом William Beveridge в начале 20 века, когда он исследовал вопросы занятости и безработицы. Он определял трудоустраиваемость как способность индивида немедленно найти работу на рынке труда [5].

Hillage и Pollard (1998) определяют трудоустраиваемость как многомерную конструкцию, включающую четыре компонента: активы, самопрезентацию, развитие и контекст. Активы охватывают профессиональные качества и базовые навыки. Развитие отражает способность выявлять и реализовывать карьерные возможности. Самопрезентация предполагает

умение эффективно демонстрировать свои активы работодателю, например, при составлении резюме или прохождении собеседования. Контекст связан с реализацией профессиональных целей с учётом социального и рыночного окружения [4].

Модель трудоустраиваемости USEM, разработанная британскими исследователями Р. Т. Knight и М. Yorke, представляет собой системный подход к анализу факторов, определяющих способность выпускников к успешной профессиональной реализации. В её структуру входят четыре ключевых компонента: дисциплинарные знания, навыки, самоэффективность и метакогнитивные способности.

Данная модель подчёркивает, что успешное трудоустройство зависит не только от уровня профессиональной подготовки, но и от степени уверенности в собственных возможностях, а также от способности к саморефлексии и осознанию процесса обучения. Взаимодействие указанных компонентов формирует основу конкурентоспособности выпускников в условиях современного рынка труда.

Трудоустраиваемость студентов не только условие выхода на рынок труда, но и основа карьерного роста и социальной интеграции. Её уровень определяет успешность перехода от учебной к профессиональной роли. Развитие ключевых компетенций и ответственности способствует формированию культуры трудоустройства и повышению конкурентоспособности выпускников [2, с. 175].

Планирование карьеры возникло в 1908 году в США, когда Франк Парсонс предложил концепцию "профессионального консультирования", что стало основой системного подхода к карьерному ориентированию. Это процесс планирования и действий для достижения карьерных целей. В 1960-х годах Джон Холланд предложил теорию типов личности, подчёркивая важность соответствия личностных характеристик и профессиональной среды. Он считал, что выбор профессии отражает интересы, ценности и особенности личности в профессиональной сфере.

Типологическая теория личности Дж. Холланда, основанная на модели RIASEC (реалистический – R, исследовательский – I, артистический – A, социальный – S, предпринимательский – E, конвенциональный – C), акцентирует внимание на значимости соответствия между личностными характеристиками индивида и профессиональной средой. Такое соответствие способствует повышению удовлетворённости карьерой и профессиональной эффективности. Указанная теория дополняет модель трудоустраиваемости USEM, предложенную Р. Т. Knight и М. Yorke, усиливая её компоненты “самоэффективность” и “метакогниция” через осознание

индивидуальных интересов, ценностей и предпочтений. Применение типологического подхода Холланда в процессе планирования карьеры повышает релевантность профессионального выбора и способствует формированию устойчивой профессиональной идентичности студентов в условиях современного рынка труда.

Планирование карьеры должно основываться на интеграции интересов, способностей и целей, обеспечивая соответствие между личным потенциалом и требованиями рынка труда как основу трудоустраиваемости.

Повышение способностей к саморазвитию

Способность к саморазвитию, являясь ключевым элементом трудоустраиваемости студентов, отражает личностный потенциал к карьерному росту, самопознанию и осознанному формированию компетенций. Она не только обеспечивает реализацию индивидуального потенциала, но и выступает внутренним ресурсом мотивации, способствующим адаптации к динамично меняющимся условиям рынка труда и устойчивому карьерному развитию. В контексте карьеры, личной самореализации и развития важно определить виды деятельности, способствующие достижению указанных целей и обеспечивающие целостное развитие личности [1, с. 108].

Кроме того, способность к саморазвитию включает ключевые компетенции, такие как обучаемость, управление временем, эмоциональная саморегуляция и инновационное мышление. Обучаемость и профессиональные навыки являются основой для обновления знаний и подготовки, а инновационность отражает уровень адаптации к изменениям и нововведениям в профессиональной среде и отраслевых трансформациях. В условиях цифровизации и глобализации особенно важны навыки межкультурной коммуникации и командной работы, которые становятся неотъемлемой частью профессионального контекста. Систематическое развитие способности к саморазвитию и фокус на планировании карьеры способствуют раскрытию потенциала студентов, уточнению карьерных целей и повышению их конкурентоспособности на рынке труда.

Укрепление способностей к трудоустройству и прохождению собеседования

Способность к трудоустройству и прохождению собеседований является важной компетенцией студентов на этапе выхода на рынок труда. Она охватывает навыки поиска вакансий, самопрезентации, соотнесения личных качеств с требованиями должности и достижения успешного трудоустройства. Эта способность отражает переход от статуса “потенциального работника” к “трудоустроенному специалисту” и служит практическим выражением уровня трудоустраиваемости.

В контексте системного планирования карьеры студенты осваивают и интериоризируют навыки трудоустройства посредством специализированных курсов, тренингов, деловых игр и производственных стажировок. Резюме выступает в качестве первичной формы самопрезентации, оказывая ключевое влияние на первое впечатление работодателя и принимаемое им решение о дальнейшем взаимодействии с кандидатом. Коммуникативные и интервью-компетенции, включающие речевую выразительность, эмоциональную устойчивость, ситуативное мышление и знание норм делового этикета, являются важными индикаторами общей профессиональной готовности и конкурентоспособности выпускников.

Усиление способностей к профессиональной адаптации

Профессиональная адаптивность ключевая способность, обеспечивающая переход студентов от учебной к профессиональной деятельности. Она включает психологическую устойчивость, навыки решения проблем и гибкость в условиях новых профессиональных требований и межличностных взаимодействий. Эта способность отражает зрелость личности, влияет на стабильность занятости и рассматривается как важный показатель уровня трудоустраиваемости.

Планирование карьеры как механизм формирования профессиональной адаптивности способствует развитию у студентов понимания требований рынка труда и способности к прогнозированию изменений профессиональной среды [3, с. 282]. Системная подготовка укрепляет психологическую устойчивость, развивает навыки эмоциональной саморегуляции и адаптации, снижая уровень стресса при переходе к профессиональной деятельности. Освоение таких ключевых компетенций, как критическое мышление, межкультурная коммуникация и командное взаимодействие, служит основой профессиональной зрелости и обеспечивает переход от потенциальной к устойчивой занятости.

Таким образом, в условиях системного планирования карьеры студенты развивают ключевые способности в сферах саморазвития, поиска работы, прохождения собеседований и профессиональной адаптации. Это способствует укреплению профессиональных знаний, формированию чёткого понимания карьерной траектории и повышению адаптивности к изменениям на рынке труда, что, в свою очередь, усиливает зрелость и устойчивость трудоустраиваемости. Планирование карьеры играет в этом процессе ключевую роль, обеспечивая комплексное и системное развитие трудоустраиваемости студентов. В перспективе студентам необходимо активно реагировать на изменения в отраслевой структуре и эволюцию требований к профессиональным кадрам, углубляя понимание теоретических

основ карьерного планирования и их практическое применение, обеспечивая тем самым переход от обладания базовыми трудовыми навыками к реализации высококачественного трудоустройства.

Библиографические ссылки

1. *Киселева Е. В.* Планирование и развитие карьеры. Вологда: Легия. 2010.
2. *Пак Л. Г., Каменева Е. Г., Кочемасова Л. А.* Формирование культуры трудоустройства выпускников вузов // Перспективы науки и образования, 2021 (6 (54)): С. 172-191.
3. *Цай Яфэн.* Анализ планирования карьеры студентов, ориентированного на повышение уровня трудоустройства // Исследования в области управления наукой и технологиями, 2023, 43(23): С. 282-283.
4. *Hillage. J, Pollard E.* Employability: developing a framework for policy analysis. 1998
5. *Robertson D. H, Beveridge W.* Unemployment: A Problem of Industry // The Economic Journal, 1931, 41(161).

РЕЛИГИОЗНОСТЬ ЛИЧНОСТИ КАК КОПИНГОВЫЙ МЕХАНИЗМ ПРЕОДОЛЕНИЯ ПОСЛЕДСТВИЙ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ТРАВМЫ

Д. Р. Шарипова

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, darya.sharypava@mail.ru
Научный руководитель – А. С. Солодухо, кандидат психологических наук, доцент*

В статье представлены различные подходы к исследованию религиозности личности, приведен обзор зарубежных исследований. Показано, что в переработке травматического опыта задействована рефлексия по изменению «картины мира», базисных убеждений. А религиозная личность как носитель определенных ценностей, опыта, знаний, моральных принципов и социальных норм, будет задействовать это в процессе преодоления последствий психологической травмы.

Ключевые слова: религиозность личности; религиозность как копинговый механизм; картина мира; базисные убеждения; психологическая травма.

Существует большое количество подходов как к определению феномена религиозность, так и к его изучению. Множество авторов пробовали эмпирически исследовать религиозность, разрабатывали методики, шкалы для измерения.

Наиболее полную методику эмпирического исследования религиозности создали Ч. Глок и Р. Старк. Ч. Глок предложил пять основных измерений религиозности, которые позволяют описать религию в ее полноте: «опытное» (субъективный эмоциональный религиозный опыт); «ритуалистическое» (участие в религиозных практиках, действиях, ритуалах); «идеологическое» (принятие определенной системы верований); «интеллектуальное» (знания, информированность); «последствия» (результаты и влияние на светскую жизнь предыдущих четырех проявлений религиозности) [1].

Вместе с Р. Старком позже Ч. Глок опубликовал дополнения к шкалам измерения религиозности. В конечный список они включили восемь показателей [2], среди которых, в плане исследования категории «практикующих верующих», было включено уже не только «участие в ритуалах», но и такие показатели как «участие в жизни общины» и «приверженность ценностям общины».

Другой взгляд на методологию исследования религиозности можно заметить у Д. Батсона, который составлял так называемые шкалы-«бренды» (шкала «Квест»). Д. Батсон вводит три направления исследования религиозности: «религия как цель», «религия как средство» и «религия как поиск» [2].

Заслуживает внимания и предложенный П. Хиллом иерархический подход к изучению религиозности. Его смысл заключается в выделении общей религиозности и ее частных проявлений [3].

Стоит заметить, что вышеописанные разработанные на Западе шкалы измерения религиозности создавались для протестантизма и католицизма. Поэтому их сложно распространить на исследование представителей других конфессий [4].

Существует многомерный подход к пониманию религиозности, в основе которого лежит модель религиозности De Jong, Faulkner, Warlahd, которая включает в себя религиозную веру, опыт, поведение, религиозные моральные принципы, социальные нормы, знания. В этом подходе религиозность рассматривается как структура, образованная совокупностью черт личности, установок, определенным мировоззрением и поведением, измеряемая с помощью психологических тестов и наблюдения [5].

Важно отметить, что религиозность может являться копинговым механизмом, помогающим справляться с различными стрессовыми, кризисными, травмирующими событиями, а также с их последствиями.

Психическую травму мы будем рассматривать с точки зрения нарушения базисных убеждений (когнитивных схем), складывающихся в «картину мира». Эти схемы представляют собой когнитивно-эмоциональные структуры, которые формируются в процессе приобретения разного жизненного опыта.

Схемы могут быть гибкими либо ригидными. Последние часто являются причиной дезадаптации. В основе схем лежат убеждения, которые можно разделить на 3 вида: убеждения о жизненных событиях, убеждения о себе и о мире в целом. Базисными убеждениями являются представления о себе и о мире. Именно они претерпевают изменения при столкновении личности с травматической ситуацией.

Чаще всего при психической травматизации претерпевают изменения базисные убеждения, относящиеся к позитивному восприятию себя и доброжелательности мира. Личность сталкивается с уязвимостью и беспомощностью, пребывает в состоянии дезинтеграции, разрешением чего является изменение базисных убеждений [6].

Религиозность также затрагивает ценности личности и влияет на представления о себе и о мире. При травматическом событии в картине мира происходят изменения – нарушаются представления о себе, как о хорошем человеке, о безопасности мира. Однако очень важна дальнейшая психологическая работа личности по осмыслению, рефлексии ситуации, которая помогает реорганизовать эти базисные схемы. Они не будут возвращаться к прежнему виду, однако будут более адаптированными к нынешней действительности. Например, эти убеждения могут иметь следующий вид: «мир безопасен, но могут происходить разные жизненные ситуации, в том

числе негативные», либо «я хороший человек, но могу поступать по-разному в соответствии с жизненными условиями и контекстом» и т.д.

Очень важно отметить роль религиозности в этом процессе. Религиозность встраивается в «картину мира» и также может разным образом воздействовать на переосмысление, на рефлекссию, которую производит личность для переработки этого опыта. Так, религиозная личность имеет свой уникальный эмоциональный религиозный опыт, участвует в религиозной жизни, принимает систему верований, которая входит в представления о себе и о мире. Также такая личность имеет выстроенную картину мира, в которую включается религиозное знание, определенные ценности, опыт, моральные принципы и социальные нормы, которые можно наблюдать и измерять. А соответственно, в дальнейшем проводить более углубленные эмпирические исследования воздействия религиозности личности на преодоление последствий психологической травмы.

Таким образом, религиозность может быть копинговым механизмом в процессе преодоления последствий психологической травмы, так как в переработке травматического опыта задействована рефлексия по изменению «картины мира», базисных убеждений о себе и о мире. А религиозная личность как носитель определенных ценностей, опыта, знаний, моральных принципов и социальных норм, будет задействовать это в процессе преодоления. При определенных условиях религиозность (внутренняя религиозная система ценностей и активные религиозные действия) помогает личности изменять «картину мира», находить новые смыслы в ситуации.

Библиографические ссылки

1. *Glock Ch.Y.* On the Study of Religious Commitment. Religious Education, Research Supplement, Vol. 42 (Jul.-Aug., 1962). P. 98–110.
2. *Batson C.D., Schoenrade P.A.* Measuring Religion as Quest: 1) Validity Concerns. Journal for the Scientific Study of Religion, Vol. 30, № 4 (Dec., 1991). P. 430–447.
3. *Hill P.C., Hood R.W. Jr.* Measures of Religiosity. Birmingham, Alabama: Religious Education Press, 1999. 529 p.
4. *Хлопкова О. В.* Современные проблемы исследования религиозности // Russian Journal of Education and Psychology. 2012. №. 9. С. 47–61.
5. *Чумакова, Д.М.* Религиозность личности: основные подходы, структура и диагностика // Психология. Психофизиология. 2011. № 42 (259). С. 111–114.
6. *Падун М.А., Тарабрина Н.В.* Психическая травма и базисные когнитивные схемы личности // Консультативная психология и психотерапия. 2003. Том 11. № 1. С. 121–141.

ДИЛЕММА ТРАДИЦИОННОГО КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Сюй Цзини; Минава Сайдунла

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, yvzhong123@gmail.com
Научный руководитель – И. М. Авласенко, кандидат исторических наук, доцент*

В статье проанализированы проблемы, с которыми сталкивается традиционное культурное наследие в условиях глобализации: культурная гомогенизация, маргинализация систем знаний коренных народов, разрыв между поколениями. В работе раскрыты парадоксы сохранения культурного наследия, включая музейзацию живых традиций и культурное растворение, вызванное коммерциализацией, которая подрывает культурную аутентичность.

Основываясь на результатах анализа отдельных кейсов в Азии и Европе, авторы выступают за адаптивные стратегии, такие как переосмысление образования, а также инновации, ориентированные на уровень отдельных общин. Подчеркивая баланс между консерватизмом и инновациями, в работе доказывается необходимость динамичных и инклюзивных подходов к сохранению «живого наследия» в эпоху глобализации.

Ключевые слова: глобализация; культурное наследие; гомогенизация, нематериальное культурное наследие; расширение прав и возможностей общин

THE DILEMMA OF TRADITIONAL CULTURAL INHERITANCE IN THE CONTEXT OF GLOBALIZATION

Xu Jingyi; Minawa Saidongla

*Belarusian State University, Nezavisimosti Av., 4,
220030, Minsk, Belarus, yvzhong123@gmail.com
Supervisor – I. M. Avlasenko, Candidate of Science (History), Associate Professor*

This article critically examines the challenges confronting traditional cultural inheritance amid globalization, focusing on structural threats such as cultural homogenization, marginalization of indigenous knowledge systems, and intergenerational disconnection. It identifies preservation paradoxes, including the musealization of living traditions and commercialization-driven cultural dilution, which undermine authenticity. Based on case analyses spanning Asia and Europe, the authors advocate for adaptive strategies like educational updates, policy innovation, and community-driven initiatives. Emphasizing the balance between preservation and innovation, it underscores the need for dynamic, participatory approaches to sustain "living heritage" in a globalized era.

Keywords: Globalization; Cultural Inheritance; Homogenization; Intangible Cultural Heritage; Community Empowerment

Introduction

The accelerating forces of globalization have fundamentally reshaped the dynamics of cultural preservation, presenting both unprecedented challenges and paradoxical opportunities for traditional heritage. As transnational economic integration and digital connectivity dissolve geographical boundaries, they simultaneously erode the localized ecosystems that sustain cultural diversity. From the commodification of ancient rituals to the marginalization of indigenous knowledge systems, traditional cultures face existential threats under homogenizing pressures. Yet, this globalized landscape also offers innovative pathways for revitalization, demanding a critical re-examination of preservation paradigms. Scholarly discourse has extensively documented the "cultural imperialism" wrought by dominant media and market forces, yet less attention has been paid to the nuanced interplay between institutional inertia, intergenerational disconnection, and adaptive resilience. This paper bridges this gap by analyzing empirical cases – such as China's Mid-Autumn Festival transformation and Belarus's fading oral epics – to unravel the structural and ethical complexities of cultural transmission. It argues that sustainable preservation hinges not on static conservation but on dynamic equilibrium, where education, policy innovation, and community agency converge. By interrogating the paradoxes of musealization, commercialization, and cross-cultural misappropriation, the study proposes actionable strategies to transform heritage from fragile relics into living practices. Ultimately, it advocates for a holistic framework that harmonizes tradition with modernity, ensuring cultural vitality in an era of relentless globalization.

Structural Threats of Globalization to Cultural Diversity

Globalization has catalyzed a shift toward transnational cultural norms, often at the expense of local traditions. For instance, the commodification of China's MidAutumn Festival rituals into mass-produced mooncake gift boxes exemplifies how consumerism strips cultural practices of their symbolic richness. New media technologies expand access to information but also expose traditional cultural heritage to competition from mass culture and digital entertainment [1]. The degradation of Suzhou embroidery – once a meticulous art form rooted in regional aesthetics – into generic tourist souvenirs reflects a broader pattern of cultural imperialism, where dominant economic and media systems impose standardized narratives on diverse societies. Social media algorithms, which prioritize content aligned with mainstream aesthetics, further exacerbate this trend. For example, India's traditional handloom weaving techniques face decline as fast fashion and globalized design trends dominate consumer preferences, underscoring how cultural capital increasingly aligns with global visibility, marginalizing traditions lacking commercial appeal.

Institutional frameworks often fail to accommodate non-Western

epistemologies, leading to the erosion of traditional knowledge. Despite its historical efficacy, Traditional Chinese Medicine (TCM) struggles to gain parity with biomedical systems in modern hospitals, which prioritize Western diagnostics. The esoteric nature of traditional Chinese cultural studies and the lack of professional educators hinder youth engagement, resulting in superficial understanding [2]. Similarly, Belarusian oral folk epics, rooted in communal storytelling, now survive only through the efforts of elderly practitioners. The decline of such practices represents not merely artistic loss but a rupture in intergenerational knowledge transfer, as younger generations gravitate toward algorithm driven content over lived narratives in the digital age.

Globalization destabilizes the social bonds and shared values essential for cultural transmission. In Fujian, the collapse of apprenticeship models for Liyuan Opera amid urbanization and economic pressures illustrates this crisis. The prevalence of commercialized popular culture consumes youth time and diminishes their interest in traditional cultural inquiry [3]. Younger generations, lured by lucrative careers, abandon the apprenticeship cycles that once sustained such arts. In Japan, swordsmith families like the Muramasa face tensions between preserving ancestral techniques and adapting to contemporary demands, risking accusations of inauthenticity. These dilemmas reveal how cultural memory is contested, shaped by competing visions of identity and progress.

Paradoxes of Preservation in a Globalized World

Efforts to safeguard heritage often prioritize static preservation over dynamic practice. The archival isolation of Dai palmleaf manuscripts, divorced from daily life, epitomizes this paradox. Fragmented digital consumption in the new media era reduces traditional cultural symbols to superficial icons, undermining systematic internalization [4]. Similarly, France's Burgundy winemaking traditions, despite UNESCO recognition, struggle to integrate into modern education systems, resulting in fragmented apprenticeships and undervalued skills. Such cases highlight the limitations of objectifying heritage, which severs traditions from their socioecological contexts.

The commercial exploitation of traditions often leads to cultural dilution. In Lijiang's ancient town, tourism transforms Naxi culture into a staged performance, prioritizing economic gain over authenticity. Intangible cultural heritage (ICH) must avoid excessive commercialization while innovating designs to revitalize traditional elements. Conversely, rigid preservationism risks irrelevance, as seen in India's Sanskrit theater, frozen in archaic forms to meet purist agendas. These extremes reveal the challenge of balancing economic viability with cultural fidelity.

Globalization fosters the misrecognition of cultural symbols, fracturing collective identities. African tribal masks displayed as abstract art in Western

galleries lose their ritual significance, while Korean shamanic rituals repackaged for tourist consumption detach from spiritual roots. Western cultural hegemony, propagated through media manipulation, intensifies survival crises for traditional cultures in developing nations [4]. Such phenomena reflect the paradoxes of cultural appropriation, where marginalized communities navigate commodification while asserting agency over their heritage.

Pathways for Sustainable Cultural Transmission

Integrating traditional knowledge into modern curricula is vital for intergenerational continuity. Thailand's inclusion of Lanna herbal medicine in university programs demonstrates how formal education bridges academic and practical realms. Fusing traditional symbols with digital art through new media creations enhances youth engagement with cultural depth [5]. China's Jingdezhen ceramic workshops, evolving into collaborative hubs for artisans and designers, exemplify how experiential learning aligns with situated learning theory, emphasizing hands-on engagement over rote memorization.

Legal frameworks must evolve to support cultural vitality. Italy's Traditional Hill Towns Law and Japan's "Living National Treasures" system offer templates for legislative protection and apprenticeship incentives.

Vocational education should align with market needs, fostering ICH innovation through industry-academia collaboration [5]. In China's Fujian, community-led festivals blending Confucian rituals with modern civic participation illustrate adaptive governance, merging tradition with contemporary engagement.

Empowering local communities and fostering dialogue can revitalize traditions. Sino-Belarusian educational exchanges and joint art exhibitions under the Belt and Road Initiative provide models for innovative cross-cultural collaboration.

The fusion of Hungarian folk music with modern orchestration demonstrates hybridity's potential to expand cultural relevance without erasing roots. These approaches align with theories of cultural hybridity, advocating fluid, participatory practices that respect diversity while embracing innovation.

Conclusion

Preserving traditional culture in a globalized world demands rethinking preservation paradigms. Cultivating modern subjects with renewed cultural consciousness enables the dynamic equilibrium of tradition through selective adaptation and reconstruction.

By addressing structural barriers, institutional inertia, and identity crises through educational reform, policy innovation, and community empowerment, societies can nurture "living heritage" that thrives in diversity. The cases analyzed underscore the urgency of balancing preservation with adaptation,

ensuring traditions remain rooted yet resonant in an interconnected world.

References

1. 彭欣.新媒体时代传统文化传承的现实困境与创新策略.江西社会科学, 2014. No. 12. P. 233-238.= *Peng Xin*. The realistic dilemma and innovative strategies of traditional cultural inheritance in the era of new media // Jiangxi Social Sciences, 2014. No. 12. P. 233-238.
2. 周颖.浅析全球化背景下传承优秀传统国学文化的路径研究//汉字文化, 2023. No. 15. P. 42-44.= *Zhou Ying*. A Study on the Path of Inheriting Excellent Traditional Chinese Culture under the Background of Globalization Chinese character culture, 2023. No. 15. P. 42-44.
3. 刘鑫.全球化背景下中国青年对传统文化的认知困境//河北青年管理干部学院学报, 2015. No. 4. P. 1-3.= *Liu Xin*. The cognitive dilemma of Chinese youth towards traditional culture in the context of globalization Journal of Hebei Youth Management Cadre College, 2015. No. 4. P. 1-3.
4. 黄丹.新媒体时代中国传统文化的困境与反思//重庆邮电大学学报(社会科学版), 2017. No. 5. P. 75-80.= *Huang Dan*. The dilemma and reflection on the inheritance of traditional Chinese culture in the era of new media // Journal of Chongqing University of Posts and Telecommunications (Social Sciences Edition), 2017. No. 5. P. 75-80.
5. *Jinling Li*. Research on the Development of Intangible Cultural Heritage Traditional Handicraft Education Inheritance and Socialization Inheritance // International Journal of Frontiers in Sociology, 2022. Vol. 4, Issue 5. P. 1-6.
6. 刘魁立.论全球化背景下的中国非物质文化遗产保护//河南社会科学, 2007. No. 1. P. 25-34+171.= *Liu Kuili*. On the Protection of China's Intangible Cultural Heritage under the Background of Globalization // Henan Social Sciences, 2007. No. 1. P. 25-34+171.

ФАКУЛЬТЕТ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ КОММУНИКАЦИЙ

ИНСТРУМЕНТАЛЬНАЯ ЦЕННОСТЬ СОЗДАНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В КУЛЬТУРНОЙ ИНДУСТРИИ

Е Юймэн

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, Минск, Беларусь, fsc.e@bsu.by
Научный руководитель – Е. К. Сельченко, старший преподаватель*

Со стремительным развитием технологий искусственного интеллекта контент, создаваемый искусственным интеллектом, все больше проникает в сферу литературы и искусства.

Применение технологий искусственного интеллекта в культурной индустрии значительно повысило эффективность производства контента, но также привело к появлению таких проблем, как гомогенизация и авторские права.

Результаты исследования, основанные на анализе литературы и конкретных примеров, показывают, что в будущем будет преобладать модель сотрудничества между искусственным интеллектом и человеческими творцами, которая позволит сохранить глубину гуманистического духа при использовании технологических инноваций.

Ключевые слова: литература об искусственном интеллекте; художественная ценность; философская оценка; культурная индустрия.

THE INSTRUMENTAL VALUE OF AI CREATION IN CULTURAL INDUSTRY

Ye Yumeng

*Belarusian State University, Nezavisimosti Av., 4,
220030, Minsk, Belarus, fsc.e@bsu.by
Supervisor – Elena K. Selchenok, Senior Lecturer*

With the rapid development of artificial intelligence technology, the content generated by artificial intelligence is increasingly penetrating into the field of literature and art.

In the application of cultural industries, artificial intelligence technology has significantly improved the efficiency of content production, but it also faces challenges such as homogenization and copyright ownership.

Through literature review and case studies, the research results indicate that the collaborative mode between artificial intelligence and human creators will become a future trend, maintaining the depth of humanistic spirit while utilizing technological innovation.

Keywords: AI Literature; Artistic Value; Philosophical Evaluation; Cultural Industry.

Artificial intelligence is profoundly changing the way media content is created, making content production more efficient and diverse. Taking short video platforms as an example, Douyin's AI technology can automatically convert ancient poems into vivid and interesting videos. Users only need to select an ancient poem, and AI can generate corresponding animation pictures, add recitation and subtitles, and complete a high-quality cultural communication work in just a few minutes. This method greatly reduces the threshold for creation, allowing people who do not understand professional editing to produce decent cultural content.

From the perspective of the creative process, AI plays three main roles: first, content generation, such as automatically writing poems or copywriting based on keywords; second, form conversion, such as turning text into images or videos; third, personalized recommendations, adjusting the content style according to user preferences. The DeepSeek system is a typical example. If you input “missing my hometown”, it can generate poems that meet the requirements. As scholar Zheng Zhiwu said, this “humans think of ideas-AI executes” model is particularly suitable for media organizations that need to mass-produce content [1].

However, it should be noted that AI creation has obvious template problems. If you observe the popular AI ancient poetry videos on Douyin, you will find that many works use similar picture styles and transition effects. As scholar Ma Zhiguo mentioned, this is because AI learns common patterns in existing data and lacks real innovation capabilities [2]. It is like using the same PPT template to make reports on different topics. Although it is convenient, it is easy to appear monotonous.

From the perspective of content quality, AI works excel in technology, but lack depth. For example, AI-generated ancient poetry videos have beautiful pictures and standard pronunciation, but the presentation of the connotation of the poem often remains superficial. It may use a bright moon to express “looking up at the bright moon”, but it cannot convey the poet's complex homesickness. This is like a child who can recite Tang poetry accurately but does not understand the deep meaning.

However, AI creation has also caused some concerns. The biggest problem is that copyright ownership is unclear: video soundtracks generated by AI may infringe copyright, and automatically written articles can plagiarize other people's works. As scholar Lu Mengmeng mentioned, currently platforms usually attribute responsibility to AI users, but the specific boundaries are still vague [3]. Another risk is content homogeneity. If all editors rely on the same AI tool, the content produced will inevitably be similar.

Combined with the views of scholar Ma Zhiguo, the future development direction should be human-machine collaboration.

The ideal model is: humans are responsible for creative planning and quality control, and AI is responsible for performing time-consuming basic work [2].

For example, when making a video of ancient poetry, human editors first determine the cultural interpretation angle, and AI then generates multiple versions for selection based on this.

This can not only ensure the depth of content, but also improve production efficiency. No matter how advanced AI is, it is just a tool, and truly good content will always require human thinking and creativity.

Personalized recommendations are a special advantage of AI rhetoric.

The system will adjust the copywriting style according to the user's browsing history: it may use Internet buzzwords such as “must have for fairies” for young women, and use steady expressions such as “craftsmanship quality” for middle-aged men.

As scholar Ma Zhiguo concluded, this dynamic adjustment capability is difficult for human creators to achieve in real time, allowing marketing information to reach different groups more accurately [2].

It is also worth noting the grasp of emotional resonance points.

AI will analyze social media buzzwords and combine products with current public sentiment.

The Let Love Go Home series of copywriting generated by DeepSeek for Spring Festival specialties successfully aroused consumers' emotional identification.

As scholar Zheng Zhiwu said, this ability to capture social psychology in a timely manner makes AI marketing more timely [1].

However, AI rhetoric also has obvious limitations.

The most prominent one is the similarity of ideas. Similar products from different brands often receive similar descriptions. This is because the algorithm tends to choose expressions that appear frequently in the data. In addition, AI has difficulty in dealing with cultural differences.

In the future, AI marketing rhetoric may pay more attention to multimodal integration. Not only can it generate text descriptions, but it can also automatically match the corresponding picture style, video rhythm and even background music to form an overall rhetorical effect.

For example, when promoting classical furniture, AI can simultaneously generate classical Chinese style copywriting, ancient style pictures and traditional musical instrument soundtracks.

As scholar Ma Zhiguo mentioned in his research, this three-dimensional expression can produce stronger cultural appeal [2].

The application of artificial intelligence in the cultural industry brings both convenience and problems, just like a double-edged sword that needs to be properly controlled.

From a positive perspective, the most obvious is the improvement of production efficiency.

Tools such as DeepSeek allow people who do not understand the rules of poetry to generate qualified poems, and ordinary people can participate in cultural creation through simple operations.

As scholar Zheng Zhiwu mentioned, this breaks down professional barriers and makes the cultural industry more “popular”. [1]

But the negative impact cannot be ignored either. The most prominent problem is content homogeneity. Just like fast food, you will get tired of it if you eat too much. Copyright disputes have become a new problem.

The employment structure is also changing. Some basic cultural jobs, such as simple news writing and advertising copywriting, are decreasing.

Although new jobs such as AI trainers and content reviewers have emerged at the same time.

Faced with these pros and cons, a balancing act can be taken. For example, scholar Ma Zhiguo proposed to establish an “AI + expert” collaboration mechanism, such as having scholars review the cultural accuracy when making ancient poetry videos [2].

It's necessary to encourage innovative use, avoid over-reliance on fixed templates, and regularly update AI training data, to improve laws and regulations and clarify the copyright rules for AI-generated content, to strengthen humanities education, cultivate the public's aesthetic judgment, and to prevent them from being misled by superficial content.

It seems to be perspective to establish a hierarchical copyright confirmation system for content generated by simple instructions, the copyright belongs to the platform and for content that has been deeply edited and adjusted by users, they can apply for personal copyright registration.

At the same time, digital watermarks should be added to AI output content to clearly mark the source of generation.

The future development direction should be the complementary advantages of man and machine.

AI is responsible for efficient production and technological innovation, while humans grasp the cultural depth and value orientation.

Just like using good cooking utensils, we need to use tools to improve efficiency, but also rely on cooking skills to determine the quality of dishes.

Only by reasonably using technology while maintaining the core of humanity can the cultural industry achieve truly meaningful innovation and development.

References

1. *Zheng Zhiwu*. On the route to determine the originality of AI-generated performance art // Journal of National Art Studies. N 1. 2025. P. 141–150.
2. *Ma Zhiguo*. Research on the protection of property rights of artificial intelligence-generated art achievements // Journal of National Art Studies No. 1. 2025. P. 129–140.
3. *Lu Mengmeng*. When creativity meets AI: the possibilities and limits of artificial intelligence empowering multimodal narrative in online literature // Editor's Friend No. 1. 2025. P. 35–40.

АРХИТЕКТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ БЕЛАРУСИ: ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЙ КОНТЕКСТ И ПРОБЛЕМЫ СОХРАНЕНИЯ

В. С. Архангельская

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, vladarh302003@gmail.com
Научный руководитель – А. А. Суша, кандидат культурологии, доцент*

Архитектурное наследие Беларуси представляет собой важный компонент культурной идентичности, сформировавшийся под влиянием многослойных историко-культурных процессов. В статье рассматриваются ключевые проблемы его сохранения в современном контексте: институциональные и правовые барьеры, экономические ограничения, а также социальное безразличие. Отдельное внимание уделено риску утраты аутентичности архитектурной среды вследствие стилистических искажений при реконструкции. Освещается международный опыт охраны наследия и концепция адаптивного повторного использования как возможный путь интеграции исторических объектов в повседневную жизнь общества. На примере проекта по созданию многофункционального культурного центра в посёлке Красносельский демонстрируется практическое применение комплексного подхода к сохранению и актуализации архитектурного наследия.

Ключевые слова: Беларусь; архитектурное наследие; сохранение; культурная идентичность; адаптивное использование; историческая среда; аутентичность; культурная инфраструктура.

Архитектурное наследие Беларуси представляет собой многослойный и ценный пласт культурной памяти, отражающий историческое развитие, этноконфессиональное разнообразие и особенности социального уклада региона. На территории страны сосуществуют различные архитектурные стили и формы, сформировавшиеся под влиянием восточнославянской, литовской, польской, еврейской, русской и западноевропейской культурных традиций.

Несмотря на высокую культурную и научную ценность архитектурного наследия, проблема его сохранения в Беларуси остаётся остро актуальной. С одной стороны, государственная политика в сфере охраны памятников закреплена в законодательном акте: Республиканский список историко-культурных ценностей, публикуемый Министерством культуры Республики Беларусь [3]. С другой стороны, на практике сохранение часто сталкивается с рядом системных трудностей.

Это институциональные и правовые ограничения, связанные с недостаточной координацией между государственными органами, слабым участием местных сообществ и отсутствием устойчивых механизмов публичного контроля.

Экономические факторы – нехватка финансирования на реставрацию и нередко – ориентация на коммерческую реконструкцию без учёта исторической подлинности. Недостаточная информированность населения о значении наследия, что приводит к равнодушию к его утрате.

Отдельной проблемой является утрата аутентичности в процессе реконструкции. В ряде случаев исторические здания подвергаются модернизации, стилизации или полной перестройке с потерей историко-архитектурного облика, что подменяет идею сохранения подлинной среды идеологией "новодела".

Международный опыт показывает, что эффективное сохранение архитектурного наследия требует комплексного подхода:

- в Германии функционирует система Baukultur, основанная на принципах участия жителей в планировании и управлении исторической средой [4];
- в странах Балтии активно используются публично-частные партнёрства (PPP) для восстановления усадеб и адаптации их под музеи, культурные центры, гостиницы [5].

В международной практике всё большее распространение получает концепция адаптивного повторного использования (adaptive reuse). Адаптивное повторное использование – это процесс, при котором неиспользованный или неэффективный элемент заменяется новым, который можно использовать для другой цели [1].

Такой подход позволяет не только сохранить материальную оболочку объекта, но и интегрировать его в повседневную жизнь общества.

В Беларуси уже существует ряд успешных примеров адаптивного использования архитектурного наследия:

Культурный центр "Корпус" в Минске. Размещён на территории бывшего завода "Горизонт", в корпусах советского периода. Это пример промышленной архитектуры, преобразованной в мультифункциональное арт-пространство. Здесь проводятся выставки, концерты, образовательные программы. Проект демонстрирует потенциал наследия XX века как базы для современного культурного кластера.

При грамотной концепции и межсекторном взаимодействии (государство, бизнес, НКО, местные инициативы) архитектурное наследие может становиться не только объектом охраны, но и активным элементом городской или сельской инфраструктуры, платформой для культурных, социальных и образовательных инициатив.

Я предлагаю вариант переосмысления и сохранения архитектурного наследия через его включение в активную социальную жизнь. Вместо того чтобы воспринимать историческое здание как пассивный объект охраны, я предлагаю использовать его потенциал для создания функционального,

открытого и культурно значимого пространства. Такой подход позволяет не только сохранить архитектурную форму, но и наполнить её новым содержанием, важным для современного общества.

Многофункциональный комплекс будет расположен в старом здании завода в посёлке Красносельский. Целью создания этого пространства является развитие социальной активности, культурного взаимодействия и поддержка местных инициатив. Комплекс объединит в себе инфраструктуру для проведения массовых мероприятий, реализации образовательных программ и развития креативного сотрудничества.

С архитектурной точки зрения проект предполагает сохранение исторического облика здания: в интерьере и экстерьере будут использованы элементы старого завода, что создаст уникальную атмосферу и привлечёт внимание к культурному наследию региона.

Комплекс станет площадкой для культурно-образовательной деятельности: здесь будут проводиться лекции, мастер-классы и семинары по различным тематикам. Внутри создадут коворкинг-пространства и хабы, объединяющие людей для сотрудничества, обмена опытом и совместной реализации проектов.

Просторные залы будут использоваться для концертов, фестивалей, ярмарок и других массовых мероприятий, а открытая уличная зона – для проведения семейных праздников и уличных акций.

Реализация данного проекта позволит закрыть ряд актуальных проблем, стоящих перед посёлком Красносельский.

Прежде всего, в населённом пункте появится современная инфраструктура для досуга и культурной активности, чего на данный момент остро не хватает. Кроме того, проект предусматривает сохранение исторического здания завода, что способствует защите культурного наследия и формированию локальной идентичности.

В перспективе комплекс может сыграть важную роль в развитии Красносельского как туристического направления. В его окрестностях расположены живописные меловые карьеры – уникальные природные объекты, обладающие высоким рекреационным потенциалом.

Многофункциональный центр сможет не только обслуживать потребности местного населения, но и принимать туристов, предоставляя им культурную программу, пространство для отдыха и взаимодействия с местным сообществом.

Таким образом, архитектурное наследие Беларуси нуждается не только в физическом сохранении, но и в глубоком культурном осмыслении. Оно должно рассматриваться не как архаичный балласт, а как динамичный ресурс, способный стать основой для формирования новых, социально значимых пространств – центров культуры, образования, туризма и

общественной жизни. В этом контексте важным становится не только защита памятников, но и их интеграция в современную городскую и региональную ткань с сохранением исторической преемственности.

Библиографические ссылки

1. Адаптивное повторное использование: сохранение прошлого, построение будущего. Содружество Австралии, 2004. URL: <http://www.environment.gov.au/heritage/publications/adaptive-reuse> (дата обращения: 09.05.2025).
2. Есаулов Г. В. Устойчивая архитектура – от принципов к стратегии развития // *Вестник ТГАСУ*. 2014. №6. С. 9–23.
3. Министерство культуры Республики Беларусь. Республиканский список историко-культурных ценностей. Минск, 2020.
4. Deutsche Baukultur: Principles and Strategies. Bundesstiftung Baukultur, 2018.
5. Latvijas Pilsu un Muižu asociācija: PPP model for heritage reuse. Riga, 2019.

ЗНАЧЕНИЕ МАРКЕТИНГА В ИНДУСТРИИ МОДЫ

В. В. Березовская

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, vic.berezovskaya@gmail.com
Научный руководитель – В. С. Крыса, старший преподаватель*

В статье автор описывает основное значение маркетинга в индустрии моды. Цель работы заключалась в изучении уровня современного маркетинга в индустрии моды. Автор выделил основные направления развития современного модного маркетинга – понимание потребностей потребителей, использование современных технологий и создание привлекательного и запоминающегося опыта для покупателей.

Ключевые слова: маркетинг; реклама; мода; бренд.

Индустрия моды – это бурно развивающийся рынок, на котором существует много схожих предложений, поэтому узнаваемость и различие становятся ключевыми факторами успеха. В этом помогает маркетинг, который в модной индустрии выступает не просто инструментом продаж, а средством формирования целостного образа бренда и культуры потребления. Ключевым фактором узнаваемости является айдентика бренда – совокупность имени, логотипа, слоганов и визуальных элементов, делающих марку уникальной и узнаваемой.

Маркетинг в моде – это в первую очередь продажа эмоций, статуса и идентичности. Каждый фэшн-бренд строит свой имидж вокруг узнаваемости символов – айдентики [1]. Айдентика включает в себя имя марки, логотип, основную цветовую палитру и фирменный стиль.

Через логотипы и дизайн создаётся первое впечатление – простые чёрно-белые шрифты Calvin Klein ассоциируются с минимализмом, переплетённые буквы Chanel – с роскошью и традициями, а лаконичные надписи Jasquetus – с молодёжным экспериментом [2]. Эти знаки работают как неотъемлемая часть визуальной идентичности бренда. С помощью фирменной айдентики дизайнеры формируют в сознании аудитории целостный образ марки, который немедленно узнаётся и запоминается. Основываясь на айдентике, можно выделить основные задачи модного маркетинга:

1) спрос. Спрос формируется через выпуск лимитированных коллекций, создание искусственного дефицита, который подогревает интерес. Острое желание купить дефицитный товар связано со страхом упустить что-либо важное. В 2007 году ученые в ходе эксперимента выяснили, что реакции в мозге в ответ на возможность потери гораздо сильнее, чем на

прибыль [3]. Маркетинговый ход с использованием слоганов «сезонные акции», «осталось всего X штук», «только по приглашению» могут использоваться при создании искусственного дефицита. Однако, следует отметить, что сам по себе искусственный дефицит не принесет желаемого уровня продаж, так как необходимо убедиться, что у вашего бренда сильная идентичность: он уникален и узнаваем, и его товары привлекательны для аудитории;

2) узнаваемость бренда. То есть то, как логотип и узнаваемый стиль делают бренд желанным. Так брендовые вещи и аксессуары от ведущих домов моды воспринимаются обществом как символы престижного стиля жизни. Логотипы на сумках и джинсах транслируют принадлежность к определённой группе и подчеркивают успех и статус их обладателя [4];

3) удержание аудитории. Маркетинговые ходы, благодаря которым у бренда появляются новые покупатели. В таком качестве могут выступать рассылки, персональные предложения, различные программы лояльности.

Для выполнения поставленных задач в модном маркетинге существуют определенные инструменты. Совместные проекты или же коллаборации брендов – один из трендов современной моды. Коллаборация – это сотрудничество двух или более марок в рамках одной коллекции или рекламной кампании. Как отмечают эксперты, бренды объединяются, чтобы обмениваться своей аудиторией, создавать инфоповоды и за счет этого увеличить финансовую прибыль [5].

Провокационные кампании являются мощным инструментом привлечения клиентов. Провокация действует по закону негативной рекламы – простое обсуждение в социальных сетях способно усилить узнаваемость бренда.

Важным провокационным маркетинговым инструментом является реклама. Известные кейсы демонстрируют, как креатив служит маркетингу. Chanel известна легендарной рекламной кампанией духов № 5: Мэрилин Монро призналась, что спит, надев только аромат Chanel №5 – фраза стала культовой и воплощением гламура, а также подтвердила силу звездного маркетинга. То есть визуальная эстетика и узнаваемые образы помогают брендам выйти за рамки традиционной рекламы и запомниться публике.

В современном мире важную роль играют модные журналы и социальные сети. Традиционно модные журналы (Vogue, Harper's Bazaar, Elle) задают тренды и настроения в фэшн-индустрии, публикуя фоторепортажи и статьи о новинках. Журналисты и блогеры формируют потребительские ориентиры и выступают в роли трансляторов в модном мире.

Благодаря соцсетям недостижимое для некоторых слоев населения стало доступно потребителю. Бренды ведут активные аккаунты в

Instagram, TikTok, YouTube, чтобы привлекать новую аудиторию и мгновенно получать обратную связь.

В соцсетях появляются мгновенные инфоповоды: специальные хештеги, сторис, челленджи и образы-инфлюэнсеры расширяют охват аудитории. Большинство лейблов стремятся вести собственные аккаунты, чтобы о них узнало, как можно больше людей, так как фэшн-сегмент в первую очередь это визуал. Красивые фото- и видеоконтенты позволяют удерживать внимание аудитории и привлекать новых потребителей, а значит выполнять основную задачу производителя – получение финансов.

Таким образом, маркетинг в индустрии моды сочетает творческий и аналитический подходы, формируя конкурентноспособные бренды через создание инфоповодов и обеспечение прямой связи с потребителем. Сильная айдентика и продуманные рекламные кампании, будь то сотрудничества, провокации или цифровые инновации, делают моду не просто необходимостью, а культурным феноменом, отражающим ценности времени. Важно не только создать красивую вещь, но и рассказать о ней миру – и в этом ключевую роль играет маркетинг.

Библиографические ссылки

1. *Бова О. Г.* Визуальная идентичность бренда: подходы и инструменты // Вестник дизайна, 2023. №2. С. 45–51.
2. *Асаул А. Н.* Маркетинг и визуальные коммуникации в моде. СПб. Питер, 2020.
3. *Tversky A., Kahneman D.* Loss Aversion in Riskless Choice // Journal of Risk and Uncertainty, 1991. Vol. 4(2). P. 173–190.
4. *Tungate M.* Fashion Brands: Branding Style from Armani to Zara. London Kogan Page, 2012.
5. *Saviolo S., Testa S.* Fashion Management. Milan : Etas, 2010.

АРОМАТ КАК КУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН

А. А. Бобкова

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, abbobkova@gmail.com
Научный руководитель – О. Д. Баженова, доктор искусствоведения, профессор*

В статье анализируется историческая роль ароматов и их влияние на средовой дизайн. Аромат рассматривается как мощный инструмент невербальной коммуникации, формирующий культурные практики и отражающий культурные и социальные смыслы, особенности эпох. Современные дизайнеры среды учитывают взаимосвязь пространства и ароматов, индивидуальные предпочтения, создавая уникальную атмосферу, и целостное впечатление от пространства, учитывая культуру, историю и особенности места.

Ключевые слова: аромат; предметно-пространственная среда; культурный феномен; дизайн интерьера; дизайн предметно-пространственной среды.

В нашей статье мы рассмотрим историческое понимание ароматов и попробуем концептуализировать присутствие запахов в средовом дизайне.

Я в течение года изучала тему ароматов, поэтому для меня было очень радостно во время нашей кафедральной экспедиции в город Лиду, понять и увидеть эту проблему в практической плоскости. В Лиде при посещении православных и католических храмов, я ощутила колоссальную разницу этих культовых пространств и отметила для себя взаимосвязь аромата и предметно-пространственной среды.

Первым был Костел Воздвижения Святого Креста. Стоит отметить композицию этой трехнефной базилики с прямоугольным алтарём, присутствие в ее декоре фресковой живописи, лепнины и скульптуры в стиле виленского барокко. Интерьер оформлен стукко, имитирующим мрамор. Поражает обилием света, льющегося из больших окон. Все это создавало ощущение духовной возвышенности.

Кроме того, храм был наполнен ароматами ладана, дымом восковых свечей, натурального дерева, которые в сочетании с прохладой каменных стен и тяжелым декором виленского барокко воспринимались как чистые, концентрирующие ароматы, усиливающие сосредоточенность во времени храмовой службы и молитвы, настраивали восприятие храма на особый лад. Ароматы ладана и воска свечей пронизывают пространство, благодаря чему создается ощущение сакральности. Лично для себя отметила то, что в костёле аромат раскрывается легко, ненавязчиво, словно окутывает целостное пространство, а также каждого, кто находится в нём. Создается

ощущение легкой прохлады, а светлое и большое пространство храма влияет на раскрытие ароматов.

Вторым архитектурным сооружением в Лиде стал для нас Православный Свято-Михайловский кафедральный собор, который представляет очень интересное по форме сооружение в виде абсолютного круга, цилиндрический объем которого увенчен куполом. Пожалуй, самое осязаемое отличие, отмеченное мной – насыщенный аромат, который сочетает в себе несколько ароматов, таких как: ладан, мирра, воск свечей и натуральное дерево.

Именно эти ароматы глубоко впитываются в предметы, наполняют пространство, создавая ощущение живого присутствия и святости, помимо того, что мы видели там большое количество икон, иконостас. купол не только заливал церковь светом, но и создавал ощущение воздушности пространства.

В отличие от католического костела Воздвижения Святого Креста, который воспринимался строго, прозрачно-чисто, с холодом, что ощущается как сосредоточенность, здесь, в Свято-Михайловском кафедральном соборе аромат воспринимался как более насыщенный, тёплый, за счёт песчаного(жёлто-охристого) оттенка стен, большого количества икон, что лишь усиливало эмоциональное и духовное вовлечение в это сакральное пространство.

Ещё одним более ярким и понятным примером восприятия пространства с помощью аромата является лимонарий в Центральном Ботаническом саду. Мне удалось его посетить в ноябре прошлого года, как раз во время цветения. И каково было удивление, что уже в достаточно холодный период, мы попадаем в пространство, где можно услышать цитрусовый аромат, который напоминает о чём-то свежем, что мысленно переносит нас в тёплое время года. Также большую роль играло само пространство, ведь если попасть туда в солнечный день, то окружающая нас флора также произведёт совсем иное впечатление и ещё сильнее сделает акцент на ярко выраженном цитрусовом аромате.

Аромат – это не просто запах, воспринимаемый нами, но и мощный инструмент невербальной коммуникации, который играет критическую роль в формировании культурных практик и социальных взаимодействий. Под этим подразумевается, что аромат – это не просто ощущение запаха, а сложный невербальный сигнал, который несет культурные и социальные смыслы. Запахи формируют и отражают культурные практики, формируют среду общения. История парфюмерии и традиции ароматизации в такой же мере, как и большие исторические события отражают особенности эпох и стран, могут помогать идентифицировать пространство и даже выявить страноведческую идентичность.

Запахи влияют на социальные взаимодействия, помогая формировать первое впечатление, устанавливать дружеские или интимные связи, а также передавать информацию о статусе, личности и настроении человека.

Таким образом, аромат выступает как мощный инструмент коммуникации вне слов, играя важную роль в визуальной, телесной культуре человечества.

К теме ароматических традиций и символов обращались многие исследователи.

Мне бы хотелось отметить книгу М.Л. Бутовской "Язык тела: природа и культура", где ароматы рассматриваются как важный элемент невербальной коммуникации. А также работы Романова, А. В. Психология запахов. Л.: Наука, 1971; Лурье, Г. В. Психология восприятия цвета. Л.: Наука, 1979; Громова, Н. И. Ароматы и эмоции. М.: Энергия, 1981; Гавриловой, Т. П. Цвет и аромат: философия восприятия. Москва: РГГУ, 2006; Левина А. С. Психология обоняния (1954).

Цели работы указанных ученых в рассмотрении механизмов восприятия запахов и их влияния на поведение человека.

Антропологический аспект исследования приводит всех этих авторов к рассмотрению тем с точки зрения психологии, философии, искусства.

Поэтому находясь в общедоступных архитектурных постройках, каждый человек ищет и подмечает взаимосвязь пространства и ароматов по-своему, пропуская это через себя, свой анализ, свои ассоциации, свой опыт.

В современном мире довольно часто люди задаются вопросом именно «своего» аромата, что также отражают и учитывают при оформлении и создании дизайна интерьера в своих квартирах.

Современным дизайнерам важно не только качественно выполнить заказ, но при этом прочувствовать атмосферу места, дух, учитывая, как внешние и внутренние факторы (где в качестве внешних факторов выступает среда, а в качестве внутренних – предметы), так и анализируя образ самого заказчика и его предпочтения, характер, чтобы подобрать тот самый аромат, сохранив особенности (уникальность) помещения и образ самого заказчика.

Работая над этой темой, мы можем сделать вывод, что ароматами занимаются не только парфюмеры, психологи или же философы, но и дизайнеры, особенно дизайнеры среды, для которых важным аспектом является произвести общий эффект определенного пространства, учесть культуру и историю, особенности, а также задать определённый дух целостности, в котором каждый человек сможет определить и найти для себя свои впечатления и переживания.

Библиографические ссылки

1. *Бутовская М.Л.* Язык тела: природа и культура. Москва: Научный мир, 2004.
2. *Лурье, Г. В.* Психология восприятия цвета. Ленинград: Наука, 1979.
3. *Громова, Н. И.* Ароматы и эмоции. Москва: Энергия, 1981.
4. *Романов, А. В.* Психология запахов. Ленинград: Наука, 1971.
5. *Гаврилова, Т. П.* Цвет и аромат: философия восприятия. Москва, 2006.
6. *Левин, А. С.* Психология обоняния. Москва, 1954.

ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ТВОРЧЕСТВЕ БЕЛОРУССКОГО ПОСТМОДЕРНИСТА РУСЛАНА ВАШКЕВИЧА

А. С. Бортник

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, bortnikAS@bsu.by*

Научный руководитель – С. В. Снапковская, доктор исторических наук, профессор

Статья анализирует творчество ключевого белорусского художника Руслана Вашкевича. Рассматривается его уникальный визуальный язык, сформировавшийся под влиянием нонконформизма, концептуализма и постструктурализма.

Через приёмы деконструкции, гротеска, иронии и символического замещения Вашкевич критически осмысляет проблемы идентичности, телесности, социального контроля и отчуждения в постсоветском и цифровом обществе.

Ключевые слова: белорусское современное искусство; деконструкция идентичности; цифровая эпоха; концептуализм; постструктурализм; визуальный язык; аутентичность; семиотика образа.

Руслан Вашкевич – один из наиболее значимых представителей белорусского современного искусства, работающий на стыке живописи, инсталляции, перформанса и фотографии, разработал узнаваемый визуальный язык, характеризующийся смелым сочетанием эротизма, деконструкции, гротеска и рефлексии над актуальными проблемами современности.

Его творчество представляет собой сложный конструкт образов, идей и эмоций, отражающий не только личный опыт художника, но и глубокие социокультурные трансформации, происходящие в современном мире. Для Вашкевича состояние «в углу и против всего мира» является необходимым условием для творческого полета. Это сознательная маргинальность, которая стимулирует художника к постоянному саморазвитию и поиску новых, нетривиальных решений [1, с. 158].

В «Автолитографии» (1995 г.) Р. Вашкевич деконструирует традиционное представление о портрете, редуцируя изображение до базовой схемы лица. Вместо реалистичного образа художник использует надписи «глаз», «нос», «рот», смещая акцент с визуальной репрезентации на языковую. С семиотической точки зрения, данное произведение представляет собой намеренное упрощение, сводящее образ к схематической форме, лишенной индивидуализирующих черт. Эта редукция деконструирует репрезентацию человека как уникального субъекта.

Вместо иконического представления органов чувств вводятся текстовые обозначения, переводящие акцент на символический уровень и под-

черкивающие опосредованность восприятия реальности через язык. Возникающий разрыв между упрощенным визуальным образом и его вербальным обозначением акцентирует искусственность любого репрезентативного акта. В лингвистическом измерении использование надписей выполняет перформативную функцию, конструируя образ человека через язык, а не просто отражая его. Работа перекликается с постструктуралистскими идеями, утверждающими, что значение возникает во взаимодействии знаков и дискурсов, а образ человека конструируется в рамках определенной культурной и языковой системы.

Наконец, упрощение и номинация создают своего рода игру означающих, подрывающую любые попытки зафиксировать или определить человеческую идентичность.

Данная работа предвосхищает процессы схематизации и алгоритмизации личности, характерные для социальных сетей и систем распознавания лиц.

Лицо, сведенное к набору меток и «тэгов», теряет свою уникальность и превращается в элемент базы данных, что ставит под вопрос саму возможность аутентичной самоидентификации в современном обществе.

Еще одна работа, демонстрирующая зрителю сложную сцену, где взаимодействуют различные фигуры, формирующие сеть отношений между телесностью, чувством отчужденности и поиском самоопределения – «Девочка на шаре» (1995 г.) Изображение разделено на части разными фигурами, что создает ощущение раздробленности.

Каждая фигура словно символизирует что-то свое: обнаженная спина говорит об уязвимости, переплетенные руки намекают на сложность связей с другими, девочка на шаре кажется хрупкой и ненастоящей, а фигура на кубе – отстраненной.

Все пространство наполнено ощущением одиночества и разобщенности. Разнообразие фигур и их взаиморасположение создает ощущение многослойности и неоднозначности, позволяя зрителю самостоятельно интерпретировать смысл произведения. Художник использует простую графику и сдержанные цвета, чтобы создать ощущение тревоги и внутренней напряженности.

Все это способствует усилению эмоционального воздействия на зрителя и погружению в атмосферу рефлексии.

Р. Вашкевич, избегая прямых ответов, предлагает зрителю самому выстроить связи между представленными образами и задуматься над вопросами идентичности, свободы и отчуждения в сложном и противоречивом мире. «Девочка на шаре» стимулирует к размышлению о том, как формируется наше «я» в эпоху перемен и как мы справляемся с чувством одиночества и потери ориентиров.

Произведение оставляет открытым вопрос о возможности найти устойчивость и подлинность в мире, где все кажется хрупким и иллюзорным.

В работе «Посвящение Н. Т.» (2014 г.) художник, используя мотив свадебной церемонии, традиционно ассоциирующийся с конструированием новой социальной идентичности и укреплением межличностных связей, подвергает критическому анализу проблематику деперсонализации и отчуждения, характерных для современного общества.

Сдержанная монохромная гамма, в которой выполнено изображение свадебной пары и обособленно стоящей девочки, создает ощущение эмоциональной дистанции и подчеркивает атмосферу отстраненности.

Одним из ключевых элементов, деконструирующих привычное понимание индивидуальности, является замещение лиц персонажей красными шарами, акцентирующими анонимность героев работы.

Красные шары, скрывающие лица, могут быть интерпретированы как метафорическое отображение социальных масок, которые индивиды вынуждены надевать, стремясь соответствовать доминирующим общественным ожиданиям.

В контексте свадебного обряда, эти шары символизируют конформизм и отказ от аутентичной самости ради следования устоявшимся гендерным ролям и предписанным социумом моделям поведения.

Р. Вашкевич, таким образом, акцентирует внимание на том, как в рамках свадебного ритуала происходит растворение индивидуальности в коллективном «мы», где личностные проявления оказываются подчинены социальным нормам.

Фигура девочки, стоящей в стороне и направляющей свой взгляд на какой-то элемент «за пределами» работы, представляется единственным персонажем, сохраняющим признаки индивидуального начала. Ее взгляд, сочетающий в себе любопытство и заинтересованность в стороннем элементе, словно свидетельствует об осознании искусственности и конвенциональности происходящего действия.

Нити, соединяющие шары с руками персонажей, усиливают ощущение зависимости и подчиненности внешним силам. Они могут быть истолкованы как символ социальных связей и обязательств, которые, с одной стороны, интегрируют индивидов в общество, а с другой – ограничивают их свободу и формируют их идентичность в соответствии с общепринятыми стандартами. Р. Вашкевич ставит под сомнение возможность автономного выбора и акцентирует зависимость идентичности от внешних факторов.

Используя деконструкцию образа, символическое замещение и акцент на зависимости индивида, постмодернист ставит вопросы о свободе,

аутентичности и влиянии общественных норм на формирование личности. Работы Вашкевича, предвосхищая проблемы цифровой эпохи, стимулируют зрителя к рефлексии о своей идентичности в контексте социальных установок и массовой культуры.

Библиографические ссылки

1. *Маньковская Н.Б.* Эстетика постмодернизма. СПб.: Алетейя, 2000.

ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ТОПОНИМИКИ ШТАТОВ США

С. В. Борщевская

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, Минск, Беларусь, sofya666@gmail.com
Научный руководитель – Н. В. Ушакова, старший преподаватель*

В статье анализируется происхождение и значение географических топонимов, рассматриваются языковые источники (языки коренных народов, европейские языки), выделяются исторические и культурные факторы, влияющие на формирование наименований штатов США. Особое внимание уделяется процессу сохранения и адаптации этих названий, а также их роли в современном языке и межкультурной коммуникации.

Ключевые слова: топонимика; этимология; лингвистика; географические названия; страноведение.

ETYMOLOGICAL ANALYSIS OF TOPONYMY OF THE US STATES

S. V. Borschevskaya

*Belarusian State University, Nezavisimosti Ave., 4, 220030, Minsk, Belarus,
sofya666@gmail.com
Supervisor – N. V. Ushakova, Senior Lecturer*

The article analyzes the origin and meaning of geographical toponyms, examines linguistic sources (languages of indigenous peoples, European languages), highlights historical and cultural factors influencing the formation of the names of US states. Particular attention is paid to the process of preserving and adapting these names, as well as their role in modern language and intercultural communication.

Keywords: toponymy; etymology; linguistics; geographical names; American studies.

Toponymy is the study of toponyms (proper names of places, also known as place names and geographic names), including their origins, meanings, usage, and types [1].

Geographical names hold traces of history, reflecting the stages of territorial development, migration patterns, characteristics of the natural environment, and the worldview of the people who inhabited or explored a given area. The United States of America, a country with a rich and diverse history, offers a unique subject for the study of toponymy.

The state names originate from diverse language families, notably Algonquian (e.g., Massachusetts, Wisconsin), Siouan (e.g., Iowa, Minnesota), Iroquoian (e.g., Ohio), Muskogean (e.g., Alabama), and others like Uto-Aztecan

(New Mexico), Aleut (Alaska), and Caddoan (Texas). Transliteration through languages like French and Spanish, as seen in Arkansas (from Kansa via French) and Michigan (from Ojibwe via French), adds complexity to their etymological tracing [2, p. 6].

Certain states owe their names to the Native American groups that originally inhabited them. Alabama is presumably named after the Alabama people, possibly with reference to a Creek term for “thicket-clearers” or “vegetation-gatherers.”

Kansas also owes its name to the Kansa tribe, and Missouri the Missouria people. The name Dakota, shared by both North and South Dakota, is derived from the Dakota language, where it means “friend” or “ally.”

The other states are indirect derivatives of original tribal names. Arkansas, for instance, comes from the French form of “Quapaw,” a name conferred by the Illinois and Miami tribes.

Illinois came to be named after the Illiniwek people, while Iowa was named after the Ioway tribe. Massachusetts, alternatively spelled as being “at the great hill,” is named after the original home of the Massachusett people. Texas, from the Caddo “teyshas”, has “friends” or “allies” as its meaning and was later adopted and modified by Spanish explorers. Oklahoma, from the Choctaw “okla humma”, has “red people” as its meaning.

Certain states capture distinctive geography, often borrowed from indigenous descriptions of their landscapes.

Alaska, from Aleut “alaxsxaq”, translates to some “the mainland” or “the object toward which the action of the sea is directed.” Arizona may be borrowed from the O’odham term “alī ṣonak”, or “little spring.” Connecticut reflects the Mohegan Pequot term “quinnitukqut”, or “beside the long tidal river.”

Michigan borrows from Ojibwe “mishigami”, which translates to “large water” or “great lake,” obviously Lake Michigan. Similarly, Minnesota, from Dakota “mnisota”, is “sky-tinted water” perception. Mississippi, from Ojibwe “misi-ziibi” or Algonquin “messipi”, means “great river” or “father of waters.” Nebraska, from the term “Ñíbrazka” in Otoe, means “flat water,” and Ohio, from Iroquoian “ohi-yo”, means “good river” or “great river.” Wisconsin, from the Miami term “Meskonsing”, has been interpreted to mean “it lies red,” possibly referring to the Wisconsin River. Wyoming, from the Munsee Delaware “xwé:wamənk”, translates to “the big flat.”

One particularly fascinating case is Idaho, whose indigenous linguistic origins are uncertain. Traditionally, it was supposed that the name was invented intentionally.

It has been said that American statesman George M. Willing promoted it under false circumstances, referring to it as originating in the Shoshone and being “Gem of the Mountains” [3].

While many U.S. states derive their names from indigenous languages, many more come from European languages, carried on by history, geography, and colonial accounts [4].

One fascinating pattern that emerges among names of states originating from European languages is the honoring of royalty and important figures. Georgia, for example, honors King George II of Great Britain.

Louisiana is named in honor of King Louis XIV of France, and Maryland owes its name to Queen Henrietta Maria, wife of King Charles I of England. The name Virginia, along with West Virginia, honors Queen Elizabeth I of England, famously known as the “Virgin Queen.”

North and South Carolina came from the Latin Carolus, honoring Kings Charles I and Charles II of England, respectively. Pennsylvania means “Penn's Woods,” directly referring to William Penn, for whom it was named, with “sylvania” being Latin for “woodlands.”

Some names reflect historical and political circumstances, like New Hampshire (after the county of Hampshire in England), New York (After the Duke of York) and Delaware (named for Lord De La Warr, the governor of the Jamestown Colony). Washington is unique, as it is the only state named after a US President, George Washington.

Names of some of the states actually name the landscape which inspired them. California, interestingly enough, probably got its name from a mythical island in a Spanish romance novel.

Florida, named by the explorer Ponce de León, is “La Florida”, or “the flowery land.” Montana, from the Spanish “montaña”, is “mountain,” and Nevada derives from Spanish “Nevada”, “snowy.” New Jersey refers to Jersey, the largest of Britain's Channel Islands, and Vermont, which comes from the French phrase “vert mont”, or “green mountain”.

Some state etymologies are the subjects of controversy. Rhode Island, for example, possibly comes from the Dutch “Roodt Eylandt”, or “red island,” perhaps referring to the reddish red clay found in the area. Maine is unclear in origin, though one theory holds that it signifies “mainland” in order to distinguish it from the islands that ring it. Colorado, from Spanish, means “ruddy” or “red,” originally referring to the Colorado River. Indiana, which means “Land of the Indians” in Latin, literally is “Land of the Indians,” a group identification and not a person or place. Of the states with controversial etymology, Oregon is perhaps one of the most contentious. No single authoritative source has been established, however, there are numerous theories. Some early evidence of Spanish influences has been found, for example, terms such as “orejón” (which might have referred to the Columbia River in a 1598 chronicle), “oregano” (native plant), Spanish stream name “Arroyon del Oregón”, or even a cartographic term from “oreja” (“ear”), “shore” [5].

In summary, the study highlights two primary linguistic influences: European languages (primarily English, Spanish, and French) and Native American languages. While European-derived names frequently honor historical figures or depict geographical attributes, Native American names often originate from tribes and their descriptions of the natural environment. The evolution of these names through time shows the complex history behind place names in the US.

References

1. The American Name Society // americannamesociety.org / 2025. URL: <https://www.americannamesociety.org/> (date of access: 22.03.2025).
2. *Bright, William*. Native American Placenames of the United States. University of Oklahoma Press, 2004.
3. *Wells, Merle W.* "Origins of the Name 'Idaho' and How Idaho Became a Territory in 1863." In *The Idaho Heritage: A Collection of Historical Essays*, Richard W. Etulain and Bert W. Marley, eds. Pocatello: Idaho State University Press, 1983.
4. *Stewart, George R.* Names on the Land: A Historical Account of Place-Naming in the United States. New York Review Books, 1967.
5. *Battistella, Edwin*. The Oregon Encyclopedia: Oregon, the name. // oregonencyclopedia.org / 2025. URL: https://www.oregonencyclopedia.org/articles/oregon_the_name/ (date of access: 22.03.2025).

ВИЗУАЛЬНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ В РЕКЛАМЕ КОСМЕТИЧЕСКОЙ ПРОДУКЦИИ

А. Ю. Варакса

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, a.y.varaxa@gmail.com
Научный руководитель – О. А. Воробьёва, кандидат филологических наук, доцент*

Статья посвящена характеристике визуальных структур в рекламе косметической индустрии. Показана роль визуальных компонентов рекламы разных косметических кампаний в привлечении потребителя. Рассмотрены коммуникативные стратегии.

Ключевые слова: бренд; реклама; косметика, визуальные элементы; брендинг; потребитель.

Одна из важных сфер современного брендинга – реклама. Она играет большую роль в стратегии брендинга товаров массового потребления. Грамотное создание рекламных сообщений способствует эффективному взаимодействию с целевой аудиторией.

Реклама для формирования образов, ассоциаций, влияющих на покупательский спрос и потребительские свойства товара, использует как отдельные знаки, так и их сочетания. Известно, что товары часто покупаются и потребляются не по необходимости, а из-за их символической и прагматической ценности [1, с.3].

Понимание коммуникативной стратегии визуальных элементов позволяет выделять значимые аспекты и интегрировать их в рекламные сообщения. Для успешной рекламной коммуникации важно не только уметь учитывать желания потребителей, но и манипулировать ими.

В рекламе используются разные визуальные элементы – натуралистические изображения объектов; художественные образы, направленные на эмоциональное воздействие; знаково-информативные элементы – текстовые слоганы, взаимодействующие друг с другом для создания многослойных значений, прагматического и эмоционального эффекта. Это позволяет рекламодателям учитывать культурные контексты, что важно для успешной коммуникации.

Цель работы – раскрыть значение и сущность визуальных структур в рекламе косметики популярных брендов.

В сфере косметики рекламируемый продукт позиционируется не только как товар, но и как элемент культурного нарратива, формирующий идентичность и символизирующий социальный статус. Реклама стано-

вится инструментом коммерческих стратегий и социокультурных процессов, связанных с восприятием продукта. Использование косметических средств – это приглашение к коммуникации, сигнальный вектор, ориентированный на людей определенного профессионального или возрастного круга, статуса, жизненных ориентаций.

Визуальные элементы показывают сложность рекламной коммуникации в косметической индустрии, где знаковые системы играют ключевую роль в формировании потребительских предпочтений и восприятия брендов. Бренды косметики ориентируются на разнообразные аудитории, учитывая демографические, психографические и поведенческие аспекты потребителей.

Целевая аудитория делится на возрастные группы, каждая из которых проявляет интерес к различным продуктам в зависимости от своих потребностей.

Реклама косметической продукции направлена на создание привлекательности товара для потребителя. Следовательно, главным становится ориентация на важные потребительские свойства, акцент на прагматически и символически значимые элементы, создание визуального ряда этих элементов.

В зависимости от потенциального покупателя, на которого ориентируются производители товара, в рекламе меняется набор визуальных компонентов.

Рассмотрим визуальные структуры в рекламе косметической продукции на примере таких брендов, как Beauty Bomb, L'Oréal Paris, Maybelline New York, Chanel.

Компания Beauty Bomb ориентируется на массовый рынок, позиционируя свои продукты как созданные для подростков и молодёжи. Бренд Beauty Bomb производит очень яркую и эпатажную косметику. Бренд позиционирует себя как «трендовый» и находится в доступной ценовой категории.

Для привлечения внимания молодёжи в рекламе активно используются динамичные сложноракурсные изображения с обилием острых углов, резких цветовых переходов, без градиентов и растушёвки.

Модели представлены с яркими и необычными причёсками, выразительным «тяжелым» макияжем, что визуально создаёт ассоциацию сближения с современными субкультурами.

В колористической гамме доминируют глубокие насыщенные цвета с обилием алого, чёрного, белого. Чёрный цвет часто символизирует скорбь, тайну, траур, акцентирует внимание на сложности восприятия мира, что притягивает подростков и представителей субкультур. Алый – цвет крови, боли, привлечения внимания, крик отчаяния. Распространение

изображения цепей, жёстких металлических конструкций отсылает к бунтарству и альтернативному стилю, становится знаком протеста и поисков себя.

Таким образом, визуальная составляющая рекламы, способная, вероятно, оттолкнуть более зрелую аудиторию, для подростков становится притягательной.

Взрослая уверенная в себе аудитория, самодостаточная, стремящаяся к повышению социального статуса, к постоянному саморазвитию и самореализации – наиболее многочисленная часть общества. Деловой человек 20+, и мужчина, и женщина, использует минимум косметических средств, самых необходимых, но обязательно акцентных.

Реклама такой продукции, с одной стороны, выделяется спокойным колоритом, мягкими переходами, тонким рисунком, с другой стороны, акцентная цветовая масса всегда умеренно рациональна, чётко фокусируется на объекте (помада, тушь, лак), его объёме, фактуре. Ничего лишнего, глаз фиксирует главное, человек делает выбор. Экономия средств, доминанта пятна.

L'Oréal Paris и Maybelline New York – бренды, которые используют эту стратегию. Так, L'Oréal Paris стремится привлечь свою целевую аудиторию, используя в рекламе красивые фотографии женщин разного возраста; акцентирует внимание на предмете рекламы: красная помада в руке женщины указывает на ее красные губы, передавая идею, что потенциальная покупательница может достичь такого же эффекта, используя данный продукт; при этом глубокий красный цвет является символом свободы и уверенности.

Кроме того, красный цвет часто ассоциируется с сильными эмоциями, такими как любовь, страсть и романтика, он привлекает внимание и вызывает сильные чувства. Он может восприниматься как цвет, который вдохновляет на действие и достижение цели. Также красный часто ассоциируется с властью и авторитетом.

Все эти характеристики связаны с образом современного активного, уверенного в себе и стремящегося к достижению цели человека. Дополнительным акцентом может стать фон. Так, старинное здание или небоскрёб в качестве фона могут символизировать высокое положение и успех. Использование словосочетания «COLOR RICHE» также является символическим знаком, который подразумевает богатство и большой выбор, в данном случае, оттенков помады.

Это название создает ожидания высокого качества и ассоциируется с удовлетворением потребностей. Таким образом, реклама L'Oréal Paris создает впечатление классики, силы, солидности, утверждает, что рекламируемый продукт подойдет женщинам любой внешности и возраста.

Реклама туши от Maybelline New York «Sky High Mascara» использует похожие стратегии. Насыщенность визуальными элементами, которые непосредственно отображают качества и характеристики продукта (модель с ярко выраженными ресницами, ее общий стиль – ассоциация с красотой и ухоженностью), сближает оба бренда.

Детали, указывающие на реальность продукта: например, фон с высотными зданиями отсылает к урбанистической среде Нью-Йорка, создавая ассоциации с динамичным образом жизни.

В этом контексте тушь позиционируется как часть повседневной жизни современного человека, стремящегося к успеху и самовыражению. Символические знаки связаны с культурными значениями бренда: логотип Maybelline символизирует доверие и качество, усиливая восприятие туши как части стиля жизни.

Анализ показывает, как реклама использует многослойные семиотические стратегии, которые формируют визуальные ассоциации, подчеркивают реальность продукта, создают культурный контекст. Это создаёт положительный имидж, вызывая эмоциональный отклик через образ уверенной, современной женщины, побуждая аудиторию идентифицировать себя с ним.

Chanel – всемирно известная французская компания, нацеленная на элитного потребителя с высоким уровнем достатка. Это находит отражение в визуальных элементах, знаках, которые использует реклама бренда. Реклама косметических продуктов Chanel ориентирует на высокое качество товара, гарантирует его безопасность и эффективность.

В кампании весна-лето 2023 ключевым визуальным знаком является образ модели, чей макияж воплощает эталон элегантности, подчеркивая сезонную концепцию коллекции.

Логотип выполняет символическую функцию, транслируя ценности эксклюзивности и высокого статуса. Лаконичный визуальный ряд, включая цветовую палитру, формирует узнаваемый семиотический код бренда. Минималистичная подача подчеркивает премиальность продукции, создавая ассоциации с недоступностью и исключительностью, что принципиально отличает коммуникацию Chanel от брендов с более широкой целевой аудиторией.

В заключение можно сказать, что анализ визуальных элементов в рекламах разных брендов показывает сложность рекламной коммуникации в косметической индустрии, где визуализация предсказуемо играет ключевую роль в привлечении и дифференциации потребителя, в формировании восприятия брендов.

Бренды косметики ориентируются на разнообразные аудитории, учитывая демографические, психографические и поведенческие аспекты,

учитывают потребности и предпочтения потребителей, используют сложные семиотические стратегии для формирования положительного имиджа и эмоциональной связи с потребителем.

Библиографические ссылки

1. *Oswald L. R.* Marketing Semiotics: Signs, Strategies, and Brand Value. Oxford: Oxford Academic, 2012.

ЗНАКОВЫЕ СИСТЕМЫ В РЕКЛАМЕ КОСМЕТИЧЕСКОЙ ПРОДУКЦИИ

А. Ю. Варакса

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, a.y.varaxa@gmail.com
Научный руководитель – О. А. Воробьёва, кандидат филологических наук, доцент*

Статья посвящена роли семиотики в рекламе косметической индустрии. Опираясь на классификацию знаков Чарльза Пирса, рассматриваются особенности применения знаков в рекламных сообщениях в зависимости от потенциального потребителя.

Ключевые слова: семиотика; реклама; косметика; знаковые системы; Чарльз Пирс; брендинг; потребительское поведение.

Одна из сфер, в которых семиотика нашла активное применение – сфера рекламы. В настоящее время она стала важным элементом стратегии брендинга и углубленно изучается в маркетинговых исследованиях. В контексте рекламы семиотические принципы становятся ключевыми инструментами для анализа и создания рекламных сообщений, способствующих эффективному взаимодействию с целевой аудиторией. Реклама использует знаковые системы для формирования образов, ассоциаций и желаний, что в свою очередь влияет на поведение потребителей. Продукты часто покупаются и потребляются из-за их символической и прагматической ценности [2, с.3].

Семиотика играет ключевую роль в анализе и создании рекламных сообщений, обеспечивая их эффективное взаимодействие с целевой аудиторией. Реклама использует знаковые системы для формирования образов, ассоциаций и желаний, влияя на потребительское поведение. Понимание коммуникативной стратегии знака позволяет выделять значимые аспекты и интегрировать их в рекламные сообщения, что характерно для всех видов потребительской рекламы. Для успешной рекламной коммуникации важно научиться через знак манипулировать желаниями потребителя.

Семиотический анализ раскрывает как различные типы знаков – от визуальных образов до текстовых слоганов – взаимодействуют друг с другом, создавая многослойные значения и эмоциональные отклики. Это позволяет рекламодателям учитывать культурные контексты, что критически важно для успешной коммуникации. В сфере косметики рекламируемый продукт позиционируется не только как товар, но и как элемент культурного нарратива, формирующий идентичность и символизирующий социальный статус. В итоге, семиотика становится важным инструментом для

понимания не только коммерческих стратегий, но и социокультурных процессов, связанных с восприятием красоты и самоидентификацией.

Косметика используется чтобы создать определенное впечатление о себе и люди, которые ей пользуются, делают это по разным причинам и стремятся достичь разных целей. Молодые люди и подростки могут использовать косметику с целью самовыражения, привлечения внимания, выражения протеста. Люди с другими ценностями, стремящиеся скорее не выделиться, а подчеркнуть свое положение или вписаться в определенную обстановку, скорее будут пользоваться косметическими средствами, чтобы скрыть недостатки и подчеркнуть достоинства. Для коммуникации с аудиторией и подачи сигналов, которые привлекут именно тех, на кого бренд ориентируется, в рекламе используются разнообразные знаки.

Семиотический анализ показывает сложность рекламной коммуникации в косметической индустрии, где знаковые системы играют ключевую роль в формировании потребительских предпочтений и восприятия брендов.

Бренды косметики ориентируются на разнообразные аудитории, учитывая демографические, психографические и поведенческие аспекты потребителей. Целевая аудитория делится на возрастные группы, каждая из которых проявляет интерес к различным продуктам в зависимости от своих потребностей. К примеру, молодежь предпочитает яркие и инновационные товары, тогда как взрослые женщины акцентируют внимание на антивозрастных свойствах и уходе за кожей.

Чарльз Пирс выделял иконические знаки, индексы и символы, а также исследовал процесс семиозиса, который представляет собой динамическую интерпретацию значений.

Для Пирса знак, или репрезентамен, обозначает что-то для кого-то и создает в сознании человека интерпретант – равноценно или более сложный знак. Семиотическая модель Пирса показывает, как знаки взаимодействуют и интерпретируются в зависимости от их природы и связи с обозначаемым объектом [1, с. 93]. Опираясь на классификацию знаков Пирса можно проанализировать какие знаки используются в рекламе для привлечения определенной аудитории. В зависимости от потенциального покупателя, на которого производители товара ориентируются, меняются знаки в их рекламе. Анализ знаков в рекламе косметических брендов, продукция которых находится в разных ценовых категориях и направлен на разные возрасты, демонстрирует, каким образом иконические, индексальные и символические знаки используются для достижения определенной целевой аудитории. На примере таких брендов, как L'Oréal Paris, Maybelline New York, Beauty Bomb, Chanel можно рассмотреть, какие

знаки применяются в рекламе в зависимости от потенциального покупателя. L'Oréal Paris и Maybelline New York – бренды, нацеленные на широкую аудиторию женщин среднего достатка, возрастом скорее от 20 лет и старше, производя продукты в низком ценовом сегменте. Beauty Bomb также ориентируется на массовый рынок, при этом позиционируя свои продукты как созданные в основном для подростков. Chanel же – всемирно известная французская компания, нацеленная на потребителей с высоким достатком. Все это находит отражение в знаках, которые несет в себе реклама данных брендов.

Так, L'Oréal Paris стремится привлечь широкую аудиторию всех возрастов, и транслирует это в своей рекламе через иконические (фотографии женщин разных возрастов, используемые в рекламе), индексальные (красная помада в руке женщины указывает на ее красные губы, передавая идею, что потенциальная покупательница может достичь такого же эффекта используя данный продукт) и символические (красный цвет является символом свободы и отваги. Красный часто ассоциируется с сильными эмоциями, такими как любовь, страсть и романтика. Он привлекает внимание и вызывает сильные чувства. Красный цвет символизирует силу, динамичность и активность. Он может восприниматься как цвет, который вдохновляет на действие и движение. Также красный часто ассоциируется с властью и авторитетом; старинное здание на фоне, символизирующее высокое положение и классику) знаки. Использование словосочетания «COLOR RICHE» также является символическим знаком, который подразумевает богатство и разнообразие оттенков помады.

Это название создает ожидания и ассоциации с высоким качеством и удовлетворением потребительских потребностей. Таким образом данная реклама создает впечатление «классики», силы, солидности, при этом создавая посыл, что рекламируемый продукт подойдет женщинам различной внешности и возраста.

Следующий предмет анализа – реклама туши от Maybelline New York «Sky High Mascara». Иконические знаки в данном контексте представлены визуальными элементами, которые непосредственно отображают качества и характеристики продукта. (модель с ярко выраженными ресницами, ее общий стиль – ассоциация с красотой и ухоженностью). Индексальные знаки проявляются через детали, указывающие на реальность продукта: например, фон с высотными зданиями отсылает к урбанистической среде Нью-Йорка, создавая ассоциации с динамичным образом жизни. Это создает контекст, в котором тушь позиционируется как часть повседневной жизни современного человека, стремящегося к успеху и самовыражению. Символические знаки связаны с культурными значениями бренда: логотип Maybelline символизирует доверие и качество, усиливая восприятие

туши как части стиля жизни. Анализ показывает, как реклама использует многослойные семиотические стратегии: иконические знаки формируют визуальные ассоциации, индексальные – подчеркивают реальность продукта, а символические – создают культурный контекст. Это формирует положительный имидж, вызывая эмоциональный отклик через образ уверенной, современной женщины, побуждая аудиторию идентифицировать себя с ним.

В рекламе двух предыдущих товаров заметно, что основными потребителями предполагаются взрослые самостоятельные женщины, на которых и нацеливаются послы рекламы.

В то же время такой бренд, как Beauty Bomb ориентируется на более узкую аудиторию подростков и молодых людей, производя очень яркую и менее универсальную косметику. Сам бренд позиционирует себя как «трендовый» и находится в низкой ценовой категории. Иконические знаки в его рекламе – изображение моделей с яркими и необычными прическами и выразительным, «тяжелым» макияжем, которые визуальнo создают ассоциацию с современными субкультурами.

Символы – изображения цепей, которые в данном случае также отсылают к бунтарству и альтернативному стилю, необычная черная одежда – символ самовыражения и современности. Черный цвет часто символизирует скорбь, тайну, траур, и полностью черная одежда вызывает ассоциацию с субкультурами и протестом. Таким образом, визуальная составляющая рекламы, способная, вероятно, оттолкнуть более зрелую аудиторию, для подростков будет притягательной.

Реклама косметических продуктов Chanel ориентируется на высокий ценовой сегмент рынка, а, следовательно, стремится привлечь совершенно другую, нежели перечисленные ранее компании, аудиторию. В кампании весна-лето 2023 ключевым иконическим знаком выступает образ модели, чей макияж воплощает эталон элегантности, подчеркивая сезонную концепцию коллекции. Логотип выполняет символическую функцию, транслируя ценности эксклюзивности и высокого статуса. Лаконичный визуальный ряд, включая цветовую палитру, формирует узнаваемый семиотический код бренда. Минималистичная подача подчеркивает премиальность продукции, создавая ассоциации с недоступностью и исключительностью, что принципиально отличает коммуникацию Chanel от брендов с более широкой целевой аудиторией.

В заключение можно сказать, что семиотический анализ показывает сложность рекламной коммуникации в косметической индустрии, где знаковые системы играют ключевую роль в привлечении определенного потребителя и формировании восприятия брендов. Бренды косметики ориентируются на разнообразные аудитории, учитывая демографические,

психографические и поведенческие аспекты потребителей, их потребности и предпочтения, и использует сложные семиотические принципы для формирования положительного имиджа и эмоциональной связи с потребителями. Семиотика является важным инструментом для анализа рекламных коммуникаций и социокультурных процессов, связанных с ними.

Библиографические ссылки

1. *Пирс Ч. С.* Что такое знак? // Вестн. Томского гос. ун-та. Сер. Философия. Социология. Политология. 2009. № 3 (7). С. 88-95 / пер. с англ. А. А. Аргамаковой; с предисл. к публ. С. 86-87.

2. *Oswald L. R.* Marketing Semiotics: Signs, Strategies, and Brand Value. Oxford: Oxford Academic, 2012.

ГОТИЧЕСКИЕ ЧЕРТЫ В РОМАНЕ ЛОРЫ ПЕРСЕЛЛ «БЕЗМОЛВНЫЕ КОМПАНЬОНЫ»

К. В. Венцель

*Белорусский государственный университет, ул. Академика Курчатова, 5,
220045, г. Минск, Беларусь, kseniaventsul2003@gmail.com
Научный руководитель – С. А. Давыдова, старший преподаватель*

В статье анализируется применение готических мотивов в романе Лоры Перселл «Безмолвные компаньоны» (2017). Обосновывается, что этот роман, отмеченный наградой WHSmith Thumping Good Read 2018, является удачным сочетанием готики, исторического детектива и психологического триллера, что делает его важным произведением современной готической литературы.

Ключевые слова: готический роман; современная литература; хронотоп; пространство; символизм.

Введение.

Готический роман, с его акцентом на иррациональное, сверхъестественное и атмосферу мрачного величия, продолжает оставаться плодотворным полем для исследования человеческих страхов и темных сторон.

Современные авторы, черпая вдохновение из классических образцов жанра, переосмысливают готические тропы, предлагая новые перспективы и углубляя психологическую составляющую повествования.

В этом контексте, творчество Лоры Перселл, известной своим умением сочетать историческую достоверность с элементами саспенса и мистики, представляет особый интерес.

Основная часть.

Готический роман, зародившийся на рубеже XVIII-XIX веков, ознаменовал собой растущий интерес к иррациональному и сверхъестественному.

Сам термин «готический» изначально относился к средневековой архитектуре. Величественные соборы с их стрельчатыми арками, высокими шпилями, витражами и горгульями, создавали ощущение мрачного величия, таинственности и даже страха.

Именно эта атмосфера, пронизанная ощущением древности, упадка и потусторонних сил, и легла в основу готического романа.

Характерные элементы готического романа:

■ **мрачные локации:** действие разворачивается в старинных, полуразрушенных замках, монастырях, темных лесах и подземельях, пропитанных атмосферой тайны, упадка и былого величия;

■**загадочные события:** скрытые проклятия, таинственные исчезновения, необъяснимые явления и эхо прошлого, преследующее настоящее, создают атмосферу напряжения и тревоги;

■**сверхъестественные силы:** призраки, пророчества и демонические сущности нарушают привычный порядок вещей, добавляя элемент иррациональности и страха;

■**типичные персонажи:** наличие в повествовании образа готической героини, часто преследуемой и находящейся в опасности, а также главного антагониста, представляющего угрозу.

Лора Перселл – признанная современная британская писательница, чьи романы пленяют читателей умелым сочетанием исторических деталей, личных переживаний и мрачной атмосферы готики.

Ее работы отличаются глубокой проработкой исторических периодов, вниманием к деталям и умением создать ощущение достоверности, даже когда в повествование вмешиваются элементы сверхъестественного.

Глубокий интерес к истории и любовь к литературе побудили ее к написанию исторических романов, которые пользуются успехом у читателей и критиков.

Обладая экспертными знаниями в области истории, Лора Перселл является членом престижных Общества исторического романа и Общества исследования исторических королевских дворцов.

Среди ее известных произведений, получивших признание критиков и читателей, выделяются «Корсет» (2018), «Костяной фарфор» (2019) и «Форма тьмы» (2022), демонстрирующие ее мастерство в создании захватывающих и атмосферных историй.

Роман «Безмолвные компаньоны» (2017) открывается перед читателем картиной надежды и предвкушения:

Элси, которая вышла замуж за аристократа Руперта Бейнбриджа, мечтает о счастливой и беззаботной жизни в высшем обществе.

Однако судьба распорядится иначе. Внезапная и трагическая смерть мужа рушит ее планы, и, чтобы избежать пересудов и пережить горе, Элси отправляется в его родовое поместье – старинный, заброшенный дом в английской глуши.

Но вместо утешения и спокойствия она находит лишь угнетающую атмосферу, враждебность слуг, странное поведение кухи по покойного мужа и ощущение постоянного страха, витающего в стенах древнего поместья. Дом хранит свои тайны, и Элси предстоит столкнуться с прошлым, которое может оказаться намного опаснее, чем она могла себе представить.

Хронотоп романа отличается сложной структурой, характерной для готических произведений.

Время повествования расщепляется на три взаимосвязанных уровня, образуя «книгу в книге»: настоящее время (больница Св. Иосифа), воспоминания Элси о пребывании в поместье в 1865 году и дневник Анны Бейнбридж, переносящий читателя в 1635 год.

Роман отчетливо демонстрирует все ключевые характерные черты готического романа, выделенные в классификации.

В романе ощущается атмосфера страха, тайны, тревоги и сверхъестественного.

Поместье, в которое приезжает Элси, не просто место жительства; это пространство, пронизанное чувством тревоги и зловещего предчувствия. Сама обстановка нагнетает напряжение и готовит читателя к столкновению с необъяснимым.

Мрачные, уединенные локации также играют важную роль в создании готической атмосферы. Старинный заброшенный дом, в котором разворачивается действие, является классическим готическим местом.

Он окружен заброшенным пейзажем, подчеркивающим ощущение изоляции и упадка: «Заросший, неухоженный сад, ветхость и убожество.

Из травы, будто надгробные плиты, торчали останки серой кирпичной стены, а вокруг все поросло клевером и папоротником».

Описание дома как «приземистого здания времен короля Якова. <...> Дом казался мертвым» усиливает ощущение мрачности и запустения.

Образ типичной готической героини также присутствует в романе. Элси предстает перед читателем в роли невинной, уязвимой женщины, волею судьбы, оказавшейся в центре таинственных и опасных событий.

Ее одиночество и подверженность влиянию зловещей атмосферы дома подчеркиваются авторским описанием: «Ей было неприятно оставаться в этом доме одной: ей все время казалось, что кто-то на нее смотрит».

В романе главным антагонистом оказывается не гнетущая атмосфера или таинственное прошлое поместья, а конкретный персонаж – Гетта Бейнбридж.

Местные жители шепчутся, что «одна из хозяек дома была ведьмой», и это предположение находит подтверждение в дневниках матери Гетты. Анна Бейнбридж, некогда владевшая колдовскими силами, отчаянно мечтала о дочери.

В погоне за мечтой, Анна готовила колдовские отвары, но в результате девочка родилась без языка. Отвергнутая обществом и спрятанная от посторонних глаз даже собственным отцом, Гетта затаила в сердце злобу и решила отомстить всем, кто причинил ей страдания.

Отчаянное разочарование Анны находит отражение в ее словах, зафиксированных в дневнике: «Я сотворила не ребенка. Вместо этого полу-

чилося чудовище».

Деревянные компаньоны, кажущиеся поначалу главными антагонистами романа, на самом деле оказываются лишь пешками в жестоком плане мести Гетты.

Эти зловещие фигуры, словно повинувшись невидимой силе, могли перемещаться по особняку, и их постоянное появление на местах трагедий и смертей в доме вызывало ужас и подозрения.

Дневники Анны, проливающие свет на прошлое семьи Бейнбридж, были найдены Элси и кухней ее мужа на запертой мансарде.

Там же, в пыльном и забытом помещении, они обнаружили и первого деревянного компаньона, точную копию Гетты.

Эта находка служит явным намеком на то, что именно Гетта является ключевой фигурой и главным злодеем в разворачивающейся драме.

Упоминание черного кота по кличке Джаспер в романе Л. Перселл выходит за рамки традиционного символизма. Именно Джаспер «смог открыть дверь мансарды, которая была закрыта на замок», что наделяет его особой ролью в разгадке тайн.

Он становится проводником между миром живых и мертвых, усиливая атмосферу зловещего предчувствия. Интересно, что имя кота (Джаспер, греч. ἵασις – ‘яшма’) может указывать на его связь с сокровищами и скрытыми знаниями.

Еще одно значение – «хранитель сокровища, казначей» – намекает на его роль в раскрытии секретов поместья, делая его ключевой фигурой в истории.

Заключение.

Роман Лоры Перселл «Безмолвные компаньоны» демонстрирует адаптивность готики в современной литературе.

Используя широкий спектр готических элементов, Перселл создает напряженную атмосферу, исследуя темы природы зла и влияния прошлого.

«Безмолвные компаньоны» подтверждает востребованность готики, предлагая пищу для размышлений о человеческом существовании и демонстрируя, как современные писатели переосмысливают традиции для актуальных проблем.

Библиографические ссылки

1. Вацуро, В. Э. Готический роман в России / М. : «Новое литературное обозрение», 2002. 544 с.

2. Григорьева, Е. В. Готический роман и своеобразие фантастического в прозе английского романтизма : дис. ... канд. филол. наук: 10.01.05 / Ростов-на-Дону, 1988. 163 л.

3. *Перселл, Л.* Безмолвные компаньоны пер. с англ. Е. Мигуновой. Москва: Издательство АСТ, 2018. 416 с.

4. Laura Purcell Official Website: . URL: <https://www.laurapurcell.com/> (дата обращения: 13.03.2025).

5. The Silent Companions by Laura Purcell (Author Interview. URL: <https://alwaysstrustinbooks.wordpress.com/2017/10/02/the-silent-companions-by-laura-purcell-author-interview-bloomsburybooks-spooky-purcell-gothic-ghost-story/> (дата обращения: 13.03.2025).

СТРУКТУРА УТОПИИ. «КОТЛОВАН» АНДРЕЯ ПЛАТОНОВА СКВОЗЬ ФИЛОСОФИЮ ВЛАДИМИРА ПАПЕРНОГО

У. А. Веретенникова

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, ulanaveretennikova@gmail.com
Научный руководитель – И. Н. Духан, доктор философских наук, кандидат
архитектуры*

В статье рассматривается переход от конструктивизма к «сталинской» архитектуре сквозь оптику исследования Владимира Паперного «Культуры Два». «Котлован» Андрея Платонова выступает в качестве интенционального объекта фокусирования этой оптики с целью изучения особенностей рассматриваемой проблемы.

Ключевые слова: конструктивизм; сталинский ампир; структурализм; культура 1 и культура 2; бинарные оппозиции.

История советской архитектуры традиционно делится на три заметно отличающиеся друг от друга стилистические эпохи. Первые 15 лет после революции – расцвет художественного авангарда, блестящие проекты, громкие имена, участие отечественных мастеров в общемировом процессе раскрытия стиля. Затем, в 1932 г. внезапная массовая смена стиля. Авангард растворяется на фоне обрастающих премиями новых классицистов, несущих «сталинский ампир».

В 1954 г. классицизм уже заклеен как украшательство, исчезает буквально на глазах, а зодчие-классицисты снова становятся модернистами и фанатично занимаются индустриальным домостроением. При этом и сталинский ампир, и хрущевский модернизм титулуются как социалистический реализм.

Задачей-«максимум» советских архитектуроведов было объяснить эту серию катаклизмов естественной художественной эволюцией советского зодчества. Но задача была не выполнимой, и не выполнялась. Об этой проблеме и пойдет речь в данной работе.

Российский и американский писатель, дизайнер и искусствовед Владимир Паперный исследовал этот сложный идейный коллапс на уровне глобальном. Он смог описать все происходившее в терминах культур 1 и 2 в ставшей бестселлером работе «Культура Два». Эти термины автор придумал для того, чтобы описать и упорядочить события в этот сложный, неоднозначный период.

В первой главе под названием "Растекание и затвердевание" этих оппозиций 4: начало и конец, движение и неподвижность, горизонтальное и вертикальное, равномерное и иерархическое.

Для прояснения этих оппозиций мы обратимся к яркому опусу преобразования культуры 1 в культуру 2 – «Котловану» Андрея Платонова (1930).

Культура 1 – это культура перемещения, изменения состояния, неустойчивости. Здесь, как в татлинской башне, «не следует стоять и сидеть, вас должно нести механически вверх, вниз, увлекать против вашей воли» [7]. Прототипом жилья становятся кабинки пассажирского парохода или аэроплана.

Архитектурные сооружения в этой культуре должны быть поворачивающимися к солнцу, разборными, комбинированными, с меняющейся планировкой комнат, мебели.

Как в доме Мельникова – комнаты-трансформеры, 0 прямых углов и окна-соты, заливающие светом все внутри; как мобильные жилые ячейки Охитовича; как проект бани с бассейном Никольского. Это оппозиция движение и неподвижность.

В культуре 2 каждое сооружение намертво прирастает к своему месту.

Именно так в полном соответствии с культурными стереотипами, строятся после войны высотные дома, взявшие на себя функции неосуществленного Дворца Советов, дом Жолтовского на Моховой улице, гостиница Моссовета в Охотном ряду. Инженер Прушевский в «Котловане» видит будущее здание как «произведение статической механики» [8].

В оппозиции начало-конец культура 1 ориентирована на будущее, в котором «возврата к прежнему нет». Главный принцип культуры – «строить творчество, сжигая за собой свой путь» [3].

Сжигание – любимая тема культуры 1.

«Во имя нашего Завтра – сожжем Рафаэля», – воскликнет в 1917 г. пролеткультовский поэт В. Кириллов [5, с. 228], а Маяковский подарит ему за это свою книгу, подписавшись «однопольчанин по битвам с Рафаэлями» [1, с. 40].

В повести Платонова, вернувшись в котлован, герой инвалид Жачев восклицает, обращаясь к рабочему стройки: «Меня нахождение сволочи мучает, и я хочу спросить у тебя, когда вы состроите свою чушь, чтоб город сжечь!» [8].

Будущее в культуре 2 представляется совершенно иначе. Оно словно сходит с привычного прямолинейного временного пути. Настоящий момент оказывается уже не начальной точкой истории, а ее финалом.

Культуру начинает интересовать путь, которым она пришла к настоящему моменту, начинает интересовать история. В Ленинской библиотеке можно найти огромное количество книг этой эпохи, название которых начинается словом «Как...», например, «Как мы спасали челюскинцев».

Основным каноническим документом эпохи становится курс истории марксизма-ленинизма.

Все классические архитектурные трактаты были переведены и изданы именно в 30-е. Основной проблемой архитектуры становится освоение наследия, и начинается оно с триады «Греция – Рим – Ренессанс». Чувствуется сильный идейный разрыв.

Культура 1 боролась с Рафаэлями, а культура 2 хочет жить, как Рафаэль, и строит упрощённую классику.

Дома культуры имени Зуева и Русакова и горизонтальные небоскрёбы Лисицкого Паперный относит к горизонтальной архитектуре. Но не только потому, что их структура горизонтальна.

Дело в том, что в здании культуры 1 зритель рассматривает архитектурный организм сверху. В культуре 2 планировочные решения создаются такими, чтобы их красоту в полном объеме можно было увидеть только с высоты птичьего полета.

Наблюдатель находится где-то на нижних ступенях обязательных стилобатов и смотрит вверх. Симметрии планировочного решения проекта Дворца Советов Иофана не увидел бы ни один земной человек. Только члены правительства, для которых и изготавливались макеты.

Вертикальность общепролетарского дома в «Котловане» доказуема представлениями инженера Прушевского. Он мечтает о возведении в середине мира башни, «куда войдут на вечное, счастливое поселение трудящиеся всей земли» [8].

Но Дворец Советов Иофана, пожалуй, является пиком вертикальности.

Иерархия его строения выражает собой и человеческую несопоставимость, которая сильно влияла на все сферы жизни советского общества. Блатная система, коррупция, и как следствие – один и тот же проект могли освистать в журнале, ведь что-то масштабное проектируют вне Москвы. Так вышло с проектом колхозного дома культуры Леонидова и проектом театра Красной Армии Алабяна и Симбирцева.

Две звезды, но одна – «упрощенчество», а другая – «выразительный образ».

Но была ли иерархия причиной того, что общепролетарский дом Платонова так и не был построен? Да, но не потому, что финансировать постройку не хотели. Финансировать было нечем. Дом повторил судьбу Дворца Советов Иофана.

Если культура 2 *иерархическая*, то культура 1 *равномерная*.

В СССР в 30-е широкое распространение получает точка зрения, что архитектурный объект должен быть таким, чтобы его можно было поместить в любую точку пространства.

«Неправильно и нежизненно считать, – писал Пастернак, – что только деловой центр вмещает высокие застройки» [4].

На волне этих идей появляются агрогорода.

Но культура 2 резко обрывает борьбу с иерархией, не случайно в 40-е уже в моде слова «обезличка» и «уравниловка», которые фигурируют в языке «Котлована».

Распад иерархической структуры начался тогда, когда строительство, вместо того, чтобы сконцентрироваться только на Дворце Советов, сначала распалось на кольцо высотных зданий, а затем выплеснулось на окраины, чтобы поставить там точно такие же высотные здания, как и в Москве.

Окончательный распад иерархии произошел в 60-е, когда строительство обернулось массовым жильем – всеми известными хрущевками.

Подводя итоги, можно сказать, что Паперный исходит из предположения, что изменения, происходящие в архитектуре, и изменения, происходящие в других аспектах искусства, а также в экономике, в образе жизни людей подчиняются весьма конкретным закономерностям.

И дело даже не в отдельных архитекторах, критиках или вожде, что повернул архитектуру в ту или иную сторону.

Напротив, – все это происходит за счет людей, над которыми существует нечто, что совершает это движение, вовлекая и «играя», – как сказал Арнольд Хаузер, – их побуждениями и интересами и давая им при этом ощущение свободы» [2, с. 120], и вот это нечто Паперный назвал культурой.

Структуралистский метод оказался идеальной системой связи между эстетикой архитектурного мышления и способом восприятия пространства и общества.

Поэтому, анализируя «Котлован», при помощи этого метода, можно выявить концептуальный облик нереализованного сооружения.

Исходя из проведенных ранее параллелей, мы приходим к выводу, что общепролетарский дом все-таки относится именно к культуре 2.

Паперный создал инструмент для анализа не только конкретного периода, но и современного мира в целом.

Ведь мы все еще находимся в этой среде, между циклическим преобладанием двух культур.

На современных улицах Минска можно обнаружить памятники и модернизма, и сталинского ампира.

Именно это обстоятельство, в частности наша постоянная включенность в культуру 1 и культуру 2 и их скрещения – делает новое прочтение Владимира Паперного, и «Котловна» Андрея Платонова сквозь Паперного – насущным и актуальным.

Библиографические ссылки

1. *Паперный, В. З.* Культура Два : 6-е изд. М. : Новое литературное обозрение, 2022.
2. *Hauser A.* The philosophy of art history : N.Y., 1963.
3. *Малевич К. С.* О музее. : ИК, 1919, 23 февраля. С. 2.
4. *Пастернак А. Л.* Урбанизм. Современная архитектура : 1926. № 1. С. 4–7–36.
5. *Кириллов В. Т.* (Стихи) : ППЛСЭ, 1917–1922. С. 227–264.
6. *Маяковский В. В.* Полное собрание сочинений, тт. 1–13. М. : ГИХЛ, 1955 – 1961.
7. *Пунин Н. Н.* О памятниках : ИК, 1919.
8. *Платонов, А. П.* Котлован. Текст. Материалы творческой истории : СПб, Наука, 2000.

ТЕОРИЯ КОНСТРУКТИВИЗМА В ПРАКТИКЕ ВХУТЕМАСА

Е. Д. Гуарье

Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,

220030, г. Минск, Беларусь, fsc.gurare@bsu.by

Научный руководитель – О.А. Воробьева, кандидат филологических наук, доцент

Целью работы является выявление влияния конструктивизма на ключевые художественные и педагогические принципы ВХУТЕМАСа. В работе рассматривается образовательная система ВХУТЕМАСа. Особое внимание уделяется методам преподавания, взаимодействию искусства и технологий, а также роли ведущих преподавателей (А. Родченко, Эль Лисицкий и др.) в формировании новой визуальной культуры. Выявлено, что ВХУТЕМАС был школой конструктивизма, где его принципы были трансформированы в новаторскую педагогическую систему.

Ключевые слова: ВХУТЕМАС; ВХУТЕИН; конструктивизм; рационализм; А. Родченко; дизайн.

ВХУТЕМАС – одно из важнейших явлений в истории искусства и дизайна XX века. Методы преподавания, разработанные во ВХУТЕМАСе, заложили основы для развития дизайнерского образования и продолжают влиять на него по сей день. В этом учебном заведении в полной мере получили развитие идеи конструктивизма.

Целью данной работы является выяснение того, как конструктивистские принципы воплотились в методологии и педагогической системе ВХУТЕМАСа.

Конструктивизм был ключевым направлением советского авангарда и заложил методологические основы современного дизайна и архитектуры.

Конструктивизм подчеркивает важность конструкции и материалов, отличается простотой формы, отсутствием украшений и акцентом на функциональности. Его идеи нашли практическое воплощение в педагогической системе ВХУТЕМАСа, где они легли в основу подготовки художников-конструкторов.

ВХУТЕМАС был создан в 1920 году. Этому предшествовала Первая реформа художественного образования 1918 года, в результате которой были созданы Первые и Вторые Свободные Государственные художественные мастерские. Мастерские были созданы на базе Строгановского художественно-промышленного училища и Училища живописи, ваяния и зодчества. Вторая реформа художественного образования была проведена в 1920 году путем слияния Первых и Вторых мастерских, в результате чего и были созданы Высшие художественно-технические мастерские –

ВХУТЕМАС. Задачами ВХУТЕМАСа были подготовка художников-мастеров высшей квалификации для промышленности и подготовка педагогов для художественно-технического образования. С созданием ВХУТЕМАСа конструктивисты получили реальную базу для своего творчества.

ВХУТЕМАС преследовал три цели. Во-первых, это «объективизация» процесса обучения художественным дисциплинам. Во-вторых, сближение различных видов искусства и выработка общей методики их преподавания. В-третьих, сближение художественной материальной культуры с массовым индустриальным производством [1, с. 344].

Специфика ВХУТЕМАСа заключалась в его нетрадиционной структуре. Во ВХУТЕМАСе сложилась двухуровневая система подготовки. Обучение начиналось на обязательном Основном отделении. Это двухгодичный вводный курс для всех студентов. Годовая программа-минимум включала дисциплины: Пространство, Объём, Цвет, Графика. На втором году изучались эти же предметы со специализацией по факультетам. После окончания вводного курса студенты выбирали один из восьми факультетов: Архитектурный, Живописный, Полиграфический, Скульптурный, Текстильный, Керамический, Металлообрабатывающий, Деревообрабатывающий. Два последних в 1926 году были слиты в Объединенный факультет по обработке дерева и металла – Дерметфак [2, с. 276]. Такая структура и единые педагогические установки должны были обеспечить создание общей основы для всех видов пространственных искусств. Разделение дизайнерской специализации по двум материалам – дереву и металлу – было связано с традициями подготовки художников прикладного искусства в России и условиями развития промышленности в те годы.

Педагогическая система ВХУТЕМАСа базировалась на методологии, разработанной ведущими мастерами-конструктивистами – Владимиром Татлиным, Эль Лисицким. Особую роль также сыграли архитектурный рационализм Николая Ладовского и проектные методики Александра Родченко, которые были направлены на выявление конструктивной сущности предмета. Родченко был частью творческого дуэта «реклам-конструкторов Маяковский–Родченко», был мастером фотомонтажа и использовал свои новаторские по ракурсу и светотени фотографии при создании плакатов, обложек и прочего. Родченко вел дисциплину «Графика».

В своих постановках натюрмортов он использовал нетрадиционные предметы, требуя от студентов выявлять центральную конструкцию постановки. Много внимания уделялось фактуре. Лидер рационализма Николай Ладовский, совместно с Николаем Докучаевым и Владимиром Кринским, разработали психоаналитический метод обучения. Он и лег в основу пропедевтической дисциплины «Пространство». Ладовский создал научно-исследовательскую лабораторию, так называемую «черную комнату», где

проводил опыты с целью подкрепить интуицию художника. Были созданы специальные приборы для проверки глазомера и пространственного воображения. Методика Владимира Кринского предполагала замену копирования исторических образцов на аналитическое проектирование. Согласно его методике, форма выводилась из геометрических закономерностей, функциональных требований и визуальной выразительности. Дисциплину «Объем» преподавали Борис Королев, Антон Лавинский и Алексей Бабичев. От студентов они требовали не буквальное изображение в глине составляющих композицию элементов, а передачу своего видения этой композиции в ее пластическом преломлении. «Цвет» вели Александр Веснин, Любовь Попова и Густав Клуцис. Главным в их обучении было понимание плоскости как цветовой поверхности. Студенты рисовали не сами предметы, а создавали по поводу этих предметов композиции, при этом они анализировали и разлагали формы предметов.

Под влиянием идей конструктивизма металлообрабатывающий и деревообрабатывающий факультеты практически эволюционировали в школу производственного дизайна.

Деревообрабатывающий факультет готовил мебельщиков и специалистов по малым деревянным архитектурным формам. Металлообрабатывающий факультет готовил проектировщиков бытовых изделий и оборудования для различных учреждений, а также проектировщиков транспорта из металла. На этих факультетах внедрялись принципы индустриального дизайна, такие как стандартизация, экономия материалов, многофункциональность и мобильность изделий, эргономичность. Категорически отвергалось украшательство. Профилирующей дисциплиной было проектирование.

Среди преподавателей двух факультетов особо можно выделить Александра Родченко и Эля Лисицкого. Разработанную А. Родченко в мастерских концепцию проектирования можно рассматривать как одну из ранних систем дизайн-образования.

Среди заданий, которые Родченко давал студентам, были следующие: упростить или улучшить существующую вещь, по-новому решить цвет и материал, разработать новые формы вещей исходя из массовых способов изготовления, предложить новую вещь с новыми социальными функциями [3, с. 247]. Среди проектов студентов Лисицкого были движущиеся витрины, складные киоски и кровати, разборные вещи. Студенты под руководством Лисицкого выполняли проекты встроенной мебели. Дипломники проектировали как стандартную унифицированную мебель, так и мебель для конкретных объектов – например, для каюты капитана рефрижераторного судна [4, с. 159]. Темы дипломов выпускников были всесторонне продуманы и обоснованы с социальной, конструктивной и экономической

стороны. Например, проект санного поезда по бездорожью Захара Быкова включал планшеты с чертежами и общим видом тягача и прицепных платформ. Из стандартных деталей собирались различные типы платформ – грузовые, пассажирские, санитарные и жилые. Дипломники демонстрировали свое понимание нового, современного мира техники. Так, во ВХУТЕМАСе был подготовлен выдающийся отряд советских дипломированных дизайнеров и архитекторов.

Ректорами ВХУТЕМАСа были Ефим Равдель, затем Владимир Фаворский [5]. Однако наибольшие изменения в структуре связаны с периодом с 1926 года, когда ректором был назначен Павел Новицкий. Новицкий сразу вывел вперед производственные факультеты.

Он сделал ставку на подготовку промышленных специалистов, для чего изначально и создавался ВХУТЕМАС.

При нем в 1927 году ВХУТЕМАС был переименован во ВХУТЕИН (высший художественно-технический институт), занятия на основном отделении сократили до года, а срок обучения увеличили с четырех до пяти лет.

Основной задачей института стала подготовка специалистов нового типа – художников-производственников, умеющих выполнять конкретные работы производственного характера.

Однако у конструктивистского подхода есть и слабые стороны. Проекты не содержали привычных художественных элементов, оценивались исключительно с точки зрения функциональности – подобно машинам или самолётам. Т

Такой подход вызывал неприятие у большинства потребителей, которые ожидали от вещей не только удобства, но и красоты [3, с. 247]. В конце 1920-х годов начинается борьба государства с авангардным искусством.

Искусство теперь должно было отражать линию партии, быть понятным и воплощать представления власти о лучшей жизни.

Разнообразие форм и стилей стало невозможным – от художников требовали единства средств и целей, а соцреализм стал главным направлением в искусстве. За несколько лет до расформирования из института постепенно стали убирать неугодных преподавателей и студентов. Многочисленные доносы и внутренние конфликты привели к ликвидации института в 1930 году. ВХУТЕИН был расформирован, а факультеты распределены по отдельным ведомствам и институтам.

Многие преподаватели ВХУТЕИНа ушли из педагогики, а оставшиеся разъехались по стране. Полностью изменилась система преподавания в художественных институтах, все вхутемасовские учебные наработки были забыты вплоть до 60-х годов, когда ассистентам и преподавателям ВХУТЕИНа удалось вернуть некоторые методики в вузы.

Таким образом, ВХУТЕМАС можно считать институциональным воплощением конструктивизма, где художественное творчество было подчинено задачам функционального проектирования. ВХУТЕМАС сформировал первый отряд профессиональных дизайнеров, заложил основы промышленного дизайна (стандартизация, функциональность, эргономика), разработал уникальную педагогическую систему, сочетающую художественное и техническое образование.

Библиографические ссылки

1. Хан-Магомедов С. О. Пионеры советского дизайна. М., 1995.
2. Михайлов С. М. История дизайна: учебник для вузов: в 2 т. Т. 1. М., 2002.
3. Рунге В. Ф. История дизайна, науки и техники: учебное пособие: в 2 кн. Кн. 1. М., 2006.
4. Лаврентьев А. Н. История дизайна: учеб. пособие. М., 2007.
5. Краткая справка // ВХУТЕМАС. URL: <https://www.vkhutemas.ru/brief/>. (дата обращения: 18.05.2025).

ГРАММАТИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ ABSENTIV В НЕМЕКОМ ЯЗЫКЕ

В. Р. Давыдулина

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, Минск, Беларусь, vladislava.davydulina@mail.ru
Научный руководитель – О. Е. Супринович, кандидат филологических наук, доцент*

Рассматривается динамичная природа языка как системы, которая постоянно меняется под влиянием культурных и технологических изменений. В частности, внимание сосредоточено на категории языка, известной как Absentiv, которая была введена голландским лингвистом Каспером де Гроотом.

Absentiv представляет собой морфосинтаксическую конструкцию, выражающую непрерывное действие и отсутствие субъекта. Эта категория наблюдается в ряде европейских языков и активно используется в разговорной речи несмотря на то, что она не зафиксирована в традиционных учебниках. Текст также затрагивает примеры использования Absentiv в немецком языке и его аналоги с английскими длительными временами.

Ключевые слова: абсентив; агенс; непрерывное действие; непереходные глаголы; несовершенный вид; разговорная речь.

Язык – не застывшая форма, а живая, постоянно развивающаяся и меняющаяся система. Язык непрерывно трансформируется под воздействием культурных сдвигов, технологического прогресса и непрекращающегося обмена словами и идеями.

Рождаются новые слова, старые приобретают новые оттенки значения, грамматические структуры претерпевают едва заметные изменения, отражая динамичную природу человеческого общения и окружающего нас мира.

Эта подвижность, присущая языку, делает его увлекательнейшим объектом изучения, зеркалом общества и свидетельством изобретательности и приспособляемости человеческого разума.

Одной из недавно появившихся категорий является Absentiv, представленный голландским лингвистом Каспером де Гроотом в 2000 году [1, с. 693]. В лингвистике Absentiv, при переводе с латинского языка *abwesend* ‘отсутствующий’ – это вербальная конструкция, присутствующая в некоторых языках, которая выражает происходящее действие и отсутствие агенса вследствие и в течение времени этого действия. К. де Гроот определял Absentiv как морфосинтаксическую форму глагола, которая выражает отсутствие лица, закодированного в субъекте, то есть обозначает непрерывную деятельность отсутствующего агента. В исследованиях немецкого языковеда В. Краузе (2002), в словаре немецкого языка

«Duden» (2009: §594) есть ссылки на Absentiv для глаголов деятельности, а также в справочнике «Немецкая морфология» (Э. Хентшель и П. Фогель 2009), в котором П. Фогель (2009) установил Absentiv как морфологический термин.

Absentiv употребляется и во многих других языках. К. де Гроот (1995, 2000), Х. Эберт (1996, 2000), В. Краузе (2002), П. Фогель (2007) и другие полагают, что Absentiv присущ не менее, чем двадцати шести европейским языкам, например, немецкому, фризскому, голландскому, венгерскому, итальянскому, норвежскому, шведскому, финскому и каталанскому.

Absentiv – грамматическая конструкция, которая не зафиксирована в классических учебниках по немецкому языку, однако используется в повседневной жизни, в разговорной речи, в мессенджерах, чатах, на форумах, например, в WhatsApp, так как сообщения часто имеют такие особенности.

Absentiv отвечает на вопросы *Wo bist du gerade?* (=Где ты сейчас?), *Wo warst du gerade eben?* (=Где ты был?) и *Was machst du gerade?* (=Что ты делаешь сегодня? / Что ты делал сегодня?) и, конечно же, отличается от классических времен [4].

Таким образом, Absentiv имеет форму настоящего времени: *sein* (спрягаемый в Präsens) + *инфинитив глагола*. Например:

Bist du gerade joggen? (=Ты сейчас бегаешь трусцой?)

Ich bin einkaufen. (=Я в супермаркете / Я делаю покупки).

Theo ist in Mannheim arbeiten. (*Wo ist Theo?*) (=Тео работает в Мангейме).

Lea ist gerade in der Tanzschule tanzen. (=Леа сейчас танцует в школе танцев. / Леа сейчас на занятии по танцам).

Peter ist eine Pizza essen. (=Питер ест пиццу).

Wir sind einen Kaffee trinken. (=Мы пьем кофе).

Sie ist duschen. (=Она принимает душ).

Wadik ist fernsehen. (=Вадик смотрит телевизор).

Gianni ist boxen. (=Джанни занимается боксом).

Ich bin Deutsch lernen. (=Я учу немецкий язык).

Alex ist einschlafen. (=Алекс засыпает).

Безусловно, Absentiv имеет форму и прошедшего времени: *waren* (спрягаемый в Präteritum) + *инфинитив глагола*. Например:

Hans war heute den ganzen Tag shoppen. (=Саша целый день ходила по магазинам).

Beatris war heute schon spazieren. (=Беатрис уже сегодня прогуливалась).

Er war in den Alpen wandern. (=Он был в походе в горах).

Am Samstag waren wir im Schlosspark spazieren. (=В субботу мы гуляли во дворцовом парке).

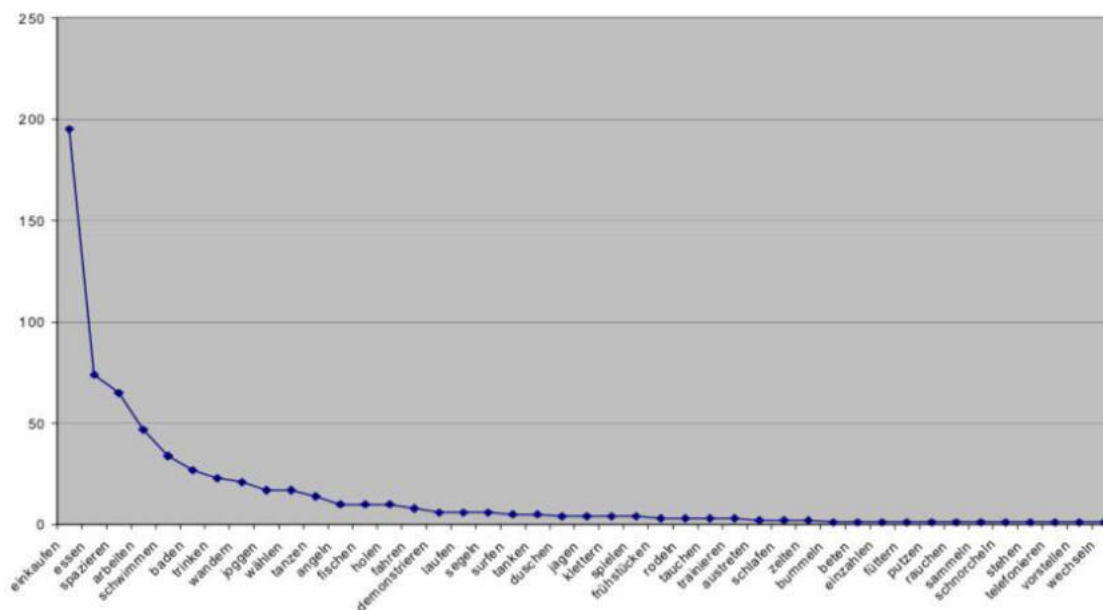
Sie war schwimmen. (=Она плавала. / Она была в бассейне).

Die Kinder waren schlafen. (=Дети спали).

Da war ich arbeiten und als ich von der Arbeit zurück kam, hatte er mir "I love you" drauf geschrieben. (=Я была на работе, и когда я вернулась, он написал мне «I love you»).

Фиксированного лимита и списка глаголов, с которыми используется Absentiv, нет.

Но есть исследования, проведенные В. Краузе (2002) и Тилем Эккертом (2007), о частоте употребления тех или иных глаголов в Absentiv: *einkaufen* (33,1%), *essen* (27,6%), *arbeiten* (8,6%), *trinken* (4,9%), *spazieren* (4,3%), *tanzen* (4,3%), *spielen* (3,7%), *joggen/laufen* (1,8%), *schwimmen* (1,2%), *zelten* (0,7%).

Häufigkeit der Verben im Absentiv (=Частота употребления глаголов в абсентиве)

Следующий рисунок иллюстрирует, как выглядело распределение глаголов в рамках исследования.

Ось у отображает частоту соответствующего глагола, а ось x отображает все встречающиеся глаголы в порядке их частоты: *einkaufen*, *essen*, *spazieren*, *arbeiten*, *schwimmen*, *baden*, *trinken*, *wandern*, *joggen*, *wählen*, *tanzen*, *angeln*, *fischen*, *besuchen*, *holen*, *fahren*, *demonstrieren*, *laufen*, *segeln*, *surfen*, *tanken*, *duschen*, *jageln*, *klettern*, *spielen*, *kegeln*, *machen*, *pflücken*, *frühstücken*, *rodeln*, *tauchen*, *trainieren*, *schießen*, *shoppen*,

austreten, schlafen, zelten, bummeln, beten, einzahlen, füttern, putzen, rauchen, sammeln, schnorcheln, stehen, telefonieren, vorstellen, wechseln [2, с. 47].

Данный список можно развивать, однако, следует запомнить, что Absentiv, в основном, используется с непереходными глаголами несовершенного вида (*Sie sind schwimmen/ tanzen*).

Но также имеют место и переходные глаголы, т.е. с винительным падежом (*Katya war heute Erdbeeren pflücken*).

Однако, всегда речь идет о каком-то отличном от дома месте, ведь Absentiv отвечает на вопрос: *Wo вы?*

Для Absentiv не подойдут глаголы состояния (*verhungern* ‘умирать с голоду’), совершенного вида (*finden* ‘находить’) и ментальных процессов (*überlegen* ‘обдумывать’), зато они используются для Progressiv.

Форма данной грамматической конструкции напоминает английские длительные времена – Present Continuous Tense (настоящее длительное время) и Past Continuous Tense (прошедшее длительное время).

Например:

Er ist einkaufen. – He is shopping. (Präsens – Present Continuous).

Er war einkaufen. – He was shopping. (Präteritum – Past Continuous).

Интересным примером служит немецкая песня „Clueso – Tanzen“, выпущенная в 2021 году (*Du bist tanzen* ‘Ты танцуешь’) [5].

Следует обратить внимание на видео «Ссора-бытовуха» [6], в котором также используется грамматическая категория Absentiv: *Ich bin den ganzen Tag arbeiten.* (=Я целый день работаю / на работе).

Таким образом, абсентив – это вербальная грамматическая конструкция в устном немецком языке, выражающая непрерывное действие и отсутствие агенса (активного участника ситуации) вследствие и в течении этого времени.

Она не считается стандартной, имеет ограниченную сферу употребления и с лингвистической точки зрения еще мало исследована, однако в настоящее время активно изучается.

Тем не менее, в практике перевода и особенно в устной коммуникации важно уметь распознавать данную категорию и правильно ее интерпретировать.

Библиографические ссылки

1. Groot C. de. The absentive // Tense and Aspect in the Languages of Europe / ed. Östen Dahl. Berlin; New-York : Mouton de Gruyter, 2000. P. 693–718.

2. König S. Alle sind Deutschland ... außer Fritz Eckenga – der ist einkaufen! Der Absentiv in der deutschen Gegenwartssprache // OPAL-Sonderheft 4/2009. Mannheim: Institut für deutsche Sprache, 2009. S. 42–74.

3. *Krause O.* Progressiv im Deutschen: Eine empirische Untersuchung im Kontrast mit Niederländisch und Englisch. Tübingen : Niemeyer, 2002.

4. Diese Zeitform hast du NOCH NICHT GELERNT | Deutsch lernen b2, c1 . URL: <https://youtu.be/PIQKBnJ8oUw?si=fJExvt3gEg5lB3Gr> (дата обращения: 20.04.2025).

5. Clueso Tanzen . URL: https://youtu.be/spzZHIPMd6Q?si=ikrHZCaR_7wvuZNE (дата обращения: 20.04.2025).

6. Немецкий по reels shorts tiktok | ссора бытовуха | разборы №4. URL: <https://youtu.be/xw4ny0jVy-E?si=Zqlgolon4VNfNRXW> (дата обращения: 20.04.2025).

ОБУЧЕНИЕ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ ЧЕРЕЗ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЕ ИСКУССТВО ДЕТЯМ

У. А. Данильчик

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, fsc.danilchi@bsu.by
Научный руководитель – Н. А. Куркович, заведующий кафедрой компьютерной
лингвистики и лингводидактики, кандидат филологических наук, доцент*

В статье рассматривается опыт интеграции изобразительного искусства в процесс обучения английскому языку младших школьников на базе музейных занятий.

Описаны эффективные методики, включая арт-дневники и мультисенсорные задания, способствующие развитию лексики, мотивации и культурной осведомлённости.

Анализ анкетирования родителей подтвердил высокую значимость и востребованность проекта.

Делается вывод о педагогической ценности музейного формата в языковом образовании.

Ключевые слова: интеграция изобразительного искусства; межкультурная компетенция; музейные занятия; мультисенсорное обучение; арт-дневник; языковая мотивация; визуальная лексика; когнитивная активность; начальное образование.

Изучение иностранного языка как культурного явления неотделимо от погружения в культуру, в том числе в её художественное выражение – искусство.

Интеграция языка и искусства открывает уникальные возможности для более глубокого понимания и восприятия как самого языка, так и культурного контекста, в котором он используется.

Актуальность предложенного подхода определяется современным контекстом образования, в котором глобализация, цифровая трансформация ставят новые задачи перед учителем английского языка.

В условиях глобализации английский язык остаётся мировым языком межкультурного общения, что требует от ученика не только языковых навыков, но и понимания культурного контекста.

Интеграция изобразительного искусства и музейных практик обеспечивает погружение в культуру и расширяет мировоззрение учащихся, стимулируя интерес к иностранному языку как к средству познания мира.

Цифровая трансформация открыла доступ к мультимедийным ресурсам и виртуальным экскурсиям, однако традиционный контакт с произведениями искусства и историческими объектами усиливает обучение через живое восприятие.

После пандемии, когда многие занятия перешли в дистанционный формат и снизилась эмоциональная вовлечённость детей, важно исполь-

зовать методы, возвращающие мотивацию к живому общению.

Музейная среда и арт-активности создают эмоционально насыщенные ситуации, способствующие восстановлению коммуникативной энергии учащихся, и компенсируют перегрузку экранами.

Таким образом, комбинированное применение искусства и музейного формата в уроках английского языка отвечает современным образовательным вызовам, повышая познавательную активность и социально-эмоциональное развитие младших школьников [1].

Теоретическое обоснование интеграции опирается на представления о мультисенсорном обучении и эстетическом опыте.

Согласно теории множественных интеллектов Говарда Гарднера, человек обладает различными типами интеллекта, среди которых особое место занимает пространственный (визуально-пространственный) интеллект и лингвистический интеллект.

Занятия с опорой на изобразительное искусство задействуют визуально-пространственные способности ребёнка и связаны с текстовым восприятием при вербализации увиденного.

Принцип визуально-вербального дублирования реализуется через использование флэш-карточек с иллюстрациями и написанием слов, а также совместный анализ картин с последующим описанием на английском языке [2,3].

В основе предложенной методики лежит авторский опыт проведения занятий в Национальном художественном музее Республики Беларусь.

В ходе эксперимента была разработана серия занятий-исследований, организованных в формате музейных квестов, а также творческих мастерских с использованием флэш-карточек и ведения арт-дневников.

Материал музея (картины, скульптуры, предметы народного быта) использовался как учебный ресурс для усвоения лексики и грамматики. Например, при квесте по музейным залам младших школьников сопровождали подсказки на английском языке: дети искали экспонаты по описанию и отвечали на вопросы гидов-учителей.

Флэш-карточки содержали изображения деталей произведений искусства и соответствующие английские термины (цвета, формы, эмоции). Арт-дневники – иллюстрированные тетради, в которых ученики рисовали понравившиеся картины и подписывали их на английском – стимулировали самостоятельную рефлекссию и письмо.

Примеры заданий иллюстрируют адаптацию подхода к возрасту и уровню владения языком.

Ученики начальных классов работали с простыми фразами («This is a blue vase»), а задания были интерактивными (словесно-двигательные игры, песни с изображениями, инсценировки).

Для более старших детей (9–10 лет) упражнения усложнялись: они составляли небольшие рассказы об увиденном на основе предложенных слов и картинок, заполняли англоязычные кроссворды по темам музейных экспонатов.

Арт-дневник для разных возрастов оформлялся по-разному: младшие рисовали иллюстрации и подписывали основные цвета и формы, старшие – вели описательный дневник, где делали небольшие зарисовки с последующими текстовыми комментариями («In front of me is a still life with fruit. I see a red apple and a yellow banana. The painting makes me feel happy»).

Таким образом, каждая активность подбиралась с учётом лингвистической подготовленности и психологических особенностей детей, что позволило максимально вовлечь их и обеспечить оптимальный уровень сложности.

Анализ результатов педагогического эксперимента показал заметное положительное динамическое воздействие методики на обучение.

Во-первых, возросла мотивация учащихся: по итогам опросов и наблюдений дети проявляли неподдельный интерес к урокам, активно ожидали следующих занятий в музее и стремились делиться впечатлениями.

Во-вторых, повысилась вовлечённость: во время занятий фиксировалось увеличение времени активного взаимодействия (отзывчивость на вопросы, участие в играх, задавание учениками вопросов экскурсоводам).

Практически все дети с удовольствием говорили об экспонатах на английском, что демонстрировало преодоление языкового барьера за счёт творческой среды.

В-третьих, улучшились лексические и коммуникативные навыки: ученики лучше запоминали новую лексику (благодаря визуальным ассоциациям и физическому действию слова) и стали увереннее строить простые фразы.

Наконец, наблюдалось усиление эмоциональной вовлечённости – дети испытывали положительные эмоции от взаимодействия с искусством, что делало процесс обучения более осмысленным и запоминающимся.

Критериями оценки результатов послужили как качественные наблюдения (анализ поведения и отзывов), так и количественные показатели (сравнение количества выученных слов и правильных ответов в до- и после-тестах), которые демонстрировали устойчивый рост по всем отмеченным направлениям.

Обратная связь родителей и самих учащихся также была преимущественно положительной.

Ученики отмечали, что такие уроки «интереснее обычного», они «учатся и играя», и «сразу запоминают новые слова».

Родители в анкетах указывали, что дети стали дома пересказывать о музее, охотно выполнять домашние задания на английском, показали повышение общей любознательности.

Многие родители подчеркнули, что методика научила ребёнка видеть языковую связь с окружающей культурой.

Положительные отзывы также касались эмоциональной сферы: родители отметили, что посещения музея поднимают настроение детей и стимулируют их творческие способности.

Таким образом, внешняя оценка со стороны участников обучения подкрепила выводы о высокой эффективности подхода.

В заключение подчеркнём значимость интеграции изобразительного искусства и музейных практик в обучение младших школьников английскому языку.

Сформированная на основе упомянутых теорий и практик методика доказала свою эффективность: она повышает мотивацию и вовлечённость детей, развивает лексические и коммуникативные навыки, а также обогащает эмоциональный и культурный опыт учащихся.

Использование разнообразных каналов восприятия (зрительных, моторных, эмоциональных) позволяет учащимся учиться «в игре» и легче запоминать материал.

Полученные результаты и положительная обратная связь подтверждают потенциал методики.

Интеграция искусства в языковое обучение способствует формированию у младших школьников ключевых компетенций – креативности, критического мышления и межкультурного понимания.

Это делает данный подход перспективным и актуальным в долгосрочной перспективе.

Важно, что искусство усиливает, а не заменяет традиционное обучение, а музей становится активным образовательным пространством, где ребёнок – исследователь и творец.

Несмотря на успехи, выявлены методические вызовы:

- адаптация заданий;
- когнитивная нагрузка;
- подготовка учителей.

Это темы для дальнейшей работы.

В итоге мы доказали, что интеграция искусства в обучение языку помогает развивать не только знания, но и личностные качества, создавая более человечное и вдохновляющее образование.

Библиографические ссылки

1. *Савенкова Л. Г.* Интеграция искусств в образовании как фактор развития креативности / Педагогика искусства. 2020. № 3. С. 45–52.

2. *Heiman J.* Rationale and Recommendations for Arts Integration in Academic Coursework .2020. URL: <https://files.eric.ed.gov/fulltext/ED618694.pdf> (дата обращения: 08.03.2025).

Smithrim K., Upitis R. Learning Through the Arts: Lessons of Engagement // Canadian Journal of Education. 2005. URL: <https://psycnet.apa.org/record/2005-06781-004> (дата обращения: 10.03.2025).

РАЗРУШЕНИЕ СТЕРЕОТИПОВ, СВЯЗАННЫХ С НЕМЕЦКОЙ КУЛЬТУРОЙ: АНАЛИЗ МИФОВ И РЕАЛЬНОСТИ

Е. Г. Журавлёва

*Белорусский государственный университет, ул. Академика Курчатова, 5,
220045, г. Минск, Беларусь, zhuravlevaeg@bsu.by
Научный руководитель – В. П. Буко, старший преподаватель*

Данная статья посвящена деконструкции распространённых стереотипов о немецкой культуре, которые часто формируются под влиянием исторических событий, медиа и поверхностных наблюдений.

В работе проводится анализ таких мифов, как "грубость" немецкого языка, отсутствие чувства юмора у немцев, их чрезмерная педантичность, ограниченность гастрономии, а также исторически сложившееся заблуждение о связи всех немцев с нацизмом.

Ключевые слова: немецкая культура; стереотипы; мифы; социология; лингвистика; Германия; межкультурная коммуникация; культурное разнообразие.

Современное восприятие немецкой культуры часто формируется под влиянием устоявшихся клише, возникших на основе исторических событий, медиа и поверхностных наблюдений.

Знание этих стереотипов регулирует межкультурное взаимодействие коммуникантов, позволяет сравнивать, анализировать и отличать стереотипные образы представления о стране изучаемого языка, об отдельных нациях, представления о различных ситуациях их поведения от конкретных реальных ситуаций межкультурного общения, с учетом индивидуальных особенностей коммуникантов [1, с. 24].

Например, представление о «грубости» немецкого языка, несмотря на его широкое распространение, по большей части является предрассудком, сформированным кинематографическими образами, особенно связанными с военными фильмами.

В действительности, лингвистический анализ и практический опыт изучения языка показывают, что отсутствие резких интонационных перепадов и низкая экспрессивность речи носителей могут создавать впечатление сдержанности или отстранённости, но не агрессивности.

В процессе углублённого знакомства с языком становится очевидным, что немецкий обладает мягкой фонетикой и спокойной интонационной структурой. Лингвисты подчёркивают, что восприятие языка в значительной степени обусловлено культурными ассоциациями. В поэзии Гёте

и Рильке немецкий язык демонстрирует свою мелодичность и ритмическую гармонию. Дialectы, например, баварское "Grüß Gott", значительно смягчают звучание по сравнению со стандартным "Guten Tag", а исследования показывают, что 68% иностранцев, изучающих немецкий язык, меняют своё мнение о его «грубости» после года обучения.

Убеждение в отсутствии чувства юмора у немцев также прочно укоренилось в массовом сознании.

Действительно, склонность к формальному и серьёзному общению, а также определённая сдержанность в выражении эмоций, характерны для немецкой культуры, что отчасти объясняется историческим контекстом, в частности, разделением Германии после Второй мировой войны.

Однако это не означает полного отсутствия юмора.

Немецкий юмор существует, но требует глубокого знания языковых нюансов и культурного контекста.

В неформальной обстановке немцы вполне способны проявлять эмоциональную открытость и остроумие, что подтверждается, например, популярностью стендап-мероприятий, таких как Hamburg International Comedy.

Образ немца, помешанного на порядке и скрупулёзно фиксирующего малейшие отклонения от расписания, стал частью международного культурного кода.

И хотя системность и организованность действительно являются характерными чертами немецкой культуры, это не исключает гибкости.

Так, в академической среде распространено правило "Akademische Viertelstunde", допускающее 15-минутную задержку начала лекций. Более того, социологические исследования показывают, что далеко не все немцы безукоризненно следуют этому стереотипу; например, 43% признаются, что иногда «забывают» заправить кровать.

Тем не менее, общая склонность к порядку и чистоте в общественной и частной жизни остаётся заметной и часто воспринимается как позитивный аспект данной культуры.

Распространённое представление о том, что немецкая гастрономия исчерпывается пивом и сосисками, не отражает всего разнообразия кулинарных традиций страны. Безусловно, пивоварение и производство мясных изделий занимают важное место в немецкой культуре, являясь неотъемлемой частью национального наследия.

Однако гастрономическая палитра Германии значительно шире: от равиоли Maultaschen в Шварцвальде до супа из угря Aalsuppe на севере.

Растёт популярность веганских ресторанов, а винные регионы, такие как Рейнгессен, производят высококачественные рислинги.

Более того, потребление безалкогольных напитков значительно возросло за последнее десятилетие, что также опровергает упрощённое представление о немецкой кухне.

Историческая травма Второй мировой войны до сих пор влияет на восприятие немцев, особенно в странах СНГ, порождая стереотип о принадлежности всех немцев к «потомкам нацистов».

Однако современная Германия является мировым лидером в области сохранения исторической памяти. В школах введены обязательные курсы по изучению нацизма, отрицание Холокоста уголовно наказуемо, а подавляющее большинство немцев поддерживают политику мультикультурализма.

Мемориалы жертвам нацизма служат местами осмысления для молодого поколения, демонстрируя активное противодействие идеологии нацизма в современном немецком обществе.

Представление о «жадности» и «скучности» немцев также не соответствует действительности.

Напротив, немцы часто проявляют гостеприимство, открытость и непосредственность в общении.

В отличие от некоторых других культур, с немцами можно обсуждать широкий круг тем, включая личные, при этом основной ценностью для них является уважение.

Традиция частых, но заранее оговорённых визитов подчёркивает практичность и ориентацию на содержание общения, а не на формальные проявления.

И, наконец, стереотип о незыблемости туристического опыта в Германии, сводящегося только к Кёльнскому собору, является значительным упрощением. Хотя Кёльнский собор, безусловно, является одним из наиболее узнаваемых символов Германии, её истинная суть проявляется в многообразии: от живописных долин Рейна и уютных баварских городков до индустриального шарма Рура и морских пейзажей северных городов. Настоящая Германия раскрывается в контрастах и культурном богатстве её регионов, выходящих за рамки общепринятых туристических клише.

Разрушение культурных стереотипов – это не просто упражнение в политкорректности, но необходимое условие для конструктивного международного диалога.

Наличие стереотипов, как правило, не рефлексруется сознанием: они воспринимаются как нечто объективное и редко подвергаются переосмыслению [2, с. 2]. Немецкая культура, как и любая другая, не может быть сведена к набору клише; за мифами о педантичности и отсутствии юмора и др. скрывается творческая и многогранная нация.

Понимание этой многогранности позволяет преодолеть предубеждения и построить отношения, основанные на взаимном уважении. В конечном итоге, немцы, как и любой другой народ, обладают уникальными чертами, которые обогащают мировое культурное разнообразие.

Библиографические ссылки

1. *Андронкина Н. М.* Этностереотипы в обучении межкультурному общению / Н.М. Андронкина // Межкультурная коммуникация: теория и практика: сборник статей международной научно-практической конференции «Лингвистические и культурологические традиции образования» (Часть 1). Томск: Изд-во Томского политехнического университета, 2008. – с. 23-27.
2. *Чеснокова Л. В.* Стереотипы в межкультурной коммуникации // Концепт. 2015. № 04 (апрель). с. 2.

ПРОСТРАНСТВО ОДИНОЧЕСТВА ФРАНСИСКО ГОЙИ

М. В. Загорская

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, martazahorskaya@gmail.com
Научный руководитель – О. Д. Баженова, доктор искусствоведения, профессор*

Данная статья посвящена наиболее волнующему и наименее простому для анализа циклу работ испанского художника Франсиско Хосе де Гойи-и-Лусиентеса – чёрным картинам. Картины в свою очередь являются поворотной точкой как для творчества художника, так и для эпохи романтизма. В статье проводится анализ некоторых картин в контексте творчества Франсиско Гойи как попытка объяснить мотив их создания и определить, как они повлияли на мировое искусство. Вместе с тем поднимается вопрос о психологическом состоянии художника на момент их написания и роли «безумного человека» в эпоху романтизма.

Ключевые слова: романтизм; чёрные картины; Дом глухого.

Франсиско Гойя – испанский художник эпохи романтизма. Автор «Капричос», «чёрных картин» и жизнерадостных картонов – человек контрастов. «Неотёсанный простолюдин» [1], как сказал Хосе Ортега-и-Гассет, которому так и не удалось приспособиться ни к миру культуры, ни принять в себе мир «вульгарной» традиции.

Мастер, находящийся на пограничье сумасшествия и разума. Одним из немногих в 19 веке работает с темой «безумия», потому что сам чувствует себя безумцем. Гойя смело заявляет об этом миру в эпоху, когда душевнобольным приписывали чрезмерную обострённость и раскрепощённость чувств [3, с 30]. После потери слуха в 1792 г. художник затрагивает эту тему в картине «Дом умалишённых».

Доктор Пераль, лечащий врач Гойи, установил так: «исходной точкой вашего недуга является ваш мозг» [4, с. 338]. Гойя был уверен, что его мозг был разъеден грехом, чарами, колдовством [4, с. 338]. В нём проходит граница между миром страшных фантазий и неисправимо живым умом. С обострением болезни у художника началась настоящая борьба со своей неукротимой фантазией. «Он принудил призраков служить себе, но они в каждый миг готовы были взбунтоваться» [4, с. 533].

Однако, отбить охоту к жизни этот «устрашающий мир» уже не мог: «я потерял зрение, слух способность писать, у меня осталась только воля, но её – с избытком» [3, с. 47].

Неизвестность от мистической болезни, сравнимая с бездной, пугала Франсиско Гойю. Но в 2017 году, доктору отоларингологу Ронне Херцано, удалось поставить диагноз – синдром Сусака.

При данном синдроме такие атаки приводят к органическим поражениям мозга, что и вызывает галлюцинации, мигрени, приводит к ослаблению зрения и глухоте [5].

Приступы глухоты у Гойи всегда случались в моменты ярости и гнева, словно наказание за свой порок.

Черные картины художник начинает писать на стенах дома Кинто дель Сордо, где жил в 1819-1823 гг. Изображения, возникающие словно в кошмарном сне [2, с. 41].

Не только чёрный цвет в сочетании с оттенками охры делает эти работы чёрными, но и их суть, смысл, безысходность. «Сошествием во ад» называли эти работы некоторые исследователи [3, с. 45].

Чёрные картины уже далеки от «интеллектуального реализма», в котором художник писал королевскую семью, находясь в кругах аристократии. Например, «Портрет семьи короля Карлоса IV».

Они написаны выразительно плотным слоем краски – пастозно. Предполагается, что их никто ему не заказывал, он написал их сам для себя.

А на свои наброски в доме глухого он реагировал: «Это совсем не то, что писать портрет по заказу, да еще стараться, чтобы и болван заказчик тоже узнал себя на портрете» [4, с. 407].

Хочу обратить внимание, что черные картины – это монументальные росписи на стенах собственного дома. Как дизайнеры интерьера, мы знаем, что интерьер – это организация пространства, связанная с ментальностью человека, наиболее созвучная с его ритмами.

Соответственно, чёрные картины – его собственный мир, который в нём живёт и его окружает. Почему именно такой мир?

Возможно, это внутренний протест антиклерикального человека против инквизиции? Или острое ощущение греха в себе, оставшись, благодаря глухоте и потере зрения, наедине с ним?

Давайте разбираться.

Смею предположить, что судьба сыграла с ним злую шутку, такого «синтонного», «нуждающегося в среде» [1] человека оставив взаперти своего болезненного, израненного, потерявшего надежду, но не волю, разума. Должно быть, как укоренённый в свою родину человек, он кожей чувствовал страх и боль, пронизывающие испанский народ.

Будучи отрешенным от мира, художник сам устанавливает себе правила. «Он лелеял мысль расписать их(стены). Он населит их образами из своего мира; его наблюдения, его фантазии будут водить кистью» [4, с. 405].

«Леокадия» - портрет его молодой возлюбленной, с которой, предположительно, он находился в доме глухого. На полотне изображена скорбя-

щая Леокадия с чёрной вуалью. Девушка стоит, словно на свою собственность, расслабленно облокотившись на могильный холм, напоминающий больше некую бесформенную массу. Так чувствовал себя художник в союзе с Леокадией: молодая женщина и слабый, почти покойный старик. Долгое время Гойю связывали отношения с замужней женщиной. Возможно, эта картина является откровенным признанием перед собой.

«Паломничество в день святого Исидоро». 15 мая - любимейший праздник жителей Мадрида. Каждый год люди отправляются на берег реки Мансанарес, чтобы устраивать пикники, танцевать и пить целебную воду, которую по преданию нашел святой Исидор. [2, с. 43].

Здесь мы видим, как по безжизненной земле судорожно бредёт толпа безумных, отчаявшихся паломников. Контрастное светотеневое решение, где доминирует тьма, а свет центрируется на ужасе в лицах.

По направлению взглядов, складывается впечатление, что «ужас» находится прямо на месте зрителя.

«Собака». Незаконченная работа Гойи. Здесь изображена собака, выглядывающая из песка с почти человеческим взглядом полным отчаяния, взирающая на надвигающуюся бурю.

Такая незащищенная перед стихийным бедствием. Картина, где свет превращается во всепоглощающую тьму. Свет центрируется внизу картины, занимающий треть полотна, а сверху – тьма, как бы доминирующая над светом, занимающая собой всё остальное пространство.

На картине изображена лишь голова собаки, всё тело бессильно утонуло в песке, что подчёркивает безысходность судьбы четвероногого героя.

«Шабаш ведьм». Композиционный центр – фигура козла, облачённая в монашескую рясу, изображённая в левом углу. Все с жадным блеском безумных глаз внимают каждому слову олицетворения сатаны. Их лица напоминают лица животных, что образно подчёркивает, насколько люди утратили свой человеческий облик, именно поэтому он придал их лицам сходство с мордами животных [2, с. 44].

«Сатурн, пожирающий своего сына». Свет выхватывает истощенное, гигантское, тело обезумевшего бога из тьмы. По мифологическому сюжету, бог, страшась потери власти поедает собственных детей. Человеческое тело Сатурна едва узнаваемо. Художник изображает животные аспекты человеческой природы, что возникают из глубин человеческой психики. Символ времени и смерти, пожирающих людей.

В «диалоге» картины и зрителя персонажи картин представляют собой ненадёжного, устрашающего и потерянного собеседника. В обращении к изображениям, зритель словно сталкивается с непробиваемую стену «невменяемости», не найдя точки соприкосновения. Мы видим расщепле-

ние личности каждого персонажа и групп людей. Совершенно обезличенные, «мёртвые» лица и пространства. Содержание картин бесцеремонно берёт человека за живое, затрагивая самые неприятные чувства. Словно из бессознательной дымки, появляются древние, устрашающие, непривычные образы, которые Гойя не побоялся изобразить. Прийти к этим образам человек может находясь только в глухом одиночестве.

В заключение: на своем примере Гойя показал, что мир, в котором живет человек, находится внутри него. Посредством страстного диалога с собой художник становится голосом эпохи романтизма, где человек не подстраивает свою личность, а сам создаёт свой мир.

Библиографические ссылки

1. *Ортега-и-Гассет Х.* Гойя и народное. Москва. Перевод А.Ю. Миролюбовой. 1991.
2. *Гордеева М.* Франсиско Хосе де Гойя-и-Лусиентес. Москва. Изд. «Директ-медиа». 2010.
3. *Раздольская В.И.* Европейское искусство XIX века, Романтизм, классицизм. Санкт-Петербург. Изд. «Азбука классика». 2009.
4. *Фейхтвангер Л.* Гойя, или тяжкий путь познания. Минск. Изд. «Мастацкая літатура». 1985.
5. *Rachel Rettner.* Live science //Goya's Mystery Illness: Nearly 200 Years Later, Docs Have a Diagnosis. 2017.

ГЕНЕРАТИВНЫЙ ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ: КУЛЬТУРФИЛОСОФСКИЙ ПОДХОД ИЗУЧЕНИЯ

А. С. Казак

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, alinakazak7@gmail.com*

Научный руководитель – И. Н. Духан, доктор философских наук, кандидат архитектуры, профессор

В статье анализируется генеративный искусственный интеллект в контексте наук о культуре. Первая часть статьи посвящена научному аппарату исследования генеративного искусственного интеллекта, где обобщается опыт дефинирования искусственного интеллекта. Во второй части на основании предметного анализа становится возможно определить ряд проблемных областей, порожденные в общем поле взаимодействия искусственного интеллекта и культуры как таковой.

Ключевые слова: науки о культуре; философия культуры, генеративный искусственный интеллект, техника, машина.

Построение культурфилософского дискурса необходимо начать с определения его предмета – искусственного интеллекта (AI, ИИ). Данная работа наиболее всего обращается к проблемам так называемого *общего*, или *сильного*, *искусственного интеллекта* (Artificial General Intelligence, AGI, ИОИ). Определенный вклад в классификацию систем искусственного интеллекта в значительной степени внес современный ученый, исследователь ИИ, философ Бен Герцель. *Общий* ИИ направлен на создание такой системы, «которая обладает способностью, равной или большей, чем у людей, передавать знания из одной области в другую, создавать новые идеи, входить в новую ситуацию, ориентироваться и понимать, какие проблемы они хотят решить» [1]. В свою очередь, в основе всей отрасли AGI лежат разные технологии, одна из которых и является объектом рассмотрения в рамках культурфилософского подхода – генеративный ИИ (Generative Artificial Intelligence, ГенИИ). Этот вид системы искусственного интеллекта представляет из себя совокупность компьютерных алгоритмов, программа которых направлена на имитацию когнитивных способностей человеческого мышления.

Сам термин искусственного интеллекта вошел в научную терминологию в 1956 году благодаря математику Джону Маккарти (*John McCarthy*). Непосредственному расширению этой области знания способствовали такие ученые как Марвин Ли Минский (*Marvin Lee Minsky*), Клод Шеннон (*Claude Shannon*) и Натаниэль Рочестер (*Nathaniel Rochester*). В своей *программе* для Дартмутской конференции по искусственному интеллекту [2]

четверо ученых хоть и обозначили впервые термин ИИ, но сделали это без его семантического определения.

Тем не менее, ценность этой программы состоит в том, что ученые обозначают ряд научных проблем, которые в общем они именуют искусственным интеллектом. Проблемы сформулированы через следующие области: automatic computers (автоматические компьютеры), how can a computer be programmed to use a language (как можно запрограммировать компьютер на использование языка), neuron nets (нейронные сети), theory of the size of a calculation (теория сложности вычислений), self-improvement (самосовершенствование), abstractions (абстракции), randomness and creativity (случайность и креативность).

Итак, находясь у самых истоков понятия искусственного интеллекта, стоит рассмотреть результаты Дартмутской конференции с точки зрения философии культуры.

В современной науке так и не появилось общепризнанного определения искусственного интеллекта, и Маккарти на это обращает внимание: «Проблема в том, что мы пока не можем охарактеризовать в общем виде, какие виды вычислительных процедур мы хотим назвать интеллектуальными. Мы понимаем одни механизмы интеллекта и не понимаем другие» [3].

Тем не менее, дефинирование искусственного интеллекта произошло на основе целого спектра проблем из разных областей науки: в первую очередь это проблема алгоритмизации деятельности компьютерных программ, что влечет за собой проблемы языка программирования.

На основании естественного стремления опираться на биологическую основу сознания, появляется теоретическая модель перцептрона, которая является особой областью теоретических и практических исследований искусственного интеллекта.

Установление некоторых типов алгоритмов и, соответственно, их языков программирования приводит к появлению новых теоретических проблем.

Они связаны с все возрастающей сложностью вычислений (к ним относятся продолжительность вычислений и необходимый объем памяти), концепцией самообучения, абстрагированным описанием всех возможных объектов вычислений и рядом трудностей познания способностей человеческого мышления. Все эти проблемы и составляют фундамент исследований ГенИИ.

Истоки проблемы компьютерной алгоритмизации можно отыскать в математической логике, которую разрабатывал Г.В. Лейбниц. Именно он описал двоичную систему исчисления, на которой работают современные компьютеры. В XX веке этот принцип программирования оказался весьма

непрактичным для все развивающейся техники, поэтому появились исследования компьютерного кода – языков программирования. Эти исследования были направлены на формирование более доступных для программиста языков для алгоритмизации. Наиболее значимыми работами в этой области стали исследования А. Тьюнинга, Дж. Маккарти, Н. Вирт, Д. Ричи и другие.

Тем не менее, успехи в области языков программирования требовало привлечения опыта исследований алгоритмов интеллекта. Эта сфера требовала обращения к дисциплинам, выходящим далеко за пределы техники: информационной эстетике (Г. Мак-Уинни, М. Бензе, Дж. Биркгоф и другие), нейронаукам (И.П. Мюллер, Т. Черниговская, С. Зеки), психологии (В. Аллахвердов), философии (И. Кант, О. Шпенглер, А. Айер, В. Васильев, Д. Дубровский) и других. Благодаря применению опыта этих исследований возникли такие концепции компьютерных контрвозможностей, как самообучение, интенциональность и креативность, которые были обозначены в нескольких пунктах Дартмутской конференции. Именно на пересечении этих областей и формируется фундамент современных гуманитарных исследований ИИ.

Таким образом, в философских и культурологических исследованиях можно говорить о формировании ведущего направления – проблеме деятельности искусственного интеллекта, о чем свидетельствуют актуальные исследования.

Например, С. Рассел и П. Норвинг определяют ИИ как стремление создать интеллектуальные сущности, то есть наделить некоторый субстрат интеллектуальными способностями [5].

Прикладной исследователь ИИ Рей Курцвей (Ray Kurzweil), опирающийся на идеи пионеров ИИ Марвина Мински и Сеймура Пейперта, определяет искусственные системы как машину, способная делать то, что потребовало бы интеллекта, если бы это делали люди [6].

Российский философ Д. Дубровский определяет сильный ИИ как «гипотетическую искусственную вычислительную систему, которая обладает способностью понимать и решать любые интеллектуальные задачи на таком же уровне, как и человек» [7].

Разделяют взгляды Дубровского и А. Ефимов и Ф. Матвеев: «общий искусственный интеллект, то есть *машина*, которая способна мыслить и действовать подобно человеку, неизбежно будет следствием, продуктом, зафиксированным в опыте разносторонней интеракции человека и окружающего мира» [8].

Как видно, философский и, в частности, культурологический подход к изучению искусственного интеллекта находится еще на начальном этапе своего развития. Это обусловлено множеством причин, но, на наш взгляд,

основная заключается в проблеме определения содержания искусственного интеллекта. Разница семантических методов в определении искусственного интеллекта, частные персоналистские подходы к онтологии ИИ, еще неустойчивая координация научных методологий исследований – все эти проблемы находятся вне проблемного поля наук о культуре, но тем не менее, без их контекста их исследования не могут продуктивно состояться.

Библиографические ссылки

1. *Goertzel, B.* Cosmist Manifesto: Practical Philosophy for the Posthuman Age. Humanity+, 2010.

2. *Маккарти, Дж., Мински, М. Л., Рочестер, Н. и Шеннон.* Предложение для Дартмутского летнего исследовательского проекта по искусственному интеллекту, 31 августа 1955 г. *Журнал AI*, 27 (4), 12.

3. *McCarthy J.* What is artificial intelligence? Stanford, CA: Computer Science Department Stanford University; 2007.

4. *Ясницкий Л.Н.* Введение в искусственный интеллект: Учеб. пособие. 2-е изд., испр. М.: Академия, 2008.

5. *Рассел С., Норвиг П.* Искусственный интеллект: современный подход: Пер. с англ. 2-е изд. М.: Вильямс, 2006.

6. *Kurzweil R.* The Age of Intelligent Machines. Cambridge, MA: MIT Press, 1990.

7. *Дубровский Д.И., Ефимов А.Р., Матвеев Ф.М.* Что мешает нам создать Общий искусственный интеллект? Одна старая стена и один старый спор // Вопросы философии. 2023. № 5. С. 42–45.

8. *Дубровский Д.И., Ефимов А.Р., Матвеев Ф.М.* Что мешает нам создать Общий искусственный интеллект? Одна старая стена и один старый спор // Вопросы философии. 2023. № 5. С. 42–45.

ЛИНГВОПРАГМАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ К. С. ЛЬЮИСА «ПРОСТО ХРИСТИАНСТВО»)

Т. С. Камко

*Белорусский государственный университет, ул. Курчатова, 5,
220045, г. Минск, Беларусь, fsc.kamkoTS@bsu.by;
Научный руководитель – А. Г. Торжок, доцент, кандидат филологических наук*

В данной статье рассмотрены лингвопрагматические особенности перевода религиозно-философской литературы на материале произведения К. С. Льюиса «Просто христианство», а также русскоязычных вариантов перевода данного произведения. В статье сформулирована необходимость определения и анализа особенностей перевода религиозно-философской литературы в контексте переводческой практики.

Ключевые слова: лингвопрагматика; религиозно-философская литература; перевод.

Необходимость определения и анализа особенностей перевода религиозно-философской литературы обуславливается уникальной природой данных текстов. Помимо того, что произведения религиозно-философской направленности могут быть написаны в разных формах, они также с трудом могут быть дифференцированы в одной из предложенных жанрово-стилистических и функциональных классификаций текстов.

Для лингвопрагматического исследования важно определить, какое место религиозно-философские тексты занимают в системе перевода, а также среди литературных жанров.

Согласно жанрово-стилистической классификации В.Н. Комиссарова, с точки зрения определения «основной функции оригинала, которая должна быть воспроизведена в переводе» [4, с. 97] следует различать два вида перевода: художественный (литературный) и информативный (специальный).

Религиозно-философские тексты обладают чертами, как художественного, так и информативного перевода, а место таких текстов в системе перевода уточняется функциональным стилем.

Стиль представляет собой «лексико-грамматическое единство в многообразии текстов, которое оказывается характерным для определенной категории текстов» [3, с. 21].

Основываясь на функционально-стилевой классификации В. В. Виноградова, в соответствии с функциями, выполняемыми текстами, можно определить, что религиозно-философская литература освещает отдельные

аспекты религиозных верований, что, позволяет отнести ее к религиозным сочинениям.

Однако, философское начало данных текстов проявляется в попытке аргументированно изложить целостную картину мира, прибегая к различным риторическим приемам.

Транслатологическая классификация текстов определяет более точное место религиозно-философских текстов среди многообразия философских и религиозных сочинений.

Транслатология – это «теория текста, которая, рассматривает текст и как объект предстоящего перевода, и как результат выполненного перевода.

Эта теория значительное место уделяет классификации и описанию отдельных типов текста как объектов предстоящего перевода» [1, с. 9]. Согласно транслатологической классификации, методом которой является определение доминирующего типа информации, религиозно-философские тексты существуют на стыке примарно-когнитивных и примарно-оперативных, что подчеркивает их уникальность, а также обуславливает необходимость формулировки особенностей данных текстов.

Наглядным примером религиозно-философских текстов является произведение британского писателя К.С. Льюиса “*Mere Christianity*” («Просто христианство»), построенное на основе радиолекций, прочитанных им в 1940-х гг. в эпоху мирового кризиса, вызванного событиями второй мировой войны.

Автор утверждает, что в данном тексте сознательно избегает спорных философских и богословских вопросов. Такая форма делает его труд доступным широкой аудитории и позволяет сочетать строгую аргументацию с диалогичностью повествования.

Семантико-прагматические особенности перевода текста «Просто христианство» могут быть хорошо проиллюстрированы в сравнительно-сопоставительном анализе двух вариантов перевода данного текста. Прагматически релевантные аспекты смысла в произведении «Просто христианство» выражаются на разных уровнях текста.

В первую очередь, прагматические установки автора реализуются на синтаксическом и лексическом уровнях.

При этом, при анализе лексических и грамматических особенностей важным для комплексного лингвистического исследования свойством является принятие во внимание общих для всего текста прагматических установок автора.

Для начала интересно рассмотреть перевод названий глав книги «Просто христианство». Название первой главы книги: “*Right and wrong as a clue to the meaning of the universe*”.

Предлагаются два перевода:

- 1) «Добро и зло как ключ к пониманию вселенной» [5, с. 15];
- 2) «Добро и зло как ключ к смыслу вселенной» [6, с. 16]

Очевидно, что оба перевода приблизительно одинаковы за исключением перевода слова “*meaning*”. Широкое значение этого слова уточняется разными авторами по-разному.

Один автор определяет значение “*meaning*” как «смысл» вселенной, в то время как другой автор перевода предлагает перевести “*meaning*” как «понимание» вселенной.

С прагматической точки зрения, мы наблюдаем апелляцию к соответствию христианской и философской терминологии, где категории добра и зла представляют собой диалектические взаимоотношения, не только дающие представления о «правильном и неправильном», но и воплощающие в себе особый онтологический статус моральных категорий.

Насколько нам представляется, перевод “*meaning*”, как «смысл» вселенной отражает христианское восприятие добра и зла, данного из «вне», Богом.

Перевод “*meaning*”, как «понимание» вселенной – это, скорее всего, философское понимание, отвлеченное понимание сущности вселенной, потенциально субъективное.

Интересным является выбор переводчиками соответствия к фразеологическому глагольному словосочетанию «*to lie behind*» в названии четвертая часть первой книги “*What lies behind the law*”:

- 1) «Что скрывается за законом» [6, с. 20];
- 2) «Что стоит за законом» [5, с. 19]

По сравнению с первым переводом «скрывается» более удачным следует считать второй перевод «стоит», так как анализ пресуппозиционных аспектов смысла высказываний «скрываться за» и «стоять за» показывает, что данные высказывания производят разный коммуникативный эффект.

Помимо общего значения «быть, являться причиной», первое указывает на скрытую причину, в то время как второе просто указывает на наличие причины.

Далее в этой главе автор развивает идею закона человеческой природы в следующем отношении: “*The position of the question, then, is like this. We want to know whether the universe simply happens to be what it is for no reason or whether there is a power behind it that makes it what it is*” [7, с.24].

Перевод отрывка: «Итак, мы хотим знать, существует ли вселенная без всякой причины, или же за ее пределами есть сила, делающая ее такой, какова она есть» [6, с. 36].

Отсюда следует, что нечто или некто, кто находится за законом, – это Бог-творец, который является автором закона, и сам проявляется через него.

Следуя библейскому нарративу, становится понятным, что христианский Бог не «скрывается» за законом, он делает все, чтобы в этом законе человек увидел его. «Ибо невидимое Его, вечная сила Его и Божество, от создания мира через рассматривание творений видимы, так что они безответны» [2, с. 1002].

Таким образом, выявленные в ходе лингвопрагматического исследования особенности перевода религиозно-философской литературы подтверждают тесную связь и нерасчлененность религиозного и философского знания в философско-религиозной литературе, а также применимый к такого рода литературе категориальный аппарат.

Так, религиозно-философская литература – это особый жанр при переводе, для которого характерны апологетические установки, диалогичность, размеренность повествования, а также доступность.

С точки зрения проведенного семантико-прагматического анализа особенностей перевода следует, что реализация авторских прагматических установок в религиозно-философской литературе реализуется на всех уровнях произведения.

Так, сопоставительный анализ переводов структурных частей произведения показывает, что семантические различия, искажающие оригинальный текст, проявляются при переводе отдельных лексических единиц заголовков структурных частей произведения.

Повествованию способствует также использование образов и метафор.

Таким образом, религиозно-философский текст К. С. Льюиса “*Mere Christianity*” «Просто Христианство», относящийся к жанру религиозно-философского трактата с элементами популярного богословия является показательным примером, обуславливающим необходимость дальнейшего исследования религиозно-философской литературы, как отдельного жанра при переводе.

Библиографические ссылки

1. Алексеева, И. С. Текст и перевод: вопросы теории / М. Международные отношения, 2008. 184 с.
2. Библия. Синодальный перевод. СПб.: Восточно-Европейский гуманитарно-образовательный фонд, 2019. 1136 с.
3. Виноградов В. С. Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы) / М. Институт общего образования РАО, 2001. 240 с.

4. *Комиссаров, В. Н.* Теория перевода: лингвистические аспекты / М.: Высшая школа, 1990. 253 с.
5. *Льюис, К.* Просто христианство = Mere Christianity / Пер. с англ. И. Череватой при участии Н. Трауберг / Дом надежды, 2008. 191 с.
6. *Льюис, К.* Просто христианство / Пер. с англ. Е. и Т. Майдонович; облож. В. Матвеюка / Чикаго: SGP, 1990. 220 с.
7. *Lewis, C. S.* Mere Christianity / London: Harper Collins, 2001 220 p.

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ПОЭЗИИ С РУССКОГО ЯЗЫКА НА АНГЛИЙСКИЙ (НА МАТЕРИАЛЕ ПОЭМЫ С. ЕСЕНИНА «ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК»)

А. В. Кириончик

*Белорусский государственный университет, ул. Курчатова, 5,
220108, г. Минск, Беларусь, kirioncikanastasia@gmail.com
Научный руководитель – А. Г. Торжок, кандидат филологических наук, доцент*

В данной работе рассматриваются ключевые лингвистические и культурные особенности перевода русской поэзии на английский язык на примере поэмы Сергея Есенина «Чёрный человек».

Важную роль играют различия в стихосложении, рифмовке и синтаксисе русского и английского языков, которые создают существенные трудности при передаче поэтической формы и содержания.

Особое внимание уделяется проблеме выбора между сохранением оригинальной формы и передачи смыслового и эмоционального содержания, а также роли переводчика как соавтора текста.

Ключевые слова: художественный перевод; стихосложение в русском и английском языках; ритмическая структура.

Перевод поэзии остаётся одной из наиболее сложных задач в области межкультурной коммуникации. Такой вид художественного перевода требует от переводчика не только отличного знания языков, но и тонкого литературного вкуса, поэтического слуха, а нередко – и соавторского дарования.

Так, например, как писал Корней Иванович Чуковский, «переводить стихи – значит писать их заново» [1].

Он подчеркивал, что дословный перевод поэтического текста разрушает его художественную целостность, а потому переводчику часто приходится делать выбор между сохранением формы и передачей содержания.

Кроме того, понятие художественного перевода предполагает творческое преобразование подлинника с использованием всех необходимых выразительных возможностей переводящего языка, сопровождаемого возможно более полной передачей литературных особенностей оригинала [2].

Русская и английская поэтические традиции имеют значительные различия, которые обусловлены как историческими и культурными факторами, так и особенностями языковых систем. Эти различия оказывают существенное влияние на процесс написания, восприятия и перевода поэзии между двумя языками.

Русская поэзия традиционно базируется на **силлабо-тонической системе стихосложения**. Эта система характеризуется строгим учётом количества слогов в строке и чередованием ударных и безударных слогов. Одним из самых распространённых размеров является ямб – чередование безударного и ударного слога, а также хорей – обратный порядок.

Силлабо-тоническая система позволяет поэту манипулировать длиной строки, менять её ритмическую структуру и создавать разнообразные мелодические рисунки.

В отличие от русского, английская поэзия преимущественно опирается на **акцентно-тонную систему**, где главным является ритмическое чередование ударных и безударных слогов, а количество слогов в строке менее фиксировано [3].

Английский язык – аналитический, с относительно фиксированным порядком слов, что ограничивает вариативность синтаксиса в поэтическом тексте.

Одним из наиболее характерных и популярных размеров английской поэзии является пятистопный ямб (iambic pentameter), широко используемый в произведениях Шекспира и классической английской поэзии.

В этой системе главное – регулярное чередование ударений, что создаёт ровный ритм и способствует ясности восприятия.

Рифмовка в русском и английском стихосложении также имеет существенные отличия.

Русская поэзия славится богатством и точностью рифмы, во многом благодаря богатой флективной системе и разнообразию окончаний.

Русские поэты часто используют мужскую и женскую рифмовку, перекрёстные, кольцевые и парные схемы, где рифма становится не только формальным, но и смысловым акцентом текста.

В английской поэзии точная рифма встречается реже, особенно в современной поэзии, где вместо неё всё чаще применяются ассонанс, аллитерация или неполные рифмы (slant rhyme).

Это объясняется меньшим разнообразием рифмующихся слов в аналитическом английском языке.

Грамматико-синтаксические особенности языка влияют на структуру поэтических строк.

Русский язык с его свободным порядком слов и развитой системой падежей позволяет поэту варьировать порядок слов для достижения нужного ритма и интонации.

Английский же, с более жёсткой синтаксической структурой, вынужден чаще прибегать к другим выразительным средствам – метафорам, параллелизмам и риторическим фигурам, не связанным с перестановкой слов.

Особенность «Чёрного человека» в том, что это не просто лирическое стихотворение, а драматическая поэма-монолог, построенная как диалог человека с собственным двойником.

Композиционно поэма состоит из фрагментов, где чередуются размышления главного героя и появление образа чёрного человека, который прерывает повествование, вступает в спор, обличает и провоцирует.

Это создает структуру внутреннего диалога, напоминающего исповедь или психологическую драму.

Интересно также то, что поэма состоит из неравномерных по объёму строф – от двух- до восьмистрочных, с частыми переходами между ними. Это лишает текст устойчивой структуры, делая его словно бы текучим, как поток сознания.

Одна из главных проблем при переводе – передача разговорного ритма, внутреннего сбоя строки, характерных для оригинала.

С. Есенин использует сбивчивую ритмику, разновысокие интонации и паузы, создающие эффект исповеди или сновидения.

На английском языке подобную «неровность» передать сложно из-за различий в синтаксисе и просодии языков.

Также возникает необходимость делать выбор между буквальностью и эмоциональной эквивалентностью.

Так, образ «черного человека» может быть переведен как «black man», что в англоязычной культуре несет иные ассоциации.

Поэтому часто применяется нейтральное «*dark figure*», или «*dark man*», однако и эти варианты не до конца передают контекст и мистицизм оригинала.

Сравнительный анализ трёх переводов поэмы С. Есенина "Чёрный человек"

«Друг мой, друг мой, Я очень и очень болен...».

Перевод №1:

«*Hear me, hear me, friend. I'm very, no, seriously ill*».

Переводчик использует добавление, пытается сохранить повтор, однако эмоциональный надрыв «я очень и очень болен» ослаблен более рациональной конструкцией «*I'm very, no, seriously ill*», которая звучит скорее растерянно, чем отчаянно.

Перевод №2:

«*Darling, darling, I'm sick and entrenched in sickness...*».

Повтор «*darling, darling*» сохраняет интонацию обращения, но вызывает иную эмоциональную реакцию: на английском «*darling*» скорее романтическое, нежное, в некоторых случаях даже насмешливое обращение, в то время как в оригинале – звучит вкрадчивость, пока еще тихое отчаяние.

Конструкция «*entrenched in sickness*» звучит книжно и абстрактно, буквально, «увязший в болезни», что семантически близко к оригиналу, однако фонетически кажется более «звонким», теряется интонационная тревожность и некоторое придыхание, с каким читается оригинал.

Перевод №3:

«*Friend, friend of mine, I'm gravely ill, I'm sickening...*»

Повтор «*Friend, friend of mine*» – сильный ход, сохраняет экспрессивность. Лексические добавления «*gravely*» и «*sickening*» добавляет драматичности и даже оттенок тошноты, что перекликается с образом душевной и телесной боли. По звучанию данный перевод ближе к С. Есенину, чем излишне нежное «*Darling*» во втором варианте.

«*Чёрный человек, Чёрный, чёрный, Чёрный человек...*»

Перевод №1:

«*Dark man, here he is, Dark man, here he is...*»

Повторение «*Dark man, here he is*» приближается к ритму оригинала, однако в плане семантики делает акцент не на эффекте запугивания и устрашения, а на обозначении факта появления, что ослабляет драматизм момента.

Перевод №2:

«*A slyly dark man, Dark like darkness, A slyly dark man...*»

«*Slyly dark man*» – лексическое добавление нового оттенка («хитрый»), которого нет в оригинале и, вероятно, добавленного для соблюдения ритмики. Строка «*Dark like darkness*» вызывает смешанные ощущения – с точки зрения выразительности, логики и поэтической адекватности оригиналу.

Это можно расценить как попытку усилить образ (через интенсивность тьмы), однако возникает вопрос, насколько в данном отрывке это вообще нужно, поскольку в оригинале С. Есенин усиливает повтором не синонимию, а ритм и навязчивость, в которой нет сравнения как такового. Более того, «*Dark like darkness*» звучит немного тяжеловесно и почти карикатурно, что имеет место быть, когда автор сознательно использует прием иронии или гиперболы.

В классической поэзии чаще можно встретить такие образы, как «*dark as night*» или «*black as sin*», когда тьма сравнивается с чем-то визуально.

Перевод №3:

«*The man in black, The black, black Man in black...*»

В данном варианте сохранён повтор «*The black, black / Man in black*», что хорошо передаёт оригинальный ритм и дает ту двойственность смыслов, что есть в оригинале – это и зловещая фигура, и человек, одетый в черный сюртук и цилиндр, что мы узнаем в конце поэмы.

«В грозы, в бури, В житейскую стынь, При тяжелых утратах И когда тебе грустно, Казаться улыбчивым и простым – Самое высшее в мире искусство».

Перевод № 1:

«In downpour and lightning, When life is a chill, Or if you loose someone dear, Just keep on smiling Switch to “happy” at will, It’s “Haute art”, young man, do you hear...»

Сохранение образа через *«Downpour and lightning»* – довольно хороший ход, он задает ритмику всего отрывка и звучит мелодично, в то время как последующее *«When life is a chill»* – кажется слабым вариантным соответствием «в житейскую стынь», в том числе за счет того, что в современном английском слово «chill» имеет более разговорный оттенок, что значительно отличается от ощущения от поэтического звучания оригинала.

Такая же проблема возникает с *«Switch to “happy” at will»* – это более упрощённый оборот, теряется экспрессия и поэтичность, будто человек должен буквально кривить душой, в то время как в оригинале более нейтральное «казаться улыбчивым и простым».

Кажется, будто далее переводчик старается сгладить этот эффект разговорного стиля за счет фразы *«Haute art»*, что с французского переводится как «высокое искусство». Однако такой переход с разговорного стиля на более высокий поэтический в итоге звучит немного комично.

Перевод № 2:

«In the cold, in the storm, In the thunder of skies, When facing a loss, When your grief is mounting, To appear a smiling and simple guy – Is the highest art that this world's encountered».

В данном отрывке хорошо подобраны вариантные соответствия, сохраняется поэтическое звучание, усиленное фразой *«When your grief is mounting»*, что хоть и звучит более патетично и драматично в сравнении с более нейтральным «когда тебе грустно», но хорошо работает на мелодичность текста и конечную рифму *«...this world's encountered»*.

Перевод № 3:

«In gale and thunderstorm And when life grows chill, In times of deepest sorrow, Loss, disaster, To seem as blithe as ever, smiling still – There is no loftier art a man can master».

«In gale and thunderstorm» – также точный подбор образа, однако из-за ударений в словах заданная ритмика кажется немного сбивчивой.

«In times of deepest sorrow, loss, disaster» – здесь, однако, ритм восстанавливается, интуитивно понятны расставленные паузы.

Слово *«blithe»* также является хорошим вариантным соответствием, означающим «счастливый, беспечный» и соответствующим заложенному оттенку оригинала.

Анализ трёх английских переводов продемонстрировал, как различный подход к передаче ритма, интонации, символов и эмоционального напряжения влияет на восприятие оригинального текста.

Некоторые переводы сохраняют интонационную драматургию и символику поэмы, другие же теряют её глубину, упрощая смысл или нарушая образную систему.

Библиографические ссылки

1. Чуковский, К. Искусство перевода, АСТ, 2022. 224 с.
2. Казакова М. А. Художественный перевод: учебное пособие, 2002. 115 с.
3. Что нужно знать переводчику о некоторых особенностях английского стихосложения. URL: <https://rus.1sept.ru/article.php?ID=200103102> (дата обращения: 14.05.2025).

ТРАНСЛАТОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ДЕЛОВОЙ КОРРЕСПОНДЕНЦИИ НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Д. А. Кривошеева

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, kriv.daria04@gmail.com
Научный руководитель – А. О. Долгова, кандидат филологических наук, доцент*

В статье рассматриваются особенности деловой переписки на английском языке и её перевод на русский.

Описаны основные требования к переводу, выделены основные переводческие трансформации, используемые в деловых письмах.

Также в статье представлен количественный анализ транслатологических особенностей деловой корреспонденции на основе выборки из деловых писем.

Ключевые слова: деловое письмо; официально-деловой стиль; перевод.

Деловая переписка на английском языке является неотъемлемой частью международного общения в сферах экономики, права и бизнеса.

В условиях глобализации навыки её адекватного перевода на русский язык становятся всё более востребованными для обеспечения точности и эффективности межкультурной коммуникации.

Официально-деловой стиль – один из функциональных стилей современного литературного языка, обслуживающий сферу права, власти, администрации, коммерции внутригосударственных и межгосударственных отношений [1].

Деловое письмо – документ, служащий для обеспечения взаимодействия деловых партнеров с целью организации, урегулирования и оптимизации того или иного вида предметной деятельности [2].

Среди видов деловой корреспонденции на иностранном языке можно выделить следующие:

- резюме,
- сопроводительные и рекомендательные письма;
- предконтрактная переписка (письмо-запрос, письмо-предложение), письма-извещения, письма-рекламации и др.

В данной статье мы подробнее рассмотрим особенности деловой переписки на английском языке и её перевод на русский, а также представим количественный анализ переводческих трансформаций, используемых при переводе языковых клише.

В качестве материала для анализа языковых клише была сделана выборка из 50 писем.

И важно отметить, что перевод официально-деловых текстов полно-

стью сосредоточен на передаче содержания, то есть имеет информативный характер.

Форма таких текстов чаще всего носит стереотипный характер.

Культура и стандартизация деловой переписки в европейских языках значительно развиты, тогда как в современном русском языке меньше устоявшихся речевых шаблонов.

В результате при переводе нередко приходится прибегать к дословному изложению текста.

Основными требованиями, которым должен отвечать компетентный перевод деловой документации, являются:

- 1) точность (все положения, трактуемые в оригинале, должны быть изложены в переводе);
- 2) сжатость (все положения оригинала должны быть изложены кратко и лаконично);
- 3) ясность (сжатость и лаконичность не должны искажать понимание лексики);
- 4) литературность (текст перевода должен удовлетворять общепринятым нормам литературного языка, без употребления синтаксических конструкций языка оригинала) [3].

Переводчику важно помнить, что аудитория перевода – русскоязычные читатели, которые придерживаются определённых норм речевого этикета в деловой переписке.

В русской деловой практике принято отдавать предпочтение точности, краткости и обезличенному стилю изложения информации в деловых письмах (написание от первого лица множественного числа, от третьего лица либо от первого лица единственного числа, но без использования местоимения «я»: *Предлагаю рассмотреть...*).

Необходимо учитывать, что для обеспечения максимально близкого перевода и сохранения контекстуальной точности при работе с официальными текстами необходимо применять различные переводческие трансформации, включая следующие [3]:

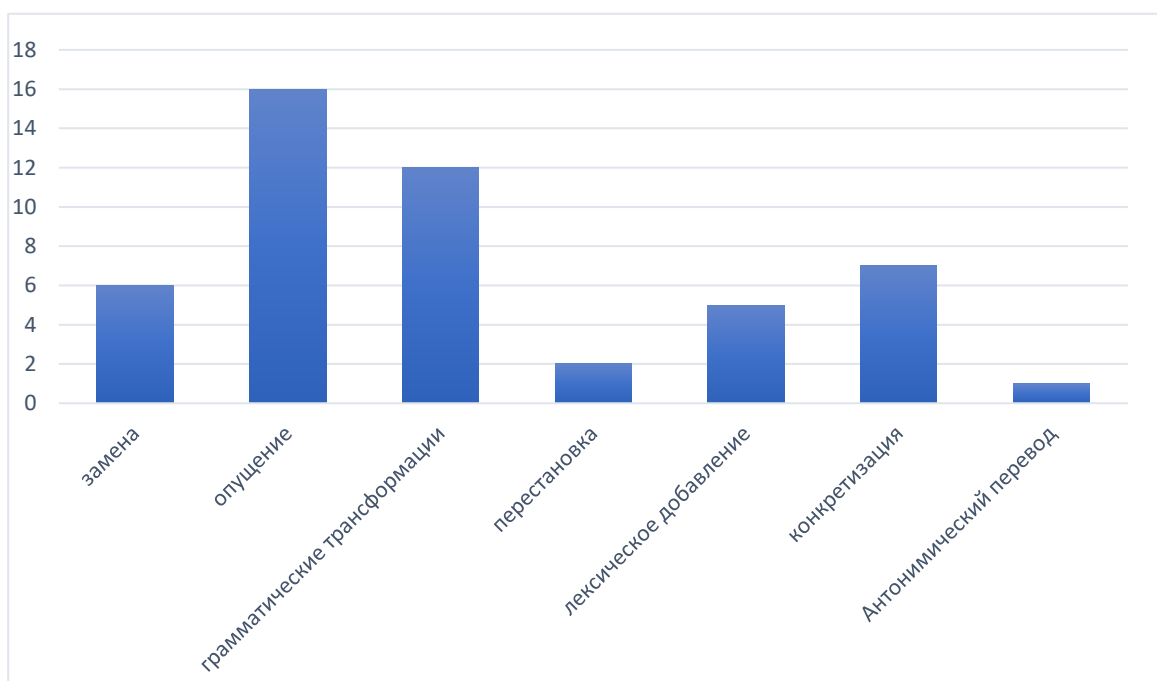
- замена;
- опущение;
- грамматические трансформации;
- перестановка;
- лексическое добавление;
- конкретизация;
- объединение предложений и опущение.

Нами были выделены самые часто употребляемые языковые клише. Они были разделены на две группы по следующим критериям: по виду письма, по функции. По виду можно выделить:

- письмо-запрос (*I am reaching out on behalf of ...* ‘Я обращаюсь к вам от имени ...’);
- ответ на запрос (*Thank you for your inquiry regarding...* ‘Благодарим за ваш запрос относительно...’);
- информационное письмо (*We are writing to inform you that...* ‘Сообщаем вам, что...’) и другие.

По функции же мы разделили их на: приветствие (*Dear Mr. Brown* ‘Уважаемый господин Браун’), введение (*I am contacting you for the following reason...* ‘Я обращаюсь к вам по следующей причине...’), ссылка на предыдущие письма (*Further to our meeting last week.* ‘В продолжение нашей встречи на прошлой неделе.’) и др.

При переводе данных выражений было использовано множество переводческих трансформаций (рисунок).

Количественный анализ переводческих трансформаций

В результате данного анализа мы можем сделать следующие выводы. Наиболее часто встречающейся трансформацией является опущение (частота встречаемости – 16 раз).

Например: *We are writing to inform you that...* ‘Сообщаем вам, что...’
This letter serves to confirm... ‘Настоящим подтверждаем...’.

В первом предложении опущено подлежащее.

Это связано с тем, что в деловых письмах на русском языке чаще ис-

пользуются безличные конструкции для того, чтобы создать эффект формальности.

Также часто опущены слова, повышающие вежливость фразы, например, *We kindly request that you...* 'Просим вас...'.

Соответственно это подтверждает, что английская деловая корреспонденция более эмоциональная.

За опущениями следуют различные грамматические трансформации (представлены 12 раз).

Например: *We are writing to request...* 'Мы пишем с просьбой...' (обстоятельство цели, выраженное инфинитивом, переведено существительным).

Данные трансформации обоснованы различиями в синтаксическом строе английского и русского языков.

Также достаточно часто встречаются такие трансформации, как конкретизация (7 раз):

(*I would appreciate your immediate attention to this matter.* 'Я был бы признателен за немедленное рассмотрение данного вопроса.' Многозначное слово *matter* переведено как «вопрос»);

замена (6 раз) (*Your order will be processed as quickly as possible.* 'Ваш заказ будет обработан в ближайшее время.'

Фраза *as quickly as possible* заменена на «в ближайшее время»), лексическое добавление (5 раз) (*For further details ...* 'Для получения дальнейших сведений ...').

Реже встречаются перестановка и антонимический перевод.

Пример перестановки: *We are pleased to provide the information you requested.* 'Рады предоставить запрашиваемую вами информацию.'

«Информация» перенесена в конец предложения из-за особенностей грамматического строя предложения в русском языке, а именно положении определения по отношению к определяемому слову.

Антонимический перевод можно наблюдать в следующем предложении:

Could you please provide... 'Не могли бы вы предоставить ...'.

Причиной этого является принятые способы выражения вежливости в русском языке.

Таким образом, перевод деловой корреспонденции представляет собой многогранный процесс, включающий различные виды трансформаций, направленных на достижение адекватности, формальности и соответствия нормам русского делового стиля.

Проведенный анализ подтверждает, что помимо лексического соответствия, переводчику необходимо учитывать грамматические, стилистические и культурологические особенности обоих языков.

Библиографические ссылки

1. *Жеребило, Т.В.* Словарь лингвистических терминов / Изд. 5-е, испр. и доп. Назрань: Изд-во "Пилигрим", 2010.

2. *Щербакова, И.О.* Стратегии деловой коммуникации и их языковое выражение / Ното Лоуепс: актуальные вопросы лингвистики и методики преподавания иностранных языков. СПб.: НИУ ВШЭ, 2010. Вып. 2. С. 148-157.

3. *Федорова, Н.В.* Структура, языковые особенности англоязычных деловых писем и алгоритм их перевода на русский язык / Филология: научные исследования. Москва, 2019. С. 250-258.

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ЛЕКСИКИ СФЕРЫ ФОТОИСКУССТВА С АНГЛИЙСКОГО НА РУССКИЙ ЯЗЫК

М. А. Крот

Белорусский государственный университет, ул. Курчатова, 5,

220045, г. Минск, Беларусь, kreaumari@gmail.com

Научный руководитель – В. В. Сергеева – кандидат филологических наук, доцент

В статье были рассмотрены особенности перевода профессиональной лексики сферы фотоискусства с английского на русский язык. Были определены основные способы передачи фототехнических терминов на русский язык.

Ключевые слова: профессиональная лексика; перевод; сфера фотоискусства; английский язык; русский язык.

Перевод – «вид речевой деятельности, удваивающий компоненты коммуникации, целью которого является передача сообщения в тех случаях, когда коды, которыми пользуется источник и получатель, не совпадают» [1, с 195].

Перевод терминов фотоискусства требует не только лингвистической точности, но и учета технических нюансов, культурных контекстов и устоявшихся практик употребления.

Целью данной работы является выявление особенностей перевода профессиональной лексики сферы фотоискусства с английского на русский язык. Материалом исследования послужили 64 англоязычных термина сферы фотоискусства, отобранных методом сплошной выборки из онлайн версий специализированных толковых словарей современного английского языка: The Visual Dictionary of Photography [2], A Dictionary Of Photography for The Professional And Amateur Photographer.

Современная фототерминология демонстрирует сложное взаимодействие языковых процессов и технологического прогресса. Фототехническая лексика, формируясь под влиянием профессиональных запросов и культурных заимствований, характеризуется выраженной тенденцией к синонимии, полисемии и омонимии, что обусловлено как естественным развитием языка, так и недостаточной единой стандартизацией.

Проведенный переводческий анализ англоязычной профессиональной лексики сферы фотоискусства позволил выявить некоторые особенности присущие данному виду перевода. На русский язык многие лексемы передаются путем калькирования, транскрибирования, описательного перевода или с помощью подбора аналога.

Так, например, лексема *depth of field* или сокращение '*DOF*' определяется словарем как 'the distance between the nearest and the furthest objects that a camera can produce a clear image of at the same time' [3].

На русский язык передается при помощи калькирования как «глубина резкости», сохраняя при этом семантику и структуру английского выражения. Термин активно используется в учебных материалах с 2000-х годов.

Термин *shutter speed* имеет значение 'the time taken by a camera shutter to open and close' [4].

На русский язык лексема передается полным эквивалентом – 'выдержка'. Термин используется с 1980-х годов, что связано с распространением плёночной фотографии, при этом частота его употребления резко возросла с распространением цифровых камер.

Лексема *shutter* – 'the part of a camera that opens to allow light to pass through the lens when you take a photograph' переводится как 'затвор', но в разговорной речи зачастую используется англицизм «шаттер», особенно среди молодёжи [3].

Интересна лексема *aperture*, которая вызывает сложности из-за двойственности значения: 1) an opening that allows light to reach a lens, especially in cameras; 2) numerical value of aperture (например, f/1.8).

Для первого значения в словаре представлены следующие переводы – 'апертура' (транскрипция) и 'диафрагма'. *Апертура* применяется чаще в научном контексте, а *диафрагма* – в практике фотографирования.

У лексемы *aperture* есть синоним – '*f-stop*', к которому относится второе значение.

В русском языке может сохраняться вариант '*f-stop*' или использоваться описательный перевод (экспликация) – 'число диафрагмы' [4].

Лексема '*stop*' в фотографии имеет следующее значение 'smth that is used by photographers to talk about the change of a unit of exposure' [3].

На русский язык лексема может транскрибироваться, но зачастую требует пояснения: 'ступень экспозиции' или 'стоп света'.

Термин употребляется преимущественно в профессиональной среде и чаще встречается в словосочетаниях *увеличить на стоп*, *потерять два стопа*.

В Словаре фототехнической терминологии сокращение *ISO* или *ISO Speed* имеет значение 'a value specifying the light sensitivity of film or image sensor' [2, с 42].

На русский язык лексема передаётся как «светочувствительность ISO», где аббревиатура сохраняется в оригинале (ISO 100, ISO 400). В разговорной речи часто говорят «ИСО», хотя нормативным считается произношение букв (И-С-О).

Термин *exposure* ‘the length of time for which light is allowed into the camera when taking a photograph’ [2] передается на русский язык эквивалентом – ‘экспозиция’, хотя в более ранних текстах встречался вариант «экспонирование».

Лексема *resolution* ‘the ability of a camera, microscope, or a television or computer screen, to show things clearly and with a lot of detail’ [4] в узком значении требует уточнения: ‘разрешение матрицы’ или ‘разрешение снимка’.

Термин *autofocus* со значением ‘part of a camera that adjusts the focus as it prepares for a picture to be taken, so that the picture will be clear’ на русский язык транскрибирован как ‘автофокус’, полностью адаптирован, трудностей при передаче не возникает [3].

Лексему *white balance*, которую трактуют как ‘smth that adjust colors so that the image looks more natural’ [3] на русский язык передают при помощи калькирования как ‘баланс белого’. Лексема часто встречается в сочетании с глаголами *настроить*, *скорректировать*.

Program mode ‘a semi-automatic mode designed to give back to the photographer the option to control a few critical creative settings on the camera while making the camera take care of the rest’ [3] передана на русский язык при помощи кальки ‘программный режим’.

В разговорной речи лексему сокращают до «режим Р». *Manual mode* ‘smth that is used by photographers who want complete and creative control of the exposure of an image’ [4] передана на русский язык при помощи калькирования ‘ручной режим’.

В разговорной речи лексему сокращают до «режим М».

Термин *bracketing* ‘an intentional over- and underexposure from the indicated exposure, usually done in whole or half stops’ [4] в 1990-х переводили как ‘вилкование’, но сегодня чаще передается путем транскрибирования – ‘брекетинг’ и ‘эксповилка’ (‘экспобрекетинг’).

Экспо-вилка используется для создания HDR-изображений, объединяющих детали из пересвеченных и недоэкспонированных снимков.

Таким образом, знание терминологии, понимание нюансов фотосъемки позволяют не только технически грамотно работать с оборудованием, но и творчески управлять художественными эффектами.

Многие термины, такие как *выдержка*, *диафрагма* и *экспозиция*, имеют глубокую историю употребления и высокую частотность. Новые понятия активно входят в язык через транскрибирование, а другие формы сохраняют оригинальное написание, подчеркивая глобализацию лексики. При этом в образовательных материалах и массовых изданиях предпочитают русифицированные варианты для обеспечения доступности, тогда

как профессиональное сообщество чаще оперирует англоязычными сокращениями и терминами.

Анализ перевода терминологических единиц фототехнической сферы показывает, что при их передаче на русский язык чаще всего используются эквиваленты, калькирование, описательный перевод, транскрибирование и транслитерация. Определенные сложности вызывает перевод аббревиатур и узкоспециальных понятий, а также многозначных единиц.

Библиографические ссылки

1. Миньяр-Белоручев Р. К. Теория и методы перевода. М. Московский Лицей, 1996.
2. Präkel D. The Visual Dictionary of Photography. Switzerland: AVA academia, 2010.
3. Cambridge dictionary [Electronic resource]. URL: <https://dictionary.cambridge.org/> (дата обращения: 10.05.2025).
4. Oxford Online Dictionary. URL: <https://en.oxforddictionaries.com> (дата обращения: 10.05.2025).
5. Photo dictionary online. URL: <https://photocontestguru.com/photo-dictionary/#slownik-p> (дата обращения: 10.05.2025).

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ДЕОНИМИЧЕСКИХ ГЛАГОЛОВ С НЕМЕЦКОГО И АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ НА РУССКИЙ

Н. В. Лебедева¹⁾, М. А. Крот¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, ул. Курчатова, 5,
220045, г. Минск, Беларусь, n7866658@mail.com, kreaumari@gmail.com
Научный руководитель – Е. Г. Фоменок, старший преподаватель

В данной статье авторами были рассмотрены особенности перевода деонимических глаголов с немецкого и английского языков на русский.

Представлены определения терминов «перевод», «деонимы», «деонимические глаголы».

Были определены способы передачи деонимических глаголов в немецком и английском языках на русский. На основе сходства и различий глаголов была составлена классификация.

Ключевые слова: перевод; способы перевода; деонимические глаголы.

Перевод – «вид речевой деятельности, удваивающий компоненты коммуникации, целью которого является передача сообщения в тех случаях, когда коды, которыми пользуется источник и получатель, не совпадают» [1, с 195].

Особую трудность при этом вызывают лексические единицы, отражающие культурно-исторический фон, словообразовательные особенности исходного языка, не имеющие прямых соответствий в языке перевода. К таким единицам относятся деонимические глаголы – лексические образования, возникшие на основе деонимов.

Деонимы – продукт деонимизации – имя собственное, ставшее нарицательным, без аффиксации.

Деонимы вызывают затруднение у читателей текстов любых жанров и поэтому они требуют подробного лексикографического описания [2, с 116].

Целью данной работы является выявление особенностей перевода деонимических глаголов с немецкого и английского языков на русский.

В работе проанализированы 40 английских и 40 немецких деонимических глаголов, отобранных методом сплошной выборки из современных немецких, английских и русских толковых словарей.

Изучение особенностей перевода деонимических глаголов позволяет выявить стратегии перевода, способствующие сохранению их семантики и прагматики.

Анализируя немецкие и английский деонимические глаголы, мы условно разделили их на группы.

Основным критерием распределения глаголов на группы в нашем исследовании является их семантика. Так, в английском языке мы выделили 3 группы деонимических глаголов:

- глаголы, образованные от имен и фамилий людей;
- глаголы, образованные от имен и фамилий вымышленных персонажей;
- глаголы, образованные от названий компаний и брендов.

В немецком языке нами выделены 2 группы:

- глаголы, образованные от имен и фамилий людей;
- глаголы, образованные от названий брендов, компаний, торговых марок.

Рассмотрим способы образования деонимических глаголов, относящихся к выделенным нами группам.

Первая группа, которая совпадает в немецком и английском языках – глаголы, образованные от имен и фамилий людей. В английском языке в эту группу вошли 21 лексема, в немецком – 22.

Англоязычные глаголы этой группы образовались двумя способами:

1) путем конверсии, например: *to hoover* – пылесосить (от фамилии: William Henry Hoover), *to gue* – 1. носить по улицам изображение Гая Фокса; 2. 1) выставлять на посмешище; 2) высмеивать, издеваться (от имени Гая Фокса, устроившего «Пороховой заговор»);

2) путем прибавления к основе слова суффиксов – *-ise/ize*, en. Например, *to christen* – крестить (от имени Иисуса Христа); *to bowdlerize* – выбрасывать из текста при редактировании все несоответствующие современным представлениям о нравственности абзацы (от имени Томаса Баудлера, подготовившего к печати «семейное» издание сочинений Шекспира, в котором были опущены все непристойные моменты с точки зрения англичан XIX в.) [3, с 1]

В немецком языке основным способом образования деонимических глаголов первой группы является суффиксация (*-ieren*, *-en/n -ern*), например: *boykottieren* – бойкотировать (от имени Чарльза Бойкотта); *lynchen* – линчевать (от имени Уильяма Линча; *kafkaesieren* – создавать абсурдную ситуацию (от имени Франца Кафки); *shakespearen* – драматизировать (от имени Уильяма Шекспира); *daimlern* – ездить на Mercedes (от имени Готтлиба Даймлера); *morsen* – передавать азбукой Морзе (от имени Сэмюэля Морзе); *quislingern* – предавать (от имени Видкуна Квислинга) [4].

Вторая группа деонимических глаголов, выделенная нами в английском и немецком языках – глаголы, образованные от названий компаний, брендов и торговых марок.

В английском языке данная группа представлена 7 глаголами, в немецком языке данная группа представлена 17 лексемами.

Основным способом образования англоязычных глаголов является конверсия:

to google – гуглить (от названия компании Google LLC);

to uber – вызывать Uber (от компании Uber);

whatsappen – писать в WhatsApp (от мессенджера WhatsApp);

skypen – звонить через Skype (от Skype);

zoomen – проводить встречу в Zoom (от платформы Zoom);

jeepen – ездить на джипе (от марки Jeep).

В немецком языке при образовании глаголов второй группы преобладает суффиксация (-en/n, -ln/m), большинство глаголов данной группы в немецком языке имеют такую же семантику, как в английском языке, например: *googeln, ubern*.

В третью группу, выделенную нами только в английском языке – глаголы, образованные от названий имен и фамилий вымышленных персонажей, вошли 10 лексем.

Глаголы этой группы преимущественно образованы путем конверсии, например: *to Sherlock* – расследовать (от имени Шерлока Холмса); *to gorgonize* – замораживать взглядом, заставлять замирать «как кролик перед удавом» (от имени Медузы Горгоны); *to Hamletize* – предаваться сомнениям, тревогам и проявлять нерешительность (от имени героя трагедии Шекспира «Гамлет»).

Англоязычную лексему *to Fast and Furious 7* – перепрыгнуть с одного небоскреба на другой как в фильме «Форсаж 7» (от названия фильма «Форсаж 7», в котором был известный трюк с прыжком машины с одного небоскреба на другой), мы не смогли отнести ни к одной из групп [5].

Основным способом перевода деонимических глаголов с английского на русский язык является описательный перевод (24 лексемы), например:

to Megan Markl – ценить себя и свое здоровье достаточно сильно, чтобы покинуть помещение/ситуацию, где Вашему присутствию не рады (от имени Меган Маркл, герцогини Сассекской) [6];

to romeo – ухаживать за кем-то, в романтическом контексте (от имени персонажа У. Шекспира из романа «Ромео и Джульетта»).

Помимо описательного перевода англоязычные деонимические глаголы были переведены на русский язык при помощи смыслового эквивалента:

to Burke – задушить (от имени жестокого убийцы В. Бэрка); *to christen* – крестить;

to hector – 1. грозить, запугивать, задирать; 2. хвастаться (от имени Гектора, старшего сына Приама, одного из вождей Трои в «Илиаде» Гомера).

Доминирующим способом перевода деонимических глаголов с английского и немецкого языков на русский является описательный перевод, с его помощью передано значение 22 лексем.

Например: *velcro* – застёгивать на липучку (от бренда Velcro); *teslan* – ездить на электромобиле Tesla (от компании Tesla); *therm* – использовать термос (от бренда Thermos); *aspirin* – принимать аспирин (от бренда Aspirin).

Однако встречаются глаголы (18 лексем), которые передаются путем поиска смыслового эквивалента, например: *düsen* – «мчаться» (от фамилии Düse), однако, часто ассоциируется с реактивными двигателями (Düsentriebwerk) [4].

Таким образом, анализ семантики англоязычных и немецких деонимических глаголов позволил нам разделить их на группы.

В немецком языке были выделены две группы деонимических глаголов:

- 1) глаголы, образованные от имен и фамилий людей;
- 2) глаголы, образованные от названий брендов, компаний, торговых марок.

В то время как в английском – три группы:

- 1) глаголы, образованные от имен и фамилий людей;
- 2) глаголы, образованные от имен и фамилий вымышленных персонажей;
- 3) глаголы, образованные от названий компаний и брендов.

Кроме того, было выявлено, что основным способом образования англоязычных деонимических глаголов является конверсия, в немецком языке преобладает суффиксация.

Основными способами перевода английских и немецких деонимических глаголов является описательный перевод и поиск смыслового эквивалента.

Сложности при передаче лексем вызывает отсутствие прямых эквивалентов в русском языке, что обусловлено различиями в восприятии культурных особенностей.

Адекватный перевод деонимических глаголов зависит от глубокого понимания этимологии.

Библиографические ссылки

1. Миньяр-Белоручев Р. К. Теория и методы перевода. М. Московский Лицей, 1996.
2. Карпова И. А. «Словарь деонимов русского языка»: от замысла к воплощению. // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2024. Вып. 4 (20). С. 114-121.

3. *Рубцова С. Ю.* Глагольные дериваты, образованные от антропонимов в английском языке // Проблемы современной науки и образования. 2015. № 12 (42). С. 147-153.

4. Duden. URL: <https://www.duden.de/> (дата обращения: 15.05.2025).

5. Как название фильма превратить в глагол в английском языке. URL: <https://langformula.ru/zuckerberging/> (дата обращения: 15.05.2025).

6. В английском языке появился глагол «to Meghan Markle». Что он означает? URL: <https://dzen.ru/a/XjFrvBj-aHHYSweg>. (дата обращения: 15.05.2025).

ИНКЛЮЗИВНЫЙ ПОДХОД ОРГАНИЗАЦИИ ГОРОДСКОГО ПРОСТРАНСТВА ДЛЯ ДЕТЕЙ

В. С. Макаренко

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4
220030 г. Минск, Беларусь, valeryia.makaranka@gmail.com
Научный руководитель – Н. Ю. Фролова, кандидат культурологии, доцент*

Статья посвящена актуальности инклюзивного подхода в дизайне. Автор рассматривает историю и особенности организации инклюзивного пространства для развития детей в современном городе.

В статье анализируются примеры создания таких пространств в городском ландшафте и приводятся выводы об необходимости внедрения инклюзивного подхода в дизайне в нашей стране.

Ключевые слова: инклюзивный подход, детская площадка, дизайн среды.

Игра со сверстниками на детской площадке является важным фактором развития каждого ребенка вне зависимости от его способностей и возможностей.

Поэтому специалисты, реализуя принципы инклюзивности в дизайне детских игровых площадок, и тем самым включая в игровой процесс детей с особенностями психофизического развития, помогают детям осуществлять социальную коммуникацию и развитие.

Идея «равных возможностей», которая стала развиваться со второй половины прошлого века, в проектировании реализовалась концепцией социально-ориентированного дизайна и связана с фигурой Виктора Папанека и его книгой «Дизайн для реального мира» [2].

В своей книге Папанек предложил дизайнерам обратить внимание на те области, которые не связаны с финансовой успешностью и обратить внимание на тех, кто не может являться потребителем дизайн-продуктов: «В общественном сознании дизайн чаще всего понимается как деятельность, которая производит красивую одежду, мебель и автомобили.

Поэтому само дизайн-сообщество должно заявлять о своем намерении и возможностях включаться в решение глобальных проблем современного общества» [3, с. 466].

Концепция инклюзивного дизайна тесно связана с концепцией социально-ориентированного дизайна, поскольку: «Инклюзивный дизайн – это вопрос о праве на город всех горожан, движение, меняющее стереотипные установки архитекторов и проектировщиков, научная методология и инструмент для замера уровня пространственной справедливости и устойчивого развития городов». [1, с. 32]

Первый подход демонстрирует организацию последовательности игровых ситуаций с акцентом на движение и физические навыки. Это, как правило, тематические игровые площадки с разно-уровневыми структурами.

Такая площадка включала в себя разные качели, горки, турники и перекладины, и некие закрытые формы (домики, теремки, ракета и прочее).

В основе другого подхода, который особенно характерен для стран северной Европы, находится образ естественной детской игры в не организованной среде (стройка, свалка, лес и прочее).

С целью сделать игру безопаснее дизайнеры создавали контролируемые «свалки» искусственно.

Однако не каждая игровая площадка могла считаться инклюзивной, то есть доступной для всех детей. И это касается не только людей с ограниченными возможностями движения, но и с проблемами ментального расстройства, слабовидящих и слабослышающих детей.

Стало понятно, что современное игровое пространство должны быть доступно для любого ребенка и перед дизайнерами и архитекторами стала задача проектирования среды, которая смогла бы развить и порадовать любого ребенка.

Инклюзивный подход в дизайне появился в ответ на дизайн эпохи массового производства, когда основы антропометрии стали применяться повсеместно, что с одной стороны облегчило проектирование, а с другой – обеспечило сегрегацию части населения, отличающейся от «среднего». Инклюзивный подход направлен на то, чтобы дизайн-продукт разрабатывался для абсолютно всех категорий потребителей, учитывая их требования на всех этапах проектирования.

Рис. 1. Инклюзивная площадка на ул. Омштрассе в г. Кёльн

Так появился феномен «безбарьерной среды», обеспечивающие инклюзию людей с функциональными сложностями в движении, коммуникации, социальных навыках.

Особенно важным и интересным стало внедрение инклюзивного подхода в проектировании детских площадок.

Хорошими примерами инклюзивного подхода в дизайне городского пространства для детей, можно назвать, проект Aktion Mensch в г. Кёльне (Германия) и инклюзивного парка Park Circle Playground (США).

С 2018 года в Германии благодаря благотворительной компании «Stück zum Glück», развёрнутой Aktion Mensch, установили 40 инклюзивных детских площадок.

Первая из них была открыта в 2018 году на ул. Омштрассе в г. Кёльн (рис. 1).

С помощью элементов дизайна инклюзия обеспечена для детей с функциональными сложностями в движении, коммуникации, зрении и процессе сенсорного восприятия.

Для маломобильных детей есть сиденья поддерживающей формы, прорезиненные ручки для дополнительной опоры, элементы разной высоты и наклона, чтобы можно было легко пересест с коляски, а также предусмотрено резиновое покрытие для свободного перемещения между оборудованием на кресле-коляске.

Для развития эмоциональной реакции детей, а также для развития навыков коммуникации в комплекс включены элементы, для использования которых необходимо взаимодействие сразу нескольких человек (карусели, качели).

Дизайн площадки с минимальным количеством визуальных стимулов создан таким образом, чтобы комбинировать зоны для двигательной стимуляции (большое количество вращающегося оборудования) и зоны, препятствующие поступлению внешних раздражителей, таких как яркий свет, цвет, шум, фактуры (тёмное пространство под скалодромом).

Хорошим примером может быть площадка в Северном Чарлстоне (Южная Каролина, США) – Park Circle Playground, которая является самой крупной инклюзивной игровой площадкой (рис. 2).

Площадка состоит из зон для потребителей разных возрастных групп, интегрируя в игровой процесс не только детей с функциональными сложностями в движении, коммуникации, эмоциональности, мышлении и обучении, зрении, слухе, процессе сенсорного восприятия, но и детей разного возраста и их родителей.

Таким образом, дизайнеры используют инклюзивный подход для организации детских пространств разных по масштабу, ориентированных на разного потребителя, расположенных в разных культурных контекстах.

Рис. 2. Park Circle Playground. Игровые снаряды, обеспечивающие стимуляции: двигательную, слуховую, сенсорную

Сегодня инклюзивный дизайн не должен быть дизайном для отдельных нуждающихся групп, а должен стать дизайном, создающим новые возможности для интеграции и коммуникации всех людей без исключения.

Библиографические ссылки

1. *Наберушкина Э.К., Радченко Е.А., Мирзаева Е.Р.* Инклюзивный дизайн (обзор зарубежных концепций) // Теория и практика общественного развития. 2023. № 2. С. 30–35.
2. *Папанек, В.* Дизайн для реального мира; пер. с англ. Г. Северской. 2е изд. М. : Д. Аронов, 2008.
3. *Фролова, Н.Ю.* Актуальность социально ориентированного дизайна в контексте современности. // Актуальные проблемы гуманитарного образования: материалы VIII Междунар. науч.-практ. конф., редкол.: О. А. Воробьева (гл. ред.) [и др.]. Минск : БГУ, 2021. С. 460-468.

НАУЧНЫЕ И БЫТОВЫЕ НАЗВАНИЯ ЦВЕТОВ В РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

Д. С. Немкевич

*Белорусский государственный университет, ул. Курчатова, 5,
220108, г. Минск, Беларусь, dasha.nemkevich.05@bk.ru
Научный руководитель – С. В. Перова, кандидат филологических наук,
доцент*

Цветы являются ярким отражением жизненного опыта человека и его наблюдений за окружающим миром.

В статье рассматриваются научные и народные наименования растений в русском и английском языках, влияние латинской номенклатуры на названия цветов.

Статья подчеркивает роль языка в отражении языковой картины мира и мировосприятия различных народов.

Ключевые слова: фитоним; номинация растений; языковая картина мира; латинская номенклатура.

Начиная с XIX века человечество начало чётко осознавать, что взаимодействие человека и природы представляет собой единое целое, что явилось толчком в теоретическом осмыслении данного фактора.

Принципиально важно подчеркнуть, что природа – это, прежде всего, внешние условия жизни людей (климатические, географические особенности, флора, фауна), которые по-разному отражены в языках.

Любая номинация растений имеет в своей основе причину или основание, которые можно рассматривать как мотивы для наименования растений.

Мотивации могут быть разными, например, форма и окраска цветов, применение, характерные свойства, народные и библейские легенды, место произрастания и время цветения, имена и фамилии известных ученых и ботаников.

Ещё в XVIII веке Карл Линней, создавая универсальную номенклатуру растений, известных науке того времени, помимо имеющихся латинских терминов, заимствовал терминологию из других языков, переводя её на латинский язык, а также создавал многие названия растений целенаправленно, уподобляя их по форме и словообразовательным моделям латинским образцам [1, с. 98].

А с XIX века в ботанической науке окончательно утвердилась международная латинская номенклатура, что обусловило появление множества заимствованных из латинского языка названий цветов в различных национальных языках.

Материалом для исследования послужили наименования растений в русском и английском языках, которые были отобраны методом сплошной выборки наименования цветов из толкового словаря русского языка – «Большой толковый словарь русского языка» под ред. С. А. Кузнецова (50 наименований) [2], толкового словаря английского языка – «Oxford Learner's Dictionary» (55 наименований) [3].

Для того чтобы уточнить происхождение отобранных номинаций, мы обращались к этимологическим словарям русского и английского языков [4, 5, 6].

Анализ названий цветов в русском и английском языках показал, что большая группа научных названий цветов, а именно: 38 из 50 наименований в русском языке и 43 из 55 наименований в английском языке, составили слова латинского происхождения.

Рус. *Фиалка* восходит к лат. слову *viola* 'фиолетовый цвет' и обозначает «травянистое растение с фиолетовыми (или жёлтыми, белыми) цветками».

В литературе данный цветок часто рассматривается как символ невинности, чистоты и преданности, а также любви.

В связи с чем в русском языке фиалка имеет другое название – *анютины глазки*, в основе которого лежит легенда о девушке, которая ждала своего возлюбленного и умерла.

Рус. *Гладиолус* имеет свое название от лат. слова *gladius* 'меч', благодаря вытянутой форме.

В русском языке обозначает «травянистое декоративное растение с мечевидными листьями и крупными цветками разнообразной окраски».

Существует и другое народное название цветка – *шпажник*, которое цветок получил из-за длинных, узких, торчащих, как острые шпаги, листьев.

Научное название рус. *василька* – *Centaurea cyanus* образовано от лат. слов *centaure* 'кентавр' и *cyanus* 'голубой' и дословно переводится 'голубой кентавр', что тесно связано с мифологией, так как один из кентавров – Хирон, отличавшийся умением лечить целебными травами, нашел, что сок василька обладает драгоценным свойством заживлять раны.

Название *василек* представляет собой древнерусское заимствование из греческого от *basileus* 'царь' и обозначает «травянистое растение сем. сложноцветных, с синими цветками, встречающееся преимущественно среди посевов озимых хлебов».

Однако в народе *василек* называют *татарка* из-за яркого синего цвета и обилия на полях, в связи с чем в древности цветок воспринимался как дикая, вольная трава, не поддающаяся контролю.

Существует другое название *волошка*, что связано с древним словом *волох* – выходец из Валахии.

Названия цветов в английском языке отличаются своей образностью и метафоричностью, что можно объяснить многовековой историей садоводства в Великобритании и любовью англичан к миру природы.

Так, в английском языке *buttercup* и *yellowcup* переводится как ‘лютик’, а *wild plant with small shiny yellow flowers that are like cups in shape* – ‘дикорастущее растение с маленькими блестящими желтыми цветками, похожими по форме на чашечки’.

Оно имеет свое название благодаря своей окраске и форме, так как *butter* ‘масло’ ассоциируется с желтым цветом в Британии, а форма цветка напоминает *cup* ‘чашка’.

Научное же название *ranunculus* представляет собой сочетание двух латинских слов: *rana* ‘лягушка’ и ‘*unculus*’ – мало, что связано с формой растения.

Существует другое название *crowfoot* – ‘вороний коготь’, связанное с тем, что листья некоторых видов лютиков напоминают лапку или когти вороны – с рассечёнными, вытянутыми «пальцами», как у птицы.

Англ. *Amaranth*, название которого совпадает с научным названием цветка, происходящего от лат. слов *Amaranthus* ‘неувядающий’ и *Caudatus* ‘хвостатый’, что связано с его формой и характерным свойством: при срезании цветок сохраняет свой цвет, то есть не увядает.

Amaranth означает «a garden plant with thick, round flower heads that keep their color when cut and dried» – ‘садовое растение с толстыми круглыми цветочными головками, которые сохраняют свой цвет при срезке и сушке’.

В английской культуре цветок имеет красивое название *love-lies-bleeding* ‘любовь, истекающая кровью’ или ‘кровоточащая любовь’ из-за длинных, поникающих, густо-красных соцветий, которые похожи на струйки крови.

В старинной английской культуре амарант символизировал вечную любовь, горе, преданность.

Англ. *Violet* ‘фиалка’ имеет свое название так же, как и в русском языке, от лат. слова *viola* ‘фиолетовый цвет’.

Оно означает «a small wild or garden plant with purple or white flowers with a sweet smell that appear in spring» – ‘маленькое дикое или садовое растение, цветущее весной, с фиолетовыми или белыми цветками и приятным запахом’.

В английском языке данный цветок имеет несколько других весьма романтических названий, которые даются особенно ярким цветам, вызывающим соответствующие эмоции.

Например, *love-in-idleness* ‘беспечная любовь’, так как раньше в английской культуре цветок связывали с мечтательной любовью, легкой влюбленностью, возникающей без особой причины, как бы «в праздности»; или название *jump-up-and-kiss-me* ‘подпрыгни и поцелуй меня’. Оно появилось из-за озорного, весёлого вида цветка – его форма напоминает улыбающееся личико или кивок, как будто цветок тянется поцеловать.

Таким образом, номинации растительного мира в английском и русском языках представлены научными и народными названиями, анализ которых демонстрирует тесную связь между языком, культурой и окружающей природой.

Анализ происхождения названий показал, что значительная часть фитонимов восходит к латинскому языку, что объясняется влиянием ботанической классификации Карла Линнея и закреплением латинского языка в научной традиции.

В результате исследования, можно сделать вывод о том, что наиболее распространенными мотивационными признаками в латинском языке являются форма цвет, так как 31 из 55 лексических единиц получили свое имя в соответствии со своей формой и цветом: лат. *violet* от *viola* ‘фиолетовый цвет’, лат. *lilium* от *lilia* ‘ослепительно белый’; лат. *myosotis* происходит от лат. слов *mus* – ‘мышь’ и *otis* – ‘уши’, так как лепестки цветка, разворачиваясь из бутона, напоминают мышиное ухо.

Однако необходимо отметить, что, несмотря на схожесть научных и разговорных названий цветов, каждая культура адаптирует и дополняет заимствованные термины в соответствии с собственными представлениями, мифологией и образной системой мышления.

Особый интерес представляют народные названия растений, в которых проявляются эмоции *love-lies-bleeding*, *jump-up-and-kiss-me*, легенды *анютины глазки*, визуальные ассоциации *buttercup*, *гладиолус*.

В русском языке преобладает связь с фольклором, легендами и историческим контекстом, в то время как английские названия часто основаны на метафорах, поэтических образах и визуальных сравнениях.

Также легко заметить, что многие английские разговорные названия образованы путем сложения слов, в то время как в русском языке преобладают уменьшительно-ласкательные суффиксы и устойчивые словосочетания.

Сопоставительный анализ русской и английской лексики показывает, что даже универсальные природные реалии получают разную языковую

интерпретацию, обогащая межкультурное понимание и подчёркивая важность сохранения языкового разнообразия при изучении окружающего мира.

Библиографические ссылки

1. БЭС – Большая советская энциклопедия: в 30 т. Т. 18. М.: Сов. энциклопедия, 1978.
2. Oxford English Dictionary . URL: <https://www.oed.com> (date of access: 25.05.2025)
3. Крылов Г. А. Этимологический словарь русского языка. СПб.: ООО «Полиграфуслуги», 2005. С. 432
4. Свиридова М. Н. Этимологический словарь современного русского языка. М.: Аделант, 2014. С. 512.
5. Online Etymology Dictionary . URL: <https://www.etymonline.com/> (date of access: 25.05.2025).

АВТОМАТИЧЕСКАЯ ГЕНЕРАЦИЯ ВОПРОСОВ ПО УЧЕБНЫМ МАТЕРИАЛАМ С ПРИМЕНЕНИЕМ НЕЙРОННЫХ СЕТЕЙ

Д. А. Новикова

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, uonarettit@gmail.com
Научный руководитель – В. В. Воронович, старший преподаватель*

В данной статье рассматривается разработка прототипа системы генерации учебных вопросов с использованием трансформерной архитектуры T5, дообученной на специализированном корпусе текстов по учебным дисциплинам за 11 класс.

Описываются структура программного решения, особенности реализации модуля генерации вопросов, а также этапы подготовки обучающего корпуса.

Ключевые слова: нейросетевые модели; генерация вопросов; искусственный интеллект; цифровые образовательные технологии.

Генерация вопросов – одна из задач автоматической обработки естественного языка, направленная на создание вопросов по заданному тексту. Она широко используется в образовательных системах, чат-ботах, системах автоматизированного тестирования и поисковых системах.

Несмотря на все плюсы тестов, связанные с систематизированностью и объективностью оценки, процесс создания самих тестовых заданий требует большого количества времени и при больших объемах может стать очень трудоемким для квалифицированного учителя.

Это создает потребность в автоматизации генерации подобных заданий, в особенности закрытого типа, позволяющих проверить усвоение основных материалов учебного текста, таких как даты, факты, определения и важные исторические личности.

Сейчас для задач автоматической обработки текстов все чаще используется нейросетевая модель T5 (Text-to-Text Transfer Transformer), разработанная в Google в 2019 году.

Её отличительной особенностью является универсальный подход «text-to-text», при котором и вход, и выход системы представляют собой текстовые данные.

Архитектура T5 сочетает преимущества энкодера и мощного декодера, способного формировать содержательные текстовые конструкции, что делает модель особенно подходящей для задач генерации вопросов, перефразирования, перевода и сокращения текста [1].

Ещё одним значительным достоинством T5 является её способность к трансферному обучению. Трансферное обучение – метод машинного обучения, при котором модель, предварительно обученная выполнению

одной задачи, перенастраивается для выполнения другой, похожей на предыдущую [2].

Разработанный прототип модели предназначен для автоматической генерации вопросов по входному тексту на русском языке. Его основная задача – извлекать смысловые единицы из учебных или информационных текстов и формулировать на их основе корректные и осмысленные вопросы. Подход основан на трансформерной архитектуре модели T5 (rut5-base-multitask), дообученной на множестве задач, включая генерацию вопросов [3]. Применение данной модели позволяет ускорить и упростить процесс составления вопросов для педагогов, лингвистов и специалистов по анализу текстов, а также реализовать интерактивные системы обратной связи с возможностью оценки сгенерированных вопросов.

Основной логикой управления моделью и генерацией вопросов занимается самый крупный класс QuestionGenerator, содержащий следующие ключевые этапы:

1. Подготовка к работе и нормализация сегментов

`__init__()` является функцией инициализации класса. В начале работы загружается модель RuT5 и соответствующий токенизатор из локальной директории.

Если заданный пользователем текст превышает заданный лимит токенов (`max_tokens`), то на этом этапе текст делится запятыми для дальнейшей обработки каждого отрывка по отдельности для корректной работы при помощи функции `split_text`.

Функция `normalize_question(question)` приводит текст к нижнему регистру и убирает лишние пробелы, подготавливая его обработки и фильтрации. Функция `is_valid_question(question)` проверяет, содержит ли строка не менее трёх слов, содержит ли знак вопроса и не заканчивается ли точкой, а также позволяет отсеять некорректные по форме генерации модели (например, без знака вопроса на конце).

2. Фильтрация вопросов

Функция `is_good_question(question)` является расширенной функцией по фильтрации вопросов. Она оценивает, начинается ли вопрос с одного из типичных вопросительных слов (например, *что, где, кто, почему* и т.д.), проверяет длину вопроса (от 4 до 20 слов) и в дальнейшем используется как критерий качества в финальном отборе лучших вопросов. Функция `questions_are_similar(q1, q2)` сравнивает два вопроса по набору слов и вычисляет коэффициент схожести. Если вопросы имеют близкие формулировки, один из них удаляется.

3. Генерация вопросов

Функция `generate_questions` является ключевой функцией в процессе и отвечает за генерацию. Она интегрирует в себя все возможности класса

QuestionGenerator, выполняет предварительную разбивку текста на сегменты и управляющий запрос в формате ask | <текст> и передаёт его в модель.

Затем она генерирует несколько вариантов вопросов (по умолчанию – три на сегмент) и возвращает итоговый список уникальных и качественных вопросов пользователю.

Таким образом, весь функционал генерации был инкапсулирован в отдельный класс QuestionGenerator, чтобы сделать прототип модульным, масштабируемым и готовым к дальнейшему развитию, использованию в различных проектах (веб-приложение, Telegram-бот и т.д.) и реализации дружественного для пользователя интерфейса.

На данный момент функция main() реализует базовый интерфейс. Интерфейс реализован в виде консольного приложения. Пользователю предлагается выбрать одно из двух возможных действий: сгенерировать вопросы или просмотреть статистику собранной обратной связи (рисунок).

```
Загрузка модели rut5-base-multitask...
Загрузка существующего файла обратной связи
Обратная связь сохранена
Текущая статистика:
Хороших примеров: 108
Плохих примеров: 104
Модель успешно загружена

Выберите действие:
1. Сгенерировать вопросы
2. Посмотреть статистику собранной обратной связи
q. Выход
Ваш выбор: █
```

Интерфейс программы генерации вопросов

Интеграция механизма сбора обратной связи реализована внутри основной функции main(), которая координирует ключевые этапы работы системы.

После завершения процесса генерации вопросов пользователю предлагается возможность оценить полученные результаты.

В случае выбора данной опции система последовательно выводит на экран сгенерированные вопросы, сопровождая их соответствующими релевантными фрагментами исходного текста (контекстом), что обеспечивает более удобную и обоснованную оценку.

Пользователь может ввести '+', что будет значить «хороший вопрос», '-' – «плохой вопрос», Enter – пропустить и 'q' – завершить оценку и выйти.

В соответствии с выбранной пользователем оценкой функция `add_feedback` будет сохранять пару контекст-вопрос в JSON файл в соответствующую категорию.

Для мониторинга была интегрирована функция логирования.

Это было сделано для отслеживания количества принятых или пропущенных вопросов, а также для предотвращения потери данных и защиты от некорректного ввода.

Далее для дообучения модели на основе пользовательских оценок был создан алгоритм дообучения модели.

В связи с недостаточной мощностью используемого устройства для оптимизации работы скорость обработки и дообучения была значительно уменьшена.

Основная цель алгоритма – дообучить модель для того, чтобы она могла генерировать как положительные, так и отрицательные примеры вопросов, основываясь на предоставленных данных.

В рамках описываемой работы был создан специализированный датасет, сгенерированный на основе учебных текстов по следующим дисциплинам: всемирная история, история Беларуси, биология и физика.

В качестве исходного материала были выбраны утверждённые Министерством образования Республики Беларусь учебники для 11 классов, изданные издательским центром БГУ и издательством «Народная асвета». Эти учебники отличаются научной строгостью, соответствием учебным стандартам и богатством тематического содержания, что делает их особенно ценными для задач, связанных с обучением моделей естественного языка в образовательном контексте.

Применение нейросетевых моделей для автоматической генерации вопросов продемонстрировало высокую эффективность в образовательной среде.

Разработанная система показала способность адаптироваться к различным предметным областям, обеспечивая содержательные и разнообразные формулировки.

Это позволило получить широкий спектр вопросов, охватывающих как фактические знания, так и причинно-следственные связи, что особенно важно для оценки глубины усвоения учебного материала.

Например, среди сгенерированных моделью вопросов можно выделить следующие примеры: *Какие виды червей могут обитать в прибрежной зоне?* (биология), *Что было отменено в Конституции 1795 г.?* (история Беларуси), *Что способствовало подъему освободительной борьбы порабожденных народов Европы?* (всемирная история).

Эти примеры иллюстрируют не только тематическое разнообразие, но и соответствие формулировок уровню и стилю официальных учебных

заданий, что подтверждает практическую ценность разработанного решения для образовательной практики.

Библиографические ссылки

1. Exploring the Limits of Transfer Learning with a Unified Text-to-Text Transformer / C. Raffel, N. Shazeer, A. Roberts [et al.] // Journal of Machine Learning Research. 2020. Vol. 21. P. 1–67.

2. Что такое трансферное обучение? // AWS. URL: <https://aws.amazon.com/ru/what-is/transfer-learning/> (дата обращения: 26.03.2025).

3. Многозадачная модель T5 для русского языка // Habr. URL: <https://habr.com/ru/articles/581932/> (дата обращения: 01.04.2025).

БЫСТРАЯ МОДА КАК ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

К. А. Распопова

Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,

220030, г. Минск, Беларусь, kseniiatur87@gmail.com

Научный руководитель – А. Н. Антоненко, кандидат биологических наук, доцент

На основе анализа литературы в работе рассматривается феномен «Fast Fashion»: представлены основные этапы развития быстрой моды, негативные последствия массового производства одежды, включая чрезмерное потребление ресурсов, загрязнение окружающей среды и увеличение объемов отходов текстиля. Предлагаются практические пути решения проблемы быстрой моды: переход к экологически чистым материалам, внедрение концепции устойчивой моды, практики вторичного использования и переработки одежды, а также влияние сознательного потребления на выбор потребителей.

Ключевые слова: быстрая мода; модная индустрия; устойчивое развитие; экологические последствия.

Состояние и развитие современного общества характеризуется наличием таких глобальных экологических и социальных проблем, как: изменение климата, истощение природных ресурсов, социальная справедливость и др.

В этом ряду вопрос о влиянии быстрой моды на безопасность жизнедеятельности человека и общества в целом становится особенно актуальным и важным. Потребители, производители товаров и услуг, правительства многих стран осознают необходимость перехода к более устойчивым моделям ведения бизнеса и потребления. Проблема быстрой моды больше не ограничивается только разговорами в модных кругах – развивается общее мировое движение, призванное создать осознанный и более устойчивый подход к моде и ее потреблению.

Быстрая мода (Fast Fashion) возникла в конце XX века как ответ на изменения в модной индустрии, розничной торговле и потребительских тенденциях. В развитии этого феномена можно обозначить несколько ключевых этапов [1, 2]:

1) глобализация и дешевая рабочая сила: В 1980-х и 1990-х годах благодаря глобализации многие бренды начали переносить свое производство в страны с низкими затратами на рабочую силу, такие как Китай, Бангладеш и Индия. Это позволило значительно снизить цены на одежду и сократить время производства;

2) развитие технологий: Появление новых технологий в сфере производства и логистики также сыграло важную роль. Современные средства

связи и транспортировки позволили брендам быстрее реагировать на изменения в модных тенденциях, сокращая период между разработкой дизайна и поступлением товара в магазины;

3) изменение потребительского поведения: с 1990-х годов наблюдается рост потребительского спроса на доступную и модную одежду. Люди начали стремиться к обновлению своих гардеробов в соответствии с быстрыми изменениями моды, что способствовало популяризации концепции быстрой моды.

Бренды начали выпускать новые коллекции несколько раз в сезон, что создало заманчивую альтернативу традиционным сезонам в модной индустрии;

4) массовое производство и стандартные размеры: Разработка стандартных размеров и массовое производство одежды позволило брендам экономить время и деньги на производстве, обеспечивая при этом доступность одежды для широкой аудитории;

5) влияние социальных медиа. В начале XXI века с появлением социальных медиа и платформ, таких как Instagram и TikTok, модные тренды стали распространяться еще быстрее.

Это привело к росту интереса потребителей к новинкам и усилило спрос на быструю моду.

В настоящее время индустрия быстрой моды, обладая глобальным масштабом и востребованностью, оказывает существенное влияние на множество аспектов жизнедеятельности современного общества – от экономики до экологии и социальной сферы.

Можно выделить три основных направления неблагоприятного влияния быстрой моды на общество и окружающую среду: экологическое воздействие, истощение природных ресурсов, социальное влияние [3; 5].

Быстрая мода приводит к значительным экологическим проблемам. Производство одежды часто сопряжено с высокими выбросами углекислого газа, загрязнением воды и использованием токсичных химикатов.

Одежда, произведенная в рамках этой модели, часто имеет короткий срок службы, что приводит к увеличению объемов текстильных отходов на свалках.

Некоторые бренды (например, Boohoo и др.) используют токсичные химические вещества и опасные красители, которые просачиваются в воду. Синтетические ткани для производства коллекций содержат свинец, пестициды и бесчисленное множество других вредных химикатов. Ежегодно 11 миллионов тонн одежды из подобных материалов выбрасывается в США. Такая одежда практически не разлагается и скапливается на свалках, отравляя воздух и почву.

Помимо негативного воздействия на окружающую среду быстрая

мода оказывает влияние на потребителей и работников швейной промышленности. Вредные химические вещества, такие как бензотиазол (связан с появлением нескольких видов рака и респираторных заболеваний), были обнаружены в материалах, представленных на современном рынке.

Индустрия быстрого производства одежды требует значительных объемов природных ресурсов – воды, земли и энергии. Например, производство одной футболки может потребовать до 2 700 литров воды, что вызывает опасения по поводу устойчивости таких практик, особенно в условиях глобального изменения климата.

Быстрая мода также имеет серьезные последствия для рабочего населения, занятого в текстильной промышленности. Условия труда на фабриках в странах с низкой стоимостью рабочей силы часто являются крайне неблагоприятными, с низкими зарплатами и отсутствием безопасных условий работы.

Это вызывает социальные проблемы и требует пересмотра подходов к производству.

Как свидетельствуют результаты исследования развития модной индустрии [6, 7], решение проблемы быстрой моды требует комплексного подхода, включающего как изменения на уровне индивидуального потребления, так и меры со стороны производителей, правительств и общественных организаций, в частности:

- сознательное потребление моды (например, выбор качественной одежды, сокращение покупок, использование вторичного рынка);

- переработка и утилизация использованной одежды (например, реализация программ по переработке текстиля, сдача ненужных вещей в charity-shop или специальные пункты сбора);

- образование и осведомленность граждан (например, участие в семинарах и мероприятиях, касающихся устойчивого потребления моды; использование платформы социальных медиа для распространения информации о последствиях быстрой моды и устойчивых альтернативах);

- законодательные инициативы в модной индустрии (например, разработка и принятие актов законодательства, способствующих применению устойчивых практик в модной индустрии: налогообложение углеродных выбросов, требования к прозрачности в цепочке поставок и введение обязательных стандартов экологии; стимулирование и поддержка научных исследований в области устойчивых технологий и материалов).

Таким образом, для минимизации негативных экологических и социальных последствий быстрой моды требуются совместные усилия на всех уровнях общества и государства – от индивидуальных действий до коллективных инициатив. Каждый шаг в этом направлении может привести к значительным изменениям и помочь сделать модную индустрию более

устойчивой.

Библиографические ссылки

1. *Press C.* The Environmental Cost of Fast Fashion // Vogue. 2018. URL: <https://www.vogue.com/article/the-environmental-cost-of-fast-fashion> (дата обращения: 01.04.2025).

2. *Khaled S. K. T.* The Impact of Fast Fashion on the Environment // Journal of Fashion Marketing and Management. 2020. Vol. 24, iss. 4. P. 617–634. DOI: 10.1108/JFMM-10-2019-0149.

3. *Cline E. L.* Overdressed: The Shockingly High Cost of Cheap Fashion. New York: Portfolio, 2012. ISBN 978-1591843919.

4. *Thomas D.* Fashionopolis: The Price of Fast Fashion and the Future of Clothes. New York: Penguin Press, 2019. ISBN 978-0735211016.

5. Fashion Revolution. URL: <https://www.fashionrevolution.org/> (дата обращения: 01.04.2025).

6. *Миненко А. И.* Устойчивое развитие модной индустрии: проблемы и решения // Vestnik of Samara State Technical University. 2019. Т. 23, № 2. С. 94–101. DOI: 10.14498/vfst.2019.2.94

7. *Рогов В. В.* Проблемы экологии в индустрии моды: от быстроходной до устойчивой // Социально-экономические исследования. 2021. Т. 12, № 4. С. 76–82.

ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЭКСПРЕССИВНОЙ КОНКРЕТИЗАЦИИ ПРИ ПЕРЕВОДЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА (НА МАТЕРИАЛЕ ПЕРЕВОДА С АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ РОМАНА К. МАККАЛОУ «ПОЮЩИЕ В ТЕРНОВНИКЕ»)

Е. Ю. Саврицкая

Одной из особенностей художественного текста на любом языке является обилие образно-выразительных средств, стилистических приемов и эмоционально-экспрессивной лексики.

При переводе художественных произведений нередко возникает трудный вопрос, можно ли сохранить в переводе эмоциональное воздействие исходного текста, не теряя при этом его смысла.

И если да, то какими средствами сохранить эмоциональность, стилистическую окраску, национальную самобытность оригинала.

Эмоции универсальны для всех людей, однако в разных языках существуют разные формы их выражения.

В русском языке, например, эмоциям придается большее значение, чем в английском, что отражается в более ярко выраженной экспрессивности и конкретности русской лексики и грамматики.

При переводе художественных текстов на русский язык авторская эмоциональная идентичность может быть усилена путем использования более выразительных лингвистических приемов русского языка, когда «сплошь да рядом вместо стилистически нейтральных слов подлинника в переводе появляются экспрессивно окрашенные слова» [3, с.133]. Этот процесс, исследуемый Я. И. Рецкером, он определяет как «экспрессивную конкретизацию», которая дает возможность более эффективно передавать эмоциональную окраску и авторский посыл в переводе [3, с. 133].

При экспрессивной конкретизации переводчик активно использует как лексические, так и грамматические средства, чтобы сделать перевод более эмоциональным и отражающим индивидуальный стиль автора. Цель этого приема – не просто передать смысл, но и воссоздать задуманное автором воздействие на читателя, используя более конкретные и выразительные слова и конструкции, чем в оригинале.

Есть разновидности экспрессивной конкретизации: экспрессивно-эмоциональная и экспрессивно-прагматическая.

Экспрессивно-эмоциональная конкретизация играет важную роль в обеспечении адекватности перевода, так как часто эмоциональные и экспрессивные элементы являются ключевыми для понимания и восприятия текста.

В. С. Виноградов отмечает, что «без учета эмоционального и экспрессивного фона перевод может потерять значительную часть своего воздействия и смысла» [1, с. 89].

Экспрессивно-прагматическая конкретизация «сочетает в себе эмоциональную окраску с логической основой» и ориентирована на передачу тонкостей оригинала, таких как, «законченность мысли, выраженной в подлиннике образными средствами», сохранение прагматического значения и влияния на целевую аудиторию.

Этот подход позволяет не только воспроизводить чувства и эмоции персонажей, но и отражать общий эмоциональный настрой текста [3, с. 139].

Для лучшего понимания экспрессивной конкретизации проанализируем перевод романа К. Маккалоу «Поющие в терновнике» с английского языка на русский, выполненный переводчиком Норой Галь [4;2].

“Oho! Waspish, Father de Bricassart! Then what does keep you tied? What compels you to suffer the dust, the heat and the Gilly flies?” –

‘Ого! У вас злой язык, отец де Брикассар! Так что же тогда вас связывает? Чего ради вы готовы сносить здешнюю пыль, жару и мух?’

Данный пример представляет собой яркую иллюстрацию приёма экспрессивно-эмоциональной конкретизации, реализованной посредством комплекса переводческих трансформаций.

Переводчик последовательно замещает нейтральные или абстрактные элементы оригинала более конкретными, выразительными средствами переводящего языка с целью усиления эмоционального воздействия и точной передачи прагматической установки высказывания.

Уже междометие *Oho!*, выполняющее в исходном тексте интонационно-оценочную функцию, передаётся в переводе как ‘*Ого!*’, что позволяет не только сохранить экспрессивный импульс оригинала, но и дополнительно актуализировать оттенок сарказма, соответствующий речевой интенции персонажа.

Прилагательное *waspish*, обладающее богатой семантикой (‘раздражительность’, ‘язвительность’, ‘склонность к колким высказываниям’), заменяется устойчивым выражением «*злой язык*».

Такая лексическая конкретизация обеспечивает передачу характерной черты персонажа в форме, более доступной и выразительной для русскоязычного читателя, а также усиливает эмоциональную окраску высказывания.

Перевод риторической конструкции *What compels you to suffer...* как ‘*Чего ради вы готовы сносить...*’ демонстрирует как синтаксическую, так и лексическую трансформацию.

Использование оборота «*чего ради*» актуализирует разговорно-оценочный регистр, придавая высказыванию дополнительный иронический оттенок, тогда как глагольная конструкция «*готовы сносить*» смещает акцент с логико-объективной констатации на субъективно-эмоциональное восприятие.

Наконец, замена реалии *Gilly flies* на «*мух*» представляет собой пример адаптивной конкретизации, направленной на сохранение прагматической и образной целостности высказывания за счёт использования в переводящем языке культурно узнаваемого и эмоционально релевантного образа.

В совокупности данные преобразования обеспечивают высокую степень экспрессивно-эмоционального соответствия перевода оригиналу и способствуют полноценному воссозданию прагматической направленности высказывания.

If once he was offered the chance to rise out of the obscurity his temper had landed him in, he would not again make the same mistake здесь передано как ‘Раз уж замаячил случай подняться из ничтожества, в какое он впал из-за своего слишком пылкого нрава, больше он такой ошибки не совершит’.

Данный пример иллюстрирует приём экспрессивно-прагматической конкретизации, реализованной посредством комплекса переводческих трансформаций.

Словосочетание *rise out of the obscurity* передано как ‘*подняться из ничтожества*’, что усиливает негативную оценку положения героя: в русском варианте акцент переносится с нейтральной «*неизвестности*» на чувство униженности и внутреннего упадка.

Фраза *his temper had landed him in* трансформирована в ‘*в какое он впал*’, что передаёт активный, личностно обусловленный характер произошедшего и подчёркивает причинно-следственную связь.

При передаче *temper* через выражение ‘*слишком пылкого нрава*’ осу-

ществляется дополнительная конкретизация: лексема «*пылкий*» с усилителем «*слишком*» передаёт избыточность, импульсивность и разрушительное влияние черты характера на судьбу героя.

Завершающая реплика «*больше он такой ошибки не совершит*» представляет собой лаконичную синтаксическую трансформацию, которая усиливает эмоциональную окраску, а также подчёркивает решимость персонажа.

Благодаря этим изменениям, текст становится гораздо более живым и выразительным, передавая более глубокий и психологически насыщенный образ.

I swear that mare has the hardest mouth in En Zed” передана здесь как ‘Бьюсь об заклад, другой такой упрямой скотины во всей Новой Зеландии не сыщешь’.

В данном примере экспрессивная конкретизация больше всего реализуется на синтаксическом уровне посредством значительной перестройки структуры исходного высказывания для усиления эмоционального и образного восприятия.

Фраза *I swear* передана здесь как ‘Бьюсь об заклад’, что позволяет выразить эмоциональную уверенность и придать высказыванию оттенок вызова.

Конструкция *that mare has the hardest mouth* трансформирована в ‘*другой такой упрямой скотины не сыщешь*’, что предполагает замену нейтрального *mare* на более экспрессивное «*скотина*», а термина *hard mouth* – на разговорное «*упрямая*», тем самым усиливая эмоциональную окраску.

Применение отрицательной формы «*не сыщешь*» создаёт эффект абсолютного утверждения, подчёркивая категоричность мнения персонажа. Завершающее «*во всей Новой Зеландии*» акцентирует масштаб и завершает эмоционально насыщенное высказывание.

В результате этих трансформаций, высказывание в русском переводе становится более запоминающимся и впечатляющим.

В заключение можно отметить, что использование приема экспрессивной конкретизации при переводе художественного текста с английского языка на русский является закономерным явлением, играет ключевую роль в передаче эмоциональной окраски, атмосферы и характера персонажей оригинального текста. Этот прием позволяет сохранить и передать тонкости языка, индивидуальные особенности авторского стиля, а

также эмоциональные нюансы и детали, которые могут быть потеряны в прямом переводе.

Библиографические ссылки

1. БЭС – Языкознание. Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. 2-е изд. М.: Большая российская энциклопедия, 1998. 685 с.
2. Маккалоу К. Поющие в терновнике:[роман] пер. с англ. Норы Галь. М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2009. 605 с.
3. Рецкер Я.И. Теория перевода и переводческая практика. Очерки лингвистической теории перевода / Дополнения и комментарии Д.И. Ермоловича. М.: Р.Валент, 2007. 244 с.
4. McCullough C. The thorn birds, New York: Harper & Row, 1977 692 p.

СЕМИОТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ИТАЛЬЯНСКОГО ДИЗАЙНА: ДИАЛОГ РЕМЕСЛА И ПРОМЫШЛЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА

А. Е. Тереня

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, terenya.alexandra@gmail.com
Научный руководитель – Х. С. Гафаров – доктор философских наук, доцент*

Итальянский дизайн, объединяя ремесло и промышленность, традиции и современность, формирует культурный феномен «Made in Italy». Через взаимодействие ремесленных традиций и промышленного производства он отражает эстетические и социальные ценности, выступая символом национальной идентичности. Семиотический анализ итальянского дизайна подчёркивает его роль в трансляции локальных и глобальных смыслов.

Ключевые слова: ремесленные традиции; индустриализация; итальянский дизайн; итальянская культура; идентичность.

Итальянский дизайн развивается на сложном взаимодействии ремесленного творчества и массового производства, сочетая в себе современность и традиции. Эти элементы сформировали уникальность итальянского дизайна, который привлекает внимание не только своей эстетической ценностью, но и способностью передавать глубокие культурные и социальные сообщения. Применяя семиотический подход можно проанализировать, как взаимодействия смыслов, заложенных в различные продукты дизайна, отражают как локальные, так и глобальные ценности Италии.

Феномен «Made in Italy» сформировался как устойчивый культурный феномен, символизирующий высокие стандарты качества, эстетики и мастерства.

Он охватывает ключевые сферы итальянской материальной культуры – от моды до дизайна – и функционирует как семиотическая система, где каждый объект является не только утилитарным предметом, но и носителем культурных значений. Одним из ключевых элементов формирования этого бренда является ремесленное производство, особенно в области керамики, которое в послевоенные годы приобрело статус символа возрождения Италии [2, с. 127].

После Второй мировой войны керамическое производство развивалось благодаря сети малых мастерских, сочетавших традиционные техники с современными художественными идеями. Особенно важным было сотрудничество с художниками и дизайнерами, такими как Лучио Фонтана, Артуро Мартини и Фаусто Мелотти, что способствовало развитию

оригинальных форм и художественных решений. В результате этого взаимодействия керамика приобрела не только эстетическую ценность, но и коммуникативную функцию, отражая вкусы эпохи, индивидуальный стиль мастера, а также представления о домашнем пространстве и образе жизни. Майолика (разновидность глазурованной расписной керамики) постепенно оформилась как выразительный визуальный язык, получивший распространение не только в Италии, но и за её пределами, особенно на рынке США.

В первые послевоенные годы итальянская керамика стала отражением духа нового, более свободного общества. Это выражалось в её стилистическом разнообразии и богатом ассортименте, большая часть которого была вдохновлена региональным разнообразием Италии. Одновременно с этим появлялись и абсолютно новые формы, передающие ощущение эстетической свободы.

Реклама керамики того времени акцентировала внимание на мастерстве, оригинальности и индивидуальности изделий. Этот нарратив усиливал представление о керамике как о связующем звене между прошлым и настоящим, где каждый узор и форма несут в себе отпечаток истории и национального самовыражения. Благодаря яркой цветовой палитре, инновационному дизайну и элегантности, керамика воспринималась как символ послевоенного оптимизма.

В этом контексте итальянская керамика с точки зрения семиотики, может выступать как культурный знак, представляющий несколько уровней значения. На уровне денотации керамика служит утилитарным и декоративным объектом, а на уровне коннотации – символом итальянской традиции, мастерства и эстетического превосходства. Через фотографии в каталогах, витрины магазинов и рекламные образы керамика вписывается в целый культурный сценарий и идеализированный образ жизни «Dolce Vita» [1].

Ключевой особенностью итальянской керамики было размывание границ между изящными искусствами и ремесленным производством. Такое своеобразие подходило под культурные представления того времени и активно продвигалось через различные англоязычные каталоги, такие как «Handicrafts of Italy» и «Italian Ceramics», изданные Итальянским институтом внешней торговли. Эти издания способствовали формированию образа итальянской майолики как выражения синтеза художественной традиции и модернизма, укрепляя её связь с культурой Италии [2, с. 134].

Во второй половине XX века итальянская керамическая промышленность столкнулась с рядом вызовов: усиливающаяся международная конкуренция, фрагментация производства и изменения в потребительском поведении. Все это привело к распаду единого культурного образа керамики:

элитные изделия продолжили восприниматься как предметы искусства, массовая продукция – как функциональный, но обезличенный товар, а дешевая – как китч. Такая дифференциация ослабила общую символическую систему, что негативно сказалось как на культурной, так и на рыночной позиции итальянской керамики.

Тем не менее, несмотря на эти трудности, итальянская керамика сохраняет статус сложного и многогранного культурного феномена, в котором переплетаются историческое наследие, художественные традиции и национальная идентичность. В условиях глобализации и изменений на рынке ремесло проявляет устойчивость и способность к адаптации, при этом продолжая сохранять свою культурную значимость. Более того, оно выступает важным инструментом передачи ценностей и локальной эстетики в глобальном контексте.

Помимо ремесленной традиции, важный вклад в формирование бренда «Made in Italy» внесло стремительное развитие промышленного производства. Итальянский дизайн приобрел новые семиотические характеристики, что наглядно можно увидеть на примере автомобильной промышленности, ставшей не только экономическим, но и культурным феноменом, воплощающим идеи прогресса, свободы и измененного социального статуса итальянцев.

С момента появления первых моторных трициклов в 1894 году автомобили стали частью итальянской культуры, отражая изменения в обществе и экономике [2, с. 211]. Уже на ранних этапах машины ассоциировались с роскошью и восхищением, что нашло отражение в футуристическом искусстве, прославляющем скорость и мощь.

В первой половине XX века автомобили в Италии воспринимались как элитарные объекты, воплощающие престиж, технологическую продвинутость и социальную исключительность. Дорогие модели, такие как Isotta Fraschini или Alfa Romeo RL, создавались вручную и служили знаками статуса и индивидуального мастерства. Однако уже с середины 1920-х годов, начиная с выпуска модели Fiat 509, наметился переход к массовой моторизации. Доступные и технологически упрощенные модели (например, Fiat 500 и Fiat 600) стали символами модернизации, социальной мобильности и демократизации транспорта. Они утвердили образ автомобиля не как роскоши, а как повседневного блага, доступного широким слоям населения.

Итальянский автомобиль – это не просто объект, а носитель культурных и визуальных кодов. Каждый элемент – от хромированной отделки до конфигурации фар – тщательно проектировался с целью формирования ассоциаций с роскошью, динамикой и технологическим превосходством. За счет этого итальянские автомобили выделялись на мировом рынке и

создавали уникальный образ «Made in Italy», который не только подчеркивал эстетику, но и транслировал культурные ценности страны.

С точки зрения семиотического анализа, автомобиль стал способом передачи ценностей модернизации. Он изменил способы восприятия пространства и времени, разрушив географические и социальные границы [2, с. 221]. Автомобиль позволил итальянцам не только исследовать собственную страну, но и переосмыслить свое место в мире.

По мере роста числа автомобилей на дорогах Италии менялся и национальный ландшафт: города адаптировались под автомобильный транспорт, появились новые магистрали и инфраструктура. Машина стала важным элементом культурной памяти, объединяя регионы и способствуя культурной интеграции.

Кроме того, автомобиль выступил символом свободы для женщин и стал стимулом молодежной культуры, предоставляя молодым людям возможность избежать родительского контроля [2, с. 222].

Приобретенная мобильность открыла молодежи возможность встречаться в самых разных местах, что способствовало расширению социальных связей за пределами семейного и соседского окружения. Это стало важным поворотным моментом для поколения, поскольку изменения затрагивали все регионы страны.

С 1970-х годов итальянская автомобильная промышленность претерпела значительные изменения. Автомобиль сохранял престижный статус символа модернизации, но уже становился частью массового потребления.

Появление компаний вроде Italdesign ознаменовало переход к более рационализированному производству, ориентированному на доступность и функциональность при сохранении национальной эстетики (например, Fiat 127, Lancia Beta) [2, с. 220].

Рост глобальной конкуренции и изменение потребительских предпочтений привели к снижению рыночных позиций итальянских производителей. Автомобиль терял свою элитарную символику, становясь атрибутом повседневной жизни. В 1980–1990-х годах кризис углубился: Fiat монополизировал рынок, нивелируя идентичность таких брендов, как Lancia и Alfa Romeo. Успешные, но утилитарные модели (Fiat Panda, Uno, Punto) закрепили образ автомобиля как практичного средства, а не носителя статуса.

При этом премиум-сегмент, представленный такими автомобилями как Ferrari и Maserati, продолжал олицетворять итальянскую мечту и эксклюзивность. К концу 1990-х автомобиль в Италии стал амбивалентным символом: он выражал как стремление к свободе и успеху, так и утрату культурной уникальности в условиях глобализации. Дизайн сохранял

роль маркера национальной идентичности, но его связь с престижем ослабевала, уступая место массовым ценностям.

Таким образом, итальянский дизайн олицетворяет диалог между прошлым и настоящим, локальным и глобальным, ремеслом и промышленностью. Это не только экономическое явление, но и культурный текст, в котором закодированы ценности, история и идентичность Италии. В условиях глобализации он продолжает служить символом, обладающим способностью к адаптации и олицетворяющим инновации, а также постоянный поиск новых способов и форм самовыражения.

Библиографические ссылки

1. Fancy a bit of Bitossi? // Financial Times. URL: <https://www.ft.com/content/30c35543-87a4-4c62-bd8a-1d9585542d9e>. – (date of access: 20.04.2025).
2. Made in Italy: rethinking a century of Italian design / ed. by G. Lees-Maffei, K. Fallan. London: Bloomsbury Academic, 2014. – 325 p.

«ЛИТЕРАТУРА ПАМЯТИ» И ПРОБЛЕМА ТЕОДИЦЕИ В ТВОРЧЕСТВЕ ПРИМО ЛЕВИ

Я. А. Федорович

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030,
г. Минск, Беларусь, yanafedorovich01@gmail.com
Научный руководитель – Г. В. Синило, кандидат филологических наук, доцент,
профессор кафедры культурологии*

В статье рассматривается творчество итальянского писателя Primo Levi, (романы «Канувшие и спасенные» и «Человек ли это?») как образец «литературы памяти» – особой формы культуры памяти о Холокосте. Внимание писателя сосредоточено на проблеме теодицеи – проблеме оправдания Бога перед лицом необъяснимого зла.

Проводится параллель между философскими взглядами П. Леви и антитеодицей Э. Левинаса и Т. Адорно. Показано, что П. Леви поднимает вопрос о невозможности философского или религиозного оправдания Холокоста и предлагает переосмысление этих событий через призму человеческой вины и ответственности.

Ключевые слова: П. Леви; Холокост; проблема теодицеи; «литература памяти»; культурная травма; антитеодицея Э. Левинаса и Т. Адорно.

До трагических событий XX века теодицея заключалась в том, чтобы оправдать Бога и созданный Им мир перед лицом страданий и гибели невинных.

Однако трагедия Второй мировой войны, гибель миллионов, события Холокоста дали возможность поставить под сомнение такое классическое видение теодицеи.

В романах-свидетельствах «Человек ли это?» и «Канувшие и спасенные» итальянский писатель Primo Levi не предлагает готовых ответов или философских построений, но предоставляет читателю честный и беспристрастный отчет о своем опыте выживания в аду.

Он исследует моральные дилеммы, с которыми сталкивались заключенные, анализирует механизмы системы уничтожения и, самое главное, задает вопрос о человеческой природе и ее границах. Эти романы, относящиеся к «литературе памяти», являются одним из способов конструирования и переживания травмы Холокоста.

Литература о Холокосте в форме мемуаров и автобиографий – «литература памяти» – предлагает свой взгляд на человеческие страдания через неприукрашенные, безжалостные факты и беспристрастные исторические отчеты. Она также показывает, как выжившие объясняли себе смысл Холокоста. Основная проблема «литературы памяти» в применении к Холокосту заключается в крушении языка.

Язык, созданный для описания обыденного мира, оказывается бес-
сильным перед лицом беспрецедентной жестокости, систематического
уничтожения и абсолютной дегуманизации, которые характеризовали Хо-
локост.

Начать описывать Холокост, облекать его в слова – значит сделать
его возможным для понимания.

Это привело к разрушению привычных значений слов, которые пере-
стали отражать реальность: «Крушение языка порождает ощущение несо-
гласованности в картине мира, в результате чего отдельные явления ока-
зываются выключены из связей, которые устанавливало для них созна-
ние...» [5, с. 10].

В связи с этим перед писателями возникает вопрос: как найти язык,
способный передать этот чудовищный опыт пребывания «на дне»?
П. Леви сам часто подчеркивает трудности литературного представления
Холокоста: «Сумели ли мы, вернувшиеся, понять сами и понятно объяс-
нить другим наш опыт? Обычно под словом “понять” мы подразумеваем
“упростить” <...>

Поэтому мы вынуждены превращать познаваемое в схему: для этой
цели у рода человеческого имеются удивительные инструменты, вырабо-
танные им в процессе эволюции, – язык и концептуальное мышление» [2,
с. 36].

В прозе Леви отсутствуют частые обращения к сложным средствам
художественной выразительности, события «ночи» сообщаются лако-
нично, они не нуждаются в интерпретации или комментариях.

П. Леви стремится к максимальной объективности и точности в опи-
сании событий.

В романе «Человек ли это?» присутствует описание реальных дета-
лей, структуры лагеря, распорядка дня, системы уничтожения.

В силу того, что Леви не был верующим человеком, в его романах не
часто встречаются размышления о Боге. Он краток, лаконичен, но вместе
с тем в его романах-свидетельствах неявно, но звучит проблема теодицеи,
проблема оправдания Бога.

Основным эпизодом, в котором раскрывается отношение Леви к Богу
является описание ночи после селекции.

Один из заключенных благодарит Бога за то, что его не выбрали:
«Надев на голову шапку, истово кланяясь, он громким голосом благодарит
Бога за то, что его не отобрали. <...>

Разве Кун не знает, что в следующий раз – его очередь? Неужели он
не понимает, что сегодня сделана была великая мерзость, которую ника-
кой молитвой не замолить, никаким искуплением не искупить, за которую
виновным никогда не выпросить прощения?

Если бы я был Богом, то швырнул бы эту молитву Куна обратно на землю» [3, с. 155].

Леви возмущен молитвой Куна, так как, называя Бога автором своего временного спасения, он явно игнорирует человеческую ответственность за всю систему уничтожения людей, вину тысяч и тысяч людей, которые сделали этот чудовищный по своему замыслу отбор возможным.

Последняя строка этого отрывка предполагает, что молитва Куна является оскорблением не только погибшего Беппо, но и Бога.

Упрощенный взгляд Куна на мир, предполагающий, что все происходящее приписывается Богу (и даже зло), должно быть, по мнению Леви, оскорбительным для Него.

Критика Леви неявной теодицеи Куна – как оскорбительной для тех, кто пострадал во время Холокоста, и богохульной из-за его неявного приписывания Богу авторства зла Холокоста – находит параллель в критике теодицеи Левинасом и Адорно.

В отличие от традиционной философии, стремящейся к постижению бытия, Левинас ставит во главу угла «этику Другого».

Ответственность за Другого становится первичной и безусловной: «Наша способность к “ненасытимому состраданию” (выражение Достоевского), состраданию Другому, приходящему к нам во всей обнаженности как Лицо, является для Левинаса доказательством бытия (хотя слово это непригодное) Бога» [4, с. 14].

Страдание Другого – это вызов моей совести, призыв к действию.

Подобные мысли звучат и у П. Леви: «...стратегия сопротивления в лагере и лагерю ... состоит в том, чтобы ни от чего не отворачиваться, поддерживать, развивать способность смотреть на себя глазами другого, а значит, утверждать этого другого как личность, как существующего» [2, с. 302].

Именно в страдании Другого проявляется его уязвимость и потребность в помощи. Страдание становится поводом для этического поступка.

Т. Адорно принадлежат слова о невозможности поэзии и даже жизни после Освенцима [1].

В Освенциме традиционное понимание жизни и смерти теряет смысл: человек превращается в обезличенную вещь, лишенную достоинства, чувств и целей, жертву бездушной машины уничтожения: «...больше не существует самой возможности появления смерти в жизни отдельного человека как того нечто, которое сообразно процессу его жизни.

Индивид лишается последнего, самого скудного из того, что ему еще осталось в жизни» [1, с. 322].

Зло для Адорно – бессмысленное, беспощадное и всепоглощающее явление, за которое несет ответственность сам человек, создавший этот ад.

Несмотря на свою нерелигиозность, П. Леви в каждом из своих произведений ставил вопрос о возможности веры во время и после Холокоста. Он говорит: «Католические и протестантские священники, раввины всех направлений, воинствующие сионисты, свидетели Иеговы, наивные или зрелые марксисты – все они были объединены спасительной силой своей веры. <...>

Их голод отличался от нашего: он был божественным наказанием, искуплением, исполнением обета или отрыжкой загнивающего капитализма.

Страдание – собственное или окружающих – имело для них свое объяснение, а потому отчаяние их не было безграничным» [2, с. 202].

Для убежденного атеиста была недоступна спасительная вера, которой обладали другие заключенные, все ужасы концлагеря он проходил один, но в условиях лагеря смерти смысл, даруемый верой, способен стать жизненно необходимым механизмом выживания, оберегающим душу от бездны отчаяния.

На протяжении всей жизни после освобождения Леви задавался вопросом о своем спасении: «Я был отмечен, избран. На меня, неверующего, ставшего бесповоротно неверующим после Освенцима, сошла благодать, я оказался спасенным.

Но почему именно я?» [2, с. 105].

Хотя Леви и отвергает религиозные объяснения и свое спасение считает чистой случайностью, он все же продолжает задаваться вопросом «Почему именно я?».

Он допускает мысль о «воле Провидения» и «благодати», но не делает из этого шаг к вере – скорее, он констатирует как парадоксальный факт.

Таким образом, разрушение теодицеи требует переноса акцента на антроподицею, то есть оправдание человечества. Но Леви не стремится к оправданию.

Он отвергает попытки приписать страдания Божественному замыслу, считая это этически неприемлемым.

Позиция Леви оказывается созвучной философским концепциям Э. Левинаса и Т. Адорно: зло Освенцима нельзя оправдать, его можно лишь признать и не допустить забвения.

Произведения Леви – это этическое свидетельство и вызов: помнить, не упрощать и не забывать.

Библиографические ссылки

1. Адорно, Т. Негативная диалектика. После Освенцима / Научный мир, 2003. 374 с.

2. *Леви, П.* Канувшие и спасенные / Новое издательство, 2010. 318 с.
3. *Леви, П.* Человек ли это? / М.: Текст: Дружба народов, 2001. 208 с.
4. *Левинас, Э.* Время и Другой. Гуманизм другого человека. / СПб. Высш. религиоз.-филос. шк., 1998. – С. 10–104.
5. *Рымарь, Н. Т.* Проблема аутентичности художественного высказывания в ситуации кризиса языка в XX в. / Самара: Самарский государственный университет, 2013. 53 с.

РЕМЕДИАЦИЯ И АДАПТИВНОСТЬ В ВИЗУАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ НА ПРИМЕРЕ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ОЛИМПИЙСКОГО БРЕНДИНГА

А. П. Цыбулько

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, fsc.cybulko@bsu.by
Научный руководитель – О. В. Чумакова, магистр дизайна*

Данная статья посвящена исследованию влияния феноменов ремедиации и адаптивности на визуальную идентичность. Рассматривается влияние, оказанное цифровыми медиа на современную визуальную культуру, а также как трансформируются визуальные принципы презентации масштабных событий, на примере визуальных коммуникаций Олимпийских игр.

Ключевые слова: новые медиа, ремедиация, адаптивность, визуальная идентичность, визуальные коммуникации, медиадизайн.

Цифровые технологии существенным образом повлияли на многие сферы деятельности, включая дизайн. Среди трансформаций, происходящих с визуальной культурой, немаловажное значение имеют те, что связаны с понятиями ремедиации и адаптивной модульности. Первое из которых было сформулировано Дж. Д. Больтером и Р. Грузиным в работе 1999 года «Ремедиация. Понимание новых медиа» [1], другое – в концепции адаптивной модульной идентичности [2].

Дж. Д. Больтер и Р. Грузин определяют ремедиацию как «представление одного медиа в другом», имея в виду, что новые цифровые медиа репрезентуют старые, заимствуя и переосмысляя их формы [1, с. 45].

Ремедиация в свою очередь включает в себя иммедиацию и гипермедиацию. Иммедиацией авторы называют «стиль визуального представления, целью которого является заставить зрителя забыть о присутствии медиума <...> и поверить в то, что он находится в присутствии репрезентируемых объектов» [1, с. 272-273].

Авторами утверждается, что в этом случае «пользователь будет перемещаться по пространству, «естественно» взаимодействуя с объектами, как это происходит в физическом мире» [1, с. 23].

Обратным примером иммедиации Болтер и Грузин приводят гипермедиацию (hypermediacy букв. «сверхопосредованность»), «стиль визуального представления, целью которого является напоминание субъекту о присутствии медиума / посредника» [1, с. 272].

Описываемые понятия оказывают значительное влияние на образный язык, который складывается в визуальных практиках этого периода.

Так, в дизайне ремедиация проявляется как стремление к прозрачной передаче образов (иммедиация) или, наоборот, к проявлению средств медиа (гипермедиа), но всегда предполагает взаимовлияние формата и содержания.

Понятие адаптивной модульной идентичности объединяет принципы гибкости и модульности.

Авторы определяют модульность, как «способность разбивать графическую идентичность – логотип, типографику, цвет и графические элементы, – на независимые фиксированные элементы, модули, которые затем могут быть по-разному комбинированы без добавления новых компонентов» [2].

В контексте адаптивной визуальной идентичности указанное определение позволяет рассматривать бренд уже не как статичный знак, а как систему взаимосвязанных блоков, в которой постоянные модули сохраняют узнаваемость, а их вариативные сочетания обеспечивают необходимую гибкость и возможность трансформации под различные медиа и задачи.

Кроме того, интерактивность, как единица адаптивной идентичности, подразумевает и активное вовлечение пользователя путем применения модулей в различных комбинациях, и допускает участие пользователя в процессе их рекомбинации.

Лев Манович в «Языке новых медиа» описывает «интерактивность» как ключевой механизм вариативности цифровых медиа, определяя ее как свойство технологии, позволяющее пользователю влиять на форму и содержание сообщения.

Интерактивность предоставляет пользователю различные пути выбора и непосредственного влияния на медиа-объект [3, с. 73], когда каждое взаимодействие с контентом приводит к появлению новой версии сообщения или сюжетной ветви.

Описанные теоретические концепции лежат в основе современных моделей дизайна, способствуя их адаптации к разнообразным каналам и форматам, присущим цифровой эпохе.

Наглядной демонстрацией влияния описанных феноменов в дизайне служат визуальные коммуникации Олимпийских игр XXI века.

В границах которых создаются условия для демонстрации, тестирования и внедрения новых визуальных систем.

Олимпийские игры как событие, понимается как социально-культурный феномен, объединяющий разнообразные коллективные практики, и выступает в роли катализатора культурного производства.

Олимпийская идентичность становится механизмом переосмысления и тиражирования культурных знаков в самых разных контекстах, что поз-

воляет рассматривать Игры как репрезентативную модель эволюции визуальной коммуникации в условиях переменчивых социальных и технологических реалий.

Для знаково-информационных систем Олимпийских игр XXI века рассматриваемые понятия выполняют следующую роль: ремедиация позволяет переосмыслить традиционные национальные и исторические символы в цифровую мультимедийную среду; интерактивность – превратить зрителя в соавтора, предоставив ему инструменты для активации и персонализации визуального контента; модульная идентичность – обеспечивает единство и гибкость системы, позволяя поддерживать масштабируемость и вариативность на всех носителях.

Истоки адаптивной модульности в контексте Олимпийских игр были заложены на Играх в Токио 1964 года, где в пиктограммах впервые была реализована единая геометрическая сетка.

В цифровой среде модульность приобретает статус организационного принципа: автономные модули адаптируются к новым технологическим и медиаформатам, оставаясь взаимосвязанными в рамках единой системы.

На Олимпийских играх в Сиднее в 2000 году студия Saunders Design Group развила данный принцип, интегрировав в модульную систему национальные символы, форму «бумеранга» и «силуэт Оперы», что позволило пиктограммам сохранять узнаваемость при применении на различных носителях.

В проекте визуальных коммуникаций для Олимпийских игр в Лондоне в 2012 году модульность обретает свойства саморегулируемой и трансформируемой структуры.

Визуальные элементы начинают функционировать не как закрытые графические единицы, предназначенные для репликации в заданных форматах, а как способные к перекодировке, анимации и автономному распространению элементы.

Этот проект демонстрирует сочетание принципов гипермедиации и модульности.

Логотип, созданный по единому набору композиционных и цветовых правил, обнажает механизмы медиакодирования: отдельные фрагменты знака функционируют как самостоятельные визуальные сегменты, пригодные для анимации и вариативной визуализации.

Система оказалась высоко адаптивной: графические паттерны и типографические фразы сохраняли целостность при применении на различных носителях: от малоформатного интерфейса приложений до крупноформатных уличных инсталляций, при этом материально-вещественные системы, расширяясь, были дополнены электронными.

Эмблема Олимпийских игр в Рио в 2016 году, выполненная в трёхмерном формате, демонстрирует принцип гипермедиации через сознательную визуализацию технологической структуры полигональной сетки и рендеров.

Согласно концепции вариативности Л. Мановича, повторяемые элементы могут функционировать независимо, сохраняя при этом визуальную связность системы.

Модульная организация логотипа допускает автономное использование каждой из трёх составляющих логотипа.

Подобный подход был реализован и на Играх в Токио в 2020 году, впервые были задействованы анимированные официальные спортивные пиктограммы: каждая из 73 пиктограмм получила циклическую анимацию и AR-версию в мобильном приложении, что перевело их в ранг мультимедийных объектов.

Можно сказать, что визуальная идентичность перешла к динамическому взаимодействию.

Анимации были интегрированы в церемонию открытия и цифровые трансляции, а также использовались в социальных сетях как брендированный контент, тем самым способствуя углублению вовлечённости аудитории.

В этом проявляется эффект ремедиации: трансформация традиционных пиктограмм в мультимедийные объекты усиливает культурный и эмоциональный резонанс бренда. Динамичность визуальной идентичности стала основополагающим принципом для проектирования визуальных систем.

На Играх в Париже 2024 года принципы ремедиации, адаптивной модульной идентичности и интерактивности реализуются посредством так называемого «кругового дизайна», который предполагает многократное переиспользование и переработку визуальных компонентов в различных контекстах, снижая потребление ресурсов и минимизируя отходы, при этом обеспечивая непрерывную адаптацию и обратную связь.

Ремедиация здесь заключается в ретрансляции культурных смыслов через трансформацию визуальных мотивов.

Адаптивная модульность реализуется через проектирование пиктограмм, изначально рассчитанных на различные сценарии применения.

Каждый знак сохраняет базовые геометрические элементы визуальной идентичности, но способен менять визуальные параметры, вроде цвета, масштаба или анимации, в зависимости от носителя и задачи.

Интерактивность в рамках кругового дизайна предполагает, что пользователи становятся активными участниками постоянного цикла обновления визуальной идентичности.

В результате принцип интерактивности выступает ключевой составляющей идентичности, где каждое действие пользователя становится источником новых визуальных решений и частью циклического процесса ремедиации и модульного обновления.

Рассматриваемые тенденции присутствуют и в проектах визуальных коммуникаций для будущих Олимпийских игр.

Так, ключевым элементом визуальной идентичности Олимпийских игр в Милан-Кортине 2026 года становится визуальный паттерн «Vibes» – формы, вдохновлённые жестами итальянской культиурной традиции и авангардными практиками.

Предметно-символические жестовые модули интерпретируют семиотические коды тела как универсальный язык визуальной коммуникации и могут переупорядочиваться в зависимости от пользовательских сценариев.

Графический паттерн «Vibes» формирует основу для адаптивных и динамичных визуальных решений, которые способны эволюционировать в соответствии с техническими возможностями и потребностями аудитории.

В проекте визуальных коммуникаций для Олимпийских игр в Лос-Анджелесе 2028 года центральная буква «А» трансформируется в кинетический знак – форма, цвет и текстура которого изменяются в зависимости от пользовательских действий и курируемых визуальных стилей.

Такой подход основан на принципах адаптивного анимационного брендинга.

Ремедиация проявляется через иммедиацию: буквы логотипа воспринимаются как неотъемлемая часть повседневного пространства.

Модульность раскрывается в способности сохранять целостную структуру знака при условии точечной модификации его отдельных элементов.

Анализ визуальной идентичности на примере Олимпийских игр демонстрирует устойчивую трансформацию от фиксированных знаков к медиасистемам.

При этом два ключевых принципа – ремедиация и адаптивность – образуют основу этой трансформации.

Ремедиация позволяет интегрировать исторические и культурные символы в цифровую среду, обеспечивая при этом преемственность и узнаваемость.

Адаптивность, в свою очередь, превращает визуальную идентичность в платформу, способную к многовариантному существованию и гибкому обновлению в зависимости от контекста и технологических условий.

Библиографические ссылки

1. *Bolter J. D., Grusin R.* Remediation: Understanding New Media. Cambridge (MA) : MIT Press, 1999. 228 p.
2. *Martins N., Brandão D., Raposo D.* Dynamic Visual Identities: Exploring Variation Mechanisms to Achieve Flexibility // Perspectives on Design and Digital Communication. 2021. P. 91–104.
3. *Манович Л.* Язык новых медиа. М. : Ad Marginem Press, 2018. 400 с.

ЮРИДИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

СОЦИАЛЬНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ СУБЪЕКТОВ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

У. И. Адамич

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, ua80908@gmail.com*

Научный руководитель – А. М. Синицына, кандидат юридических наук, доцент

В статье проанализирована роль гражданского общества как субъекта социальной ответственности. Рассмотрены примеры реализации данного принципа гражданами, общественными объединениями Республики Беларусь. Автором исследованы предпосылки и перспективы деятельности субъектов гражданского общества, изучено его взаимодействие с органами государственной власти как реализация принципа социальной ответственности.

Ключевые слова: гражданское общество, социальная ответственность, гражданин, совершенствование законодательства.

В соответствии с решением республиканского референдума от 27 февраля 2022 года статья 21 Конституции Республики Беларусь была дополнена положением о том, что каждый должен проявлять социальную ответственность, вносить посильный вклад в развитие общества и государства [1].

В юридической науке на сегодняшний день отсутствует единый подход к определению сущности, содержания и субъектов социальной ответственности, некоторые ученые даже утверждают, что социальная ответственность лежит вне правового поля, что только подчеркивает актуальность исследования данных вопросов.

Социальная ответственность является важным элементом современного общества и его механизмом функционирования. Она охватывает множество сфер, включая политическую, экологическую, экономическую, социальную и др. В связи с этим представления о субъектном составе социальной ответственности имеют тенденцию к расширению. Сегодня в качестве таковых рассматриваются граждане, государство, субъекты хозяйствования, общественные объединения, профсоюзы, гражданское общество и др.

Вместе с тем, социальная ответственность субъектов гражданского общества, особенности ее проявления не подлежали комплексному научному осмыслению. В связи с этим нами будет предпринята попытка оха-

рактизовать содержание социальной ответственности отдельных субъектов гражданского общества (индивидуальных и коллективных).

Согласно ст. 1 Закона Республики Беларусь от 14.02.2023 № 250-З «Об основах гражданского общества» (далее – Закон «Об основах гражданского общества») под субъектами гражданского общества понимаются объединения граждан или юридических лиц на основе членства вне зависимости от количественного, территориального или иного ценза, уставная деятельность которых направлена на решение основных задач взаимодействия государственных органов (организаций) и гражданского общества, указанных в статье 4 данного Закона [3].

Однако субъектами гражданского общества, безусловно, являются не только объединения граждан или юридических лиц, но и каждый гражданин в отдельности. На уровне программных документов делается акцент на необходимость повышения социальной ответственности граждан. Например, в соответствии с Директивой Президента Республики Беларусь от 9 апреля 2025 г. № 12 «О реализации основ идеологии белорусского государства», повышение социальной ответственности граждан является одной из основных задач идеологической работы [2].

Социальную ответственность граждан можно также с позиции узкого подхода определить как необходимое и глубоко осознанное отношение к общественным требованиям, которое сочетает личные и общественные интересы и проявляется в добросовестной, творческой и ориентированной на результат деятельности [4, с. 89-96].

Нами будет рассмотрен вопрос о социальной ответственности субъектов гражданского общества при осуществлении взаимодействия с государственными органами (организациями). Такое взаимодействие складывается по поводу обеспечения гражданского (народного) единства, независимости, государственного суверенитета и территориальной целостности Республики Беларусь, содействия дальнейшему развитию Республики Беларусь как демократического социального правового государства.

Закон «Об основах гражданского общества» определил, что отдельные субъекты гражданского общества могут осуществлять взаимодействие с государственными органами (организациями) в особых формах. К числу таких субъектов гражданского общества относятся республиканские общественные объединения, численность совершеннолетних членов которых составляет не менее 100 000 граждан (для субъектов гражданского общества – общественных объединений); объединения не менее половины зарегистрированных в Республике Беларусь профессиональных союзов (для субъектов гражданского общества – профессиональных союзов). Одной из форм взаимодействия данных субъектов

гражданского общества с государственными органами (организациями) является избрание делегатов Всебелорусского народного собрания (далее – ВНС).

При этом следует отметить, что, исходя из анализа положений ст. 96¹⁰ Избирательного кодекса, можно сделать вывод о том, что участие в выдвижении и выборах делегатов – это право, а не обязанность субъектов гражданского общества. Вместе с тем, реализацию данного права можно рассматривать как проявление социально ответственного поведения субъектов гражданского общества.

Еще одной особой формой взаимодействия субъектов гражданского общества и государственных органов (организаций) является выработка предложений для вынесения на обсуждение ВНС.

Реализацию данного права на практике и инициирование рассмотрения вопросов через избранных делегатов на заседаниях ВНС также можно считать возможной формой проявления социальной ответственности.

Это позволит гражданскому обществу влиять на ключевые решения и способствовать достижению общественного консенсуса по важным вопросам развития страны.

Можно утверждать, что сегодня в Республике Беларусь взят курс на повышение социальной ответственности индивидуальных и коллективных субъектов гражданского общества.

Причем эта задача решается за счет воздействия одних субъектов гражданского общества на других. Так, согласно Закону «Об основах гражданского общества» одной из важнейших задач субъектов гражданского общества является повышение гражданского самосознания, политической культуры и социальной ответственности граждан.

По состоянию на 1 января 2025 г. в нашей стране зарегистрировано 1397 общественных объединений и 19 профсоюзов.

Следует отметить, что в учредительных документах общественных объединений, как субъектов гражданского общества, как правило, отсутствует закрепление социальной ответственности как принципа деятельности и взаимодействия с государственными органами (организациями). Вместе с тем, задачи, связанные с содействием повышению социальной ответственности граждан, формированию социально ответственного государства находят отражение.

Например, в Уставе ОО «Белорусский союз женщин» списке задач Союза фигурирует та, которая непосредственно направлена на реализацию принципа социальной ответственности: Союз в своей деятельности содействует «повышению гражданского самосознания, политической культуры и социальной ответственности женщин». В свою очередь, в

Уставе общественного объединения «Белорусский республиканский союз молодежи» по тексту не используется словосочетание «социальная ответственность». Но исходя из комплексного анализа задач, можно утверждать, что объединение в своей деятельности основывается на принципе социальной ответственности, содействует повышению ее уровня среди своих членов.

Представляется, что в целях развития и усиления конституционных положений о социальной ответственности, в Законе «Об общественных объединениях», Законе «О профессиональных союзах» следует закрепить в качестве принципа деятельности общественных объединений и профессиональных союзов принцип социальной ответственности. Закрепление данного принципа стало бы важным шагом в достижении задач, поставленных данными субъектами гражданского общества, подчеркнуло бы приверженность принципу социальной ответственности в их взаимоотношениях с обществом, государством (в лице государственных органов и должностных лиц), членами и т.д.

Подводя итог вышеизложенному, следует отметить, что социальная ответственность включает понимание последствий своих действий (включая реализацию прав, исполнение обязанностей) или бездействий (включая отказ от реализации прав, исполнения обязанностей) для себя лично, а также для общества и государства.

Библиографические ссылки

1. Конституция Республики Беларусь от 15 марта 1994 г. № 2875-XII : в ред. от 17.10.2004 (с изменениями и дополнениями, принятыми на республиканских референдумах от 24 ноября 1996 г., 17 октября 2004 г. и 27 февраля 2022 г. и в ред. Закона от 12 октября 2021 г.) // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2025.

2. О реализации основ идеологии белорусского государства : Директива Президента Республики Беларусь от 9 апреля 2025 г. № 12 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2025.

3. Об основах гражданского общества : Закон Республики Беларусь 14 февраля 2023 г. № 250-З // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2025.

4. Мишурова, О. И. Ответственность как социальное явление // Вести. Сей.(Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки, 2021. Т. 21, № 5. С. 89-96.

УПРОЩЕННОЕ ПРОИЗВОДСТВО В ЦИВИЛИСТИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

А. И. Александрова

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, alexalina03@mail.ru
Научный руководитель – О. Н. Романова, кандидат юридических наук, доцент*

В данной статье рассматриваются основные положения и значимость нового Кодекса гражданского судопроизводства Республики Беларусь, вступающего в силу 1 января 2026 года. Одной из предложенных ключевых новаций является введение института упрощенного производства в гражданском процессе.

Ключевые слова: упрощенное производство; общеисковое производство; принцип диспозитивности; Кодекс гражданского судопроизводства.

SIMPLIFIED PROCEEDING IN THE CIVIL PROCESS OF THE REPUBLIC OF BELARUS

A. I. Alexandrova

*Belarusian State University, Nezavisimosti Av., 4,
220030, Minsk, Belarus, alexalina03@mail.ru
Supervisor – O. N. Romanova, Candidate of Science*

The article discusses the main provisions and significance of the new Code of Civil Procedure of the Republic of Belarus, which will enter into force on January 1, 2026. One of the key innovations offered is the introduction of the institution of simplified procedure in civil proceedings.

Keywords: simplified proceeding; claim proceeding; principle of optionality; Code of Civil Procedure.

A simplified proceeding is a form of claim proceeding in which court cases are considered without a court hearing and the need to summon the parties. The characteristics of a simplified proceeding include several distinctive features, which are part of our research.

A mandatory list of cases can only advance with the consent of the parties involved, namely – the request of one party or initiative of the court, provided both parties agree. These cases adhere to general claim proceeding rules while incorporating specific simplifications. Initiation of a case via filing of a statement of claim means providing safeguards to protect the rights of involved parties, including the ability to transition to a standard claim

proceeding when necessary. Deadline for evidence submission implies that evidence shall be submitted within a 10-day timeframe, with cases typically considered without the parties present, primarily relying on documented records.

An analysis of these characteristics allows us to identify the presence of some features of the principle of optionality. It manifests itself in the free disposal by the process participants of their rights. The latter affects the subject of the dispute (withdrawal of the claim, change of its subject or basis, increase or decrease of the amount of the claim, recognition of the claim by the defendant) or affects the emergence and progress of the case in court (connection with the expression of the will of the participants) [1].

In the draft Code of the Civil Procedure of the Republic of Belarus (hereinafter – CCP), the principle of optionality was subject to significant restrictions. In other words, the expression of the parties' will, their objections could not affect the fact that claims with a small claim value had to be imperatively considered in a simplified proceeding. The court had to independently determine whether the claim filed by the plaintiff fell under the categories of cases considered within the framework of a simplified proceeding.

However, such regulation was criticized, which led the legislator to make a conclusion on possibility of extending the consideration of the expression of the will of the parties to all claims, including those set out in Part 1 of Article 339 of the draft CCP. Therefore, the CCP provides for the possibility of the parties' refusal to consider the case in a simplified proceeding. Such a refusal entails a transition to the consideration of the case in a general claims proceeding.

The legislator also provided for the possibility of considering any claim cases in a simplified proceeding at the request of one of the parties and with the consent of the other party or on the initiative of the court with the consent of the parties.

In our opinion, the consent of the parties to consider the case in a simplified manner should be clearly traced from the statement of the party and should not raise any doubts. It seems that the failure to receive objections from one of the parties or from both parties (if the initiative for such consideration comes from the court) cannot be regarded as consent to the consideration of the case in the analyzed manner.

One of the manifestations of the principle of optionality is the possibility for the plaintiff to increase or decrease the claims. This right is of particular importance for a simplified proceeding. Currently, the legislator, when introducing a simplified procedure, does not disclose the consequences of the plaintiff's appeal to this right.

Thus, the legislator, when listing the circumstances that entail a mandatory transition to litigation, did not mention the increase in claims, in which the case, which initially fell under the categories of cases listed in Part 1 of Article 339 of the Civil Code, ceased to correspond to them. In our opinion, the legislator should include such an increase in claims in the list of circumstances set out in Part 4 of Article 339 of the Civil Code [2].

At the same time, it is necessary to provide a clause that if the parties agree to consider the increased claims in a simplified manner, the court has the right to consider them in the initiated proceeding without moving to the claim. This would reduce the costs and time of the participants in the process.

At the same time, there is no provision on what the court should do if the case is already being considered in the claim proceeding, but after the reduction of the claims, it began to fall under the category of cases mandatory for consideration in a simplified manner, that is, the price of the claim began to correspond to the range of up to 300 or up to 1000 basic units.

It seems that in such a situation, the consideration of the case in the claim proceeding should be continued, except in the case of the parties filing a motion to move to a simplified proceeding.

It is necessary to dwell separately on the implementation by the parties of such a dispositive right as the right to conclude a settlement agreement. According to Part 2 of Article 340 of the Civil Code, the judge in the determination on initiation must indicate the possibility of settling the dispute through reconciliation, which emphasizes the importance of such authority of the parties [2].

Due to the fact that approval of a settlement agreement is possible only in a court session, it is not possible to implement it only on the basis of recorded documents.

At the same time, in such a case, the court should not nevertheless make the transition to litigation, but should hold a court session to which the parties to the dispute are summoned, remaining in a simplified proceeding, since the transformation of the process can only entail unnecessary time costs for the parties and the court.

As a result of the research it was observed that a simplified proceeding is a type of claim proceeding, characterized by the absence of summoning the parties and court hearing, as well as the use of written evidence and a formalized procedure for their submission to the court.

Legislators should revise existing regulations to allow for increased claims in simplified proceeding with the agreement of both parties. Additionally, cases that fall under mandatory simplified categories after a

claim reduction should continue in claim proceeding unless a motion to switch is filed. When approving a settlement, courts should remain in simplified proceeding to avoid unnecessary delays.

References

1. *Kashitskaya, E.* Limits of dispositiveness / E. Kashitskaya // Russian legal newspaper "ezh-YURIST". 2011. No. 30. URL: <https://wiselawyer.ru/poleznoe/51822-predely-dispozitivnosti> (access date: 25.04.2025).

2. Code of Civil Procedure: March 11, 2024, No. 359-Z: adopted by the House of Representatives on January 31, 2024; approved by the Council of the Republic on February 19, 2024 // ETALON. Legislation of the Republic of Belarus / National Center for Legal Information. Republic of Belarus (access date: 25.04.2025).

ДОГОВОР СТРОИТЕЛЬНОГО ПОДРЯДА: ПРОФОРМЫ FIDIC

Е. С. Алексиевич

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, aleksiyevich.katrina@yandex.ru
Научный руководитель – Ж. П. Карпенко, преподаватель*

В работе рассмотрены и исследованы регулирование строительной отрасли в Республике Беларусь и особенности применения типовых контрактов FIDIC при заключении договора строительного подряда. Особое внимание уделено проблеме отсутствия в национальном праве института заранее оцененных убытков. Сформулирован вывод о допустимости использования контрактов и целесообразности законодательного закрепления заранее оцененных убытков для снижения правовых рисков при реализации международных строительных проектов.

Ключевые слова: строительный подряд, типовые контракты FIDIC, проформы FIDIC, договор строительного подряда, заранее оцененные убытки.

Строительная отрасль является одной из ведущих отраслей экономики, темпы роста которой увеличиваются с каждым годом. Сложность проектов, множественность участников, в том числе и в рамках международного сотрудничества, финансовые риски участников обуславливают высокую вероятность возникновения конфликтов в данной сфере.

Единые стандарты и прозрачные механизмы регулирования отношений сторон в строительстве способствуют минимизации рисков в осуществлении строительной деятельности, а также привлечению инвестиций и укреплению международного сотрудничества в строительной отрасли.

Прототип современного договора подряда появился еще в Древнем Риме – договор найма работы или *location-conductio operis*. Римские юристы различали данный договор по направленности на законченный результат [1]. На протяжении различных эпох строительное законодательство в разных странах подчинялось различным отраслям права. Оно воспринималось как «местное» право, что основывалось на подчинении скорее локальным нормам, чем определенному государственному регулированию.

Однако, с развитием технологий и переходом к более сложным проектам появилась необходимость контроля над строительством на более высоком уровне. Так, возник вопрос общественной безопасности и важности установления минимальных квалификационных требований и стандартов к качеству и условиям выполнения строительных работ [2].

В Республике Беларусь строительная деятельность урегулирована Кодексом Республики Беларусь об архитектурной, градостроительной и строительной деятельности от 17 июля 2023 г. № 289-З, Гражданским кодексом Республики Беларусь от 7 декабря 1998 г. № 218-З, нормативными правовыми актами Президента Республики Беларусь, постановлениями Совета Министров, техническими нормативными правовыми актами, техническими кодексами установившейся практики и др.

Основной гражданско-правовой формой обеспечения выполнения работ в строительстве является договор строительного подряда, который представляет собой консенсуальную, возмездную, двустороннюю (взаимную) сделку. Договор строительного подряда – это соглашение сторон, в силу которого подрядчик обязуется в срок построить по заданию заказчика определенный объект либо выполнить строительные и иные работы и сдать их заказчику, а заказчик обязуется создать подрядчику необходимые условия для выполнения работ, принять результаты этих работ и уплатить обусловленную цену.

Многие строительные компании сталкиваются с потребностью привлечения иностранного субъекта в качестве стороны договора, а также с потребностью привлечения международного финансирования своей деятельности.

Однако международная строительная деятельность сопряжена с рядом сложностей, таких, как различия в законодательстве, культурных и языковых барьерах, а также проблемы с кадрами и технологическими особенностями строительного процесса.

Правила заключения и исполнения договоров строительного подряда, утвержденные постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 15 сентября 1998 г. N 1450, содержат указание на возможность регулирования договорных отношений между сторонами при использовании проформ Международной федерации инженеров-консультантов (FIDIC). Они представляют собой итог анализа и систематизации многолетнего международного опыта заключения различных видов контрактов в строительстве. Проформы в высокой степени детализированы и затрагивают практически все вопросы, которые могут возникнуть в процессе строительства.

Национальная стандартная форма заключения договора может повлечь за собой риски для присоединившегося к ней иностранного субъекта. В свою очередь, заключение широко применимых контрактов, таких, как FIDIC, поощряется иностранными инвесторами, которые хотят максимально избежать возможных рисков. Знакомые для всего мира контракты FIDIC «повышают» уровень доверия к строительному проекту, в котором субъект желает принять участие.

Типовые контракты FIDIC благодаря своей гибкости могут быть адаптированы к конкретным условиям договора и правовым требованиям в случае необходимости. Это обуславливает их широкое применение, особенно если одна из сторон – международная организация. Так, они являются обязательными при финансировании проектов международными финансовыми и кредитными учреждениями [3]. Типовые контракты FIDIC также встречаются и в российской судебной практике.

Существуют различные виды проформ FIDIC в зависимости от вида, объема и стоимости предполагаемых работ, степени участия заказчика и подрядчика в реализации проекта. Однако, все контракты имеют общие элементы: определение задач и обязательств сторон, разделение рисков и порядок изменения контракта.

Механизм адаптации контрактов FIDIC уже заложен в самих проформах. В них выделяются Общие и Особые условия, где первые остаются неизменными и содержат положения, применимые для большинства контрактов, а вторые составляются для каждого отдельного контракта. Такая конструкция частично решает проблему адаптации типового контракта FIDIC к белорусскому законодательству.

При использовании типовых контрактов FIDIC необходимо учитывать императивные нормы белорусского законодательства и адаптировать условия контракта таким образом, чтобы они не противоречили законодательству Республики Беларусь. К таким императивным нормам относятся положения о существенных условиях договора строительного подряда, о письменной форме такого соглашения, о гарантийных сроках и др.

Так, при заключении договора с использованием проформы FIDIC, для минимизации правовых рисков, следует проводить детальный анализ всех условий контракта и предусмотреть механизмы их изменения или адаптации к особенностям белорусского законодательства.

Затруднительным видится адаптация такого положения проформы, как заранее оцененные убытки, понятие которых отсутствует в белорусском законодательстве. Заранее оцененные убытки являются Общим условием контракта. Данное условие подлежит адаптации к белорусскому праву, в противном случае данное условие может быть признано недействительным.

Типовые контракты FIDIC носят рекомендательный характер и их применение является добровольным для сторон, реализацией принципа свободы договора гражданского права. Сторонам также рекомендуется ответственно подходить к выбору соответствующего контракта FIDIC, поскольку это лучший способ избежать конфликта между контрактными условиями и нормами национального законодательства.

Таким образом, белорусское законодательство допускает заключение договоров строительного подряда с использованием типового контракта FIDIC. Также Министерством архитектуры разработаны соответствующие Методические рекомендации по применению типовых контрактов FIDIC с учетом требований законодательства Республики Беларусь в сфере строительства. Контракты FIDIC служат эффективным инструментом для международных строительных проектов в Беларуси при условии их грамотной адаптации к национальному правовому полю. Для решения возникшей проблемы по использованию заранее оцененных убытков предлагаем законодательно закрепить их понятие заранее оцененных убытков и возможность их использования лицами, осуществляющими предпринимательскую деятельность, в частности в отношениях строительного подряда.

Библиографические ссылки

1. Договор подряда / ИНТУИТ национальный открытый университет. Минск, 2003-2025. URL: https://intuit.ru/studies/professional_skill_improvements/19787/courses/879/lecture/29912?page=6 (дата обращения: 01.04.2025).
2. Experience of conclusion and performance of engineering, procurement and construction contracts in post-Soviet countries / V. Ustymenko, V. Teremetskyi, K. Bida, P. Denysyuk. Inst. de Estudios Políticos y Derecho Público "Dr. Humberto J. La Roche" de la Facultad de Ciencias Jurídicas y Políticas de la Universidad del Zulia Maracaibo, Venezuela 2022. URL: https://www.researchgate.net/publication/365315498_Experience_of_conclusion_and_performance_of_engineering_procurement_and_construction_contracts_in_post-Soviet_countries (date of access: 02.04.2025).
3. FIDIC MDB Harmonised Construction Contract // FIDIC. URL: https://fidic.org/MDB_Harmonised_Construction_Contract (date of access: 03.04.2025).

МЕСТНОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ В ТУРКМЕНИСТАНЕ: КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Т. М. Балакирева

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, tmbalakireva@gmail.com
Научный руководитель – С. Ю. Артемьев, старший преподаватель*

В статье рассматриваются конституционно-правовые основы местного самоуправления в Туркменистане. Автор определяет особую роль органов местного самоуправления в построении правового государства и повышении благосостояния общества. Анализируется система органов местного самоуправления в Туркменистане.

Ключевые слова: Туркменистан; местное самоуправление; общество; государство; Генгеши.

Политическая и управленческая ценность современной белорусской научной дискуссии о местном самоуправлении во многом определяется целеполаганием, а также некоторыми категориями мировоззренческого характера. В этой связи важно понимать, что целью системы местного самоуправления является рост уровня и качества жизни людей, т. е. развитие общего благосостояния. Само благосостояние зависит от, как минимум, двух факторов: экономического и духовного.

Для достижения данной стратегической цели необходимо выполнение комплекса задач, таких как развитие сельского хозяйства, промышленности и торговли, развитие инфраструктуры, обучение и воспитание молодого поколения, справедливое распределение налогового бремени, обеспечение социального единства и безопасности.

В условиях сложной геополитической ситуации и кризисного состояния ценностной системы (во многом «западной» системы ценностей), особенно актуальным для белорусского общества представляется изучение незападного опыта государственного строительства и социального развития в том числе опыта стран, развивающихся в рамках общих с Беларусью интеграционных объединений. В этой связи Туркменистан, который тоже стремится к повышению благосостояния своего народа, представляет особый интерес для изучения. Страна расположена в Центральной Азии – регионе с выгодными экономическими перспективами и высоким уровнем развития нематериальной культуры.

Опыт Туркменистана в обеспечении развития, преемственности, государственного строительства, нормировании баланса традиционалистского и реформаторского начал, консервативного и либерального, блокового и нейтрального поведения, демократического и недемократи-

ческого, правового и внеправового начал достоин внимания и серьезного научного исследования.

Полагаем, что анализ становления такого элемента механизма народовластия как местное самоуправление в Туркменистане также вызывает интерес в связи с тем, что опыт белорусского государственного строительства и белорусская научная дискуссия оказали определённое влияние на юридическое оформление внутренних политических процессов в этом государстве.

В конституционно-правовой доктрине выработан подход, что органы местного самоуправления – это представительные органы. Для них характерен выборный способ формирования и достаточный объем определенных полномочий.

Тем не менее понятие местного самоуправления не сводится только к деятельности таких органов.

Граждане Беларуси, например, могут осуществлять местное самоуправление и в иных формах: непосредственно (через местные референдумы), местные собрания, правотворческую инициативу, гражданскую инициативу.

Цели и задачи местного самоуправления в Туркменистане определяются Конституцией Туркменистана, принятой 18 мая 1992 г. и утверждённой в новой редакции Конституционным законом Туркменистана от 14 сентября 2016 г. (с изменениями и дополнениями, внесенными Конституционными законами Туркменистана от 9 октября 2017 г. № 617-V, 25 сентября 2020 г. № 297-VI и 21 января 2023 г. № 531-VI) и Законом Туркменистана от 20 ноября 2022 г. № 509-VI «О местном самоуправлении» (в редакции Закона Туркменистана от 16 марта 2023 г.).

Нормы, определяющие конституционные основы местного самоуправления, закреплены в отдельном разделе Конституции Туркменистана, который называется «Местное самоуправление».

В этой связи важно отметить несколько отличный подход от белорусского, где соответствующий структурный элемент (раздел) Конституции называется иначе, как следствие локализации норм, посвященных местному самоуправлению и управлению в одном разделе.

Также в Конституции Туркменистана содержится отдельная глава, посвященная местным органам государственной власти (в том числе представительным).

Нормы Конституции, посвященные местному самоуправлению, детализированы в Законе Туркменистана «О местном самоуправлении» и других нормативных правовых актах, регулирующих деятельность органов местного самоуправления, но сам феномен местного самоуправления не сводится только к деятельности данных органов.

В Туркменистане представительными органами являются халк маслахаты и Генгешы. И тот и другой термин можно перевести на русский язык как «совет».

Однако халк маслахаты по Конституции Туркменистана относятся к органам государственной власти и не входят в систему органов местного самоуправления.

Терминологически система органов местного самоуправления в Туркменистане включает Генгешы и органы территориального общественного самоуправления, которые по закону не входят в систему органов государственной власти. Таким образом, в Туркменистане реализован иной подход к определению системы органов местного самоуправления по сравнению с Республикой Беларусь.

Фундамент для построения и функционирования системы местного самоуправления устанавливают принципы местного самоуправления [1].

Статья 5 Закона Туркменистана «О местном самоуправлении» указывает, что основными принципами деятельности органов местного самоуправления являются законность, приоритет прав, свобод и законных интересов человека, гласность, самостоятельность в решении вопросов местного значения, взаимопомощь, соблюдение национальных традиций.

Закон Туркменистана «О местном самоуправлении» в ст. 1 определяет местное самоуправление как непосредственную или через представительные органы организацию деятельности граждан на основе Конституции и законов Туркменистана, исходя из интересов всего населения на соответствующей территории для самостоятельного решения вопросов местного значения и удовлетворения потребностей населения.

Согласно ст. 116 Конституции Туркменистана к полномочиям Генгешей относятся:

- 1) определение основных направлений экономического, социального и культурного развития;
- 2) формирование и утверждение бюджета, составление отчёта о его исполнении;
- 3) установление налогов и сборов, порядок их взимания;
- 4) управление принадлежащей им собственностью;
- 5) определение мер по рациональному использованию природных богатств и охране окружающей среды;
- 6) оказание содействие в охране общественного порядка;
- 7) решение иных вопросов, отнесённых законом к компетенции Генгешей.

Генгешы могут наделяться отдельными государственными полномочиями согласно закону.

Более подробно круг полномочий органов местного самоуправления закреплён в Законе Туркменистана «О местном самоуправлении».

Таким образом вследствие конституционной реформы в Туркменистане за последние 8 лет произошло серьезное обновление законодательства в области местного самоуправления, которое объективно гарантирует и нормативно определяет место местного самоуправления в государственном строе Туркменистана.

Библиографические ссылки

1. Местное самоуправление в Беларуси и зарубежных странах / Г. А. Василевич [и др.] ; под ред. Г. А. Василевича и Г. Г. Куневича. Минск: Право и экономика, 2022. 400 с.

ПРАВО И СПРАВЕДЛИВОСТЬ: БИОЭТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Д. Г. Белкова

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, darya.belkova.96@mail.ru
Научный руководитель – С. А. Калинин, кандидат юридических наук, доцент*

Статья посвящена анализу соотношения права и справедливости в биоэтическом контексте. Основное внимание уделено проблеме справедливости в сфере здравоохранения, в частности, вопросам доступности медицинских услуг и лекарств в Республике Беларусь. Объектом исследования выступают правовые и этические аспекты справедливости, а также их реализация в системе здравоохранения. Цель работы – выявить противоречия между формальным закреплением права на медицинскую помощь и реальным социальным неравенством в доступе к качественным услугам.

Ключевые слова: право; справедливость; биоэтика; доступность медицинской помощи; ценообразование в здравоохранении; социальное неравенство; государственное регулирование.

Основы понимания права и справедливости были заложены античными философами. Считается, что справедливость и право впервые связал Сократ, считающий справедливым все то, что является законным. Аристотель связывал понятие справедливости с представлением о государстве. При этом мерилom справедливости, по его мнению, выступало право, как регулирующая норма политического общения. Справедливость он рассматривал как критерий всеобщей оценки.

Идеи Аристотеля оказали существенное влияние на формирование представлений о праве и справедливости в Древнем Риме, где вопрос об их соотношении, как и в Древней Греции, возник в связи с разрешением правовых споров. Жалобы граждан Рима на несправедливые, по их мнению, решения судей способствовали развитию права - появлению распространяющихся на неопределенный круг лиц норм, регламентирующих саму процедуру судопроизводства, определяющих права, обязанности и ответственность субъектов. Справедливым стало признаваться решение, принятое с учетом всех обстоятельств дела по закону. Римским властям удалось решить задачу, которая оказалась не под силу самому Аристотелю. Справедливость гарантировалась властью. Именно она и подтверждала меру справедливости «тех или иных властных отношений». Именно власть стала проповедовать понимание справедливости как законности, гарантируя ее и применяя как в отношении публичных, так и на производных от них правоотношений. Но такое понимание соотношения права и справедливости не стало универсальным. Поиски аб-

солютной истины продолжились в средние века. Практика реализации феодального права, отражающего сословную структуру феодального общества, дало новый толчок в развитии политико-правовой мысли. Многие известные мыслители Нового времени писали о справедливых и несправедливых законах. Монтескье полагал, что «отношения справедливости предшествуют установившему их положительному закону, если существует общество людей, то справедливо, чтобы люди подчинялись законом этого общества». Совершенно иную точку зрения занимал Гоббс. По его мнению, основа всякой справедливости выражается в высшем завете, в соответствии с которым «никто не должен делать другому того, что он считал бы несправедливым, если бы другой сделал это по отношению к нему».

Принципиально новый взгляд на соотношение права и справедливости представили основоположники юридического позитивизма. Они полагали, что «естественная справедливость», «нравственное чувство», равно как и другие моральные категории, не могут использоваться для познания права, поскольку право строится на логике правовых конструкций. На ошибочность использования справедливости в качестве оценки права обращали внимание и классики марксизма. По мнению Ф. Энгельса, представители науки права делали глубочайшую ошибку, пытаясь объяснить сущность правовых систем государств «не как отражение соответствующих экономических отношений, а как системы, заключающие свое обоснование в самих себя».

Справедливость занимает достойное место в системе моральных категорий. У каждого индивида, класса, социальной группы складываются свои представления о справедливости и несправедливости. Мораль оказывается социально неоднородной и переменчивой. Ее носителями становятся все члены общества.

Может ли или должно быть право справедливым или несправедливым. Если допустить, что справедливость - правовая категория, тогда закономерно возникает вопрос о ее критериях. Мораль в отличие от права не обладает системным единством. То, что справедливым кажется для одной группы людей, окажется несправедливым для другой. Правовая реальность существует и развивается независимо от того, соответствует ли она моральным ценностям или нет, ведь нормы морали необязательны, принудительно не исполняемы.

Одно из проявлений темы права и справедливости в области биоэтики выражается в контексте стоимости медицинских услуг и лекарств и является актуальной, где система здравоохранения находится на пересечении государственной поддержки и коммерциализации. Право на доступ к медицинским услугам закреплено в Конституции Республики Бе-

ларусь. Согласно статье 45, граждане гарантированно получают бесплатное медицинское обслуживание в государственных учреждениях. Однако бесплатная медицина не всегда означает полное отсутствие финансовых затрат. Параллельно с государственной системой развивается частный сектор медицинских услуг. В частных клиниках пациенты сталкиваются с высокими ценами на услуги, которые значительно превышают средний уровень дохода большинства граждан. Это приводит к социальному неравенству, поскольку доступ к более качественному и оперативному лечению имеют только обеспеченные слои населения. Таким образом, бесплатная медицина в стране формально соблюдает принцип справедливости, но реальное неравенство в доступе к качественным услугам поднимает вопросы о практической реализации этого права.

В этой связи Правительством и Комитетом государственного контроля был утвержден план мероприятий на 2024–2025 годы по совершенствованию механизмов ценового регулирования в сфере платных медицинских услуг, недопущению необоснованного роста цен на лекарственные препараты и медицинские изделия. В результате их реализации будет пересмотрен порядок установления и применения тарифов на платные медицинские услуги, что позволит обеспечить единые подходы к формированию себестоимости платных медицинских услуг. Также Президент подписал Указ №380 от 25.10.2022, которым внесены изменения в Указ «О формировании цен на лекарственные средства, изделия медицинского назначения и медицинскую технику» №366 от 11 августа 2005 года. При этом были заданы меры эффективности: ценообразование - уход от посредничества в пользу работы напрямую с производителями и производство собственных лекарств.

Справедливость ценообразования на медицинские услуги в Беларуси можно оценивать с разных точек зрения: экономической, социальной и этической.

Экономическая составляющая в том, что государственные учреждения здравоохранения финансируются из бюджета, что позволяет предоставлять услуги бесплатно или по минимальной стоимости. Однако коммерческие клиники устанавливают цены, основанные на рыночных механизмах, что вызывает значительное расслоение.

Социальная точка зрения проявляется в связи с тем, что для большинства населения, особенно с низким уровнем дохода, такие цены являются непосильными. Это особенно остро ощущается в случае острой необходимости, когда время ожидания в государственной клинике может быть слишком долгим. С точки зрения биоэтики, цены на медицинские услуги должны быть такими, чтобы любой человек, независимо от уровня дохода, имел возможность получить необходимую помощь.

Справедливость цен на медицинские услуги в Беларуси – это сложный вопрос, который требует учёта как экономических реалий, так и этических принципов. Государственная система здравоохранения обеспечивает базовый уровень доступности, но развитие частного сектора и рост цен на специализированные услуги создают значительное социальное неравенство. Решение этой проблемы возможно только при комплексном подходе, включающем усиление государственного регулирования, развитие местной инфраструктуры и поддержку уязвимых слоёв населения.

Библиографические ссылки

1. Конституция Республики Беларусь // Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь. URL: <http://www.pravo.by/document/?guid=3871&p0=НК100035> (дата обращения: 10.04.2025).

2. О формировании цен на лекарственные средства, изделия медицинского назначения и медицинскую технику: Указ Президента Респ. Беларусь № 366 от 11 авг. 2005 г. // Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь. URL: <http://www.pravo.by/document/?guid=3871&p0=КР0500366> (дата обращения: 10.04.2025).

3. *Смирнова, Е.Л.* Социальная справедливость в здравоохранении: глобальные вызовы и национальные модели // Журнал биоэтики. 2021. № 3(15). С. 45-62.

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ КИБЕРБЕЗОПАСНОСТИ В СФЕРЕ КРИПТОВАЛЮТ

Т. Н. Бобров

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, timofeybobrov1702@gmail.com
Научный руководитель – Ф. В. Петкевич, преподаватель-стажер*

Рассматриваются правовые аспекты обеспечения кибербезопасности в сфере криптовалют, ключевые угрозы цифровой инфраструктуре – взломы бирж, атаки на смарт-контракты и др. Исследуются международные подходы к регулированию кибербезопасности на примере законодательства ЕС, США, ОАЭ и рекомендаций международных организаций. Проводится оценка действующего белорусского регулирования и обосновывается необходимость его дальнейшего развития.

Ключевые слова: технология «блокчейн»; кибербезопасность; правовое регулирование криптовалют; цифровая экономика.

Развитие криптовалют и блокчейн-технологий создало альтернативную финансовую экосистему, способную функционировать вне традиционных посредников и государственных границ. Однако вместе с децентрализацией появились и новые векторы угроз, такие как взломы бирж, кражи цифровых активов, атаки на смарт-контракты, утечки персональных данных.

В условиях отсутствия централизованного надзора вопросы кибербезопасности становятся не столько техническими, сколько юридически значимыми. Регулирование – единственный механизм, позволяющий обеспечить защиту пользователей, платформ и самой финансовой инфраструктуры.

В 2024 году потери криптосектора от взломов превысили 3 миллиарда долларов – причем один из крупнейших инцидентов составил 1,4 миллиарда. Это больше, чем годовая прибыль ведущих криптоплатформ. Как и во многих сферах, в этом секторе зачастую самыми прибыльными оказываются не инвестиционные стратегии, а мошеннические схемы.

Наибольшую уязвимость представляют точки соприкосновения пользователей с криптоинфраструктурой – централизованные биржи, кастодиальные кошельки и другие поставщики услуг, связанных с виртуальными активами. Именно здесь сосредоточены приватные ключи, личные данные и контроль над операциями, что делает такие платформы основными объектами атак. Современные правовые системы сосредотачиваются не столько на регулировании криптовалют как таковых, сколько на деятельности поставщиков сервисов, обеспечивающих доступ к ним.

Международные стандарты строятся вокруг концепции VASP (Virtual Asset Service Provider), введённой рекомендациями FATF. Под это определение попадают участники, занимающиеся обменом, хранением, переводом цифровых активов, а также посредники в размещении токенов. В Британских Виргинских Островах, например, такие поставщики подлежат лицензированию согласно VASP Act.

Закон предусматривает обязательные процедуры KYC/AML, назначение офицеров по комплаенсу, проведение технических аудитов, использование защищенных хранилищ и обеспечение непрерывности бизнеса в случае киберинцидентов.

Европейский союз, напротив, пошел по пути унификации законодательства и утвердил регламент MiCA (Markets in Crypto-Assets). Он вводит общеевропейский режим лицензирования для поставщиков криптоуслуг, включая требование публикации «белой бумаги» при эмиссии токенов, внедрение механизмов управления технологическими рисками, а также установление четких процедур уведомления надзорных органов о любых инцидентах безопасности.

Особый акцент сделан на хранение активов в изолированных инфраструктурах, обязательное шифрование информации и обеспечение физической и логической сегментации сетей. Нарушения могут повлечь приостановление лицензии и значительные штрафы, что подчёркивает серьёзность правового подхода к вопросам киберустойчивости.

США применяют действующее законодательство о ценных бумагах и посредничестве в финансовых операциях к криптовалютам. Так, выпуск ценных бумаг требует регистрации в Комиссии по ценным бумагам, а услуги по переводу или конвертации активов требуют лицензии на оказание соответствующих услуг. Это требует от платформ соблюдения протоколов идентификации клиентов, ведения внутренних реестров операций и обязательного мониторинга подозрительной активности.

В 2023 году Управление по контролю над иностранными активами США впервые наложило санкции не на человека, а на смарт-контракт, а именно на Tornado Cash. Это показывает, что правовое поле теперь охватывает и код, и децентрализованные протоколы.

Особое внимание к вопросам безопасности проявляют и юрисдикции Ближнего Востока. В ОАЭ, например, в Дубае действует специализированный регулятор VARA, который не только лицензирует деятельность криптокомпаний, но и требует внедрения комплексных мер по защите информации. Среди них обязательное дублирование критической инфраструктуры, географическое ограничение доступа, применение HSM-модулей для хранения ключей и предоставление надзорным органам удалённого доступа к внутренним логам.

Центральным элементом соблюдения законодательства в сфере оборота криптовалют выступает внедрение KYC (Know Your Customer) процедур. Первичная идентификация клиента позволяет не только фильтровать подозрительные операции, но и формирует основу для защиты самих пользователей от мошенничества, социальной инженерии и кражи учётных данных. KYC в сочетании с мерами AML (противодействие отмыванию денег) и CTF (противодействие финансированию терроризма) обеспечивает системный контроль над оборотом криптоактивов, а также служит критерием доверия со стороны государственных органов и традиционного финансового сектора.

Проблематика кибербезопасности в криптовалютной сфере уже не ограничивается только технологическими мерами защиты. Она становится системным элементом правового регулирования, отражающим зрелость финансовой инфраструктуры и уровень ответственности государства перед участниками цифрового рынка.

В этом контексте белорусское регулирование, закреплённое преимущественно в Декрете Президента № 8 «О развитии цифровой экономики», предоставляет базовую нормативную основу для функционирования криптоэкономики, не затрагивая полноценно вопросы кибербезопасности. Белорусское регулирование криптоплатформ содержит общее требование к обеспечению информационной безопасности, а также устанавливает обязанности по внутреннему контролю и соблюдению процедур KYC и AML. Вместе с тем, остаются отдельные пробелы – отсутствует обязательная сертификация по международным стандартам, не урегулированы единые подходы к регистрации инцидентов, а надзор за выполнением процедур верификации личности не централизован. Это снижает предсказуемость и единообразие правоприменения.

В результате проведённого исследования установлено, что кибербезопасность в сфере криптовалют перестала быть исключительно технической задачей и сегодня требует комплексного правового регулирования, охватывающего идентификацию участников, устойчивость инфраструктуры и контроль за инцидентами. Международная практика показывает, что наиболее эффективный подход к снижению киберрисков обеспечивается за счёт системного регулирования деятельности поставщиков услуг, связанных с виртуальными активами, и внедрения единых стандартов в области KYC/AML, хранения данных и реагирования на киберинциденты.

Проведённый анализ белорусского законодательства выявил его фрагментарность в части регулирования кибербезопасности криптоплатформ. Несмотря на существование Декрета № 8, обеспечивающего общую нормативную рамку, в нём отсутствуют положения о технической

сертификации, централизованной регистрации инцидентов, правовом статусе цифровых протоколов, а также о централизованных механизмах надзора за исполнением требований информационной безопасности.

В этой связи целесообразно разработать и внедрить в Беларуси отдельный нормативный акт, устанавливающий:

1. Единые требования к кибербезопасности;
2. Обязательную сертификацию критической IT-инфраструктуры;
3. Процедуры уведомления регулятора о нарушениях безопасности;
4. Порядок централизованного надзора за выполнением KYC/AML;
5. Ответственность за невыполнение этих требований.

Такой подход позволит обеспечить соответствие национального регулирования международным стандартам, повысить устойчивость криптовалютной экосистемы, укрепить доверие со стороны бизнеса и снизить киберриски, угрожающие экономической и финансовой безопасности Республики Беларусь.

Библиографические ссылки

1. *Головенчик, М.Г.* Угрозы экономической безопасности, связанные с деятельностью криптобирж / Тенденции экономического развития в XXI веке : материалы VI Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 25-летию экон. фак. БГУ, Минск, 28–29 февр. 2024 г. В 2 ч. Ч. 1 / Белорус. гос. ун-т ; редкол.: А. А. Королёва (гл. ред.) [и др.]. Минск : БГУ, 2024. С. 566-568.

2. *Григорян, С. А.* Цифровые активы для инвестирования и их безопасность / Технологическая независимость и конкурентоспособность Союзного государства, стран СНГ, ЕАЭС и ШОС : сборник статей VI Международной научно-технической конференции "Минские научные чтения 2023", Минск, 06-08 декабря 2023 г. Минск : БГТУ, 2023. Т. 1. С. 150-154.

3. *Карцхия, А.А.* Правовые аспекты современной кибербезопасности и противодействие киберпреступности / Вопросы кибербезопасности 2022. №1 с. 58-74.

4. *Куцоконь, И. В.* Регулирование криптовалюты в России и в мире в целях обеспечения кибербезопасности / Экономика и бизнес: теория и практика. 2021. №6 с. 77-80.

5. *Мейриева, М. А.* Роль криптовалют в криптопреступности / ЕГИ. 2023. №6 (50) с. 566-568.

«НОВЫЕ ПРАВЫЕ» В США И ИХ КОНЦЕПЦИИ РЕФОРМИРОВАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО И ОБЩЕСТВЕННОГО СТРОЯ

А. О. Бондарев

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, aliaksandr.bondarau@bk.ru
Научный руководитель – Д. В. Щербик, кандидат юридических наук, доцент*

Статья анализирует феномен «новых правых» в американской политике, акцентируя внимание на «Проекте 2025», который предполагает реорганизацию федеральной исполнительной власти США. Ключевым элементом является создание нового департамента эффективности правительства, основанного на указах президента и решениях Верховного суда. Обсуждается многообразие концепций движения и его возможные последствия для общества и политики.

Ключевые слова: новые правые; миграционная политика; проект 2025; Верховный суд; исполнительные указы президента; департамент эффективности правительства.

«Новые правые» в США, в отличие от данного направления в Европе, не имеют четкой идеологии, что делает их уникальными среди других политических движений. Это скорее универсальное обозначение группы людей, среди которых на данный момент можно выделить две группы: с одной стороны, более умеренное крыло, включающее Джэй Ди Вэнса, Вивека Рамасвами, Илона Маска, Рэнда Пола, а с другой стороны – радикальное крыло, представляемое такими фигурами, как Стив Бэннон, Лора Лумер, Мэтт Гетц и Кэндис Оуэнс.

Несмотря на определенные противоречия в этом движении, можно выделить точки соприкосновения, нашедшие свое отражение в «Проекте 2025» [1]. Это инициатива консервативного фонда Heritage Foundation, представляющая собой всеобъемлющий план для республиканского президента, направленный на масштабную реорганизацию федеральной исполнительной власти США.

Проект был создан при активном участии бывших высокопоставленных чиновников администрации Дональда Трампа и более чем сотни консервативных организаций.

Он предлагает перестроить федеральное правительство в соответствии с идеологическими принципами правых, что включает ужесточение позиции по отношению к абортam и правам на репродуктивное здоровье, сокращение прав иммигрантов и представителей ЛГБТ, а также пересмотр политики в области расового равенства.

В рамках инициирующих изменений можно выделить несколько основных сфер реформирования системы. Прежде всего, следует обратить внимание на реформирование миграционной политики. С начала президентства Дональда Трампа стало очевидно, что в стране реализуется курс на ужесточение миграционной политики. Администрация нацелена на ускорение процедур депортации и расширение мер контроля за нелегальной миграцией. Операции, проводимые иммиграционной и таможенной службой США (ICE), приводят к массовым проверкам документов и задержаниям лиц, находящихся в стране без соответствующих разрешений [2].

В области образования проект предусматривает исключение из образовательных программ материалов, касающихся расовых и гендерных вопросов системного угнетения. В числе предложенных мер – угроза сокращения федерального финансирования для учебных заведений, которые не будут соответствовать этим критериям. Так, Гарвард отверг требования нынешней администрации и попал под заморозку финансирования в размере \$2,3 млрд.

В экономическом контексте предлагаются значительные изменения в налоговой системе, включая снижение налогов на корпорации и физических лиц. Среди наиболее радикальных предложений выделяются ликвидация Федеральной резервной системы и возвращение к золотому стандарту, что указывает на стремление авторов документа к глубокому пересмотру существующей экономической политики.

Кроме того, особо важное внимание в рамках «Проекта 2025» уделяется контролю над федеральной бюрократией. Республиканец Рассел Воут, который был утвержден сенатом главой административно-бюджетного управления, в своей главе проекта изложил стратегию использования президентом бюджетных процессов для подчинения госагентств своей политической повестке [1, с. 43].

Такие изменения рассматриваются как необходимая мера для ослабления влияния так называемого «глубинного государства», представляющего собой аппарат федеральных чиновников, которые не избираются, но фактически имеют право устанавливать нормы и правила в экономике и политике. Получается, что страной управляет скрытый в тени менеджерский класс, а не избранные политики. При этом федеральные чиновники в США хорошо защищены от последствий своих ошибок. Около 98% федеральных чиновников получают пенсию из фонда, пополняемого за счет средств налогоплательщиков [3]. Это традиционная пенсия с фиксированными выплатами. Доступ к такой же есть только у 15% работников частного сектора [4]. Получается, что государственный служащий лучше защищен от экономических кризи-

сов и может планировать свое будущее на более долгий срок, чем обычный работник.

Созданный Департамент эффективности правительства (DOGE) под руководством миллиардера Илона Маска призван разобраться с этой проблемой [5].

Новосозданный DOGE поставил себе следующие задачи:

- 1) Сократить размер федерального правительства (чиновников и агентств).
- 2) Провести аудит государственных расходов и программ.
- 3) Сократить ненужные и устаревшие программы.
- 4) Уменьшить государственные расходы.

Основным инструментом проводимой политики стали исполнительные указы президента, которые могут оперативно внедрять предложения Маска. Это выражается как в массовых сокращениях сотрудников, так и в закрытии целых государственных департаментов. Примером этой политики может служить закрытие Агентства США по международному развитию (USAID) и начало ликвидации Министерства образования.

Чрезмерное использование президентских указов уже нашло сопротивление в лице сокращенных чиновников и представителей закрытых агентств. В ответ на данную ситуацию DOGE ссылается на решения Верховного суда, где уже были пропрезидентские решения *West Virginia v. Environmental Protection Agency* (2022) и *Loper Bright v. Raimondo* (2024). Первое запретило госагентством принимать правила, которые регулируют экономическую и политическую жизнь граждан без разрешения Конгресса. Второе отменило «Доктрину Шеврона», принцип судебного права США, предписывающий судам уважать интерпретацию закона административными агентствами, если сам закон является неоднозначным и интерпретация агентства разумна.

Однако в движении новых правых существуют противоречия, которые выражаются в непринятии радикальным крылом любой миграции, поддержке полного запрета абортс и критике глобальной торговли.

Показательным примером раскола стал миграционный вопрос. В частности, Илон Маск оказался в ситуации, когда ему пришлось защищаться от радикального крыла республиканцев, стремившегося подорвать его позиции и лишить поддержки Дональда Трампа. Лидером этого сопротивления стала журналистка Лора Лумер, которую рассматривают как негласную советницу Трампа. Поводом для критики стала поддержка визовой программы H-1B, позволяющей американским компаниям нанимать высококвалифицированных иностранных рабочих в «специа-

лизированных сферах». Работодатель может не гарантировать им некоторые условия, обязательные для американских граждан, и платить зарплату ниже рыночной. Лора Лумер утверждает, что Илон Маск, отстаивая свои позиции, в первую очередь решает свои бизнес-вопросы, что вызывает сомнения относительно его идеологии. В прошлом он поддерживал Обаму, а теперь Трампа. Маск является атеистом и выступает за внедрение рабочих виз для мигрантов. Таким образом, для радикального крыла он выглядит как человек, который не разделяет их принципы и ценности.

В результате Дональд Трамп встал на сторону Илона Маска. Лора Лумер подверглась осуждению со стороны республиканской партии и была вынуждена публично принести извинения. Илону Маску был предоставлен мандат на реализацию реформ.

Очевидно, что именно современные социальные, расовые и экономические проблемы в стране поспособствовали росту популярности правых идей. Это явление можно интерпретировать как попытку найти выход из сложившейся ситуации, в которой раскол затрагивает не только политический класс США (как внутри республиканской, так и демократической партии), но и все американское общество в целом.

Библиографические ссылки

1. Mandate for Leadership 2025. URL: https://static.heritage.org/project2025/2025_MandateForLeadership_FULL.pdf. (дата обращения: 12.07.2022).
2. Protecting The American People Against Invasion. URL: <https://www.whitehouse.gov/presidential-actions/2025/01/protecting-the-american-people-against-invasion/>. (дата обращения: 20.01.2025).
3. Benefits Administration Letter. URL: <https://www.opm.gov/retirement-center/publications-forms/benefits-administration-letters/2021/21-304.pdf>. (дата обращения: 19.08.2021).
4. Employee Benefits in the United States]. URL: <https://www.bls.gov/ebs/publications/employee-benefits-in-the-united-states-march-2023.htm>. (дата обращения: 21.09.2023).
5. DOGE: Department of Government Efficiency. URL: <https://www.doge.gov>. (дата обращения: 20.01.2025).

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ЦИФРОВОГО БЕЛОРУССКОГО РУБЛЯ

А. В. Годун

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, avastra2019@gmail.com
Научный руководитель – З. О. Кавалей, старший преподаватель*

Статья посвящена проблемам и перспективам развития цифрового белорусского рубля. Проект сопряжен со значительными вызовами, включая технологические, кибербезопасность, недостаточное законодательное регулирование и вопросы принятия обществом. Рассмотрены риски его внедрения, отмечены потенциальные выгоды для государства и финансовой системы.

Ключевые слова: цифровой белорусский рубль; концепция цифрового белорусского рубля; криптовалюта; цифровой знак; блокчейн-платформа; кроссчейн-мост; трансграничные платежи.

Цифровой белорусский рубль (далее – ЦБР) – это цифровая форма белорусского рубля, законное платежное средство, выполняющее все функции денег, имеющее одинаковую ценность с наличным и безналичным белорусским рублем, являющееся прямым требованием к Национальному банку Республики Беларусь и эмитируемое им [1].

Согласно дорожной карте ЦБР, представленной в Концепции цифрового белорусского рубля, одобренной Правлением Национального Банка Республики Беларусь 31 января 2024 г., основными мероприятиями в области развития цифровой валюты в 2025 г. должны стать проведение тестирования кроссчейн-моста и внедрение ЦБР в ограниченном объёме (b2b-платежи, трансграничные платежи и смарт-контракты). В 2026 г. планируется доработка функционала и окончательное завершение внедрения платформы ЦБР [2, с. 30].

В 2026 г. планируется доработка функционала и окончательное завершение внедрения платформы ЦБР.

Отметим, что внедрение новой формы национальной валюты – сложный процесс, требующий учёта ряда проблемных аспектов.

Во-первых, в Концепции предусмотрено пять основных групп рисков реализации проекта внедрения ЦБР, среди которых технологические (недостаточность производительности блокчейн-платформы, конфиденциальность информации блокчейна, реализация офлайн-режима, возможность подрыва криптозащиты), риск резкого оттока ликвидности, риск использования программно-аппаратного и программного комплекса, неготовность инфраструктуры у финансовых и торгово-сервисных

организаций и риски, связанные с легализацией доходов, полученных преступным путём, финансированием террористической деятельности и финансированием распространения оружия массового поражения (ОД/ФТ). И хотя к каждой группе рисков в Концепции представлены краткие алгоритмы по их возможному устранению, данные неполадки могут существенно затруднить использование платформы и в целом снизить количество пользователей данной формы национальной валюты.

Кроме того, ЦБР может подвергнуться ключевому риску цифровизации – киберриску, реализация которого может привести к понесению потерь из-за незаконного доступа лиц к объектам инфраструктуры банка с использованием технологий для нарушения информационной и компьютерной безопасности банка. Важность учёта этого риска подтверждает рост киберпреступности во всем мире [4, с. 71].

Во-вторых, недостаточное регулирование цифровой валюты законодательством. В настоящее время существует лишь несколько основных документов, регулирующих данную сферу. Среди них Декрет Президента Республики Беларусь от 21 декабря 2017 г. № 8 «О развитии цифровой экономики», предусматривающий закрепление основных понятий: «криптовалюта», «цифровой знак (токен)», Указ Президента Республики Беларусь от 17 сентября 2024 г. № 367 «Об обращении цифровых знаков (токенов)», запрещающий физическим лицам, в т. ч. индивидуальным предпринимателям – резидентам Парка высоких технологий (далее – ПВТ) в целях инициирования совершения операций по приобретению токенов переводить белорусские рубли, иностранную валюту, электронные деньги кому-либо, кроме операторов ПВТ и уже упомянутая Концепция цифрового белорусского рубля. Глава Национального банка Республики Беларусь, Роман Головченко, в марте 2025 г. также отмечал, что на данный момент Нацбанк вместе с участниками рынка платежей вырабатывает системный подход к регулированию сферы токенов (цифровых знаков) [5].

В-третьих, принятие цифровой валюты в обществе. Для успешного внедрения новой формы национальной валюты необходимо обеспечить её простоту и доступность в ежедневном использовании всеми категориями граждан. Не совсем понятно, на каком именно этапе разработки сейчас находится сама платформа ЦБР и как она будет выглядеть.

Демонстрация процесса реализации данного проекта, возможность обсуждения и высказывания предложений по корректировке отдельных составляющих платформы привлекло бы внимание населения к платформе и, соответственно, к последующему использованию цифровой валюты.

Остаётся также ряд открытых вопросов относительно функционирования цифровой валюты. В частности, требует уточнения политика вознаграждения держателей цифровых счетов и механизм получения дохода на остаток средств.

Актуальной остаётся тема безопасности: необходимо прояснить процедуры восстановления доступа к электронному кошельку при потере данных для входа.

Кроме того, остаётся под вопросом степень конфиденциальности операций и надёжность защиты личной информации пользователей при проведении транзакций в системе цифрового рубля.

Глава Национального банка Республики Беларусь также отмечал, что в банковской системе присутствуют скептические мнения относительно целесообразности внедрения цифровой нацвалюты.

Однако, по его словам, все страны идут по пути создания собственных цифровых валют и путь её внедрения в Республике Беларусь неизбежен [5].

Перспективным данное направление является в первую очередь для государства за счёт того, что денежные потоки становятся более прозрачными, упрощаются налоговый и валютный контроль.

Национальная цифровая валюта также ограничивает риски перераспределения средств в иностранные цифровые валюты, что способствует макроэкономической и финансовой стабильности [3, с. 127].

Также ЦБР может позволить снизить затраты на создание и обеспечение функционирования платежной инфраструктуры, расходов на комиссионные платежи. Ожидается создание инновационных финансовых сервисов для клиентов с помощью смарт-контрактов и повышение эффективности финансового рынка [4, с. 70].

Кроме того, ЦБР призван ускорить платежи и совершение сделок, особенно трансграничных. Платежи в цифровых рублях могут стать доступны даже при отсутствии подключения к интернету с помощью передачи цифрового кода между устройствами.

ЦБР также рассматривается как более надёжное средство платежа, чем криптовалюта, так как это законное платёжное средство, выполняющее все функции денег.

Таким образом, внедрение собственной цифровой валюты в Республике Беларусь находится на этапе активной подготовки и планирования и сопряжено со значительными вызовами, но в то же время несёт в себе потенциальные выгоды для государства, финансовой системы и граждан. Успешная реализация проекта потребует комплексного подхода к управлению рисками, развитию законодательной базы, обеспечению технологической надёжности и завоеванию доверия пользователей.

Библиографические ссылки

1. Концепция цифрового белорусского рубля: одобр. Правлением Национального банка Республики Беларусь 31 янв. 2024 г. // URL: https://www.nbrb.by/payment/digital_ruble/concept.pdf (дата обращения: 08.04.2025).
2. Проект по внедрению цифрового белорусского рубля: URL: https://www.nbrb.by/payment/digital_ruble (дата обращения: 08.04.2025).
3. Зюлькова, А. Н. Проблемы имплементации цифрового белорусского рубля в Беларуси = Problems of implementation of the digital belarusian ruble in Belarus / Развитие логистики и управления цепями поставок. Материалы IV Международной научно-практической студенческой конференции (в рамках Международного молодежного форума «Креатив и инновации' 2023»), г. Минск, 24 ноября 2023 года / редкол.: Т. В. Матюшинец, Р. Б. Ивуть, П. И. Лапковская; сост. П. И. Лапковская. Минск: БНТУ, 2023. С. 125-130.
4. Малыхина, С. И. Риски внедрения цифрового белорусского рубля в финансовом секторе / Банковская система: устойчивость и перспективы развития: сборник научных статей XV международной научно-практической конференции по вопросам финансовой и банковской экономики: к 80-летию банковского образования на Полесье, Пинск, 25 октября 2024 г. / Министерство образования Республики Беларусь [и др.]; редкол.: В. И. Дунай [и др.]. Пинск: ПолесГУ, 2024. С. 70-74.
5. Как цифровой рубль изменит финансовую систему Беларуси: URL: <https://myfin.by/article/banki/nacbank-beret-kurs-na-tokeny-cto-izmenitsa-dla-bankov-i-biznesa-36367> (дата обращения: 08.04.2025).

МЕДИАСФЕРА КАК ПРОСТРАНСТВО ДЛЯ РАЗВИТИЯ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

С. В. Гончарова

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, sofochka.goncharova1197@gmail.com
Научный руководитель – А. Н. Фиронов, кандидат юридических наук, старший преподаватель*

Активное развитие информационных технологий способствовало формированию новой сферы общественных отношений – медиасферы. Однако её использование сопряжено с рисками дезинформация и манипуляции общественным мнением, что в конечном счете делает феномен «постправды» трендом современности. Поэтому важной задачей государства остаётся обеспечение объективности и профессионализма в освещении правовых вопросов, чтобы медиасфера стала эффективным инструментом в повышении уровня правовой культуры населения.

Ключевые слова: медиасфера; правовая культура; общественное мнение; постправда; манипуляция сознанием; правовое государство.

Активное внедрение информационных технологий в повседневную жизнь повлекло определенные изменения в способах восприятия и познания человеком окружающего мира. Результатом стало зарождение новой сферы общественных отношений, как медиасфера.

Несомненно, медиасфера является феноменом нового времени. Это достаточно сложный организм, который охватывает экономику, духовную, политическую сферы, и конечно, правовую систему.

Стоит отметить, что медиасфера имеет огромную силу в публичной жизни общества, так как именно она воздействует на общественное, диктуя свое видение реальности, тем самым это действительно очень значимый инструмент в руках государства.

Понятие медиасферы не закреплено на законодательном уровне в Республике Беларусь.

К тому же, понятие медиасферы не получило общепринятого объяснения в научной среде, именно поэтому предлагаем дать определение понятию исходя из доктринального толкования.

В самом общем плане под медиасферой в научной литературе понимается совокупность всех активно функционирующих медиа (средств коммуникации), но ключевым понятием, позволяющим наиболее полно раскрыть сущность медиасферы является понятие «информация». Медиасферу составляет интеграция носителей, адресатов, потребителей информации, каналов ее передачи и распространения, результатов воздействия.

Медиасфера представляет собой совокупность всех средств массовой информации и коммуникаций, которые влияют на общественное сознание, способствуя, в частности, формированию правовой культуры населения.

В данной работе мы рассмотрим, почему медиасфера в современных реалиях стала областью для формирования правовой культуры в рамках правового государства и чем это обусловлено.

Тема правовая культура остаётся актуальной на сегодняшний день, ведь она является неотъемлемым элементом для гармоничного развития общества, формирования и развития правовых ценностей и выступает фундаментом для развития правового государства и проведения эффективной государственной политики. Существует множество определений понятия правовая культура, однако на наш взгляд, правовая культура – это прежде всего знание и понимание права, уважительное отношение к нормам права и их соблюдение.

Несомненно, правовая культура должна включать в себя и эффективную работу государственно-правовых институтов. Правовая культура есть явление, отражающее правовое состояние общества в целом. Это такой феномен, характерный для общества с возникновением права, который неразрывно связан с развитием самого общества и формированием в нем упорядоченных общественных отношений.

Связь правовой культуры и медиасферы становится очевидной в современных реалиях. Одной из основных функций медиасферы является информирование граждан. Это происходит посредством использования как традиционных (печатные средства массовой коммуникации, радио, телевидение, кино), так и новых медиа (электронную почту и сотовую связь, компьютерные каналы, социальные сети, блогосферу). Через данные инструменты население получает информацию о законодательных изменениях, их последствиях, правовых нововведениях, правонарушениях и ответственности.

Это способствует повышению правовой осведомленности и понимания правовых процессов. Также не стоит забывать про конституционное право граждан Республики Беларусь на получение, хранение и распространение полной, достоверной и своевременной информации о деятельности государственных органов, о политической, экономической, культурной и международной жизни, состоянии окружающей среды, которое также реализуется посредством использования медиасферы.

Медиасфера активно формирует общественное мнение по правовым вопросам. Через обсуждение судебных дел, правонарушений, глобальных политических конфликтов медиасфера способствуют формированию правосознания, что является неотъемлемым элементом правовой культу-

ры. Данная сфера может стать ядром для зарождения как правового нигилизма, так и высокого уровня правовой культуры. Стоит отметить, что поддержка или критика определённых правовых норм через СМИ может оказывать значительное влияние на их принятие обществом. Это все обуславливает значимость медиасферы в правовом государстве.

Медиасфера – источник правовых знаний, которые транслируются сквозь правовую литературу, документальные фильмы и образовательные программы. Стоит отметить размещение на сайтах различных НПА, судебной практики, правовых новостей, что позволяет гражданам в открытом доступе воспользоваться любой интересующей их информацией.

Несмотря на положительное влияние медиасферы, существуют и риски. Дезинформация, манипуляция общественным мнением, отсутствие профессионализма в СМИ могут негативно сказаться на правовой культуре общества в целом. Особенно опасны так называемые «фейковые» новости, которые могут исказить представления о праве ведя к недоверию к правоохранительным органам и судебной системе.

В рамках данного аспекта можно затронуть такое понятие как пост-правда (post-truth), которое точно описывает эпоху развития массовых коммуникаций, когда истина перестаёт иметь какой-либо вес в общественном сознании. Это относится к обстоятельствам, когда в формировании общественного мнения активно участвуют чувства и эмоции, нежели объективные факты. Все это приводит к тому, что свобода слова несет риск деградации и обесценивания.

Постправда представляет собой информационный поток, который намеренно конструируется в современном обществе с помощью СМИ и других коммуникационных каналов для создания виртуальной, отличной от действительности, реальности с целью манипулирования общественным сознанием. Все это приводит к тому, что люди начинают верить в то, что хотят верить, как правило, идут предпочтения к эффектной и захватывающей лжи, нежели к скучной правде. «Красивая ложь», как правило, больше воздействует на эмоциональное состояние человека, определяя его выбор.

Чем больше информации поступает, тем меньше ее проверяют. Широкое распространение различных платформ для коммуникации способствует искажению информации о происходящих в мире событиях. Раздробленность источников новостей создает такую ситуацию, в которой ложь, сплетни и слухи способны очень быстро подменять правду.

В современных реалиях критерии истины определяются сквозь социальные сети, которые выдают пользователям тот контент, который привлечет их на более глубоком эмоциональном уровне и удержит его внимание как можно дольше. И не имеет значение, какой именно кон-

тент. Здесь все обусловлено целями манипуляции общественным сознанием в свою пользу. А распознать, правда это или ложь становится все сложнее, да и люди перестают быть в этом заинтересованными. Можно говорить в данном случае об эффекте толпы, когда человек, попавший в группу людей, начинает заражаться ее настроением, теряя собственное я. Видя, как все в обществе верят чему-то, он сам начинает этого придерживаться, не видя смысла проверять ту или иную информацию.

Медиасфера несомненно важный инструмент в век доминирования информационных технологий, что обуславливает повышенное внимания к эффективности ее использования для достижения благоприятных результатов. Так как в неправильных руках она может привести к пагубным последствиям, что может оказать влияние не только на региональном, но и на глобальном уровне.

Задача государства – обеспечить качественное и профессиональное освещение правовых вопросов, чтобы способствовать формированию правовой культуры на должном уровне, так как правовая культура – необходимая составляющая существования правового государства. Правовая культура – это не только знание законов, но и способность применять эти знания на практике, что в значительной мере зависит от медиасферы.

Библиографические ссылки

1. *Лебедева, Н.Н.* Правовая культура личности и Интернет: дис. ... канд. юридических наук : 12.00.01 / Российская правовая академия. Москва, 2004. 211 л.;
2. Медиасфера как пространство развития правовой культуры в современной России: Коллективная монография / Отв. ред. и сост. Н. Б. Кириллова. Москва: Академический проект, 2023. 275 с.

НОВЫЕ ФОРМЫ АРБИТРАЖНОГО СОГЛАШЕНИЯ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

В. Ю. Грабинский

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, vladislavgrabinskij@gmail.com
Научный руководитель – Т. В. Сысцев, доцент*

В статье рассматриваются современные формы арбитражного соглашения, применяемые в цифровой среде, включая click-wrap, browse-wrap, scroll-wrap и sign-in wrap соглашения. Исследуется их правовая природа, юридическая сила и условия признания действительности. Особое внимание уделено анализу зарубежной судебной практики, а также делу МАС при БелТПП, в котором был рассмотрен вопрос действительности арбитражной оговорки, включённой в электронное соглашение. Обоснована необходимость адаптации законодательства Республики Беларусь к реалиям цифрового оборота и выработки гибкого подхода к оценке электронных форм выражения согласия.

Ключевые слова: арбитражное соглашение; электронная форма; click-wrap; browse-wrap; scroll-wrap; sign-in wrap; цифровая среда.

Современные информационные технологии оказывают значительное влияние на сферу разрешения частноправовых споров. Всё чаще арбитражные оговорки включаются в электронные пользовательские соглашения, заключаемые в цифровой среде. В таких условиях возрастает значение анализа новых форм арбитражных соглашений, возникающих при использовании электронных интерфейсов, в частности click-wrap, browse-wrap, sign-in wrap и scroll-wrap соглашений.

Wrap-соглашения представляют собой формы пользовательских соглашений, заключаемых посредством взаимодействия с интерфейсом цифровой платформы. Они различаются по способу акцепта условий пользователем:

- Click-wrap: пользователь выражает согласие с условиями путём активного действия, например, нажатием кнопки «Согласен» или установкой галочки.
- Browse-wrap: согласие считается данным автоматически при использовании сайта, без явного подтверждения.
- Sign-up wrap: пользователь принимает условия в процессе регистрации. Как и click-wrap, они требуют активного согласия, но предъявляются именно на этапе регистрации.
- Scroll-wrap: перед согласием пользователь обязан прокрутить текст условий и ознакомиться с ним [1].

Эти формы активно применяются в международной электронной коммерции и становятся предметом судебных споров, особенно при наличии арбитражных оговорок.

Юридическая сила данных соглашений зависит от соблюдения трёх ключевых условий: информированности пользователя, доступности текста соглашения и зафиксированного волеизъявления.

Click-wrap, scroll-wrap и sign-in wrap соглашения в большинстве случаев признаются действительными, так как предполагают активное действие пользователя. Напротив, действительность browse-wrap соглашений вызывает сомнения из-за отсутствия явного подтверждения согласия.

Так, в деле *Nguyen v. Barnes & Noble, Inc.* Апелляционный суд девятого округа США отказал в признании арбитражной оговорки, поскольку пользователь не был явно уведомлён о её наличии – она была размещена внизу страницы и доступна только по ссылке. Суд указал, что факт пользования сайтом без активного согласия недостаточен [6].

Аналогичный подход был реализован в деле *Specht v. Netscape Communications Corp.*, где суд отказался признать арбитражное соглашение действительным, поскольку оно содержалось в условиях, доступ к которым открывался только после загрузки программного обеспечения. Пользователь, не ознакомившись с условиями до совершения действий, не мог считаться давшим согласие. Суд подчеркнул необходимость реального уведомления об условиях, включая арбитражную оговорку, до момента совершения значимого действия [7].

Белорусское законодательство прямо не регулирует формы цифровых соглашений. Однако согласно п. 3 ст. 404 и п. 3 ст. 408 Гражданского кодекса РБ письменная форма считается соблюденной, если договор предложен в виде текстового документа (в том числе электронного), а согласие выражено конклюдентными действиями [2].

Кроме того, по ч. 4 п. 21 Положения о Парке высоких технологий, утвержденного Декретом Президента № 12 от 22.09.2005 (далее – Положение о ПВТ), простая письменная форма соблюдается, если оферта (в том числе в виде кода или электронного сообщения) принята в порядке, установленном законодательством, даже без подписи, если можно определить сторону договора [4].

Согласно ч. 5 п. 21 того же Положения, к публичной оферте в простой письменной форме относятся пользовательские соглашения, общие условия и иные документы, размещённые в интернете, содержащие существенные условия договора и адресованные неопределённому кругу лиц [4].

Показательным примером признания арбитражной оговорки, заклю-

ченной в цифровой среде, является дело № 1963/73-20, рассмотренное Международным арбитражным судом при Белорусской торгово-промышленной палате. В рамках спора Ответчик возражал против действительности арбитражной оговорки, ссылаясь на отсутствие подписей сторон, а также несоблюдение требований письменной формы, предусмотренной частью второй статьи 11 Закона «О международном арбитражном (третейском) суде от 9 июля 1999 г. № 279-З.

Истец ссылался на акцепт Ответчиком пользовательского соглашения, размещённого в электронной форме на принадлежащем ему интернет-ресурсе. Для акцепта соглашения Ответчику необходимо было прокрутить текст документа до конца (scroll-wrap) и нажать кнопку «Я принимаю». Факт создания аккаунта, пользование сервисом и отсутствие возражений по факту вступления в договорные отношения со стороны Ответчика были установлены судом как доказательства выраженного и осознанного согласия.

Президиум МАС, анализируя доводы Ответчика, сослался на положения статей 404 и 408 Гражданского кодекса Республики Беларусь, предусматривающие возможность заключения сделки путём совершения конклюдентных действий. Учитывая, что одной из сторон является резидент Парка высоких технологий, Президиум признал применимым к спору пункт 21 Положения о ПВТ. В соответствии с указанными нормами, простая письменная форма сделки считается соблюденной, если предложение заключить договор, в том числе в виде электронного сообщения или программного кода, акцептовано действиями, позволяющими установить сторону договора.

Также МАС сослался на Рекомендации ЮНСИТРАЛ относительно статьи II Нью-Йоркской конвенции, указав, что формы арбитражных соглашений в цифровой среде могут соответствовать требованиям международных стандартов даже при отсутствии традиционной подписи. Отдельно было подчеркнуто, что перечень форм письменного заключения договора, приведённый в Конвенции, не является исчерпывающим, и государствам следует учитывать развитие электронной торговли и технологий [5].

Таким образом, развитие цифровых технологий требует переосмысления традиционных подходов к заключению арбитражных соглашений. Формы wrap-соглашений (click-wrap, browse-wrap, sign-up wrap, scroll-wrap) становятся всё более распространёнными в сфере электронной коммерции и заключения договоров через интернет. Их юридическая сила напрямую зависит от способа выражения согласия и уровня информированности пользователя.

Международная практика демонстрирует устойчивую тенденцию к

признанию действительными тех соглашений, в которых пользователь совершает явное и осознанное волеизъявление. В то же время browse-
warp соглашения, не предполагающие активных действий, чаще вызы-
вают сомнения судов.

Белорусское законодательство не содержит прямого регулирования цифровых форм арбитражных соглашений. Несмотря на проявленный «проарбитражный» подход МАС при БелТПП в вышеупомянутом деле, это решение следует рассматривать скорее как исключение, нежели как общее правило. Ключевым фактором признания арбитражной оговорки действительной стало то, что одной из сторон выступал резидент ПВТ, на которого распространяется специальный правовой режим. В случае спора между обычными субъектами хозяйствования, представляется, что исход, скорее всего, был бы иным, что указывает на сохраняющуюся правовую неопределённость в данной сфере.

Библиографические ссылки

1. Артамонникова, С. В. Правовое регулирование статуса субъектов сделок, совершаемых в электронной форме / Гражданское право. 2023. № 1. С. 24–26 // КонсультантПлюс. Россия: справ. правовая система (дата обращения: 06.04.2025).

2. Гражданский кодекс Республики Беларусь: 7 дек. 1998 г. № 218-З: Принят Палатой представителей 28 окт. 1998 года: одобр. Советом Респ. 19 нояб. 1998 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 17 февр. 2025 г. № 62-З // ЭТАЛОН: информ.-поисковая система (дата обращения: 05.04.2025).

3. О Парке высоких технологий: Декрет Президента Респ. Беларусь от 22 сент. 2005 г. № 12 // ЭТАЛОН: информ.-поисковая система (дата обращения: 20.04.2025).

4. Рекомендация относительно толкования пункта 2 статьи II и пункта 1 статьи VII Нью-Йоркской конвенции о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений, совершенной в Нью-Йорке 10 июня 1958 года (2006 год) // Комиссия Организации Объединённых Наций по праву международной торговли. – URL:

https://uncitral.un.org/en/texts/arbitration/explanatorytexts/recommendations/foreign_arbitral_awards (дата обращения: 01.05.2025).

5. Nguyen v. Barnes & Noble Inc., No. 12-56628 (9th Cir. 2014) // JUSTIA U.S. Law. URL: <https://law.justia.com/cases/federal/appellate-courts/ca9/12-56628/12-56628-2014-08-18.html> (date of access: 01.05.2025).

6. Specht v. Netscape Communications Corp., 150 F. Supp. 2d 585 (S.D.N.Y. 2001) // JUSTIA U.S. Law. URL: <https://law.justia.com/cases/federal/district-courts/FSupp2/150/585/2468233/> (date of access: 01.05.2025).

«МЯГКАЯ СИЛА» ТУРЕЦКОЙ РЕСПУБЛИКИ

И. В. Давидович

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030 г. Минск, Беларусь, buffon1978.28@gmail.com
Научный руководитель – П. В. Юсупов, преподаватель*

В статье анализируется стратегия «мягкой силы» Турецкой Республики. Особое внимание уделяется инструментам влияния: образовательным инициативам, религиозной политике, «Байрактар-дипломатии». Рассматривается роль Турции в Южном Кавказе, Центральной Азии и других регионах, а также сотрудничество с Азербайджаном и развитие Организации тюркских государств.

Ключевые слова: мягкая сила; пантюркизм; неоосманизм; медиапространство; образование; Байрактар-дипломатия.

«Мягкая сила» – это способность страны добиваться своих целей в международных отношениях не принуждением или экономическим давлением, а через привлекательность своей культуры, ценностей и внешней политики. Для Турецкой Республики «мягкая сила» является важным инструментом для укрепления своего влияния и продвижения своих интересов в ключевых регионах, таких как Южный Кавказ, Центральная Азия, Ближний Восток, Балканы и Африка, где у нее есть исторические, культурные и экономические связи. «Мягкая сила» Турции уходит корнями в две ключевые доктрины: «пантюркизм» и «неоосманизм». «Пантюркизм», зародившийся еще в конце XIX века, провозглашает единство всех тюркских народов от Балкан до Сибири. «Неоосманизм» дополняет пантюркизм идеей восстановления влияния Турции в бывших османских владениях.

Одним из инструментов проявления «мягкой силы» Анкары является медиапространство. Дело в том, что Турецкая Республика изначально не рассматривала данную сферу, как особо значимую для реализации рассматриваемой политики, но когда руководство страны заметили возрастающий интерес к просмотрам картин на телеканалах, в социальных сетях, то было принято решение изучать данную сферу более детально и сделать её одним из факторов проявления «мягкой силы». Ныне турецкие сериалы действительно стали популярны по всему миру и имеют широкую целевую аудиторию, поскольку многим людям близок или же нравится дух турецкой культуры, их специфика менталитета, а также и многогранность их религиозных особенностей и, конечно же, разнообразия сюжетных линий [1]. Одним из ярких примеров является известный сериал «Великолепный век», который завоевал огромную популярность

во многих странах. «Великолепный век» не только развлекает зрителей, но и знакомит их с историей и культурой Османской империи.

Турецкая Республика активно использует образование и молодежные программы для укрепления своей «мягкой силы». Привлечение студентов из Южного Кавказа, Ближнего Востока, Центральной Азии и Балкан в турецкие университеты является важной частью этой стратегии. Программа «Türkiye Bursları» (Турецкие стипендии) играет ключевую роль, предоставляя иностранным студентам возможность получить высшее образование в Турции. Также Турецкая Республика активно занимается строительством учебных учреждений за границей. Например, в Казахстане и Узбекистане турецкие университеты (Университет Ахмета Ясави) стали центрами притяжения для местной элиты.

Вдобавок, религия также считается наиважнейшим элементом политики «мягкой силы». Так, Управление по делам религии («Diyanet») играет, ключевую роль в регулировании, а также и контроле религиозной практики. Основной целью данного учреждения является распространение духовных образовательных программ, предоставление учебных материалов для мечетей и религиозных школ. Причем ведущими ценностями для данного института являются толерантность, миролюбие и добродушие [2]. Турецкая Республика очень активно участвует в строительстве мечетей по всему миру.

Наиболее известным строительным проектом Анкары в Кыргызстане является центральная мечеть Бишкека, которую в 2018 году открыли президенты двух стран. Можно привести также недавний пример открытия мечети имени Реджепа Тайипа Эрдогана в Гвинее. Мечеть построена в османском стиле. И по африканским меркам представляет действительно грандиозное сооружение. Если раньше Анкара в своем исламском влиянии ограничивалась лишь Восточной Африкой (Судан, Сомали, т. е. регионы исторического присутствия Османской империи), то теперь идеология «неоосманизма» стоит во главе всей внешнеполитической активности Турции в Африке.

Турецкая Республика активно использует экономическое сотрудничество и инвестиции для укрепления своего влияния в регионе. Турция выступает в качестве ключевого экономического партнера и инвестора, особенно в странах Южного Кавказа, Центральной Азии, Северной Африки. Примером этого является участие Турецкой Республики в проектах TANAP (Трансанатолийский газопровод) и TAP (Трансадриатический газопровод), которые играют важную роль в энергетической безопасности Южного Кавказа и Европы. Турецкие инвестиции в экономику стран Центральной Азии способствуют развитию инфраструктуры, созданию рабочих мест и экономическому росту в этих странах.

Один из примеров реализации «мягкой силы» Турции является «Байрактар-дипломатия» – термин, органически вошедший в обиход в медиа-пространстве в конце 2020 - начале 2021 года в связи с успешным применением турецких БПЛА «Bayraktar TB2» в военных конфликтах, таких как в Ливии, Сирии и особенно в Нагорном Карабахе, где они сыграли значительную роль в победе Азербайджана. Термин описывает новую тактику внешней политики Турецкой Республики, сочетающую демонстрацию военной силы с помощью БПЛА, активную дипломатию и поставки вооружений. Турция активно использует экспорт «Bayraktar TB2» для укрепления связей с другими государствами, особенно в последнее время со странами Африки. Подход «Байрактар-дипломатии» сочетает в себе элементы военной мощи, экономического сотрудничества и «мягкой силы», демонстрируя технологические достижения Турецкой Республики и укрепляя ее имидж как инновационной страны.

Говоря про турецкую «мягкую силу», нельзя не затронуть Организацию тюркских государств (ОТГ), которая была создана в 2009 году с целью содействия всестороннему сотрудничеству между тюркоязычными странами. В Центральной Азии турецкое влияние сталкивается с более сложными условиями. Регион остается зоной интересов России и Китая, которые используют собственные инструменты «мягкой силы». Тем не менее, Турция нашла свою нишу, делая ставку на тюркскую солидарность. Целью ОТГ является углубление сотрудничества в политической, экономической, культурной, образовательной, транспортной, туристической и других сферах.

Участниками ОТГ являются Азербайджан, Казахстан, Кыргызстан, Турецкая Республика и Узбекистан. Венгрия и Туркменистан имеют статус наблюдателя. С каждым годом увеличиваются количество саммитов глав государств, министерские встречи, рабочие группы и другие механизмы для обсуждения и реализации совместных проектов. Военно-техническое сотрудничество турок со странами-участницами ОТГ развивается семимильными шагами. Количество учений становится все больше, «Байрактар-дипломатия» идет полным ходом, контрактов на поставки вооружения в страны региона становится все больше.

Также ОТГ работает над созданием единого тюркского алфавита на основе латиницы, состоящего из 34 букв, для укрепления языкового единства и сотрудничества между тюркоязычными странами.

Одним из наиболее ярких проявлений «мягкой силы» Турецкой Республики стало её сотрудничество с Азербайджаном, особенно в вопросе Нагорного Карабаха. Идея «одна нация – два государства» опирается на глубокие исторические, языковые и этнокультурные связи между турками и азербайджанцами. Во время Второй Карабахской войны (2020) это

партнёрство достигло наивысшей точки: Анкара оказала Баку не только политическую, но и военную поддержку, что укрепило союзнические отношения, основанные на реальной близости и взаимовыгодном сотрудничестве. Сегодня же, образование является одним из самых значимых сфер в отношениях между данными странами по развитию подобной политики. Так, по числу приезжих студентов в Турцию лидирует Азербайджан, согласно статистическим данным. В государстве широко распространены образовательные программы для иностранных студентов, которые реализуют в 103 государственных и 63 частных университетах широкий спектр программ по различным направлениям подготовки [3].

Подытожим: Турецкая Республика смогла создать уникальную модель «мягкой силы», основанную на историко-культурной близости, экономическом прагматизме и гибкой дипломатии. В Азербайджане эта стратегия принесла впечатляющие результаты, где идея «одна нация – два государства» создает прочную основу для влияния. В Центральной Азии и других регионах Анкара продолжает наращивать присутствие. У Турции есть перспективы для укрепления своего влияния, особенно через Организацию тюркских государств (ОТГ), экономическое сотрудничество, продвижение турецкой культуры и «Байрактар-дипломатию». В будущем значение турецкой «мягкой силы» будет только расти, особенно если Турецкая Республика сумеет сохранить баланс между тюркской солидарностью и прагматичным учетом интересов других региональных игроков. Однако ее успех во многом зависит от способности адаптироваться к меняющейся геополитической обстановке и избегать открытых конфликтов с более мощными конкурентами – Россией и Китаем.

Библиографические ссылки

1. *Ялчин М.* Использование этнографических коммуникативных кодов в турецких телесериалах как продукте массовой культуры: на примере сериала *Дирилиш Эртутрул* / Журнал исследований в области гуманитарных и социальных наук. 2016. 240 с.
2. *Kalin İ.* Soft Power and Public Diplomacy in Turkey // *Perceptions: Journal of International Affairs*. 2011. Vol. 16, no. 3. P. 5–23.
3. *Ибадов Н. В.* Реализация концепции «мягкой силы» Турции в тюркском регионе // *Постсоветские исследования*. 2024. Т. 1, № 7. С. 32–39.

ЗАПРЕЩЕННЫЕ СИСТЕМЫ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА: УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ВЫЗОВ

К. В. Жогло

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, zhoglokristinaa@gmail.com
Научный руководитель – А. Л. Савенок, доктор юридических наук, профессор*

В работе рассматривается актуальность разработки нормативно-правовой базы для регулирования технологий искусственного интеллекта. Анализируются риск-ориентированный подход к управлению потенциальными угрозами на всех этапах жизненного цикла искусственного интеллекта. Особое внимание уделяется европейской системе классификации неприемлемых рисков, рассматриваются возможные уголовно-правовые последствия использования таких систем.

Ключевые слова: искусственный интеллект; проект модельного закона; запрещенные системы; уголовное право; риск-ориентированный подход; субъект преступления.

Искусственный интеллект стремительно развивается, проникая во все сферы человеческой жизни. Однако с ростом его влияния возникает и необходимость в контроле и регулировании с целью предотвращения возможных негативных последствий. Эффективное управление такими технологиями должно основываться на этических принципах и учитывать интересы общества, обеспечивая безопасное и ответственное использование технологий искусственного интеллекта.

В ноябре 2024 года Совет по вопросам правовой и судебной деятельности при Президенте признал целесообразным разработку и принятие закона о технологиях искусственного интеллекта. В марте 2025 года на заседании Постоянной комиссии Межпарламентской ассамблеи государств-участников Содружества независимых государств по науке и образованию парламентариями был одобрен проект модельного закона «О технологиях искусственного интеллекта», направленный на «принятие единой терминологии и принципов использования искусственного интеллекта в странах СНГ, обеспечение государственной поддержки и соблюдение этических норм, создающий общие правила, не противоречащие национальному законодательству» [1]. В это же время рабочей группой по разработке законопроекта об искусственном интеллекте было обсуждена и разработка отечественного закона, регулирующего искусственный интеллект. Все это свидетельствует об активной разработке нормативно-правовой базы регулирования искусственного интеллекта в целях его безопасного и эффективного внедрения.

Исходя из анализа имеющейся информации о проекте модельного закона, полагается, что на всех этапах жизненного цикла искусственного интеллекта будет использован риск-ориентированный подход, который предполагает построение конструктивных моделей управления рисками, основанных на типе технологий искусственного интеллекта, сфере применения, уровне потенциальной опасности [2, с.1].

С точки зрения уголовно-правовых наук, риск-ориентированная концепция представляет собой «возможную криминогенную опасность, характеризующуюся как реальная, но еще не реализованная потенциальная угроза». Такой подход может обеспечить предупредительное воздействие в рамках стратегии предупреждения преступности, а также установить необходимый баланс применения мер уголовно-правового воздействия в соответствии с обстоятельствами и тяжестью совершенного преступления [3, с. 6].

В связи с этим рассмотрим нормы «Акта об искусственном интеллекте» Европейского союза – первого в мире нормативного акта, всесторонне регулирующего технологии искусственного интеллекта. Риск-ориентированный подход Европейского союза составляет четыре уровня риска: минимальный, ограниченный, высокий, неприемлемый. Наибольший интерес в рамках данного исследования представляют системы искусственного интеллекта с неприемлемым риском, то есть запрещенные системы искусственного интеллекта ввиду нарушения фундаментальных прав. К ним относятся:

- методы, воздействующие на подсознание, манипулятивные и вводящие в заблуждение методы;
- методы биометрической идентификации;
- методы формирования социального рейтинга;
- прогностические методы, основанные на профилировании;
- методы определения эмоций [4].

Рассмотрим некоторые из таких запрещенных систем. Так, запрещено размещать на рынке, вводить в эксплуатацию или использовать системы искусственного интеллекта, использующие подсознательные техники за пределами сознания человека, целенаправленно манипулятивные или вводящие в заблуждение методы с целью существенного искажения поведения лица, что существенно ухудшает способность принимать осознанное решение, тем самым заставляя лицо принять решение, которое в противном случае оно не приняло бы, в следствии чего причиняется или появляется возможность причинения значительного вреда. Сюда же относятся и системы, использующие любую уязвимость человека, обусловленную возрастом, инвалидностью, социальной или экономической ситуацией с целью последующего существенного искажения поведения тако-

го лица, что причиняет или с достаточной вероятностью может причинить значительный вред как этому, так и иным лицам. В качестве примера приводится реклама, в которую встроены незаметные визуальные подсказки для влияния на поведение потребителей, а также игровые платформы, которые используют незаметные стимулы для повышения вовлеченности пользователей [4, с.3].

В то же время запрещается размещение на рынке, ввод в эксплуатацию или использование систем биометрической категоризации, которые классифицируют отдельных физических лиц на основе их биометрических данных, чтобы сделать заключение об их расе, политических взглядах, членстве в профсоюзе, религиозных или философских взглядах, убеждениях. Подобные системы искусственного интеллекта могут быть использованы для продвижения высокопроцентных кредитов людям, находящимся в сложной финансовой ситуации, а также для привлечения детей к играм с использованием увлекательных механик [4, с.3].

Вполне вероятно, что при разработке Модельного закона, а в последующем – и белорусского закона, будет использован подобный подход к регулированию технологий искусственного интеллекта. А, следовательно, при признании указанных методов неприемлемыми, можно рассмотреть использования таких системы с точки зрения уголовного права. В таком случае, использование методов, воздействующих на подсознание, манипулятивных и вводящих в заблуждение методов будет являться правонарушением, влекущим административную ответственность по ст. 13.9 КоАП, а при наличии административной преюдиции – уголовную ответственность по ст. 198¹, так как согласно п.4 ст. 26 Закона Республики Беларусь «О рекламе», использование в радио-, теле-, видео-, аудио- или кинопродукции, а также в иной продукции или размещение (распространение) иными способами скрытой рекламы, то есть рекламы, которая оказывает не осознаваемое потребителем рекламы воздействие на его восприятие, в том числе путем использования специальных видеовставок (двойной звукозаписи) или иными способами, запрещаются. Так как согласно ст. 1 Закона Республики Беларусь «О защите персональных данных», биометрические данные, т.е. информация, характеризующая физиологические и биологические особенности человека, которая используется для его уникальной идентификации (отпечатки пальцев рук, ладоней, радужная оболочка глаза, характеристики лица и его изображение и другое), относятся к персональным данным, использование систем искусственного интеллекта может считаться преступлением, предусмотренным ст. 203¹ УК Республики Беларусь.

Закономерно и остро встает вопрос: кто будет являться субъектом преступления? Ввиду отрицания автором концепции искусственного ин-

теллекта как субъекта преступления, уголовной ответственности в зависимости от конкретной ситуации должны подлежать разработчики, лица, вводящие такие системы в эксплуатацию, а также собственники или владельцы указанной системы. Применение подхода, основанного на оценке и управлении рисками, поможет снизить вероятность неблагоприятных исходов, связанных с внедрением новых технологий, и будет способствовать стабильному росту высокотехнологичного сектора. Полагаем, что разрабатываемый закон должен предусмотреть и четко прописать обязанности каждого из возможных акторов – субъектов отношений в сфере искусственного интеллекта – с целью привлечения к ответственности лиц, непосредственно нарушивших выполнение своих обязанностей.

Библиографические ссылки

1. В НАН рассказали о работе по формированию национального законодательства в регулировании ИИ // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. URL: <https://pravo.by/novosti/obshchestvenno-politicheskie-i-v-oblasti-prava/2025/april/88388/> (дата обращения: 11.11.2024).

2. *Ерахтина, О.С.* Подходы к регулированию отношений в сфере разработки и применения технологий искусственного интеллекта: особенности и практическая применимость / Journal of Digital Technologies and Law. 2023. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/podhody-k-regulirovaniyu-otnosheniy-v-sfere-razrabotki-i-primeneniya-tehnologiy-iskusstvennogo-intellekta-osobennosti-i> (дата обращения: 20.05.2025).

3. *Будко, Д.В.* Концепция риск-ориентированного подхода в условиях развития технологий искусственного интеллекта / Вестник Казанского юридического института МВД России. 2024. №3 (57). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptsiya-risk-orientirovannogo-podhoda-v-usloviyah-razvitiya-tehnologiy-iskusstvennogo-intellekta> (дата обращения: 20.05.2025).

4. *Шейкин, А.Г.* Запрещенные действия в области искусственного интеллекта в законодательстве Европейского союза / Правопорядок: история, теория, практика. 2024. №3 (42). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zapreshennye-deystviya-v-oblasti-iskusstvennogo-intellekta-v-zakonodatelstve-evropeyskogo-soyuza> (дата обращения: 20.05.2025).

ОБЪЕКТ И ПРЕДМЕТ КИБЕРПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ СОБСТВЕННОСТИ

Н. А. Казак

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости 4,
220030, г. Минск, Беларусь, alekskazak7@gmail.com
Научный руководитель – И. О. Грунтов, доктор юридических наук, профессор*

В статье рассматриваются проблемы уголовно-правовой квалификации преступлений против собственности, совершаемых в киберпространстве. Предлагается дополнить законодательство, включив в понятие предмета преступления не только материальные, но и виртуальные ценности, а также внести соответствующие разъяснения в постановления Пленума Верховного суда.

Ключевые слова: киберпреступления против собственности; объект киберпреступлений; преступления против собственности; предмет киберпреступлений; собственность; имущество; информационно-коммуникационные технологии; уголовно-правовая квалификация; виртуальный объект.

С каждым годом все труднее представить жизнь человека без технологий. Ежедневно мы используем гаджеты, умные бытовые приборы и приложения для удаленной реализации наших потребностей.

Несмотря на все достоинства информационно-коммуникационных технологий, их повсеместное внедрение способствует возникновению новых преступлений, а также новых способов совершения уже закрепленных в Уголовном кодексе посягательств.

Совершение преступлений против собственности, предусмотренных главой 24 Уголовного кодекса стало возможным и в киберпространстве.

Для правильной уголовно-правовой оценки деяния имеет значение объект преступления, то есть те общественные отношения, которым причиняется вред при совершении преступления [5, с. 138].

Важно отметить, что объект преступлений против собственности и объект киберпреступлений против собственности отождествляются.

В качестве родового объекта преступлений против собственности выступают общественные отношения собственности, при которых собственник лишается права владения, пользования и распоряжения своим имуществом [2]. Видовой объект киберпреступлений – общественные отношения собственности. Непосредственным объектом преступлений против собственности, совершение которых возможно в киберпространстве, считаются общественные отношения, охраняемые определенной статьей главы 24 УК. Но так было не всегда. В УК БССР 1928 глава называлась «имущественные преступления».

Понятие имущество, на наш взгляд, охватывало больший круг общественных отношений. А.Г. Безверхов обосновал необходимость совершенствования системы уголовно-правовых норм, предусмотренных в главе 21 УК Российской Федерации. Он предложил переименовать настоящую главу на «Имущественные преступления».

Под имущественными преступлениями предлагается понимать умышленные и неосторожные общественно опасные деяния, посягающие на имущественные отношения рыночной природы и причиняющие или угрожающие причинением имущественного вреда в виде реального ущерба или неполученных доходов (упущением выгоды) собственнику [1, с. 9-11].

Помимо объекта, неотъемлемым элементом преступлений является предмет. Под предметом преступления понимается материальная вещь или иная ценность нематериального характера, которая находится под охраной уголовного закона.

В уголовном законодательстве и научной литературе предмет преступлений против собственности определяется относительно хищения. Так примечание к главе 24 УК закрепляет в качестве предмета имущество или право на имущество.

Имущество, выступая предметом хищения должно обладать обязательным признаком экономической ценности, то есть способностью удовлетворять определенные потребности субъекта.

Давыдова К.М. отмечает: «предметом хищения могут быть только те вещи материального мира, которые перестали быть частью природы, извлечены из естественного состояния с затратой труда, обладают экономической ценностью» [3, с.38].

В результате научно-технического прогресса, а также активного использования информационно-коммуникационных технологий увеличилось количество хищений, предметом которых выступает виртуальный объект, представляющий экономическую ценность. Так в литературе стали встречаться понятия «цифровой» или «кибер» кражи.

Уголовное законодательство Республики Беларусь указывает на материальный характер предмета преступления, однако в судебной практике существует ряд случаев, где предметом преступлений, закрепленных главой 24 УК выступает предмет нематериального мира.

Например, в 2016 году у жителя Пружан был похищен танк «ИС-8» в игре «World Of Tanks». Для модернизации данного танка мужчина потратил не только огромное количество часов, проведенных в игре, но и более одного миллиона двухсот тысяч неденоминированных белорусских рублей. В результате расследования, деяния были квалифицированы по ч. 2 ст. 349 УК Республики Беларусь. Необходимо в первую оче-

редь определить, что данное преступление посягает на отношения собственности.

В качестве предмета хищения может выступать криптовалюта. Легальное определение криптовалюты дано в п. 4 Приложения 1 к Декрету Президента Республики Беларусь от 21 декабря 2017 г. № 8. «Криптовалюта – биткоин, иной цифровой знак (токен), используемый в международном обороте в качестве универсального средства обмена». В п.12 этого приложения к Декрету №8 дается определение токена.

В законе отмечается, что «цифровой знак (токен) - запись в реестре блоков транзакций (блокчейне), иной распределенной информационной системе, которая удостоверяет наличие у владельца цифрового знака (токенов) прав на объекты гражданских прав и (или) является криптовалютой» [7].

Так, согласно материалам уголовного дела, гражданин П., имея умысел противоправного безвозмездного завладения чужим имуществом с корыстной целью, выразившегося в стремлении извлечь для себя выгоду материального характера, используя компьютерную и иную технику с доступом в сеть Интернет, в ходе переписки с гражданкой Р. под предлогом оказания помощи, заключавшейся в увеличении количества криптовалюты, а также в обучении по выводу криптовалюты с кошелька завладел принадлежащей гражданке Р. криптовалютой на общую сумму свыше 36 БВ. Судом действия были квалифицированы по ч. 2 статьи 209 УК Республики Беларусь.

При изучении и анализировании судебной практики возникают вопросы относительно закрепления признаков предмета хищения. В процессе определения предмета хищения необходимо в качестве обязательного признака рассматривать не только выражение имущества в материальном виде, но и возможность нахождения такого имущества в электронном виде.

Исходя из этого, предлагается дополнить обязательный признак предмета, закрепленный в белорусском законодательстве: основополагающим признаком сделать экономический, а также дополнить физический признак возможностью нахождения вещи не только в материальном виде, но и в электронном.

Такая идея нашла свое отражение и в Модельном Законе «О противодействии киберпреступности».

На основании вышеперечисленного, на наш взгляд, целесообразно дополнить Постановление Пленума Верховного суда № 15 «О применении судами уголовного законодательства по делам о хищениях имущества» пояснением: «К имуществу помимо объектов материального мира относятся виртуальные (электронные) ценности, принадлежащие друго-

му лицу (криптовалюты, токены, платежные средства онлайн-сервисов, электронные деньги и другое) [6].

Подводя итоги, необходимо отметить, что преступления против собственности, совершаемые в киберпространстве, набирают популярность в связи с активным развитием и повсеместным внедрением информационно-коммуникационных технологий. Ключевым аспектом при уголовно-правовой оценке таких деяний остается объект преступления – общественные отношения собственности, которые нарушаются независимо от того, совершено ли преступление в реальном или виртуальном пространстве [3, с. 26].

Основная проблема заключается в несоответствии традиционного понимания предмета преступления (как исключительно материального объекта) новым реалиям цифровой экономики. Судебная практика Республики Беларусь уже сталкивается с необходимостью квалификации хищений виртуальных активов, что свидетельствует о назревшей потребности в законодательных уточнениях.

Библиографические ссылки

1. *Безверхов, А. Г.* Имущественные преступления: автореф., дисс, докт, юр, наук: 12-00.08 - уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право. Ижевск. 2002. с. 9-11.
2. Гражданский кодекс Республики Казахстан. 27 декабря 1994 г., № 268-ХІІІ: принят Верховным Советом 27 дек. 1994 г.: в ред. Закона РК от 23.12.2023 г. // ИПС «Әділет» / РЦПИ РК. А., 2024.
3. *Давыдова, К. М.* Понятие и признаки предмета хищения / Проблемы и перспективы развития уголовно-исполнительной системы России на современном этапе: Материалы Межд. научн. конф. адъюнктов, аспирантов, курсантов и студентов, Самара, 25 апреля 2017 года / Самарский юрид. инст. ФСИН России. Том Часть 2. Самара: Самарский юрид. инст. ФСИН России, 2017. С. 38-41.
4. *Добринская, Д. Е.* Киберпространство: территория современной жизни / Вестник Моск. ун-та. Сер.18, Социол.и полит. 2018. Т.24, №1. С.58
5. *Коменский Н. А.* Компьютерная информация и информационные технологии как средство совершения преступления. / Преступления в информационной сфере: проблемы расследования, квалификации, реализации ответственности и предупреждения: матер. межд. научно-практ. конф. 14-15 февраля 2013 г. / М-во обр. и науки РФ, ФГБОУ ВПО «Тамб. гос. ун-т им. Г.Р. Державина»; ред. кол.: А.В. Шуняева и др. Тамбов: Изд. дом ТГУ имени Г. Р. Державина, 2013. С.138-139.
6. О применении судами уголовного законодательства по делам о хищениях имущества: постановление Пленума Верховного Суда Республики Беларусь, 21 дек. 2001 г., № 15 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2024.
7. О развитии цифровой экономики: Декрет Президента Респ. Беларусь, 21 дек. 2017г. №8 // Эталон. Законодательство Республики Беларусь / Нац. Центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск. – 2020.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАСТОРЖЕНИЯ ТРУДОВОГО ДОГОВОРА ПО ИНИЦИАТИВЕ НАНИМАТЕЛЯ

Д. Ю. Канюков

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, stweer1@gmail.com*

Научный руководитель – Т. А. Постовалова, кандидат юридических наук, доцент

Изучение расторжения трудового договора по инициативе нанимателя актуально, так как знание норм трудового права предотвращает злоупотребления и гарантирует права сторон. Автор статьи рассматривает доктринальные определения, предлагает собственное, а также предлагает дополнить ст.42 Трудового кодекса Республики Беларусь. Аргументирует необходимость гармонизации законодательства ЕАЭС, анализирует судебную практику и предлагает улучшения в трудовом законодательстве через упрощение доказательства с использованием электронных доказательств.

Ключевые слова: трудовой договор; расторжение трудового договора; инициатива нанимателя; анализ судебной практики; совершенствование трудового законодательства; виновные действия работника; невиновные действия работника.

Для начала рассмотрим доктринальное толкование понятия «прекращение трудового договора». Так, по мнению Е. М. Гершанова, под прекращением трудового договора понимается «освобождение от работы в качестве рабочего или служащего на данном предприятии, в учреждении, организации по основаниям и в порядке, предусмотренным законодательством» [1, с. 112].

Под «расторжением трудового договора» Н. И. Тарасевич имела в виду «обязательное наличие инициативы одной из сторон трудового договора прекратить трудовые правоотношения независимо от согласия другой стороны» [2, с. 603].

Прекращение трудового договора во многом схоже с понятием «увольнение», которое может быть использовано для определения различных случаев окончания действия трудового договора, за исключением прекращения трудовых отношений в связи со смертью работника, в случае признания его судом безвестно отсутствующим или умершим.

Таким образом, в доктрине трудового права выделяют три понятия, неразрывно связанных с окончанием трудовых отношений: «прекращение трудового договора», «расторжение трудового договора», «увольнение». Также дополнительно некоторые российские правоведы выделяют и четвертое понятие – «аннулирование».

Традиционно дифференциация данных терминов заключается в том, что термин «прекращение трудового договора» используется в отноше-

нии понятия «трудовые отношения», термин «расторжение трудового договора» – в отношении трудового договора, в то время как термин «увольнение» – применительно к понятию «работник».

Отметим, что легального определения «расторжение трудового договора по инициативе нанимателя» в Республике Беларусь нет, поэтому предлагаем дополнить ст.1 Трудового кодекса Республики Беларусь от 26 июля 1999 г. № 296-3 (далее – ТК Республики Беларусь) пунктом 13 и рассмотреть наше авторское определение в следующей редакции: «расторжение трудового договора по инициативе нанимателя – это одностороннее прекращение трудовых отношений, осуществляемое нанимателем в соответствии с установленными законодательством основаниями с обязательным уведомлением работника о расторжении договора в установленный срок и предоставлением правомерных оснований своих действий». Предлагаем гармонизировать классификации оснований расторжения трудового договора во всех государствах-членах Евразийского экономического союза, поскольку концептуально они являются неизменными и во многом схожими. Разные подходы к классификации оснований расторжения трудового договора, существующие в национальных законодательствах, могут создавать некоторые правовые проблемы как для работников, так и для нанимателей. Однако, отметим, процесс гармонизации должен учитывать специфику каждого государства, ее социально-экономические условия и национальные обычаи. Важно, чтобы основания расторжения трудового договора были не только адаптированы к национальным особенностям каждого государства, но и направлены на защиту прав всех участников трудовых отношений [3, с. 5].

Важно понимать, что расторжение трудового договора должно происходить в строгом соответствии с действующим законодательством, с соблюдением всех процедурных норм и прав работника. Наниматель обязан документально зафиксировать факты нарушения и предоставить работнику возможность объяснить свои действия. Это обеспечивает защиту прав сторон и способствует созданию справедливой и объективной системы трудовых отношений [4, с. 219].

Предлагаем дополнить ст. 42 ТК Республики Беларусь основанием, закрепленном в п. 4 ч. 1 ст. 47 ТК Республики Беларусь (направление работника по решению суда в лечебно-трудовой профилакторий), поскольку, как нам видится, данное основание можно отнести скорее к невиновным действиям работника ввиду не только своей специфики, но и правовой регламентации указанного основания. Также предлагаем перенести п. 10 ч. 1 ст. 47 ТК Республики Беларусь (нарушение работником порядка сбора, систематизации, хранения, изменения, использования, обезличивания, блокирования, распространения, предоставления, удаления пер-

сональных данных) в ст. 42 ТК Республики Беларусь, так как в контексте современных реалиях данное основание является скорее основным, нежели дополнительным.

Анализ судебной практики по делам о расторжении трудового договора по инициативе нанимателя в связи с виновными действиями работника показывает, что, несмотря на детальную регламентацию оснований увольнения, на практике возникают неоднозначные и иногда спорные ситуации.

Суды часто сталкиваются с проблемой доказывания вины работника, неоднозначным толкованием норм ТК Республики Беларусь и недостаточной определенностью некоторых формулировок.

К основным проблемам, складывающимся в судебной практике по основаниям расторжения трудового договора по инициативе нанимателя, связанным с виновными действиями работника, можно отнести сложность доказывания вины работника, поскольку нанимателю необходимо предоставить неопровержимые доказательства (докладные записки, акты, свидетельские показания), что не всегда представляется возможным, формальные нарушения процедуры увольнения: несоблюдение сроков применения дисциплинарных взысканий или отсутствие объяснительной от работника часто приводят к восстановлению на работе и несоразмерность наказания проступку, которая заключается в том, что суды иногда признают увольнение чрезмерной мерой, особенно при отсутствии систематичности нарушений.

К основным предложениям по совершенствованию трудового законодательства по данному вопросу можем отнести, во-первых, упрощение процедуры доказывания в части закрепления возможности использования электронных доказательств (камер видеонаблюдения, электронной переписки) при условии их надлежащего оформления, введение дифференцированных мер ответственности: возможность замены увольнения на иные санкции (штраф, перевод) для случаев, когда проступок не носит крайне тяжкого характера.

К основным проблемам, возникающим на практике по основаниям расторжения трудового договора по инициативе нанимателя, не связанным с виновными действиями работника, на наш взгляд, можно отнести нечеткость критериев увольнения (например, «несоответствие работника занимаемой должности...» – п. 3-п. 4 ч. 1 ст. 42 ТК Республики Беларусь) – отсутствие четких стандартов оценки квалификации работника, формализм в процедуре сокращения: несоблюдение сроков предупреждения, отсутствие реального предложения другой работы, закрепленного в ст. 43 ТК Республики Беларусь, и злоупотребление «экономическими причинами», под которыми следует понимать фактическую подмену

понятий, т.е. увольнение работника под видом сокращения при отсутствии реальных организационных изменений [5, с. 8].

Предлагаем конкретизировать основания увольнения путем внесения в ТК Республики Беларусь более четких критериев для несоответствия должности, т.е. введение обязательной аттестации или оценки компетенций, усиление гарантий для работников посредством обязательного предложения всех вакантных должностей (включая нижеоплачиваемые) перед увольнением такого работника, расширение перечня льготных категорий, защищенных от увольнения (например, родителей детей-инвалидов).

Таким образом, совершенствование трудового законодательства в части увольнения без наличия виновных действий работника должно обеспечить баланс между гибкостью для нанимателей и защитой прав работников. Четкие критерии увольнения, простые и понятные для восприятия процедуры значительно помогут снизить нагрузку на судебную систему Республики Беларусь.

Библиографические ссылки

1. *Гершанов Е. М.* Отвечаем на вопросы о трудовом договоре: Пособие для слушателей народных университетов / М.: Знание, 1991. 320 с.
2. *Тарасевич Н. И.* Меры дисциплинарной ответственности работников: отдельные проблемные аспекты / Право в современном белорусском обществе: сб. науч. тр. : вып. 16. Минск : Колорград, 2021. С. 596–606.
3. *Томашевский К. Л.* Определение трудового отношения: от доктринальных разработок к легальному закреплению в государствах-членах ЕАЭС / Трудовое право в России и за рубежом. 2018. № 1. С. 3–6.
4. Трудовое право: учеб. пособие / О. С. Курылева [и др.] ; под ред. Т. М. Петоченко. Минск: РИПО, 2019. 322 с.
5. *Мотина Е. В.* Сроки защиты трудовых прав в контексте понятия трудового спора / Принёманские научные чтения: сб. науч. трудов, г. Гродно / БИП ; ред. кол.: Филиппик Т.В. (отв. ред.) [и др.]. Гродно: БИП, 2024. С. 6–10.

ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ НАПРАВЛЕНИЯ И РАССМОТРЕНИЯ ЭЛЕКТРОННЫХ ОБРАЩЕНИЙ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

А. Ю. Клезович

*Белорусский государственный университет пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, alexandra.klezovich@mail.ru
Научный руководитель – Т. М. Киселёва, кандидат юридических наук, доцент*

Научная статья посвящена анализу законодательного регулирования электронных обращений в Республике Беларусь. Приведенное исследование направлено на выявление недостатков, связанных с реализацией на практике законодательно закреплённого права граждан на направление электронных обращений в качестве индивидуальных предпринимателей. Также внимание уделено праву граждан направлять электронные обращения индивидуальным предпринимателям.

Ключевые слова: электронные обращения; законодательное регулирование; индивидуальные предприниматели; направление электронных обращений; обращения.бел; обращения граждан; обращения индивидуальных предпринимателей.

Институт обращений играет важную роль в любом государстве как способ ведения диалога между гражданами и государством, как атрибут демократического государства. Важная роль данного института подтверждается и тем, что право граждан на подачу обращений предусмотрено Конституцией Республики Беларусь. Однако следует отметить, что в виду тенденций в современном мире, направленных на активное использование и внедрение информационно-коммуникационных технологий как в повседневную жизнь граждан, так и в деятельность государств, институт обращений претерпел определённые изменения. Так возник институт электронных обращений.

В Республике Беларусь основным нормативным правовым актом, регулирующим порядок реализации гражданами указанного конституционного права, является Закон Республики Беларусь от 18 июля 2011 г. № 300-З «Об обращениях граждан и юридических лиц».

В ст. 1 Закона Республики Беларусь «Об обращениях граждан и юридических лиц» приведено легальное определение понятия «электронное обращение». На сегодняшний день под электронным обращением понимается обращение заявителя, поданное посредством системы учёта и обработки обращений [2].

Для более полного понимания данного термина обратимся к понятию «обращения». В той же ст. 1 Закона Республики Беларусь «Об обращениях граждан и юридических лиц» указано, что обращение представляет собой индивидуальные или коллективные заявления, предложе-

ние, жалобу, изложенные в письменной, электронной или устной форме [2]. В свою очередь, предложение представляет собой рекомендацию по улучшению деятельности органа, организации, которому направлено обращение. Заявление – это ходатайство лица о содействии в реализации прав, свобод, законных интересов, не связанное с их нарушением, а равно и сообщения о нарушениях законодательства или недостатках в деятельности того органа, организации, которому направлено обращение. Жалоба же подаётся в том случае, если права, свободы и законные интересы лица уже были нарушены и необходимо содействие в их восстановлении.

Существующий на сегодняшний день способ подачи электронных обращений посредством системы учёта и обработки обращений существует относительно непродолжительный промежуток времени. Соответствующие изменения были внесены в Закон Республики Беларусь «Об обращениях граждан и юридических лиц» в 2022 году.

На сегодняшний день система учёта и обработки обращений функционирует в виде интернет-портала «обращения.бел» (<https://обращения.бел>).

Однако следует обратить внимание, что согласно ст. 3 Закона Республики Беларусь «Об обращениях граждан и юридических лиц» право на обращение имеют как граждане, юридические лица, так и индивидуальные предприниматели. При этом при реализации этого права посредством подачи электронных обращений через систему учёта и обработки обращений возникает препятствие следующего характера.

Прежде всего, на сегодняшний день на интернет-портале «обращения.бел» при регистрации существует возможность зарегистрироваться в качестве гражданина Республики Беларусь, иностранного гражданина, лица без гражданства и юридического лица Республики Беларусь. Отдельной категории для индивидуальных предпринимателей не предусмотрено. Это означает, что лицо, осуществляющее индивидуальную предпринимательскую деятельность, не имеет возможности подать своё электронное обращение в какой-либо государственный орган, организацию именно в качестве индивидуального предпринимателя. Тем не менее, у него всё же сохраняется возможность реализовать своё право на обращение в качестве гражданина Республики Беларусь, иностранного гражданина или лица без гражданства.

Что же касается направления обращений индивидуальным предпринимателям, то на сегодняшний день ст. 3 Закона «Об обращениях граждан и юридических лиц» закрепляет только одну форму такого обращения – посредством внесения замечаний или предложений в книгу замечаний и предложений. Направление же электронных обращений индиви-

дуальным предпринимателям законодателем закреплено не было. По нашему мнению, подобную возможность следовало бы законодательно закрепить для удобства как заявителей, так и самих индивидуальных предпринимателей, сохраняя при этом имеющийся способ. Для этого, однако, необходимы определённые изменения на интернет-портале «обращения.бел». На сегодняшний день при заполнении формы подачи обращения пользователь видит поле «Выберите организацию». В данном поле, как отмечается непосредственно на интернет-портале, представлены органы и организации, зарегистрированные в системе. В связи с предлагаемым закреплением возможности направлять индивидуальным предпринимателям электронные обращения необходимо будет и усовершенствовать данную форму.

Однако необходимо учитывать также возможности непосредственно индивидуального предпринимателя, связанные с рассмотрением электронных обращений. В связи с этим отмечаем, что использование ими системы учёта и обработки обращений должно быть исключительно добровольным.

Таким образом, на данный момент в Республике Беларусь не предусмотрена возможность для индивидуальных предпринимателей направлять электронные обращения посредством системы учёта и обработки обращений, хотя законодательство не содержит соответствующих исключений. Полагаем, что следует различать статус заявителя-физического лица и статус заявителя-индивидуального предпринимателя. Интересным представляется также вопрос о более активном включении в отношения, связанные с рассмотрением электронных обращений, индивидуальных предпринимателей. Полагаем, что индивидуальным предпринимателям следует предоставить право по их желанию принимать электронные обращения через систему учёта.

Библиографические ссылки

1. Конституция Республики Беларусь: с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г., 17 окт. 2004 г. и 27 февр. 2022 г. Минск: Национальный центр правовой информации Республики Беларусь, 2023. 80 с.

2. Об обращениях граждан и юридических лиц : Закон Респ. Беларусь от 18 июля 2011 г. № 300-З : в ред. от 17 июля 2023 г. № 284-З // iLex : информ. правовая система (дата обращения: 13.05.2025).

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ЧАЕВЫХ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

А. А. Кохович

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, kohovich75@gmail.com
Научный руководитель – О. А. Евменчикова, старший преподаватель*

В статье исследуется правовая природа чаевых в белорусском гражданском праве. Анализируются возможные варианты их квалификации: как односторонней сделки, дарения или вознаграждения за услуги. Проведен сравнительный анализ регулирования чаевых в Германии, Франции и Соединенных Штатах Америки. Обосновывается целесообразность признания чаевых внедоговорным платежом в белорусском праве. Выявлены проблемы отсутствия регулирования: неопределенность правоотношений, риски злоупотреблений, сложности налогообложения. Работа содержит новые подходы к регулированию межотраслевого института чаевых.

Ключевые слова: чаевые; гражданско-правовая природа; обязательственные правоотношения; сравнительно-правовой анализ.

С точки зрения гражданского права, чаевые представляют собой сложный правовой феномен, требующий тщательного анализа в рамках обязательственных правоотношений. В отсутствие специального законодательного регулирования в Беларуси, их правовая природа вызывает значительные дискуссии среди правоведов и практикующих юристов.

В первую очередь, возникает вопрос о месте чаевых в системе гражданских обязательств. Теоретически возможны несколько вариантов квалификации:

1) Как одностороннюю сделку, где волеизъявление клиента направлено на увеличение имущества работника без встречного предоставления. Однако такая квалификация не учитывает обусловленность выплаты фактом оказания услуги.

2) Как особый вид дарения, что противоречит норме ст. 545 Гражданского кодекса от 07.12.1998 N 218-З, запрещающей дарение в отношениях между коммерческими организациями и их контрагентами. Кроме того, дарение предполагает безвозмездность, тогда как чаевые часто рассматриваются как вознаграждение за качество услуги.

3) Как дополнительное вознаграждение по договору возмездного оказания услуг. Однако это сталкивается с проблемой отсутствия договорных отношений между клиентом и непосредственно работником.

Как показывает сравнительно-правовой анализ, различные юрисдикции по-разному подходят к решению этого вопроса. В частности, в

Германии сложилась устойчивая доктрина, согласно которой чаевые рассматриваются как особый вид дарения. Примечательно, что немецкие суды последовательно придерживаются позиции, что такие выплаты не могут учитываться при расчете минимальной заработной платы. Аналогичный подход демонстрирует французское законодательство, где чаевые прямо исключены из предмета трудового договора.

В англо-американской правовой традиции сложилась иная концепция. В США, например, чаевые признаются составной частью заработка работника. Однако важно отметить, что американские суды выработали строгие критерии отграничения чаевых от обязательных сервисных сборов, которые уже квалифицируются как часть договорной цены.

В контексте белорусского права, как представляется, наиболее перспективным было бы заимствование элементов немецкого подхода с его акцентом на внедоговорную природу чаевых, то есть квалификация чаевых как особого вида внедоговорного платежа, возникающего на основании сложного юридического состава: факта оказания услуги + добровольного волеизъявления клиента. При этом важно отметить, что чаевые:

- не являются существенным условием договора оказания услуг;
- не могут быть взысканы в принудительном порядке;
- не образуют задолженности при отказе от их уплаты.

Особого внимания, на наш взгляд, заслуживает вопрос о моменте перехода права собственности на чаевые. В данном контексте интересен опыт польского законодателя, который в 2022 году ввел четкие правила: при наличной передаче право собственности возникает непосредственно у работника, тогда как электронные платежи предполагают специальный механизм распределения через работодателя. Такой дифференцированный подход, по нашему мнению, мог бы быть продуктивно адаптирован к белорусским реалиям.

В ходе исследования также было установлено, что отсутствие четкого правового регулирования порождает ряд системных проблем:

- неопределенность в квалификации природы правоотношений;
- риски злоупотреблений со стороны работодателей;
- сложности в налоговом администрировании.

В качестве выводов хотелось бы подчеркнуть, что разработка комплексного регулирования института чаевых требует межотраслевого подхода, учитывающего как гражданско-правовые, так и трудовые аспекты. Представляется целесообразным внесение соответствующих изменений в Гражданский кодекс, возможно, в виде специальной главы, посвященной внедоговорным выплатам в сфере услуг. Одновременно с этим необходимо гармонизировать нормы налогового и трудового законодательства, чтобы избежать правовых коллизий. Предлагаемые изме-

нения позволят устранить существующие правовые пробелы, обеспечить защиту прав всех участников соответствующих правоотношений и создать благоприятные условия для развития цивилизованной сервисной культуры.

Реформирование правового статуса чаевых должно осуществляться комплексно, с учетом их экономического значения и социальной функции, что в конечном итоге будет способствовать повышению качества услуг и защите интересов как потребителей, так и работников сферы обслуживания.

Библиографические ссылки

1. Gewerbeordnung (GewO) in der Fassung der Bekanntmachung vom 22. Februar 1999 (BGBl. I S. 202), die zuletzt durch Artikel 9 des Gesetzes vom 27. Dezember 2024 (BGBl. 2024 I Nr. 438) geändert worden ist [Stand: zuletzt geändert durch Art. 36 G v. 23.10.2024 I Nr. 323] // Bundesministerium der Justiz. URL: <https://www.gesetze-im-internet.de/gewo/> (abgerufen am 10.04.2025).

2. Ministerstwo Rodziny, Pracy i Polityki Społecznej Rzeczypospolitej Polskiej. O prawnym charakterze napiwków otrzymywanych przez pracowników: pismo z dnia 6 czerwca 2022 r., nr 0111-KDIB2-1-4010-119/2022 // System Informacji Prawnej LEX. URL: <https://sip.lex.pl/orzeczenia-i-pisma-urzedowe/pisma-urzedowe/0111-kdib2-1-4010-119-2022-6-bj-napiwki-otrzymane-przez-185196513> (data dostępu: 10.04.2025).

3. U.S. Department of Labor. Wages and the Fair Labor Standards Act notice regarding the 2024 final rule on exemptions for executive, administrative, and professional employees // Wage and Hour Division. URL: <https://www.dol.gov/agencies/whd/flsa> (date of access: 10.04.2025).

ФИНАНСОВЫЕ МОШЕННИЧЕСТВА В ЦИФРОВУЮ ЭРУ: КАК ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ ВЫЯВЛЯЕТ СХЕМЫ ОТМЫВАНИЯ

Е. С. Кравцова

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, lizavetakravtsova28@gmail.com
Научный руководитель – А. М. Хлус, кандидат юридических наук, доцент*

Статья посвящена исследованию потенциала искусственного интеллекта (ИИ) в противодействии финансовым мошенничествам, в частности, отмыванию денег (ОД) и легализации преступных доходов (ЛПД) в условиях цифровизации экономики Республики Беларусь. Основная проблема заключается в снижении эффективности традиционных криминалистических методик перед лицом современных изощренных преступных схем.

Ключевые слова: искусственный интеллект; финансовые мошенничества; отмывание денег; машинное обучение; криминалистический анализ; выявление преступных схем; цифровая криминалистика.

Традиционные криминалистические методики, разработанные для анализа преимущественно структурированных и ограниченных по объему данных, демонстрируют недостаточную эффективность перед лицом экспоненциально растущих массивов информации, сверхвысокой скорости транзакций, изощренных технологий анонимизации и трансграничного характера современных преступных схем. Эти факторы обуславливают необходимость поиска и внедрения инновационных подходов к выявлению, расследованию и предупреждению ОД/ЛПД.

Современные схемы отмывания денег характеризуются рядом особенностей. Во-первых, это компрессия времени и пространства, выражающаяся в использовании мгновенных глобальных переводов и микро-транзакций («гипер-смурфинг») [13].

Во-вторых, применяется полиморфная анонимизация с использованием криптовалют (Monero, Zcash), миксеров (Tornado Cash) и VPN [4]. В-третьих, происходит эксплуатация регуляторного арбитража путем использования юрисдикций с мягким регулированием и новых секторов, таких как NFT-маркетплейсы [11].

Эти особенности требуют внедрения передовых технологий, таких как машинное обучение и графовый анализ. Как отмечает Р. И. Дремлюга, интеллектуальное программное и аппаратное обеспечение компенсирует отсутствие специальных знаний у преступника, а также значительно расширяет его возможности [3, с. 162].

Технологическим решением выступает создание эффективной ИИ-управляемой системы финансовой контрразведки, обладающая способностью обрабатывать значительные массивы сложных данных и принимать решения в условиях неопределенности, сможет формировать принципиально новый арсенал инструментов для качественного прорыва в расследовании и предотвращении легализации доходов, полученных преступным путем.

Искусственный интеллект обеспечивает анализ больших данных, выявление латентных закономерностей и адаптацию к динамично эволюционирующим преступным схемам, при этом ключевые направления их применения в криминалистике и финансовом мониторинге базируются на различных подходах к машинному обучению.

Контролируемое обучение служит основой для создания моделей оценки рисков транзакций и клиентов. Например, банки, такие как HSBC и JPMorgan Chase, обучают алгоритмы на исторических данных, включая маркированные случаи мошенничества, что позволяет выявлять подозрительные операции, схожие с известными схемами, и снижать долю ложных срабатываний на 30-50% по сравнению с системами на основе статистики [7, с. 51-54]. Неконтролируемое обучение позволяет обнаруживать аномалии и новые типологии отмывания доходов.

Финансовые технологии, такие как PayPal и SWIFT, применяют кластеризацию и методы обнаружения выбросов для выявления нетипичного поведения клиентов и скоординированных действий групп счетов, указывающих на «спящие» преступные сети.

Обучение с подкреплением способствует разработке динамических систем мониторинга, адаптирующих правила детекции в реальном времени.

Например, алгоритмы могут автоматически корректировать пороги риска при обнаружении новых тактик мошенничества.

Рекуррентные нейронные сети и сети с долгой краткосрочной памятью эффективно выявляют сложные последовательности транзакций, характерные для этапа «расслоения» в отмывании доходов [5, с. 167].

Графовые нейронные сети используются для анализа сетевых структур, выявляя скрытые связи между счетами и транзакциями, что позволяет обнаруживать схемы отмывания через манипуляции с товарными поставками [8, с. 44].

Обработка естественного языка позволяет классифицировать отчеты по типологиям и извлекать ключевую информацию из текста [9]. Компьютерное зрение может использоваться для обнаружения подделок документов и проверки заявленной деятельности компаний [1, с. 67]. Графы знаний интегрируют данные из различных источников, позволяя вы-

являть скрытые аффилиации и схемы с использованием синтетических идентичностей [6, с. 201–204].

Правовой основой применения ИИ в Республике Беларусь служат положения Закона от 15 июля 2015 г. № 307-З «Об оперативно-розыскной деятельности», позволяющие следственным органам использовать информационные системы, и нормы Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь от 16 июля 1999 г. № 295-З (далее – УПК), требующие всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела.

Интеграция ИИ-систем с Единой системой финансового мониторинга Департамента финансового мониторинга Комитета государственного контроля способствует переходу от реактивного к проактивному выявлению подозрительных операций, согласно ст. 5 Закона от 30 июня 2014 г. № 165-З «О мерах по предотвращению легализации доходов, полученных преступным путем, финансирования террористической деятельности и финансирования распространения оружия массового поражения» и ст. 235 Уголовного кодекса Республики Беларусь от 9 июля 1999 г. № 275-З. Это также помогает управлять информационной перегрузкой при соблюдении Закона от 7 мая 2021 г. № 99-З «О защите персональных данных» и генерировать гипотезы, соответствующие требованиям ст. 104 УПК.

Международный опыт подтверждает потенциал ИИ. Ведущие банки (JPMorgan Chase, HSBC) используют контролируемое обучение, а FinTech-платформы (PayPal, Stripe) – неконтролируемое для идентификации нетипичного поведения [7, с. 51].

Примером государственно-академического партнерства является разработка в РФ МГТУ им. Н. Э. Баумана и ФНС ИИ-системы для выявления мошеннических юрлиц, особенно недавно созданных [2]. Для Беларуси с аналогичными ресурсами это представляет криминалистический интерес.

В области анализа цифрового следа и OSINT венгерская платформа SEON [12] (используется Revolut) профилирует пользователей на основе их цифровых отпечатков, улучшая процессы KYC/CDD. Британская платформа Greip: Fraud Prevention [10] демонстрирует возможности контекстуального анализа транзакций в реальном времени.

Таким образом, с учетом цифровой трансформации и эволюции схем ОД/ЛПД внедрение ИИ-технологий в криминалистику требует комплексного подхода. Это включает совершенствование нормативного правового регулирования, развитие технологической инфраструктуры, подготовку кадров и формирование этических принципов использования ИИ. Синергетический эффект от комбинирования технологий позволяет создать многоуровневую систему защиты финансовой безопасности.

Библиографические ссылки

1. Бахтеев Д. В. Компьютерное зрение и распознавание образов в криминалистике / Российское право: образование, практика, наука. 2019. №3 (111). С. 66–74.
2. В Бауманке разработали ИИ-модель, вычисляющую мошенников // РБК. URL: <https://amp.rbc.ru/rbcnews/rbcfreenews/675af7109a7947b8431ccd40> (дата обращения : 01.04.2025).
3. Дремлюга Р. И. Использование искусственного интеллекта в преступных целях : уголовно-правовая характеристика / Азиатско-Тихоокеанский регион. Экономика, политика, право. Т. 23. 2021. № 3. С. 153–164.
4. Криптовалютные проекты с фокусом на приватность // Anyexchange. URL: <https://anyexchange.best/kriptovalyutnyie-proektyi-s-fokusom-na-privatnost/> (дата обращения : 01.04.2025).
5. Лабусов М. В. Нейронные сети долгой краткосрочной памяти и их использование для моделирования финансовых временных рядов / Инновации и инвестиции. 2020. №3. С. 167–171.
6. Пилецкий, И. И. Граф знаний и машинное обучение как базис методологии искусственного интеллекта в обучении / BIG DATA и анализ высокого уровня : сборник научных статей VII Международной научно-практической конференции, Минск, 19-20 мая 2021 года / редкол.: В. А. Богуш [и др.]. Минск : Бестпринт, 2021. С. 198–209.
7. Романович, И. А. Искусственный интеллект и его применение в банковском секторе / Банкаўскі веснік. 2025. № 4. С. 44–56.
8. Тимофеева, О. П. Графовые нейронные сети в решении задач с сетевой структурой / Труды НГТУ им. Р. Е. Алексеева. 2023. № 3. С. 43–50.
9. Что такое обработка естественного языка (NLP)? // Amazon.com. URL: <https://aws.amazon.com/ru/what-is/nlp/> (дата обращения : 01.04.2025).
10. Greip. Fraud Prevention Platform Overview // GREIP. URL: <https://greip.io> (дата обращения: 01.04.2025).
11. NFT от авторов со всего мира // Bybit.com. URL: <https://www.bybit.com/ru-RU/nft/> (дата обращения: 01.04.2025).
12. SEON Case Study. How Revolut Fights Fraud with Digital Profiling // SEON. URL: <https://www.seon.io> (дата обращения: 01.04.2025).
13. Ughade, N. What Is Smurfing And How Can You Prevent It Proactively? / Nupura Ughade // HYPERVERGE. URL: <https://hyperverge.co/blog/what-is-smurfing/> (дата обращения: 01.04.2025).

АНТРОПОЦЕНТРИЧЕСКИЙ ПОДХОД ПРИ ОПРЕДЕЛЕНИИ АВТОРСТВА НА ОБЪЕКТЫ, СОЗДАННЫЕ ПРИ ПОМОЩИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Д. А. Куршук

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, deniskursuk@gmail.com
Научный руководитель – О. О. Ядревский, кандидат юридических наук, доцент*

Актуальность темы обусловлена резким возрастанием применения использования искусственного интеллекта при создании объектов интеллектуальной собственности, в связи с чем имеется правовая неопределённость в определении права авторства на такие объекты.

Объект исследования – общественные отношения, возникающие при создании объектов интеллектуальной собственности при помощи искусственного интеллекта. В статье имеются предложения по совершенствованию законодательства Республики Беларусь.

Ключевые слова: право интеллектуальной собственности; авторское право; искусственный интеллект; совершенствование законодательства; объекты интеллектуальной собственности.

Актуальность темы статуса объектов интеллектуальной собственности, созданных с помощью искусственного интеллекта, обусловлена стремительным развитием технологий и их внедрением в различные сферы жизни (в том числе – его способностью к созданию объектов интеллектуальной собственности).

В связи с этим возникает правовая неопределённость: в частности, кто является автором объекта, созданного при помощи искусственного интеллекта.

В научной литературе сложились определённые подходы [1, с.240], основные из которых: машиноцентрический (автором является модель искусственного интеллекта); гибридного авторства (автором являются одновременно модель искусственного интеллекта и физическое лицо); «нулевого авторства» (объект не имеет автора и переходит в общественное достояние); антропоцентрический подход.

При антропоцентрическом подходе предполагается, что автором объекта, созданного искусственным интеллектом, является физическое лицо, при этом есть два подхода:

- Автор – программист (создатель) модели искусственного интеллекта;
- Автор – пользователь модели искусственного интеллекта.

Если говорить о первом подходе, то возможно отметить, что юниты искусственного интеллекта изначально создаются разработчиками для определённых, вполне конкретных прагматических целей.

Такие авторы как Гённач Гюркайнак, Иллай Йылмаз, Тюркер Дойгун и Экин Инс отмечают, что «юниты искусственного интеллекта разрабатываются и обучаются с конкретными целями и/или практическими задачами, которые, как представляется, невозможно достичь и (или) выполнить при помощи обычной вычислительной техники. Иными словами, юниты искусственного интеллекта создавались и создаются в качестве более умных инструментов для человечества» [1, с.197].

Одно из мнений заключается в том, что произведения, созданные юнитом искусственного интеллекта, должны предоставляться его разработчикам «поскольку разработчик является первичным источником создания относительно соответствующего юнита искусственного интеллекта, и что такое присвоение станет стимулом для разработчиков и дальше продолжать работать над технологией разработки юнитов искусственного интеллекта» [1, с.200].

Вполне согласуется с этим подходом позиция В.Н. Синельниковой и О.В. Ревинского, считающих, что «компьютерные программы или иные инновационные технологии являются лишь инструментом получения новых результатов, права на которые должны принадлежать разработчикам программ» [2].

Возможно обозначить, что такой подход невозможно определить, как «справедливый» в полной мере по отношению к пользователю модели искусственного интеллекта, который также вкладывает усилия и ресурсы в его создание.

При признании программиста (правообладателя) автором объекта интеллектуальной собственности, созданного при помощи искусственного интеллекта, может возникнуть проблема, что пользователи перестанут пользоваться искусственным интеллектом в силу отсутствия заинтересованности в этом, так как в любом случае авторство не будет принадлежать им.

Недостаток данного подхода заключается и в возможности программиста получении бесконечного количества объектов авторского права, защищённых авторским правом в случае создания ими модели искусственного интеллекта, направленной исключительно на создание объектов авторского права.

По сути, будет создана «монополия» правообладателя искусственного интеллекта объекты авторского права. Представляется невозможным реализация данного подхода без введения какого-либо «ограничителя», коим может выступать пользователь искусственного интеллекта.

Что касается автора как пользователя искусственного интеллекта, то он будет рассматриваться как физическое лицо, творческим трудом которого создано произведение (согласно статье 4 Закона Республики Беларусь «Об авторском праве и смежных правах [3]).

Как отмечает П.М. Морхат, «юнит искусственного интеллекта резюмируется и позиционируется просто как инструмент человека (например, его пользователя) в создании результатов интеллектуальной деятельности, соответственно пользователь юнита искусственного интеллекта (или иной человек) признаётся как правообладатель в отношении создаваемых юнитом искусственного интеллекта или с его участием результатов интеллектуальной деятельности» [1, с.199].

Интеллектуальная деятельность физического лица при работе с искусственным интеллектом заключается в следующем: автор формулирует запрос (путём описания пространства, объектов, стиля и т.п.). Искусственный интеллект при этом является лишь инструментом воплощения задумки автора в заранее определённой автором форме. Иными словами, сам пользователь определяет элементы и какими они должны быть в работе, созданной искусственным интеллектом

В доктрине предлагается: «Предусмотреть, что авторство в отношении и исключительное право на результат работы генеративного искусственного интеллекта может быть определено в соответствии с пользовательским соглашением по использованию платформы, на которой размещен соответствующий генеративный искусственный интеллект» [3, с.83].

Разумность данного подхода объясняется так: «Он не противоречит действующему законодательству: творческий вклад в генерацию контента присутствует в любом случае, так что результат работы генеративного ИИ должен признаваться защищаемым объектом интеллектуальной собственности. При этом предусматриваются свобода воли сторон» [4, с.83-84].

Резюмируя указанное ранее, возможно сформулировать следующие предложения по совершенствованию законодательства Республики Беларусь:

- По примеру п.3 ст.9 закона Великобритании «Об авторском праве» от 1988 года [5] внести в пункт 1 статьи 8 Закона Республики Беларусь «Об авторском праве и смежных правах» подпункт 1-2 следующего содержания: «При создании объекта интеллектуальной собственности с помощью компьютерных технологий (в том числе, искусственного интеллекта), автором считается физическое лицо, которое предприняло необходимые меры для создания произведения, если иное не предусмотрено пользовательским соглашением по использованию платформы, на ко-

торой размещён соответствующий генеративный искусственный интеллект»

- Внести в статью 8 Закона Республики Беларусь «Об авторском праве и смежных правах» пункт 4 следующего содержания: «Авторство и исключительное право на результат работы генеративного искусственного интеллекта может быть определено в соответствии с пользовательским соглашением по использованию платформы, на которой размещен соответствующий генеративный искусственный интеллект».

- По примеру пп.1 п.1 ст.15 проекта Закона Республики Казахстан «Об искусственном интеллекте» [6] внести в пункт 1 статьи 8 Закона Республики Беларусь «Об авторском праве и смежных правах» подпункт 1-3 следующего содержания: «Правообладатель вправе осуществлять меры по защите своих прав на объекты интеллектуальной собственности, созданные с использованием систем искусственного интеллекта».

Библиографические ссылки

1. Морхат, П.М. Правосубъектность искусственного интеллекта в сфере права интеллектуальной собственности: гражданско-правовые проблемы / Москва, 2018. 420 с.

2. Синельникова В.Н., Ревинский О.В. Права на результаты искусственного интеллекта // Копирайт. 2017. № 4. С. 17–27.

3. Закон Республики Беларусь «Об авторском праве и смежных правах»: 17 мая 2011 г. № 262-3 : принят Палатой представителей 27 апреля 2011 г. : одобр. Советом Респ. 28 апреля 2011 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 09 янв. 2023 г. № 243-3 // ЭТАЛОН : информ-поисковая система (дата обращения: 10.04.2025)

4. Минбалеев, А.В. АНАЛИТИЧЕСКИЙ ДОКЛАД «Правовые проблемы использования искусственного интеллекта» / Москва : МГЮА, 2024. 101 с.

5. Copyright, Designs and Patents Act 1988 of UK // legislation.gov.uk : сайт. URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1988/48/contents> (date of access: 13.04.2025).

6. Досье на проект Закона Республики Казахстан «Об искусственном интеллекте» // online.zakon.kz сайт. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=34868071&pos=6;-106#pos=6;-106 (дата обращения: 22.02.2025.)

ОСОБЕННОСТИ ПРОФЕССИИ СУДЬИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ И В ФЕДЕРАТИВНОЙ РЕСПУБЛИКЕ ГЕРМАНИЯ

К. Д. Мордань¹⁾, А. А. Новик¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, mordankristina7@gmail.com
mega.nastik@yandex.by

Научный руководитель – И. Е. Ковалёва, старший преподаватель

В статье рассматривается профессия судьи в Республике Беларусь и Федеративной Республике Германия. В результате сравнительного анализа выделяются общие черты и различия.

Описываются особенности подготовки судей, требования к профессии и правовой статус судей. Особое внимание уделяется независимости судей, подчеркиваются различия в судейской независимости белорусских и немецких судей.

Ключевые слова: профессия судьи; подготовка судей; судейская независимость; правовой статус судей; Республика Беларусь; Федеративная Республика Германия.

BESONDERHEITEN DES RICHTERBERUFS IN DER REPUBLIK BELARUS UND DER BUNDESREPUBLIK DEUTSCHLAND

K. D. Mordan¹⁾, A. A. Novik¹⁾

¹⁾Belarussische Staatliche Universität, Nezavisimosti, 4,
220030, Minsk, Belarus, mordankristina7@gmail.com
mega.nastik@yandex.by

Wissenschaftlicher Betreuer – I. E. Kovalyova, Oberlehrer

Im vorliegenden Beitrag wird der Richterberuf in der Republik Belarus und der Bundesrepublik Deutschland behandelt. Als Ergebnis der vergleichenden Analyse werden Gemeinsamkeiten und Unterschiede vorgestellt.

Besonderheiten der Ausbildung zum Richter, Anforderungen an den Richterberuf sowie der rechtliche Status der Berufsrichter in den in Betracht gezogenen Ländern werden beschrieben. Ein besonderer Schwerpunkt liegt auf der richterlichen Unabhängigkeit. Die Unterschiede in der richterlichen Unabhängigkeit der belarussischen und der deutschen Richter werden betont.

Schlüsselwörter: Richterberuf; Ausbildung zum Richter; richterliche Unabhängigkeit; rechtlicher Status der Richter, Republik Belarus; Bundesrepublik Deutschland.

Der Beruf des Richters hat seine eigenen Eigenschaften und Besonderheiten

eiten, die in vielen Ländern ähnlich sind. Es gibt jedoch etwas, was einen Richter eines Staates von einem anderen unterscheidet.

Zielsetzung der vorliegenden Arbeit ist den Beruf des Richters in der Republik Belarus und der Bundesrepublik Deutschland zu vergleichen. Die vergleichende Analyse beschränkt sich auf die Besonderheiten des Berufs und den rechtlichen Status der Richter, sowie auf die Anforderungen an die Berufsrichter in den beiden Ländern.

Die Ernennung zum Richter in der Republik Belarus erfolgt anhand der Vorschriften der Verfassung der Republik Belarus [1, c. 24–25], des Gesetzbuches der Republik Belarus über Gerichtsbarkeit und Richterstatus [2], in denen die Reihenfolge der für die Ausübung des Richteramtes relevanten Aufgaben festgelegt wird.

In der Bundesrepublik Deutschland stehen Berufsrichter nicht in einem Arbeitsverhältnis, sondern sie gelten als Beamte, die in einem öffentlich-rechtlichen Dienstverhältnis stehen. Berufsrichter sind in der Regel auf Lebenszeit ernannt, daneben unterscheidet man Richter auf Zeit und Richter kraft Auftrages, etwa Beamte, die später zum Richter auf Lebenszeit ernannt werden sollen [3].

Am Rande sei auch erwähnt, dass es sowohl in der Republik Belarus als auch in der Bundesrepublik Deutschland die Richter ohne juristische Ausbildung gibt: die Schöffen und die Laienrichter, die zu den Sitzungen herangezogen werden und zusammen mit Berufsrichtern gleichberechtigt an der Entscheidung von Rechtsfällen beteiligt sind.

Als nächstes ist es zu beachten, dass nicht jeder Jurist Richter sein kann. Es gibt einige Bedingungen sowohl in der Republik Belarus als auch in der Bundesrepublik Deutschland. Die Befähigung zum Richteramt in der Bundesrepublik Deutschland wird durch das Studium der Rechtswissenschaften an einer Universität erworben, das mit der Ersten Juristischen Staatsprüfung abgeschlossen wird. Anschließend folgt der Vorbereitungsdienst, der mit der Zweiten Juristischen Staatsprüfung abgeschlossen wird. Die Erste Juristische Staatsprüfung besteht aus einem staatlichen Prüfungsteil und aus einem universitären Prüfungsteil. Das Studium muss grundsätzlich mindestens neun Semester dauern, davon mindestens zwei Jahre an einer deutschen Universität. Außerdem wird während der vorlesungsfreien Zeit drei Monate lang eine praktische Ausbildung vorgesehen. Der Ersten Juristischen Staatsprüfung schließt sich der Vorbereitungsdienst, das sogenannte Referendariat an, das zwei Jahre dauert. Er bietet die Gelegenheit an, verschiedene Ausbildungsstationen durchzuwandern, um praktische Erfahrung zu sammeln (Zivil-, Straf-, Verwaltungsrecht, Staatsanwaltschaft, Rechtsanwalt und Wahlstation). Dem Vorbereitungsdienst folgt das Zweite (Große) Staatsexamen. Mit Bestehen

dieser Prüfung wird die Befähigung zum Richteramt erworben. Die Juristen mit der Befähigung zum Richteramt werden auch als «Volljuristen» bezeichnet [3].

Was belarussische Richter angeht, kann laut Artikel 76 des Gesetzbuches der Republik Belarus über die Gerichtsbarkeit und Richterstatus als Kandidat für die Richterstelle am Gericht der allgemeinen Gerichtsbarkeit die Person gelten, die die belarussische Staatsangehörigkeit besitzt; das 25. Lebensjahr vollendet hat; belarussische und russische Sprache in Wort und Schrift beherrscht; einen Hochschulabschluss mit der Qualifikation «Rechtsanwalt» und / oder «Rechtsanwalt mit Kenntnissen der Wirtschaft» hat; mindestens drei Jahre Berufserfahrung hat und die Qualifikationsprüfung bestanden hat. Die staatliche Qualifikationsprüfung ist eine der wichtigsten Voraussetzungen für die Ausübung des Richterberufs. Die Ausbildung zum Richter erfolgt auch am Institut für Umschulung und Weiterbildung von Richtern, Staatsanwaltschafts-, Gerichts- und Justizbeamten und dauert bis zu einem Jahr mit einem anschließenden Praktikum in einem der Gerichte der allgemeinen Gerichtsbarkeit [2].

Ein wichtiger Faktor für die Richter ist ihr rechtlicher Status, der ihre Rolle im Justizsystem bestimmt. Nach Art. 97 des Grundgesetzes für die Bundesrepublik Deutschland (weiter – GG) sind die Richter unabhängig und nur dem Gesetz unterworfen. Sie unterstehen einer Dienstaufsicht, solange nicht ihre Unabhängigkeit eingeschränkt wird. Die richterliche Unabhängigkeit ist ein wesentlicher Bestandteil einer rechtlichen Justizorganisation. Die richterliche Unabhängigkeit hat zwei Seiten. Einerseits ist der Richter sachlich unabhängig, das bedeutet, dass er bei der Wahrnehmung seiner Aufgaben keinen Weisungen unterliegt und allein dem Gesetz unterworfen ist. Der Richter ist aber auch persönlich unabhängig. Er kann nicht abgesetzt und nicht gegen seinen Willen an ein anderes Gericht versetzt werden. Beide Seiten der richterlichen Unabhängigkeit dienen dem Ziel, eine unparteiische Rechtsprechung zu ermöglichen. Die richterliche Unabhängigkeit wird aber keinesfalls als Grundrecht und Standesprivileg der Richter wahrgenommen. Allerdings gehört das Prinzip der sachlichen und persönlichen Unabhängigkeit zu den traditionellen Grundsätzen des richterlichen Amtsrechts. GG räumt dem Richter daher ein grundrechtsähnliches Individualrecht ein. [4].

Die Unabhängigkeit der Richter in der Republik Belarus hat ihre eigene Besonderheit: der Richter ist bei der Ausübung der Justiz unabhängig und ist nur dem Gesetz unterworfen. Die Unabhängigkeit der Richter in der Republik Belarus wird durch gesetzliche Bestimmungen gewährleistet. Diese Bestimmungen regeln ihre Ernennung (Wahl, Genehmigung) und Entlassung sowie ihre Unantastbarkeit. Auch das Verfahren zur Entscheidung von Fällen

und Fragen und die Geheimhaltung der Gerichtsverhandlungen tragen zur richterlichen Unabhängigkeit bei. Es ist verboten, die Offenlegung der Gerichtsverhandlungen zu verlangen. Die Richter werden vor der Respektlosigkeit ihnen gegenüber sowie vor den Eingriffen in ihre Tätigkeit geschützt. Weitere Garantien ergeben sich aus dem Status des Richters, der gesetzlich geregelt ist. Schließlich wird die richterliche Unabhängigkeit durch die Schaffung angemessener organisatorischer und technischer Voraussetzungen für die Tätigkeit der Gerichte gefördert. Es sollte auch nicht unerwähnt bleiben, dass die Einflussnahme auf einen Richter in irgendeiner Form, um eine umfassende, vollständige und objektive Prüfung eines bestimmten Falles zu verhindern oder eine rechtswidrige Gerichtsentscheidung zu treffen, strafbar ist und zu einer gesetzlich festgelegten Haftung führt.

Wie die Untersuchung gezeigt hat, hat der Beruf des Richters sowohl in der Republik Belarus, als auch in der Bundesrepublik Deutschland ein gemeinsames Merkmal, zu dem die hohe juristische Ausbildung mit anschließender Qualifikationsprüfung zählt. Es gibt jedoch Merkmale, die diesen Beruf in jedem Land unterscheiden. Vor allem sind das der Status des Richters, sein Ausbildungsweg und Besonderheiten des Richterberufs, unter denen vor allem die richterliche Unabhängigkeit zu nennen ist. Trotz der Unterschiede in den Rechtssystemen der beiden Länder bleiben die Grundprinzipien der Unabhängigkeit universell. Sowohl in der Republik Belarus, als auch in der Bundesrepublik Deutschland wird gesetzlich geregelt, dass jede sachfremde Einflussnahme auf Richter unzulässig und strafbar sei. Somit ist schlusszufolgern, dass die richterliche Unabhängigkeit eine objektive und unparteiische Rechtsprechung garantiert und für die Funktionsfähigkeit eines gerechten Justizsystems entscheidend ist.

Links

1. Конституция Республики Беларусь: с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г., 17 окт. 2004 г. и 27 февр. 2022 г. Минск: Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2025. – 109 с.

2. Кодекс Республики Беларусь от 29 июня 2006 г. №139-3 (Кодекс Республики Беларусь о судостроительстве и статусе суде. URL:<https://etalonline.by/document/?regnum=Hk0600139&ysclid=ma9zpr08ey180833563> (дата обращения: 04.05.2025).

3. Richter in Deutschland – Beruf im Überblick [Elektronische Quelle] // Anwalt.org. URL: Richter in Deutschland: Beruf im Überblick - Anwalt.org (Zugangsdatum: 04.05.2025).

4. Grundgesetz für die Bundesrepublik Deutschland [Elektronische Quelle]. URL: <https://www.gesetze-im-internet.de/gg/index.html> (Zugangsdatum: 04.05.2025).

СУБЪЕКТ ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПО СТАТУТАМ ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО

К. Д. Навожен

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, law.novozhen@bsu.by
Научный руководитель – Л. Л. Голубева, кандидат юридических наук, доцент*

В статье рассматривается институт субъекта преступления в криминальном законодательстве Великого Княжества Литовского и проводится его сравнение с современным криминальным правом Республики Беларусь. Автор анализирует элементы субъекта преступления, включая возраст, психическое состояние и другие критерии, которые определяют способность индивида нести ответственность. Особое внимание уделяется оценке состояния аффекта и алкогольного опьянения, а также равенства всех перед законом в теории и на практике.

Ключевые слова: состав преступления; субъект; возраст криминальной ответственности; наличие сознания; аффект; идея всеобщности закона.

СУБ'ЕКТ ЗЛАЧЫНСТВА ПА СТАТУТАХ ВЯЛІКАГА КНЯСТВА ЛІТОЎСКАГА

К. Д. Наважэн

*Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4,
220030, г. Мінск, Беларусь, law.novozhen@bsu.by
Навуковы кіраўнік – Л. Л. Голубева, кандыдат юрыдычных навук, дацэнт*

У артыкуле разглядаецца інстытут суб'екта злачынства ў кримінальным законодаўстве Вялікага Княства Літоўскага і праводзіцца яго параўнанне з сучасным кримінальным правам Рэспублікі Беларусь. Аўтар аналізуе элементы суб'екта злачынства, уключаючы ўзрост, псіхічны стан і іншыя крытэрыі, якія вызначаюць здольнасць асобы несці адказнасць. Асобная ўвага надаецца ацэнцы стану афекту і алкагольнага ап'янення, а таксама роўнасці ўсіх перад законам у тэорыі і практыцы.

Ключавыя словы: склад злачынства; суб'ект; узрост кримінальнай адказнасці; наяўнасць свядомасці; афект; ідэя агульнасці закона.

У сучаснай прававой навуцы злачынства характарызуюць праз яго склад. Пад складам злачынства разумеюць сукупнасць юрыдычна значных аб'ектыўных і суб'ектыўных прыкмет, якія характарызуюць грамадска небяспечнае дзеянне як злачынства.

У дадзеным паняцці вылучаюць чатыры элементы: аб'ект, аб'ектыўны бок, суб'ект і суб'ектыўны бок.

Заканадаўства разглядаемага перыяду не ведае такога паняцця як склад злачынства, але яго элементы адлюстраваны ў заканадаўстве. У крымінальным законе ВКЛ вельмі ясна і дакладна апісаны галоўныя прыкметы, характарызуючыя дзеянне ў якасці злачынства.

Па статутах Вялікага княства Літоўскага (далей – ВКЛ) суб'ектам злачынства прызнаецца толькі чалавек, які дасягнуў пэўнага ўзросту і быў у поўнай памяці. Нават калі шкоду учыніла жывёла, за яе адказваў гаспадар. Крымінальнае заканадаўства Рэспублікі Беларусь і статуты ВКЛ маюць агульныя рысы ў прызнанні суб'ектам злачынства фізічнай асобы, якая дасягнула пэўнага ўзросту і здольная несці адказнасць. У Крымінальным кодэксе Рэспублікі Беларусь (далей – КК) узрост крымінальнай адказнасці ўстаноўлены ў 16 гадоў, за некаторыя злачынствы адказнасць можа наступаць з 14 гадоў. У Статуце 1566 г. крымінальная адказнасць ўстанаўліваецца з чатырнаццаці гадоў. У Статуце 1558 г. – з шаснаццаці. У Статуце 1529 г. узрост асобы звязаны з грамадска-прававымі адносінамі: “Хто бы своїх лет dorosлых не мел, тогды таковому в молодости давность не шкодзіць, оліж от лет dorosлых. А то ест лета dorosлые: младенцу осмнатцат лет, а девце пятнатцат” (Статут 1529. Р. I, арт. 18). Такім чынам, паводле Статута 1529 г. для мужчын паўналецце наступае ў васьмнаццаць гадоў, а для жанчын ў пятнаццаць.

Непаўналетнія звычайна не падлягалі крымінальнай адказнасці, але асоба, якая не дасягнула вызначанага Статутам ўзросту, у выпадку паўторнага здзяйснення злачынства магла быць пакарана судом: «Калі непаўналетні хлопец быў неаднаразова злоўлены на крадзяжы з доказамі, суд мае права пакараць яго на сваё меркаванне – не смерцю, але нейкім целасным пакараннем» (Статут 1588 г., разд. XIV, арт. 11). Статут таксама прадугледжваў, што кампенсацыю за шкоду, прычыненую непаўналетнім, павінны выплаціць яго бацькі або сваякі, прычым толькі з той маёмасці, якая прыпадала яму ў спадчыну. Калі ж выплата немагчымая, дазвалялася яе растэрміноўка.

Нормы статутаў ужо тады ўлічвалі ключавы прынцып - адсутнасць наяўнасці свядомасці як падстава для вызвалення ад адказнасці: асоба, якая не валодае свядомасцю ў момант здзяйснення дзеяння, не прызнавалася суб'ектам злачынства. Да такіх адносіліся "дурныя" ці "шалёныя" - асобы з псіхічнымі адхіленнямі, няздольныя ўсведамляць свае дзеянні і кіраваць імі. Такія людзі вызваляліся ад крымінальнай адказнасці, але падлягалі ізаляцыі і нагляду з боку сваякоў ці дзяржаўных асоб [3, с. 142]. Аднак калі яны збягалі і прычынялі шкоду, то ў залежнасці ад наступстваў, напрыклад, прычыненне ранення або забойства ўжываліся меры пакарання - ад турэмнага зняволення да стражэйшых санкцый. Падобны падыход вельмі блізкі да сучасных прававых норм, замацаваных у

арт. 28 КК: шалёнасць таксама выключае крымінальную адказнасць і вызначаецца няздольнасцю ўсведамляць характар і небяспека сваіх дзеянняў або кіраваць імі з прычыны псіхічнага расстройства.

У Статуте ВКЛ 1588 года стан алкагольнага ап'янення і афекту ацэньваўся зусім інакш, чым у сучасным крымінальным праве. П'янае становішча разглядалася як сведчанне ненаўмыснасці дзеянняў: калі злачынства здзейснена «ў ап'яненні і з іншага злога намеру», яно кваліфікавалася як учыненае «па злему ўмыслу». У сваю чаргу, афект, звязаны з эмацыйным выбухам, не змякчаў адказнасць, а, наадварот, прызнаваўся абцяжарваючай акалічнасцю. За забойства, здзейсненае «ў гневе і злосерднай запальчасці», нават прадугледжвалася кваліфікаванае смяротнае пакаранне – чвэртаванне.

У адрозненне ад гэтага, у сучасным заканадаўстве ацэнка такіх станаў змянілася. Алкагольнае ап'яненне само па сабе не вызваляе ад адказнасці, але можа быць прызнана абцяжарваючай акалічнасцю толькі на разгляд суда. Афект жа, наадварот, можа змякчыць адказнасць, калі будзе прызнаны следствам і судом як стан, які істотна абмежаваў здольнасць асобы кіраваць сваімі дзеяннямі.

Варта звярнуць увагу на тое, што крымінальнае заканадаўства таго часу фармальна распаўсюджвалася на ўсіх жыхароў ВКЛ, незалежна ад іх саслоўнай прыналежнасці, роду дзейнасці ці паходжання. У першым артыкуле Статута выразна зафіксавана, што ўсе – ад прадстаўнікоў вышэйшай шляхты да простых мяшчан і замежнікаў – павінны падпарадкоўвацца аднолькавым нормам права: “усе... ад найвышэйшага чыну і стану да найніжэйшага... будзем судзіць і дзейнічаць гэтымі правамі і артыкуламі”. Такім чынам, дэкларавалася ідэя агульнасці закона для ўсяго насельніцтва, што выглядае даволі прагрэсіўна для свайго часу. Аднак варта адзначыць, што рэальная прававая практыка не заўсёды адпавядала гэтай дэкларацыі. У дзяржаве працягвалі дзейнічаць шматлікія прывілеі феадальнага саслоўя, якія на практыцы падрывалі прынцып роўнасці перад законам. Гэтая супярэчнасць сведчыць пра глыбокія структурныя абмежаванні феадальнай прававой сістэмы, дзе фармальная роўнасць суіснавала з фактычнай няроўнасцю.

У выніку праведзенага аналізу можна зрабіць выснову, што крымінальнае заканадаўства ВКЛ, нягледзячы на адсутнасць сучаснага паняцця складу злачынства, у значнай ступені адлюстроўвала асноўныя элементы гэтага інстытута. Нормы статутаў выразна рэгламентавалі пытанні суб'ектнасці, узросту крымінальнай адказнасці, а таксама ўлічвалі стан свядомасці асобы як крытэрыі для прызнання яе вінаватай або вызвалення ад адказнасці. Некаторыя прынцыпы, у тым ліку адзінства заканадаўства для ўсіх саслоўяў, выглядалі прагрэсіўнымі і мелі агуль-

началавечы характар, аднак рэальная практыка часта супярэчыла ім з-за існавання феадальных прывілеяў. Параўнанне з сучасным крымінальным правам паказвае, што асновы, закладзеныя ў статутах ВКЛ, у многім захавалі сваю актуальнасць, асабліва ў пытаннях псіхічнага стану і суб'ектнай здольнасці. Аднак змяненні ў падыходах да ацэнкі алкагольнага ап'янення і афекту сведчаць пра развіццё прававой думкі і больш глыбокае разуменне псіхалагічных аспектаў злачынства. Такім чынам, вывучэнне гістарычнага крымінальнага заканадаўства ВКЛ дазваляе лепш зразумець эвалюцыю крымінальна-правовых інстытутаў і іх уплыў на сучасную практыку.

Бібліяграфічныя спасылкі

1. Адаптированный текст Статута Великого княжества Литовского 1529 г. // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. URL: https://pravo.by/upload/pdf/pamjatniki-prava/Statut_Vielikjgo_Kniazestva_Litovskogo_1529_stranici_32-131.pdf (дата обращения: 23.05.2025).
2. *Голубева Л.Л.* Прынцып пераемнасці ў станаўленні і развіцці асобных інстытутаў крымінальнага права Беларусі (частка першая – дасавецкі перыяд) / навучна-практычны журнал *Право.by*. 2023. №1. с. 106-112.
3. *Доўнар, Т. І.* Развіццё асноўных інстытутаў грамадзянскага і крымінальнага права Беларусі ў XV – XVI стагоддзях: манаграфія / Мінск: «Пропілеі», 2000. 224 с.
4. Статут Вялікага княства Літоўскага 1588: Тэксты. Давед. Камент./ Беларус. сав. энцыкл.; рэдкал.: І. П. Шамякин (гал. рэд.) [і інш.]. Мінск: БелСЭ, 1989. 573 с.
5. Статут Вялікага княства Літоўскага 1566 года / Т. І. Доўнар, У. М. Сатолін, Я. А. Юхо ; рэдкал.: Т. І. Доўнар [і інш.]. Мінск: Тэсэй, 2003. 352 с.

СУБЪЕКТЫ, ОБЕСПЕЧИВАЮЩИЕ ИНФОРМАЦИОННУЮ БЕЗОПАСНОСТЬ В ЕВРАЗИЙСКОМ ЭКОНОМИЧЕСКОМ СОЮЗЕ

С. М. Павлючук

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, svetatiger16@gmail.com
Научный руководитель – Н. В. Валюшко-Орса, кандидат юридических наук, доцент*

В условиях активной цифровой трансформации государств-членов Евразийского экономического союза вопросы информационной безопасности приобретают стратегическое значение. Настоящая работа посвящена исследованию круга субъектов, обеспечивающих информационную безопасность как на наднациональном, так и на национальном уровнях. Дано авторское определение понятия «субъекты, обеспечивающие информационную безопасность» в Евразийском экономическом союзе.

Ключевые слова: информационная безопасность; субъекты информационной безопасности; правовое обеспечение; Евразийский экономический союз; Евразийская экономическая комиссия.

Вопросы обеспечения информационной безопасности становятся все более актуальными ввиду процесса цифровой трансформации государств. Урегулирование правоотношений в информационной сфере являются необходимым инструментом для стабильного и единого безопасного информационного пространства государств-членов Евразийского экономического союза (далее – ЕАЭС, Союз). Важнейшую роль в этом играют субъекты, обеспечивающие информационную безопасность в ЕАЭС.

Следует отметить, что на законодательном уровне в ЕАЭС не закреплено понятие «субъекты, обеспечивающие информационную безопасность».

Однако, в научной доктрине такие авторы как Мартынов В. П. и Шараев С. Л. в своей работе «Понятие и правовое регулирование обеспечения информационной безопасности в Республике Беларусь» выделяют государство, как основного субъекта информационных правоотношений.

В литературе Российской Федерации Бородин А. С. отмечает, «что государство выступает важным субъектом информационных отношений, так как является одним из главных субъектов процесса формирования информационного общества, одновременно с этим является гарантом его информационной безопасности» [1, с. 250].

Следует обратить внимание на роль и вклад государств-членов Союза в информационную политику ЕАЭС. Государства участвуют в рабочих группах, советах и комитетах Евразийской экономической комиссии (далее – Комиссия), где согласовываются решения по информационной безопасности.

Обращаясь к положениям стратегического документа Высшего Евразийского экономического совета от 11.10.2017 № 12 «Основные направления реализации цифровой повестки Евразийского экономического союза до 2025 года», необходимо отметить, что государства-члены ЕАЭС в своих стратегиях и программах (на национальном уровне) развития экономик активно решают ряд задач по выработке ответа вызовам цифровой трансформации экономики. Следовательно, государства-члены в пределах своего законодательства осуществляют информационную политику с учетом рекомендаций Комиссии и правовых актов Союза.

В наднациональных правовых актах, таких как постановление Высшего Государственного Совета Союзного государства № 1 «О Концепции информационной безопасности Союзного государства» от 22 февраля 2023 г. под субъектами понимаются «силы обеспечения информационной безопасности» - государственные органы, подразделения и должностные лица государственных органов и организаций, уполномоченные на решение задач по различным аспектам обеспечения информационной безопасности, а также субъекты негосударственного сектора в рамках государственно-частного партнерства, граждане России и Беларуси, действующие в соответствии с национальными законодательствами государств-участников (ст. 4).

В главе 6 «Решения о Стратегии обеспечения информационной безопасности государств-участников Содружества Независимых Государств» от 25 октября 2019 года закреплены примеры Национальной системы субъектов обеспечения информационной безопасности: органы государственного управления в области обеспечения информационной безопасности (Президент, Правительство, Совет Безопасности) и органы государственного управления, ответственные за формирование и реализацию государственной политики в области обеспечения информационной безопасности; органы обеспечения информационной безопасности.

Рассматривая субъектов, обеспечивающих информационную безопасность в ЕАЭС, необходимо выделить ключевую роль Комиссии в рамках ЕАЭС, как основополагающего органа взаимодействия всех субъектов, государств-членов Союза.

Также необходимо обратить внимание на внутреннюю структуру Комиссии, где функционирует специализированный орган – Департамент информационных технологий (далее – департамент). Департамент в

своей деятельности осуществляет разработку, утверждение в принятом порядке и контроль выполнения организационных и технических требований по защите информации в локальной вычислительной сети Комиссии; занимается обеспечением выполнения подрядными организациями, осуществляющими разработку, внедрение и сопровождение программных средств Комиссии к обеспечению информационной безопасности и др.

В рамках своей компетенции Комиссия разрабатывает перечни стандартов и рекомендаций, применяемые при защите веб-сервисов, защиты информации с использованием средств криптографической защиты, электронной цифровой подписи, сервисов доверенной третьей стороны.

Таким образом, на основании вышеизложенного, можно сделать вывод о том, что Комиссия, а также ее специализированный орган – Департамент информационных технологий, обладают одной из ключевых ролей в вопросах формирования политики в отношении информационной безопасности, а также взаимодействия государств-членов Союза.

Кроме того, по нашему мнению, к субъектам, обеспечивающим информационную безопасность, можно отнести Суд Союза, который обеспечивает единообразное толкование государствами-членами и органами Союза Договора о ЕАЭС и иных международных договоров в рамках Союза. Суд Союза в том числе выполняет консультативную функцию по вопросам информационной безопасности.

Так, согласно главе 4 Статута Суда Союза (приложение № 2 к Договору о Союзе): «Суд Союза по заявлению государства-члена или органа Союза осуществляет разъяснение положений Договора, международных договоров в рамках Союза и решений органов Союза». Также, Решения Суда служат ориентиром для дальнейшей гармонизации норм информационной безопасности в государствах-членах Союза и укрепления их цифрового суверенитета.

В общей сложности, по нашему мнению, к субъектам, обеспечивающим информационную безопасность в ЕАЭС, следует отнести: государства-члены Союза, Комиссию, Высший Евразийский экономический совет, Суд Союза и иных участников правоотношений, наделённых в соответствии с законодательством государств-членов Союза полномочиями в сфере обеспечения информационной безопасности в ЕАЭС. Отнесение данных субъектов к обеспечивающим информационную безопасность обусловлено их институциональной природой, правомочиями по формированию и координации интеграционной политики, а также их непосредственным участием в разработке и реализации законодательства, направленного на защиту информационного пространства Союза. В

целом, конкретная классификация субъектов необходима для чёткого разграничения ролей и ответственности в соответствии с международными стандартами, унификации наднациональных и национальных правовых механизмов, и оптимизации управления рисками и ресурсами через разделение субъектов по уровням ответственности.

Также, предлагаем закрепить следующее определение понятия «субъекты, обеспечивающие информационную безопасность» в Союзе (в Решении Совета Комиссии в области информационной безопасности) в следующей редакции: субъектами, обеспечивающими информационную безопасность в Союзе, являются государства-члены Союза, государственные органы и иные организации, должностные лица и иные участники правоотношений, наделённые в соответствии с законодательством государств-членов Союза полномочиями в сфере обеспечения информационной безопасности, а также участвующие в реализации мер по защите информационной инфраструктуры, противодействию угрозам в информационном пространстве и обеспечению устойчивого функционирования информационных систем в рамках Союза.

Библиографические ссылки

1. *Бородин, А. С.* Российское государство как субъект обеспечения информационной безопасности Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2007. № 4. С. 233–252. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rossiyskoe-gosudarstvo-kak-subekt-obespecheniya-informatsionnoy-bezopasnosti> (дата обращения: 01.05.2025).

2. *Мартынов, В. П.* Понятие и правовое регулирование обеспечения информационной безопасности в Республике Беларусь / Государство и право: актуальные проблемы формирования правового сознания: сборник статей III Международной научно-практической конференции, 10 декабря 2019 г., Могилев / под ред. Н. В. Пантелеевой. Могилев : МГУ имени А. А. Кулешова, 2020. С. 51–55.

ПЕРЕСМОТР СУДЕБНЫХ ПОСТАНОВЛЕНИЙ ПО СТАТУТАМ ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО

А. И. Пирштук

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, PirshtrukAI@bsu.by
Научный руководитель – А. В. Солтанович, кандидат юридических наук, доцент*

В статье анализируются нормы Статутов Великого княжества Литовского 1529, 1566 и 1588 годов, которые положили начало правовой регламентации пересмотра судебных постановлений и установлению определенных требований к механизму проверки судебных решений. Определено сходство между чертами, присущими порядку обжалования судебных постановлений в период Великого княжества Литовского, и действующими в настоящий момент институтами кассационного и надзорного производств в уголовном процессе.

Ключевые слова: Статуты Великого княжества Литовского, пересмотр судебного постановления, обжалование, апелляционное производство, кассационное производство, надзорное производство.

В связи с принятием в Республике Беларусь Закона от 20 июля 2022 года № 199-З «Об изменении Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь» реформирован порядок пересмотра судебных постановлений. В настоящий момент приговор, постановленный судом первой инстанции, может быть обжалован в апелляционном порядке до вступления в законную силу, а с момента вступления – в кассационном и надзорном порядках. Данные стадии уголовного процесса призваны исключать допускаемые судом ошибки в процессе отправления правосудия по уголовным делам, способствуя при этом «восстановлению нарушенной справедливости, защите прав граждан» [1, с. 468].

Изучение правового института, как материальной, так и процессуальной природы, неразрывно связано с анализом предпосылок его возникновения, особенностей развития и совершенствования в ракурсе исторического процесса. Познание таких характеристик возможно не иначе как при помощи обращения к памятникам права. Для Республики Беларусь такими уникальными памятниками правовой культуры и истории являются Статуты Великого княжества Литовского (далее – Статуты ВКЛ) 1529, 1566 и 1588 годов, регулирующие, наряду с другими, вопросы пересмотра судебных постановлений.

Статут ВКЛ 1529 года признается первым систематизированным сводом законов, в котором получили юридическое закрепление основы общественного и государственного строя, а также регулировалось право-

вое положение классов, сословий и социальных групп населения. Как отмечается, «Первый Статут ВКЛ 1529 г. положил начало судебным преобразованиям в Великом княжестве, которые явились первым шагом судебной реформы XVI в., внесшей коренные изменения в судебную систему, судоустройство и судопроизводство ВКЛ» [2, с. 149].

Вопросам порядка рассмотрения и разрешения споров, функционирования суда, его состава и полномочий посвящен Раздел 6 Статута ВКЛ 1529 года «О судьях». Кроме того, в арт. [1] содержится основополагающий принцип судопроизводства – осуществление правосудия на основании законов: «Также постановляем, что каждый наш воевода и старосты, и маршалок земский, и маршалок дворный, и наши державцы, каждый в своем повете, не должны выполнять свои обязанности и судить наших подданных иначе, а только по этим законам, которые мы дали всем подданным нашего Великого княжества».

Следует отметить, что положения Раздела 6 представляют большой интерес с точки зрения исследования института пересмотра судебных постановлений. Анализ его норм свидетельствует о том, что решение, вынесенное судом по результатам разрешения дела, могло быть пересмотрено в установленном Статутом порядке. Так, по инициативе одной из сторон спора, которой «показалось бы, что она обижена, потому что ее судили не по этим законам», решение суда подлежало пересмотру на предмет соблюдения положений закона в процессе отправления правосудия. В случае, «если бы дело было решено в суде так, как записано в этих законах, то такое судебное решение должно оставаться в силе в соответствии с приговором этого нашего владника». Наряду с этим, «если же судья судил правильно и приговорил в соответствии с этими законами, а проигравший дело опорочил его, то тот должен заплатить судье за это оскорбление двенадцать рублей грошей» (арт. [1] р. 6).

Если в ходе пересмотра обжалуемого постановления было установлено несоблюдение принципа осуществления правосудия на основании законов, указанное обстоятельство становилось основанием для отмены («аннулирования») приговора. При этом подлежали возмещению причиненный ущерб и издержки: «...если у кого что-либо будет взято по приговору судьи, то должно быть ему возвращено без спора»; «...а если бы он понес убытки в виде издержек и пропитания, на что приведет надлежащие доказательства или присягнет, то судья должен ему уплатить» (арт. [1] р. 6).

О возможности пересмотра судебного постановления в случае несогласия с ним одной из сторон свидетельствуют также арт. [2] 1 и [6] 5 р. 6 Статута ВКЛ 1529 года. Указанные нормы содержали требования к порядку обжалования решения суда. Так, «...если одна из сторон сочтет

приговор несправедливым, то, взяв выписку из книг судебных приговоров, может апеллировать к нам», при этом «апелляция не должна задерживать удовлетворения обиженного» (арт [6] 5 р. 6).

Таким образом, нормы Статута ВКЛ 1529 года представляли возможность обжалования судебных постановлений, устанавливали механизм этого.

Статутом ВКЛ 1566 года была уточнена и детализирована регламентация проведения судебной реформы, закреплено отделение судов от администраций, размежевание их подсудности [2, с. 149]. Были созданы новые суды для шляхетского сословия, а именно «галоўны суд (трыбунал) – вышэйшая апеляцыйная інстанцыя дзяржавы і мясцовыя суды – земскія, падкаморскія, каптуровыя. Яны дзейнічалі на новых, больш прагрэсіўных прынцыпах судовага ладу і судаводства – аддзялення судовай улады ад выканаўчай, выбарнасці суддзяў і інш.» [4, с. 345–346].

Необходимо отметить, что Статут 1566 года во многом уточнил порядок обжалования судебных решений, в отличие предыдущего. В соответствии с арт. 61 р. 4 указанного Статута «пастановы земскіх, замкавых і падкаморскіх судаў маглі быць абскарджаны ў апеляцыйным парадку ў вялікакняжацкі суд як істцом, так і адказчыкам». При этом «падача скаргі ў вялікакняжацкі суд прыпыняла выкананне судовага рашэння». Данное положение можно рассматривать как зачатки кассационного и надзорного производства.

Порядок производства апелляции устанавливался в арт. арт. 62 – 65 р. 4 Статута 1566 года. Закреплялся перечень дел, по которым пересмотр судебного решения в порядке апелляции не допускался, а именно: «а) калі справа вырашана на падставе пісьмовага абавязку, сапраўднасць якога не аспрэчваецца; б) калі адказчык ў судзе дабравольна прызнаў іск; 3) па пабочных прычынах». Устанавливался срок подачи «заявы аб нязгодзе з судовым рашэннем» – истец или ответчик должны были обратиться с таким заявлением «ў той жа час у судзе». Необходимо также отметить, что при подаче апелляции не позволялось представлять новые доказательства по делу, что характерно для нынешнего кассационного и апелляционного производства.

Судебная реформа, которая была начата в 1564 году, завершилась изданием Статута ВКЛ 1588 года. В связи с этим нормы, регулирующие деятельность судов и порядок производства по спорам, были усовершенствованы. В соответствии с арт. 86 р. 4 постановления судов, воевод, старост и их врядников могли быть обжалованы в «главный суд». Также был расширен перечень дел, по которым апелляция не могла быть произведена (арт. 88 р. 4). Срок подачи жалобы на принятое судом решение не претерпел изменений – она должна была быть заявлена в суде в тот же

час (арт. 90 р. 4), что свидетельствует о стремлении не затягивать процесс, в максимально сжатые сроки защитить права и законные интересы его участников.

Таким образом, проводимые судебные реформы способствовали поэтапному совершенствованию норм, предусматривающих функционирование института пересмотра судебных постановлений, в период Великого княжества Литовского: судебное постановление подвергалось пересмотру в случае несогласия стороны спора с принятым по делу решением; предусматривались основания, при которых обжалование запрещалось; четко определялся предмет проверки постановления – соответствие судебного решения закону; устанавливался срок и порядок обращения в суд с апелляцией. Подобные элементы усматриваются в современных процедурах кассационного и надзорного производств.

Представляется, что Статуты ВКЛ положили начало правовой регламентации пересмотра судебных постановлений и установлению определенных требований к механизму проверки судебных решений.

Библиографические ссылки

1. Уголовный процесс: учеб. пособие / Л. Л. Зайцева [и др.]; под. ред. Л. Л. Зайцевой, В. И. Самарина. Минск: БГУ, 2023. 591 с.
2. *Родевич, В. Ч.* Статут Великого княжества Литовского 1566 года о судьях и судах / Вестник Академии МВД Республики Беларусь. 2008. № 2. С. 149 – 153.
3. Статут Великого княжества Литовского 1529 года / под ред. К. И. Яблонского. Минск: Изд-во АН БССР, 1960. 254 с.
4. Статут Вялікага княства Літоўскага 1566 года / Т.І. Доўнар, У.М. Сатолін, Я.А. Юхо; рэдкал. Т.І. Доўнар і інш. Минск: Тэсей, 2003. 352 с.
5. Статут Вялікага княства Літоўскага 1588 года: Тэксты. Давед. Камент. / Беларус. Сав. Энцыкл.; рэдкал.: І. П. Шамякін (гал. рэд.) [і інш.]. Мінск: БелСЭ, 1989. 573 с.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПРАВОВОГО СТАТУСА ГОСУДАРСТВЕННОГО ГРАЖДАНСКОГО СЛУЖАЩЕГО И ПОМОЩНИКА ДЕПУТАТА ПАЛАТЫ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ НАЦИОНАЛЬНОГО СОБРАНИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

А. И. Сергеенко

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, ann-sergeenko_04@mail.ru*

Научный руководитель – В. С. Михайловский, кандидат политических наук, доцент

Проведен комплексный сравнительный анализ правового статуса государственного гражданского служащего и помощника депутата Палаты представителей Национального собрания Республики Беларусь с точки зрения правового регулирования, обязанностей, назначения на должность, прав, гарантий и ответственности. Сделан вывод, что полное заимствование правового статуса государственного гражданского служащего для помощников депутатов представляется нецелесообразным.

Ключевые слова: государственная служба; помощник депутата; права и обязанности; борьба с коррупцией; юридическая ответственность; служебная этика.

В Республике Беларусь государственная служба и работа помощника депутата играют важную роль в обеспечении функционирования системы управления и законотворческой деятельности.

Однако, несмотря на определённое сходство в общих целях содействие функционированию государственных институтов правовой статус, функции, права и обязанности этих двух категорий работников существенно различаются. В этом сравнительном анализе мы рассмотрим ключевые различия между государственным гражданским служащим и помощником депутата с точки зрения правового регулирования, обязанностей, назначения на должность, прав, гарантий и ответственности.

Цель статьи – провести сравнительный анализ базовых положений правового статуса государственного гражданского служащего и помощника депутата Палаты представителей Национального собрания Республики Беларусь. Метод исследования – формально-юридический.

Согласно ст. 9 Закона Республики Беларусь от 1 июня 2022 г. «О государственной службе» государственным служащим является гражданин Республики Беларусь, занимающий в установленном законодательством порядке государственную должность, наделенный соответствующими полномочиями и исполняющий служебные обязанности за денежное вознаграждение из средств республиканского или местных бюджетов либо других предусмотренных законодательством источников финансирования.

Государственные служащие представляют собой ядро государственной системы управления и выполняют важнейшие функции по реализации государственной политики и административного управления. Они могут занимать должности на различных уровнях государственной власти – от центральных органов до местных администраций.

Согласно Реестру государственных гражданских должностей, определенным Указом Президента Республики Беларусь № 195 от 6 июня 2022 г. «О государственных гражданских должностях» помощник депутата Палаты представителей Национального собрания Республики Беларусь, напротив, не относится к категории государственных служащих.

Государственные служащие назначаются на должности в результате конкурсных процедур или по распоряжению вышестоящих государственных органов. Их деятельность строго регулируется правовыми нормами, иерархической системой государственной службы, что создаёт стабильную структуру подчинённости и ответственности.

Они подчиняются руководителям своих учреждений или ведомств и обязаны выполнять приказы и распоряжения вышестоящих органов власти. Государственная служба имеет чётко установленную иерархию.

Помощники депутатов назначаются лично депутатами Палаты представителей и подчиняются исключительно им. Их работа зависит от решения конкретного депутата, который вправе выбирать помощников по собственному усмотрению. Т

акая система назначения позволяет депутатам лично подбирать сотрудников, с которыми они планируют работать, однако это делает деятельность помощников более временной и нестабильной по сравнению с государственной службой. Помощники депутатов могут быть уволены или освобождены от своих обязанностей по решению депутата в любой момент.

Государственные служащие имеют значительно более широкий набор прав и гарантий, чем помощники депутатов. Их деятельность регулируется трудовым законодательством и специальным законодательством о государственной службе, которое предоставляет им право на получение заработной платы, социальных пособий, медицинского страхования, а также на пенсионное обеспечение с особыми условиями выхода на пенсию. В зависимости от стажа государственной службы, государственные служащие могут рассчитывать на дополнительные льготы и компенсации, а также на карьерное продвижение в системе государственного управления. Кроме того, государственные служащие имеют право на обучение и повышение квалификации за счёт государства, что способствует их профессиональному росту.

Помощники депутатов, хотя и имеют право на заработную плату, отпуск и некоторые социальные гарантии в соответствии с трудовым договором, не пользуются теми же льготами и гарантиями, что государственные служащие. Их деятельность более временная и зависит от срока полномочий депутата, что создаёт меньшую степень защиты и стабильности. Они не имеют доступа к пенсионным программам для государственных служащих, а также к особым социальным льготам, таким как более ранний возраст выхода на пенсию. Право на карьерное продвижение и профессиональное развитие для помощников депутатов также не закреплено, так как их деятельность не рассматривается как долгосрочная карьера в государственной службе.

Закон Республики Беларусь от 15 июля 2015 г. «О борьбе с коррупцией» направлен на предотвращение конфликта интересов и устранение предпосылок для злоупотребления должностными полномочиями в государственных органах и организациях. Помощники депутатов Палаты представителей Национального собрания Республики Беларусь, хотя и несут ответственность за выполнение поручений депутата, не подлежат столь строгой дисциплинарной ответственности, как государственные служащие. В случае нарушения трудовой дисциплины, разглашения конфиденциальной информации или иных нарушений, помощники могут быть уволены или отстранены от работы по решению депутата. Однако они не подпадают под нормы дисциплинарного законодательства, применяемого к государственным служащим. Это делает их работу менее жёстко регулируемой с точки зрения ответственности за нарушения.

Государственные служащие Республики Беларусь обязаны строго соблюдать принципы государственной службы. Основные положения, регулирующие их поведение, содержатся в ст. 6 Закона Республики Беларусь «О государственной службе». Эти принципы являются основой деятельности государственных служащих и направлены на обеспечение доверия граждан к системе государственной службы. Государственный гражданский служащий обязан принимать все необходимые меры для соблюдения и Общих требований служебной этики в соответствии с приложением к Закону «О Государственной службе».

В соответствии с законодательством Республики Беларусь, помощники депутатов не являются государственными служащими и, следовательно, на них не распространяются ограничения, предусмотренные для последних. В частности, помощники депутатов вправе заниматься коммерческой деятельностью, если иное не установлено законодательными актами. Однако они обязаны соблюдать нормы конфиденциальности и не разглашать информацию, связанную с деятельностью депутата. Этические нормы, регулирующие деятельность помощников депутатов, могут

быть установлены внутренними актами парламента, такими как регламенты палат Национального собрания Республики Беларусь.

Таким образом, сравнительный анализ правового статуса, функций, обязанностей и гарантий государственного гражданского служащего и помощника депутата Палаты представителей Национального собрания Республики Беларусь показывает существенные различия правового регулирования их статуса. Государственные служащие занимают ключевую позицию в государственной системе управления, их работа строго регулируется в том числе специальным законом и сопровождается широким набором социальных и правовых гарантий. Помощники депутатов, напротив, выполняют вспомогательные функции, их деятельность регулируется тремя статьями Закона Республики Беларусь от 4 ноября 1998 г. «О статусе депутата Палаты представителей, члена Совета Республики Национального собрания Республики Беларусь».

Анализируя правовой статус, функции и обязанности помощников депутата Палаты представителей и государственного гражданского служащего в Республике Беларусь, можно сделать вывод, что полное заимствование правового статуса государственного гражданского служащего для помощников депутатов представляется нецелесообразным.

Библиографические ссылки

1. О государственной службе: Закон Респ. Беларусь от 1 июня 2022 г. № 175-З: в ред. от 11 октября 2024 г. № 36-З // іlex: информ. правовая система (дата обращения: 23.03.2025).

2. О борьбе с коррупцией: Закон Респ. Беларусь от 15 июля 2015 г. № 305-З в ред. от 24 мая 2024 г. № 7-З // іlex: информ. правовая система (дата обращения: 27.03.2025).

3. О статусе депутата Палаты представителей, члена Совета Республики Национального собрания Республики Беларусь: Закон Респ. Беларусь от 4 ноября 1998 г. № 196-З: в ред. от 12 июля 2023 г. № 281-З // іlex: информ. правовая система (дата обращения: 23.03.2025).

4. О государственных гражданских должностях: Указ Президента Респ. Беларусь от 6 июня 2022 г. № 195 : в ред. от 7 июня 2024 г. № 219 // іlex : информ. правовая система (дата обращения: 23.03.2025).

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО ПОЛОЖЕНИЯ ЖЕНЩИН В ИСЛАМСКОМ ЭМИРАТЕ АФГАНИСТАН

А. А. Терехова

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, terehovaalinawork@gmail.com
Научный руководитель – Н. М. Кондратович, кандидат юридических наук, доцент*

Статья посвящена анализу нарушений прав женщин в Исламском Эмирате Афганистан, вызванных внутренним законодательством, противоречащим международным нормам. Установлено существование системы гендерного апартеида, ограничивающего права женщин на передвижение, образование, медицинскую помощь. Новизна заключается в правовом сопоставлении новых норм афганского законодательства и международного права. Практическая значимость заключается в необходимости усиления международного контроля и юридической ответственности за дискриминационные действия в отношении женщин.

Ключевые слова: ограничение прав женщин; Афганистан; талибы; право на передвижение; право на образование; право на медицинское обслуживание.

Права женщин Афганистана – одна из самых болезненных тем на сегодняшний день для международного сообщества. По многочисленным опросам и мнениям экспертов в области прав человека, Исламский Эмират Афганистан является одной из худших стран для проживания женщин. В данном исследовании мы опираемся на Всеобщую декларацию прав человека, Конвенцию о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин (далее - Конвенция), а также внутренние законодательные акты Афганистана: Закон №1452 от 31.07.2024 «О поощрении желательного и запрещении предосудительного», Специальный декрет №395 от 03.12.2021 «О правах женщин».

Законодательство Афганистана создаёт гендерный апартеид, что подразумевает под собой систему превосходства мужчин над женщинами и что является международным преступлением. Хотим обратить особое внимание на Закон «О поощрении желательного и запрещении предосудительного». Данный закон является регулятором не только публичной жизни, но и частной. Так, в ст. 13 закрепляется обязанность мусульманок закрывать не только тело, но и лицо в присутствии чужих мужчин и немусульманок [2]. По данным ООН, с января 2024 года в Афганистане начались массовые задержания женщин и девочек за нарушения предписанного законом дресс-кода. Более того, согласно данным, поступающим из Афганистана, освобождали женщин и девочек только после письменного заверения родственников мужского пола о том, что

их родственницы будут носить хиджаб [6]. Помимо обязательного дресс-кода, ст. 13 ограничивает право на голос, притом речь идёт не о политическом голосе, а физическом. Женщинам запретили не только петь, но и разговаривать в общественных местах, признавая голос ауратом, т.е. тем, что должно быть скрыто [2].

Статья 20 Закона «О поощрении желательного и запрещении предосудительного» запрещает транспортным средствам осуществлять перевозку женщин без хиджаба, запрещает близкую рассадку женщин с чужими мужчинами, а также запрещает перевозку женщин без сопровождения взрослого родственника мужчины [2]. В 2021 году Талибы издали правила для перевозки женщин в такси, где упоминался запрет на перевозку женщин без сопровождения взрослого родственника мужчины на расстояние более 72 километров [10]. В новом же законе о расстоянии не упоминается, что означает, что теперь женщинам и вовсе запрещено передвигаться на транспорте без сопровождения взрослого родственника мужчины на любое расстояние. Это же подтверждает доклад Миссии ООН по содействию Афганистану от 10 апреля 2025 о том, как реализуется данный закон [8, с. 13]. Статья 20 упомянутого закона нарушает п. 4 ст. 15 Конвенции [1, с. 465], а также п. 1 ст. 13 Всеобщей декларации прав человека, которые закрепляют равное право для всех на свободу передвижения [1, с. 395].

На 53-ей сессии Совета ООН по правам человека главный правозащитник, верховный комиссар ООН по правам человека Фолькер Тюрк в своём выступлении заявил: «Афганистан – единственная страна в мире, где женщинам и девочкам отказано в доступе к среднему и высшему образованию» [5].

В марте 2022 года, Министерство Образования Исламского Эмирата Афганистан опубликовало заявление, в котором говорилось, что с 23 марта 2022 года все школы возобновляют свою деятельность и что дискриминация в рамках образовательного процесса не допустима. На тот момент обучение девочек было возможно, хотя преграды для этого были. Дело в том, что учителей женского пола не так много, поэтому сделали исключение для учителей мужчин, но только преклонного возраста.

Однако 23 марта 2022 года было объявлено о том, что школы для девочек будут закрыты до дальнейшего уведомления [8, с. 14]. С этого времени в Афганистане получать образование девочки могут только в возрасте до 12 лет. Обосновывалось это всё необходимостью пересмотра учебных программ и школьной формы, которая соответствовала бы законодательству Исламского Эмирата Афганистан.

Однако духовные деятели, например, Абдул-Али Деобанди в своём выступлении говорит о том, что грамотные женщины более подвержены

моральному разложению, а панджшерский духовный деятель Яхья Унаби утверждает, что образование позволяет женщинам сомневаться в авторитете мужчины, что недопустимо [11]. С 20 декабря 2022 года был введён запрет и на высшее образование девушек, опять же «до дальнейшего уведомления» [8, с. 14].

Министр высшего образования в правительстве Афганистана Неда Мохаммад Надим позже назвал 4 причины, которые и обусловили приостановление высшего образования для девушек: не соблюдение требования носить хиджаб; приезжие женщины передвигались по общежитию без сопровождения мужчины родственника; обучались с мужчинами; получали специальности, которые женщинам по исламскому праву получать нельзя [4].

Единственным способом получения высшего образования стали медицинские вузы, так как в Афганистане они относятся не к Министерству образования, а к Министерству здравоохранения и сохранение высшего медицинского образования объясняется необходимостью наличия женщин-врачей, ведь в Афганистане женщина может получить медицинскую помощь только от женщины. Однако в декабре 2024 и эта возможность была закрыта.

Из данного запрета вытекает не только нарушение права на образование, которое закреплено в ст. 10 Конвенции [1, с. 463] и ст. 26 Всеобщей декларации прав человека [1, с. 397], но и нарушает право на доступ к медицинскому обслуживанию, что закреплено в ст. 12 Конвенции [1, с. 464] и ст. 25 Всеобщей декларации прав человека [1, с. 397]. В статистике за июнь 2022 года, которое было опубликовано ВОЗ по системе здравоохранения в Афганистане, лишь 10 % женщин ответили, что могут удовлетворить свои базовые медицинские потребности [7, с. 13]. Скорее всего, с запретом женского высшего медицинского образования данный процент станет ещё меньше.

3 декабря 2021 года властями Афганистана был опубликован текст специального декрета о женских правах, где в п. 2 закрепляется истина: «Женщина – это не собственность, а благородный и свободный человек» [9]. Но сегодня мы видим совершенно иную картину. Талибы продолжают ограничивать базовые права человека для женщин, подкрепляя это фразой «до дальнейшего уведомления».

Однако проходят годы, но ничего не меняется. Талибы идут не только против норм международных документов, которые они ратифицировали в своё время, но и против хадисов Посланника Аллаха, который в своих изречениях говорит: «Учитесь и ищите знаний от колыбели до могилы!», «Поиск знаний — это обязанность каждого мусульманина — мужчины и женщины» [3, с. 51].

Библиографические ссылки

1. *Бекяшев К. А., Бекяшев Д. К.* Международное публичное право. Сборник документов: в 2 ч. Ч.1 / М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2006. 1408 с.
2. Закон №1452 от 31.07.2024 «О поощрении желательного и запрещении предосудительного». – URL: <https://telegra.ph/Zakon-1452-ot-31072024-O-pooshchrenii-zhelatel'nogo-i-zapreshchenii-predosuditelnogo-08-22> (дата обращения: 15.04.2025).
3. *Осман Э.* «Женщина в Исламе». Перевод с турецкого / 3-е издание. ООО «Издательская группа «САД», 2009. 176 с.
4. Талибы объяснили запрет на обучение женщин в афганских вузах четырьмя причинами. URL: <https://fergana.ru/news/128721/> (дата обращения: 16.04.2025).
5. *Тюрк:* Афганистан – единственная страна в мире, где женщинам и девочкам отказано в праве учиться. URL: <https://news.un.org/ru/story/2023/09/1444657> (дата обращения: 16.04.2025).
6. Эксперты ООН призвали талибов немедленно прекратить аресты женщин «за нарушение дресс-кода». – URL: <https://www.ungeneva.org/ru/news-media/news/2024/02/90035/eksperty-oon-prizvali-talibov-nemedlenno-prekratit-aresty-zhenschin> (дата обращения: 15.04.2025).
7. Protecting and improving healthcare: Community insight from Afghanistan. URL: https://static1.squarespace.com/static/62e895bdf6085938506cc492/t/63a40d94d9b98870aac88e2b/1671695769228/GTS_Afghanistan_Health_June2022_EN.pdf (дата обращения: 18.04.2025).
8. Report on the Implementation, Enforcement and Impact of the Law on the Propagation of Virtue and Prevention of Vice in Afghanistan. URL: una-ма_pvpv_report_10_april_2025_english.pdf (дата обращения: 15.04.2025).
9. Special Decree Issued by Amir al-Momenin on Women's Rights. URL: https://x.com/Zabehulah_M33/status/1466663907750256642 (дата обращения: 18.04.2025).
10. Taliban clamp down on women's taxi use. URL: <https://www.dw.com/en/afghanistan-taliban-clamp-down-on-womens-taxi-use/a-60259611> (дата обращения: 15.04.2025).
11. Taliban Mufti: Education for Women, Even at Home, Is Prohibited. URL: <https://www.afintl.com/en/202406177603> (дата обращения: 16.04.2025).

СТИМУЛИРОВАНИЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЭЛЕКТРОТРАНСПОРТА В КОНТЕКСТЕ «ЗЕЛЕННОЙ» ЭКОНОМИКИ: ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

А. И. Циуньчык

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, ciuncikanastasia@gmail.com
Научный руководитель – В. Е. Лизгаро, кандидат юридических наук, доцент*

В статье излагаются особенности законодательного закрепления термина «зеленая» экономика, рассматривается правовое регулирование наилучших доступных технических методов, ресурсосберегающих технологий на примере использования «зеленого» транспорта, анализируется комплекс правовых мер, направленных на стимулирование перехода к электромобилям, включая налоговые льготы, развитие инфраструктуры зарядных станций.

Ключевые слова: экологическое законодательство; экономико-правовой механизм; «зеленая» экономика; ресурсосберегающие технологии; электромобили; правовая охрана окружающей среды.

«Зелёная экономика», как модель организации экономики, ставит перед собой основную цель – развитие производства с сохранением окружающей среды. Так как именно она дает возможность уравновесить деятельность человека с сохранением окружающей среды, многие государства включают в свою политику этап перехода к новой модели экономики. В Республике Беларусь был принят ряд правовых актов, которые отражают переход к «зеленой» экономике в условиях устойчивого развития.

Приоритетное место среди экологических законодательных актов Республики Беларусь занимает Закон Республики Беларусь от 26 ноября 1992 г. «Об охране окружающей среды». Он является основополагающим документом, который устанавливает правовые основы охраны окружающей среды, природопользования, экологические требования к хозяйственной и иной деятельности [1].

Сперва термин «зеленая» экономика в данном нормативном правовом акте не упоминался, хотя в самой первой его редакции среди основных принципов охраны окружающей среды наблюдался принцип «снижения вредного воздействия хозяйственной и иной деятельности на окружающую среду на основе использования наилучших доступных технических методов (НДТМ) и технологий, которые обеспечивают выполнение требований в области охраны окружающей среды» и другие принципы, отражающие связь с концепцией «зеленой» экономики.

В 2023 году Закон изложен в новой редакции, в которой закреплено понятие «зеленая экономика» как модель организации экономики в Республике Беларусь, направленная на достижение целей социально-экономического развития при существенном сокращении экологических рисков и темпов деградации окружающей среды (ст.1).

Кроме того, Закон определяет стимулирование применения наилучших доступных технических методов, ресурсосберегающих технологий, перехода к новой модели экономики, как одну из главных задач в области охраны окружающей среды и направления государственной политики Республике Беларусь в области охраны окружающей среды (ст.7).

Остановливаясь на стимулировании наилучших доступных технических методов, ресурсосберегающих технологий, стоит отметить, что это не только одна из главных задач государственной политики Республике Беларусь в области охраны окружающей среды (ст.7), но и, непосредственно, одна из основ экономического стимулирования охраны окружающей среды (ст. 43). В качестве актуального на сегодняшний день примера рассмотрим стимулирование использования электротранспорта в Республике Беларусь.

Развитие электротранспорта и городской мобильности в целом является перспективным направлением «зеленой» экономики, которое, в первую очередь, позволяет уменьшить выбросы загрязняющих веществ в окружающую среду. Первые «зеленые» автомобили в Беларуси начали появляться ещё в 2013 г.

Согласно данным Государственной автомобильной инспекции Министерства внутренних дел, на 1 января 2015 г. их насчитывалось всего 27 штук. Национальным планом действий по развитию «зеленой» экономики в Республике Беларусь до 2020 года (утв. Постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 21 декабря 2016 г. № 1061) [2] было закреплено понятие «электромобиль» на законодательном уровне.

Кроме того, определение данного термина дано в пп 1.1 п.1 ч.1 Указа Президента Республики Беларусь от 12 марта 2020 г. № 92 «О стимулировании использования электромобилей» (далее – Указ №92), п. 2.77² Правил дорожного движения Республики Беларусь (далее – ПДД) и др.

При этом необходимо отметить, что единого определения термина «электромобиль» нет, и в разных правовых актах используются различные формулировки, которые лишь описывают электромобиль по его основным характеристикам (источник энергии, тип двигателя и т.д.). В качестве стимулирования использования электротранспорта, как правило, выступают различные льготы.

Так, Указ № 92 предусматривает, что электромобили не признаются объектом обложения транспортным налогом по 31 декабря 2025 г., а за-

рядные станции для них освобождены от НДС, взимаемого таможенными органами. При ввозе физическими лицами на территорию Республики Беларусь электромобилей для личного пользования ставка НДС применяется в размере ноль (0) процентов [3].

Здесь следует подчеркнуть, что нулевой НДС, согласно п. 1.4 Указа № 447 от 22 ноября 2021 «Об изменении Указа Президента Республики Беларусь от 12 марта 2020 г. № 92», распространялся до 1 марта 2022 года. После этой даты нулевая ставка НДС действует, только если с даты выпуска этих электромобилей прошло не более пяти лет.

ПДД также устанавливают определенные льготы для электромобилей, например, п.124 предусматривает, что на дорогах с полосой движения для маршрутных транспортных средств, обозначенных специальными дорожными знаками запрещаются движение, остановка и стоянка других транспортных средств на этой полосе, за исключением движения электромобилей; и т.д. [4].

В связи с популяризацией и распространением электромобилей, успешную реализацию получила Программа создания государственной зарядной сети для зарядки электромобилей (утв. постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 10 октября 2018 г. № 731), цель которой – создание разветвленной и сбалансированной зарядной инфраструктуры для эффективного обслуживания электромобилей, и их комфортного использования на территории республики [5].

Таким образом, стимулирование использования электротранспорта в рамках развития «зеленой» экономики приведет к увеличению интереса общества к возобновляемым источникам энергии и их использованию, улучшения качества воздуха и т.д.

Однако данная сфера является достаточно «молодой», поэтому представляется перспективным развитие нормативной правовой базы в области регулирования использования электромобилей, а также внедрение больших льгот и стимулов для потребителей и производителей.

Библиографические ссылки

1. Об охране окружающей среды: Закон Респ. Беларусь от 26 нояб. 1992 г. № 1982-ХІІ : в ред. от 17 июля 2023 г. № 294-3 // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 16.04.2025).

2. О Национальном плане действий по развитию «зеленой» экономики в Республике Беларусь до 2020 года: постановление Совета Министров Республики Беларусь от 21 дек. 2016 г. № 1061 // ЭТАЛОН: информ.- поисковая система (дата обращения: 16.04.2025).

3. О стимулировании использования электромобилей: Указ Президента Респ. Беларусь от 12 марта 2020 г. № 92 // ЭТАЛОН: информ.-поисковая система (дата обращения: 16.04.2025).

4. Правила дорожного движения: Указ Президента Респ. Беларусь от 28 ноября 2005 г. № 551 // ПДД онлайн. URL:<https://pddonline.by/pravila/> (дата обращения: 16.04.2025).

5. Программа создания государственной зарядной сети для зарядки электромобилей : постановление Совета Министров Респ. Беларусь от 10 октября 2018 г. № 731 : в ред. от 5 ноября 2018 г. № 816 // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 16.04.2025).

ШВЕДСКАЯ ПРАВОВАЯ СИСТЕМА В КОНТЕКСТЕ ФОРМИРОВАНИЯ ШВЕДСКОЙ СОЦИАЛЬНОЙ МОДЕЛИ: ИСТОКИ, СУЩНОСТЬ И ХАРАКТЕРНЫЕ ЧЕРТЫ

М. Д. Цыганкова¹⁾, М. Д. Шецкая¹⁾

¹⁾ Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, shetskayamaria@gmail.com
Научный руководитель – С. Ю. Артемьев, старший преподаватель

В статье исследуется роль шведской правовой системы в формировании социальной модели страны. Анализируется эволюция права от обычных норм XI-XII вв. до современной кодификации, особое внимание уделяется принципам прозрачности, равенства и устойчивого развития. Показано, как правовые нормы обеспечивают социальную справедливость, инновации и экологическую стабильность, институционализируя демократические ценности.

Ключевые слова: шведская правовая система; социальная модель; историческое развитие; демократические ценности; устойчивое развитие.

THE SWEDISH LEGAL SYSTEM IN THE CONTEXT OF THE FORMATION OF THE SWEDISH SOCIAL MODEL: ORIGINS, MEANING AND CHARACTERISTICS

M. D. Tsygankova¹⁾, M. D. Shetskaya¹⁾

¹⁾ Belarusian State University, Nezavisimosti Av., 4,
220030, Minsk, shetskayamaria@gmail.com
Supervisor – S. Y. Artsemyeu, Lecturer

This study analyzes how Sweden's legal system has shaped its distinctive social model through historical development from medieval customary law to modern codification. Focusing on legislated principles of transparency, equality and sustainability, the article examines how legal norms promote social justice, innovation and environmental stability. The research demonstrates the system's effectiveness in institutionalizing democratic values to ensure societal progress and stability.

Keywords: Swedish legal system; social model; historical development; democratic values; sustainable development.

Today, Sweden is widely regarded as one of the most progressive nations in the world, consistently ranking highly in global indices measuring social welfare, democratic governance, and human development. According to the UN Human Development Index (HDI), the World Happiness Report, and the Economist Intelligence Unit's Democracy Index, the Kingdom of Sweden

stands out for its high quality of life, strong rule of law, and advanced social policies. Additionally, Sweden demonstrates notable achievements in innovation, gender equality, and sustainable development, further solidifying its reputation as a global leader in progressive values. Some experts view Sweden as a prime example of successful socialism, while others question this characteristic. Nevertheless, it is undeniable that the Swedish Social Democratic Party has played a major role in creating one of the world's most comprehensive welfare systems.

While Sweden's progressive achievements are often attributed to its political traditions and consensus-based governance, the Swedish legal system itself has been a fundamental pillar of this success. Characterized by transparency, judicial independence, and a strong emphasis on human rights, it provides the stable framework necessary for social and economic development. This report aims to examine the historical development of Sweden's legal framework and analyze its impact on the country's prosperity.

The Swedish legal system serves as the foundation for the country's development by institutionalizing core democratic values into enforceable norms. Its commitment to transparency (e.g., public access to government documents under the principle of public access), equality (gender-neutral laws, anti-discrimination statutes), and anti-corruption (strict enforcement via the Swedish Anti-Corruption Institute) creates a predictable environment where:

- Social justice is ensured through labor court and welfare legislation, reducing inequality;
- Public safety relies on restorative justice models and rehabilitative prisons, lowering recidivism;
- Innovation thrives due to strong IP protections and startup-friendly regulations;
- Environmental stability is legally binding (e.g., the 2018 Climate Act mandates carbon neutrality by 2045 [2, pp. 70–85]), benefiting both society and green industries.

By codifying these principles [1] into daily governance, the legal system transforms abstract values into tangible outcomes.

The development of the Swedish legal system reflects a gradual but consistent evolution from oral customary traditions to a modern statutory framework rooted in democratic principles. By examining key historical stages, we can trace how Sweden's legal order was shaped by internal needs, intellectual exchange with continental Europe, and a strong commitment to codification and legal clarity. The following periodization [2, pp. 5–20, 211–213] highlights the major phases in this legal transformation.

1. Customary law period (11th – 12th centuries).
The main sources of law in Sweden evolved from customary legal norms to

individual legislative acts and collections of laws. In the 11th – 12th centuries, legal customs in various Swedish provinces were preserved through oral tradition by so called "guardians of the law," who periodically proclaimed them at local assemblies ("tings").

2. Beginning of codification and territorial legal unification (13th – 14th centuries).

By the 13th century, these customs had been formally put down in writing. Between the 12th and 14th centuries, Sweden transitioned from regional laws (Landskapslagar) to a centralized system. One of the earliest national laws was enacted under King Magnus Eriksson around 1350.

3. Establishment of a national legal tradition (15th – 17th centuries). This period marked the consolidation of legal authority in Sweden. Royal power expanded, leading to greater centralization of lawmaking and judicial administration. While provincial laws were still used, there was a growing shift toward national legal standards. Royal ordinances and formalized courts began to supplement earlier customs, and legal professionals emerged as a distinct group. These developments laid the foundation for the comprehensive codification in the 18th century.

4. Influence of Continental (Romano-Germanic) law and systematization (18th century).

In the 18th century, Swedish law was influenced by German-Roman legal traditions and Enlightenment ideas. This led to the adoption of the 1734 Civil Code, the first unified legal code in Sweden. It covered key areas of civil and criminal law and marked a major step toward a modern legal system, despite some outdated and casuistic elements.

5. Modernization and constitutional reform [2, pp. 21–27] (19th century – present).

Since the 19th century, Sweden has steadily modernized its legal system by replacing outdated parts of the 1734 Code [3] with clearer and more specialized laws. Legal institutions were professionalized, and legislation became more accessible and systematic. A major turning point came with the adoption of The Instrument of Government (Regeringsformen) in 1974, which replaced the previous 1809 constitution and defined Sweden's democratic structure, human rights, and separation of powers, forming the foundation of the modern legal system. This fundamental law has undergone several amendments to adapt to evolving societal needs while maintaining its core principles.

The Swedish legal system is characterized by five core principles [1]:

1. Freedom of speech – Ensuring that all individuals can express their views, and that public debates influence legislative decisions.

2. Democratic law-making – Legislation is developed through inclusive public consultations and enacted through parliamentary procedures, while allowing for certain regulatory matters to be implemented through negotiated agreements between social partners (such as collective bargaining agreements in labor law).

3. Integrity in governance – A corruption-free government, public administration, and judiciary that uphold the rule of law.

4. Judicial independence – A reliable and impartial court system that ensures justice and legal consistency.

5. Protection of individual rights – Laws that safeguard citizens' freedoms and equal treatment.

Modern Swedish law focuses on three key priorities: human rights, environmental sustainability, and digital transformation. Recent reforms have strengthened anti-discrimination and labor laws, enhanced climate regulations for carbon neutrality, and advanced cybersecurity and data protection measures to address technological developments [2, pp. 181–210].

In conclusion, this study demonstrates how Sweden's legal system – through its historical origins, normative meaning and operational characteristics – acts as both the foundation and driving force behind the Swedish social model's socio-economic progress. By systematically embedding democratic values (traceable to medieval *tings* assemblies), rule of law (codified in the 1974 Instrument of Government), and long-term sustainability (manifested in the 2018 Climate Act) into its institutional framework, the legal system has shaped Sweden's unique approach to welfare and governance.

References

1. *Brauneder, W.* The Scandinavian Legal System [Electronic source] // European History Online (IEG-EGO). 2010. URL: <https://www.ieg-ego.eu/en/threads/crossroads/legal-families/wilhelm-brauneder-the-scandinavian-legal-system> (date of access: 11.04.2025).
2. *Grabner, L.* The Fundamentals of Swedish Law: text book. 2-nd ad. Stockholm: Skolonettkursvar, 2012. 215 p.
3. *Strauch, D.* Das schwedische Reichsgesetzbuch von 1734: Quellen, Aufbau und Inhalt des Gesetzbuches / Ius Commune. 1986. Sonderheft 29. pp. 61–106.

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ КОПИЛЕФТНЫХ ЛИЦЕНЗИЙ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

П. В. Шамбер

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, pasha21asdzxc@gmail.com
Научный руководитель – Е. А. Свадковская, доцент, кандидат юридических наук*

Статья посвящена анализу правового регулирования копилефтных лицензий. Установлено, что в национальном законодательстве отсутствуют специальные нормы, посвященные копилефту, что порождает правовую неопределенность. В работе анализируется действующий институт открытой лицензии как потенциальный механизм для имплементации копилефта. Сделан вывод о том, что данная правовая конструкция не охватывает ключевой элемент копилефта – обязательство по распространению производных работ на условиях исходной лицензии. Обосновывается необходимость совершенствования законодательства в данной сфере.

Ключевые слова: копилефт, открытая лицензия, свободное программное обеспечение, авторское право, компьютерная программа, исходный код, правовое регулирование.

В условиях стремительного развития информационных технологий и цифровой экономики, программное обеспечение становится ключевым элементом инноваций и конкурентоспособности. В связи с этим особую актуальность приобретают вопросы правового регулирования компьютерных программ как объекта права интеллектуальной собственности и передачи исключительных прав на них. Традиционная проприетарная (собственническая) модель, основанная на жестком контроле правообладателя над использованием и модификацией компьютерных программ, все чаще соседствует с альтернативными подходами, базирующимися на принципах открытости и сотрудничества. Ключевое место среди них занимают копилефтные лицензии – уникальный правовой механизм, который использует инструменты авторского права не для установления ограничений, а для гарантирования и сохранения определенных свобод пользователей компьютерных программ и разработчиков. Однако актуальность детального анализа правового статуса таких лицензий в Республике Беларусь обусловлена не только динамичным развитием отечественного ИТ-сектора и его глубокой интеграцией в глобальную экосистему разработки, но и стратегическими целями государства. В частности, пункт 8.3 Концепции обеспечения суверенитета Республики Беларусь в сфере цифрового развития до 2030 года, утвержденной постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 31 декабря 2024 года

№ 1074 прямо указывает на то, что в целях обеспечения ИТ-безопасности важным является в том числе переход от использования программного обеспечения (далее – ПО) с закрытым исходным кодом к ПО, предоставляющему возможность доступа к исходному коду и его изменению, в том числе позволяющему распространять измененное (переработанное) ПО [1]. Однако на сегодняшний день белорусское законодательство не содержит специальных норм, посвященных правовому регулированию копилефтных лицензий, что порождает ряд проблем.

Суть копилефта заключается в предоставлении пользователям четырех фундаментальных свобод: запускать, изучать, распространять и улучшать программу [2, с. 187]. Отличительной особенностью копилефтных лицензий является взаимное или «вирусное» обязательство, которое заключается в следующем: любое распространение производных работ должно происходить на условиях той же копилефтной лицензии или иной совместимой. Это гарантирует, что свободы, предоставленные первоначальным автором, сохраняются для всех последующих пользователей и модификаций, предотвращая «закрытие» кода в проприетарных продуктах. Этим копилефт отличается от разрешительных лицензий, которые позволяют включать открытый код в закрытые проекты без обязательства делиться изменениями на тех же условиях.

Обращаясь к международному опыту, следует отметить, что во многих юрисдикциях активно появляется судебная практика по делам, связанным с использованием copyleft-лицензий. Так, показательным примером является дело AFPA (французской ассоциации образования) v. Edu4 (организация, занимающаяся разработкой мультимедийных программ для образовательной сферы) (2009). По данному делу Апелляционный суд Парижа вынес решение, которым признал компанию Edu4 виновной в нарушении условий свободной лицензии GNU GPL. Решением признавалось, что условия открытой лицензии являются не просто разрешением, а юридически обязывающими условиями, нарушение которых является нарушением договора [3]. Таким образом, copyleft лицензия трактовалась как юридически обязывающее соглашение, предоставляющее право использование ПО при условии соблюдения ряда обязательств. Несоблюдение этих обязательств позволяет правообладателю использовать стандартные механизмы правовой защиты. В ряде стран подобная судебная практика появилась раньше, чем в Республике Беларусь, посему мы рассмотрели ее в качестве примера. Однако подобные дела все чаще появляются и в белорусской практике.

Что касается правового регулирования в Республике Беларусь, то наиболее подходящим институтом является институт открытой лицензии. Так, в соответствии со статьей 45 Закона Республики Беларусь от 17

мая 2011 № 262-З «Об авторском праве и смежных правах» (далее – Закон об авторском праве) лицензионный договор, по которому автор или иной правообладатель (лицензиар) предоставляют лицензиату простую (неисключительную) лицензию на использование объекта авторского права или смежных прав, может быть заключен в упрощенном порядке (открытая лицензия) [4]. Исходя из анализа содержания статьи 45 Закона об авторском праве, можно выделить следующие особенности открытой лицензии: 1) открытая лицензия является публичной офертой (т.е. заключить лицензионный договор предлагается неопределенному кругу лиц); 2) начало использования (или иное действие, указанное в открытой лицензии) объекта авторского права является акцептом условий открытой лицензии; 3) по умолчанию открытая лицензия является безвозмездной, но правообладатель может установить иное; 4) для компьютерных программ лицензия считается выданной на весь срок действия исключительного права; 5) если в открытой лицензии не указана территория, на которой допускается использование объекта авторского права или смежных прав, такое использование допускается на территории любой страны [4]. Институт открытой лицензии можно использовать как механизм предоставления copyleft-лицензии, однако в полной мере данная статья проблему не решает. Закон об авторском праве не содержит упоминания и описания ключевого элемента copyleft – основного обязательства лицензиата в отношении производных работ (share-alike). Условия copyleft-лицензий (определение производной работы, требование распространения на тех же условиях, совместимость лицензий и др.) сложнее правовой конструкции, предусмотренной статьей 45. Таким образом, необходимо разрабатывать надлежащее регулирование, в частности вводить в Закон об авторском праве нормы, детализирующие общее условие копи-лефта. Считаем целесообразным уточнить в Законе, что открытая лицензия может содержать условия об обязанности лицензиата по предоставлению доступа к исходному коду компьютерной программы при ее распространении неограниченному кругу лиц.

Резюмируя вышеизложенное, следует отметить, что в Республике Беларусь имеется существенный разрыв между возрастающей практической значимостью такого правового механизма как копи-лефтные лицензии и национальным законодательством. Действующий институт открытой лицензии, предоставляет лишь базовый механизм для публичного лицензирования, структура и содержание которого не охватывают ключевой элемент копи-лефта. Это в свою очередь порождает правовую неопределенность относительно статуса и принудительного характера специфических условий копи-лефтных лицензий, создает риски как для правообладателей, так и для пользователей. Перспективы решения обозна-

ченных проблем лежат в плоскости совершенствования законодательства путем внесения целенаправленных изменений в Закон об авторском праве. Необходимо уточнить и расширить понятие «открытая лицензия», прямо указав на возможность включения в ее условия обязательств, касающихся предоставления доступа к исходному коду. Это позволит сделать первые шаги на пути создания ясной, предсказуемой и современной правовой среды для функционирования копилефтных лицензий в Республике Беларусь, способствуя развитию отечественного ИТ-сектора, его интеграции в мировое сообщество и достижению стратегических государственных задач в сфере цифрового развития и информационной безопасности.

Библиографические ссылки

1. О Концепции обеспечения суверенитета Республики Беларусь в сфере цифрового развития до 2030 года : постановление Совета Министров Респ. Беларусь от 31 дек. 2024 г. N 1074 // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 22.03.2025).
2. Коркин, О. А. Свободные лицензии на программное обеспечение: правовой опыт России и зарубежных государств. Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2016. № 12. С. 186–193.
3. Cour d'Appel de Paris, No 04/24298, Edu4 v. AFPA, 16-09-2009. Summary in English URL: <http://fsffrance.org/news/article2009-09-22.en.html> (дата обращения: 04.03.2025).
4. Об авторском праве и смежных правах : Закон Респ. Беларусь от 17 мая 2011 г. № 262-З : в ред. от 9 сентября 2023 г. № 243-З // iLex : информ. правовая система (дата обращения: 27.03.2025).

ВЛИЯНИЕ ПСИХИЧЕСКИХ РАССТРОЙСТВ ПРЕСТУПНИКОВ-ПЕДОФИЛОВ НА ВМЕНЯЕМОСТЬ ЛИЦА

Е. А. Эйсмонт

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, , transversemint@gmail.com
Научный руководитель – Д. А. Плетенева, старший преподаватель*

В статье анализируются психические особенности преступников-педофилов, устанавливается взаимосвязь психических расстройств данной категории преступников с возможностью признания их вменяемыми.

Ключевые слова: преступник-педофил; психическое расстройство; невменяемость.

Пожалуй, наиболее спорным и проблематичным аспектом понимания и изучения личности преступника-педофила для исследователей являются его психические особенности – как лицо, испытывающее влечение к несовершеннолетним, оценивает свои действия и что движет педофилами.

Учитывая психические отклонения, всех лиц, совершающих насильственные преступления в отношении несовершеннолетних, можно разделить на две группы. Первая группа – это непосредственно те, у кого ярко выражены критерии расстройства сексуального предпочтения, в частности, педофилии и или гебефилии. Вторая группа включает в себя лиц, у которых отсутствует расстройство сексуального предпочтения, но совершающих насильственные действия в отношении детей по ряду других причин. К таким причинам можно отнести отставание в умственном развитии, антисоциальные расстройства личности, наследственные проблемы, расстройства привычек и поведения без исключительного влечения к малолетним.

Несмотря на то, что риск вовлечения в действия насильственной направленности значительно повышается при наличии расстройства сексуального предпочтения, следует отметить, что согласно зарубежной статистике только около 50% всех лиц, которые совершают сексуальные преступления в отношении несовершеннолетних, являются педофилами и не каждый педофил как носитель психического расстройства действительно совершал подобные действия в отношении несовершеннолетних. Другие 50% преступников-педофилов совершают подобные действия без наличия сексуального влечения к детям, то есть у них просто отсутствует необходимые социальные навыки, чтобы развивать и поддерживать эмоциональные и сексуальной взаимоотношения со своими ровесниками, и

поэтому они прибегают к детям как в каком-то смысле «суррогатным партнёрам».

Ко второй группе лиц, характеризующихся расстройствами привычек и поведения, относят тех, для кого характерна склонность к агрессии и насилию, в том числе и сексуальному. При этом педофилы могут испытывать влечение как исключительно к несовершеннолетним, так и к несовершеннолетним и взрослым. Следовательно, по внутренней мотивации мы можем разделить преступников-педофилов на истинных педофилов (соответствующих клиническим критериям диагноза педофилия) и псевдопедофилов (лиц с педофильскими фантазиями и поведением не парафилического происхождения).

При обсуждении психических отклонений и психических расстройств у преступников неизбежно возникает вопрос о вменяемости или же невменяемости лица, совершающего общественно опасное деяние. В уголовном законодательстве дано лишь понятие невменяемости и уменьшенной вменяемости. Невменяемость (ст. 28 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК)) – это неспособность лица сознавать фактический характер и общественную опасность своего действия (бездействия) или руководить им вследствие психического расстройства (заболевания). Находясь в состоянии уменьшенной вменяемости, лицо не может в полной мере сознавать значение своих действий или руководить ими вследствие болезненного психического расстройства или умственной отсталости (ст. 29 УК). Следовательно, вменяемость в уголовном праве есть характеристика состояния психического здоровья лица как здорового или страдающего психическим расстройством, которое существенно не нарушает интеллектуальной и волевой сферы личности, позволяет ей в момент совершения общественно опасного деяния сознавать фактический характер и общественную опасность своего деяния и руководить своим поведением.

С точки зрения медицины педофилия проявляется целым рядом достаточно сильных нейрофизиологических нарушений, связанных с формированием личности, адаптацией, принятием решений и мотивацией, параллельно протекающих психических расстройств и иных состояний, усугубляющих течение педофилии. С учётом всех этих особенностей и нарушений, нам представляется сложным говорить о том, что истинные педофилы действительно способны руководить своим поведением.

Сотрудники правоохранительных органов, работавшие непосредственно с преступниками-педофилами, отбывающими наказание в исправительных учреждениях, отмечают, что своей цели данная мера наказания достигает только, пока такое лицо находится в исправительном учреждении. Рецидив среди сексуальных преступников достаточно вы-

сок. Более того, за счет ещё большей изоляции преступника-педофила от общества его девиантное поведение может только усугубиться после выхода на свободу. Цели уголовной ответственности достигаются не в полной мере. В связи с чем мы считаем целесообразным внести в перечень заболеваний, препятствующих отбыванию наказания (Приложение к постановлению Министерства внутренних дел Республики Беларусь и Министерства здравоохранения Республики Беларусь от 16 февраля 2011 г. №54/15) педофилию. В отношении же псевдопедофилов меры уголовной ответственности оставить без изменений.

Библиографические ссылки

1. Об утверждении клинических протоколов «Оказание медицинской помощи пациентам с расстройствами зрелой личности и поведения у взрослых (взрослое и детское население)» : постановление Министерства здравоохранения Республики Беларусь от 8 ноября 2022 г., № 108 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. URL: https://pravo.by/upload/docs/op/W22339960p_1685394000.pdf (дата обращения: 15.04.2025).
2. Уголовный кодекс Республики Беларусь: 09 июл. 1999 г. № 275-З : принят Палатой представителей 2 июня. 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня. 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 17 фев. 2025 г. № 61-З // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 20.03.2025).
3. *Cantor JM, Blanchard R, Robichaud LK, Christensen BK.* Quantitative reanalysis of aggregate data on IQ in sexual offenders. *Psychol Bull.* 2005; 131: 555-568.
4. *Schiffer B., Peschel T., Paul T., Gizewski E., Forsting M., Leygraf N., et al.* (2007). Structural brain abnormalities in the frontostriatal system and cerebellum in pedophilia. *J. Psychiatr. Res.* 41, 753–762. 10.1016/j.jpsychires.2006.06.003.